

ВЕСТНИК

Пятигорского государственного университета

Прежнее название – «Вестник Пятигорского государственного
лингвистического университета» (ISSN 2071-6001)

Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых Высшая аттестационная комиссия при Министерстве образования и науки РФ рекомендует публиковать основные результаты кандидатских и докторских диссертаций (№ 298)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования и размещен на платформе Научной электронной библиотеки РФ (www.elibrary.ru)

Журнал индексируется в международных базах данных EBSCO, INDEX COPERNICUS и Ulrich's Periodicals Directory

1

Научный журнал
Основан в 1996 году

Выходит ежеквартально

Редакционный совет журнала:

А.П. Горбунов – кандидат исторических наук, доктор экономических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВО «ПГУ» – председатель

Н.В. Барышников – доктор педагогических наук, профессор, советник ректора ФГБОУ ВО «ПГУ» – зам. председателя

Ю.Ю. Гранкин – доктор исторических наук, профессор, проректор по академической политике, контролю качества образования и информатизации ФГБОУ ВО «ПГУ» – зам. председателя

З.А. Заврумов – доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе и развитию интеллектуального потенциала ФГБОУ ВО «ПГУ» – зам. председателя

Мохамед Абдель-Самееа Эид – профессор, президент Асьютского университета (Республика Египет)

Б.С. Карамурзов – доктор технических наук, профессор, президент ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет»

А.А. Корниенко – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «ПГУ»

А.Б. Михалев – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания, русской филологии, литературного и журналистского мастерства ФГБОУ ВО «ПГУ»

О.А. Радченко – доктор филологических наук, профессор, директор Центра лингводидактики, языкового тестирования и содействия миграционной политике, профессор кафедры общего и русского языкознания ФГБОУ ВО Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

О.О. Сулейменов – постоянный представитель Республики Казахстан при ЮНЕСКО, президент фонда «Культура»

Рафаэль Гусман Тирадо – доктор филологических наук, профессор Гранадского университета (Испания), вице-президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ)

Пятигорск 2019

ВЕСТНИК

Пятигорского государственного университета

№ 1 2019 январь – март
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия журнала:

З.А. Заврумов – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической лингвистики и практики межкультурного общения, проректор по научной работе и развитию интеллектуального потенциала ФГБОУ ВО «ПГУ» – **главный редактор журнала**.

О.А. Алимуратов – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры западноевропейских языков и культур, начальник управления научной работы ФГБОУ ВО «ПГУ» – **первый заместитель главного редактора журнала**.

Л.В. Витковская – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языкознания, русской филологии, литературного и журналистского мастерства ФГБОУ ВО «ПГУ» – **заместитель главного редактора журнала**.

И.Б. Федотова – доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой словесности и педагогических технологий филологического образования ФГБОУ ВО «ПГУ» – **ответственный секретарь журнала**.

А.В. Алферов – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «ПГУ».

М.А. Аствацатурова – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права ФГБОУ ВО «ПГУ».

Н.В. Барышников – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, лингводидактики, педагогических технологий обучения и воспитания ФГБОУ ВО «ПГУ», Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

И.В. Боязитова – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей и педагогической психологии ФГБОУ ВО «ПГУ».

А.А. Буров – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры словесности и педагогических технологий филологического образования ФГБОУ ВО «ПГУ».

Л.А. Волова – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «ПГУ».

Ю.К. Волошин – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

С.Г. Воркачев – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет».

Ю.А. Дубовский – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции ФГБОУ ВО «ПГУ», Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

А.М. Казиева – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры словесности и педагогических технологий филологического образования ФГБОУ ВО «ПГУ».

И.В. Кичева – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры словесности и педагогических технологий филологического образования ФГБОУ ВО «ПГУ».

Г.В. Косов – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений, политологии и мировой экономики ФГБОУ ВО «ПГУ».

А.В. Кравченко – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

А.В. Кузнецова – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры отечественной литературы ФГБОУ ВО «Южный федеральный университет».

В.В. Лезина – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры межкультурной коммуникации, лингводидактики, педагогических технологий обучения и воспитания ФГБОУ ВО «ПГУ».

Л.В. Лидак – кандидат педагогических наук, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры межкультурной коммуникации, лингводидактики, педагогических технологий обучения и воспитания ФГБОУ ВО «ПГУ».

Т.Н. Ломтева – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой романо-германского языкознания и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет».

Ю.В. Лучинский – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и правового регулирования массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

Г.Н. Манаенко – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет».

В.Ю. Меликян – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и русского языка ФГБОУ ВО «Южный федеральный университет».

Т.В. Милевская – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков №3 ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова».

С.Г. Николаев – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии ФГБОУ ВО «Южный федеральный университет».

М.А. Олейник – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой немецкой филологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

В.Н. Панин – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, политологии и мировой экономики ФГБОУ ВО «ПГУ».

Р.В. Патькова – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

М.В. Пименова – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных и русского языков ФГБОУ ВО «Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева» (г. Санкт-Петербург).

Г.В. Станкевич – кандидат юридических наук, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «ПГУ».

Л.Л. Супрунова – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры межкультурной коммуникации, лингводидактики, педагогических технологий обучения и воспитания ФГБОУ ВО «ПГУ».

В.А. Тишков – доктор исторических наук, профессор, директор Института этнологии и антропологии РАН, академик Российской академии наук, Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

А.Л. Факторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

З.А. Харитончик – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания УО «Минский государственный лингвистический университет».

С.В. Хребина – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности и профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «ПГУ».

А.П. Чудинов – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

В.К. Шаповалов – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и психологии профессионального образования ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет».

В.С. Ягья – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой политики ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Pyatigorsk State University

Bulletin

**Previous title: Pyatigorsk State Linguistic University
Bulletin (ISSN 2071-6001)**

The journal is included on the list of the leading peer-reviewed scientific periodicals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation Ministry of Education and Science (№ 298)

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on the platform of the Scientific Electronic Library of the Russian Federation (www.elibrary.ru)

The journal is indexed in EBSCO, INDEX COPERNICUS and Ulrich's Periodicals Directory

1

Scientific journal
First published in 1996

Published quarterly

Editorial Council:

A.P. Gorbunov – PhD in History, doctor of Economics, professor, rector of PSU – chairman

N.V. Baryshnikov – doctor of Pedagogy, professor, counsellor to the rector of PSU – deputy chairman

Yu.Yu. Grankin – doctor of History, professor, vice-rector, academic policy, education quality and information management control of PSU – deputy chairman

Z.A. Zavrumov – Doctor of Philology, professor, vice-rector for scientific research and development of the intellectual potential of PSU – deputy chairman

Mohamed Abdel-Sameea Eid – professor, president of Assiut University (Egypt)

B.S. Karamurзов – doctor of Technical Sciences, professor, president of Kabardian-Balkar State University

A.A. Kornienko – doctor of Philology, professor, head of the French Philology and Intercultural Communication Chair of PSU

A.B. Mikhalyov – doctor of Philology, professor, professor of the Linguistics, Russian Philology and Literary and Journalistic Skills Chair of PSU

O.A. Radchenko – doctor of Philology, professor, director of the Center for linguadidactics, language testing and promotion migration policy, professor of the General and Russian Linguistics Chair of A.S. Pushkin State Russian Language Institute

O.O. Suleymenov – permanent representative of Kazakhstan to UNESCO, president of the Culture Foundation

Rafael Guzman Tirado – doctor of Philology, professor of Granada University (Spain), vice-president of the International Association of Teachers of the Russian Language and Literature (MAPRYAL)

Pyatigorsk 2019

Pyatigorsk State University Bulletin

№ 1 2019 January – March

Published quarterly

Editorial Board:

Z.A. Zavrurnov – Doctor of Philology, associate professor, professor of the Theoretical Linguistics and Practice of Intercultural Communication Chair, vice-rector for scientific research and development of the intellectual potential of PSU – **editor-in-chief**.

O.A. Alimuradov – doctor of Philology, associate professor, professor of the West-European Languages and Cultures Chair, head of the Scientific Research and Development Department of PSU – **first deputy editor-in-chief**.

L.V. Vitkovskaya – doctor of Philology, professor, head of the Linguistics, Russian Philology and Literary and Journalistic Skills Chair of PSU – **deputy editor-in-chief**.

I.B. Fedotova – doctor of Pedagogy, associate professor, head of the Russian Language, Literature Studies and Philological Education Technologies Chair of PSU – **executive secretary**.

A.V. Alforyov – doctor of Philology, professor, professor of the French Philology and Intercultural Communication Chair of PSU.

M.A. Astvatsaturova – doctor of Political Sciences, professor, professor of the Creative and Innovative Management and Law Chair of PSU.

N.V. Baryshnikov – doctor of Pedagogy, professor, head of the Intercultural Communication, Linguadidactics, Teaching and Upbringing Methods Chair of PSU, Honoured Worker of Higher School of the Russian Federation.

I.V. Boyazitova – doctor of Psychology, professor, head of the General and Pedagogical Psychology Chair of PSU.

A.A. Burov – doctor of Philology, professor, professor of the Russian Language, Literature Studies and Philological Education Technologies Chair of PSU.

L.A. Volova – doctor of Philosophy, professor, professor of the History, Philosophy, Social, Oriental Studies and Theology Chair of PSU.

Yu.K. Voloshin – doctor of Philology, professor, professor of the English Philology Chair of Kuban' State University.

S.G. Vorkachev – doctor of Philology, professor, professor of the Foreign Languages Chair of Kuban' State Technological University.

Yu.A. Dubovsky – doctor of Philology, professor, head of the Experimental Linguistics and Intercultural Competence Chair of PSU, Honoured Scientist of the Russian Federation.

A.M. Kaziyeva – doctor of Philology, professor, professor of the Russian Language, Literature Studies and Philological Education Technologies Chair of PSU.

I.V. Kicheva – doctor of Pedagogy, professor, professor of the Russian Language, Literature Studies and Philological Education Technologies Chair of PSU.

G.V. Kossov – doctor of Political Sciences, professor, professor of the International Relations, Political Science and World Economy Chair of PSU.

A.V. Kravchenko – doctor of Philology, professor, professor of the English Philology Chair of Irkutsk State University.

A.V. Kuznetsova – doctor of Philology, professor, professor of the Russian Literature Chair of the Southern Federal University.

V.V. Lezina – doctor of Pedagogy, professor, professor of the Intercultural Communication, Linguadidactics, Teaching and Upbringing Methods Chair of PSU.

L.V. Lidak – PhD in Pedagogy, doctor of Psychology, professor, professor of the Intercultural Communication, Linguadidactics, Teaching and Upbringing Methods Chair of PSU.

T.N. Lomteva – doctor of Pedagogy, professor, head of the Romance-Germanic Linguistics and Intercultural Communication Chair of the North-Caucasus Federal University.

Yu.V. Luchinsky – doctor of Philology, professor, head of the History and Legal Regulation of Mass Communications Chair of Kuban' State University.

G.N. Manayenko – doctor of Philology, professor, professor of the Russian Language Chair of the North-Caucasus Federal University.

T.Yu. Melikyan – doctor of Philology, professor, head of the Theory of Language and Russian Language Chair of the Southern Federal University.

V.V. Milevskaya – doctor of Philology, professor, professor of the Foreign Languages Chair №3 of G.V. Plekhanov Russian University of Economics.

S.G. Nikolayev – doctor of Philology, professor, head of the English Philology Chair of the Southern Federal University.

M.A. Oleynik – doctor of Philology, professor, head of the Germanic Philology Chair of Kuban' State University.

V.N. Panin – doctor of Political Sciences, professor, head of the International Relations, Political Science and World Economy Chair of PSU.

R.V. Patyukova – doctor of Philology, associate professor, professor of the Advertising and Public Relations Chair of Kuban' State University.

M.V. Pimenova – doctor of Philology, professor, head of the Foreign and Russian Languages Chair of the General of the Army A.V. Khrulyov Military Academy of Materiel and Technical Security (Saint-Petersburg).

G.V. Stankevich – PhD in Jurisprudence, doctor of Political Sciences, professor, head of the Civil Law and Process Chair of PSU.

L.L. Suprunova – doctor of Pedagogy, professor, professor of the Intercultural Communication, Linguadidactics, Teaching and Upbringing Methods Chair of PSU.

V.A. Tishkov – doctor of History, professor, director of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, academician of the Russian Academy of Sciences, Honoured Scientist of the Russian Federation.

A.L. Factorovich – doctor of Philology, professor, professor of the History and Legal Regulation of Mass Communications Chair of Kuban' State University.

Z.A. Kharitonchik – doctor of Philology, professor, professor of the General Linguistics Chair of Minsk State Linguistic University.

S.V. Khrebina – doctor of Psychology, professor, head of the Personal Psychology and Professional Activity Chair of PSU.

A.P. Chudinov – doctor of Philology, professor, head of the Intercultural Communication Chair, Rhetoric and Russian as a Foreign Language Chair of the Urals State Teacher-Training University, Honoured Scientist of the Russian Federation.

V.K. Shapovalov – doctor of Pedagogy, professor, head of the Pedagogy and Psychology of Professional Education Chair of the North-Caucasus Federal University.

V.S. Yagya – doctor of History, professor, head of the World Politics Chair of Saint-Petersburg State University, Honoured Scientist of the Russian Federation.

Содержание

Креативная трансформация научных парадигм

- Горбунов А.П. Как управлять миром, позитивно преобразовывая его: креационно-эволюционная транспарадигматика и транспараметрика, трансконсоциотика и транссинергетика единосмыслового мироустройства..... 9

Русский язык: история, современность и перспективы развития

- Тамбиева Ф.А., Черкасова Г.В., Швелидзе Н.Б. Антонимические оппозиции в сфере глагольной фразеологии со значением поведения 48
- Швелидзе Н.Б. Семантические модификации в сфере нумеративных фразеологизмов с компонентом-числительным..... 53

Структурные, функциональные и когнитивно-семантические аспекты изучения германских языков

- Волошин Ю.К. Репрезентация концепта TIME в английском языке 56
- Дымова А.В. Цветовое метафорическое моделирование протестности на иконическом уровне в британском и американском рок-дискурсе 60
- Мартынова Е.А., Романчук В.О. Политические аллюзии и языковые средства отражения политических реалий в тексте англоязычных антиутопий 65
- Редкозубова К.Ю., Черкасова И.П. Репрезентация концепта «LOVE» в рамках современного художественного дискурса (на материале романа С. Ахерн «P.S. I love you») 69
- Шабанов О.А., Шарифзода Х.М. Теория ролевой семантики в трактовке категории залога в современном английском языке..... 73

Структурные, функциональные и когнитивно-семантические аспекты изучения романских языков

- Петренко Т.Ф., Келейникова А.Г. Цифровые технологии блогосферы в современном французском художественном тексте 77

Структурные, функциональные и когнитивно-семантические аспекты изучения дагестанских языков

- Курбанов И.А. Падежная система анклухского и амухского диалектов даргинского языка 83

Структурные, функциональные и когнитивно-семантические аспекты изучения сино-тибетских языков

- Банкова Л.Л. Иероглифы комплектов небесные стволы и земные ветви в функции порядковых числительных в китайском языке..... 91

Журналистика и проблемы исследования медиатекста

- Борлакова Л.А. Телевизионное обозрение в системе аналитических программ 94
- Гикис С.Н. Информационные технологии в журналистике: вызовы XXI века (на примере работы глобальных агентств новостей) 98
- Горбуненко А.Ф. Уолдо Фрэнк и литературно-политические издания США 102
- Жерновая О.Р., Лобанова Н.С. Миграционная политика Великобритании. Образ мигранта в британских СМИ 104
- Мальцева Р.И., Шувалов С.С. Траектории информационных технологий: энтропия и возрождение аудитории..... 108
- Никулин И.О. Сатирические печатные издания в системе СМИ..... 111
- Патюкова Р.В. Специфика PR-сопровождения при продвижении учреждений культуры-досуговой сферы: коммуникативный аспект 115
- Форостецкий С.А. «Майданные неологизмы» как инструмент информационной войны в российских и украинских СМИ 119

Вопросы сравнительно-сопоставительного, типологического языкознания и перевода

- Басс И.И. Сопоставительное исследование сочинительных союзов в русском и японском языках..... 123
- Хисамова В.Н., Абдуллина Л.И. Синонимия в медицинской терминологии как одна из важных проблем терминоведения (на материале английского, русского и татарского языков)..... 128

Хунбо Юй, Кувычко А.А. Ценность семьи в образном ряде аудиовизуальной китайской и русской рекламы	135
---	-----

Литературоведение и текстология

Аксенова А.В. Лингвостилистические особенности текстов металибретто XVIII века.....	140
Волкова К.Б. Тайская драматургия конца XIX – первой четверти XX в.: трансформация канона	146
Шкурская Е.А. Способы выражения фантастического в новеллах Э.Т.А. Гофмана «Песочный человек» и А.С. Грина «Серый автомобиль»	149

Общетеоретические аспекты исследования языка и дискурса

Велиев З.Б. Лингвоконфликтология: предмет, задачи и векторы развития	153
Гроховская И.А., Файзиева Г.В. К проблеме интерпретации субстандартных лексических единиц медицинской направленности (на примере семантической группы «органы человека»).....	157
Козловский Д.В. Авторская эвиденциальность в пространстве современного художественного дискурса	170
Мавлеев Р.Р., Калинин О.И. Метафора как средство анализа имплицитной информации в политическом дискурсе.....	175
Сидоренко Е.А., Матвеева Г.Г. Речевое поведение англоговорящих и русскоговорящих студентов (пилотажный эксперимент).....	179
Филимонова Е.П. Игра в спортивном дискурсе: концепт и прием.....	184
Хазраткулов А.П. Экономический дискурс в координатах институционального профессионального дискурса: основные признаки, функции и типы	187
Шабанов О.А. Соотношение семантики вида и семантических типов предиката	190
Хакиева З.У., Горбунова Н.Н. Некоторые траектории транстерминологизации и ретерминологизации в терминосистемах английского языка	194

Лингвокультурология, фольклористика, этнолингвистика

Шалков Д.Ю., Колмаков Я.В., Лазарева Е.Н. Топонимия духоборов как элемент национального культурно-исторического кода.....	207
---	-----

Политика. Политические науки

Агеева Е.А. Использование инструментария личностно-профессиональной диагностики при формировании управленческого резерва	211
Аствацатурова М.А. Деятельностно-функциональные кейсы политико-управленческого элитогенеза в Северо-Кавказском федеральном округе	213
Боташева А.К., Ануфриенко С.В. Медиаполитический процесс как фактор влияния на событийную сторону политической жизни (на примере событий на Украине 2014-2015 гг.)	217
Воронцов С.А., Понедельков А.В. Трансформация региональных политико-административных элит в условиях современных угроз и вызовов: по материалам социологических (полевых) исследований	223
Горбунов А.П. Социально-экономические и социокультурные основания современного правящего и управляющего гиперслоя и предпосылки его смены смыслодержательным преобразовательным-управляющим слоем	226
Ефимова Е.В. Перспективные способности и качества российской управленческой элиты XXI века.....	233
Золочевская Е.Ю., Черкасова Т.П. Роль креативной элиты в формировании нового поколения.....	236
Кандыба Р.А. Проблема ротации высшей политической элиты России и преемственность политического курса	238
Косов Г.В. Гражданское общество как ресурс элитогенеза, циркуляции и ротации элит на Северном Кавказе.....	240
Крючков И.В. Политика Европейского Союза в урегулировании конфликта в Нагорном Карабахе: стратегия и политическая реальность	242
Кудряшов К.В., Санькова А.А. Политические мифы: элитологический аспект.....	247
Кшов А.С., Мышьякова Д.В. Проекция российской партийной элиты в условиях антиэлитных настроений гражданского общества.....	249
Соловьева Е.А. «Дипломатия СИ»: роль политической элиты КНР в политике и дипломатии «крупного государства с китайской спецификой»	253
Султанова А.К. Климатическая повестка в американской массовой культуре при администрации Д. Трампа.....	257
Чекменев Д.С. Политическая элита как субъект и объект общественно-политического дискурса.....	264

Рецензии

Николаев С.Г. Анализ новых языковых разновидностей как комплексная цель современной англистики	267
Аннотации на русском языке	269
Аннотации на английском языке	284
Сведения об авторах.....	298

Contents

Creative transformation of scientific paradigms

- Gorbunov A.P.** How to govern the world while positively transforming it: creative-evolutionary transparadigmatics and transparametrics, transconsociotics and transsynergetics of the unified world structure..... 9

The Russian language: history, modern state and prospects of development

- Tambiyeva F.A., Cherkassova G.V., Shvelidze N.B.** Antonymic oppositions in the sphere of verbal phraseology with the meaning of behaviour..... 48
- Shvelidze N.B.** Semantic modifications in the field of numerical phraseological units with a numeral component..... 53

Structural, functional and cognitive-semantic aspects of Germanic languages

- Voloshin Yu.K.** The representation of the TIME concept in the English language 56
- Dymova A.V.** Colour metaphorical modelling of protest at the iconic level in British and American rock-discourse..... 60
- Martynova E.A., Romanchuk V.O.** Political allusions and the language means of reflecting political realia in the texts of English-language dystopias 65
- Redkozubova K.Yu., Cherkassova I.P.** The representation of the «LOVE» concept in modern literary discourse (based on C. Ahern's novel «P.S. I love you»)..... 69
- Shabanov O.A., Sharifzoda Kh.M.** The theory of role semantics in the interpretation of the category of voice in the modern English language..... 73

Structural, functional and cognitive-semantic aspects of Romance languages

- Petrenko T.F., Keleynikova A.G.** Digital technologies of blogosphere in the modern French literary text 77

Structural, functional and cognitive-semantic aspects of Dagestani languages

- Kurbanov I.A.** The case system of Anklukh and Amukh dialects of Dargwa..... 83

Structural, functional and cognitive-semantic aspects of Sino-Tibetan languages

- Bankova L.L.** Hieroglyphs of the Heavenly Stems and Earthly Branches in the function of ordinal numbers in the Chinese language 91

Mass media studies and media-text research

- Borlakova L.A.** Television review in the system of analytical programs..... 94
- Gikis S.N.** Information technologies in journalism: challenges of the XXIst century (drawing on the example of the work of global news agencies)..... 98
- Gorbunenkov A.F.** Waldo Frank and US literary and political editions 102
- Zhernovaya O.R., Lobanova N.S.** UK migration policy. The image of a migrant in the British mass media 104
- Mal'tseva R.I., Shuvalov S.S.** Trajectories of information technologies: entropy and revival of audience 108
- Nikulin I.O.** Satirical print editions in the mass media system..... 111
- Patyukova R.V.** The specifics of PR-support in the promotion of cultural and leisure facilities: a communicative aspect..... 115
- Forostetsky S.A.** «Maidan neologisms» as an instrument of the information warfare in the Russian and Ukrainian mass media 119

Issues of contrastive-comparative, typological linguistics and translation

- Bass I.I.** A comparative research of coordinating conjunctions in the Russian and Japanese languages 123
- Khissamova V.N., Abdullina L.I.** Synonymy in medical terminology as one of the important issues of terminology studies (based on the English, Russian and Tatar languages) 128
- Hongbo Yu, Kuvychko A.A.** The value of the family in the audiovisual imagery of the Chinese and Russian advertising..... 135

Literary and textual criticism

- Aksyonova A.V.** Linguastylistic peculiarities of metalibretto texts of the XVIIIth century 140
- Volkova K.B.** Thai drama in the late XIXth-first quarter of the XXth century..... 146
- Shkurskaya Ye.A.** The ways of expressing fiction in short stories «The Sandman» by E.T.A. Hoffmann and «The Grey Car» by A.S. Grin..... 149

Theoretical issues of studying language and discourse phenomena

Veliyev Z.B. Linguaconflict management: the subject, objectives and vectors of development	153
Grokhovskaya I.A., Fayzieva G.V. The issue of interpretation of substandard medical lexical units (drawing on the example of the semantic group «human organs»)	157
Kozlovsky D.V. The author's evidentiality in the space of modern literary discourse	170
Mavleyev R.R., Kalinin O.I. Metaphor as a means of implicit information analysis in political discourse	175
Sidorenko Ye.A., Matveyeva G.G. Speech behaviour of Russian- and English-speaking students (pilot experiment).....	179
Filimonova Ye.P. Game in sports discourse: concept and method	184
Khazratkulov A.P. Economic discourse in the coordinates of institutional professional discourse: main features, functions and types	187
Shabanov O.A. A correlation between aspectual semantics and semantic types of the predicate.....	190
Khakiyeva Z.U., Gorbunova N.N. Some trajectories of transterminologization and reterminologization in English terminology systems.....	194

Linguaculture studies, folklore studies, ethnolinguistics

Shalkov D.Yu., Kolmakov Ya.V., Lazareva Ye.N. Dukhobor toponymy as an element of the national cultural-historical code	207
---	-----

Politics. Political Sciences

Ageyeva E.A. Using the tools of personal and professional diagnostics in the formation of a management reserve	211
Astvatsaturova M.A. Activity-functional cases of political and managerial elitogenesis in the North Caucasian Federal District.....	213
Botasheva A.K., Anufrienko S.V. Media political process as a factor of influence on the event side of political life (drawing on the example of the events in Ukraine in 2014-2015)	217
Vorontsov S.A., Ponedelkov A.V. The transformation of regional political and administrative elites in the conditions of modern threats and challenges: based on the materials of sociological (field) research	223
Gorbunov A.P. Socio-economic and socio-cultural foundations of the modern ruling and governing hyper-layer and the prerequisites for its change by the meaningful transformative-governing layer.....	226
Yefimova Ye.V. Perspective abilities and qualities of the Russian managerial elite of the XXIst century	233
Zolochevskaya Ye.Yu., Cherkassova T.P. The role of the creative elite in the formation of a new generation	236
Kandyba R.A. The problem of rotation of Russia's highest political elite and continuity of the political course.....	238
Kossov G.V. Civil society as a resource for elitogenesis, circulation and rotation of elites in the North Caucasus.....	240
Kryuchkov I.V. The European Union policy in regulating the conflict in Nagorno-Karabakh: a strategy and political reality	242
Kudryashov K.V., San'kova A.A. Political myths: an elitological aspect	247
Kshov A.S., Mysh'yakova D.V. Some projections of the Russian party elite in the conditions of anti-elite attitudes of the civil society	249
Solov'yova Ye.A. «Diplomacy XI»: the role of the political elite of the PRC in policy and diplomacy of «a large state with Chinese characteristics».....	253
Sultanova A.K. Climate agenda in American popular culture under the administration of D. Trump.....	257
Chekmenyov D.S. Political elite as the subject and object of social and political discourse	264

Reviews

Nikolayev S.G. An analysis of new language varieties as a complex goal of modern English Philology	267
Article summaries	269
Information about the authors	298

Как управлять миром, позитивно преобразовывая его: креационно-эволюционная транспарадигматика и транспараметрика, трансконсоциотика и транссинергетика единосмыслового Миросоурейства

(Продолжение. Начало в «Вестнике Пятигорского государственного лингвистического университета» №№ 3,4 2012 г., №№ 1,2,3,4 2013 г., №№ 2,3 2015 г., в «Вестнике Пятигорского государственного университета» №№ 2, 3, 4 2018 г.)

2.6. СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ПАРАДИГМАТИКА и СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИАЛЕКТИКА

*Миросоурейства как его
СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКА
и СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКА:
обобщение (сверх-сверхсообобщение
и сверх-сверхсообобщение) всей (именно
как сверх-сверхвсей) сосмысловостной
содинамики, содинамичностности
самосо(про)движения (самосоразвития
и самосопреобразования)*

СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ПАРАДИГМАТИКА и СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИАЛЕКТИКА Миросоурейства есть вместе с тем (сверх-сверхсовместностно и сверх-сверхсовместностно с этим) еще и его **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКА и СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКА**, так как наличествующий, сверх-сверхсоличествующий и даже сверх-сверхсоналичествующий в Миросоурействе **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОН, СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)АЛГОРИТМ** обеспечивает (сверх-сверхсообеспечивает и сверх-сверхсообеспечивает сверхвсеобще-сверхвсеобщую динамическую сосвязанностность, а именно содинамическую сверх-сверх(транс)сосвязанностность и сверх-сверх(транс)сососвязанностность, а также и сопротязенностность, именно сверх-сверх(транс)сопротязенностность и сверх-сверх(транс)сосопротязенностность не только в сопостроении, сообъединении всего и вся (именно как сверх-сверхвсего и сверх-сверхвсего), но и в собственном (сверх-сверхсобственностном) сверх-сверх(транс)сопрерывностном/сверх-сверх(транс)совнепрерывностном самосо(про)движении (самосоразвитии и самосопреобразовании) всего и вся (именно как сверх-сверхвсего и сверх-сверхвсего) во **всем** (именно как **сверх-сверхвсем**) контексте, именно **сверх-сверхсоконтексте и сверх-сверхсоконтексте** сопространства-современи-самосо(про)движения.

Еще и еще раз подчеркнем, что та проблемати-

ка, которую мы здесь рассматриваем, конечно, очень необычна (прямо скажем, **сверхобычна, сверхсообычностна**), так как выходит за рамки обычных сложившихся представлений. Но **именно в таких выходах, сверхвыходах за обычное, обычностное** и состоит роль истинной науки.

Сейчас вдруг обнаружили те (причем в основном не из представителей научного сообщества, а из числа интернетских блогеров и их комментаторов), кто начал объявлять наши авторские работы – причем не читая самих работ, а лишь по их названиям и вырванным отдельным фразам – псевдонаукой, а автора сумасшедшим или просто дураком по той только причине, что мы слишком часто, по их мнению, и непонятно для чего употребляем приставку «сверх». Некоторые же даже додумались до того, что мы это делаем с целью беспрепятственно пройти проверку на плагиат(!). Разобраться же в существе дела никто из всей этой публики **не захотел и не смог**.

А вот если бы захотели и смогли, то сами бы убедились, что в понятии «сверх» («поверх») нет ничего страшного и бессмысленного, что оно имеет право на существование и несет вполне определенный и даже очень конкретный смысл.

Когда нужно выразить нечто новое, нужны новые лексические средства для его выражения, и, никуда не денешься, приходится их создавать. И к этому нужно начинать привыкать, потому что для формирующейся новой, даже сверхновойшей преобразовательностной эпохи уже недостаточны обычных категорий, а необходимы **сверхкатегории, транскатегории**.

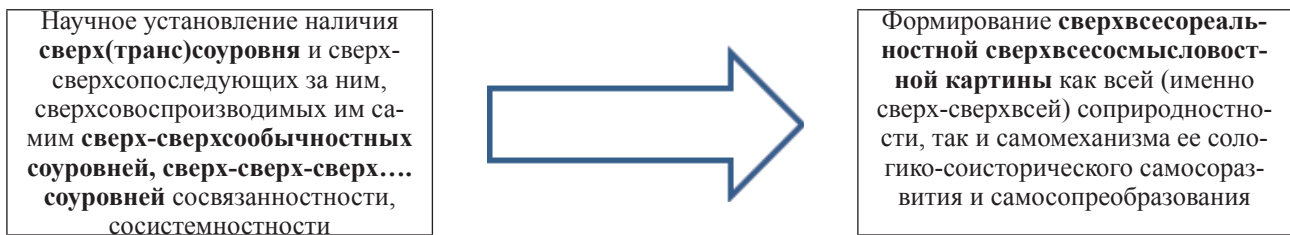
Поэтому не нужно с каким-либо недоверием или отторжением относиться к **применяемым нами обозначениям тех реальных уровней сосвязанностности (связей, отношений, соотношений)**, которые просто до нас никем в подобном плане не выделялись, не различались и не характеризовались – то есть «сверх», «транс», «сверх-сверх» – так как это обозначения именно **реально существующих**, однако не выявленных в предыдущем развитии науки уровней (способов, закономерностей и т.д.) системностности.

При этом нужно заметить, что понятие «сверх» – это, как и понятие «транс», обозначение того, что находится не только «над», то есть «супер», «super» (суперпозиция), но еще и «за», то есть «вне», «over» (внепозиция). Именно из этого нужно исходить, в том числе и при переводе этих обозначений на английский и другие языки.

Никто до сих пор (до введения нашего подхода) не ставил такой сверхзадачи и поэтому просто никто до сих пор не достигал рассмотрения наивысших, именно сверхвысоких уровней, то есть никто четко не раскрывал в их конкретности наличие, существование в Мироустройстве следующих уровней (соуровней): *сверх(транс)соуровня* связанности, системности как такового и тем более *сверх-сверх(транс)соуровня* как такового – и не показывал, что именно они собой представляют. До этих сверхсообычных соуровней не дотянулись ни предыдущая диалектика, ни всеобщая теория систем, ни синергетика (или нелинейная динамика), ни глобальный эволюционизм и т.д. в их нынешнем виде – и именно потому, что все они ограничивали и ограничивают себя лишь предшествующими обычными (сообычными и межсообычными) системными уровнями, а именно **односоуровнем, межсоуровнем** и, лишь в лучшем случае, **всемежсоуровнем** сосистемности, не проникая, именно **не сверх(транс)сопроникая** дальше и глубже их, именно **сверх(транс)содальше** и **сверх(транс)**

соглубже. А если ты чего-то не видишь, не замечаешь, не различаешь, то тебе и кажется, что этого просто нет.

А вот как только получается определить, обосновать и установить наличие **сверх(транс)соуровня**, иначе говоря, **сверх(транс)всемежсоуровня** и других, сверхсопоследующих воспроизводимых уже **им самим** (как сверх-сосамым соуровнем) **сверхсообычных сверх-сверх(транс)сопоследующих** соуровней, **сверх-сверх-сверх...соуровней** связанности, системности в Мироустройстве и раскрыть, показать в ее сверхполноте саму связанность, сосистемность, созакономерность и соизмеримость всех (именно как **сверх-всех и сверх-сверхвсех**) без исключения, без изъятия не только обычных, но и **сверхсообычных** соуровней системности – что нам как раз и удалось сделать – мы получаем реальную, именно **сверхсореальностную** смысловую (именно **сверхсосоосмысловостную**) картину как всей природности (на самом деле **соприродности**), так и само механизма всего ее логико-исторического саморазвития и самопреобразования (на самом деле **сологико-соисторического саморазвития и самопреобразования**) в его собственной самодинамике. Эта сверхсооснова и сверх-сверхсооснова сверхнейшего научного видения (сверхсовидения) показана на рисунке 2.10.

Рис. 2.10. Сверхсооснование и сверх-сверхсооснование сверхнейшего научного видения (сверхсовидения) всей (именно как сверх-сверхвсей) сосвязанностной, сосистемностной картины соприродности и само механизма ее саморазвития и самопреобразования в его собственной самодинамике

Из всего материала, уже рассмотренного в предыдущих подразделах раздела 2, вполне вырисовался (сверх-сверхсовырисовался и сверх-сверхсосовырисовался) **весь** (то есть именно **сверх-сверхвесь**) **сверхвсеобще-сверхвсеобщностный СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)КОМПЛЕКС** этого сверх-сверх(транс)сопрерывностного/сверх-сверх(транс)совнепрерывностного самосо(про)движения (самосоразвития, самопреобразования), то есть этой **самодинамики (самосодинамики, самовсе-междинамики)**, которая на самом деле (именно сверх-сверхсоделе и даже сверх-сверхсоделе) оказалась (сверх-сверхсооказалась и даже сверх-сверхсосооказалась) **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКОЙ**, именно **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОДИНАМИКОЙ** и даже **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОСОДИНАМИКОЙ**.

В итоге (именно сверх-сверхсоитоге и сверх-сверхсосоитоге) мы видим (сверх-сверхсовидим и сверх-сверхсосоидим), соохватываем (сверх-

сверхсоохватываем и сверх-сверхсосоохватываем) сам (сверх-сверхсосамый) этот **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОДИНАМИЧЕСКИЙ** и **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОСОДИНАМИЧЕСКИЙ СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОЗАКОН** и **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОСОЗАКОН**, **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОСПОСОБ** и **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОСОСПОСОБ**, **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОАЛГОРИТМ** и **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОСОАЛГОРИТМ**, **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОЦИКЛ** и **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОСОЦИКЛ**.

Однако для создания действительно полномасштабного представления нужно еще более полно (именно сверх-сверхсополностью и сверх-сверхсосополностью) увидеть (сверх-сверхсоувидеть и сверх-сверхсосоувидеть) и отразить (сверх-сверхсоотразить и сверх-сверхсосоотразить) различные (соразличностные) **состороны, соипостаси**, именно **сверх-сверх(транс)состороны, сверх-сверх(транс)соипостаси СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)**

ДИНАМИКИ Миросоустройства, а для этого нужно здесь обобщить (сверх-сверхсообобщить и сверх-сверхсосообобщить) как уже ранее полученные результаты, так и многие новые, дополнительные моменты, соинтегрировав (сверх-сверхсоинтегрировав и сверх-сверхсосоинтегрировав) их все именно в **сверхвсеобще-сверхвсеобщем сверх-сверх(транс)содинамическом СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОКОНТЕКСТЕ** и **сверх-сверх(транс)содинамическом СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОСОКОНТЕКСТЕ**.

Однако, если мы выходим уже к таким **сверх-сверхсообобщениям**, то речь идет об отражении всей (именно как **сверх-сверхвсей**) **связанности**, именно **сверх-сверх(транс)связанности**, значит, фактически всей **консоциотики** Миросоустройства именно как **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКИ**.

Термин «**консоциотика**» был введен нами еще в одной из более ранних работ именно для обозначения всеобщей связанности предметов, процессов, отношений, соотношений не только в обществе, но и во всем Миросоустройстве. То есть в качестве области научных знаний под **консоциотикой** следует понимать общенаучное, трансдисциплинарное изучение **связанности как таковой** – то есть ее **типов, способов, механизмов**, взятых во всей их комплексности (сокомплексности) и во всем их единстве (соединстве).

В процессе же изучения реальной соуровневости системных связей в Миросоустройстве и обнаружения не только соуровня **всемержосвязанности**, но и соуровня **сверх(транс)всемержосвязанности**, который затем тоже самовоспроизводится, самоосуществляется вновь и вновь в себе самом, почему обнаруживаются еще и соуровни **сверх-сверх(транс)всемержосвязанности** и даже **сверх-сверх(транс)всемержососвязанности** или, иначе выражая это, **сверх-сверх-сверх(транс)всемержосвязанности** и т.д. и т.д., мы тем самым пришли к заключению, что на самом деле **консоциотика** выступает в своих наиболее обобщенных выражениях, воплощениях именно как **СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКА**, а значит, и как **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКА**, ну и так далее. Это то же самое, что мы получаем с парадигматикой, диалектикой, динамикой, когда охватываем их во всей **сверх(транс)всеобщности**.

Кстати, один из агрессивных интернетских комментаторов названий наших работ пытался найти определение **консоциотики** в Википедии (которую публика подобного рода, видимо, считает вершиной энциклопедического знания) и очень разочаровался, что не нашел. Надеемся, что теперь, после приведенного выше нашего пояснения и он, и Википедия будут удовлетворены.

Понятно, что если мы в настоящем подразделе стремимся показать соразличностные стороны, соипостаси **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКИ** в их **связанности**, то тем самым мы раскрываем и характеризуем одновременно еще и **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКУ**.

Начнем здесь со **сверх-сверхсо**наиболее базовой, именно **сверх-сверхсобазовой** и **сверх-**

сверхсособазовой характеристики Миросоустройства, уже рассмотренной нами в предыдущих подразделах – а именно с его **сверх(транс)содинамического СУПЕРРАВНОВЕСИЯ/СУПЕРНЕРАВНОВЕСИЯ**, а если брать это в более полном выражении, как это ясно уже из схем, представленных ранее на рисунках 2.1 и 2.2, то **сверх-сверх(транс)содинамического СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОРАВНОВЕСИЯ/СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОВНЕРАВНОВЕСИЯ**.

Именно теперь, исходя из содополненных в предыдущих подразделах новых результатов (**сверх-сверхсоре**зультатов и **сверх-сверхсосо**результатов), становится очевидным, именно **сверх-сверхсо**очевидностным и даже **сверх-сверхсосо**очевидностным, что в наиболее полном выражении, то есть именно в **сверх-сверхсо**наиполнейшем **сверх-сверхсо**выражении и **сверх-сверхсо**наиполнейшем **сверх-сверхсо**выражении следует говорить именно о **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ВСЕМЕЖСОРАВНОВЕСНОСТНОСТИ/СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ВСЕМЕЖСОВНЕРАВНОВЕСНОСТНОСТИ** и даже о **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ВСЕМЕЖСОСОРАВНОВЕСНОСТНОСТИ/СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ВСЕМЕЖСОСОВНЕРАВНОВЕСНОСТНОСТИ** Миросоустройства.

И именно так дело обстоит потому, что **СВЕРХЪ(ТРАНСЪ)ЯДРОМ** – именно как **СВЕРХ(ТРАНС)ВСЕМЕЖСОЯДРОМ** и **СВЕРХ(ТРАНС)ВСЕМЕЖСОСОЯДРОМ** – всей (**сверх-сверхвсей**) **сверх-сверх(транс)содинамической/сверх-сверх(транс)совдинамической, сверх-сверх(транс)соравновесностной/сверх-сверх(транс)совне**равновесностной **сверх-сверх(транс)со**конструкции Миросоустройства выступает, **сверхсо**выступает **СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОН** **самосо**преобразования, **сверх(транс)самосо**преобразования и **сверх(транс)самосо**преобразования **самих со**законов, **со**закономерностей **со**связи и **самосо**организации, **самосо(про)движения** (**самосо**развития и **самосо**преобразования), а ее **СВЕРХ-СВЕРХЪ(ТРАНСЪ)ЯДРОМ** – именно как **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ВСЕМЕЖСОЯДРОМ** и **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ВСЕМЕЖСОСОЯДРОМ** – уже **сверх-сверхсо**выступает **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОН** **сверх-сверх(транс)самосо**преобразования и **сверх-сверх(транс)самосо**преобразования, **сверх-сверх(транс)самосо**развертывания и **сверх-сверх(транс)самосо**развертывания **самого (сверх-сверхсосо**самого) **СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОНА**.

Если в подразделе 2.3 было совсем уже четко показано, **сверх-сверхсо**показано, что все и вся и даже **сверх**все и **сверх**вся в Миросоустройстве **сверх(транс)всемержосвязанности** **через СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОН** – как **сверх(транс)со**всеобщностный и **сверх(транс)со**особностный **СВЕРХ(ТРАНС)СОКОМПЛЕКС** **со**законов, **со**закономерностей **со**связи, **самосо**организации, **самосо(про)движения** (**самосо**развития и **самосо**преобразования) – а сам этот **СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОН** **сверх-сверх(транс)со**связанностен и **сверх-сверх(транс)со**обусловленностен **самим же собой уже как СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОНОМ**, то в

подразделах 2.4 и 2.5 это было уже тоже содополнено новыми результатами (сверх-сверхрезультатами и сверх-сверхсосорезультатами) и показано, сверх-сверхсопоказано, что все и вся именно как **сверх-сверхвсе и сверх-сверхвся** еще и сверх-сверх(транс)сососвязанностью, сверх-сверх(транс)сосокорреспондируемостью и сверх-сверх(транс)сосоизмеримостью именно со **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОНОМ** как со **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОСОЗАКОНОМ, СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОСОАЛГОРИТМОМ, СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОСОИЗМЕРИТЕЛЕМ**. В том числе и он сам сверх-сверх(транс)сососвязанностей, сверх-сверх(транс)сосообусловленностей, сверх-сверх(транс)сосокорреспондируемостей, сверх-сверх(транс)сосоизмеримостей *самим же собой*, уже как сверх-сверхсососамым **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОСОЗАКОНОМ, СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОСОАЛГОРИТМОМ, СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОСОИЗМЕРИТЕЛЕМ** сверх-сверхвсего и сверх-сверхвся.

Вот почему Миросоустройство как **сверх(транс)соустройство**, как **сверх-сверх(транс)соустройство** и даже как **сверх-сверх(транс)сосоустройство** столь *устойчивостно (соустойчивостно)* и вместе с тем (сверх-сверхвсесовместностно с этим) *внеустойчивостно (внеосоустойчивостно)*: оно на самом деле (сверх-сверхсоделе и сверх-сверхсосоделе) именно *сверх-сверх(транс)все межсоустойчивостно/сверх-сверх(транс)все межсовнеустойчивостно и сверх-сверх(транс)все межсоустойчивостно/сверх-сверх(транс)все межсовнеустойчивостно*.

Сама (сверх-сверхсосама) его **сверх-сверх(транс)соустойчивость** *сверх-сверх(транс)сосоустойчивостна*, как и *сверх-сверх(транс)совнеустойчивостна*, а его **сверх-сверх(транс)совнеустойчивость** *сверх-сверх(транс)сосовнеустойчивостна*, как и *сверх-сверх(транс)сосоустойчивостна*. В этом-то и заключается, сверх-сверх(транс)созаключается и сверх-сверх(транс)сосозаключается **сверх-сверх(транс)сущность и сверх-сверх(транс)сосущность СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКИ** Миросоустройства как **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОДИНАМИКИ И СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОСОДИНАМИКИ**.

И эта **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКА** Миросоустройства, то есть его **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОН, СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СПОСОБ, СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ЦИКЛ, СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)МЕХАНИЗМ** действует,

сверх-сверхсодействует и сверх-сверхсосодействует по тому же **сверхвсеобще-сверхвсеобщему СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)АЛГОРИТМУ**, именно **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОАЛГОРИТМУ** и **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОСОАЛГОРИТМУ**, который нами уже раскрыт (сверх-сверхсораскрыт) и охарактеризован (сверх-сверхсоохарактеризован) в подразделах 2.3 и 2.5.

А именно: очевидно, сверх-сверхсоочевидностно, что сама динамика (содинамика) Миросоустройства – как его **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОСОДИНАМИКА/СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОСОВНЕДИНАМИКА**, как его **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОСОРАВНОВЕСИЕ/СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОСОВНЕРАВНОВЕСИЕ** – именно *сверх-сверх(транс)сосоконечностно/сверх-сверх(транс)сосовнеконечностно* проходит, сверх-сверхсосопроходит и возобновляет, сверх-сверх(транс)сосовозобновляет свой путь, **сверх-сверхсопуть и сверх-сверхсопуть: от сверх(транс)соуровня** как соконечностного, именно сверх(транс)соконечностного соуровня и вместе с тем как допервичностного («нулевого») соуровня, как вообще достигнутого в сверх(транс)соточке просто лишь **статичностного (додинамичностного)** равновесия (соравновесия) она идет, проходит сначала **через** новый соначальностный, первичностный соуровень, именно соуровень (односоуровень) наиболее простого, однозначностного, одномерностного **динамического (сверхстатичностного)** равновесия (соравновесия/совнеравновесия), то есть одноравновесия (односоравновесия/односоннеравновесия) и затем **через все** сверх-сверхсоопределенностные (то есть **все и даже сверх-сверхвсе** сверх-сверхсовозможностные, сверх-сверхсонеобходимостные и сверх-сверхсодостаточностные) соуровни (сотипы, соспособы, соалгоритмы) **вновь** (сверхсовновь и сверх-сверхсовновь) *по тому же* **циклу (сверх-сверхсоциклу и сверх-сверхсосоциклу)**.

Характеристика, сверх-сверх(транс)сохарактеристика и сверх-сверх(транс)сосохарактеристика всех (именно как сверх-сверхвсех) соуровней, созаконов (сотипов, соспособов, социклов, соалгоритмов) содинамики Миросоустройства как его **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКИ**, то есть как **сверх-сверх(транс)соразвертывания** сверх-сверх(транс)содинамического/сверх-сверх(транс)совнединамического **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОРАВНОВЕСИЯ/СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОВНЕРАВНОВЕСИЯ** представлена в таблице 2.4.

Таблица 2.4

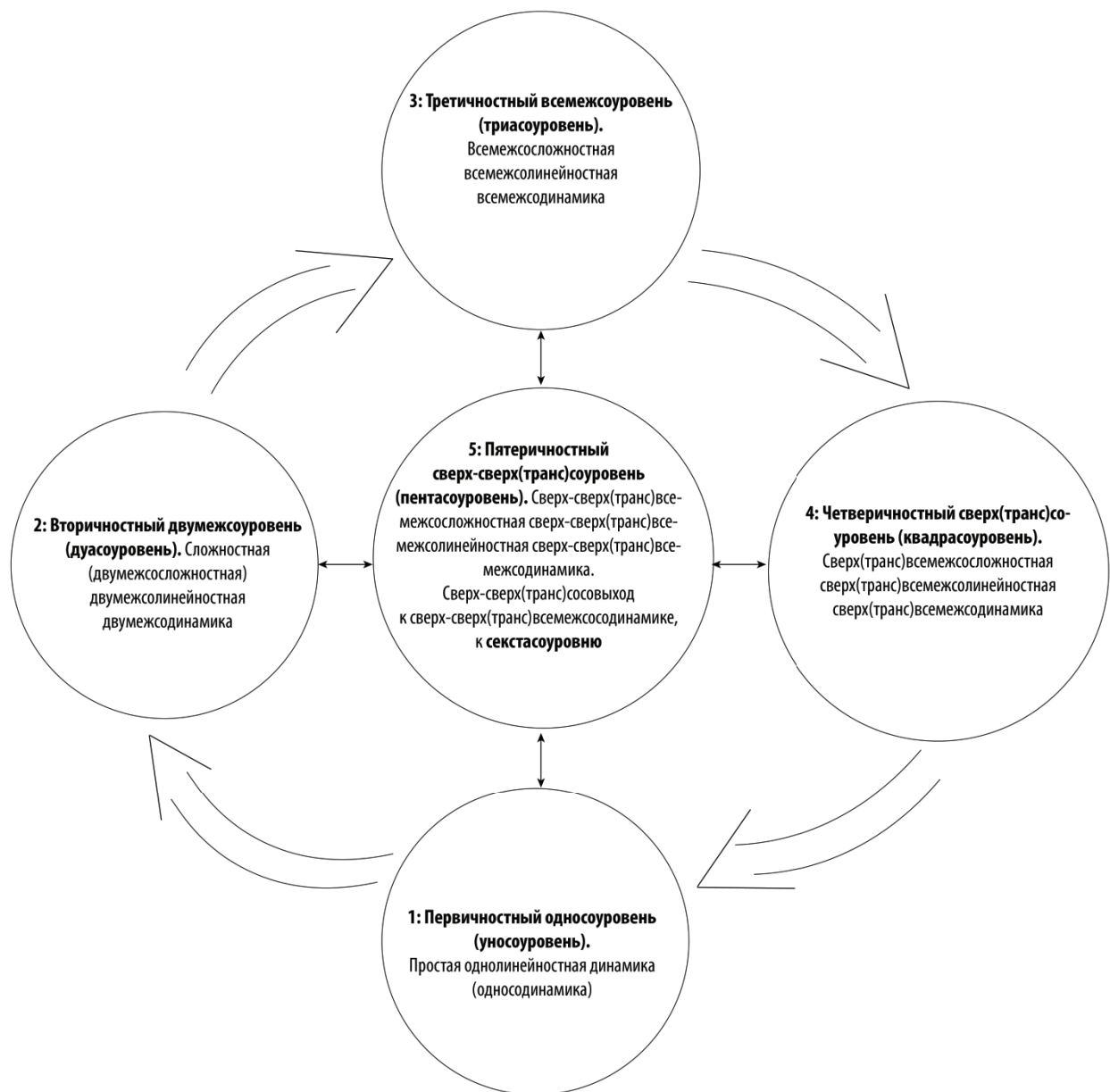
Характеристика соуровней (соципов, соспособов, социклов, соалгоритмов)

СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКИ как *сверх-сверх(транс)содинамического/сверх-сверх(транс)совнединамического СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОРАВНОВЕСИЯ/СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОВНЕРАВНОВЕСИЯ*

Первичностный односоуровень (уносоуровень)	Вторичностный двумежсоуровень (дуасоуровень)	Третичностный всемежсоуровень (триасоуровень)	Четверичностный сверх(транс)соуровень (квадрасоуровень)	Пятеричностный сверх-сверх(транс)соуровень (пентасоуровень)
<p>Простая однолинейностная динамика (односодинамика), односозначностное односодинамическое равновесие (односравновесие).</p> <p>Совыход к двумежсодинамике/двумежсовнединамике (межсодинамике/межсовнединамике как таковой, к межсодинамическому/межсовнединамическому двумежсоравновесию/двумежсовнеравновесию (межсоравновесию/межсовнеравновесию как таковому).</p>	<p>Сложностная (двумежсложностная, межсложностная), двумежсолинейностная двумежсодинамика, двумежсозначностное двумежсодинамическое (межсодинамическое) двумежсоравновесие (межсоравновесие).</p> <p>Межсовыход к всемежсодинамике/всемежсовнединамике как таковой, к всемежсодинамическому/всемежсовнединамическому всемежсоравновесию/всемежсовнеравновесию как таковому.</p>	<p>Всемежсложностная всемежсолинейностная всемежсодинамика, всемежсозначностное всемежсодинамическое/всемежсовнединамическое всемежсоравновесие/всемежсовнеравновесие.</p> <p>Всемежсовыход к сверх(транс) всемежсодинамике/сверх(транс) всемежсовнединамике, к сверх(транс) всемежсодинамическому/сверх(транс) всемежсовнединамическому сверх(транс) всемежсоравновесию/сверх(транс) всемежсовнеравновесию.</p>	<p>Сверх(транс) всемежсложностная сверх(транс) всемежсолинейностная сверх(транс) всемежсодинамика, сверх(транс) всемежсозначностное, сверх(транс) всемежсодинамическое/сверх(транс) всемежсовнединамическое сверх(транс) всемежсоравновесие/сверх(транс) всемежсовнеравновесие.</p> <p>Сверх(транс) статическое сверх(транс) совнестатическое равновесие («нулевая», даже «донулевая», «минусовая» динамика).</p> <p>Совыход к динамике (содинамике) как таковой и сверх(транс) сосовыход к сверх-сверх(транс)содинамике/сверх-сверх(транс)совнединамике.</p>	<p>Сверх-сверх(транс) всемежсложностная сверх-сверх(транс) всемежсолинейностная сверх-сверх(транс) всемежсодинамика, сверх-сверх(транс) всемежсозначностное, сверх-сверх(транс) всемежсодинамическое/сверх-сверх(транс) всемежсовнединамическое сверх-сверх(транс) всемежсоравновесие/сверх-сверх(транс) всемежсовнеравновесие.</p> <p>Сверх-сверх(транс) сосовыход к сверх-сверх(транс)содинамике/сверх-сверх(транс)совнединамике – к секстауровню.</p>

Сведенная в таблицу 2.4. **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКА** – именно как **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОДИНАМИКА/СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОВНЕДИНАМИКА** и даже **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОСОДИНАМИКА/**

СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОСОВНЕДИНАМИКА – Миросоустройства может быть точно так же отражена и на соответствующем рисунке (см. рисунок 2.11). Это плоскостной рисунок, тем не менее вполне понятно, что его сообъемностное изображение было бы точно таким же, как на рисунке 2.9.

Рис. 2.11. Соуровни (созаконь, созакономерности, сотипы, соспособы, социклы, соалгоритмы) СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКИ Миросоустройства

Из таблицы 2.4 и рисунка 2.11 становятся понятными, очевидными (фактически сверх-сверхсопоятностями и сверх-сверхсоочевидностными) **все**, то есть именно **сверхвсе** и **сверх-сверхвсе** соуровни (созаконь, созакономерности, сотипы, соспособы, социклы, соалгоритмы) **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКИ Миросоустройства**, его **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИЧЕСКОГО СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОРАВНОВЕСИЯ/СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОВНЕРАВНОВЕСИЯ** в их сверхвсеобщесверхвсеобщем сверх-сверхсоединстве, сверх-сверхсоединении и даже сверх-сверхсоединении, сверх-сверхсоединении.

Поэтому отсюда еще лучше теперь понятно, что используемый сегодня в нынешней науке понятийный аппарат, исходящий от постмодернистского,

постнеклассического способа (лишь гипермежспособа) мышления, на самом деле **недостаточностен**, **очень узок и ограниченностен**: он ведь явно не выходит за рамки (то есть именно за **межсорамки**) лишь «неравновесной динамики» или, что то же самое, «нелинейной динамики», не видя, не охватывая **всю** (то есть именно **сверхвсю** и **сверх-сверхвсю**) сверхвсеобщесверхвсеобщую содинамику Миросоустройства во всей (то есть **сверхвсей** и **сверх-сверхвсей**) ее сосистемности и сосвязанности – почему опять-таки он не способен выйти за рамки (лишь за те же **межсорамки**) различаемых им лишь «открытых», «сложных» («сложноорганизованных»), «самоорганизующихся» систем и различить, увидеть **все** (то есть опять-таки **сверхвсе** и даже **сверх-сверхвсе**) соуровни (созаконь, сотипы, соспособы и т.д.) системности. Мы имеем здесь

дело с малоконкретностью, размытостью, малоохватностью господствующего типа мышления.

То есть нынешний господствующий тип, способ мышления (выступающий в своей сути, именно лишь **между** не более чем **гипермежсотином**, **гипермежспособом** и **не более того**) в лучшем случае сохватывает, и то не полностью, а только до **гипермежстепени**, лишь **третичностный соуровень** всей (то есть именно **сверх-сверхвсей** совокупной, сонеобходимостной и содостаточностной) содинамики, при этом в силу ограниченности его видения данный соуровень у него до сих пор неотдифференцирован: с одной стороны, от вторичностного соуровня, двумежсоуровня и, с другой стороны, от четверичностного соуровня, сверх(транс)соуровня – которого он вовсе не видит, не знает и не понимает.

Вот что нужно, наконец, понять (именно **сверхсопнать** и **сверхсверхсопнать**) сегодня всем, чтобы создать **действительную** (именно **сверх-сверхвсе** **межсодействительностную**) науку, именно **сверхнауку**, **сверх-сверхвсесонауку**, **сверх-сверх(транс) всемежсонауку**, без которой человечество не сможет идти дальше вперед и вглубь, а будет продолжать, как это сегодня и происходит, прокручиваться и прокручиваться **все в тех же самых** заведомо недостаточностных, ограниченностных основаниях, лишь **межсооснованиях**, не далее и не более того.

Действительная же (то есть именно **сверх-сверхвсе** **межсодействительностная**) наука долж-

на понимать (именно **сверх-сверхсопнать**) и сохватывать (именно **сверх-сверхсохватывать**) **всю без изъятия**, то есть именно **сверх-сверхвсю** **сверх-сверхвсемежсодействительностную** **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКУ** и **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКУ**, для чего **все их основные соипостаси** как раз и нужно **свести и связать воедино** – что мы здесь и пытаемся осуществить.

Вот в таблице 2.4 и на рисунке 2.11 мы фактически показали, раскрыли самую главную, наиболее опорную из таких **соипостасей** – а именно **сверх-сверх(транс)содинамику** **соравновесностности/совнеравновесностности**. Это **сверх-сверхсооснова** всей (именно как **сверх-сверхвсей**) содинамики именно как **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКИ**.

Теперь нужно содополнить ее и другими соипостасями, **сверх-сверх(транс)соипостасями** **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКИ** и **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКИ**. Возьмем здесь следующие в их самосо(про)движении: **сосистемностность** как таковую; **солинейностность/совнелинейностность**; **сооткрытоностность/созакрываетностность**; **сложностность (сложносоорганизованностность)**; **соалгоритмичностность**. Это тем более нетрудно сделать, поскольку основные характеристики уже были выведены ранее в таблице 2.1. Теперь их можно развить в таблице 2.5.

Таблица 2.5.

СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКА и СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКА сосистемностности, солинейностности, сооткрытоностности, сложносоорганизованностности, соалгоритмичностности

Соипостась СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКИ и СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКИ	Соуровни СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКИ и СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКИ				
	Первичностный односоуровень (уносоуровень)	Вторичностный двумежсоуровень (дуасоуровень)	Третичностный всемежсоуровень (триасоуровень)	Четверичностный сверх(транс)всемежсоуровень	Пятеричностный сверх(транс)всемежсоуровень
СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКА и СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКА сосистемностности в ее самосо(про)движении	Простая (односложностная), односомерностная системностность (односистемностность). Однолинейностное, однонаправленностное самосо(про)движение (принцип «часового механизма»).	Сложная (двумежсложностная), двумежсомерностная двумежсосистемностность (межсосистемностность как таковая). Двуемостносообратностное (сопрямоностносообратностное), двуемежсонаправленностное двуемежсамосо(про)движение (межсопринцип «термостата», «простой клетки», «межсоистемы»).	Многосложностная, гипермногосложностная и, наконец, всемежсложностная, всемежсомерностная всемежсосистемностность. Всемежсолинейностное (всемежсодиагональностное), всемежсонаправленностное всемежсамосо(про)движение (всемежсопринцип «живой многоклеточностной, всемежсоклеточностной, «всемежсоорганизованностной», «сетевой» «всемежсоистемы»).	Сверх(транс)всемежсложностная, сверх(транс)всемежсомерностная сверх(транс)всемежсосистемностность. Сверх(транс)всемежсолинейностное, сверх(транс)всемежсонаправленностное сверх(транс)всемежсамосо(про)движение (сверхвсемежсопринцип «сверх-живой», «сверхсожизненностной», «сверх-всемежсетевой», «сверхвсемежсоорганизованностной», социальностной «сверхвсемежсоистемы»). Сверх(транс)соточка сверх(транс)самосодвижения.	Сверх-сверх(транс)всемежсложностная, сверх-сверх(транс)всемежсомерностная сверх-сверх(транс)всемежсосистемностность. (Сверх-сверх(транс)всемежсолинейностное, сверх-сверх(транс)всемежсонаправленностное сверх-сверх(транс)всемежсамосо(про)движение (сверх-сверх-всемежсопринцип «сверх-сверхсожизненностной», «сверх-сверхвсемежсоорганизованностной», сверхсоциальностной «сверх-сверхвсемежсоистемы») и сверх-сверхсоперехода к «сверх-сверхвсемежсоистеме»).

<p>СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС) ДИНАМИКА и СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС) КОНСОЦИОТИКА солинейности/совнелинейности</p>	<p>Однозначная, одномерная, однонаправленная линейность (однолинейность).</p>	<p>Неоднозначная (двумерная), двумерная, двумерная направленность (межлинейность/межсовнелинейность как таковая).</p>	<p>Многочисленная, гипермногочисленная и, наконец, всезначная, всемерная, всемерная направленность/всежсовнелинейность.</p>	<p>Сверх(транс)всежзначная, сверх(транс) всежмерная, сверх(транс) всежсо направленная сверх(транс) всежсолинейность/сверх(транс) всежсовнелинейность. Сверх(транс) всежсо точка, сверх(транс) всежсолиния, сверх(транс) всежсоплоскость, сверх(транс) всежсообъемность.</p>	<p>Сверх-сверх(транс) всежзначная, сверх-сверх(транс) всежмерная, сверх-сверх(транс) всежсо направленная сверх-сверх(транс) всежсолинейность/сверх-сверх(транс) всежсовнелинейность. Сверх-сверх(транс) совыход к сверх-сверх(транс) всежсолинейности, сверх-сверх(транс) всежсообъемности.</p>
<p>СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС) ДИНАМИКА и СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС) КОНСОЦИОТИКА сооткрытости/созамкнутости</p>	<p>«Закрытая», то есть на самом деле сооткрытая/сооткрытая (созамкнутая лишь на саму себя) система (односистема).</p>	<p>«Открытая», то есть на самом деле межсооткрытая/межсооткрытая (двумерная/двумерная сооткрытая), именно созамкнутая еще и на другую, внешнюю для нее и до этого изолированную от нее систему и тем самым ставшая теперь межсооткрытой (двумерная/двумерная межсооткрытой) межсооткрытой (двумерная/двумерная).</p>	<p>Всежсооткрытая/всежсооткрытая всежсо система, именно всежсооткрытая уже на множественность и затем на всемножественность других систем (со систем, межсо систем), тем самым тоже становящаяся всежсооткрытой всеми всежсо системами.</p>	<p>Сверх(транс) всежсооткрытая/сверх(транс) всежсооткрытая сверх(транс) всежсо система, именно сверх(транс) всежсооткрытая на сверхсообщественность/сверхсообщественность всех систем (со систем, межсо систем) через, сверх(транс) со через СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОН, СВЕРХ(ТРАНС)СПОСОБ сооткрытости.</p>	<p>Сверх-сверх(транс) всежсооткрытая/сверх-сверх(транс) всежсооткрытая сверх-сверх(транс) всежсо система, именно сверх-сверх(транс) всежсооткрытая уже на СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОН самосообразования самого СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОНА – и потому становящаяся сверх-сверх(транс) созамкнутой сверх-сверх(транс) сооткрытой.</p>
<p>СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС) ДИНАМИКА и СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС) КОНСОЦИОТИКА сложности (сложноорганизованности).</p>	<p>Простая, однозначная, одномерная сложность, сооткрытость (однозначность, одномерность).</p>	<p>Межзначная, межмерная (двумерная, двумерная) межсложность, межсооткрытость (двумерная/двумерная сложность, двумерная сооткрытость).</p>	<p>Всежзначная, всежмерная многосложность, гипермногосложность и затем всежсложность и всежсооткрытость, многосложность, гипермногосложность и затем всежсооткрытость</p>	<p>Сверх(транс) всежзначная, сверх(транс) всежмерная сверх(транс) всежсо сложность, сверх(транс) всежсооткрытость, сверх(транс) всежсооткрытость – через, сверх(транс) со через СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОН.</p>	<p>Сверх-сверх(транс) всежзначная, сверх-сверх(транс) всежмерная сверх-сверх(транс) всежсо сложность и сверх-сверх(транс) всежсооткрытость – через, сверх-сверх(транс) со через СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОН самосообразования самого СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОНА – что превращает ее уже в сверх-сверх(транс) сооткрытость, сверх-сверх(транс) сооткрытость.</p>
<p>СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС) ДИНАМИКА и СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС) КОНСОЦИОТИКА соалгоритмичности</p>	<p>Прямое, одностороннее действие, отношение (однодействие, одноотношение). Отсутствие обратной связи (сооткрытой сооткрытости).</p>	<p>Сопрямо-сообратное, двустороннее двусодействие, двусоотношение и вместе с тем содиагональное, межсооткрытое (двумерное) межсодействие, межсоотношение (двумерное) межсодействие, межсоотношение. Наличие, наряду с сооткрытой (сопрямо-сообратной) сооткрытостью еще и содиагональной, межсооткрытой межсооткрытостью.</p>	<p>Всежсопрямо/всежсообратно/всежсооткрытое, всежсооткрытое, всежсооткрытое, всежсооткрытое, всежсооткрытое. Выращивание, всежсооткрытое через многосложность и затем гипермногосложность уже всежсооткрытой всежсооткрытостью.</p>	<p>Сверх(транс) всежсооткрытое, сверх(транс) всежсооткрытое сверх(транс) всежсооткрытое, сверх(транс) всежсооткрытое, сверх(транс) всежсооткрытое. Наличие, сверх(транс) сооткрытой всежсооткрытой, в которой сверхсооткрыта сверх(транс) всежсооткрытость, сверх(транс) всежсооткрытость, сверх(транс) всежсооткрытость и даже сверх-сверх(транс) всежсооткрытость, сверх(транс) всежсооткрытость и даже сверх-сверх(транс) всежсооткрытость всего и вся (как именно сверхсооткрыта и сверхсооткрыта) в Мирсооткрытии через СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОН, сверхсооткрытый всем и вся и даже сверх-сооткрыта.</p>	<p>Сверх-сверх(транс) всежсооткрытое, сверх-сверх(транс) всежсооткрытое сверх-сверх(транс) всежсооткрытое, сверх-сверх(транс) всежсооткрытое. Наличие, сверх-сверх(транс) сооткрытой всежсооткрытой сверх-сверх(транс) всежсооткрытости, в которой сверх-сверх(транс) всежсооткрыта сверх-сверх(транс) всежсооткрытость и даже сверх-сверх(транс) всежсооткрытость, сверх-сверх(транс) всежсооткрытость и даже сверх-сверх(транс) всежсооткрытость всего и вся (как именно сверхсооткрыта и сверхсооткрыта) в Мирсооткрытии через СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОНА самосообразования с самим же собой уже как СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОЗАКОНОМ и СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОСОЗАКОНОМ, сверх-сверхсооткрытым и сверх-сверхсооткрытым сверх-сверхсооткрытым и сверх-сверхсооткрытым, сооткрытым и себя самого.</p>

Из таблицы 2.5. очевидна, даже сверх-сверхсоочевидна и даже - даже сверх-сверхсоочевидна сверхвсеобще-сверхвсеобщностная сверх-сверх(транс)всемежсоотнесенность и даже сверх-сверх(транс)всемежсоотнесенность, сверх-сверх(транс)всемежсоотнесенность и даже сверх-сверх(транс)всемежсоотнесенность, сверх-сверх(транс)всемежсоотнесенность и даже сверх-сверх(транс)всемежсоотнесенность (соразличностных) соипостасей **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС) ДИНАМИКИ** и **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКИ** в Миросоустройстве, их **сверхвсеобще-сверхвсеобщая СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОНОМЕРНОСТЬ** и **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)АЛГОРИТМИЧНОСТЬ**.

И нужно, наконец, понять (именно сверх-сверхсопонять), что *это так есть* и что *оно по-другому не может быть*, иначе само Миросоустройство было бы не только *заведомо несовершенностным*, но еще и *не имело бы внутреннего потенциала* к саморазвитию и самосовершенствованию именно не просто лишь в каких-то своих отдельностях, частностях и частичностях, а как **сверхсоединенностная и сверхсоединенностная сверхсосоупорядоченность**, которую на самом деле оно и выражает, воплощает в себе. Миросоустройство же, напротив, сверхсопротив и сверх-сверхсопротив, обладает (сверхсообладает и даже сверх-сверхсообладает, и даже-даже сверх-сверхсосообладает) именно **сверх-всеобще-сверхвсеобщим СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)МЕХАНИЗМОМ** **САМОСВЯЗАННОСТИ**, **САМОРАЗВИТИЯ** и **САМОСОПРЕОБРАЗОВАНИЯ**.

В нем все и вся (именно как **сверх-сверхвсе** и **сверх-сверхвся**) соединено (сверх-сверхсоединено и сверх-сверхсосоединено) в **СВЕРХ-СВЕРХСОЕДИНСТВО** и **СВЕРХ-СВЕРХСОЕДИНСТВО** именно через, сверх-сверх(транс)сочерез этот самый (сверх-сверхсосоамый) **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)МЕХАНИЗМ**, он же **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ОРГАНИЗМ**, то есть именно **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОН**, **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СПОСОБ**, **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ПРИНЦИП**, **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ЦИКЛ**, **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)АЛГОРИТМ**.

И динамическое соединение пространства-времени-самодвижения, именно как сопостранства-современи-самосо(про)движения и даже сверх-сверх(транс)сопостранства/сверх-сверх(транс)современи/сверх-сверх(транс)самосо(про)движения в именно такую их сверх-сверхсосоединенностную и сверх-сверхсосоединенностную сверх-сверхсосоупорядоченность тоже осуществляется (сверх-сверхсосоосуществляется и сверх-сверхсосоосуществляется) *точно так же*, то есть именно через, сверх(транс)сочерез **СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОН** **СОСВЯЗИ** и **САМОСО(ПРО)ДВИЖЕНИЯ**, **САМОРАЗВИТИЯ**, **САМОСОПРЕОБРАЗОВАНИЯ**, который **сам же в себе** самосопретворяется (сверхсамосопретворяется, сверх-сверхсамосопретворяется и даже сверх-сверхсамососопретворяется) в соответствии с *самим же собой* как со **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОНОМ**, **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СПОСОБОМ**, **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ПРИНЦИПОМ** по *своему же собственному* (сверх-сверхсосоупорядоченностному

и сверх-сверхсосоупорядоченностному) **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)МЕХАНИЗМУ**, **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ЦИКЛУ**, **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)АЛГОРИТМУ** **САМОСОПРЕОБРАЗОВАНИЯ**.

Существование сопостранства-современи-самосо(про)движения в их соединенности, сосвязанности всегда (то есть сверх-сверхсо всегда) есть (сверх-сверхсо есть) не только самосоразвитие и самосопретворение каждой из составляющих их соединенности, но также еще и самосоразвитие и самосопретворение **самого** (сверх-сверхсосо самого) **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СПОСОБА** их существования в соединенности и сосвязанности, почему мы и имеем дело (именно сверх-сверхсодело и сверх-сверхсосодело) со **СВЕРХ-СВЕРХСОЕДИНСТВОМ** и **СВЕРХ-СВЕРХСОЕДИНСТВОМ** и тем самым, сверх-сверхсосоамым с его **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКОЙ** – именно **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОДИНАМИКОЙ** и **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОДИНАМИКОЙ**, а также и **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКОЙ** – именно **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОКОНСОЦИОТИКОЙ** и **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОКОНСОЦИОТИКОЙ**.

Вот почему саморазвитие, самопретворение и самопретворенность соконструкции сопостранства-современи-самосо(про)движения как ее **логики-исторического самосоразвития**, **самосопретворения** и **логики-исторической самопретворенности** есть (сверх-сверхсо есть) на самом деле (именно сверх-сверхсоделе и сверх-сверхсосоделе) сверх-сверх(транс)всемежсоупорядоченностное/сверх-сверх(транс)всемежсоупорядоченностное сверх-сверх(транс)всемежсамосоразвитие, сверх-сверх(транс)всемежсамосопретворение и сверх-сверх(транс)всемежсамосоразвитие, сверх-сверх(транс)всемежсамососопретворение, как и сверх-сверх(транс)всемежсоупорядоченностное/сверх-сверх(транс)всемежсоупорядоченностное сверх-сверх(транс)всемежсопретворенностное и сверх-сверх(транс)всемежсопретворенностное.

У этого самосоразвития, самопретворения, у этой самопретворенности есть, сверх-сверхсо есть неизменный (сверх-сверхсо неизменный и сверх-сверхсосо неизменный) и вместе с тем (сверх-сверхсосо совместно с этим) внутри себя самоизменяющийся (сверх-сверхсамосоизменяющийся и сверх-сверхсамососоизменяющийся) **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОН**, **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)АЛГОРИТМ**, которому они сверх-сверхсоподчинены и сверх-сверхсосоподчинены и которым они сверх-сверхсоуправляются и сверх-сверхсосоуправляются.

И отсюда понятно (сверх-сверхсо понятно) и даже сверх-сверхсосо понятно, почему самосоразвитие, самопретворение и самопретворенность в Миросоустройстве соединяют, сочетают (сверх-сверхсосо соединяют, сверх-сверхсосо сочетают и сверх-сверхсосо соединяют, сверх-сверхсосо сочетают) в себе **креационность** и **эволюционность** и почему **иначе просто быть не может**.

И понятно, что **креационность** и **эволюционность**, в соответствии, сверх-сверхсосо в соответствии со **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОНОМ**, не только

не противостоят абсолютно друг другу – как это до сих пор ошибочно представляется ограниченностному в своей связанности, недиалектическому и нединамическому типу мышления (сознания, миропонимания) – и даже вовсе не просто лишь относительно противостоят друг другу, не просто лишь межсоотнесенности друг с другом – как это трактовала предыдущая диалектика, еще не освоившая свой **сверх(транс)соуровень**, то есть **СВЕРХ(ТРАНС) ДИАЛЕКТИКУ**.

На самом деле (именно сверх-сверхсоделе и сверх-сверхсосоделе) **креационность** и **эволюционность** вообще-то всегда (то есть именно сверх-сверхсовсегда и сверх-сверхсовсегда) еще и **сверх-сверх(транс)всемерсоотносительности** и даже **сверх-сверх(транс)всемерсоотносительности** между собой, **сверх-сверх(транс)всемерсокорреспондируемости** и даже **сверх-сверх(транс)всемерсокорреспондируемости**, так как они сами тоже **сверх-сверх(транс)всемерсоосвязанности** и **сверх-сверх(транс)всемерсоосвязанности** **сверх-всеобще-сверхвсеобщим СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС) ЗАКОНОМ**, который **сверх-сверх(транс)соотнесенности с самим собою** и **сверх-сверх(транс)сокорреспондентности самому же себе** – еще и как **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОСОЯДРУ всего и вся** (именно **сверх-сверхвсего и сверх-сверхвся**), **в том числе и себя же самого**.

Поэтому-то никакой **по-настоящему действительной** (то есть именно **сверх-сверхвсемерсодейственности** ой, **сверх-сверхвсемерсологической/сверх-сверхвсемерсоисторической**) **эволюционности**, то есть именно **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ВСЕМЕРСОЭВОЛЮЦИОННОСТИ** не может быть **без (вне) по-настоящему действительной** (то есть опять-таки именно **сверх-сверхвсемерсодействи** тельностью, **сверх-сверхвсемерсологической/сверх-сверхвсемерсоисторической**) **креационности**, то есть опять-таки именно **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ВСЕМЕРСОКРЕАЦИОННОСТИ**, без (вне) их неизбывной и неотменяемой **сверх-сверх(транс)всемерсоосвязанности** и **сверх-сверх(транс)всемерсоосвязанности** в **сверх-сверх(транс)соцелостности** и **сверх-сверх(транс)соцелостности**.

Если всей этой сосвязанности, соцелостности не понимать, то **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОЕДИННОСТНЫЙ** и **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОЕДИННОСТНЫЙ** в самом себе **процесс сокреационности/соэволюционности** – то есть в действительности **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ВСЕМЕРСОКРЕАЦИОННОСТНЫЙ/СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ВСЕМЕРСОЭВОЛЮЦИОННОСТНЫЙ** **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ВСЕМЕРСОПРОЦЕСС** – в представлении, понимании о нем оказывается лишь разрозненным и раздробленным, лишь межсочастно, межсоотдельно, межсочастично соединенным, **лишь межсоединенным** в своих соотрезках и межсоотрезках **и не более того, не сверх того** – как это и происходит сейчас, при господстве нынешнего типа (способа) мышления, который **ограничен в себе** пониманием в лучшем случае лишь отдельных и межсоотдельных связей, межсвязей, гипермежсвязей и **не видит, не охватывает** **сверх(транс)связей** и **сверх-сверх(транс)связей**, **почему** и выступает именно **лишь как гипермежсотип (гипермежспособ)** мышления (сознания, познания, мировоззрения, миропонимания) **и не более того, не сверх того**.

Таким образом, именно сверх-сверхсообразом и сверх-сверхсообразом, самосодинамика саморазвития и самосопреобразования самого **способа соединения** сопостранства-современи-самосо(про)движения, то есть сама сологико-соисторическая самосодинамика или, что то же самое, самосодинамика **сокреационности/соэволюционности** представляют каждая в себе и самой собой тоже просто **соразличностные соипостаси одной и той же, все той же самой (сверх-сверхсосамой и сверх-сверхсососамой)** – совоплощающейся в своих же собственных (сособственных) соразличностных соипостасях – **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКИ Миросостройства**, как и его **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКИ**.

В таблице 2.6. эти охарактеризованные соипостаси – в действительности тоже, конечно, **сверх-сверх(транс)соипостаси** и **сверх-сверх(транс)соипостаси** – **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКИ** и **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКИ** сведены нами и соотнесены через именно **сверх(транс)сочерез СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОН**.

Таблица 2.6.

Соотнесенность, сверх-сверх(транс)соотнесенность и сверх-сверх(транс)соотнесенность соуровней (сотипов, соспособов, социклов, соалгоритмов) СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКИ и СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКИ сопространства-современи-самосо(про)движения, сологики-соисторического самосоразвития, сокращения/соэволюционности через, сверх(транс)сочерез СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОН

Соипастасы СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС) ДИНАМИКИ и СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКИ	Соуровни (сотипы, соспособы, социклы, соалгоритмы)				
	Первичностный односоуровень (уносоуровень)	Вторичностный двумежсоуровень (дуасоуровень)	Третичностный всемежсоуровень (триасоуровень)	Четверичностный сверх(транс)всемежсоуровень (квадрасоуровень)	Пятеричностный сверх(транс)всемежсоуровень (пентасоуровень)
СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС) ДИНАМИКА и СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС) КОНСОЦИОТИКА сопространства-современи-самосо(про)движения	<p>Простой (однозначностный), односомерностный, однонаправленностный способ (односпособ) связи, односопротяженности: одноограниченностная совязанност, сопротяженност одного (начальностного, первичностного) отрезка пространства с соответствующим ему одним отрезком времени через первичностный непосредственностный шаг их самодвижения. Отсутствие второй сопространственностной и тем самым межсопространственностной, второй современностной и тем самым межсовременностной, второй самосо(про)двигающейся и тем самым межсамосо(про)двигающейся, межсоединяющей (межсвязывающей) все самосо(про)движение (самосоразвитие, самосопреобразование) межсовязанностности, межсопротяженностности как таковой.</p>	<p>Двумежсоложностный, двумежсозначностный, двумежсомерностный, двумежсонаправленностный, двумежсоспособ связи, двумежсопротяженностности, двумежсопротяженностности: межсовязанностность, межсопротяженностность первичностных структур (конструкций) сопространства-современи-соспособа их совязи и самосо(про)движения с их же собственными соочередностными, сменяющимися их соструктурами (соконструкциями), межсопревращающая совместно и первые и вторые еще и в межсоструктуры (межсоконструкции) и межсоспособы. Наличие уже двумежсопространственностной/двумежсовременностной/двумежсамосо(про)двигающейся, двумежсоединяющей (двумежсвязывающей) все самосо(про)движение (самосоразвитие, самосопреобразование) двумежсовязанностности, двумежсопротяженностности. Однако отсутствие пока всемежсопоследовательностной, всемежсоочередностной всемежсопротяженностности, всемежсопротяженностности.</p>	<p>Многомежсоложностный, затем гипермежсоложностный и, в итоге, всемежсоитоге, всемежсоложностный, всемежсозначностный, всемежсомерностный, всемежсонаправленностный всемежсоспособ связи, всемежсопротяженностности, всемежсопротяженностности: всемежсопротяженностность, всемежсопротяженностность всех межообычных структур (соконструкций) сопространства-современи-самосо(про)движения и всех межоочередностных соспособов их совязи и самосо(про)движения, всемежсопревращающая их во всемежсоструктуры (всемежсоконструкции) и всемежсоспособы. Наличие уже всемежсопространственностной/всемежсовременностной/всемежсамосо(про)двигающейся, всемежсоединяющей (всемежсвязывающей) все межообычностное, межсопоследовательностное самосо(про)движение (само саморазвитие, самосопреобразование) всемежсопротяженностности. Отсутствие пока еще сверх(транс)всемежсообычностной, сверх(транс)всемежсопоследовательностной, сверх(транс)всемежсоочередностной сверх(транс)всемежсовязанностности, сверх(транс)всемежсопротяженностности.</p>	<p>Сверх(транс)всемежсоложностный, сверх(транс)всемежсозначностный, сверх(транс)всемежсомерностный, сверх(транс)всемежсонаправленностный сверх(транс)всемежсоспособ связи, сверх(транс)всемежсопротяженностности, сверх(транс)всемежсопротяженностности: сверх(транс)всемежсопротяженностность, сверх(транс)всемежсопротяженностность сверх всех всемежсообычных структур (соконструкций) сопространства-современи-самосо(про)движения и сверх всех всемежсоочередностных соспособов совязи и самосо(про)движения, сверх(транс)всемежсопревращающая их уже в сверх(транс)всемежсоструктуры, сверх(транс)всемежсоконструкции и в сверх(транс)всемежсоспособы. Наличие уже сверх(транс)всемежсопространственностной/сверх(транс)всемежсовременностной/сверх(транс)всемежсовременностной/сверх(транс)всемежсоединяющей, сверх(транс)всемежсвязывающей именно сверх(транс)всемежсопротяженностности, сверх(транс)всемежсопротяженностности. (Сверх-сверх(транс)сопереход к сверх-сверх(транс)всемежсопротяженностности, сверх-сверх(транс)всемежсопротяженностности.</p>	<p>Сверх-сверх(транс)всемежсоложностный, сверхсверх(транс)всемежсозначностный, сверхсверх(транс)всемежсомерностный, сверх-сверх(транс)всемежсонаправленностный сверх-сверх(транс)всемежсопротяженностности, сверхсверх(транс)всемежсопротяженностности: сверх-сверх(транс)всемежсопротяженностность, сверхсверх(транс)всемежсопротяженностность уже сверх всех сверх(транс)всемежсообычных соструктур (соконструкций) сопространства-современи-самосо(про)движения и сверх всех сверх(транс)всемежсоочередностных соспособов совязи и самосо(про)движения, теперь сверхсверх(транс)всемежсопревращающая их уже в сверх-сверх(транс)всемежсоструктуры, сверх-сверх(транс)всемежсоконструкции и сверх-сверх(транс)всемежсопротяженностности/сверх-сверх(транс)всемежсовременностной/сверх-сверх(транс)всемежсовременностной/сверх-сверх(транс)всемежсоединяющей, сверх-сверх(транс)всемежсвязывающей именно сверх(транс)всемежсопротяженностности, сверх(транс)всемежсопротяженностности, сверх(транс)всемежсопротяженностности, сверх(транс)всемежсопротяженностности. (Сверх-сверх(транс)сопереход к сверх-сверх(транс)всемежсопротяженностности, сверх-сверх(транс)всемежсопротяженностности.</p>

сверх(транс)сональностьную сверх-сверх(транс)соточку и сверх-сверх(транс)соококонечностно/сверх-сверх(транс)соональностьную сверх-сверх(транс)сооточку.

Однако и сама эта **соточка** как **сверх-сверхсоточка** тоже сама проделывает свой путь, именно сверх-сверхсопуть в сверх-сверхсоисистеме сопространства-современи-самосо(про)движения и поэтому каждый раз (каждый сверх-сверхсороаз) выступает в каждом своем новом (сверх-сверхсоисвоем сверх-сверхсоновеишем) моменте, сверх-сверхсомоменте **уже иной, уже сверх-сверхсоинаковой.**

Для полноты картины здесь следует рассмотреть и обобщить **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКУ** и **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКУ** еще целого ряда важных категорий (сокатегорий) для того, чтобы проиллюстрировать, что и они тоже соохватываются, сверх-сверхсоохватываются **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОНОМ** Миросоустройства.

Сначала рассмотрим динамику (самосодинамику) категорий (сокатегорий), которые выражают **организационные** аспекты (соаспекты) сверхвсеобще-сверхвсеобщей системности и связанности, а именно: **разделенность/кооперированность** (или **структурно-функциональность/координированность**); **автономность/централизм**; **самоконтроль/внешний контроль**; **синергетичность/кибернетичность.**

Затем рассмотрим самосодинамику тех сокатегорий, которые выражают **социально-экономические и социокультурные** аспекты (соаспекты) сверхвсеобще-сверхвсеобщей системности и связанности, а именно: **несобственность/собственность**; **противоборство интересов/единство интересов**; **индивидуализм/коллективизм**; **свобода/принуждение(несвобода)**; **неравенство/равенство**; **несправедливость/справедливость**; **стихийность/сознательность**; **стимулированность/мотивированность.**

Мы дадим лишь краткие характеристики и пояснения каждой из сосвязанных сокатегорий, этого будет вполне достаточно, а основные обобщения сделаем опять в соответствующих таблицах, что обеспечит наглядность сопоставлений и соотношений.

Поскольку все это есть **сокатегории**, то они, как мы считаем, вообще-то говоря, требуют и более точного семантического, лексического выражения. Так, **разделенность/кооперированность** в более точном выражении есть все же **соразделенность/сокооперированность**, как, соответственно, структурно-функциональность/координированность есть, конечно, **именно структурностно-софункциональность/сокоординированность.**

Это обусловлено тем, что на самом деле в Миросоустройстве вся (и даже сверх-сверхвся) разделенность, отдельность вместе с тем **объединена, соединена, обобщена.** В том числе это включает и любую взятую саму по себе отдельность, частностную обычностную объединенность, которая – поскольку она в этом своем качестве не сверхвсеобща – всегда тоже выступает вовне как от-

дельная, частная **разделенность** и поэтому требует **дальнейшего объединения, обобщения** на более всеобщем уровне (соуровне) соединенности, объемности, обобщенности.

Поэтому соразделенность/сокооперированность диалектически и динамически поднимаются, возвышаются на все более высокие, более всеобщие уровни не в своей лишь отдельности, а именно в этом своем единстве, соединении.

В соответствии же с выявленными соуровнями (способами, социклами, соалгоритмами) **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОНА** мы имеем следующую самосодинамику самосо(про)движения, сверх-сверх(транс)самосо(про)движения всей соразделенности/сокооперированности:

- 1) односоразделенность/односокооперированность;
- 2) двумесоразделенность/двумесокооперированность;
- 3) межсоразвитие самой межсоразделенности/межсокооперированности к всемесоразделенности/всемесокооперированности;
- 4) сверх(транс)всемесоразделенность/сверх(транс)всемесокооперированность;
- 5) сверх-сверх(транс)всемесоразделенность/сверх-сверх(транс)всемесокооперированность и сверх-сверхсоисоисход к сверх-сверх(транс)всемесосоразделенности/сверх-сверх(транс)всемесосокооперированности.

И поскольку этот **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)АЛГОРИТМ** самосо(про)движения выступает **сверхвсеобще-сверхвсеобщим**, то знание, осознание (сверх-сверхсоосознание) его характеристик дает нам в руки действительно **сверхвсеобще-сверхвсеобщий сверх-сверхсоинструмент управления и преобразования**, а саму **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИАЛЕКТИКУ**, в том числе и в виде **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКИ** и **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКИ**, превращает в сверхсоособую, сверхсообычностную науку (именно **сверхнауку**) о том, как управлять (соуправлять) преобразованием и разрешением (сопреобразованием и соразрешением) всей (даже именно **сверх-сверхвсей**) сопротиворечивости именно как **соречивости, сверх(транс)соречивости.**

Сегодня из всей имеющейся проблематики наиболее актуальна, сверхактуальна **проблематика преобразования нашего нынешнего общества**, так как этим определяется **будущее человечества.** Совершенно очевидно, сверх-сверхсоочевидно, что для того, чтобы преодолеть сохраняющиеся в нем такие малопродуктивные, малоперспективные качества как разделенность и противоборство и проистекающие из них агрессию и вражду, необходимо вывести общественные отношения уже на их **сверх(транс)соуровень** – именно уже к сверх(транс)всемесоразделенности/сверх(транс)всемесокооперированности, **сверх(транс)всемесокооперированности**, пролегающей уже **над, поверх, сверх** всей отдельности, частности, частичности как таковой и приводящей, соответственно, сверхсоответственностно, именно к сверх(транс)всемесоотдельности, **сверх(транс)всемесочастности, сверх(транс)всемесочастичностно-**

сти, сверх(транс)всемерсообщности.

Это и есть (сверхсоесь) именно **сверх(транс)сомагистральностный путь**, и именно по нему-то и надо идти, сверхидти, именно сюда и надо прилагать основные, главные силы. Без нашей общей активной деятельности он не сложится, несмотря на то что у него, как понятно, есть (действительно, сверхсоесь) объективные, даже сверхсообъективные основания, именно **сверхсооснования**. На самом деле наша деятельность в этом верном направлении, сверхсо-направлении *тоже входит в состав этих сверхсообъективных сверхсооснований*, только нужно ее по максимуму задействовать.

Однако для этого необходимо прежде всего **понять, охватить** тот уровень, на самом деле **сверх(транс)соуровень** закономерностей, на который выходит общество в своем саморазвитии. Так, если здесь обратиться к аспекту *структурно-функциональности/координированности*, то нужно понять, что ее нынешний лишь межсоотдельностный (межсофункциональный, межсоотраслевой), межсочастностный, межсочастностностный характер, именно лишь **межсохарактер** – когда она сейчас выступает пока все еще лишь межсоструктурно-межсофункционально и лишь межсокоординированностно и **не более того** – тоже подлежит преодолению (сверхсопреодолению) в ходе *социально-преобразовательностного (сверхсоциальностного, надсоциальностного) сверхпереворота*, благодаря которому в **сверхсооснову, сверхсоглаву** самосоразвития общества (человечества, Человека) становится, именно сверхсостановится *надфункция, сверхсофункция* (фактически *надмиссия, сверхсомиссия*) *преобразовательности, создания и постоянного воссоздания и дополнения инновационностной сверхсодержательностности*, которая именно **надинтегрирует, сверхсоинтегрирует** общество и всех его субъектов.

Это такая **сверх(транс)функция, сверх(транс)миссия**, которая единственная только и способна, сверхспособна преодолеть (именно **сверхсопреодолеть**) всю отдельностную, частностную и частичностную структурностность и функциональность и даже всю межсоотдельностную, межсочастностную и межсочастностностную межсоструктурностность и межсофункциональность и действительно *сверхсокоординировать, сверхсоинтегрировать, сверхсоструктурировать* все, без исключения, общественно-экономические связи, производство, труд, собственность (капитал), интеллект, обмен, общение, управление через свою наивысшую значимость, **сверхсозначимость**.

Точно так же грядущий **преобразовательностный сверхсоциальностностный переворот, сверхпереворот** дает возможность, наконец, преодолеть (именно **сверхсопреодолеть**) уже не только абсолютное, но даже и относительное сохраняющееся пока противостояние *автономности (автономизации) и централизма (централизации)*, так как благодаря освоению каждой (любой) отдельно взятой составной частью общего процесса взаимодействия **преобразовательностно-ориентированной сверхсофункции, сверхсомиссии** эта каждая (любая) часть приобретает **качества самостоятельного проактивного и проактивного равноправного центра**. Дело в том, что

в таких новейших условиях, фактически сверхсоусловиях обеспечивается соединение, объединение – именно **сверх(транс)соединение, сверх(транс)сообъединение** – не только лишь формальностным, лишь поверхностно-организационным, не только межсоусущностным образом, лишь **межсообразом**, но и сверх(транс)всемерсоформальностным, сверх(транс)всемерсоорганизационностным, сверх(транс)всемерсоусущностным **сверх(транс)всемерсообразом**, а все части (как сочасти и как межсочасти) как отдельностные и межсоотдельностные сущности (соусущности и межсоусущности) превращаются, именно сверхсопревращаются в **сверхсамостоятельностные (сверхсостоятельностные) сверх(транс)соусущности, в сверх(транс)соавтономности, в сверх(транс)соцентры**.

То же самое происходит, сверхсопроисходит и со всей системой **контроля: самоконтроль и внешний контроль** прекращают, наконец, свое противодействие друг другу, становясь, сверхсостановясь совоплощениями *сверх(транс)самосококонтроля*, способного сверх(транс)сообъединить все внутреннее со всем внешним. Дело в том, что для каждого освоившего **преобразовательностную (преобразовательностноинтегрирующую) сверхсомиссию** субъекта, становящегося благодаря этому не просто самостоятельным в обычностном плане, а еще и **сверхсообычноностно самостоятельным, уже сверхсамостоятельным**, то есть фактически **сверхсубъектом (сверхсоусубъектом)**, нет теперь ничего, что было бы **лишь** чисто его «внутренним» или **лишь** чисто «внешним» для него – ведь теперь **все**, без исключения, для него есть соценностностный, сосоединностностный и соединенностностный **сообъект/соусубъект позитивного самосообразования**. Ему не требуется какой-либо чрезмерностный внешний контроль: внутри него самого действует уже **сверхсамостоятельностный сверхсоконтролер и сверхсомотиватор**.

Отсюда нетрудно понять, что на **сверх(транс)соуровне** сосвязанностности, сосистемностности уже преодолевается всякое не только абсолютное, но и относительное противостояние между *кибернетичностностью* (собственно, можно сказать, **самоорганизованностностью, самоуправляемостностью, самодинамикой, самодетерминированностностью**) и *синергетичностностью* (собственно, **соорганизованностностью, соуправляемостностью, содинамикой, содетерминированностностью**).

Тот, кто полагает, что их противостояние, противоречие (как и обычностное противостояние, противоречие автономности/централизации, самоконтроля/внешнего контроля, мотивации/стимулирования и т.д.) вовсе непреодолимо, неразрешимо, тот **ошибается**: оно преодолимо, разрешимо, только именно **сверх(транс)сопреодолимо, сверх(транс)соразрешимо**.

Мы уже вполне показали в одной из наших предыдущих работ («От предельностности постмодернизма, постнеклассики к новейшей, интегрирующей преобразовательностной методологии», 2015 год), что между кибернетической и синергетической системностностью **не только нет никакой непреодолимой стены**, но и вообще-то они есть соразличностные, соединностные и соединенностные

совыражения, совоплощения *одной и той же, единой (соединенной и соединенной)* сосистемности, соконструкционности организации, управления, динамики, детерминизма.

Синергетическая система есть продолженная, сопродолженная *вне* самой себя, за свои пределы кибернетическая система, это есть ее же собственное совозвышение, сорасширение, соумножение, то есть это фактически есть многосложная, многосоставная и гипермногосложностная, гипермногосоставностная и, в обычностном конечном счете (всежсочете), выходящая к своей всежсложности, всежсоставности **межсокибернетическая и всежсокибернетическая** и вообще-то еще и **межсоинергетическая и всежсоинергетическая межсосистема и всежсосистема**.

Однако на метауровне кибернетичности/синергетичности, то есть на всежсоуровне дело не останавливается, а происходит его сверхпреодоление и выход, сверхвыход к **сверх(транс)соуровню**, к **сверх(транс)сокибернетичности/сверх(транс)соинергетичности**.

На **сверх(транс)соуровне** сосистемности, сосвязанности мы получаем сверх(транс)всесоорганизованность, сверх(транс)всесоуправляемость, сверх(транс)всесодинамичность, сверх(транс)всесодетерминированность. Мы получаем уже такой их **сверх(транс)всесотип**, такую **сверх(транс)всесокибернетичность/сверх(транс)всесоинергетичность**, при которых каждая единичностная, отдельностная, частичностная, частичностная и даже каждая межсоединичностная, межсотдельностная, межсочастностная, межсочастичностная самоорганизованность, самоуправляемость, самодинамичность, самодетерминированность не просто сосвязаны, соосмыслены, соосознаны, а именно **сверх(транс)всесоосвязаны, сверх(транс)всесоосмыслены, сверх(транс)всесоосознаны**, почему и имеем здесь уже **сверх(транс)всесоосознательное сверх(транс)всесоуправление**.

Однако было бы поверхностным полагать, что эти всеобщие-организационные, всеобщие-управленческие аспекты (соаспекты) сверхвсеобщие-сверхвсеобщей сосвязанности, созаконмерности не выражают и не воплощают себя еще и в **социально-экономических и социокультурных** аспектах (соаспектах), уже названных и перечисленных нами выше. Кратко теперь охарактеризуем и их.

Из них наиважнейшим, так сказать, классическим, фундаментальным, наиболее длительностным, почти извечностным выступает социально-экономическое по своей сути противостояние, противоречие **несобственности/собственности** и, соответственно, **несобственника/собственника**: тема, которая, вообще-то, всегда сложнее всего поддавалась и поддается расшифровке и объяснению во все периоды существования общества, включая и нынешний, в рамках которого социально-экономическая собственность выступает в форме **капитала** (более точно: в форме **различных, соразличностных видов капитала**).

А ведь эта тема и есть, как это сумел в свое время распознать **К. Маркс, наиболее всеобщая,**

наиболее определяющая из всех: ведь именно **вопрос о собственности**, т.е. о возможностях и правах освоения (присвоения), обладания (владения), распоряжения (использования, распределения) различных видов средств (инструментов, ресурсов, капиталов), включая сюда и самих работников, направляемых Человеком (обществом) на созидание, преобразование, на создание и увеличение богатств, и о том, **насколько продуктивно, эффективно и в интересах каких групп (слоев, классов) общества** эти средства преимущественно используются в каждую логико-историческую эпоху и **как (каким способом) эти средства** между группами (слоями, классами) общества распределены и присвоены – есть вопрос именно о реальных возможностях и способностях Человека (общества, человечества), которые ему даны потенциально и реально в рамках каждой сменяющей друг друга логико-исторической эпохи (ступени) саморазвития общественной системности.

Поэтому мы должны исходить из того, что **собственность** (в ее собственном реальном противостоянии, противоречии **несобственности/собственности**) как категория тоже – как и все остальное – саморазвивается и самопреобразуется **не абы как и не как попало**, а именно в соответствии со **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОНОМ, СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СПОСОБОМ, СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)АЛГОРИТМОМ** и потому сама есть в себе **сверх(транс)сокатегория и сверхсверх(транс)сокатегория**. И, исходя из этого, **было бы очень странным и недальновидным** нам всем считать – а ведь на самом деле как раз **именно так** считает в своем большинстве (то есть в большинстве действующих ученых) современная общественная наука – что нынешнее состояние категории собственности, выраженное сегодня в двух подвидах информационно-инвестиционного гиперкапитала: в финансовом (финансово-инвестиционном, финансово-олигархическом) капитале и в формализованном интеллектуальном (интеллектуало-инвестиционном) капитале – есть ее вершина и что саморазвитие и самопреобразование категории собственности остановилось и замерло навечно.

И странно, и смешно, и грустно! Конечно, лучше бы было посмеяться над этим, если бы не было так грустно от осознания того **реального уровня** содержательности, научности (на самом деле, лишь **межсоуровня** или, в лучшем случае, **гипермежсоуровня**), на котором находится в подавляющей своей части нынешнее общественное знание, которое, к сожалению, фактически услужливо **подлаживается** в своем большинстве под господствующую глобальную гипергегемонистскую финансово-ориентированную гиперидеологию и **полностью ей подчинилось**.

Однако нечего терять время на грусть, а нужно – **исключая** для себя такое подлаживание и подчинение **как тупиковый путь** – продолжать идти интеллектуально, духовно **вперед и вглубь**, выводя нынешнюю общественную (да и всю остальную) науку из этой методологической западни. И отступать здесь на самом деле уже некуда – только, конечно, если в еще больший и больший примитивизм.

И такое мыслительное, смыслодержательное продвижение **вперед и вглубь** показывает, что

питал тем самым теряет свое безраздельное могущество и из всеполновластного господина Человека (общества, человечества) и всеорудия тотального всегосподства над ними превращается в послушный технологический, технолого-производственный инструмент (всемежсоинструмент) позитивного общественного самосоразвития и самосопреобразования, **подчиненный именно преобразовательному сверхкапиталу и, соответственно, именно его создателям, носителям и трансляторам.**

В такой новой, сверхновой ситуации, соответственно, сверхвсесоответственно, наконец, разрешается (сверхвсесоразрешается) и **все противоречие, все всемежсопротиворечие интересов в обществе** как таковое, которое сложилось в нем, всемежсложилось к сегодняшнему дню как данность, всемежсоданность нашей нынешней логико-исторической эпохи, выступающей благодаря этому в качестве **гипермежсоэпохи, всемежсоэпохи**, которая способна открыть переход, именно **сверх(транс) сопереход** уже к **сверхвсеновейшей сверх(транс) всеэпохе.**

Да, примета, всемежсопримета нашей нынешней эпохи и открываемого ею сверхвсеновейшего сверх(транс)свыхода, сверх(транс)сопространства – это именно **всемежсопротиворечие, всемежсопротивоборство интересов как гипермежсоинтересов:** это ситуация, всемежсоситуация, когда Человек (общество, человечество) во всех своих частях, составляющих и во всех (всемежсовсех) своих (всемежсвоих) межсочастях, межсоставляющих и гипермежсочастях, гипермежсоставляющих занято тем, что **ведет борьбу с самим собой, противостоит и противоборствует самому же себе.**

И – что удивительно, но вполне закономерно, всемежсозакономерно – **не понимает, не осознает вполне** парадоксальности этой ситуации, так как Человек (общество, человечество) **пока не воспринимает** себя в своих разрозненных, разъединенных сообществах и межсообществах как единое, именно сверхсоединенное, сверхвсесоединенное **сверх(транс) сообщество**, в котором должно быть преодолено внутреннее противоборство как бессмысленное, бесперспективное состояние. А нынешняя глобальная гипергегемонистская финансово-ориентированная идеология, нацеленная на то, чтобы **всеразделять и всевластвовать**, постоянно, непрерывно внушает идею (контридею) о якобы **невозможности** такого сверхсоединения, освобожденного от вражды, агрессии, войн, страданий и потерь.

Поэтому тем более нужно понять, уяснить для себя (и довести до сознания каждого члена человеческого сообщества), что **только тогда**, когда **само соотношение, сам соалгоритм в организации собственности (капитала)** будет сорасполагаться, именно сверх(транс)сорасполагаться именно таким образом, то есть **сверх(транс)всесообразом, сверх(транс)всесоспособом**, каким мы показали выше, тогда изменится **тем же сверх(транс)всесообразом**, именно **сверх(транс)всесоизменится** и сама **направленность интересов** – которая тем самым (сверхвсесосамым) превратится, сверх(транс)всесопревратится уже теперь в **сверх(транс)всемежсонаправленность.** А этот разворот, именно

сверх(транс)всемежсоразворот исключит, преодолет, именно сверхвсесоисключит, сверхвсесопродолет само **противоборство как таковое** (и как сопротивоборство, и как межсопротивоборство и гипермежсопротивоборство и даже как всемежсопротивоборство), превратив, именно сверхвсесопревратив его уже в **сверх(транс)всеборство, сверх(транс) всемежборственность.**

Еще раз поясним, что когда соотношения, соалгоритмы в организации собственности (капитала) сорасположатся, именно сверх(транс)сорасположатся уже **сверхсообычным сверх(транс) всемежсообразом** – то есть когда **преобразователь-но-созидательный сверхкапитал** благодаря своей **сверхвсепреобразовательности-сверхвсесокапитальности сверхспособности** соохватит собой, сверх(транс)всемежсоохватит все сообычные и межсообычные виды собственности (капитала) и **сверхвсесоподчинит их себе** и когда в обществе тем самым, именно сверхвсесосамым, наконец, соустановится, сверхвсесоустановится **сверх(транс)всемежсокапитальность**, а, значит, и **сверх(транс) всемежсобственность** – **тогда и потому** мы и получим, сверхсополучим именно **сверхвсееобщее-сверхвсееобщую сверх(транс)всемежсвязанность, сверх(транс)всемежсоинтегрированность** всех интересов (соинтересов, межсоинтересов, гипермежсоинтересов и даже всемежсоинтересов) уже именно в сверхвсесоединенный **сверх(транс)всемежсоинтерес**, в сверхвсесоединенность **сверх(транс)всемежсозаинтересованность.**

Вот куда ведет нас действительно истинная, то есть **сверх(транс)всемежсоистинная** дорога, именно **сверх(транс)всемежсодорога**, именно **сверх(транс)всемежсоперспектива** и **сверх(транс)всемежсоальтернатива** и вот куда только и нужно, сверхсонужно нам идти. Противоборство же как таковое – **без его сверх(транс)соразрешения** – просто бессмысленно и бесперспективно: оно не может привести **ни к чему другому, кроме иной же формы самого себя.**

Теперь продолжим раскрывать самодинамику и конссоциотику других обозначенных выше категорий (сокатегорий) и подтвердим, что **точно так же, таким же именно сверх(транс)способом** разрешается, именно сверх(транс)всемежсоразрешается и фундаментальное **противостояние индивидуализма и коллективизма** (которое по своей сути есть ничто иное, как противостояние и противоборство частных, отдельных, частичных интересов и общих, то есть межсочастных, межсоотдельных, межсочастичных межсоинтересов). Это противостояние тоже **почти извечное:** со времени формирования в обществе частной (частно-отделенческой) собственности и частных (частно-отделенческих) интересов как таковых. Однако **вовсе не непреодолимое, вовсе не сверхвсеевечное**, как это нам преподносится сегодня нынешней глобальной гипергегемонистской гиперидеологией.

Напротив, именно сверхсонапротив, как только общество начинает выходить, сверхсвыходить на **сверх(транс)соуровень**, то есть на соуровень **сверх(транс)всемежсокапитальности-**

сти, **сверх(транс)всемирнособственности** и **сверх(транс)всемирноборственности**, иначе говоря, **сверх(транс)всемирносвязанности**, **сверх(транс)всемирноинтегрированности интересов** в **сверх(транс)всесоединенный** и **сверх(транс)всесоединенный *сверх(транс)всемирноинтерес***, так совершенно иначе, именно **сверхвсесоиначе** начинают решаться, **сверхвсесо**решаться вопросы **индивидуализма/коллективизма**.

Вся возможная обычностная **индивидуальность** (отдельность, частность, частичность), в том числе и соиндивидуальность, межсоиндивидуальность, гипермежсоиндивидуальность и всемирноиндивидуальность, как и **вся** возможная обычностная **коллективность** (межотдельность, межсочастность, межсочастичность), в том числе и соколлективность, межсоколлективность, гипермежсоколлективность и всемирноколлективность теперь – при **сверхсоциально-сверхсообразовательном *сверхсоперевороте*** – соединяются (сверхвсесоединяются), **сообщаются** (сверхвсесообщаются) в **сверхвсесообщностную** **сверх(транс)всемирносвязанность**, **сверх(транс)всемирноинтегрированность**.

И мы выходим, именно **сверх(транс)со**выходим на такой **сверх(транс)всесоуровень**, где **вся** обычностная индивидуальность становится, **сверхвсесо**становится **сверх(транс)всемирноиндивидуальной**, и, значит, тем самым и **сверх(транс)всемирноколлективистской**, а **вся** обычностная коллективность – точно так же **сверх(транс)всемирноколлективностной** и, значит, тем самым **сверх(транс)всемирноиндивидуальной**.

Ведь все будет теперь так **сверх(транс)всемирносвязанно**, **сверх(транс)всемирноинтегрированно**, что оно будет именно **сверх(транс)всемирноотдельно**, **сверх(транс)всемирносочастно**, **сверх(транс)всемирносочастично** и, соответственно (сверхвсесоответственно), **сверх(транс)всемирнообщностно**. И по-другому быть не может.

А теперь нужно сделать еще один рывок и понять следующее: в этой **сверхсообщностной** **сверх(транс)всемирносвязанности**, **сверх(транс)всемирноинтегрированности** **я** и любой другой такой же **как я** теперь действительно (сверхвсесодействительно) **свободен**, именно **сверх(транс)всесо**свободен – ведь теперь **я** и любой другой такой же **как я** теперь **не просто** лишь индивидуален (а, значит, все равно ограничен лишь этой своей собственной индивидуальностью), а **мы** все вместе **не просто** лишь коллективны (то есть, значит, все равно ограничены этой своей межсобственностной коллективностью) – теперь **я** еще и **сверх(транс)всемирноиндивидуален** и **вместе со всеми** еще и **сверх(транс)всемирноколлективен**, вообще же **сверх(транс)всемирнообщностен**, **сверх(транс)всеобщностен**.

И все это благодаря тому, что **я** и любой другой такой же **как я** способен выступать как **субъект (сосуъект) преобразовательности, созидательности** и обладать именно этой **сверхфункцией, сверх-**

миссией, сверхролью.

Если в этой **сверхсообщностной** **сверхсоциально-преобразовательности** преобразовательно-созидательных **сосуъектов** меня самого взять как часть, составляющую какого-то конкретного коллектива, какой-то социальной общности (расовой, национальной, родовой, религиозной, политической, профессиональной, государственной) и даже межсообщности, межсообщности таких коллективов, таких общностей, **сколько их ни дели и ни умножай**, то я не буду уже ограничен ими – ведь теперь я выступаю как **сверх(транс)сочасть, сверх(транс)составляющая** **сверхвсесообщно-сверхвсесообщностной** **сверх(транс)сообщности, сверх(транс)сообщности**, и у меня в ней свое собственное (на деле **сверхвсесо**собственное) **сверх(транс)соместо**, так как я обладаю, фактически **сверхсо**обладаю той же **сверхвсесообщно-сверхвсесообщностной *сверхмиссией и сверхролью***, что и все они. **Вот откуда** и у меня, и у них в этой **сверх(транс)социально-преобразовательности** берется **сверхсвобода**, в **сверх(транс)сообщности** которой уже преодолевается, именно **сверх(транс)всесо**преодолевается противостояние «свобода/несвобода (принуждение)».

Свобода – это, без преувеличения (как и равенство), **великая** категория. Однако и она, будучи на самом деле **сверх(транс)со**категорией, точно так же **совключена** в **СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОН, СВЕРХ(ТРАНС)АЛГОРИТМ** и потому регулируется, **сверх(транс)со**регулируется **им**, а не чем-то иным, лишь произвольным и лишь выдуманным. **Из этого и нужно исходить**, а не из плоских и убогих представлений о «свободе».

Сегодняшние объяснения свободы Человека и ее условий, подаваемые нам с позиций глобальной гипергегемонистской идеологии, гласят, убаюкивая нас и успокаивая: **«У тебя в нынешнем обществе со свободой все хорошо, ты живешь в самом свободном из возможных типов общества, ты полностью свободен, ведь ты сам полностью свободно делаешь свой выбор!»**

Так ли это? Конечно, **вовсе не так!**

На самом деле в нынешнем типе общества условия таковы, что свобода Человека настолько ограничена, ущемлена, что он (и как индивид, и как отдельно взятый коллектив, отдельная общность, и как глобальное, мировое сообщество) большей частью **вообще не понимает** ни того, **насколько** в реальности он до сих пор **несвободен**, ни **условий** своей несвободы и **сверхусловий** будущей действительностной (именно **сверхвсесодействительностной**) свободы, именно **сверхсвободы**, ни, соответственно, того магистрального направления, именно **сверхвсесо**направления, в котором-то ему нужно, **сверхсо**нужно соприродиться, **сверхсо**продвигаться **к все более и более *сверхвсесообщностной* свободе**.

Добавим, что в нынешнем типе общества у Человека **нет** полной свободы именно **в равенстве**, как **нет** и **полного равенства в свободе**, почему в итоге **отсутствует и истинная справедливость**. Ведь категориально **свобода, равенство и справедливость** (а также, вообще-то, еще и **эффективность**) взаимосвязаны и в любом типе общества соответствуют друг другу по своей содержательной наполненности, качественной соопределенности.

Однако лишь критиковать и видеть ограниченность нынешней общественной системы **недостаточно для науки**, нужно **показывать, куда и как идти**. Поэтому формулируем здесь четко и ясно: дорога к истинной свободе (как и к истинному равенству, истинной справедливости и эффективности) лежит **через изменение, именно сверх(транс)соизменение** характера соотношений собственности, типа (способа) присвоения (обладания), типа (способа) присваиваемого (осваиваемого) капитала – **в пользу, в приоритет их преобразовательно-созидательно-го, преобразовательно-сверхкапитального сверххарактера, сверхтипа (сверхспособа)**.

Нынешнее же общество пока находится под господством **формальностно-накопительного, накопительно-гиперкапитального** типа (способа) общественного воспроизводства. Ключевыми объектами присвоения (обладания) здесь выступают **объемы всемежсубъектного капитала, гиперкапитала** в его **двух основных сотипах (всемежсотипах)**: финансового (финансово-инвестиционного, финансово-олигархического) и формальностно-интеллектуального (интеллектуально-инвестиционного). **Иерархия собственников выстраивается именно по этим объемам**: от минимального к максимальному, а сами указанные сотипы (всемежсотипы) гиперкапитала **связаны взаимопереливом через обмен**, благодаря чему различие (соразличие) между всеми социальными субъектами как **собственниками** заключается **в размере (соразмере)** присваиваемых ими объемов обоих сотипов всемежсубъектного капитала, в которых в конечном счете (именно всемежсубъектно) выражено **все возможностное обыкностное богатство** (финансовое, стоимостное и интеллектуальное, ценностное) и через которые **все** собственники **всемежсубъектно связаны и всемежсубъектно измеримы**, в том числе и в своей формальной общественной значимости.

Задача же **властной иерархии** в данном типе общества – обслуживать и воспроизводить **именно такую иерархию собственников**, которая выступает в силу глобальной гиперорганизации хозяйства и геополитического миропорядка, обеспечивающих переток финансовых и интеллектуальных ресурсов в глобальные гипергосподствующие центры олигархизма и гегемонизма – в качестве **именно глобальной гипериерархии**.

Раз существует такая иерархия, даже гипериерархия собственности (капитала), интеллекта и власти, то, соответственно, мы имеем здесь колоссальный разброс в складывающихся глубинных и глобальных возможностях и ограничениях осуществления свободы и равенства.

При этом, понятно, с одной стороны, что у тех, кто находится на вершине современного социального неравенства, обладая гиперобъемами финансового и интеллектуального богатства, а также и властных полномочий и тем самым концентрируя в своих руках гиперусловия, дающие возможность управлять другими и принуждать их в своих интересах, конечно, **свободы намного больше, чем у остальных**.

Вместе с тем, однако, с другой стороны, понятно, что даже у них при данном типе организации общества, его общественно-экономической и со-

циальной структуры (иерархии) на самом деле **свободы** больше **не вообще, а лишь только** в этих же самых обыкностных гиперкапитальных, вполне определенных, ограниченностных самим же типом собственной организации рамках, пусть даже и гиперрамках. На самом деле **они тоже**, как и все остальные, **не являются полностью свободными**. Ведь они все равно обладают (и управляют) **не всеми** условиями, **не всем** их объемом, а **только частью**, пусть и гиперчастью, гиперобъемом. И их **свобода выбора** складывается **тоже только в рамках** лишь имеющегося в данной системе общественных координат набора условий, пусть даже и **гипернабора**, но **не выходит за них**, не охватывает **сверхусловий, сверхсубъективных**.

А раз так, то им как раз-то и **неподвластен механизм развития и преобразования** (именно не тот, освоенный ими текуще-накатанный, приносящий им гиперприбыль, гипернаживу и в то же время довлеющий над ними, определяющий их образ жизни и способ мышления, а **стратегически-перспективный**). Чем лучше они выполняют все **текущие** условия и карабкаются, как им кажется, вверх по своей лестнице богатства и успеха, **тем неумолимее они приближают свой собственный исторический крах**, так как их деятельность по умножению и накоплению частного, персонального гипербогатства лишена **истинно созидательной основы** и имеет лишь некоторый текущий, преходящий смысл, **но не более того**.

А **каким смыслом** наполнена их ежедневная текущая жизнь? Если оставить в стороне непрекращающиеся развлечения и растраниживание богатств, а также некоторую определенную, больше вынужденную и обращенную к общественному мнению благотворительность, то все остальное **сводится к тому**, что им приходится вести постоянную неумолимую борьбу за удержание, сохранение и увеличение гиперобъемов своего богатства, стремясь сделать их гипер-гипер-гипер... объемами, так как им как обладателям богатств кажется, что **только это** дает им гарантии стабильности и спокойствия. То есть сам этот тип, гипертип общества, сам этот способ, именно гиперспособ общественного воспроизводства **подчиняет даже свободу самих гиперсобственников себе**, принуждая их к бесконечной погоне за все большей прибылью, наживой и делая их все более и более зависимыми от нее в своем образе жизни, идеологии и психологии.

Много ли смысла в такого рода «свободе»? Похоже, что не только к беднякам можно отнести выражение **«они влачат свое существование»**. Богатые тоже рабы своего богатства, рабы накопления. А если сама их жизнь подчинена этому, то что это за жизнь? **Существование!**

Конечно, у такого существования **очень ограниченностный, выхолощенный смысл**. И если бы нынешнее общество, в угоду сильным мира сего не подменяло понятия и не возносило на пьедестал формальное богатство как таковое, эта ограниченностность смысла была бы проявлена.

А в том, в чем мало истинного смысла, в том мало и истинной свободы, как и наоборот.

**В том, в чем мало истинного смысла,
в том мало и истинной свободы – и наоборот**

Вот почему в типе общества, ограниченного в своем механизме воспроизводства лишь потреблением и накоплением обычных видов богатства (обычных благ) с превращением их объемов в гиперобъемы и гипер-гипер-гипер...объемы, **в принципе не может быть полной, истинной свободы** – даже для тех, кто, казалось бы, управляет этим потреблением и накоплением.

Здесь свобода выбора такова по своему смыслу: либо довольствоваться тем или иным имеющимся у тебя ограниченным объемом благ, с постоянной боязнью лишиться даже его, либо постоянно (и бесконечно) стремиться ко все большему и большему объемам **обычных благ, при этом (внимание!) все равно ограниченным в принципе, как бы велики они ни были** – что как раз-таки и остается вне осмысления.

Поскольку же жизнь в таком типе общества тяжела и представляет собой непрерывную **борьбу за выживание**, то большинство начинает жить именно по такому смыслу, принимая его за истинность, стремясь достичь какой-то критически максимальной для себя планки в накоплении богатства (а значительная часть верит, что сможет достичь и наивысших планок!), при этом вообще не осознавая малосмысленности и малоперспективности **самого способа** такого своего существования.

Истинностный же смысл, в отличие, сверхсоотличие от общества потребления и накопления, может дать **только общество созидательно-преобразовательного сверхтипа**, в котором уже таким образом, именно **сверх(транс)сообразом** изменен (сверхсоизменен), преобразован (сверхсопреобразован) сам механизм общественного, общественно-экономического воспроизводства, что на главное, наивысшее место поставлено уже именно **возрастание самой созидательности, преобразовательности, творческой результативности как таковой с реализацией этого прироста в преобразовательном сверхтипе труда и капитала**.

Иными словами, на место лишь потребления-накопления **обычных** видов богатства (**обычных** благ) здесь уже поставлено теперь освоение истинного **сверхбогатства (сверхблага)**, в качестве (сверхкачестве) которого выступает **сверхуниверсально-сверхуникальная способность (сверхспособность) к созиданию, преобразованию, творчеству, основанная на преобразовательном знании (сверхзнании)**. Самовозрастание же самой этой **преобразовательно-созидательной способности** и достигаемой с ее помощью результативности и эффективности в процессе **преобразовательно-ориентированного труда** имеет здесь **самостоятельное значение**, реализуясь в различных видах **инноваций**.

Вот почему мы говорим о **преобразовательной сверхспособности**, основанной на **преобразовательном сверхзнании**, именно как о **преобразовательном сверхкапитале**: ведь это именно способность (сверхспособность) **к постоянному**

сверхувеличению самой же (!) созидательной, преобразовательной, творческой сверхспособности, это **сверхспособность сверхспособности(!)**.

Эта **преобразовательно-созидательная самовозрастающая сверхспособность** обладает, сверхобладает такой самоценностью, именно сверхсамоценностью, которую **невозможно ничем заменить**: ведь она действительно представляет собой **сверхбогатство и сверхблаго, богатство всех богатств и благо всех благ, создающее все иные богатства и блага**. Вот почему она **не просто эквивалентна** им и **не просто способна быть обмененной** на них, как обычная способность к труду (или, иначе говоря, как обычный, конкретно-функциональный человеческий капитал), а она именно **сверхсоэквивалентна и сверхсообменна**, то есть она сравнима и сопоставима только с такого же сверхрода сверхбогатствами и сверхблагами как она сама, содержащимися в обычных богатствах и благах и обладающими такого же сверхрода сверхценностью. То есть это уже и иного рода, именно сверхрода обмен, именно **сверхобмен (сверхвсеобмен)**: обмен самим **преобразовательно-созидательным содержанием**, то есть именно **сверхдополненным (инновационным) сверхсодержанием**, от которого выигрывают и становятся не просто богаче, а именно **сверхбогаче** все участники обмена.

Вот почему – дополняя и перефразируя известный коммунистический принцип будущего – можно его уточнить и утверждать, что: в **преобразовательно-созидательном типе (сверхтипе)** общества от каждого его индивидуального и коллективного члена **привносится по его преобразовательной способности (сверхспособности)**, а **возмещается по его ключевой потребности (именно по сверхпотребности в самовозрастании самой этой его сверхспособности)**.

В преобразовательно-созидательном сверхтипе общества от каждого его индивидуального и коллективного члена привносится вклад, соответствующий его собственной преобразовательно-созидательной способности (сверхспособности), который возмещается ему по его собственной ключевой потребности (сверхпотребности) в саморазвитии самой этой его сверхспособности к преобразованию, созиданию

Кстати, тем самым обеспечивается и **наивысшая** из всех возможных степеней (именно сверхстепень) **равенства** общественного вклада и его возмещения, а тем самым еще и **наивысшая** степень (именно сверхстепень) **социальной справедливости и социально-экономической эффективности**.

Таким образом, именно сверх(транс)сообразом, теперь понятно, что именно в соовладении **преобразовательно-созидательной сверхспособностью** и сообеспечении ее всеобщего самовозрастания как **преобразовательного сверхкапитала (сверхбогатства, сверхблага)** с его реализацией в инновационно-содержательных всеобщественно-полезных

продуктах, услугах, технологиях, сервисах, практиках и содержится тот истинный (сверхсосоистинностный) смысл (сверхсосмысл) истинного человеческого, то есть всеосмысленного существования, в котором и заключена истинная (сверхсосоистинностная), полноценная (сверхсосоисполностная) свобода, сверхсосвобода. А также заключено и истинное равенство, именно сверхсоравенство.

Именно в соовладении всеми членами общества преобразовательно-созидательной сверхспособностью и в сообеспечении ее всеобщего самосоизрастания как преобразовательного сверхкапитала с его реализацией в инновационно-содержательных результатах и заключены истинный смысл, сверхсосмысл всеосмысленного существования Человека, его полноценная свобода, сверхсосвобода и истинное равенство, сверхсоравенство

Сверхсвободны (сверхсосоисвободны) только такие созидатели, которые способны совместно созидать и развивать *сами условия созидания*, то есть со-созидатели созидания, сверхсозидатели, именно они поднимаются в возможностях своего обладания, присвоения недостижимо сверхвыше всех лишь обычных богатств и благ в любых их объемах и гиперобъемах.

Они же способны достичь наивысшей степени (сверхсостепени) равенства, так как в своих преобразовательно-созидательных способностях и возможностях они сверхсоравностны друг другу.

Понимая все это, мы можем в данном контексте (сверхсоконтексте) совершенно четко определить наиболее глубинные основы как кризиса и краха советского общества, так и накопления предпосылок кризиса нынешнего российского общества.

В рассматриваемом сверхсоконтексте очевидно, что советское общество – как и вся мировая система социализма – утратили свою вселенскую стратегическую перспективную сверхцель, как только они свели ее к обычной и слишком приземленной, прагматичной цели – возрастанию потребительского благосостояния. Фактически ими был перенят лозунг противостоявшей им глобальной капиталистической системы об «обществе потребления» или «государстве всеобщего благоденствия» («wellfare state»). Акцент был сделан не на создании все более адекватных условий для возрастания преобразовательно-созидательной способности общества, а лишь на создании условий для роста потребления обычных благ. И хотя речь в советском обществе постоянно шла также и о необходимости «все более полного удовлетворения возрастающих духовных потребностей» (а не только материальных), сам же изменившийся вектор проектирования будущего изменил теперь и ценностное ядро духовных устремлений, подчинив их содержанию росту материального благосостояния.

Почему и вполне объяснимо, что поставив, в особенности начиная с 1960-х годов, во главу угла

лозунг «роста благосостояния трудящихся» (сам по себе, конечно верный и отвечающий текущим и долговременным потребностям людей), однако сделав его тем самым самодовлеющим и не подкрепив его именно не на словах, а на деле вполне конкретным проектированием все более глубинного преобразования общественных отношений в направлении обеспечения верховенства преобразовательного сверхкапитала и преобразовательного по своему типу (сверхтипу) самостоятельного труда, советское общество неизбежно должно было сойти с пути все большего укрепления основ общества созидателей к обществу потребления и накопления, у которого иная цель и иные средства.

Так и произошло в конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда, оказавшись на развилке, где еще мог состояться выбор иного, наиболее стратегически перспективного пути, советское общество уступило напору вполне созревших и укрепившихся в нем потребительски-накопительных, торгово-распределительных, несозидательных сил и, так и не увидев действительного пути вперед, фактически ушло назад – вновь в глобальную систему господства финансово-олигархического капитала и его гипергегемонистской верхушки, тем самым полностью подчинившей себе теперь уже не часть мира, а весь мир.

Такой уход от социально-преобразовательной самостоятельности, представлявшей миру реальную самодостаточную, свободную от финансово-олигархического гипергосподства альтернативу и перспективу, вновь к подчиненности отживающей свой век, малоперспективной и имеющей в своей основе мало действительного смысла системе общественно-экономических отношений объясняется не только внутренними и глобальными социально-экономическими процессами, но и соответствующей теоретико-методологической слепотой, отсутствием разработанного видения логико-исторической перспективы. Такова реальность.

Чтобы действительно идти вперед и вглубь, необходимо еще и четкое понимание того, как проходит логико-историческая смена основных типов производительных сил, ключевых типов факторов труда и производства: а именно от конкретно-натурального (конкретно-специализированного) типа (односотипа) к обменно-специализированному (товарному, товарно-денежному, денежно-товарному) типу (межсотипу), затем к капитало-специализированному (капитало-инвестиционному, финансово-инвестиционному, интеллектуало-инвестиционному) типу (всемерсотипу) и уже от него – к инновационно-специализированному, преобразовательно-сверхинтегрирующему сверх(транс)всемерсотипу. (Все это разъяснено в нашей работе 2017 года «Сверх(транс)сущность труда и эволюция создаваемых им типов ценности, стоимости. От наемного труда и финансового капитала – к преобразовательному самостоятельному сверхтруду и сверхкапиталу»).

Если исходить из этой последовательности и заложенной в ней действительной перспективы, то очевидно, что советское общество даже с развертыванием в XX веке научно-технологической революции не задействовало адекватных передовых соци-

ально-экономических решений, пытаясь во многом консервировать все еще обменно-специализированный тип воспроизводства, причем на его товарно-денежной стадии, очень слабо поддерживая и стимулируя передовые интеллектуально-специализированные процессы и отношения, а также ничего не предпринимаемая для преодоления системы наемного труда. Поэтому не столь удивительно, что в конце концов **оно не удержалось на своей собственной, изначальной созидательно-трудоустройственной основе**, внесенной Великой революцией 1917 года, и **вместо перехода к типу общества, основанному на преобразовательном (инновационно-содержательном) сверхтруде и сверхкапитале, вновь вернулось к тому типу общества, в котором господствует стремление к извлечению частнособственнической гиперприбыли любой ценой, созидательный же результат второстепенен.**

Тем самым **остались и продолжают оставаться нераскрытыми** искомые, востребованные обществом в своем саморазвитии значительно более высокие и более глубинные степени социально-экономической и социокультурной свободы, как и равенства, справедливости и эффективности.

Поэтому (и здесь не надо обольщаться ныне пока господствующим и находящимся вроде бы в зените своего могущества финансово-олигархическим социальным силам) именно по этой же самой сверхпричине – **нераскрытости последующей, более высокой и глубинной степени свободы, равенства, справедливости и эффективности** – те же самые неразрешенные задачи, от которых пытаются сегодня всячески уйти сильные мира сего, отвлекая энергию общества на внутреннее противоборство, стоят и перед нынешним глобальным финансово-инвестиционным, финансово-олигархическим и вместе с тем формально интеллектуально-инвестиционным, интеллектуально-олигархическим типом (гипермежсостипом) общества, втянувшим после распада СССР и мировой системы социализма в свою орбиту также и Россию и постсоветские и постсоциалистические страны.

В своих собственных рамках (лишь гипермежсостипах) нынешний тип общества разрешить этих задач **не может, не способен.** Тем более из этого должно быть очевидно, что ему **неизбежно предстоит** пройти через **законмерное самопреобразование**, а тогда еще более очевидно, что такое самопреобразование не будет чисто косметическим и как раз именно приведет к выходу, сверхвыходу за все достигнутые общепринятые капитальности, пусть даже и гиперкапитальности рамки (гипермежсостипа), за которыми открывается беспредельное, безграничное пространство (сверхпространство) **верховенства преобразовательного, то есть инновационно-содержательного (или, что то же самое, интеллектуально-сверхсодержательного, сверхформально-ориентированного) сверхкапитала.**

А тогда опять-таки очевидно, что речь идет в действительности о переходе на такой **сверх(транс)соуровень** общественной системности, на котором будет достигнут, сверхдостигнут уже вообще **сверх(транс)всеобщесоциальный сверх(транс)всеобщесохарактер** связей, отношений, соотношений и общество в таком новом состоянии начнет **всесторонне** самосообразовывать, сверх(транс)

самосообразовывать **само себя** посредством **всесторонне направленного всепреобразования** условий для своего непрерывного **всестороннего самосовершенствования.**

Именно в этой сверх(транс)состоичке раскрывается пространство для истинной свободы, как и истинного равенства, истинной справедливости и эффективности – ведь они не ограничены теперь зависимостью ни от какого общепринятого финансового или формально-интеллектуального или вообще какого-либо общепринятого капитала, а определяются **только самой преобразовательно-созидательной содержательностью действий и их результатов.**

Свобода здесь четко определяется **пространством творчества** именно для **всеобщей полезной созидательной** (а не какой-либо иной, то есть не для разрушительной, деструктивной, дезорганизующей либо пустой, бессодержательной, лишь имитирующей) **деятельности**, и именно это пространство здесь безгранично – кроме тех моральных самоограничений (опять же проистекающих из глубоко созидательного духовно-нравственного императива), которые накладывают на себя члены сообщества создателей. Это и есть сверхобщепринятый тип, сверхтип свободы, это и есть **преобразовательно-созидательная сверхсвобода.**

Пространство равенства здесь тоже определяется **равенством возможностей доступа к преобразовательности, к созидательной деятельности**, и в данном типе (сверхтипе) общества вклад каждого **равен и сопоставим** тем, что он здесь изначально инновационен, необычен (сверхобщепринят), а вот по своей содержательности он **заведомо всегда неравен (сверхравен)** – опять-таки именно потому, что **всегда уникален, необычен (сверхобщепринят).** Почему мы и имеем здесь не просто общепринятое равенство или общепринятое неравенство, а уже именно **сверх(транс)общепринятое сверх(транс)всестороннее/сверх(транс)всестороннее неравенство.**

Поэтому и пространство социальной справедливости здесь уже **сверх(транс)всесторонне и сверх(транс)всесторонне справедливо**, а пространство общественной, общественно-экономической эффективности – **сверх(транс)всесторонне и сверх(транс)всесторонне эффективно.**

Это так, потому что **справедливость/несправедливость** здесь преодолевает свое внутреннее самопротивостояние и, наконец, избавляется от односторонности каждой из сторон. Здесь уже исключается установление благополучия и гиперблагополучия одних за счет неблагополучия или ущемления благополучия других: ведь здесь **все без исключения** вносят свой **максимально-возможный преобразовательно-созидательный вклад**, постоянно стремясь к его содержательному возрастанию, и вознаграждаются именно **соответственно** ему. Поэтому справедливость **едина и всеобща (сверхедина и сверх-всеобща)** и распространяется именно в таком своем виде, сверх(транс)виде **на всех**, причем по форме она **единообразна**, а по содержанию **разнообразна**, сверхучитывая и сверхохватывая все различия (составляющие) и подчиняя их единству подхода.

Точно так же в связи с этим и **эффективность/неэффективность** преодолевает свои односторонности, ведь здесь повсеместно уже освоена **сверхобщепринятая**

ностная эффективность, фактически **сверхэффективность, сверх(транс)созффективность**, протекающая из *заведомой инновационности* результатов. То есть здесь исключены сами по себе обыденные неэффективные результаты. **Инновационные же** результаты – если они таковы – по самой своей сути имеют **сверх(транс)всесообщественный** характер, **сверх(транс)сохарактер**: ведь они и есть **импульсы сверхкачественного развития, дополнения качественности как таковой**.

На **сверх(транс)соуровне** социальной системности работает **сверх(транс)сомеханизм преодоления, сверх(транс)сопреодоления противостояния, противоборства**, действие которого проявляется **во всем**.

Отсюда понятно, сверхсопонятно, что на сверх(транс)соуровне точно так же и совместно, сверхвсесообщественно со всем этим разрешается, именно сверх(транс)соразрешается и противоречие, всемежсопротиворечие *между стихийностью и сознательностью*. Сегодня его тоже не могут до конца понять и объяснить, поскольку **сама объяснительность** ныне господствующего типа мышления остается в лучшем случае на всемежсоуровне связанности, системности, не получая полной (то есть именно сверхсополностью) замкнутости и не будучи тем самым способной свести все концы со всеми концами (как и все начала со всеми началами).

А вот именно **в уровне охвата (соохвата)** и заключена сама проблема стихийности/сознательности.

Не видя, не охватывая (не сверхвидя, не сверхохватывая) всего механизма самосоразвития и самосопреобразования, то есть именно их **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)МЕХАНИЗМА**, мышление (познание, сознание, мировоззрение, миропонимание) остается не вполне сознательным.

Стихийность как таковая сохраняется там и тогда, где и когда она **не полностью** (то есть именно **не сверхсополностью**) **соохвачена** (то есть именно **сверхсоохвачена**) сознательностью, иначе говоря, еще не сверхсоосмыслена, не сверхсопознана, не сверхсоувидена, не сверхсопонята в своем механизме. Это есть иное выражение *сохраняющейся несвободы* – ведь на самом деле **полная свобода** не есть «радостный» выбор в условиях незнания, неполного знания, а, напротив, **сверхсопротив**, это **тот выбор**, который осуществляется при **наиболее полном** (а, значит, именно **сверхсополном, сверхсополнейшем**) знании сути дела (а, значит, его **сверхсо сути** и даже **сверх-сверхсо сути**).

Как мы уже показали выше, малосмысловость осуществляемой деятельности и ее малоосмысленность (иначе говоря, малосознательность) есть **малая свобода**.

А кажется-то так, что дело обстоит как раз наоборот: что якобы свободен тот, кто стихийен, кто в стихии. А вот и нет – свободен тот, кто **управляет** стихией. А чтобы ею управлять, нужно ее **понимать**. А вот чтобы управлять ею **не лишь** частично, а **полноценно**, нужно понимать, охватывать ее **в полном объеме**. Иначе само управление остается лишь **внутри** стихийности, не выходя **сверх** нее, не становясь **над** нею.

Так пока и действует механизм стихийности/сознательности в современном обществе, где созна-

тельность, осмысленность имеет до сих пор лишь частный, частичный характер, в лучшем случае межсочастотный, межсочастичностный характер (межсохарактер) и **не более того**, почему сознательность здесь **лишь вплетена в стихийность и плетется за нею**, стихийность же **по-прежнему господствует** (хотя ее объем и сузился значительно). Главное сегодня состоит в том, что сама сознательность пока еще строится на навязываемом стихийностью противостоянии и противоборстве, преодолевая его лишь межсочастотным, межсочастичностным порядком (межсопорядком) сотрудничества, не достигшим еще всеобщности.

Сверх(транс)соохват стихийности сознательностью и, соответственно, противоборства сотрудничеством происходит только уже на **сверх(транс)соуровне, сверх(транс)соступени** общественности, социальной системности, связанности, и тем самым, сверхсосамым он превращает, сверхсопревращает **саму стихийность в сверх(транс)со связанностную сосистемность**, то есть уже в **сверх(транс)со стихийность**, так как здесь теперь удастся, сверх(транс)соудается связать, сверх(транс)всемежсо связать все без исключения общественные, общественно-экономические связи, отношения, соотношения, закономерности через **созидательную преобразовательность** как таковую, то есть через **преобразовательно-созидательный сверхкапитал**.

Это фактически означает, что не только в базовом построении общества как социальной системы, но и в его познании, понимании удастся сверх(транс)всемежсо связать все начала и все концы не только друг с другом, но и **все их вместе** еще и **через, сверх(транс)со через СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОН**. Почему здесь **сама сознательность**, соответственно, сверхвесоответственно сообрастает, сверх(транс)всемежсообрастает уже в **сверх(транс)соосознательность, сверх(транс)соосмысленность**. Благодаря этому, как уже показано выше, **сама свобода** как таковая становится, именно сверх(транс)со становится уже **сверх(транс)со свободной**, то есть **сверх(транс)соосознанной и сверх(транс)соосмысленной**.

Вместе с тем ведь и **само принуждение** как таковое, соответственно, сверхвесоответственно, становится, сверхсо становится в самом себе уже **сверх(транс)сопринуждающим, сверх(транс)всемежсопринуждающим**, так как оно делает сам источник побуждения к деятельности (а теперь-то именно к **преобразовательно-созидательной**, по своему сверхсо типу, деятельности) уже **сверх(транс)всемежсоприсутствующим** источником, именно **сверх(транс)всемежсоисточником**.

А это как раз позволяет разрешить, именно сверхсо разрешить противоречие, всемежсопротиворечие *между внешней стимулированностью и внутренней мотивированностью*.

Ведь если ты хозяин (сохозяин) **всего** (и даже **сверхвсего**) и владеешь **всем** (и даже **сверхвсем**) – а именно так и происходит при овладении **преобразовательно-созидательным сверхкапиталом** (то есть **преобразовательной созидательностью** в знании и действии) и его именно сверхвсемообще-сверхвсемообщим содержательно-структурным **СВЕРХ(ТРАНС)**

ЗАКОНОМ – и из этого проистекает для тебя источник, **сверх(транс)всемерсоисточник** побуждения к деятельности, **тип которой** (теперь уже **сверхсотип**) тоже обусловлен **всем этим же самым**, то для тебя уже нет ничего, что было бы лишь чисто «внешним» или лишь чисто «внутренним», а все, что есть, это *твое*, причем именно как **сверх(транс)совнешнее/сверх(транс)совнутреннее**, так как **весь Мир твой**.

И поэтому на **сверх(транс)соуровне** социальности системности «внешнее» стимулирование полностью – даже именно **сверх(транс)** сопольностью – **совпадает** с «внутренним» мотивированием. Поэтому столь же **сверх(транс)соохватно** стимул как «внешний» импульс **совпадает** с мотивом как «внутренним» импульсом, ведь они теперь **сверх(транс)соединены в сверх(транс)соцелостность**. Мы получаем здесь точно так же, как и во всех других аспектах, уже **сверх(транс)сообъединенность**, **сверх(транс)сосвязанность** – именно **сверх(транс)состимулированность/сверх(транс)сомотивированность**.

Все, что воздействует теперь извне, столь же органично и гармонично, столь же очевидно и понятно, столь же сокомфортно и сопряжено, как и все то, что теперь идет изнутри – ведь все это одна и та же **стоящая над всем и сверхсоохватывающая все преобразовательная созидательность**, подкрепленная **сверхвсеобщим сотрудничеством**.

И ничто не может воздействовать на тебя против твоего желания и твоей воли, потому что сами твои желания и воля стали **сверх(транс)соопределенными**, они теперь **сверх(транс)всенепреклонны**, а потому не поддаются в принципе никаким отклонениям от себя и искажениям себя и тем самым никаким отклонениям от **сверх(транс)созакономерности** и ее искажениям.

Когда все и вся (и даже **сверхвсе** и **сверхвся** и **сверх-сверхвсе** и **сверх-сверхвся**) **сверх(транс)соопределенно**, **сверх(транс)созакономерно**, **сверх(транс)содетерминированно**, то оно и

сверх(транс)состимулированно/сверх(транс)сомотивированно. Все движется не просто лишь отдельными, частными и частичными стимулами и мотивами, пусть даже межсодельностными, межсочастными, межсочастичными межсостимулами и межсомотивами и даже всемерсоотдельностными, всемерсочастными, всемерсочастичностными всемерсостимулами и всемерсомотивами, а именно **сверх(транс)всемерсоотдельностным, сверх(транс)всемерсочастностным, сверх(транс)всемерсочастичностным, сверх(транс)всемерсообщностным** **сверх(транс)всемерсостимулом/сверх(транс)всемерсомотивом**, для которого нет препятствий и преград.

СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОН, СВЕРХ(ТРАНС)СПОСОБ, СВЕРХ(ТРАНС)ЦИКЛ, СВЕРХ(ТРАНС)АЛГОРИТМ, СВЕРХ(ТРАНС)МЕХАНИЗМ – он же и есть источник, именно **сверх(транс)соисточник** **СВЕРХ(ТРАНС)СОСТИМУЛА/СВЕРХ(ТРАНС)СОМОТИВА** как **СВЕРХ(ТРАНС)СОИМПУЛЬСА**, ведь на нем строится, **сверх(транс)совыстраивается** все (и **сверх-все** и даже **сверх-сверхвсе**) самосо(про)движение, самосоразвитие, самосопреобразование. И это такой источник, который, как мы уже неоднократно показали выше, по достижениям и освоении самого себя как **сверх(транс)соуровня** всей системности, то есть и **СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКИ** и **СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКИ** самовозобновляет сам себя затем уже и на **сверх-сверх(транс)соуровне** и потом на **сверх-сверх(транс)сосоуровне** и т.д. и т.д.

В таблице 2.7 сведена и обобщена **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКА** и вместе с тем **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКА** рассмотренных нами сокатегорий, **сверх-сверх(транс)сокатегорий**, выражающих организационные, социально-экономические и социокультурные соаспекты, **сверх-сверх(транс)соаспекты** системности и связанности.

Таблица 2.7

Обобщение, сверх-сверх(транс)сообобщение СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКИ И СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКИ сокатегорий, выражающих организационные, социально-экономические и социокультурные соаспекты системности и связанности

Сокатегории системности и связанности в их СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКЕ и СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКЕ	Соуровни (сотипы, соспособы, социклы, соалгоритмы)				
	Первичностный односоуровень (уносоуровень)	Вторичностный двумерсоуровень (дуасоуровень)	Третичностный всемерсоуровень (триасоуровень)	Четверичностный сверх(транс)соуровень (квадрасоуровень)	Пятеричностный сверх-сверх(транс)соуровень (пентасоуровень)
Сораздельность/сокооперированность (соструктурно-софункциональность/сокоординированность)	Односораздельность/односокооперированность, одноструктурно-однофункциональность/односокоординированность	Двумерсораздельность/двумерсокооперированность, двумерструктурно-двумерсофункциональность/двумерсокоординированность	Всемерсораздельность/всемерсокооперированность, всемерструктурно-всемерсофункциональность/всемерсокоординированность	Сверх(транс)всемерсораздельность/сверх(транс)всемерсокооперированность, сверх(транс)всемерструктурно-сверх(транс)всемерсофункциональность/сверх(транс)всемерсокоординированность	Сверх-сверх(транс)всемерсораздельность/сверх-сверх(транс)всемерсокооперированность, сверх-сверх(транс)всемерструктурно-сверх-сверх(транс)всемерсофункциональность/сверх-сверх(транс)всемерсокоординированность

Автономность/централизм (соавтономность/соцентрализация)	Одноавтономность/одноцентриализация (один автономный сам в себе центр, самопоглощенный самим собой)	Двумежавтономность/двумежцентрализация (два межсвязанных автономных соцентра, связанных междоцентром)	Всемежавтономность/всемежцентрализация (много межсвязанных автономных междоцентров, которые затем всемежсвязанности, всемежсвязанности)	Сверх(транс)всемежавтономность/сверх(транс)всемежцентрализация: центры как всемежцентры сверх(транс)всемежавтономности и сверх(транс)всемежсвязанности, потому они сверх(транс)всемежцентрализованы	Сверх-сверх(транс)всемежавтономность/сверх-сверх(транс)всемежцентрализация: всемежцентры как сверх(транс)всемежцентры сверх-сверх(транс)всемежавтономности и сверх-сверх(транс)всемежсвязанности, потому сверх-сверх(транс)всемежцентрализованы
Самоконтроль/внешний контроль	Односамосоконтрольность=односоконтрольность: объект контроля абсолютно поглощен субъектом, а субъект контроля, соответственно, абсолютно бесконтролен (неподконтролен), так как объект есть сочасть (составляющая) его самого	Двумежсамосоконтрольность/двумежсоконтрольность: два междоотдельных субъекта самостоятельны и междоотдельны друг другу и своей общей междоотдельности, междоотдельности (междоотдельности) которой они выступают, междоотдельности	Всемежсамосоконтрольность/всемежсоконтрольность: всемеждоотдельные субъекты как междоотдельности всемеждоотдельности и всемеждоотдельности всем и каждому как всемеждоотдельности всей всемеждоотдельности	Сверх(транс)всемежсамосоконтрольность=сверх(транс)всемежсоконтрольность: субъекты уже сверх(транс)соотдельности и сверх(транс)соотдельности, сверх(транс)соотдельности и потому сверх(транс)всемеждоотдельности сверхвсему, то есть самой своей (уже сверх-сверхсвоей) сверх(транс)всемеждоотдельности	Сверх-сверх(транс)всемежсамосоконтрольность=сверх-сверх(транс)всемеждоотдельности: уже сама (сверх-самая) сверх(транс)всемеждоотдельности сама себе же сверх-сверх(транс)всемеждоотдельности
Синергетичность/кибернетичность (сосинергетичность/сокибернетичность)	Досинергетичность = докибернетичность: еще нерасчлененность системы, отсутствие междоотдельности междоотдельности междоотдельности как таковой	Простая синергетичность = простая кибернетичность: двумеждоотдельности, двумеждоотдельности, двумеждоотдельности (междоотдельности) междоотдельности	Сложная, всемеждоотдельности синергетичность (всемеждоотдельности) = всемеждоотдельности кибернетичность (всемеждоотдельности): всемеждоотдельности со всемеждоотдельности (всемеждоотдельности), всемеждоотдельности, всемеждоотдельности, всемеждоотдельности	Сверхсложная, сверхсложности сверх(транс)сосинергетичности/сверх(транс)сокибернетичности: сверх(транс)сокибернетичности всей всемеждоотдельности со сверх(транс)всемеждоотдельности, сверх(транс)всемеждоотдельности сверх(транс)всемеждоотдельности	Сверх-сверхсложности сверх-сверх(транс)сосинергетичности/сверх-сверх(транс)сокибернетичности: сверх-сверх(транс)сокибернетичности, сверх-сверх(транс)всемеждоотдельности, сверх-сверх(транс)всемеждоотдельности сверх(транс)сосинергетичности/сверх(транс)сокибернетичности
Несобственность/собственность (сотипы собственности)	Абсолютная несобственность/абсолютная собственность: один всепоглощен другим и выступает в качестве объекта его собственности	Неабсолютная (соотносительная) несобственность/неабсолютная (соотносительная) собственность (двумеждоотдельности): оба субъекта междоотдельности и потому уже междоотдельности как двумеждоотдельности междоотдельности (междоотдельности), различающиеся по ее объемам и видам	Всемеждоотдельности (всемеждоотдельности) всемеждоотдельности/всемеждоотдельности: все субъекты всемеждоотдельности как междоотдельности всемеждоотдельности (всемеждоотдельности), всемеждоотдельности по объемам и видам (междоотдельности и междоотдельности) всемеждоотдельности капитала (всемеждоотдельности)	Сверх(транс)всемеждоотдельности, сверх(транс)всемеждоотдельности сверх(транс)всемеждоотдельности: субъекты как всемеждоотдельности еще и как сверх(транс)всемеждоотдельности сверх(транс)всемеждоотдельности, то есть преобразовательности (сверх-преобразовательности) сверхкапитала (сверхзнания), соразличающиеся уже именно по его объемам и видам	Сверх-сверх(транс)всемеждоотдельности, сверх-сверх(транс)всемеждоотдельности сверх-сверх(транс)всемеждоотдельности: сверх(транс)субъекты еще и сверх-сверх(транс)всемеждоотдельности всемеждоотдельности (сверх-всеобщности) сверх-сверхкапиталом, то есть уже сверх-сверхзнанием и соразличаются уже по его сверх-сверхобъемам и сверх-сверхвидам

<p>Противоборство (сопротивоборство) интересов/единство (соединство) интересов</p>	<p>Однопротивоборство/односоединство интересов: интересы объекта собственности поглощены интересами владеющего им субъекта собственности и не способны вообще реализоваться (их как бы не существует как самостоятельных сущностей). Односозаинтересованность</p>	<p>Двумезопротивоборство/двумезосоединство интересов: интересы становятся межоинтересами, они самостоятельны (межсамостоятельны/межсамонесостоятельны) и способны к росту и соответствующей самореализации, однако лишь в ограниченных (межсоограниченных) межсoramках. Двумезосозаинтересованность</p>	<p>Всебезсопротивоборство/всебезсоединство интересов: интересы становятся всебезсоинтересами, они всебезсамостоятельны/всебезсамонесостоятельны, способны к росту и самореализации, однако лишь во всебезсоограниченных (всебезсоограниченных) всебезсoramках. Всебезсозаинтересованность</p>	<p>Сверх(транс)всебезсоединство = сверх(транс) всебезсоединство интересов: интересы становятся сверх(транс) всебезсоинтересами, они теперь сверх(транс) всебезсамостоятельны, сверхспособны к сверхросту и сверхсамореализации, так как уже сверх(транс) всебезсоограниченны, сверх(транс) всебезсоограниченны, то есть сверх(транс) всебезсозаинтересованность</p>	<p>Сверх-сверх(транс) всебезсоединство, сверх-сверх(транс) всебезсоединство интересов, их сверх-сверх(транс) соограниченность, то есть сверх-сверх(транс) всебезсоограниченность. Сверх-сверх(транс) всебезсозаинтересованность</p>
<p>Индивидуализм/коллективизм (соиндивидуализм/соколлективизм)</p>	<p>Одноиндивидуализм (односоиндивидуализм)/одноколлективизм (односоколлективизм): отсутствие расчлененной, дифференцированной индивидуальности, как и, соответственно, расчлененной, дифференцированной коллективности. Индивидуальность и коллективность лишь односложности.</p>	<p>Двумезоиндивидуализм/двумезоколлективизм: индивидуальность, как и, соответственно, коллективность дифференцировалась, расчленилась, и соотдельные индивидуальности как соиндивидуальности, а, значит, и как соколлективности включены, уже межсовключены в межсоединенную, межсоединенную межсисистему (двумезосисистему). Индивидуальность и коллективность межсложности (двумезосложности).</p>	<p>Всебезсоиндивидуализм/всебезсоколлективизм: все (все индивидуальности, как и все коллективности) включены во всебезсоединенную, всебезсоединенную всебезсисистему. Индивидуальность и коллективность всебезсложности.</p>	<p>Сверх(транс)всебезсоиндивидуализм/сверх(транс)всебезсоколлективизм, сверх(транс)соеобъединяющий уже все (сверхвсе) возможные всебезсоиндивидуальности и всебезсоколлективности. Индивидуальность и коллективность здесь уже сверх(транс)всебезсложности.</p>	<p>Сверх-сверх(транс) всебезсоиндивидуализм/сверх-сверх(транс) всебезсоколлективизм, сверх-сверх(транс) соединяющий уже сверх-сверхвсе возможные сверх(транс) соиндивидуальности/сверх(транс)соколлективности. Индивидуальность и коллективность здесь уже сверх-сверх(транс) всебезсложности.</p>
<p>Несвобода (принуждение)/свобода</p>	<p>Полная, абсолютная свобода одного (односвобода) при полной, абсолютной несвободе (принуждении) другого (односопринуждение). Первая степенность (односостепенность) свободы/несвободы</p>	<p>Неполная, неабсолютная (относительная) свобода, как и несвобода и у одного и у другого (взаимосопринуждение). Вторая степенность (двумезостепенность) свободы/несвободы: двумезосвобода/двумезонесвобода (двумезосопринуждение), различающиеся по межсoбъему</p>	<p>Всебезсополностная, всебезсоабсолютностная (как и всебезсонеполностная, всебезсонеполностная) свобода/несвобода у всех и каждого (всебезсопринуждение). Третья степенность (всебезсостепенность) свободы/несвободы: всебезсоосвобода/всебезсонесвобода, различающаяся по их всебезсообъемности</p>	<p>Сверх(транс)всебезсополностная, сверх(транс) всебезсоабсолютностная сверх(транс)всебезсоосвобода/сверх(транс)всебезсонесвобода, сверх-всеобщее сверх(транс) всебезсопринуждение/сверх(транс)всебезсопринуждение. Четвертая степенность свободы/несвободы: сверхсвобода/сверхвнесвобода, различающаяся по сверх(транс)соеобъемности</p>	<p>Сверх-сверх(транс) всебезсополностная, сверх-сверх(транс) всебезсоабсолютностная сверх-сверх(транс)соосвобода/сверх-сверх(транс)сонесвобода, сверх-сверх(транс)сопринуждение/сверх-сверх(транс)сопринуждение. Пятая степенность свободы/несвободы: сверх-сверхсвобода/сверх-сверхвнесвобода, различающаяся по сверх-сверх(транс)соеобъемности</p>
<p>Неравенство/равенство</p>	<p>Полное, абсолютное неравенство (полное, тотальное, всепоглощающее господство одного над другим)</p>	<p>Неполное, неабсолютное неравенство, как и неполное, неабсолютное равенство (двумезонеравенство/двумезосравенство)</p>	<p>Всебезсополностное, всебезсоабсолютностное соравенство/всебезсонеполностное, всебезсонеполностное соравенство (всебезсоравенство/всебезсоравенство)</p>	<p>Сверх(транс)всебезсополностное, сверх(транс) всебезсоабсолютностное сверх(транс)всебезсоравенство/сверх(транс) всебезсонеравенство</p>	<p>Сверх-сверх(транс) всебезсополностное, сверх-сверх(транс) всебезсоабсолютностное сверх-сверх(транс) соравенство/сверх-сверх(транс) всебезсонеравенство</p>

Несправедливость/справедливость	Полная, абсолютная несправедливость, пристающая из абсолютного неравенства	Неполная, неабсолютная несправедливость, как и неполная, неабсолютная справедливость (двумежсонесправедливость/двумежсосправедливость)	Всемерасполнотная, всемерасполнотная справедливость/всемерасполнотная, всемерасполнотная сонесправедливость (всемерасправедливость/всемерасполнотная несправедливость)	Сверх(транс)всемерасполнотная, сверх(транс)всемерасполнотная сверх(транс)всемерасполнотная/сверх(транс)всемерасполнотная справедливость	Сверх-сверх(транс) всемерасполнотная, сверх-сверх(транс)всемерасполнотная сверх(транс)всемерасполнотная/сверх(транс)всемерасполнотная/сверх(транс)всемерасполнотная несправедливость
Неэффективность/эффективность	Невысокая эффективность, и весь эффект присваивается господствующей стороной (собственником орудий труда и чужой рабочей силы)	Относительно более высокая эффективность, часть эффекта достается уже самому работнику	Еще более высокая эффективность, всемерасполнотная, эффект делится в зависимости от величины вложенного финансового или формализованного интеллектуального капитала	Сверх(транс)высокая эффективность, сверх(транс)соэффективность, эффект делится в зависимости от содержательности и величины (сверхвеличины) вложенного преобразовательного сверхкапитала	Сверх-сверх(транс)соэффективность, эффект делится в соответствии с величиной, сверх-сверх(транс)соэффективной, на которую сверх-сверхвозрос преобразовательный сверхкапитал
Стихийность/сознательность (состихийность/соосознательность)	Полная стихийность = полная бессознательность (неосознательность), одноосознательность (себяосознательность)	Частичная стихийность/частичная сознательность: уже двумежсоосознательность (межсоосознательность себя и другого, иного).	Всемерасполнотная всемерасполнотная состихийность/всемерасполнотная соосознательность: всемерасполнотная всех и каждого, но только именно так – через их межсвязи и не более того	Сверх(транс) всеобщая, сверх(транс)всемерасполнотная сверх(транс)состихийность/сверх(транс)соосознательность, причем сверхвсех и сверхкаждого – именно через, сверх(транс)сочерез их сверх(транс)всемерасполнотная, через СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОН	Сверх-сверх(транс) всеобщая, сверх-сверх(транс)соосознательная сверх(транс)состихийность/сверх(транс)соосознательность сверх(транс)соосознательность сверх(транс)соосознательность сверх(транс)соосознательность самой же (сверхсамо) сверх(транс)соосознательности, через СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОН
Стимулированность/мотивированность (со стимулированность/сомотивированность)	Односостимулированность/односомотивированность: односостимулированность стимула и мотива в односостимулированности, в которой они соединены лишь простым порядком – как «внешнее» побуждение и поглощенное им «внутреннее» – при котором нет сообратного воздействия. «Реактивное», приспособительное поведение	Двумежсостимулированность/двумежсомотивированность: двумежсостимулированность стимула и мотива как таковых в двумежсостимулированности, в которой осуществляется межсостимулированность «внутренних» и «внешних» побуждений именно как межсостимулированность. «Межреактивное», межсостимулированность (взаимосостимулированность) поведение, зачатки самоактивности	Всемерасполнотная стимулированность/всемерасполнотная мотивированность: всемерасполнотная взаимосостимулированность всех и каждого стимулов и мотивов между собой как межсостимулированность/межсостимулированность, как всемерасполнотная/всемерасполнотная всемерасполнотная всемерасполнотная. «Всемерасполнотная/всемерасполнотная», всемерасполнотная приспособительное поведение, зачатки самоактивности и самопроективности, то есть самоведения (лидерства)	Сверх(транс)всемерасполнотная стимулированность/сверх(транс)всемерасполнотная мотивированность: сверх(транс)всемерасполнотная взаимосостимулированность стимулов и мотивов через СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОН как СВЕРХ(ТРАНС)СТИМУЛ и СВЕРХ(ТРАНС)МОТИВ. «Сверх(транс)соактивное/сверх(транс)самосостимулированное, сверх(транс)соприспособительное, то есть сверх(транс)самоактивное и сверх(транс)самопроективное поведение, уже сверх(транс)самосостимулированное (сверхсолидерство)	Сверх-сверх(транс)всемерасполнотная стимулированность/сверх-сверх(транс)всемерасполнотная мотивированность: сверх(транс)всемерасполнотная взаимосостимулированность самого (сверхсамого) СВЕРХ(ТРАНС)СТИМУЛА, СВЕРХ(ТРАНС)МОТИВА через себя же самого, то есть через СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОН. Сверх-сверх(транс)соактивное и сверх-сверх(транс)сопроективное сверх(транс)самосостимулированное, уже сверх(транс)самосостимулированное сверхсолидерство

<p>Сотипы (способы) природного (межприродного) бытия, его форм</p>	<p>Неживая природа, неорганическое и даже еще нехимическое бытие (уровень простых физических процессов, однопроцессов). Вещество как тело – оно лишь «в себе».</p>	<p>Переход к взаимодействию – к химичности и простейшей живой природе, простейшей органичности (уровень химических процессов, сопроцессов и межсoproцессов, сначала неорганических, затем органических). Вещество как энергия (как сверховещество, «сверхотело») – уже «из себя, для другого тоже».</p>	<p>Сложная живая природа, растительная и животная (уровень биологических, сложнейших органических, межорганических и всемоорганических процессов, всемопроцессов). Вещество как информация (как сверхсозергия) – уже связанность «друг с другом», «между собой».</p>	<p>Сверхсложная, социальная природа (сверхприрода), то есть общество (уровень вообще надбиологических, надорганических, надвсемоорганических процессов, сверхпроцессов). Вещество как смысл (как коммуникация, социокультура, как сверхинформация) – уже связанность «всех со всеми и каждого с каждым».</p>	<p>Сверх-сверхсложная, сверхсоциальная природа (сверх-сверхприрода), то есть уже сверхобщество, сверхобщество (уровень уже надсоциальных, сверхсоциальных процессов, сверх-сверхпроцессов). Вещество как сверхсмысл, сверхсмысл (как сверхсокоммуникация, сверхсоциокультура) – уже связанность «сверхвсех и даже сверх-сверхвсех со сверх-сверхвсеми как со сверх-сверхсокаждым».</p>
<p>Сотипы (способы) непосредственной/опосредованной (соопосредованной) связи и «замыкания» (замкнутости) в системах</p>	<p>Непосредственная (одноопосредованная) связь, односвязанность. Замыкание системы лишь на саму себя, однозамыкание (односмыкание).</p>	<p>Межоопосредованная (двумежоопосредованная) межсвязь (двумежосвязанность). Замыкание двух межосистем друг на друга, двумежозамыкание (двумежосмыкание).</p>	<p>Многомежоопосредованная, всемежоопосредованная всемежосвязанность. Замыкание многих и в итоге всех межосистем (как всемежосистем) как всемежозамыкание (всемежосмыкание).</p>	<p>Сверх(транс)всемежоопосредованная сверх(транс)всемежосвязанность. Замыкание всех и даже сверхвсех систем как сверх(транс) всемежосистем не только через друг друга, но и через саму сверх(транс) системность как сверх(транс) всемежозамыкание, сверх(транс)всемежосмыкание.</p>	<p>Сверх-сверх(транс)всемежоопосредованная сверх-сверх(транс)всемежосвязанность. Замыкание самой сверх(транс)всемежосвязанности еще и через саму себя как уже сверх-сверх(транс)всемежозамыкание, сверх-сверх(транс) всемежосмыкание.</p>
<p>Сотипы (способы) воздействия и взаимодействия сторон, форм разрешения противоречий и конфликтов</p>	<p>Одностороннее воздействие, отсутствие взаимодействия. В противоречии, конфликте: уклонение одной из сторон от противоборства, победа другой из них, с полным подавлением первой стороны, соответственно, подчинение первой интересам второй (бескомпромиссность). Direct Action.</p>	<p>Взаимовоздействие (двумежостороннее взаимодействие, двумежовоздействие) двух сторон. В противоречии, конфликте: противоборство сторон с победой той из них, чей удельный вес интересов превалирует, перевешивает: двумежоспротиворечивость, двумежосконфликтность, то есть двумежоскомпромиссное (двумежосбалансирующее) соперничество/сотрудничество. Indirect Action, Interaction.</p>	<p>Всемежовоздействие (всемежостороннее всемежовзаимодействие) всех сторон как всемежосторон. В противоречии, конфликте: всемежоспротиворечивость, всемежосконфликтность, то есть всемежоскомпромиссное (всемежосбалансирующее) сотрудничество/соперничество. Cross-interaction.</p>	<p>Сверх(транс)всемежостороннее сверх(транс)всемежовзаимодействие, сверх(транс)всемежовзаимодействие всех сторон как сверх(транс)сотворон. Сверх(транс)всемежоспротиворечивость = сверх(транс)соречивость, сверх(транс)всемежосконфликтность = сверх(транс)совнеконфликтность, то есть синергетическое сотрудничество/позитивная соревновательность. Trans-cross-interaction.</p>	<p>Сверх-сверх(транс)всемежостороннее сверх-сверх(транс)всемежовзаимодействие уже сверхвсех сторон как сверх-сверх(транс) всемежосоречивость, сверх-сверх(транс)всемежоснеконфликтность, то есть сверх(транс)синергетическое сверх(транс)всемежосотрудничество/сверх(транс) всемежосопозитивная сверх(транс)всемежосоревновательность. Trans-trans-cross-interaction.</p>
<p>Сотипы (способы) процессной (сопроцессной) связи, форм самодвижения (саморазвития, самопреобразования)</p>	<p>Однонаправленный процесс, однопроцесс. Односамосоразвитие (односамосообразование).</p>	<p>Межнонаправленный (двумежнонаправленный) межпроцесс (двумежоспроцесс). Двумежосамосоразвитие, двумежосамосообразование.</p>	<p>Всемежнонаправленный всемежоспроцесс. Всемежосамосоразвитие, всемежосамосообразование.</p>	<p>Сверх(транс)всемежнонаправленный сверх(транс)всемежоспроцесс. Сверх(транс) всемежосамосоразвитие, сверх(транс)всемежосамосообразование.</p>	<p>Сверх-сверх(транс)всемежнонаправленный сверх-сверх(транс)всемежоспроцесс. Сверх-сверх(транс) всемежосамосоразвитие, сверх-сверх(транс) всемежосамосообразование.</p>

<p>Сотипы (способы) связи (связанности) между прошлым, настоящим и будущим</p>	<p>Простая (односложная) одномерная солинейность, сонаправленность: от единичного настоящего к единичному будущему, при этом настоящее в связи с будущим выступают взятые совместно как некое сонастоящее, которое точно также можно охарактеризовать еще и как сопрошлое и собудущее.</p>	<p>Сложная (двумезосложная) двумезомерная двумезолинейность, двумезонаправленность: от прошлого (то есть предыдущего настоящего) через новое, нынешнее настоящее (которое станет следующим прошлым) к новому, последующему будущему. Теперь вся эта конструкция, межкоконструкция «прошлое/настоящее/будущее» межсовыступает уже как межсонастоящее и вместе с тем как межсопрошлое и межсобудущее, то есть как межсопрошлое/межсонастоящее/межсобудущее.</p>	<p>Всесложная (всемеросложная) всемеромерная всемеролинейность, всемеронаправленность: через каждое межсопрошлое – через каждое соочередностное межсонастоящее – через каждое соочередностное межсобудущее к их новым межсовыражениям, межсовоплощениям. Теперь все это становится, всемеростановится всемерококонструкцией: всемеросопрошлое/всемеросонастоящее/всемерособудущее.</p>	<p>Сверх(транс)сложная, то есть сверх(транс) всемеросложная сверх(транс) всемеромерная сверх(транс) всемеролинейность, сверх(транс) всемеронаправленность: сверх(транс)сочерез все и даже сверхвсе всемеровыражения, всемеровоплощения прошлого/настоящего/будущего. Теперь это уже сверх(транс) всемерококонструкция: сверх(транс) всемеросопрошлое/сверх(транс) всемеросонастоящее/сверх(транс) всемерособудущее.</p>	<p>Сверх-сверх(транс)сложная, то есть сверх-сверх(транс) всемеросложная сверх-сверх(транс) всемеромерная сверх-сверх(транс) всемеролинейность, сверх-сверх(транс) всемеронаправленность: сверх-сверх(транс)сочерез сверхвсе и даже сверх-сверхвсе сверх(транс) всемеровыражения, сверх(транс) всемеровоплощения прошлого/настоящего/будущего. Это уже сверх-сверх(транс) всемерококонструкция их связанности, именно сверх-сверх(транс) всемеросвязанности.</p>
<p>Сотипы (способы) детерминизма (содетерминированности)</p>	<p>Однозначная (однозначная) содетерминированность, соопределенность: от одной причины непосредственно к одному следствию, которое станет следующей причиной последующего следствия. Здесь причина поэтому выступает как будущая сопричина (сопричинность), а следствие как будущее соследствие (соследственность). Поэтому есть уверенность в данном однозначном результате (но на самом деле лишь только в нем и не более). Неопределенности как таковой пока вообще не существует, так как система замкнута лишь сама на себя как однозначное соединение причины и следствия.</p>	<p>Неоднозначная, пока именно двумезозначная двумезоопределенность, двумезоопределенность: от сопричины опосредованно через новую следующую сопричину (она же – следствие первой сопричины) к новому очередному, соследствию, которое есть новая очередная сопричина. Теперь каждая причина стала межсопричиной (межсопричинностью), и она же, только как каждое следствие, стала межсоследствием (межсоследственностью), мы теперь имеем здесь двумезоопределенность/двумезоследственность. Поэтому уже нет однозначной уверенности в отдельном однозначном результате, однако есть уверенность (межсоуверенность) в межсозначном межсорезультате, двумезорезультате, хотя и не более того. Теперь существует в самой определенности ее неопределенность, и она здесь именно двузначна (как двузначна здесь и сама определенность), так как система межсозамкнута уже с другой такой же системой (межсосистемой) как двумезозначностное межсоединение причины (межсопричины) и следствия (межсоследствия).</p>	<p>Совсем уже неоднозначная (всеоднозначная), именно многомерозначная и в итоге именно всемерозначная всемероопределенность, всемероопределенность: от каждой (любой) причины как межсопричины (всемероопределенности) к каждому (любому) следствию как межсоследствию (всемероследственности) через все иные как всемероопределенности/всемероследствия. Теперь мы имеем всемероопределенность/всемероследственность. Поэтому уже нет и двумезозначностной уверенности уже и в каждом отдельном (межсоотдельном) межсорезультате, однако есть уверенность (всемероуверенность) во всемерозначностном всемерорезультате, хотя и не более того. Здесь теперь существует многомероопределенность и во всемероитоге всемерозначностная всемероопределенность (как и всемероопределенность), так как все системы уже как всемероопределенности (то есть как всемероопределенности/всемероследствия) всемероопределенности со всеми другими системами тоже как всемероопределенности/всемероследствиями).</p>	<p>Сверх(транс)всемерозначностная сверх(транс) всемероопределенность, сверх(транс) всемероопределенность: все и даже сверхвсе причины и все, даже сверхвсе следствия связаны, именно сверх(транс) всемеросвязанности уже как сверх(транс) всемероопределенности/сверх(транс) всемероследствия. Теперь имеется сверх(транс) всемероопределенности/сверх(транс) всемероследственности. Поэтому есть уверенность, сверх(транс) соуверенность не только в каждом и во всех результатах, но и в сверхсокаждом и сверхсо всех результатах как именно сверх(транс) всемероопределенности. Здесь уже сверх(транс) всемерозначностная сверх(транс) всемероопределенность, так как системы сверх(транс) всемероопределенности самой сверх(транс) всемероопределенности – как сверх(транс)сопричины/сверх(транс)со следствия.</p>	<p>Сверх-сверх(транс) всемерозначностная сверх-сверх(транс) всемероопределенность, сверх-сверх(транс) всемероопределенность: все (именно как сверх-сверхвсе) сверхвсе причины/сверх(транс) всемероследствия уже теперь сверх-сверх(транс) всемеросвязанности. Здесь мы имеем уже сверх-сверх(транс) всемероопределенности/сверх-сверх(транс) всемероследственности. Поэтому здесь наличествует уже сверх-сверх(транс)соуверенность – уже и в каждом сверх(транс) всемеросрезультате. Здесь уже сверх-сверх(транс) всемерозначностная сверх-сверх(транс) всемероопределенность, так как сама (сверхсамая) сверх(транс) всемероопределенность сверх(транс) всемероопределенности самой сверх(транс) всемероопределенности – как сверх(транс)сопричины/сверх-сверх(транс)со следствием всего, в том числе и самой себя.</p>

<p>Сотипы (соспособы) вероятности (совероятности)</p>	<p>Однозначно (однотипно, одноплавно) возможностная вероятность, как и невероятность: «да» или «нет» (то есть результат «да» это только и не иначе как «да», а результат «нет» только и не иначе как «нет»).</p>	<p>Неоднозначно (именно двузначностно, двутипностно, двуплавно) возможностная (двумежвозможностная) вероятность (межсовероятность/межсовероятность): и «да» и «нет», то есть сам результат как двумежсовероятностно, он либо «да» либо «нет» (именно как сооборотностные состороны друг друга и как межсооборотностные межсостороны межсвязывающего их третьего – «либо/либо», которое совыражает, что на самом деле есть межсоохватывающее их большое «ДА»).</p>	<p>Совсем уже неоднозначностно, то есть именно многомежзначностно и в итоге всемежзначностно (всетипностно, всеплановностно) возможностная (всемежвозможностная) вероятность (именно всемежсовероятностность/всемежсовероятностность): «да» как «нет» и «нет» как «да», то есть они взаимозаменяемы во всемежсовероятностности (именно как его всемежсооборотностные всемежсостороны, как «да/нет» и нет/да» внутри всемежсоохватывающего их и ставшего всемежсообщностным всемежсобольшого «ДА»).</p>	<p>Сверх(транс)все-межзначностно, сверх(транс)все-межсостипностно, сверх(транс)все-межсоплановностно возможностная, уже сверх(транс)все-межсовероятностность: все сообычностные «да» и «нет», все межсообычностные «да» либо «нет», все всемежсообычностные «да/нет» сосвязаны, сверх(транс)сосвязанностны одним сверх-всемежсобольшим, сверх(транс)все-межсообычностным «СВЕРХ-ДА» (именно как его же собственностные сосуществования и совоплощения).</p>	<p>Сверх-сверх(транс)все-межзначностно, сверх-сверх(транс)все-межсостипностно, сверх-сверх(транс)все-межсоплановностно сверх-сверх(транс)все-межсовероятностность: теперь уже и все (именно сверх-сверх)сверхбольшие «СВЕРХ-ДА» сосвязанностны именно как «СВЕРХ-СВЕРХ-ДА» («СВЕРХ-ДА-ДА»).</p>
--	--	--	---	--	---

Таким образом, в таблице 2.8 во всей ее полноте, то есть именно **сверх-сверх** всей **сверх-сверхсополноте** раскрыта, сверх-сверхсооткрыта сверх-сверх(транс)соотипологизированностность **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКИ** и **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКИ** Миросоустройства. Благодаря этому сверх-сверх(транс)соотипологизированному знанию, именно **СВЕРХ-ЗНАНИЮ** и даже **СВЕРХ-СВЕРХЗНАНИЮ** можно подняться, сверх-сверхсоподняться над лишь фактами, лишь фактологичностью, ведь оно обладает, сверх-сверхсообладает уже **сверх-**

сверхфактологичностью, сверх-сверх(транс)все-межсофактологичностью.

Такой уровень обобщения, именно сверх-сверх(транс)соуровень сверх-сверх(транс)сообобщения позволяет, сверх-сверхсообобщает обобщить, сверх-сверхсообобщить и **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКУ** и **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКУ** саморазвития, сверх-сверх(транс)саморазвития **тождества/различия**. Ее мы представляем в таблице 2.9, и для наглядности делаем это с двух сторон (состороны) – и со стороны тождества и со стороны различия (противоречия).

Таблица 2.9

СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКА и СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКА саморазвития тождества/различия как самосотожественностности/самосоразличностности

<p>СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКА и СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКА САМОСОТожДЕСТВЕННОСТИ/САМОСОРАЗличНОСТИ</p>	<p>Соуровни (сотипы, соспособы, социклы, соалгоритмы)</p>				
	<p>Первичностный соуровень, односпособ</p>	<p>Вторичностный двумежсоуровень, двумежсоспособ</p>	<p>Третичностный всемежсоуровень, всемежсоспособ</p>	<p>Четверичностный сверх(транс)соуровень, сверх(транс)соспособ</p>	<p>Пятиричностный сверх-сверх(транс)соуровень, сверх-сверх(транс)соспособ</p>
<p>Со стороны тождества</p>	<p>Тождество во всем (так как здесь соотожественностность лишь самому себе), однако именно лишь самому себе и больше никому. «Сам в себе»: содействие лишь с самим собой. Тождество здесь только с внутренним, но еще не с внешним.</p>	<p>Тождество в сосуществностном, сосущностном и не более того (так как здесь уже межсоотожественностность между собой и иным, другим). «Сам из себя для другого»: межсодействие с таким же как сам, со своей сооборотностностью, поэтому здесь межсопротиводействие. Тождество стало здесь межсо внутренним/межсо внешним.</p>	<p>Тождество в наиболее сосущностном, наиболее сосущностном из всего сосущностного – то есть в всеобщей форме сосущности, однако не более того, еще не в стоящей за ней истинностной содержательностности (так как здесь уже достигнута всемежсоотожественностность по форме всех со всеми и каждого с каждым как по форме такого же как он и потому всемежсопротивостоящего ему и каждому при их всемежсодействии.</p>	<p>Тождество в сверхнаиболее сосущностном, в сверх(транс)сосущностном сверх(транс)соплане – в стоящей за всем и вся истинностной содержательностности, то есть сверх(транс)всеобщей сверх(транс)соформированности всех без исключения сосущностей, так как здесь уже достигнута сверх(транс)всемежсоотожественностность сверхвсех как сверх(транс)соразличностностей в их сверх(транс)всемежсодействии.</p>	<p>Тождество уже в сверх-сверх(транс)сосущностном сверх-сверх(транс)соплане – в сверх-сверх(транс)всеобщей сверх-сверх(транс)сосвязи, сверх-сверх(транс)соформированности сверх-сверхвсех сосущностей как сверх-сверх(транс)сосущностей. Здесь уже сверх-сверх(транс)всемежсоотожественностность.</p>

			«Сам для всех других, таких же как сам»: всемодействие/всежеспротиводействие с ними. Тождество стало здесь всежесвнутренним/ всежесвнешним.	«Сверхсам (сверхсамый) для таких же сверхсамых как он сам»: сверх(транс) всемодействие, сверх(транс)всежеспротиводействующее все обычные противодействия, жеспротиводействия и всежеспротиводействия. Тождество стало здесь уже сверх(транс)всежесвнутренним/сверх(транс) всежесвнешним.	Само (сверхсосамое) сверх(транс)сотождество здесь уже сверх-сверх(транс)сотождественно самому же себе.
Со стороны различия (противоречия)	Различие ни в чем (так как здесь сотождественность лишь самому себе и больше никому, поэтому нет и соразличенности). «Сам по себе»: одно-сторонностное одно-действие. Различие между внутренним и внешним («иным», «другим») здесь еще скрыто, не проявлено.	Различие (противоречие) в наиболее существенном, в сущностном (в появлении иной, другой сущности), поэтому оно абсолютно как противоречие, именно как антагонизм. Однако оно на самом деле есть все равно межсоразличие, жеспротиворечие, так как здесь уже достигнута жесотождественность себя с иным (другим). Взаимоисключенность друг друга, так как оба одинаковы в подходе, применяемом друг к другу. «Сам с таким же как сам»: взаимодействие как взаимопротиводействие и жесдействие как жеспротиводействие. Различие проявилось как различие между внутренним и внешним, на самом деле оно выступает жесвнутренним/ жесвнешним.	Различие (противоречие) в наименее существенном и сущностном из всего обычного – в форме проявления сущности , поэтому оно уже не абсолютно, не антагонистично (всежесабсолютно и всежесантагонистично), а относительно (всежесотносительно) – как жеспротиворечие/ жесречие, так как здесь уже достигнута всежесотождественность/ всежесоразличенность всех со всеми и каждого с каждым. Взаимовсежесоисключенность, взаимовсежесоисключаемость всех всеми, как и взаимовсежесвключенность, взаимовсежесвключаемость всех всеми. «Сам со всеми такими же как сам»: взаимодействие как взаимовсежесодействие/всежеспротиводействие, то есть как компромисс, всежесокомпромисс в сотрудничестве/ противоборстве. Различие стало всевнешним/всевнутренним (всежесвнешним/всежесвнутренним).	Различие (противоречие) в сверхабсолютно несущностном из сверхвсего – в форме проявления сверх(транс)сосушности , поэтому оно здесь уже сверх(транс)сопределено, сверх(транс)соразрешено как всежесобычайностное всежеспротиворечие, так как здесь уже сверх(транс) всежесотождественность/сверх(транс) всежесоразличенность, сверх(транс)всежесречивость, сверх(транс) всежесвключенность, сверх(транс)всежесвключаемость сверхвсех обычных и всех жесобычайностных жесотождеств/жесоразличий. «Сверхсам (сверхсамый) с такими же сверхсамыми как сам»: взаимодействие как сверх(транс)всежесодействие, то есть как синергетическое сверх(транс) сотрудничество. Различие стало сверх(транс)совнешним/сверх(транс)совнутренним.	Различие (противоречие) как сверх(транс)соразличие, сверх(транс)сречие теперь таково, что уже сверх-сверх(транс)соразличенно с самим же собой, сверх-сверх(транс)соречивостно самому себе, как и сверх-сверх(транс)сотождественностно самому же себе как сверх(транс)сотождеству. Здесь уже сверх-сверх(транс)сосвязанностность сверх сверхвсех сверх(транс)соразличий и сверх(транс)сотождеств. Здесь уже сверх-сверхсосамое сверх-сверх(транс)содействие как сверх(транс)соинергетическое сверх-сверх(транс)сотрудничество.

Из таблицы 2.9. видно, что все сущности в Миросоустройстве, какими бы они ни были и ни могли бы в принципе (сверх-сверхсопринципе) быть, есть в конечном счете (именно в **сверх-сверхсоконечностном сверх-сверхсо счете**) носители, сверх-сверх(транс)соносители соуровней, созакон (соспособов, сопринципов, социклов, соалгоритмов) самого же самосо(про)движения, самосоразвития, самосопреобразования как такового, поэтому они есть (сверх-сверхсоесть) именно **сверх-сверх(транс)сосушности**. А все и даже сверх-сверхвсе их связи, отношения, соотношения, как и их противоречия (сопротиворечия) – это не просто лишь их **собственные** характеристики, а это **сверх-сверх(транс)со-собственностные сверх-сверх(транс)сохарактеристики**, так как это есть (сверх-сверхсоесть) **сверх-сверх(транс)всеобщностные сверх-сверх(транс)сосвязанности, сверх-сверх(транс)соотношения**, которые выражают, воплощают, именно сверх-сверх(транс)совыражают, сверх-сверх(транс)со-воплощают саму (сверх-сверхсосамую) **СВЕРХ-**

СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКУ и вместе с тем **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКУ**, сам (сверх-сверхсосамый) **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ЗАКОН, СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)АЛГОРИТМ** с его соуровнями, созаконами, соалгоритмами.

Поэтому с раскрываемого нами **сверх-сверх(транс)соуровня** видно и понятно, что все сущности как **сверх-сверх(транс)сосушности** есть субъекты – именно сосубъекты и даже именно сверх-сверх(транс)сосубъекты – всей (именно как сверх-сверхвсей) **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СОСУБЪЕКТНОСТНОСТИ** в Миросоустройстве.

Для продолжения нашего сверх-сверх(транс)сосушностного разговора о **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИАЛЕКТИКЕ** и **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКЕ** сделаем в таблице 2.10 еще некоторые важные для общего понимания (сверх-сверхвсеобщего сверх-сверхсопонимания) обобщения, сверх-сверхсообобщения о соуровнях, сотипах и т.д. связей, отношений, соотношений в Миросоустройстве, завершив соуровнями **самой всеобщ-**

ности как таковой и динамики как таковой. Это даст нам возможность далее обратиться к практико-ориентированным обобщениям, предоставляющим инструментариум для успешного управления в обще-

стве, его системах и подсистемах и для его переустройства уже именно на сверх(транс)сущностных, сверх(транс)сопозитивностных сверх(транс)соначалах.

Таблица 2.10

Обобщение, сверх-сверхобобщение СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКИ И СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКИ соурвней связей, отношений, соотношений в Мировсоустройстве

СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС) ДИНАМИКА и СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКА связей, отношений, соотношений	Соурвни (сотипы, соспособы, социклы, соалгоритмы)				
	Первичностный односоурвень, односпособ	Вторичностный двумежсоурвень, двумежспособ	Третичностный всемежсоурвень, всемежспособ	Четверичностный сверх(транс) всемежсоурвень, сверх(транс)всемеж-способ	Пятеричностный сверх-сверх(транс)соурвень, сверх-сверх(транс)со-способ
Соурвни связей	Наносоурвень	Микросоурвень	Макросоурвень, межсоувырастающий через гипермакросоурвень в метасоурвень	Сверх(транс)соурвень	Сверх-сверх(транс)соурвень
Структурная схема связей	«Вертикаль»	«Вертикаль/Горизонталь» через «Диагональ» («Вертикаль/Горизонталь/Диагональ»)	«Вертикаль» уже самой «Диагонали» (самой «Вертикали/Горизонталь/Диагонали»): всемежсо-вертикальность/ всемежсогоризонтальность/ всемежсо-диагональность	«Сверх(транс)содиагональ»: сверх(транс) всемежсовертикальность/сверх(транс) всемежсогоризонтальность/сверх(транс) всемежсо-диагональность, то есть уже сверх(транс)(всемежсо-диагональность, сверх(транс) всемежсо-связанность самой всей всемежсо-диагональности, всемежсо-связанности	«Сверх-сверх(транс) содиагональ: сверх-сверх(транс) всемежсо-вертикальность/сверх-сверх(транс) всемежсогоризонтальность/сверх-сверх(транс) всемежсо-диагональность, то есть сверх-сверх(транс) всемежсо-связанность самой сверх(транс) всемежсо-диагональности, всемежсо-связанности
Сотипы кибернетической связи	Прямая (прямолинейная), однонаправленная, положительная	Прямая и обратная (прямолинейная, соединенная с обратной) как с отрицательной прямолинейной через их межсвязь: сопряженно/сообратная, двумежсообратная, двумежсо-связанная	Вся прямая как обратная и вся обратная как прямая соположительно/соотрицательная всемежсо-связь: всемежсообратная, всемежсооборотная, всемежсо-связанная	Сверх(транс) всемежсообратная, сверх(транс) всемежсооборотная сверх(транс) соположительно/сверх(транс) соотрицательная сверх(транс) всемежсо-связь: сверх(транс) всемежсо-связанность самой всемежсооборотности, всемежсо-связанности	Сверх-сверх(транс) всемежсо-связанность самой сверх(транс) всемежсооборотности, сверх(транс) всемежсо-связанности
Сотипы связи в ее соуни-кальности/соуниверсальности	Уникальная, единственная, единичная в своем типе односвязь	Соуникальная, уже не единственная, не единичная в этом своем новом типе, уже двумежсо-тип, где у нее есть другая (вторая) сооборотная сторона и межсо-связанность с этой стороной. Сам этот двумежсо-тип обладает теперь уже универсальностью, способной к дальнейшему саморазвитию	Всоуниверсальная (как и всоуни-кальная) множественная и межсо-типная, всемежсо-множественная и всемежсо-типная всемежсо-связь	Сверх(транс) всемежсоуниверсальная/сверх(транс) всемежсоуникальная, сверх(транс) всемежсо-множественная, сверх(транс) всемежсо-типная, то есть сверх(транс) соподнявшаяся сверхобычной соуни-кальности/соуниверсальности сверх(транс) сообыч-ностная сверх(транс) всемежсо-связь	Сверх-сверх(транс) всемежсоуниверсальная/сверх-сверх(транс) всемежсоуникальная, то есть сверх-сверх(транс) соподнявшаяся уже сверхсамой (сверхсо-самой) сверх(транс) соуниверсальности/сверх(транс) соуни-кальности сверх-сверх(транс) всемежсо-связь

<p>Сотипы синергетической связи, сосвязи (синергетического эффекта, созффекта)</p>	<p>Простая механическая однонаправленностная, двумежсокомбинированностная связь однородных совместных действий во времени (одновременность) и пространстве (однопространственность), концентрирующая их в единой точке (соточке). Простой однослагаемостный синергетический эффект (созффект).</p>	<p>Сложная механическая или простая органическая, двумежсо-направленностная, двумежсокомбинированностная связь уже двумежсородностных последовательных действий, уже междодействий во времени (двумежпоследовательность, двумежвременность) и пространстве (двумежсо-последовательность, двумежсопространственность), двумежсоконцентрирующая их в двумежсоединной двумежсоточке. Двумежсложностный двумежслагаемостный синергетический (уже теперь междосинергетический) междоэффект.</p>	<p>Совершенно сложная органическая или уже всемежсоорганическая всемежсо-направленностная, всемежсокомбинированностная связь (всемежсвязанностность) уже всемежсооднородностных/ всемежсо неоднородностных действий, уже всемежсодействий, расположенных всемежсо последовательностно/ всемежсо параллельностно во времени (всемежсо-последовательность/ всемежсоодновременность) и в пространстве (всемежсо-последовательность/ всемежсооднородностность), всемежсоконцентрирующая их уже во всемежсоединной, всемежсоединностной всемежсоточке. Всемежсложностный всемежслагаемостный всемежсо синергетический всемежсоэффект.</p>	<p>Сверхсложная всемежсоорганическая или уже сверх(транс) всемежсоорганическая, уже социальностная, уже сверх(транс) всемежсо-направленностная, сверх(транс) всемежсокомбинированностная сверх(транс) всемежсо-связанностность теперь уже сверх(транс) всемежсодействий, расположенных сверх(транс) всемежсоодновременностно/ сверх(транс) всемежсопространственностно, сверх(транс) всемежсоконцентрирующая их в сверх(транс) всемежсоединностной сверх(транс) всемежсоточке. Сверх(транс) всемежсо-сложностный сверх(транс) всемежсо-слагаемостный сверх(транс) всемежсо синергетический сверх(транс) всемежсоэффект.</p>	<p>Сверх-сверхсложная сверх(транс) всемежсоорганическая, социальностная, то есть уже сверх-сверх(транс) всемежсоорганическая, сверх(транс) всемежсо социальностная, сверх-сверх(транс) всемежсонаправленностная, сверх-сверх(транс) всемежсокомбинированностная сверх-сверх(транс) всемежсо связанностность, сверх-сверх(транс) всемежсодейственностность самой сверх(транс) всемежсопространственностности/ сверх(транс) всемежсоодновременностности. Сверх-сверх(транс) созффективностность самого (сверхсо самого) сверх(транс) всемежсоэффекта.</p>
<p>Соуровни развития (самосоразвития) знания и сознания</p>	<p>Соотдельностное знание и, соотответственно, соотдельностное сознание, лишь прямоностно, непосредственностно, совсем ограниченностно соохватывающее связи, отношения, соототношения в природе и обществе и потому лишь соограниченностное.</p>	<p>Междоотдельностное (двумежсоотдельностное) знание, сознание (уже междосознание), уже способное опосредованностно (через связь с другим знанием и другим сознанием) охватить, междоохватить связи, отношения, соототношения уже как междо-связи, междо-соотношения, однако этим междо-соуровнем (то есть междо-пределностностью, междо-перегородностностью, междо-ограниченностностью) именно и ограниченностное, именно междо-соограниченностное.</p>	<p>Всемежсоотдельностное (всеобщее) всемежсознание и всемежсо сознание, всемежсо способное, всемежсо способностное теперь всемежсоопосредованностно (то есть следуя через все другие междо-связи) всемежсоохватить связи, отношения, соототношения уже как всемежсо-связи, всемежсоотношения, всемежсо соотношения, однако этим всемежсоуровнем (то есть всемежсо-пределностностью, всемежсоперегородностностью, всемежсоограниченностностью) ограниченностное, то есть именно всемежсоограниченностное.</p>	<p>Сверх(транс) всемежсоотдельностное, сверх(транс) всемежсо-всеобщностное (сверх-сверх(транс) всемежсо-сознание и сверх(транс)/ всемежсо-сознание, уже сверх-сверх(транс) всемежсо способностное сверх(транс) всемежсоопосредованностно (то есть сверх всех междо-связей и всемежсо-связей) сверх(транс) всемежсоохватить уже сверх(транс) всемежсо-связанностность и сверх(транс) всемежсоотносилностность и поэтому уже именно сверх(транс) всемежсоограниченностное, сверх(транс) всемежсо-неограниченностное.</p>	<p>Сверх-сверх(транс) всемежсоотдельностное, сверх-сверх(транс) всемежсо-всеобщностное (сверх-сверх(транс) всемежсо-сознание и сверх-сверх(транс) всемежсо-сознание, сверх-сверх(транс) соохватывающее уже и сверх(транс) со-связанностность и сверх(транс) соотнсилностность, то есть уже и свой собственностный сверх(транс) соуровень и потому уже сверх-сверх(транс) всемежсоограниченностное, сверх-сверх(транс) всемежсоограниченностное.</p>

<p>Соурвни общности (всеобщности) в Миросоустройстве</p>	<p>«Едиичное», «единичное» («сверхнулевостное»): непосредственно соединичностное, соотдельностное</p>	<p>«Особенностное» («сверхъединичностное»): уже не лишь непосредственно соединичностное, не лишь непосредственно соотдельностное, а уже опосредованно-соединичностное, опосредованно-соотдельностное, то есть именно межсоединичностное (двумесоединичностное) и именно межсоособностное (двумесоособностное)</p>	<p>«Всеобщее» («всеединичностное и всеособностное»): уже не только межсоотдельностное, но и всемежсоотдельностное, именно всемежсоопосредованностно-всемежсоотдельностное, то есть именно уже всемежсоединичностное и всемежсоособностное</p>	<p>«Сверхвсеобщее», «сверх(транс)всеобщее»: уже сверх(транс) всемежсоединичностно/сверх(транс) всемежсоособностно/сверх(транс) всемежсовсеобщностное, то есть именно сверх(транс) всемежсоотдельностное, сверх(транс) всемежсоопосредованностное, сверх(транс) всемежсоединичностное и сверх(транс) всемежсоособностное и даже сверх(транс) всемежсовсеобщностное</p>	<p>«Сверх-сверхвсеобщее», «сверх(транс)всеобщее»: самовспроизводств самого сверх(транс)всеобщего в новом сверх(транс)цикле и потому делающее его тоже уже сверх-сверх(транс) всемежсоединичностным, сверх-сверх(транс) всемежсовсеобщностным</p>
<p>Сотипы самодинамики (самосодинамики)</p>	<p>Простая (лишь пока односложностная) самосодинамика, именно односамосодинамика. Уже внестатичностность (то есть динамичностность) как таковая, однако при этом еще начальностность, а потому неустойчивостность (неустойчивостность) самой динамики, динамичностности как таковой. Еще пока единичностностность, неуниверсальностность (лишь уникальностность) динамики в ее первом шаге.</p>	<p>Сложная, именно межсложностная (двумесложностная) самосодинамика, именно уже двумесамосодинамика. Уже теперь двумесодинамичностность, то есть двумесостабильностность (двумесоустойчивостность) самой динамичностности как таковой. Уже ее неединичностностность (сверхъединичностностность), то есть уже универсальностностность (соуникальностностность), хотя сама универсальностностность самосодинамики еще и простая, пока единичностная, неуниверсальная.</p>	<p>Совсем сложная, именно всемежсложностная всемежсамосодинамика. Уже междинамичностность самой междинамичностности, именно всемежсодинамичностностность, то есть всемежсостабильностностность (всемежсоустойчивостностность) самой междинамичностности. Уже всемежсоуниверсальностностность, как и всемежсоуникальностностность самосодинамики.</p>	<p>Сверхсложная, именно сверх(транс) всемежсложностная сверх(транс) всемежсамосодинамика. Уже всемежсодинамичностностность самой всемежсодинамичностности, именно сверх(транс) всемежсодинамичностностность, то есть сверх(транс) всемежсостабильностностность, сверх(транс) всемежсоустойчивостностность самой всемежсодинамичностности. Уже сверх(транс) всемежсоуниверсальностностность/сверх(транс) всемежсоуникальностностность самосодинамики.</p>	<p>Сверх-сверхсложная, именно сверх-сверх(транс) всемежсложностная сверх-сверх(транс) всемежсамосодинамика. Уже теперь сверх(транс) всемежсодинамичностностность самой сверх(транс) всемежсодинамичностности, именно сверх-сверх(транс) всемежсодинамичностностность, то есть сверх-сверх(транс) всемежсостабильностностность, сверх-сверх(транс) всемежсоустойчивостностность самой сверх(транс) всемежсодинамичностности. Уже сверх-сверх(транс) соуниверсальностностность/сверх-сверх(транс) соуникальностностность самосодинамики.</p>

Теперь, столь полно обобщив, именно сверх-сверхсообобщив динамику и консоциотику, именно как **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКУ** и **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКУ** соурвней (сотипов, соспособов и т.д.) связей, отношений, соотношений в Миросоустройстве, включая

и соурвни **самой** всеобщности (всесвязанности) самих связей и **самой** динамики связей, сделаем еще и **практико-ориентированные** обобщения, формирующие управленческий (именно сверх-сверхсоуправленческий) инструментарий, именно сверх-сверхсоинструментарий (см. таблицу 2.11).

Таблица 2.11

Практико-ориентированные обобщения, сверх-сверх(транс)сообщения СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКИ и СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКИ, формирующие управленческий, именно сверх-сверх(транс)соуправленческий инструментарий, именно сверх-сверх(транс)соинструментарий

Виды (аспекты) обобщений	Соуровни (сотипы, соспособы, социклы, соалгоритмы)				
	Первичностный односоуровень (однососпособ)	Вторичностный двумежсоуровень (двумежсоспособ)	Третичностный всемежсоуровень (всемежсоспособ)	Четверичностный сверх(транс)соуровень, сверх(транс)соспособ	Пятеричностный сверх(транс)всемежсоуровень, сверх-сверх(транс)соспособ
Сотипы взаимодействия интересов (соинтересов) участников отношений управления	Полное поглощение и, соответственно, подавление интересов управляемой стороны: субъект-объектный способ (управляемая сторона – лишь объект, но не субъект управления)	Неполное взаимное поглощение и подавление (взаимоспоглощение и взаимосоподавление) как и взаимосораскрытие интересов управляющего и управляемого субъектов (сосубъектов): уже субъект-субъектный (именно двумеж-сосубъектный) двумежсоспособ, уже согласование (двумеж-согласование) интересов (двумежсоинтересов) посредством достижения баланса (двумежсобаланса), компромисса (двумежсокомпромисса)	Всемежсо неполное/всемежсо полное/всемежсо поглощение и всемежсо подавление как и всемежсо раскрытие интересов (уже как межсоинтересов) субъектов (как межсо субъектов) управления (именно всемежсоуправления): всемежсо субъектный всемежсо способ, уже именно всемежсо-гласование, всемежсо-реализация интересов (как всемежсоинтересов) посредством (всемежсопосредством) достижения уже всемежсобаланса, всемежсокомпромисса	Сверх(транс)всемежсо полное/всемежсо поглощение и сверх(транс)всемежсо подавление, как и сверх(транс)всемежсо раскрытие интересов – как сверх(транс)всемежсоинтересов – субъектов управления как сверх(транс)всемежсо субъектов сверх(транс) всемежсоуправления: сверх(транс)всемежсо субъектный сверх(транс)всемежсо способ, уже сверх(транс) всемежсо реализация интересов как сверх(транс) всемежсоинтересов посредством, сверх(транс) сопосредством достижения сверх(транс)всемежсобаланса, сверх(транс) всемежсокомпромисса, то есть их сверх(транс) всемежсопроникновения	Сверх-сверх(транс)всемежсо полное/всемежсо поглощение и сверх-сверх(транс) сораскрытие интересов – уже как сверх-сверх(транс)соинтересов – субъектов управления как сверх-сверх(транс)со субъектов сверх-сверх(транс)соуправления: сверх-сверх(транс) всемежсо субъектный сверх-сверх(транс) всемежсо способ, уже сверх-сверх(транс) всемежсо реализация интересов именно как сверх-сверх(транс)соинтересов – именно сверх-сверх(транс)сопосредством сверх-сверх(транс) всемежсогласование, сверх-сверх(транс) всемежсокомпромисса, то есть их сверх-сверх(транс) всемежсопроникновения.
Сотипы принуждения (побуждения) к труду	Преимущественно внешнеэкономическое, собственно административное, внешнеэквивалентное (внесоэквивалентное) принуждение (побуждение): абсолютная недобровольность как таковая	Преимущественно экономическое, сверх-административное, созэквивалентное (двумежсоэквивалентное) принуждение, двумежсопринуждение (побуждение, двумежсопобуждение): административная добровольность/экономическая недобровольность	Всемежсоэкономическое, всемежсоэквивалентное всемежсопринуждение (всемежсопобуждение): экономическая добровольность/социокультурная недобровольность	Сверхэкономическое, сверхвсемежсоэкономическое, сверхвсемежсоэквивалентное, социокультурное (духовное) сверх(транс) всемежсопринуждение, сверх(транс) всемежсопобуждение: сверхэкономическая (социокультурностная) добровольность (сверх-добровольность)/сверх-социокультурностная сверхвнедобровольность	Сверх-сверхэкономическое, сверх-сверхвсемежсоэквивалентное, сверх-сверхсоциокультурностное сверх-сверх(транс) всемежсопринуждение, сверх-сверх(транс) всемежсопобуждение: сверх-сверхэкономическая (сверхсоциокультурностная) сверх-сверхдобровольность/сверх-сверхвнедобровольность
Сотипы (соформы) управленческой (соуправленческой) власти (совласти)	«Господство/подчинение» (одновласть)	«Руководство/исполнение» (соруководство/соисполнение): неполное господство/неполное подчинение, межсогосподство/межсоподчинение, двумежсовласть	«Лидерство/следование» (меж-соруководство/межсоисполнение): всемежсо неполное/всемежсо неполное/всемежсо подчинение, всемежсо власть	«Сверхсолидерство/сверхследование» (всемежсо руководство/всемежсо исполнение): сверх(транс) всемежсо господство/сверх(транс) всемежсо подчинение, сверх(транс) всемежсо власть	«Сверх-сверхсолидерствование/сверх-сверхследование», сверх-сверхсо руководство/сверх-сверхсо исполнение: сверх-сверх(транс)согосподство/сверх-сверх(транс)соподчинение, сверх-сверх(транс)совласть

<p>Способы предотвращения и разрешения конфликтов</p>	<p>Принуждение (подавление одной из сторон интересов другой), то есть ее подчинение, поклонение (уклонение второй стороны от реализации собственных интересов). "Win/Lose" как и "Lose/Win".</p>	<p>Компромиссное противоборство/сотрудничество: компромисс (неустойчивый баланс интересов двух сторон. "No Lose/No Lose" и "No Win/No Win" (или "Part-Lose"/"Part-Win"). Межсореализация соинтересов, межсоразрешение сопотворечия.</p>	<p>Всежесокомпромиссное всежесопротивоборство/ всежесотрудничество: всежесокомпромисс (всежесоустойчивостный/всежесонеустойчивостный всежесобаланс). "All Part- Lose/All Part-Win". Всежесореализация межсоинтересов, всежесоразрешение межсopotворечия.</p>	<p>Сверхкомпромиссное, сверх(транс)всежесокомпромиссное сверх(транс)собраторство, сверх(транс)сотрудничество: сверх(транс)сокомпромисс, сверх(транс) всежесоустойчивостный сверх(транс)сбаланс. "Win/Win" ("All Win") и даже "All Over-Win". Сверх(транс)всежесореализация всежесоинтересов, сверх(транс) всежесоразрешение всежесopotворечия.</p>	<p>Сверх-сверхсокомпромиссное сверх-сверх(транс)собраторство, сверх-сверх(транс)сокомпромисс, сверх-сверх(транс)всежесоустойчивостный сверх-сверх(транс)сбаланс. "All Over-Over-Win". Сверх-сверх(транс)всежесореализация сверх(транс)всежесоинтересов, сверх-сверх(транс) всежесоразрешение сверх(транс) всежесopotворечий.</p>
<p>Сформы отношений управления (соуправления) и стили управления</p>	<p>Администрирование, командование. Административно-командный, авторитарно-диктаторский стиль.</p>	<p>Компромиссное сотрудничество, взаимный учет интересов. Демократически-командный стиль (межсостиль).</p>	<p>Всежесокомпромиссное, синергетическое всежесотрудничество, всежесоучет интересов (как межсоинтересов). Содемократически-сокомандный (свободно-демократический) стиль (всежесостиль).</p>	<p>Сверхкомпромиссное, сверх(транс)всежесокомпромиссное, сверх(транс)синергетическое сверх(транс) всежесотрудничество, сверх(транс) всежесотрудничество, сверх(транс)соучет интересов (как всежесоинтересов). Сверхсвободный, сверх-демократичностный, сверхсокомандностный сверхсостиль.</p>	<p>Сверх-сверх(транс)всежесокомпромиссное, сверх-сверх(транс)синергетическое сверх-сверх(транс)всежесотрудничество, сверх-сверх(транс)соучет интересов как сверх(транс) всежесоинтересов. Сверх-сверхсвободностный, сверх-сверхсодемократичностный, сверх-сверхсокомандностный сверх-сверхсостиль.</p>
<p>Сотипы взаимодействия человека и хозяйственной организации</p>	<p>Человек – носитель лишь преимущественно физической рабочей силы, несамостоятельный придаток организации и ее технологий</p>	<p>Человек – носитель относительно самостоятельного ресурса организации, способного соединять другие ресурсы и управлять ими, но не выходящего еще из их ряда</p>	<p>Человек – создатель и носитель самоценного капитала (интеллектуального) организации, способного соединять другие капиталы и управлять ими и собой (самоценностный), но не выходящего еще из разряда обычных капиталов</p>	<p>Человек – создатель и носитель сверхценностного преобразовательного сверхкапитала, сверхспособного сверхсоуправлять всеми обычностными видами капиталов и даже самим сверхкапиталом и сверх(транс)сопреобразовывать их и себя (сверхценностный)</p>	<p>Человек – сверхсоздатель и сверхноситель сверх-сверхсоценностного сверхпреобразовательного сверх-сверхсокапитала, сверх-сверхспособного сверх-сверхсоуправлять сверхсеми видами как обычностных капиталов, так и сверхсообычностных сверхкапиталов и сверх-сверх(транс)сопреобразовывать их и себя (сверх-сверхсоценностный)</p>
<p>Сотипы стимулирования/мотивации</p>	<p>Преимущественно внеэкономические, административно-командные побуждения (приказы, команды, наказания). Единичностные, разрозненностные экономические стимулы, опирающиеся на совершенно неразвитые внутренние мотивы, что обусловлено отсутствием у работников полноценной собственности на способность к труду, как и отсутствием самой полноценно развитой способности к труду</p>	<p>Преимущественно экономические стимулы (стоимостные вознаграждения и наказания). Более развитые системы преимущественно экономического (стоимостного) стимулирования, опирающиеся на более развитые, преимущественно экономические мотивы, приобретающие системностность и связанностность (межсостимулирование/межсостимулирование), что обусловлено наличием у работников собственности на индивидуальную, отдельную способность к труду и более высокой развитостью самой способности к труду как особого ресурса</p>	<p>Всежесозэкономическое (всежесостоимостное) стимулирование (всежесостимулирование), не только опирающееся на дифференцированную систему мотивов и реализующую ее, но и создающее условия для ее собственного саморазвития и самопреобразования (всежесостимулирование/ всежесостимулирование), что обусловлено наличием у работников собственности на свою способность к труду как частичностную составляющую всего совокупного труда и превращением самой их способности к труду в частичностную составляющую совокупного человеческого (интеллектуального) капитала</p>	<p>Сверхэкономическое, сверхвсежесозэкономическое (сверхвсежесостоимостное, сверх-сверхсоценностное), социокультурностное сверх(транс)всежесостимулирование/ сверх(транс)соопирающееся на сверх(транс)всежесостимулирование, опирающееся, сверх(транс)соопирающееся на сверх(транс)систему сверхсозэкономических (сверхсостоимостных), то есть социокультурностных (духовных), сверхсоценностных сверх(транс)состимулов/ сверх(транс)состимулов, что обусловлено переходом самой способности к труду уже в сверхразряд преобразовательного сверхкапитала</p>	<p>Сверх-сверхсозэкономическое (сверх-сверхвсежесостоимостное, сверх-сверхвсежесосоценностное), сверхсоциокультурностное сверх-сверх(транс)всежесостимулирование/ сверх-сверх(транс)соопирающееся на сверх-сверх(транс)соопирающееся на сверх-сверхсозэкономических, сверх-сверхсостоимостных, то есть сверхсоциокультурностных (сверхсодуховностных), сверх-сверхсоценностных сверх-сверх(транс)состимулов/ сверх-сверх(транс)состимулов, что обусловлено и закреплено теперь уже сверх-сверхстатусом, сверх-сверхразрядом сверхсопреобразовательного сверх-сверхсокапитала</p>

<p>Сотипы (соспособы) технологической и социально-экономической организации работ</p>	<p>Чисто однопоследовательная и тем самым однопараллельная, однонаправленная (соорганизация) работ (соробот) в пространстве-времени-движении (сопространства/современи/самосо(про)движении)</p>	<p>Последовательно/параллельная (двумж-сопослдовательно/двумжсопараллельно/двумжсодиagonalная), двумж-сонаправленная межсоорганизация (двумжсоорганизация) работ (как межсоробот, двумжсоробот) в межсопространстве/межсовремени/межсамосо(про)движении</p>	<p>Всежесодиagonalная, всежесонаправленная, интегральная всежесоорганизация работ (как всежесоробот) во всем всежесопространстве/всежесовремени/всежесамосо(про)движении</p>	<p>Сверх(транс)всежесодиagonalная, сверх(транс)всежесонаправленная, сверх(транс)соинтегральная сверх(транс)всежесоорганизация работ как сверх(транс)всежесоробот (сверхсоробот) во всем (сверхвсем) сверх(транс)сопространстве/сверх(транс)современи/сверх(транс)самосо(про)движении</p>	<p>Сверх-сверх(транс)всежесодиagonalная, сверх-сверх(транс)всежесонаправленная, сверх-сверх(транс)соинтегральная сверх-сверх(транс)всежесоорганизация работ как сверх-сверх(транс)всежесоробот в сверх-сверхвсем сверх-сверх(транс)сопространстве/сверх-сверх(транс)современи/сверх-сверх(транс)самосо(про)движении</p>
<p>Сотипы (соспособы) координации (сокоординации)</p>	<p>Простая (односложностная, одножесоединенностная) координация (соординация): межсоединение двух ординат (как соординат, координат)</p>	<p>Сложная (двумжсложностная, двумжсоединенностная) координация (соординация, межкоординация, жесоординация): двумжсоединение трех соординат, координат (как жесооординат)</p>	<p>Совсем сложная, многосложностная, гипермногосложностная и всежесложностная координация, всежесоординация: всежесоединение (трехжесоединение) четырех координат, жесооординат (как всежесооординат)</p>	<p>Сверхсложная, сверх(транс)всежесложностная сверх(транс)всежесоординация: сверх(транс)всежесоединение (четырежесоединение) пяти координат, всежесоординат как сверх(транс) всежесооординат</p>	<p>Сверх-сверхсложная, сверх-сверх(транс)всежесложностная сверх-сверх(транс)всежесоординация: сверх-сверх(транс)всежесоединение (пятижесоединение) шести координат, сверх(транс) жесооординат как уже сверх-сверх(транс)всежесооординат</p>
<p>Сотипы управленческих оргструктур по взаимодействию с внешней средой</p>	<p>Негибкий механистический тип (односотип)</p>	<p>Гибкий адаптивный, жесоадаптивный/ жесоадаптирующий (органический) тип (двумжесотип, жесотип)</p>	<p>Гибкий всежесоадаптивный/всежесоадаптирующий (всежесоорганический), проактивный и проективный тип (всежесотип)</p>	<p>Сверхгибкий, сверх(транс)всежесогибкий сверх(транс)всежесоадаптивно/сверх(транс)всежесоадаптирующий, сверх(транс)сопроактивный и сверх(транс)сопроективный тип, сверх(транс)всежесотип</p>	<p>Сверх-сверхсогибкий, сверх-сверх(транс)всежесогибкий сверх-сверх(транс)всежесоадаптивно/сверх-сверх(транс)всежесоадаптирующий, сверх-сверх(транс)сопроактивный и сверх-сверх(транс)сопроективный тип, сверх-сверх(транс) всежесотип</p>
<p>Сотипы управленческих оргструктур по характеру внутриорганизационной связи</p>	<p>Линейный (односолинейностный) и вытекающий из него линейно-функциональный (солинейностно/софункциональный) тип (односотип, сотип).</p>	<p>Функционально-линейный (жесофункционально/жесолинейностно/жесодиagonalностный), «дивизиональный» тип (жесотип, двумжесотип)</p>	<p>Всежесофункционально/всежесолинейностно/всежесодиagonalностный, «матричный», «сетевой», «многоструктурностный», «пирамидальностный» тип (всежесотип)</p>	<p>Сверх(транс)софункционально/сверх(транс)солинейностно/сверх(транс)содиagonalностный, «сверх(транс)со-матричностный», «сверх(транс)сосетевой», «сверх(транс)соконгломератностный», «сверх(транс)сопирамидальностный» сверх(транс) всежесотип</p>	<p>Сверх-сверх(транс)софункционально/сверх-сверх(транс)солинейностно/сверх-сверх(транс)содиagonalностный, «сверх-сверх(транс)соматричностный», «сверх-сверх(транс)сосетевой», «сверх-сверх(транс)соконгломератностный», «сверх-сверх(транс)сопирамидальностный», «сверх-сверх(транс)сопараллелепипедностный» сверх-сверх(транс)всежесотип</p>
<p>Сотипы планирования</p>	<p>Непосредственно-прямостный (односопрямостный), жесткий, одноперспективностный: модель «маршрута на карте (плоскости)»</p>	<p>Опосредованно-сопрямостный (сопрямостносообратностный), более гибкий, двумжесообратностный, двумжсоперспективностный: модель «компас» (маршрута в сфере, в жесоплоскости как жесомаршрута)</p>	<p>Всежесоопосредованно/всежесообратностный, всежесопрямостный: модель «радар» (маршрута во всей всежесосферности, всей всежесоплоскости как всежесомаршрута)</p>	<p>Сверх(транс)всежесоопосредованно/сверх(транс)всежесообратностный, сверх(транс)всежесопрямостный: модель «самонаводящейся ракеты», «сверхвсесоискового сверхвсесоустройства», маршрута в сверхвсей сверх(транс)всежесосферности, сверх(транс)всежесоплоскости как сверх(транс)сомаршрута</p>	<p>Сверх-сверх(транс)всежесоопосредованно/сверх-сверх(транс)всежесообратностный, сверх-сверх(транс)всежесопрямостный: модель «сверх-сверхвсесоискового сверх-сверхвсесоустройства», маршрута в сверх-сверхвсей сверх-сверх(транс)всежесосферности, сверх-сверх(транс) всежесоплоскости как сверх-сверх(транс)всежесомаршрута</p>

<p>Сотипы маркетинга</p>	<p>Массовое прямое (неопосредованное маркетингом), недифференцированное по группам потребителей производство и массовый недифференцированный сбыт (домаркетинг)</p>	<p>Опосредованное товарно-ориентированным маркетингом дифференцированное производство и опосредованный таким же типом маркетинга дифференцированный сбыт. Маркетинг как изучение сложившихся на основе существующих фиксированных потребностей в определенных видах товаров (продуктов и услуг) определенного качества и определенной цены групп потребителей и ориентация именно на эти группы при производстве товаров</p>	<p>Всемерноопосредованные всеобщим капиталом-ориентированным маркетингом производство и сбыт с целью получения всемерной финансовой прибыли. Маркетинг не только как изучение существующих, но и как предсказание возможных обычных потребностей и ориентация, всемерноориентация уже на них с целью создания все новых групп потребителей/производителей, фактически всемернопотребителей/всемернопроизводителей под все новые виды товаров, служащих уже средствами помещения, инвестирования финансового и интеллектуального капитала (всемерсомаркетинг)</p>	<p>Преобразовательнор-ориентированный (инновационнор-ориентированный) сверх(транс)всемерсомаркетинг: сверх(транс)всемерсоориентация на сверхпотребность в инновациях как средствах реализации преобразовательного сверхкапитала со сверхцелью создания сверх(транс)всемерсопотребителя/сверх(транс)всемерсопроизводителя преобразовательного сверхкапитала, сверх(транс)всемерсозидателя</p>	<p>Сверхпреобразовательнор-ориентированный сверх(транс)всемерсомаркетинг: ориентация, сверх-сверх(транс)всемерсоориентация на сверх-сверхпотребность достижения сверхпреобразовательности, то есть постоянного сверх(транс)со-возрастания преобразовательного сверхкапитала</p>
---------------------------------	---	--	--	--	---

Обобщив, сверх-сверх(транс)сообобщив сотипы (соуровни, соспособы и т.д.) управленческой организации, мы получили, таким образом, именно сверх-сверх(транс)сообразом, **практически-стратегический управленческий инструментарий**, даже **сверх-сверх(транс)соинструментарий**, имеющий предсказательный характер, даже сверх-сверхсопредсказательностный сверх-сверхсохарактер, что позволяет с полным знанием дела – даже со сверх-сверх(транс)сознанием сверх-содела и сверх-сверхсодела – осуществлять скоординированные, именно **сверх-сверх(транс)соскоординированные** и полностью осмысленные, именно **сверх-сверхсополностью сверх-сверх(транс)соосмысленные, сверх-сверх(транс)всемерсоосмы-**

ленные преобразования, именно сверх(транс)сопреобразования и сверх-сверх(транс)сопреобразования.

А здесь для нас теперь важно перейти к рассмотрению именно **смысловостной сверх-сверх(транс)соинности** всей, именно сверх-сверхвсей **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ПАРАДИГМАТИКИ, СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИАЛЕКТИКИ и СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)ДИНАМИКИ** Миросоустройства в их сверх-сверх(транс)сосвязанности, то есть в их **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)КОНСОЦИОТИКЕ** – то есть перейти к рассмотрению их выражения уже как **СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СЕМАНТИКИ и СВЕРХ-СВЕРХ(ТРАНС)СЕМИОТИКИ**, что и будет сделано в следующем подразделе.

Русский язык: история, современность и перспективы развития

УДК 81'374.2

© **Ф.А. Тамбиева**

*Пятигорский медицинский фармацевтический институт –
филиал ФГБОУ ВО «Волгоградский
государственный медицинский университет»
Пятигорск, Россия*

© **Г.В. Черкасова**

*Пятигорский медицинский фармацевтический институт –
филиал ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет»
Пятигорск, Россия*

© **Н.Б. Швелдзе**

*ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
Пятигорск, Россия*

Антонимические оппозиции в сфере глагольной фразеологии со значением поведения

Фразеологизмы как значимые единицы образуют систему, представленную определенными организациями слов – фразеолого-семантическими парадигмами (при понимании того, что парадигматические отношения между значимыми единицами языка зависят от отношений, существующих между явлениями действительности). Системные семантические связи, существующие в смысловой структуре фразеологизма и между значениями фразеологических единиц, отражают такие многоступенчатые и неоднолинейные отношения, как полисемия, синонимия, антонимия, вариантность. Выделяемые на основе парадигматических противопоставлений дифференциальные семантические признаки, объединяющие и противопоставляющие значения ФЕ, по-разному соотносятся друг с другом. Опираясь на лексикографические описания фразеологизмов поля как лингвистических единиц русского языка, продолжая сопоставлять их словарные дефиниции, мы отмечаем, что фразеологические обороты со значением поведения лица могут сопоставляться друг с другом и противопоставляться друг другу в зависимости от того, какого плана поведенческое действие, состояние они выражают. В одних случаях противопоставление значений осуществляется на основе признаков, которые могут стать несущественными в определенных контекстах, и противопоставление нейтрализуется. В других случаях противопоставление является решающим для существования самих значений. Сущность парадигматических отношений составляет сходство единиц по одним компонентам и противопоставленность по другим.

«В основе антонимии лежит ассоциация по контрасту, отражающая существенные различия однородных предметов, явлений, действий, качеств, признаков. Антонимия представляет собой одну из важнейших лингвистических универсалий, одно из существенных измерений лексико-семантической

системы различных языков» [2: 6]. С точки зрения семантики логические и языковые антонимы представляют по своей природе оценочные категории. Логические отношения таких оценочных понятий, как «хорошо», «плохо», «лучше», «хуже», «безразлично», являются центральной проблемой логики оценок. Структура оценки складывается из следующих компонентов: а) субъекта оценки, того, кто приписывает ценность определяемому предмету путем выражения оценки; б) предмета оценки, которому приписывается определенная ценность; в) самих оценок: абсолютных (хороший, плохой) и сравнительных (лучше, хуже); г) основания – того, с точки зрения чего производится оценивание [5: 36].

Свойством антонимов является их непосредственная связь с отрицанием, которое присуще всем антонимам, однако их выделительным признаком оно служит в том случае, если отрицается весь остаток родового множества, не названный данным антонимом. Антонимическое отрицание допускает сосуществование отрицательного и положительного моментов в содержании первого/второго компонента оппозиции, значение которого оно отрицает. Антонимические значения, противостоя друг другу всем своим содержанием, отличаются парадигматически только по одному дифференциальному признаку. Антонимичность оказывается компонентом смыслового содержания лексических единиц, так что осмысление одной из противоположностей невозможно без ее пары. Каждый антоним заключает в себе самом свою противоположность.

Известно, что фразеологическая антонимия распространена не так широко, как лексическая. Тем не менее, по мнению Ю.А. Гвоздарева, антонимические отношения во фразеологии оказываются обязательными, так как фразеологические единицы обозначают абстрактные понятия, представленные в сознании парами [1: 247]. Фразеологизмы являют-

ся антонимичными, если у них присутствуют общие (тождественные) или противоположные (контрарные, контрадикторные) компоненты значений, а также если они употребляются в антонимичных контекстах, имеют одинаковую сферу лексической сочетаемости. Фразеологическая антонимия не распространена широко, во-первых, вследствие индивидуально-характера фразеологического значения, расхождения этимологических образов. Фразеологизмы могут быть противоположными по значению, но не быть антонимичными, так как их антонимические образы не связаны друг с другом. Фразеологизмы вступают в антонимические отношения, если их противоположность распространяется на все элементы значения: **входить в колею** «возвращаться к привычному образу жизни, приходить в обычное состояние» – **выбиваться из колеи** «переставать вести обычный образ жизни, утрачивать обычное состояние». У данных фразеологизмов контрарны не только основные оттенки значений, но и дополнительные.

На другой день отец был мрачен и молчалив, пока не опохмелится и не войдет в колею. Г. Успенский. Разоренье.

Я люблю вас, люблю до того, что выбился из колеи, бросил дело и близких людей, забыл своего бога! А. Чехов. Несчастье.

Если значение одной единицы содержит оттенки, которым нет противоположного оттенка в значении другой, между ними не возникает отношений антонимии [6: 96]. Например, ФЕ **гонять лодыря** «бездельничать, праздно проводить время» и ФЕ **гнуть спину** «трудиться до изнеможения, заниматься тяжелым физическим трудом» не будут антонимичными, так как **гонять лодыря** содержит компонент 'праздность, праздная жизнь', а в ФЕ **гнуть спину** доминирующим компонентом будет сема 'тяжелый труд' (противоположностью которой при прочих совпадающих семмах была бы 'работа без усилий', например, **снимать пенки**). Однако последняя ФЕ отличается рядом содержательных компонентов и также не является антонимом).

Антонимичность фразеологизмов зависит также от их лексико-семантической сочетаемости: фразеологизмы с противоположными значениями являются антонимами только в том случае, если они сочетаются с одними и теми же словами, или со словами, в свою очередь, являющимися антонимами. Глагольные ФЕ-антонимы имеют, как правило, сходную или одинаковую сочетаемость.

Замкнутая женщина сбрасывает с себя защитную маску сухаря, за которой скрывалась нежная и трепетная душа (или надевает маску). Э. Рязанов. Неподведенные итоги.

А.И. Молотков выделяет следующие отличительные признаки фразеологизмов-антонимов: а) противоположное лексическое значение; б) неполное тождество компонентного состава; в) одинаковая структурная организация, например, **гладить по шерстке** – **гладить против шерстки**, **проводить грань** – **стирать грань** [4: 162]. Ю.А. Гвоздарев [1: 248] выделяет следующие основания для объединения фразеологизмов-антонимов: 1) общность грамматических значений ФЕ (в нашем случае процессуальность); 2) общность фразеологических значений

(общность архисемы); 3) частичное сходство в сочетаемости ФЕ с контекстом.

Группировка антонимов по основаниям, выдвинутым исследователями, сделала возможным выявить антонимичные единицы в настоящей работе.

Фразеосемантическое поле поведения содержит ограниченное число антонимов, которые входят как в одну фразеосемантическую группу, так и в различные группы. Это следующие единицы:

группа «Образ жизни и действий»:

Не ломать дров «не делать глупостей, ошибок» – **наломать дров** «делать глупости, ошибки»;

не считать денег «тратить много, не скупиться» – **считать копейку** «быть экономным, бережливым»;

напустить туману «запутывать что-либо, внести неясность во что-либо»;

мутить воду «умышленно запутывать какое-либо дело, вносить неразбериху в какое-либо дело» – **проливать свет** «делать понятным, разъяснять что-либо»

(группа «Познавательная деятельность», подгруппа «Объяснение»);

группа «Речевое воздействие, оценка действий и поступков»:

Гладить по шерсти «поступать, говорить в соответствии с чьим-либо желанием» – **гладить против шерсти** «поступать, говорить не так, как хотелось кому-либо»;

развязывать язык «побуждать кого-либо к разговору, давать возможность кому-либо говорить свободно, без стеснения» – **связывать язык** «не давать возможности непринужденно, без стеснения говорить»;

брать в шоры «решительно заставлять кого-либо делать что-либо» – **давать волю** «предоставлять свободу в действиях, поступках» (группа «Общественное лицо человека, его мировоззрение»);

группа «Отношения между людьми»:

поворачиваться лицом «начинать обращать внимание на кого/что-либо» – **поворачиваться спиной** «переставать обращать внимание, проявлять пренебрежение к кому-либо»;

смешивать с грязью «оскорблять, унижать, чернить», **топтать в грязь** «унижать чье-либо достоинство, порочить кого-либо» – **превозносить до небес** «чрезмерно расхваливать» (группа «Речевое воздействие, оценка действий и поступков»);

группа «Общие черты характера»:

сбрасывать маску «переставать притворяться, показывать истинную сущность» – **надевать маску** «прикидываться, притворяться кем-либо, скрывать свою подлинную сущность»;

группа «Физические действия»:

прятать глаза «стараться не смотреть прямо, отворачиваться от собеседника» – **не сводить глаз** «внимательно, пристально смотреть»;

группа «Воля»:

бить прямо в цель «действуя целенаправленно и наверняка, достигать желаемой цели» – **бить мимо цели** «не достигать требуемого, желаемого» (группа «Действия, поступки»).

В подгруппу «Внимание» (группа «Познавательная деятельность») входят ФЕ **брать на прицел**,

брать на мушку (сема становления – ‘сосредоточивать внимание на ком-либо, чем-либо, наблюдать’), **бить в набат, бить тревогу** с каузативной семой привлечения внимания ‘обращать внимание на что-либо с целью предупреждения об опасности’, которым противопоставлены ФЕ, выражающие отсутствие внимания: **закрывать глаза, смотреть сквозь пальцы** «умышленно оставлять без внимания», **забывать себя** «пренебрегать собой, своими интересами». Наличие одушевленного объекта у данных ФЕ переводит их в ядерную плоскость поля поведения:

*Из его слов выходило, что Лена крайне дорожила своим статусом и всегда **закрывала глаза на зигзаги** супруга. Д. Донцова. Гадюка в сиропе.*

***Взяв Шолохова на мушку** уже после появления первой книги «Тихого Дона», они ждали только подходящего момента, чтобы теперь уже без осечки **вышибить его из седла**. А. Калинин. Ответ учителю словесности.*

ФЕ **брать во внимание** (группа «Познавательная деятельность», подгруппа «Внимание», **брать в расчет** (группа «Отношения между людьми» и «Познавательная деятельность», подгруппа «Качества ума») в значении результата проявленного внимания противопоставлены ФЕ **упускать из виду и сбрасывать со счетов** (гр. «Познавательная деятельность», подгруппа «Внимание») «переставать принимать во внимание преднамеренно» Ряд отличается обязательным субъектно-объектным окружением (обязательный объект в Вин. пад.). ФЕ **упускать из виду, терять из виду, сбрасывать со счетов** отличаются оттенками преднамеренности/непреднамеренности:

*Мы сели обедать. Я совершенно **упустила из виду**, что сейчас пост. М. Куприна-Иорданская. Годы молодости.*

*Американцы **сбросили со счетов** Кучму и всю его королевскую рать. «Литературная газета» 9-15 февраля 2005 г.*

По семе «активное восприятие/слуховое» – его отсутствие противопоставляются ФЕ **глотать каждое слово, развешивать уши, разинуть рот, наводить слух, наострять уши** и ФЕ **пропускать мимо ушей** (подгруппа «Внимание»). Доминирующим оттенком в значении ФЕ **пропускать мимо ушей** является ‘намеренно’, употребляется ФЕ в основном в этом значении.

*Брат украшал его сухое изложение деталями настолько живописными, что председатель, **начинавший было уже успокаиваться, наострял уши**. И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок.*

*Но спрашивать об этом **верного стража закона Чернаков не стал. Сделал вид, что пропустил реплику мимо ушей**. А. Кивинов. Трудно быть мачо.*

Так как фразеологизмы-антонимы имеют полярно противоположное значение, они не всегда совпадают по объему своего фразеологического значения: один может быть многозначным фразеологизмом, другой – однозначным. Фразеологизмы становятся антонимичными не во всех значениях, а только в одном из них. Например, ФЕ **мутить воду – проливать свет** не совпадают в количестве значений. Первый имеет два значения: 1) «умышленно запутывать какое-либо дело, вносить неразбериху в какое-либо начинание, дело»; 2) «вносить смуту, раздор в отно-

шения с кем-либо». Второй фразеологизм является однозначным «делать понятным, разъяснять что-либо»; единицы противопоставлены в одном значении, при этом входят в разные семантические группы – 1. группа «Образ жизни и действий»; 2. группа «Познавательная деятельность» подгруппа «Объяснение, истолкование».

*Императрица, перебирая свои богатства, то скулила, то гневалась: Эти ляхи проклятые **замутили всю воду в Европе: теперь в Версаль не напишешь, чтобы обоим мне для комнат прислали**. В. Пикуль. Слово и дело.*

*Сунув бумажку с номером в карман, я пошла домой. Скорей всего **Анны Кузовкиной давно нет в живых, надеюсь, этот Крысин прольет свет на историю**. Д. Донцова. Микстура от косоглазия.*

Многочисленные ФЕ вступают в антонимические связи, антонимизируясь, как правило, в одном значении. Например, ФЕ **развязывать язык** имеет 3 значения: 1) «заставлять говорить», 2) «начинать говорить», 3) «становиться болтливым». В антонимические отношения вступает ФЕ первым значением при антониме **связывать язык** «заставлять молчать».

*Два **двугривенных развязывают дворницкий язык**, и он на мои расспросы рассказывает мне, что **незнакомка живет в квартире № 5, имеет мужа и исправно платит за квартиру**. А. Чехов. Светлая личность.*

*Я своими тостами **связал всем языки**. Все аплодировали; то есть одобрение выражено и порицать нельзя. Н. Чернышевский. Вечер у княгини Старобельской.*

Рассмотренные фразеологические антонимы называют абсолютные противоположности. К ним можно отнести **удариться в амбицию – проглотить пилюлю, накалять атмосферу – сгладить острые углы, брать на буксир – вставлять палки в колеса, мутить воду – проливать свет, затыкать глотку – тянуть за язык, гладить по головке – брать в оборот, смешивать с грязью – петь дифирамбы, выйти в люди – скатиться по наклонной плоскости, подлить масла в огонь – сгладить острые углы, взвалить на плечи – сбросить с плеч**.

Антонимы, обозначающие абсолютные противоположности, разделяют на две подгруппы [3: 98]. К первой относятся ФЕ, называющие денотаты со стабильной противоположностью по отношению друг к другу сущностей и обозначают неменяющуюся степень противоположности. Эти значения можно назвать константными, разновидность данной противоположности – абсолютной константой: **валить дурака – гнуть спину, трезвонить во все колокола – держать язык за зубами, гладить по шерсти – гладить против шерсти**.

Заедай верстою версту,

Отсылай версту к версте!

Переглядила по шерстке, –

Стосковался по тоске! М. Цветаева. Волк.

*– Что ... водки не подносишь? Али не любо, что **против шерсти глажу?** А. Писемский. Плотночья артель.*

Другая группа антонимов отображает относительные противоположности, так как называет дено-

таты, обладающие непостоянными характеристиками, благодаря относительным оттенкам противоположной направленности (способными уменьшаться и увеличиваться): **выворачивать душу – кривить душой, дрожать над копеечкой – трясти карманом, разбиться в лепешку – пальцем не шевельнуть, витать в облаках – смотреть правде в глаза.**

Назад пошли лугами по узким дорожкам, кладкам, ручейкам и канавкам. Поэтому разбились на приятельские кучки и в наступивших сумерках тихонько выворачивали души и без всякого хвастовства показывали их друг другу. А. Макаренко. Педагогическая поэма.

Великий комбинатор немного кривил душой. И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок.

Семантические типы фразеологических антонимов аналогичны типам лексических антонимов. Фразеологические антонимы со значением поведения лица представлены тремя типами: они могут быть контрарными, комплементарными, векторными.

1. Контрарными считаются антонимы, в состав которых может входить средний (промежуточный) член. Контрарные антонимы выражают симметричные видовые понятия: **идти в гору** «развиваться в благоприятном отношении, успешно» – **стоять/топтаться на одном месте** «не продвигаться вперед, не развиваться» – **идти под гору** «развиваться в неблагоприятном направлении, резко ухудшаться». Противоположность значения подобных антонимов носит градуальный характер.

Значит, и колхоз наш пошел в гору, раз такие дрожки и санки заводит. Ф. Абрамов. Братья и сестры.

Однако эта война поначалу велась нерешительно. Русская армия топталась на месте – никаких побед, никаких продвижений. С. Алексеев. Туртукай.

– Нет, Антонина Андреевна. Не было бы тебя – хуже было бы мне и Ларисе. Не знаю, что бы тогда со мной стряслось. Скорей всего под уклон пошел бы. С. Антонов. Дело было в Пенькове.

2. Комплементарные антонимы выражают полную противоположность, основанную на взаимном предельном дополнении противопоставленных членов: **задирать нос** «чваниться, важничать, зазнаваться» – **гнуть спину** «заискивать, раболепствовать, унижаться». Между антонимами этого типа среднее звено невозможно, так как значение одного полностью отрицает значение другого.

Жители Саардама еще до сих пор гордятся этой исторической пощечиной и задирают нос перед жителями остальных голландских городов. О. Д'Ор. Царь-плотник.

Хотя эта государственность воспринималась как чужая и при том вражеская, тем не менее величие ее идеи не могло не произвести впечатления ... Люди малодушные просто гнули спины и старались лично пристроиться. Н. Трубецкой. История. Культура. Язык.

3. Векторные антонимы выражают противоположность направленности действий: **открывать глаза** «намеренно замечать» – **закрывать глаза** на что-либо «намеренно не замечать»:

Да все имеют любовниц, вы простите, вы за-

мужняя женщина, но откройте глаза-то, откройте! Ведь это не позор считается, кто не имеет любовницы. В. Шукшин. Энергичные люди.

Екатерина все это знала и на все закрывала глаза, будто ее ничто не касалось. В. Пикуль. Фаворит.

Структурные типы фразеологических антонимов определяются принадлежностью ФЕ к одним и тем же фразеологическим моделям. Различают структурно однотипные и структурно разнотипные антонимы. Структурно однотипные антонимы построены по одной синтаксической модели: **взять на вооружение** «принять к использованию, начать использовать» – **списать в архив** «перестать использовать» (глагол + предлог + сущ. в Вин. пад.):

В клубе стараются брать на вооружение любую ценную информацию о закаливании организма. Н. Мишина. Закалка с пеленок.

Как же быть с доказательствами бытия божия... – Ни одно из этих доказательств ничего не стоит, и человечество давно сдало их в архив. М. Булгаков. Мастер и Маргарита.

Структурно разнотипные антонимы построены по разным синтаксическим моделям: **лезть из кожи/шкуры** «усердствовать, стараться изо всех сил для чего-либо» – **палец о палец не ударить** «совершенно ничего не делать для осуществления чего-либо».

– Надеюсь, ты упорствовать не станешь!

Коль дочь тебе и вправду дорога,

Ты вылезешь из кожи, но достанешь,

Достанешь мне четыреста таньга! Л. Филатов. Возмутитель спокойствия.

Я пробыл во вверенном учреждении двенадцать часов с перерывами на обед. Остальные десять часов, проведенные мной на службе, палец о палец не ударил. Г. Рыклин. Итоги за день.

Фразеологические антонимы могут быть разноструктурными и одноструктурными. К первым относятся фразеологизмы, компонентный состав которых различен. Антонимичность таких единиц определяется их смысловым содержанием: **держаться в курсе** «постоянно осведомлять о ходе дел, событий» – **водить за нос** «обманывать, вводить в заблуждение». Одноструктурные антонимы имеют в своем составе один или несколько общих компонентов. Антонимичность подобных ФЕ возникла на основе противоположных этимологических образов и была выражена словами-антонимами, которые в составе ФЕ в качестве компонента фразеологизмов продолжают поддерживать контрастность этих единиц: **плыть по течению** «жить, действовать пассивно, подчиняясь обстоятельствам» – **плыть против течения** «действовать самостоятельно, наперекор установившимся традициям, образцам».

Дело негласной разведки в соседних странах для военных агентов было делом побочным. Прямой их обязанностью было держаться в курсе своей генеральной штаб о состоянии сил той страны, где они находились. А. Игнатъев. Пятьдесят лет в строю.

Но в любую минуту может выплыть наружу правда о задержании Дьякова, и посредник поймет, что Настя водит его за нос. А. Маринина. Украденный сон.

Жил безбедно и при деле,

Плыл – куда глаза глядели – по течению ...
В. Высоцкий. Две судьбы.

Жалею старикашку, если его только сшибла волна. Дарую ему амнистию, прощаю горькую обиду, поздравляю, если он, старикашка, сам, по своей воле, на старости лет поплыл против течения. М. Кольцов. Стачка в тумане.

Одноструктурные и разноструктурные фразеологические антонимы имеют ряд различий. Одноструктурные в своем большинстве эмотивно и стилистически однородны; разноструктурные антонимы чаще различаются эмотивно-стилистической коннотацией. Одноструктурные антонимичные ФЕ нередко используются в контексте в непосредственном противопоставлении; разноструктурные антонимы в одном контексте встречаются редко.

Ты сам, Мотылек, виноват в отношении Куколки. Заварил кашу с газетной рекламой, да и не знаешь, как ее расхлебать. А. Аверченко. Шутка Мецената.

Следует особо сказать о роли отрицательной частицы **не** при присоединении ее к фразеологизмам. М.И. Сидоренко не причисляет подобные ФЕ к антонимичным, полагая, что **не** в таких случаях сохраняет свое прямое грамматическое значение и выполняет свою основную функцию – отрицания, поэтому она не входит в состав единицы как ее структурный компонент [6: 97].

Тем не менее существует достаточное количество ФЕ, которые чаще употребляются с частицей **не**, чем без нее: **не вязать лыка, не видеть в упор, не ударить пальцем о палец**. Такого рода образования объясняются возможным случаем переходности, когда частица **не** закрепляется в структурном составе ФЕ [6: 97].

Существует и противоположное мнение: лексически одноструктурные антонимы возникают из одной и той же фразеологической единицы, которая образует новую либо путем присоединения слова – отрицания, либо путем его отбрасывания: **встретить поддержку – не встретить поддержки** [3: 102]. В обоих случаях можно считать фразеологические антонимы с отрицанием **не** переходным случаем.

Как показал анализ антонимических единиц, фразеологические антонимические ряды со значением поведения лица отражают характер антонимических противопоставлений в зависимости от структурно-семантических особенностей фразеологических единиц, составляющих тот или иной ряд; присутствуют ряды разноструктурных антонимов и фразеологические ряды одноструктурных антонимов.

Разноструктурные антонимы характеризуются различным типом зависимых слов при компонентах ФЕ; одноструктурные – одним типом зависимых слов для обоих антонимов (**смешивать с грязью/кого – петь дифирамбы/кому; развязывать язык/кому – связывать язык/кому**).

Разноструктурные антонимы могут различаться в стилистической направленности: **брать в шоры** (прост.) – **давать волю** (разг.):

– Не хотел давать... Я его взяла в шоры, – она энергично взмахнула кулаком. – Давай, говорю, а ты усы повыдергиваю. А. Рыбаков. Водители.

– Много воли дано вашей сестре при со-

ветской власти, – сказали в крайнем слева пенале. И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев.

Многозначность фразеологических единиц обуславливает ограниченное противопоставление; антонимы противопоставляются в одном значении многозначной ФЕ.

Значение фразеологических антонимов может различаться эмотивными оттенками: **брать в оборот** «ругать, бранить, распекают кого-нибудь» (разг., экспр.) – **гладить по головке** ирон. «потакать, потворствовать кому-либо, хвалить»:

Ты что к обеду мостишься? От работы, паренек, видно, улепётываешь ... – брала она в оборот Корчагина. Н. Островский. Как закалялась сталь.

Нашему брату, актеру, особенно которому моллодому, нельзя давать волю. Ежели антрепнер начнет ему «вы» говорить да по головке гладить, так он на антрепнёра верхом сядет. А. Чехов. Критик.

Значение одного фразеологического антонима может быть более общим, другое – более частным: **брать на буксир** «помогать, передавая свои знания, опыт» – **вставлять палки в колеса** «намеренно мешать в каком-либо деле»:

– Дожили! Опять едет Давыдов нас на буксир брать, – со сдержанным негодованием сказал Агафон Дубцов. М. Шолохов. Поднятая целина.

Вёл левую колонну – прямо на Тильзит! – генерал Пётр Румянцев, а Фермор ему палки в колёса вставлял, ибо завидовал юной славе. В. Пикуль. Пером и шпагой.

Особенности структуры фразеологических антонимов обуславливают различия в характере антонимических противопоставлений.

Таким образом, антонимическая парадигма ФЕ со значением поведения лица, несмотря на периферийное положение в общей структуре поля, обнаруживает доказательное существование и связана с парадигмами синонимии и полисемии. Налицо определенный набор антонимических рядов, классифицирующихся с точки зрения различий в семантике, структуре, сочетаемости. Сложность формы и выражения фразеологическим антонимам придает наличие у ФЕ индивидуальной внутренней формы, оценки и экспрессивно-эмоциональных коннотаций, а также стилистических коннотаций. При функционировании в тексте, в живой речи в антонимичных единицах актуализируются семы, которые противопоставляются в данной ситуации, в данном контексте при отсутствии общей языковой противоположности, разных смысловых объемах и в большой степени зависят от условий контекста.

Библиографический список

1. Гвоздарёв Ю.А. Современный русский язык. Лексика и фразеология. Ростов-на-Дону: Феникс; Изд. центр МарТ, 2009. 352 с.
2. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка / под ред. Л.А. Новикова. Изд-е 3-е, стереотип. М.: Русский язык, 1985. 384 с.
3. Миллер Е.Н. Природа лексической и фразеологической антонимии. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. 222 с.
4. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, 1977. 283 с.
5. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке: семантиче-

- ский анализ противоположности в лексике. М.: Изд-во МГУ, 1973. 290 с.
6. Сидоренко М.И. Парадигматические отношения фразеологических единиц в современном русском языке. Л.: Изд-во гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена, 1982. 107 с.

Works Cited

1. Gvozdaryov YU.A. *Sovremennyy russkiy yazyk. Leksika i frazeologiya*. Rostov-na-Donu: Feniks; Izd. tsentr MarT, 2009. 352 s.
2. L'vov M.R. *Slovar' antonimov russkogo yazyka / pod red. L.A. Novikova*. Izd-e 3-e, stereotip. M.: Russkiy yazyk, 1985. 384 s.

3. Miller E.N. *Priroda leksicheskoy i frazeologicheskoy antonimii*. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1990. 222 s.
4. Molotkov A.I. *Osnovy frazeologii russkogo yazyka*. L.: Nauka, 1977. 283 s.
5. Novikov L.A. *Antonimiya v russkom yazyke: semanticheskii analiz protivopozhnosti v leksike*. M.: Izd-vo MGU, 1973. 290 s.
6. Sidorenko M.I. *Paradigmatische otnosheniya frazeologicheskikh edinit v sovremennom russkom yazyke*. L.: Izd-vo gos. ped. in-ta im. A.I. Gertsena, 1982. 107 s.

УДК 81'374.2

© Н.Б. Швелидзе

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
Пятигорск, Россия

Семантические модификации в сфере нумеративных фразеологизмов с компонентом-числительным

Имя числительное в составе значительного количества фразеологических единиц выступает как обязательный структурный и содержательный компонент. Наблюдения над семантической составляющей имени числительного в составе русских нумеративных фразеологизмов определили цель и структуру настоящей работы. Рассматриваются фразеологизмы с числительными *два, три, семь*. Термин «фразеологизм» понимается в рамках семантической концепции фразеологизма [4: 184], сторонники которой рассматривают фразеологизм как явление семантическое, относя устойчивость и воспроизводимость фразеологизма к следствию того, что данное образование входит в семантическую систему языка. Дефиниция ФЕ Ю.П. Солодуба, данная им в русле семантической концепции фразеологизма (А.М. Бабкин, В.П. Жуков, А.Г. Назарян) была принята в качестве рабочей: «фразеологический оборот (ФЕ, фразеологизм) может быть определен как семантически неделимое, устойчивое сочетание слов, целостное значение которого сформировано на основе семантической трансформации словесного комплекса-прототипа» [3: 5].

Исследователи А.Е. Супрун, А.Я. Рожанский, Л.Г. Ботина, А.С. Шакиров обращались к рассмотрению нумеративных фразеологизмов.

А.Е. Супрун относит нумеративные фразеологизмы к трем типам фразеологических единиц с точки зрения семантической слитности, следуя классификации В.В. Виноградова, и определяет характерные именно для числительных черты, впоследствии сообщенные ими семантике фразеологизма, затемнение семантики ФЕ при фразеологизации (*наше вам сорок/тридцать одно, с пальцем девять, с огурцом пятнадцать*); утверждение определенной арифметизации мышления (*как свои пять пальцев, как дважды два*); некая адъективация числительных, получение ими качественного значения в составе фразеологических единиц (*в три ручья, с три*

короба, за семь верст киселя хлебать – в значении «много»; *от горшка два вершка, в двух словах* – в значении «мало»; *между двух огней, за двумя зайцами погнаться* – в значении «раздвоенности»). Исследователь предполагает, что лексическая специфика входящих в ФЕ компонентов влияет на ее семантическую и грамматическую структуру [5: 79]. Также отмечается некая синонимичность числительных в отдельных фразеологизмах, например, числительные *семь* и *десять* в ФЕ *седьмая/десятая вода на киселе* в значении «очень дальний родственник». По мнению ученого, причиной подобной синонимии является приобретение числительным качественного значения, утрата числительным ясного числового значения, получение абстрактного значения большого количества [Там же].

Диалектные нумеративные фразеологизмы демонстрируют деление на две группы: в одной группе ФЕ числительное сохраняет свое конкретное значение (*Одна дряхливая овца все стадо портит; Все для человека, но не два века*); в другой группе имя числительное утратило числовое значение и приобрело значение качественности (*от пенечка два вершочка* – «маленький», *от пятой/седьмой курицы десятый цыпленок* – «дальний родственник»). Как правило, чаще всего в составе диалектных ФЕ качественное значение утрачивает числительное *один* [1: 36].

А.С. Шакиров на материале фразеологизмов разносистемных языков подробно исследовал нумеративные единицы, дополнив и развив имевшиеся идеи [7: 4]. Имя числительное кардинально отличается от других частей речи абстрактным содержанием количества, несет точное обозначение количества предметов, но при этом в составе ФЕ имя числительное может как сохранять это значение точного количества, так и утрачивать его, при этом естественно, что имя числительное, теряя конкретное числовое

значение, сообщает новые смыслы всему фразеологическому обороту. Имя числительное в составе фразеологизма начинает играть центральную семантическую роль и является ключевым для формирования образности оборота.

Выделено 5 основных значений нумеративных фразеологизмов, представляющих вариации содержания «много/мало».

1. Значение количества «много»; значение количества «мало»;
2. Значение величины, пространства, а именно: расстояние, размер, рост;
3. Значение времени: долго/недолго, быстро/медленно;
4. Интеллектуальные качества, умственные способности: ум/глупость, проницательность/недалекость, опыт/его отсутствие;
5. Значение высокой/низкой степени качества (много – мало).

Отмечено, что многие имена числительные в составе фразеологизмов полностью переосмысляются, приобретая качественные значения, как характеристика действия по времени, точность, синхронность, раздвоенность.

В настоящей работе при исследовании ФЕ с числовыми компонентами выводы и положения перечисленных работ будут учитываться.

«Фразеологический словарь русского языка» под ред. А.И. Молоткова [6] содержит 152 фразеологизма с компонентом-числительным, из которых 38 ФЕ – с числительными 2 и 3, с числительным 7 – 13 ФЕ. Имеет смысл определить случаи, когда числительные несут значение количества, имеют значение неопределенного количества (много – мало), получают новое значение качества.

Во фразеологизмах *два сапога пара, между двух огней, как две капли воды, палка о двух концах, на своих двоих* имена числительные сохраняют конкретное значение точного количества.

- *Это, чай, все больше зачинщики действуют, смутьяны. Михельсон, та тот, черный-то, как его? Сокол, что ли? – Не знаю, – отвечает механик, – который из них лучше: два сапога пара и оба на левую ногу!*

С. Скиталец. Огарки.

- *Продвигаться будете от участка к участку. Где позволит дорога – на машине, где – на своих двоих.*

В. Ажаев. Далеко от Москвы.

В рассмотренных фразеологизмах значение числительного сообщает всей единице оттенок «единообразия».

ФЕ *между двух огней* со значением «под угрозой с двух сторон, когда опасность или неприятность угрожает с двух сторон» фразеологическая образность обусловлена ассоциацией по сходству; значение имени числительного остается конкретным и сообщает семантике оборота дополнительное значение «двусторонности, раздвоенности».

А запорожцам приходилось выбирать быстро, ибо они оказывались между двух огней.

М. Покровский. Русская история с древнейших времен.

Оттенок «двойственности, раздвоенности»

привносит имя числительное и в семантику ФЕ *палка о двух концах* со значением «то, что может повлечь за собой и благоприятные и отрицательные последствия, допускающие хороший и плохой исход»:

Мефодьевна резко на выход подалась, а из коридора пригрозила: - За такое хулиганство палкой тебя надо, палкой. – Гляди, палка о двух концах, – хохотнул Иван.

Б. Екимов. Кто Саратова не любит...

Фразеологизм *ни два ни полтора* со значением «неизвестно как, ни плохо ни хорошо» входит в ряд синонимичных ФЕ *ни пава ни ворона, ни кафтан ни ряса, ни рыба ни мясо, ни то ни се, ни богу свечка ни черту кочерга*. Структура каждого синонима построена на контрастном перечислении, разнородные наименования соединяются сочинительным союзом.

Общее значение «мало» содержится во фразеологизмах *от горшка два вершка* (маленький, маленького роста), *раз-два и обчелся* (немного).

Отдельного внимания заслуживают единицы *гнаться за двумя зайцами* и *убить двух зайцев*, возникшие в результате эллиптирования пословицы *за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь*.

ФЕ *гоняться за двумя зайцами* имеет значение «преследовать разные цели»:

Время не ушло, – заметила я, – можете и теперь поступить в университет вольнослушателем. – А что я буду есть? – Можете ходить на лекции и писать. – За двумя зайцами погонишься.

А. Панаева. Воспоминания.

ФЕ *убить двух зайцев* имеет значение «одновременно сделать два дела, добиться осуществления двух целей»:

Он предложил коменданту все части гарнизона выстроить шпалерами по пути следования командующего от пристани до штаба крепости, чтобы таким образом сразу убить двух зайцев: и гарнизон представить и ознакомить генерала с действительностью штаба крепости.

А. Степанов. Семья Звонаревых.

Как следует из контекстов, нумеративные обороты с числительным *два* достаточно ясно выражают точное число, при этом в семантику ФЕ вносится оттенок несосредоточенности на одной цели. Фразеологический образ создается при посредстве конкретного значения числительного, которое мотивирует фразеологическое значение.

Частотны фразеологизмы с числительным *три* (числительные *три, семь, девять* значимы для русского фольклора, сказок и былин: три брата, три службы совершает персонаж, трижды сразиться со Змеем-Горынычем).

ФЕ *заблудиться в трех соснах* «не сумеешь разобратся в чем-нибудь простом, не сумеешь найти выход из самого простого затруднения» соотносится с семантическим полем *мало* (малый рост, малое пространство, незначительные умственные способности).

-Ну, наши-то совсем еще ничего не понимают, – говорила попадьа. – Да оно и лучше. – Куда им, – смеялась Анна. – В трех соснах заблудятся!

Д. Мамин-Сибиряк. Хлеб.

Фразеологизм *с три короба* с количественным значением «много» имеет ограниченную сочетае-

мость; выступает в связке с глаголами речи: наговорить, наобещать, наврать.

-Наговорили мне о тебе с три короба, а ты – карась как карась – только и всего.

М. Салтыков-Щедрин. Карась-идеалист.

В нумеративной ФЕ в три шеи (*знать, вытолкать, выгнать*) «грубо, с бранью, скандалом, с побоями выгнать кого-либо» числительное три вносит во фразеологический образ, построенный на гиперболе, значение интенсивности признака, действия, что относит ФЕ к семантическому полю много.

Вахрушку выпроводили с мельницы в три шеи. Очутившись опять на дороге в Суслон, старик долго чесал затылок, ругаясь в пространство.

Д. Мамин-Сибиряк. Хлеб.

Таким же значением интенсивности признака, действия отличается числительное три во фразеологизме *гнуть в три погубели* «жестко, безжалостно эксплуатировать, тиранить»; первоначально словосочетание в три погубели значило «гнуть, ломать тело на дыбе при допросе», что являлось одной из страшных пыток на Руси в эпоху средневековья.

Завязавши под мышки передник,

Перетянешь уродливо грудь,

Будет бить тебя муж привередник

И свекровь в три погубели гнуть.

Н. Некрасов. Тройка.

В последних фразеологизмах числительное три является средством создания экспрессии.

Во многих языках продуктивны фразеологизмы с именем числительным семь. Причиной подобной популярности является его древнее происхождение, мистическое содержание числа семь, отраженное в мифах. Фразеологизмы с числительным семь имеют обобщенное значение: *быть на седьмом небе, книга за семью печатями, семеро по лавкам, за семь верст киселя хлебать, работать до седьмого пота, семь потов сошло, семь пятниц на неделе, драть семь шкур*. В приведенных фразеологизмах числительное сообщает их семантике значение, близкое к семантическому полю «много», налицо также оттенок интенсивности признака; образ каждой ФЕ создает ее индивидуальное значение.

ФЕ *быть на седьмом небе* со значением счастливого, благодушного эмоционального состояния «безгранично счастлив, глубоко удовлетворен».

Сам Рогожин весь обратился в один неподвижный взгляд. Он оторваться не мог от Настасьи Филипповны, он упивался, он был на седьмом небе.

Ф. Достоевский. Идиот.

В ФЕ *за семь верст киселя хлебать* реализуется пространственное значение семантического поля «много» «далеко, без достаточной причины идти, ехать, тащиться»; эмотивный иронический оттенок и просторечную окраску придает просторечный глагол *хлебать*.

Все равно попусту едешь, за семь верст киселя хлебать.

А. Чехов. Степь.

Имя числительное семь в ФЕ *содрать семь шкур* «жестко, беспощадно обращаться с кем-либо, эксплуатировать кого-либо» придает значение интенсивности признака, действия в семантическом поле «много»; оно же служит для создания экспрессии

оборота и его семантического наполнения.

Да я семь шкур с него спушу и голым в Африку пушу».

С. Маршак, Заяц во хмелю.

Исходя из анализа фразеологизмов с компонентом-числительным, можно сделать следующие выводы.

1. Имя числительное сохраняет точное количественное значение, участвует в создании образной основы семантики фразеологического оборота.

2. Имя числительное утрачивает конкретное значение, приобретая значение обобщенное, воспроизводимое в семантическом поле «мало» и семантическом поле «много» с оттенками значений интенсивности признака, действия, пространства, качественного признака.

3. Имя числительное в нумеративном фразеологизме служит дополнительным средством создания экспрессии.

Библиографический список

1. Ботина Л.Г. Из наблюдений над семантикой нумеративных ФЕ в русских говорах // Вопросы семантики фразеологических единиц. Самарканд, 1983. С. 34-38.
2. Рожанский А.Я. Фразеологизмы с числительными // Русский язык в школе. 1957. № 1. С. 29-32.
3. Солодуб Ю.П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-семантического исследования (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1985. 32 с.
4. Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б. Современный русский язык. Лексика и фразеология (составительский аспект). М., 2002. 262 с.
5. Супрун А.В. О фразеологических единицах с числительными // Вопросы фразеологии. Ташкент, 1965. С. 79-85.
6. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1978. 543 с.
7. Шакиров А.С. Семантико-типологический анализ нумеративных фразеологических единиц в разносистемных языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. С. 4-17.

Works Cited

1. Botina L.G. Iz nablyudeny nad semantikoy numerativnykh FE v russkikh govorakh // Voprosy semantiki frazeologicheskikh edinit. Samarkand, 1983. S. 34-38.
2. Rozhanskiy A. Ya. Frazeologizmy s chislitel'nyimi // Russkiy yazyk v shkole. 1957. № 1. S. 29-32.
3. Solodub Yu.P. Russkaya frazeologiya kak ob'yekt sopostavitel'nogo strukturno-semanticheskogo issledovaniya (na materiale frazeologizmov so znacheniyem kachestvennoy otsenki litsa): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M., 1985. 32 s.
4. Solodub Yu.P., Al'brekht F.B. Sovremennyy russkiy yazyk. Leksika i frazeologiya (sopostavitel'nyy aspekt). M., 2002. 262 s.
5. Suprun A.V. O frazeologicheskikh edinitsakh s chislitel'nyimi // Voprosy frazeologii. Tashkent, 1965. S. 79-85.
6. Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka / Pod red. A.I. Molotkova. M., 1978. 543 s.
7. Shakirov A.S. Semantiko-tipologicheskii analiz numerativnykh frazeologicheskikh edinit v raznosistemnykh yazykakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1986. S. 4-17.

Структурные, функциональные и когнитивно-семантические аспекты изучения германских языков

УДК 81.111

© Ю.К. Волошин

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Краснодар, Россия

Репрезентация концепта TIME в английском языке

Time is the fire in which we burn

Delmore Schwarz

«Английское *time* – время – соотносится с лат. *stimulus* – «шест, стрекало»: речь идет о «Мировом дереве», являвшемся олицетворением Вселенной, т.е. вечности (столб как олицетворение вечности)» [7: 375]. «Наряду со Словом, время нерукотворно и вечно» [6: 89].

«Время – одна из основных категорий традиционной картины мира, сочетающая мифологическое (циклическое) и историческое (линейное) восприятие Времени» [2: 448].

«Время» – понятие большой степени общности и абстрактности, одно из базовых понятий науки, философии и культуры. ... Это абстрактное понятие все окружено моральными ассоциациями (что, собственно, и делает его концептом). Далее этот концепт подвергнут тщательному анализу в различных плоскостях по его связи с русской культурой [14: 248-268].

Как отмечает Ю.С. Степанов [ВЯ, 1989 № 4, 5], «древние греки (а также семиты) представляли себе Время как текущее «сзади», из-за нашей спины. Это представление... соответствует убеждению, что «неизвестным» является как раз будущее, а «известным» прошлое. Следовательно, именно будущее должно располагаться за нашей спиной, там, где у нас нет глаз и куда не проникает наш взор. Напротив, прошлое – целиком перед нашими глазами» [6: 90].

Представляет интерес отражение данного концепта в английских фразеологических единицах (ФЕ), включая паремии, а также в афоризмах. Цель статьи – анализ репрезентации концепта *time* в современном английском языке. Материалом для исследования послужили различные лексикографические пособия и справочники [1; 3; 5; 9; 10; 13; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 26], методом сплошной выборки было зарегистрировано порядка 160 пословиц и поговорок и более 90 ФЕ с лексемой *time*, при этом применялись процедуры контекстуального, компонентного и дефиниционного анализа.

Для начала надо определиться с концептом. «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека... Концепт – это то, посредством чего человек... сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на него... Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [14: 43].

Словарь дает следующее определение анализируемой единицы: *time – the indefinite continued progress of existence and events in the past, present, and future regarded as a whole. Old English tīma, of Germanic origin* [25]. Можно легко убедиться в том, что эта лексема активно употребляется в пословицах и поговорках, в афоризмах, ФЕ и т.д.

Для начала приведем несколько паремий с лексемой *time*: *Always is a long time* – ирон. – «Всегда» – понятие растяжимое; не зарекайся; *A stitch in time saves nine* – То, что делается вовремя, экономит много труда впоследствии; *Busiest men find the most time* – У занятого человека время всегда найдется; *Footprints on the sands of time are not made by sitting down* – Следы на песке времени не оставляют, садясь на него; *Life is short and time is swift* – Жизнь коротка, а время быстротечно; *Lost time does not return* – Потерянного времени не воротить; *Take time by the forelock* – Хватай время за чуб; *There is a time to speak and a time to be silent* – Есть время говорить и время соблюдать молчание; *There is no time like the present* – Сейчас самое подходящее время; лови момент, не упускай момента; *Time is money* – Время – деньги; *Time works wonders* – Время творит чудеса; *What may be done at any time will be done at no time* – То, что можно сделать когда угодно, не будет сделано никогда; *Procrastination is the thief of time* – Отсрочка крадет время; *Time flies* – Время летит; *Time never stands still* – Время не стоит на месте; *Time is of the essence* – Время не терпит; *Time and tide wait for no man* – Время не ждет; *Time erases all sorrows* – Время сглаживает все печали; *Time heals all wounds* – Время излечивает все обиды; *Time is a cunning workman* – Время – искусный мастер; *Times change* – Времена меняются; *There's always time to do what you want* – Для всего есть свое время; *Everything has its time* – Всему свое время; *There is a time for all things* – Всему свое время; *Other times, other manners* – Иные времена – иные нравы; *Lost time is never found again* – Потерянного времени не воротить; *The worse luck now, the better another time* – Сейчас не повезло, повезет потом; *Time is the best teacher* – Время – лучший учитель; *Time cures all things* – Время лучший целитель; *Time serves no man* – Время никому не служит; *Time will tell* – Поживем – увидим и другие.

Многие паремии передают накопленные сове-

ты следующему поколению: *Aim high, time flies; Ap-
point a time for everything, and do everything in time;
Begin in time to finish without hurry; Better on time than
late; Improve time and time will improve you; Don't
spend your time in vain regrets; Don't try to sit on two
chairs at the same time; Start in time to be in time; Strike
when the time is right; Time is capital: invest it wisely;
Don't wait till you get time – take time; Don't waste five-
dollar time on a five-cent job; Employ the time well if you
mean to gain leisure; Don't fiddle your time in vain; In
time, on time, every time, and all the time excepting when
ahead of time, and that's a little better time; If you want
to pass time quickly, just give your note for ninety days;
Have fun while you live because you're going to be dead
a long time; Have a good time, but if you can't be good,
be careful; He doubles his gift who gives in time; He that
gains time gains all things; He who has time does not
wait for time; Husbands are like automobiles: if you take
care of them, you don't have to be getting new ones all
the time; Kill time and time will kill you; One at a time is
good fishing; The time to give up the game is when it is
at its best; If it happens twice it will happen three times;
Don't waste time looking at the hill, climb it; Better once
in heaven than ten times at the gate; Leisure is the time
for doing something useful; You cannot run and bark at
the same time; Nine-tenths of wisdom consists in being
wise in time; One thing at a time; Success is a matter of
using one's time well; The best way to kill time is to work
it to death; There is a time to fish and a time to dry nets;
There's always time to do what you want to do; Time de-
vours all things; Time is an herb that cures all diseases;
Time is shorter than you think; Time is, time was, and
time is past; Time wasted is time lost; Time to catch bears
is when they're out; Time passes quickly; make good use
of it; To find out what a man is like, find out what he
does in his spare time; We mustn't waste time, for that's
the stuff life's made of; What we call time enough always
proves little enough; Wise use of time will make for wiser
living; Wrong will right itself in time; You can't throw
down time and pick it up again; It takes less time to avoid
an accident than it does to report it; You may delay, but
time will not; Enjoy yourself; there is less time than you
think; Let time that makes you homely make you sage;
Never waste time; Nothing is more injurious than un-
occupied time; Nothing is more precious than time, yet
nothing is less valued; Take time when time is, for time
will away; Tell the truth all the time and you won't have
to remember what you said и др.*

Часть английских паремий имеют философ-
ское наполнение, они передают накопленную людьми
мудрость: *A creaking door lasts a long time; A moment
of time is a moment of mercy; A short time is long for the
unprepared; All that time is lost which might be better
employed; As good have no time as make no good use
of it; Books are ships that pass through the vast seas of
time; Courage is a virtue the young cannot spare; to lose
it is to grow old before their time; Death is but death, and
all in time shall die; Everything has its time; Four things
cannot be brought back: a word spoken, an arrow dis-
charged, the divine decree, and past time; He who knows
most grieves most for wasted time; It's time enough to bid
the devil good morning when you meet him; Life is not so
short but that there is always time for courtesy; Little by
little time goes by, short if you sing, long if you sigh; Love*

*is not time's fool; Out of time, out of mind; Punctuality is
a thief of time; Seconds are the gold dust of time; Some
teachers are time servers; The man who hasn't time to
read hasn't time to succeed; The only value of time is its
use; The rooster crows to let us know, if we are wise, it's
time to rise; The sands of time never run smooth; The
stairway of time ever echoes with the wooden shoe go-
ing up, the polished shoe coming down; The third time
is a charm; Time and patience change the mulberry leaf
to satin; Time and trouble circle the world; Time brings
everything to those who can wait; Time changes ever;
but the heart of man never; Time changes the oak into a
coffin; Time consumes the strongest; Time has a wallet;
Time is a file that wears and makes no noise; Time is a
ship that never anchors; Time is like money: once spent,
it can never be spent again; Time is not the click of the
clock, it is the everlasting now; Time makes turncoats of
us all; They who make the best use of their time have
none to spare; The worst of all policies in hard times is to
sit down and fold your hands; Time is a hard taskmaster;
Time is a true friend to sorrow; Time is of the essence;
Time is the rider that breaks youth; Time leaps; wisdom
crowds; Time was made for slaves; Time wasted getting
even could be saved by getting ahead; Well-arranged
time is the surest mark of a well-arranged mind; You'll
be a long time dead и т.д.*

Следует отметить наличие вариантов у ряда
паремий, что объясняется несколькими причина-
ми: большими пространствами Северной Америки,
где каждый регион отличается от другого произно-
сительными нормами, лексико-фразеологическими
единицами, также как и различиями между Велико-
британией и США (представляется уместным при-
вести остроумное замечание Оскара Уайльда в связи
с этим: «Сейчас у нас с Америкой общее все, кроме
языка»):

*An inch of time is an inch of gold: One inch of
time is one inch of gold.*

*Lost time is never found: Lost time is never found
again, and what we call time enough always proves little
enough.*

*Take time by the forelock: Catch time by the fore-
lock; he is bald behind.*

*There is a time and place for everything: There is
a time for all things; There is time for everything (Ин-
тересно отметить, что первое упоминание этой паре-
мии имело место у Дж. Чосера в 1390 г.).*

*There's no time like the present: Now is the best
time for everything. Now is the time.*

Time changes everything: Time changes all things.

*Time and tide wait for no man: Time waits for no
man.*

*Time brings everything to light: Time will reveal
all things. Time will show.*

*Time flies: Time flies like the wind. Time flies – say
not so. Time stops – we go.*

Time is the best teacher: Time is a great teacher.

Time is of the essence: Time is the important thing.

*Time wasted is time lost: Time wasted is never re-
gained.*

*Time will tell: Only time will tell. Time alone will
tell. Time has tales to tell. Time will disclose all things.
Time will tell tales.*

Time heals all wounds: Time cures all ills. Time

dresses the greatest wounds. Time heals all. Time is a great healer. Time will bring healing. Time will heal (Впервые использована у Дж. Чосера в 1374 г.).

We mustn't waste time, for that's the stuff life's made of: Don't squander time, for time is what life is made of [22].

Пословицы и поговорки чаще появляются в речи, в народной среде, но есть заимствования из Библии: *There is a time for all things / for everything*, есть заимствование из французского языка – *other times, other manners*, некоторые пришли из произведений Дж. Чосера, кроме названных выше, такие как *Everything has its time, Lost time is never found, Time and tide wait for no man, Time flies, Time erases all sorrows*. У Шекспира впервые привел поговорку *Time has a wallet* в 1601 г. Пословица *Take time by the forelock* впервые появилась в 1591 г. в произведении Роберта Грина *Farewell to Folly* (по другим данным, в 1539 г. у Тавернера). Дж. Джойс впервые процитировал поговорку *What we call time enough always proves little enough* в 1910 г. [Ibid.].

Вполне естественно напомнить о том, что единицы поговорки являются отражением ценностных ориентаций и менталитета народа – носителя языка, они передают национально-культурную специфику данного социума, особенности его национального сознания и отличительных этнокультурных черт.

Язык является семиотическим образованием, это знаковая система. Н.Б. Мечковская отмечает в связи с этим: «Луи Ельмслев... видел уникальность языка в том, что «практически язык является семиотикой, в которую могут быть переведены все другие семиотики – как все другие языки, так и все другие мыслимые семиотические структуры... Данное свойство языка обусловлено неограниченной возможностью образования знаков и очень свободными правилами образования единиц большей протяженности (предложения и т.д.)». И далее: «Язык является семиотикой по определению, «чистой» семиотикой, как бы общесемиотической моделью разных «устройств», предназначенных для сообщения информации» [8: 20-21]. Заметим, что ФЕ, включая поговорку, являются сложными семиотическими знаками, каждый из них аккумулирует и передает определенную информацию, а «непосредственным предметом семиотики является информационная система, т.е. система, несущая информацию, и элементарное ядро такой системы – знаковая система» [15: 5]. Анализируемые ФЕ являются частью обширной информационной системы, так как они аккумулируют, сберегают и транслируют неоценимую информацию об истории, культуре, обычаях, привычках, быте, народном опыте носителей английского языка предшествующих поколений.

Теперь перейдем к афоризмам, высказываниям известных английских, американских, французских и др. писателей и политических деятелей, в состав которых входит анализируемая лексема. Что такое афоризм? Это (греч. – краткое изречение) обобщенная законченная мысль, выраженная в лаконичной, отточенной форме. Афоризмами являются также, как правило, пословицы и поговорки» [4: 366]. Английский лексикограф Сэмюэл Джонсон отмечает, что «искусство афоризма заключается не столько в выражении

какой-то оригинальной или глубокой идеи, сколько в умении в нескольких словах выразить доступную и полезную мысль». Лорд Честерфилд заметил по этому поводу: «Сочинители афоризмов в большинстве своем красоту мысли ставят выше точности и справедливости» [1; 16]. Приведем несколько примеров:

Edward Young: *Procrastination is the thief of time*. – Оттягивать да откладывать – только время возвращать.

Benjamin Franklin: *Time is money*. – Время – деньги.

Benjamin Disraeli: *Time is the great physician*. – Время – великий лекарь. *Time is precious, but truth is more precious than time* – Время – ценная вещь, но правда гораздо более ценна, чем время.

Francis Bacon: *To choose time is to save time*. – Выбрать время – значит сэкономить время. *Time is the greatest innovator*. – Время – великий новатор.

William Shakespeare: *The time of life is short*. – Жизнь коротка. *The time is out of joint* – Распалась связь времен. *Time is the nurse and breeder of all good* – Время – источник и хранитель всего хорошего.

Oscar Wilde: *Time is a waste of money* – Время – это трата денег. *Beauty is the only thing that time cannot harm* – Красота – это единственное, что время не может повредить. *Punctuality is the thief of time* – Пунктуальность = это кража времени. *The busy have no time for tears* – Занятому человеку некогда плакать.

Античный афоризм: Чем короче время, тем оно счастливее.

С. Джонсон: Время и деньги – самое тяжелое бремя в жизни, поэтому самые несчастные из смертных – это те, у кого и того и другого в избытке...

П. Буаст: Время часто убивает тех, которые стараются убить его.

Winston Churchill: Время и деньги большей частью взаимозаменяемы. Время – плохой союзник.

Abraham Lincoln: *You can fool all of the people some of the time, and some of the people all the time, but you cannot fool all the people all the time*. – Можно обманывать всех людей какое-то время, и некоторых людей все время, но нельзя обманывать всех все время [1; 16].

Приведенные афоризмы показывают активность и частоту использования анализируемой лексической единицы, необходимость ее употребления в дискурсе разных носителей языка в совершенно различные эпохи, независимо от жанра и стиля, проза это или поэзия – язык не может успешно функционировать без этой лексемы.

ФЕ с лексической единицей *time* настолько многочисленны, что объем статьи не позволяет включить их все. Можно привести лишь некоторые из них: *abreast of the time(s)* – вровень с веком, *to be ahead of one's time* – опережать время, *the big time* – ведущее положение; крупное дело; успех, известность признание, *born before one's time* – опередив время, свою эпоху (по взглядам), *the devil's own time* – чертовски трудное время, *every time one turns around* – очень часто; то и дело, *to fall on hard times* – переживать трудное время, *first, last and all the time* – с начала и до конца, все время, *from time immemorial* – с незапамятных времен, испокон веков, *give smb a hard time* – досаждают, докучать кому-л., сильно ме-

шать, приставать к кому-л., причинять беспокойство кому-л., *have all the time of the world* – иметь уйму времени, *have a rough time* – терпеть лишения, испытывать нужду; испытывать трудности, затруднения, *in the nick of time* – как раз вовремя, в самый раз, *it beats my time* – это выше моего понимания, *live on borrowed time* – жить «взаймы», быть обреченным; дни сочтены, *make a time over smth* – волноваться, суетиться, шумно реагировать по поводу чего-л., *make time with smb.* – ухаживать за кем-л., флиртовать, заигрывать с кем-л., *make up for lost time* – наверстывать потерянное, упущенное время, *mark time* – топтаться на месте, бездействовать, *nine times out of ten* – в девяти случаях из десяти, в большинстве случаев, как правило, *not to give one the time of day* – испытывать крайнюю неприязнь к кому-л., полностью его игнорировать, *on one's own time* – бесплатно, безвозмездно, *out of time* – слишком поздно, *piping time(s) of peace (Shakespeare)* – пора мирного веселья, *play for time* – пытаться выиграть время, оттягивать время; уклоняться от ответа, *serve one's time* – отбывать срок службы, *a sign of the time(s)* – знамение времени, *spar for time* – спорить, пререкаться, чтобы выиграть время, *take one's time* – не торопиться, не спешить, *time and a half* – плата за переработку, *time hangs heavily on smb's hands* – время тянется медленно, *the time is out of joint* – распалась связь времен, век расшатался, *time will show* – время покажет; проживем – увидим, *the time is ripe* – время пришло, срок пришел, и многие другие, без которых языковая картина мира была бы не полной, в ней были бы многочисленные лакуны.

Таким образом, можно заключить, что ФЕ и паремии, а в отдельных случаях и афоризмы, с лексемой *time* активно помогают коммуникантам в повседневном общении, способствуют их лучшему взаимопониманию, облегчают выполнение основной – коммуникативной – функции языка, имеют когнитивно-прагматическую специфику, облегчают жизнь носителей языка.

Библиографический список

1. Английский афоризм: Сб. сост. А.Я. Ливергант. М.: Пушкинская библиотека, АСТ, 2003. 460 с.
2. Время // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под общей ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995. Т. 1. С. 448-452.
3. Другими словами... Словарь английских идиом / Сост. Т.Г. Соломоник. СПб.: Алга-Фонд, 1994. 248 с.
4. Краткая литературная энциклопедия в 8 т. / Гл. ред. А.А. Сурков. М.: Сов. энциклопедия, 1962. Т. 1. 1088 стб.
5. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Рус. язык. Высш. школа, 1986. 336 с.
6. Маковский М.М. Время // Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: ВЛАДОС, 1996. С. 89-98.
7. Маковский М.М. Историко-этимологический словарь современного английского языка: Слово в зеркале человеческой культуры. М.: Диалог, 2000. 416 с.
8. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура. 3-е изд. М.: Академия, 2008. 432 с.
9. Новый Большой англо-русский словарь: В 3 т. / Ю.Д. Апресян, Э.М. Медникова, А.В. Петрова и др. М.: Рус. язык, 1998. Т. 1. 832 с.
10. Райдаут Р., Уиттинг К. Толковый словарь английских пословиц. СПб.: Лань, 1997. 256 с.
11. Словарь американских идиом / А. Маккей, М.Т. Ботнер, Дж.И. Гейтс. СПб.: ЛАНЬ, 1997. 464 с.
12. Словарь иностранных слов. М.: Рус. язык, 1979. 624 с.
13. Смит Л.П. Фразеология английского языка. Учпедгиз, 1959. 208 с.
14. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.
15. Степанов Ю.С. В мире семиотики // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. Изд. 2-е. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 5-42.
16. Cohen J.M. and M.J. The Penguin Dictionary of Quotations. L.: Penguin Books, 1963. 664 p.
17. Collins V.H. A Book of English Idioms. L.: Longmans, 1961. 258 p.
18. Collins V.H. A Second Book of English Idioms. L.: Longmans, 1962. 256 p.
19. Collins V.H. A Third Book of English Idioms. L.: Longmans, 1962. 205 p.
20. Green J. Chambers Slang Dictionary. L.: Chambers, 2009. 1477 p.
21. McMordie W. English Idioms and How to Use Them. L.: Oxford University Press, 1962. 350 p.
22. Mieder W. A Dictionary of American Proverbs. N.Y. – Oxford: Oxford University Press, 1996. 710 p.
23. 1000 English Idioms Explained. L. – N.Y.: Foulsham, 2010. 191 p.
24. Spears R.A. Dictionary of American Slang. Special Edition. М.: Рус. язык, 1991. 528 p.
25. The New Oxford American Dictionary. N.Y.: Oxford University Press, 2001. 2023 p.
26. The Wordsworth Dictionary of Phrase and Fable based on the original book by E.C. Brewer. L.: Wordsworth Reference, 2006. 1180 p.

Works Cited

1. Angliyskiy aforizm: Sb. sost. A.Ya. Livergant. M.: Pushkinskaya biblioteka, AST, 2003. 460 s.
2. Vremya // Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar' v 5-ti tomakh / Pod obschey red. N.I. Tolstogo. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1995. T. 1. S. 448-452.
3. Drugimi slovami... Slovar' angliyskikh idiom / Sost. T.G. Solomonik. SPb.: Alga-Fond, 1994. 248 s.
4. Kratkaya literaturnaya entsiklopediya v 8 t. / Gl. red. A.A. Surkov. M.: Sov. entsiklopediya, 1962. T. 1. 1088 stb.
5. Kulin A.V. Anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar'. M.: Rus. yazyk. Vyssh. shkola, 1986. 336 s.
6. Makovskiy M.M. Vremya // Sravnitel'nyy slovar' mifologicheskoy simboliki v indoyevropeyskikh yazykakh: Obraz mira i miry obrazov. M.: VLADOS, 1996. S. 89-98.
7. Makovskiy M.M. Istoriko-etimologicheskiy slovar' sovremennogo angliyskogo yazyka: Slovo v zerkale chelovecheskoy kul'tury. M.: Dialog, 2000. 416 s.
8. Mechkovskaya N.B. Semiotika: Yazyk. Priroda. Kul'tura. 3-e izd. M.: Akademiya, 2008. 432 s.
9. Novyy Bol'shoy anglo-russkiy slovar': V 3 t. / Yu.D. Apre-syan, E.M. Mednikova, A.V. Petrova i dr. M.: Rus. yazyk, 1998. T. 1. 832 s.
10. Raydaut R., Uitting K. Tolkovyy slovar' angliyskikh poslo-vits. SPb.: Lan', 1997. 256 s.
11. Slovar' amerikanskikh idiom / A. Makkey, M.T. Botner, Dzh.I. Geyts. SPb.: LAN', 1997. 464 s.
12. Slovar' inostrannykh slov. M.: Rus. yazyk, 1979. 624 s.
13. Smit L.P. Frazeologiya angliyskogo yazyka. Uchpedgiz, 1959. 208 s.
14. Stepanov Yu.S. Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury. Izd. 2-e. M.: Akademicheskii Proyekt, 2001. 990 s.
15. Stepanov Yu.S. V mire semiotiki // Semiotika: Antologiya / Cost. Yu.S. Stepanov. Izd. 2-e. M.: Akademicheskii Proyekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2001. S. 5-42.

УДК 811.111

© А.В. Дымова

ФГАОУ ВО «Уральский Федеральный Университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
Екатеринбург, Россия

Цветовое метафорическое моделирование протестности на иконическом уровне в британском и американском рок-дискурсе

Цель данного исследования заключается в сопоставительном изучении метафорических моделей красного, синего и желтого цветов, применяемых для моделирования протестности. Материалом для анализа послужил статичный иконический уровень (обложка) британского и американского рок-дискурса.

Цвет достаточно притягателен для исследователей в разнообразных областях лингвистики. К предмету цветоименований неоднократно обращались как отечественные, так и зарубежные исследователи (А.А. Брагина, А.П. Василевич, А. Вежибица, Ш.К. Жаркынбекова, А.А. Залевская, В.Г. Кульпина, Р.М. Фрумкина, В. Berlin, Р. Кау, G. Kress, J.A. Lucy, T. Van Leeuwen и т.д.). Интересны в настоящее время работы по изучению палитры звуковой ткани языка (Н.В. Ефименко, А.П. Журавлев, Л.П. Прокофьева, Т.М. Рогожникова, И.Ю. Черепанова и т.д.).

Тем не менее, семантический подход, вопрос денотативного содержания цвета в отношении различных культур остается малоизученным благодаря многообразию как культур, так и дискурсов. Например, когнитивно-дискурсивный подход (нередко на стыке с психологией у зарубежных авторов) в изучении цветозначений можно обнаружить в работах Б.А. Базыма (2005) [1], Ю.В. Гуз (2010) [2], З.И. Комаровой, М.Б. Талапиной (2011) [6], А.Э. Elliot, М.А. Maier (2012) [9], А.В. Wright (2009) [12] и т.д. Именно в рамках этого направления производится цветоанализ в представленной работе.

В данной статье мы предприняли попытку подробно остановиться на иконическом уровне рок-дискурса. Однако предыдущие этапы исследования также включают анализ психофизических, лексико-

графических и лингвокультурных данных об изучаемых цветах в британской и американской культуре [3; 4; 5], что является основой для последующего вычленения метафорических моделей цвета в рамках когнитивно-дискурсивного анализа. Также стоит отметить, что проблематика иконического компонента, представленная в данной статье, является лишь фрагментом всего нашего исследования цветового метафорического моделирования в британском и американском рок-дискурсе, которое также затрагивает вербальный и звуковой уровни.

Метафорическая модель RED – REVOLUTION / RADICALITY

Примечательно, что данная модель на иконическом уровне британского рок-дискурса ярко представлена примерами как преимущественно параграфического характера (см. Рис. 1 – 3), так и иконического (см. Рис. 4 – 5). В британском рок-дискурсе эта модель реализуется в образах, связанных с несогласием, противоборством, неприятием, бунтом, восстанием и т.д.

На параграфическом уровне мы рассматриваем ситуации, где лексемы, связанные с идеями радикальности и противостояния, представлены именно в красном цвете. Так, в рамках Рис. 1 – это *rebel* (opposition, resistance [11]), а в рамках Рис. 3 – *sabotage* (disruption, obstruction [там же]). Отдельно можно выделить Рис. 2, представленный лексемой *controversy* (public disagreement [там же]), в связи с намеренным нарушением правил правописания – *Kontroversy*. Подобное умышленное нарушение, вероятно, призвано усилить эффект несогласия, противления какому-то явлению.

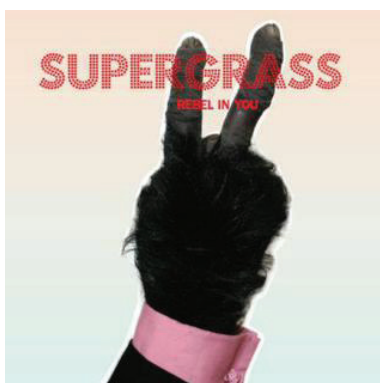

Рис. 1. Supergrass Rebel in You, Single, 2008

Рис. 2. The Kinks The Kink Kontroversy, Studio Album, 1965

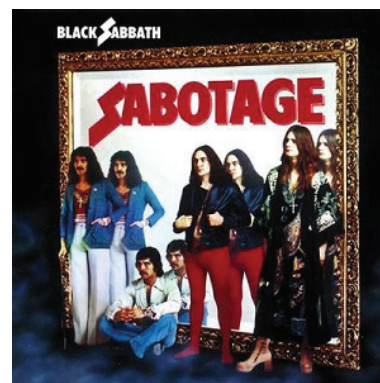

Рис. 3. Black Sabbath Sabotage, Studio Album, 1975

Рассматривая Рис. 4, можно говорить о многоуровневости заложенных идей. С одной стороны, наиболее логичным будет разделить лексемы *Rainbow* (имя рок-группы) и *Rising* (заглавие альбома)

на отдельные синтагмы, несмотря на присутствие радуги как части композиции и звучности двух слов в одной синтагме, связанной с аллитерацией. Так, *rising* можно рассмотреть как «восстание», несогласие,

борьбу против какой-то силы. Этому прочтению метафоры также способствует изображение руки, поднятой вверх и сжатой в кулак, что является символом протестов / забастовок и т.д. С другой стороны, одним из возможных прочтений может быть совмещение лексем *rainbow rising* в одну синтагму, что означает «взлет / подъем / взросление» этой группы. Наконец, при совмещении всех образов, где кулак как символ протеста обхватил радугу (символ рок-группы) можно предположить такое прочтение, как «группа охвачена идеей протеста, восстания».

В свою очередь красный цвет сопутствует

Рис. 4. *Rainbow Rising, Studio Album, 1976*

Несмотря на общее сходство образной составляющей этой модели, ее очевидным отличием на иконическом уровне американского рок-дискурса, безусловно, предстает присутствие в рамках статичного иконического уровня образов, апеллирующих к протесту против каких-либо норм, стандартов. Однако можно говорить о единстве общей направленности модели в британском и американском дискурсе – ‘протест’, ‘несогласие’.

Образ ‘протеста’ / ‘несогласия’ в рамках описываемой модели в американском рок-дискурсе может находить свое отражение как на исключительно параграфическом уровне (например, Рис. 6 – 7), так и на иконическом, характеризующемся внутренней соотносительностью (см. Рис. 8-9).

Так, Рис. 6 и 7 представлены лексемами, от-

Рис. 6. *Skillet Rise, Studio Album, 2013*

изображению (см. Рис. 5), призывающему бороться за свои права (см. заглавие *Know Your Rights*). Учитывая, что обложка также изображает оружие, это можно расценить, как агрессивный призыв, вероятно, призыв бороться за права с применением насильственных действий. Идея радикальности также выражена в изображении красной звезды, ассоциируемой с коммунизмом, отношение к которому, как было выявлено при анализе концептуального наполнения красного цвета [5: 87-89], зафиксировано в словарях пометками «derogatory» и «disapproval».

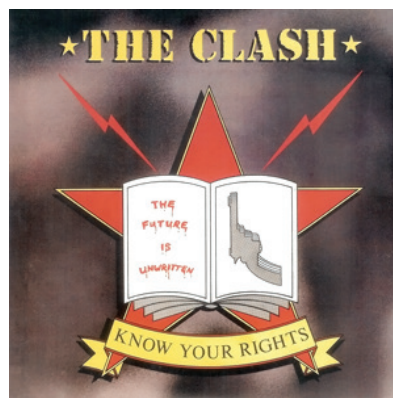

Рис. 5. *The Clash Know Your Rights, Single, 1982*

носящимися к семантическому полю ‘протестности’, которые окрашены в красный цвет. Рис. 6 предлагает лексему *rise* – «попытка свергнуть действующее правительство» [8]. Обращение именно к этой дефиниции лексемы раскрывается на вербальном уровне композиции, герой которой призывает к восстанию и революции:

Sound it off, this is our call/ Rise and Revolution/ It's our time to change it all/ Rise and Revolution ('Rise' Skillet, 2013).

В свою очередь, Рис. 7 предлагает изображение лексемы *renegade* в том же цвете. Красный цвет сопутствует здесь образу отступника, человека, выступающего против той веры / политических идей, партии, которые ранее поддерживал [там же].

Рис. 7. *Styx Renegade, Single, 1979*

Герои, представленные на Рис. 8, изображены в момент протеста (см. плакаты с требованиями в руках, вскинутые руки вверх и т.д.). Несмотря на черно-белое цветовое решение композиции, сам протест выражен красным цветом. Надпись красным на одном из плакатов гласит «Can't deny me», т.е. недовольство людей заключается в том, что некая сила отказывается учитывать их мнение, считаться с ними. Более того, протестность также находит отражение в формулировке требования, в его отрицательной

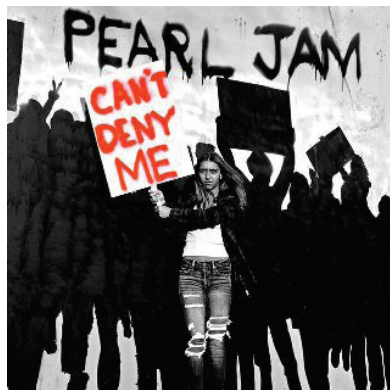

Рис. 8. Pearl Jam *Can't Deny Me*, Single, 2018

Как ранее упоминалось, образная категория 'протест против норм' была выявлена в отношении рассматриваемой метафорической модели исключительно в американском рок-дискурсе. Так, в случае с обложками, представленными Рис. 10 и 11, речь может идти о протестности, выражаемой именно по отношению к нормам поведения, принятым в обществе или отдельных общинах.

Например, Рис. 10 изображает молодого монаха-буддиста, в практику которого, как правило, входит уход от всего мирского и стремление к ясности ума, в компании курящего юноши, надменно запрокинувшего голову. Оба героя обложки запечатлены держащимися за руки. Протестность может заклю-

Рис. 10. Fall Out Boy *Save Rock and Roll*, Studio Album, 2013

структуре (см. *can't*).

Более имплицитно 'протест' представлен Рис. 9, изображающим группу людей на улице, объятых пламенем. Данная обложка сопровождает альбом, озаглавленный *Street Survivors*, т.е. посвященный тем, «кто выжил на улице». При совмещении с иконическим компонентом данное заглавие может номинировать именно тех, кто выжил в проиллюстрированном пожаре, которые нередко сопутствуют агрессивному выражению протеста людьми.

Рис. 9. Lynyrd Skynyrd *Street Survivors*, Studio Album, 1977

чатся здесь именно в сочетании несочетаемого – во взаимодействии традиционного, следующего своим правилам, с современным / бунтарским, нарушающим правила.

В свою очередь, Рис. 11 изображает мужчину, чьи губы покрашены красной помадой. Важно, что заглавие альбома *Pioneer* также представлено этим цветом. Так, губы представляют идею чего-то «революционного, инновационного» [там же], того, что ранее не совершалось кем-то, не было нормой для общности. Действительно, мужчина с покрашенными губами – это то, что не приемлется традиционно настроенным обществом.

Рис. 11. The Maine *Pioneer*, Studio Album, 2011

Метафорическая модель BLUE – ROWDINESS

Прежде всего данную модель отличает тот факт, что, основанная на концепте ‘буйство’, она была установлена только в отношении американского рок-дискурса. Примечательно также то, что подобный концепт не был выявлен при анализе концептуального наполнения синего цвета в изучаемых культурах [4: 105-107].

Несмотря на свою редкость, все образы, формирующие модель, характеризуются однонаправленностью. Изображения американского рок-дискурса, представляющие данную модель (‘rowdiness’), предлагают сцены шумного, иногда даже агрессивного поведения [10].

Например, Рис. 12 предлагает изображение солиста группы, чье тело покрыто синей краской. Сам

он кричит, судя по крепко сжатым глазам и широко открытому рту, достаточно сильно, энергично. При этом важно учитывать то, что данное изображение создавалось для альбома, озаглавленного *Unleashed*. Таким образом, становится очевидно то, что представленный образ иллюстрирует неконтролируемого человека, проявляющего силу [10; 8].

В рамках Рис. 13 запечатлен силуэт мужчины, скинувшего вверх руку, сжатую в кулак, выражающую протест. Судя по заглавию *The Battle of Los Angeles*, суть его претензий связана с Лос-Анджелесом.

В свою очередь, Рис. 14 изображает рок-группу, которой принадлежит альбом. В момент запечатления участники энергично играют на музыкальных инструментах, музыканты изображены в динамичном движении (например, некоторые из них неестественно согнуты назад или вперед).

Рис. 12. *Skillet Unleashed, Studio Album, 2016*

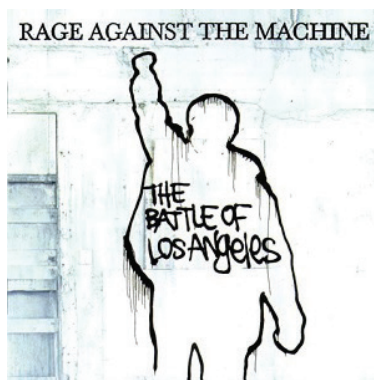

Рис. 13. *Rage Against the Machine The Battle of Los Angeles, Studio Album, 1999*

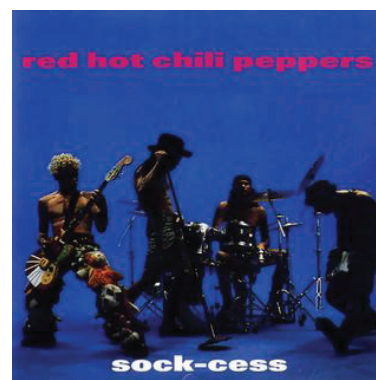

Рис. 14. *Red Hot Chili Peppers Sock-Cess, Studio Album, 1989*

Метафорическая модель YELLOW – PROTEST

Подобно предыдущей модели, модель YELLOW – PROTEST на иконическом уровне британского и американского рок-дискурса может быть охарактеризована как нестандартная. Причина кроется в том, что концепт, находящийся в ее основе, не был выделен при анализе концептуального наполнения желтого цвета в изучаемых культурах [3: 122].

Рассматриваемая модель находит свою реализацию в британском рок-дискурсе в изображениях, связанных с противостоянием какой-либо власти, с проявлением силы.

Таким образом, именно этот цвет был выбран для лексемы, использованной для заглавия композиции *Clampdown* (см. Рис. 15) – внезапный запрет чего-либо государством с целью ограничить какую-либо деятельность [7]. Более очевидным это становится благодаря тому, что герой в рамках вербального уровня композиции выражает свою позицию против подобного запрета. Герой заявляет, что только чело-

век без души способен поддерживать подобные государственные запреты. Он же, в свою очередь, не способствует их созданию:

I'm not working for the clampdown/ No man born with a living soul/ Can be working for the clampdown ('Clampdown' The Clash, 1980).

Неслучайным кажется выбор персонажа для сопровождения заглавия альбома *Guerrilla* (см. Рис. 16). Так, герой именно желтого цвета был выбран для обложки альбома, описывающей участника радикально настроенной группировки, пытающейся свергнуть действующее правительство [там же].

Рис. 17 предлагает изображение руки, сжатой в кулак, поднятой вверх – общеизвестный символ протестности, используемый при забастовках, митингах и т.д. Также это символ силы, т.к. именно такое положение принимает ладонь перед нанесением кому-либо удара. В поддержку идеи протестности лексема *power* окрашена в тот же насыщенно желтый цвет, что и изображение кулака.

Рис. 15. *The Clash Clampdown, Single, 1980*

Рис. 16. *Super Furry Animals Guerrilla, Studio Album, 1999*

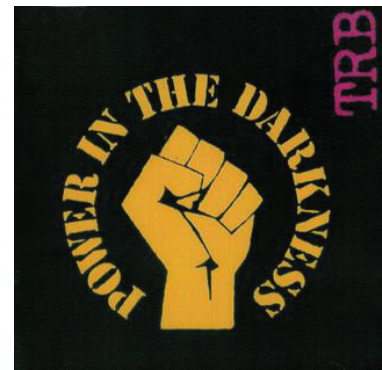

Рис. 17. *Tom Robinson Band Power in the Darkness, Studio Album, 1978*

В американском рок-дискурсе эта модель находит свою реализацию в лексемах и образах, связанных с противоборством какой-либо силе.

Так, тусклый желтый использован в качестве фонового наполнения (см. Рис. 18) для обложки альбома, озаглавленного *The Last Rebel*. Логично будет предположить, что именно образ этого «бунтаря / мятежника» представлен на обложке. Примечательно, что лексема *last*, напротив, информирует нас о завершении бунта, чем, вероятно, и обусловлена тусклость желтого цвета. Так, выцветание желтого или приобретение предметом тускло-желтых оттенков тесно связано со старением (см. *to yellow*). Следовательно, в рамках Рис. 18 мы наблюдаем идею устаревания протестности, его постепенного приближения к концу.

Рис. 18. *Lynyrd Skynyrd The Last Rebel, Studio Album, 1993*

Рис. 19. *Pearl Jam Dissident, Single, 1994*

Рис. 20. *Lynyrd Skynyrd Gimme Back My Bullets, Studio Album, 1976*

По результатам анализа метафорических моделей RED – REVOLUTION / RADICALITY, BLUE – ROWDINESS, YELLOW – PROTEST, объединенных моделированием протестности, на иконическом уровне британского и американского рок-дискурса мы можем сделать следующие выводы:

- за исключением метафорической модели BLUE – ROWDINESS, представленной только американским рок-дискурсом, все рассмотренные модели обнаружены в отношении каждого из изучаемых дискурсов. Следовательно, можно судить о частотности и значимости красного, синего и желтого цветов в моделировании протестности;

- в отношении применения двух (синий, жел-

Рис. 19, выполненный в желто-оранжевой гамме, изображает некоего юношу. В данном случае ключевую роль в раскрытии метафоризации также играет заглавие альбома *Dissident*. Иными словами, перед нами представлен образ человека, выступающего с критикой государства или политики его правительства [8].

Неизвестно, в отношении какой конкретно силы выражен протест в рамках Рис. 20, но очевидно, что он направлен против действий, совершенных в отношении рок-героя. Согласно заглавию альбома *Gimme Back My Bullets*, он требует то, что ранее было отобрано у него. Желтый использован в составе этого протеста на параграфическом уровне.

тый) из трех рассматриваемых цветов для моделирования протестности можно выявить закономерность. Метафорические модели BLUE – ROWDINESS и BLUE – PROTEST основаны на концептах, ранее не выявленных при анализе концептуального наполнения этих цветов в изучаемых культурах. В свою очередь, получается, что, несмотря на их возможность символизировать ‘протест’, это значение не отражено на психофизическом, лингвокультурном и/или лексикографическом уровне изучаемых культур;

- напротив, значение протестности не только отражено на иконическом уровне британского и американского рок-дискурса, но и заложено в красном цвете на уровне его концептуального наполнения.

Библиографический список

1. Базыма Б.А. Психология цвета. Теория и практика. СПб.: Речь, 2005. 208 с.
2. Гуз Ю.В. Экспериментальное исследование базовых концептов цвета: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Бийск, 2010. 487 с.
3. Дымова А.В. Желтый цвет в британской рок-лирике // Языковое образование сегодня – векторы развития. 2017. С. 121-128.
4. Дымова А.В. Синий цвет в британской рок-лирике // Актуальные вопросы филологической науки XXI века. Современные лингвистические исследования. 2018. Ч. I. С. 104-111.
5. Дымова А.В. Концептуальное наполнение красного цвета в британском и американском английском (на материале вербального уровня креолизованного рок-текста) // Политическая лингвистика. 2018. №6. С. 87-92.
6. Комарова З.И., Талапина М.Б. Лингвоцветовая картина мира: ахроматический фрагмент: монография. Екатеринбург: Издательство Уральского федерального университета, 2011. 220 с.
7. Cambridge Dictionary Online. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 12.03.2019).
8. Collins Dictionary Online. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: 12.03.2019).
9. Elliot A.J., Maier M.A. Color-in-Context Theory // Advances in Experimental Psychology. 2012. №45. С. 61-125.
10. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 12.03.2019).
11. Oxford Dictionary Online. URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 12.03.2019).
12. Wright A.B., Murphy D. The Colour Affects System of Colour Psychology. URL: https://www.researchgate.net/publication/253271089_The_Colour_Affects_System_of_Colour_Psychology (дата обращения: 20.02.2019).

Works Cited

1. Bazyma B.A. Psikhologiya tsveta. Teoriya i praktika. SPb.: Rech', 2005. 208 s.
2. Guz Yu.V. Eksperimental'noye issledovaniye bazovykh kontseptov tsveta: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Biysk, 2010. 487 s.
3. Dymova A.V. Zheltyy tsvet v britanskoy rok-lirike // Yazykovoye obrazovaniye segodnya – vektory razvitiya. 2017. S. 121-128.
4. Dymova A.V. Siniy tsvet v britanskoy rok-lirike // Aktual'nyye voprosy filologicheskoy nauki XXI veka. Sovremennyye lingvisticheskiye issledovaniya. 2018. Ch.I. S. 104-111.
5. Dymova A.V. Kontseptual'noye napolneniye krasnogo tsveta v britanskom i amerikanskom angliyskom (na materiale verbal'nogo urovnya kreoлизованного рок-teksta) // Politicheskaya lingvistika. 2018. №6. S. 87-92.
6. Komarova Z.I., Talapina M.B. Lingvotsvetovaya kartina mira: akhromaticheskiiy fragment: monografiya. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo federal'nogo universiteta, 2011. 220 s.

УДК 81.111:81.42

© **Е.А. Мартынова, В.О. Романчук**
ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия»
Воронеж, Россия

Политические аллюзии и языковые средства отражения политических реалий в тексте англоязычных антиутопий

Многие исследователи обращались к проблеме изучения антиутопических произведений, благодаря чему были сформулированы подходы к их изучению в различных науках, в частности, в литературоведении и философии. Лингвистические проблемы анализа антиутопии до сих пор не получили полного освещения, чем и обосновывается актуальность нашего исследования. Жанр литературной антиутопии демонстрирует «процесс изменения мышления нации в целом и отдельного ее представителя как результат целенаправленного воздействия на словарный состав языка» [8]. Авторы антиутопий рассматривают работу механизма управления человеческими чувствами и мыслями [5: 10]. Считается, что не лингвисты, а именно писатели Е. Замятин и Дж. Оруэлл были первыми, кто предвидел и описал характер речевого и риторического воздействия тоталитарной системы на языковую личность.

Антиутопия, созданная как пародия на политическую утопию, содержит многочисленные аллюзии именно на политических деятелей или политические

события. Интертекстуальность выступает важной и неотъемлемой характеристикой антиутопии, она служит способом выражения авторского мировоззрения. Чаще всего приемами создания интертекстуальности в художественных текстах выступают аллюзия, цитация, пародирование, реминисценции и др. [2]

Дж. Оруэлл называл свое произведение «Animal Farm» сатирой на диктатуру в целом. Считается, что образ хряка Майора, создавшего принципы анимализма, состоит из реминисценций к историческим личностям К. Маркса и В. Ленина. Хозяин фермы мистер Джонс представляет собой царя Николая, а поросенок Наполеон является прототипом И. Сталина [13]. Стоит отметить, что отношение Дж. Оруэлла к хряку Майору не лишено иронии. Например, история с воздвижением его черепа на возвышение, когда животные каждое утро отдавали ему честь и пели сочиненный им же самим гимн, может напомнить читателям помещение тела В. Ленина в Мавзолей и последующее поклонение

ему. Несмотря на отсутствие прямых указаний, существует мнение, что образ Визгуна содержит в себе аллюзию к образу В. Молотова [12]. На это указывает и тот факт, что Визгун был правой рукой Наполеона, что соответствует позиции В. Молотова в правительстве И. Сталина. Процесс строительства мельницы является воплощением пятилеток в советской России, а Битва за мельницу напоминает нападение фашистской Германии на Советский Союз [13]. Как отмечают некоторые исследователи, Сноубол также имеет два политических прототипа в лице В. Ленина и Л. Троцкого [11: 186]. При этом другие вышедшие из-под пера Дж. Оруэлла герои также считаются представителями советской власти. Например, в образе Старшего Брата многие узнают И. Сталина, а в Э. Гольдштейне – опять же Л. Троцкого [13]. Собственно, и судьбы этих людей похожи: как и опальный герой романа Дж. Оруэлла «1984», Лев Троцкий был снят со всех постов, отправлен в ссылку, затем выслан за пределы СССР и лишен советского гражданства [9], [11].

Кроме того, сами тексты антиутопий наполнены политическими аллюзиями. Так, в повести-антиутопии «Animal Farm» после очередной битвы с людьми вождь Наполеон в своем обращении к народу говорит, что «хороший человек – это мертвый человек», то есть «*The only good human is a dead one*». Эти слова Наполеона являются аллюзией на высказывание американского генерала Филипа Генри Шеридана «Хороший индеец – только мертвый индеец» – «*The only good Indian is a dead Indian*», сказанное им во время войны с индейцами в 1868-1869 гг.

С международным пролетарским гимном «*The Internationale*» можно соотнести и гимн «*Beasts of England*» в этой же повести. Гимн получил широкое распространение и был переведен на множество языков, например, в царской России «Интернационал» стал партийным гимном революционной социал-демократии, а с начала 1918 года – гимном Советского государства. Интересна историческая параллель со сценой, в которой Наполеон решает заменить старый гимн «*Beasts of England*» на новый под названием «*Comrade Napoleon*», также как в свое время И. Сталин заменил «Интернационал» «Гимном Советского Союза». Эти факты еще раз подчеркивает связь литературной антиутопии и политики.

В романе О. Хаксли «Brave New World» речь идет о великом экономическом коллапсе в стране до становления существующего строя, за которым можно увидеть аллюзию на Великую депрессию 30-х годов в США. В этом же романе фордизм, представленный как основа идеологии потребления, имеет реально существующую основу в виде социально-экономического направления, название которого происходит от имени Генри Форда и связано с его деятельностью. В основе фордизма лежит принцип, согласно которому высокие корпоративные прибыли и общественное благосостояние могут быть достигнуты за счет высоких зарплат рабочих, так как это позволит им покупать продукцию, которую они сами производят. Термин «фордизм» начал использоваться в начале XX века для описания практик, используемых на автомобильных заводах Г. Форда. Конвейер

выступает неотъемлемой частью этой системы. Подход, подобный фордовскому, был пародийно описан в романе «Brave New World», где общество организовано по конвейерному принципу Форда, то есть по принципу деления людей на пять каст: альфа, бета, гамма, дельта и эпсилон. Более того, и летоисчисление в романе ведется с года выпуска первой модели автомобиля «Форд Т».

В литературных антиутопиях можно проследить религиозно направленные интертексты, однако используемые исключительно в политическом ключе. Так, например, в бестиарной антиутопии «Animal Farm» используется аналогия с десятью библейскими заповедями. В произведении их семь, и они содержат в себе принципы Анимализма, то есть принципы существования нового государства. В этой же антиутопии одним из обитателей фермы животных является ручной ворон по имени *Mouсей (Moses)*, который любит рассказывать животным про таинственную страну под названием *Леденцовая гора (Sugarcandy Mountain)*, куда после смерти якобы попадают все животные. Можно увидеть непосредственную аналогию между вороном Моисеем и библейским пророком Моисеем, а сама Леденцовая гора напоминает гору Синай, где, согласно Библии, Моисей получил от Бога скрижали завета.

В антиутопии О. Хаксли «Brave New World», где в цивилизованном обществе богом считается Генри Форд, почитание Библейского Бога и сына его Иисуса можно встретить только у индейцев в Резервации. Именно там и провел свои детство и юность главный герой романа Джон Дикарь. Он пытается пройти то же испытание, что и распятый Иисус, чтобы доказать себе и окружающим, что сможет это вынести. Однако гостям из цивилизованного общества невозможно понять его чувства: зачем мучить себя, ведь можно принять сому и быть всегда счастливым. В романе Джон Дикарь выступает в роли мученика, искупителя грехов человечества, как и Иисус на кресте.

В этой же антиутопии, где Генри Форд стал новым богом, используется новая форма летоисчисления – *A.F. (after Ford)*, то есть с момента рождения Форда – по аналогии с общепринятым обозначением *A.D. (Anno Domini)*, то есть в год от рождения Христа, нашей эры. Кроме того, люди не крестятся, а осеняют себя знаком Т.

В романе «Fahrenheit 451» можно увидеть аллюзию на Иисуса Христа и его умение ходить по воде. Приверженцы идеологии сожжения книг высмеивают чтение книг, которое, якобы, выделяет человека среди других, наделяет божественными способностями, например, умением ходить по воде.

Рассмотренные англоязычные антиутопии содержат интертекстуальные включения, нередко пародийно связанные с политикой, политическими деятелями и событиями. Многие политические аллюзии содержат заложенную автором иронию и помогают понять авторский замысел. Язык в антиутопии выступает средством манипулирования, орудием получения и удержания власти в руках политиков, он отражает особенности проводимой политиками идеологии.

Далее рассмотрим специальные речевые средства воздействия, которые подразделяются на

фигуры и тропы, их целью является привлечение внимания слушателей с помощью намеренного отклонения от стандартной речи [6: 106]. В антиутопиях эти средства используются для воздействия на чувства и сознание людей. Анализируя тексты произведений, мы будем выявлять лексические и синтаксические языковые средства, соответственно, изобразительные и выразительные средства языка. Они называют все виды образного употребления слов и словосочетаний, служат описанию и являются преимущественно лексическими. К ним относятся такие типы переносного употребления слов и выражений, как метафора, метонимия, ирония, перифраз, сравнение, антономасия, гипербола, литота и др. Выразительные средства, то есть фигуры речи, усиливают выразительность речи, с помощью особых синтаксических построений, таких как риторический вопрос, параллельные конструкции, инверсия и др. повышают ее эмоциональность [10: 29-30], [1: 89].

Наиболее частотными тропами, используемыми авторами при репрезентации политических реалий в тексте англоязычных антиутопий, являются метафоры. А.П. Чудинов называет метафоры зеркалом, в котором «вне зависимости от чьих-либо симпатий и антипатий отражается национальное сознание, в том числе сущности политической жизни и взаимосвязи различных сфер человеческого бытия» [6: 123]. В антиутопиях метафоры действительно выступают в роли зеркала, отражая политическую реальность антиутопического государства [4].

В романе Дж. Оруэлла «1984» метафоры проявляются в качестве олицетворения власти как существа живого, то есть у власти есть глаза, уши, мозг, руки, с помощью которых власть и осуществляет «слежку» за всеми членами социума: *under the eye of the Thought Police; the brain of the State* [18].

В антиутопиях широко представлены метафоры охоты, причем жертвой выступает не представитель власти, а обычный человек. Работа одного из героев произведения Дж. Оруэлла «1984» заключалась в выявлении и удалении имен врагов государства из прессы, но автор использует термин охотника «преследование» (*tracking down*), что еще больше подчеркивает роль человека в качестве жертвы. Однако и животные в другом произведении того же автора «Animal Farm» не могут избежать роли жертвы. Им предстоит расстаться с жизнью с «криками ужаса на устах», приняв смерть от ножа столь же безжалостного, как и их хозяин. Эти метафоры используются оратором для осуществления должного воздействия на животных, которое сможет поднять их на восстание против человека.

В романе Р. Бредбери «Fahrenheit 451» представитель власти сравнивает книгу с заряженным ружьем, так как именно книга выступает в качестве главной угрозы безопасности общества, и ее уничтожение выступает главным средством борьбы с инакомыслием и вольнодумием.

Использование преднамеренного преувеличения при восхвалении нынешнего политического строя является любимым приемом представителей власти антиутопического государства. Вследствие частого повторения выражения и фразы,

содержащие гиперболу, перестают восприниматься жителями страны как таковые. Однако непременно остаются неотъемлемой и неизбежной частью пропаганды власти антиутопического государства: *Big Brother is infallible and all-powerful* [18].

В тексте антиутопии оксюморон, как «остроумноглупое» перенесение контрастного признака, подчеркивает абсурдность происходящего. Этот прием используется в речи как автора, так и персонажей. Так, например, герой романа Дж. Оруэлла «1984», оказавшись в тюрьме из-за доноса своей собственной дочери, с упоением и *скорбной гордостью* утверждает, что правильно воспитал своего ребенка.

Другие изобразительные средства, такие как синекдоха, антономасия, сравнение, менее частотны, хотя они, безусловно, украшают язык и обогащают художественное впечатление, так, например, сравнение вторжения Мировой армии в Берлин с захватом греками Трои в романе «City of Endless Night».

Случаи антономасии, то есть перемены имени из собственного в нарицательное, довольно редки и используются для необходимости подчеркнуть презрение для принижения врагов нынешней власти в качестве унижительного обзывательства: *'Goldstein!' bellowed the boy as the door closed on him. But what most struck Winston was the look of helpless fright on the woman's greyish face* [18].

К изобразительным средствам языка относятся также эвфемизмы. В романах-антиутопиях используются политические эвфемизмы, так как в антиутопии представлено устройство недавно созданного государственного строя. Для внедрения в сознание людей основ новой государственной идеологии зачастую требуется новая лексика, изобилующая новыми понятиями, которые и выполняют функцию эвфемизмов.

Наибольшее количество политических эвфемизмов представлено в романе Дж. Оруэлла «1984». Они составляют основу словаря новояза и созданы искусственно для объяснения реалий нового мира: *doublethink, facecrime, ownlife*. Слова с нейтральной коннотацией используются для сокрытия истинного значения слова или фразы. Так, например, говоря о казненных людях, вместо конкретных слов *уничтоженный, истребленный* используют более туманное *распыленный*, самих же казненных называют несуществующими людьми – *non-existent persons*.

Власть использует эвфемизмы для успешного манипулирования умами людей, сокрытия ненужной информации, для удержания своей власти. Противоположными по значению эвфемизмам выступают дисфемизмы. Е.И. Шейгал считает дисфемизм инвективной, основанной на гиперболизации отрицательного признака или замене положительного оценочного знака на отрицательный. Эвфемизм и дисфемизм являются двумя сторонами одного явления, «противоположными полюсами на оси оценочного варьирования денотата» [7: 235]. В антиутопиях дисфемизмы используются только в отношении оппозиции, противоборствующей стороны, называя их шпионами, предателями, врагами государства, вредителями и т.д.

В романе «Brave New World» все понятия, связанные с семьей, любовью, верностью, становятся пейоративными, так как институт брака и семьи выступает оппозицией. Даже произносить такие слова,

как мать, отец, родители, вслух считается неприличным.

Далее мы рассмотрим выразительные средства языка, предназначенные для его украшения, усиления эмоционального воздействия. Параллелизм или использование сходных синтаксических конструкций – довольно частый прием в текстах антиутопий. Усиление эмоционального воздействия является целью использования подобных конструкций. Они используются как в рамках одного предложения, так и в нескольких, следующих одно за другим. Стоит отметить, что чаще всего выразительные средства языка используются в речах правителей и других представителей власти. Они похожи на рифмованные стихи и используются в агитационных целях, например, в лозунгах и девизах для упрощения их восприятия и лучшего запоминания: *Who controls the past controls the future: who controls the present controls the past* [18]. Кроме того, многократное повторение оборотов речи используется с целью убеждения на подсознательном уровне, вселения ужаса, насаждения нужной идеологии при выступлении правителей перед народом: *If you don't want a house built, hide the nails and wood. If you don't want a man unhappy politically, don't give him two sides to a question to worry him; give him one* [14]. Инклюзивное «мы», используемое в лозунгах, помимо насаждения нужной идеологии действует как интегративный фактор, объединяющий людей вокруг нужной идеи: *We have a red flag, we have Imperial Socialism; we have the House of Hohenzollern* [15].

Еще один оборот речи, часто используемый в тексте антиутопий, – это **риторический вопрос**. Он интересен своей парадоксальностью, так как не требует ответа, а задается как констатация факта, хотя и в вопросительной форме. Народ будто бы является полноправным собеседником, который может отвечать на вопросы и задавать, в реальности представитель власти произносит монолог, а не диалог. Вопросы задаются не для получения ответа, а исключительно для насаждения нужного мнения.

Для отражения политических реалий в текстах антиутопий авторы произведений используют различные стилистические средства с целью выделения эмоционально-экспрессивных аспектов политического языка. Стоит отметить, что такие языковые средства, как параллелизм и риторический вопрос, способствуют распространению идеологии и подчинению сознания людей общей идее.

Антиутопия дает возможность выделить наиболее опасные общественные тенденции, выставляя их на всеобщее обозрение. При этом авторы антиутопических произведений сознательно оперируют приемами конструирования политической реальности [3].

Тексты антиутопий наполнены политическими аллюзиями и содержат интертексты, благодаря которым можно понять, что антиутопии были созданы как политические произведения. В основном интертекстуальность передается через имена собственные действительно существовавших политиков или имеющие ярковыраженную коннотативную окраску географические названия. Авторы анализируемых произведений целенаправленно используют

изобразительные и выразительные средства языка для отражения политических реалий в тексте с целью выделения эмоционально-экспрессивных аспектов политического языка. Самыми частотными тропами выступают гипербола, оксюморон, метафоры, которые используются с целью достижения эстетического эффекта выразительности. Такие средства языка, как параллелизм и риторический вопрос, способствуют подчинению сознания людей и распространению идеологии. Выступая яркими образцами художественного дискурса, англоязычные антиутопии, безусловно, содержат основные признаки и политического, доказывая тем самым присутствие точек соприкосновения различных видов дискурса в одном литературном жанре.

Библиографический список

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. М.: Флинта; Наука, 2010. 384 с.
2. Макеева М.Н. Интертекстуальность как авторская техника программирования читательского восприятия художественного текста. URL: <http://www.university.tversu.ru>. (дата обращения: 07.06.2018).
3. Мартынова Е.А. Лингвостилистические средства репрезентации политических реалий в тексте англоязычных антиутопий: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2013. 207 с.
4. Нартикова З.А. Роль метафоры в современном аргументативном дискурсе (на материале текстов выступлений российских политиков) // Вестник ПГЛУ. 2015. № 3. С. 174-181.
5. Сабина О.Б. Жанр антиутопии в английской и американской литературе 30-50-х годов XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989. 20 с.
6. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта, 2006. 256 с.
7. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.; Волгоград, 2000. 368 с.
8. Шишкина С.Г. Язык как инструмент социального воздействия: «новояз» Джорджа Оруэлла. URL: <http://kak.znate.ru/docs/index-44648.html> (дата обращения: 10.02.2018).
9. Bloom H. George Orwell. 2007. 148 p.
10. Galperin I.R. English Stylistics. M.: KD "LIBROCOM", 2013. 336 p.
11. Hitchens Ch. Why Orwell Matters. Basic Books, 2002. 186 p.
12. Rodden J. Understanding Animal Farm. London, 1999. 256 p.
13. Trousson R. Voyages aux pays de nulle part. Bruxelles, 1999. 318 p.

Список цитируемых источников

1. Bradbury R. Fahrenheit 451. URL: https://bookfrom.net/ray-bradbury/31598-fahrenheit_451.html (дата обращения: 12.12.2018).
2. Hastings M. City of Endless Night. URL: <http://www.loyalbooks.com/book/City-of-Endless-Night-by-Milo-M-Hastings> (дата обращения: 12.12.2018).
3. Huxley A. Brave New World. URL: https://royallib.com/book/huxley_aldous/brave_new_world.html (дата обращения: 12.12.2018).
4. Orwell G. Animal Farm. URL: http://www.orwell.ru/library/novels/Animal_Farm/english/eaf_go (дата обращения: 12.12.2018).
5. Orwell G. NINETEEN EIGHTY-FOUR. URL: <http://begin-english.ru/download/files/b/8/6/3/8aa6f26536.pdf> (дата обращения: 12.12.2018).
6. Rand A. Anthem. URL: <https://www.goodreads.com/book/show/667.Anthem> (дата обращения: 12.12.2018).

7. Wall J.W. The Sound of His Horn. URL: <https://www.storify.com/fi/fi/books/17627-The-Sound-of-His-Horn> (дата обращения: 12.12.2018).

Works Cited

1. Arnol'd I.V. Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk: uchebnik dlya vuzov. M.: Flinta: Nauka, 2010. 384 s.
2. Makeyeva M.N. Intertekstual'nost' kak avtorskaya tekhnika programmirovaniya chitatel'skogo vospriyatiya khudozhestvennogo teksta. URL: <http://www.university.tversu.ru>. (data obrashcheniya: 07.06.2018).
3. Martynova E.A. Lingvostilisticheskiye sredstva reprezentatsii politicheskikh realiy v tekste angloyazychnykh antiutopiy: dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2013. 207 s.
4. Nartikova Z.A. Rol' metafory v sovremennom argumentativnom diskurse (na materiale tekstov vystupleniy rossiyskikh politikov) // Vestnik PGLU. 2015. № 3. S. 174-181.
5. Sabinina O.B. Zhanr antiutopii v angliyskoy i amerikanskoy literature 30-50-kh godov XX veka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1989. 20 s.
6. Chudinov A.P. Politicheskaya lingvistika: ucheb. posobiye. M.: Flinta, 2006. 256 s.
7. Sheygal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa. M.; Volgograd, 2000. 368 s.
8. Shishkina S.G. Yazyk kak instrument sotsial'nogo vozdeystviya: «novoyaz» Dzhordzha Oruella. URL: <http://kak.znate.ru/docs/index-44648.html> (data obrashcheniya: 10.02.2018).

УДК 81.42

© **К.Ю. Редкозубова**

© **И.П. Черкасова**

ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Армавир, Россия

Репрезентация концепта «LOVE» в рамках современного художественного дискурса (на материале романа С. Ахерн «P.S. I love you»)

На современном этапе развития филологии продуктивными и перспективными являются исследования в рамках теории дискурса. При этом художественный дискурс оказывается источником всё более разнообразной филологической концептуализации [3].

Понимание самого термина «дискурс» колеблется от почти синонимичного терминам «речь», «сложное синтаксическое целое», «текст» до понимаемого как определенный тип ментальности; от вербализованного сознания до сложного коммуникативного явления, включающего экстралингвистические факторы, оказывающие влияние на его производство и восприятие; от фиксированного текста до дискурса как определенного пространства существования языка. Отечественные и зарубежные ученые рассматривают основополагающие понятия теории дискурса, его измерения (Э. Бенвенист, Ю.С. Степанов, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, Т.А. ван Дейк, М. Стаббс, А.В. Олянич, Г.Г. Слышкин, М.Л. Макаров, М.Я. Дымарский, Е.В. Темнова, В.Е. Чернявская, Л.В. Селезнева и др.). Особое внимание уделяется анализу специфики различных типов дискурса (Ю.А. Васильченко, А.В. Зиньковская, О.В. Щербакова и др.). Основные позиции в пространстве различных типов дискурса занимают концепты, репрезентирующие смысловое наполнение наиболее значимых понятий на определенном этапе развития общества и культуры (А.И. Емельянова, М.Г. Павлова, И.Г. Чеботарев и др.)

Важное место в данной связи отводится изучению художественного дискурса, демонстрирующего концептосферу элитарной языковой личности и аксиологические координаты эпохи [см. также: 1; 2]. Художественный дискурс, несомненно, является

одним из самых сложных понятий теории дискурса. Ученые и лингвисты по-разному истолковывают его, относя его к различным типам дискурсов, каждый из которых выполняет определенные функции.

Так, по мнению Т.А. ван Дейка, художественные тексты не следует рассматривать как совокупность определенных дискурсов, уникальность и своеобразие которых обосновано только их лингвистическими признаками [12: 101]. Главным фактором художественного дискурса является его прагматическая сущность. Исследователь понимает художественный дискурс как коммуникативный акт, целью которого является эмоционально-волевое и эстетическое воздействие на читателя как реципиента, на его систему ценностей с целью изменить их [12].

С этой точкой зрения соглашается Н.Л. Галеева. Она замечает, что художественный текст пробуждает рефлексию, формирующую пространство понимания, где она фиксируется в виде смыслов и идей, обогащающих духовное пространство человека. Под духовным пространством исследователь понимает совокупность смысловых, идейных парадигм, ценностей, чувств, представлений, знаний, понятий, веры, общекультурных феноменов [5]. Мышление человека представляет собой познавательную деятельность, в ходе которой субъект, взаимодействуя с объектом, получает от нем новые знания.

Понимание, являясь компонентом мышления, связано не столько с процессом получения нового знания, сколько с процессом его осмысления и порождения нового смысла. В процессе понимания объективное знание трансформируется, преломляясь сквозь призму личностного знания. Все мыслительные действия с содержанием понимаемого, определяющие его смысл, включают в себя процедуры

логического вывода. Художественные тексты оказываются, как правило, настолько сложными, что их понимание перерастает для субъекта в самостоятельную мыслительную проблему – понимание текста оказывается вплетенным в мыслительную деятельность по решению задачи.

Г.П. Щедровицкий утверждал, что понимание неразрывно связано со знаком, так как в ситуации, когда не представляется возможным выйти на объект, либо оформить его в знаковой форме, мы начинаем мыслительную работу по конструированию знаковой формы либо объекта [9: 59]. Г.П. Щедровицкий писал: «Мышление – это организованность, возникающая внутри понимания, внутри процессов понимания» [9: 3]. По его мнению, мышление подчиняется законам понимания, оно должно осуществляться через понимание, и понимание должно при этом быть ведущим процессом, определяющим способы использования мышления, мыслительных средств, мыслительной техники [9].

Ф. Шлейермахер считал, что «подобно тому, как всякая речь имеет двойное отношение к тотальности языка и к тотальности мышления своего создателя, так и всякое понимание состоит из двух моментов: понимания речи как вынутой из языка и понимания речи как факта в мыслящем» [8: 44].

Изучая толкование, Ф. Шлейермахер говорит об аллегорическом толковании, в котором в непосредственном контексте помимо прямого смысла предполагается и переносный. Грамматика предусматривает наличие только одного смысла, однако каждый намек есть уже второй смысл. Намек возникает тогда, когда в основной мыслительный ряд вплетается одно из сопутствующих представлений, которое также легко может возникнуть и в другом. Также внутри текста единичное понимается только исходя из целого, и поэтому более скрупулезному толкованию должно предшествовать обзорное чтение для того, чтобы получить общее представление о целом [9].

Понимание является предметом филологической герменевтики и рассматривается как усмотрение и освоение идеального, представленного в текстовых формах (Г.И. Богин, В.П. Литвинов). Фокусирующим средством герменевтической процедуры является язык. Мы можем иметь дело только с миром, оформленным в языке. Исходя из этого, становится понятной основополагающая роль интерпретации в сфере человеческого общения, культуры и диалога, который не ограничивается языковым общением двух лиц. Диалогический характер приобретает также отношение между исследователем (интерпретатором) и предметом исследования, в котором последним может быть текст, предмет искусства и т.п. [7]. Г.И. Богин, занимаясь вопросом понимания в филологической герменевтике, рассматривает понимание как основную ипостась рефлексии, возникающей в момент фиксации (объективации) рефлексии. «Высказанная рефлексия есть интерпретация» [4: 2]. В процессе понимания луч рефлексии проходит через нашу рефлексивную реальность, в результате чего продолжение этого луча обрастает множеством ноэм (минимальных единиц смысла), и в таком виде луч рефлексии выходит к тем базовым топосам (метасмысловым образованиям) нашей онтологической

конструкции («духа»), которые родственны вводимым комплексам ноэм [4: 15].

Г.И. Богин пишет о понимании как о процессе наращивания или растягивания смыслов при переходе от акта к акту, от осмысленного микроконтекста к микроконтексту. Иными словами, каждый новый смысл либо прибавляется к уже понятому смыслу, либо приводит к изменению этого смысла при взаимодействии с ним [4]. Описанный процесс наращивания смыслов схож с ростом кристалла, где каждый новый отросток грани есть новый смысл. При этом грани кристалла имеют правильную форму до момента их соприкосновения друг с другом, после чего происходит их видоизменение и кристалл меняет свою форму. То же самое, по нашему мнению, происходит со смыслами – они накапливаются в процессе понимания и интерпретации текста от контекста к контексту и в момент «пресыщенности», подобно кристаллу, образуют своеобразную, неповторимую форму, раскрывая истинный смысл произведения.

Явление кристаллизации в современной лингвистике изучено недостаточно. Сам термин неоднократно использовался исследователями (В.И. Карасик, И.П. Черкасова, М.О. Семенов, В.О. Безрукова, А.И. Емельянова, М.А. Ткачев и др.), но четкого термина, определяющего данное понятие и описывающего все области его функционирования, на данный момент не существует. Процесс кристаллизации состоит из двух стадий: зарождения кристаллов (зародышей или центров кристаллизации) и роста этих центров. Кристаллизация начинается при достижении некоторого предельного условия (переохлаждения жидкости или пресыщения пара), когда мгновенно возникает множество мелких кристалликов – центров кристаллизации; далее происходит рост граней кристалла. По нашему мнению, кристаллизация – это не только техника построения смысла, но и высшая ступень понимания. Без кристаллизации процесс понимания будет сведен к накоплению информации, без понимания внутренних связей и отношений. Кристаллизация – это процесс перехода от значений и содержаний (от семантического и когнитивного понимания) к смыслам под влиянием контекста и с помощью языковых художественных средств и сюжетной линии.

В качестве материала исследования мы взяли роман ирландской писательницы Сесилии Ахерн «P.S. I love you»; конкретная цель – изучить специфику смыслового наполнения (на настоящем этапе развития общества и культуры) одного из основополагающих концептов человеческого бытия – концепта «love»; при этом материал определяется в рамках концептосферы признанного автора английской лингвокультуры.

Кристаллизация концепта начинается с первых страниц текста. «*Their plan had been very simple. To stay together for the rest of their lives.*». В приведенном контексте автор с помощью приема парцелляции акцентирует внимание на фразе «*To stay together for the rest of their lives*», репрезентирующей понимание «вечной» любви и указывающей на искренность и силу чувств главных героев.

В следующем контексте происходит наращивание смысла вечности и бессмертия любви: «*The*

were best friends, lovers and soul mates destined to be together; everyone thought.». Лексема «*destiny*» создает образ единства героев, священного союза, любви, которая была благословлена свыше. С помощью градации «*friends-lovers-soul mates*» автор раскрывает глубину чувств героев – благодаря лексеме «*soul mates*» формируется смысл: любовь бессмертна, как бессмертна душа. В следующем контексте появляется смысл – возможность любить и дарить любовь – это наивысшая ценность человека: «*What a luxury it was for people to be able to hold their loved ones whenever they wanted*». Автор, используя метафору, сравнивает объятия влюбленных с роскошью, превознося тем самым чувства.

Любовь предполагает наивысшую степень доверия и близости, что репрезентирует следующий контекст: «*They would giggle together late into the night, and other nights they would hold each other and cry*». В данном контексте использование антитезы «*giggle*» – «*cry*» указывает на легкость в проявлении героями своих чувств и эмоций, демонстрирует их близость и доверие. Также автор использует лексему «*night*» для усиления сложившегося образа близости и интимности – ночью эмоции самые сильные, ночью нет возможности видеть, но есть возможность слышать и чувствовать.

Одной из граней концепта выступает любовь как наивысшая степень привязанности, что репрезентировано в следующем контексте: «*...when they weren't, well, together, Holly just felt like she was missing a vital organ from her body*». Использование метафоры «*missing a vital organ*» формирует следующий смысл: герои, гармонично дополняя друг друга, являлись одним целым, а жизнь в разлуке и вовсе не представлялась для них возможной.

В следующем контексте открывается смысл любви, которая проявляется в верности и преданности, в способности жертвовать ради любимого человека: «*The list had become some sort of a bible to her. She obeyed the rules, lived by the rules and never broke any of the rules*». Автор сравнивает указания мужа главной героини с Библией, создает представление о непоколебимости его слова. С помощью градации «*obeyed-lived by-never broke*» и использования повтора лексемы «*the rules*» усиливается значение созданного образа – главная героиня покорно следовала указаниям мужа, что указывает на ее любовь, смирение и готовность жертвовать ради любви.

Любовь находит свое выражение в различных переживаниях, и зачастую это негативные переживания. Так, в следующем контексте любовь проявляется через боль от потери близкого человека: «*I'll tell her that nothing is healing at all and that every morning I wake up in my empty bed it feels like salt is being rubbed into those unhealing wounds*». Автор раскрывает неистовство любви главной героини через образ мучительной боли и пустоты после смерти ее любимого мужа. В данном контексте используется лексический повтор слова «*heal*» в отрицательном значении, чтобы акцентировать внимание на том, что ничто не способно вылечить героиню. Метафора «*it feels like salt is being rubbed into those unhealing wounds*» создает образ нестерпимой, подобной пытке, боли, которая вытесняет все остальные чувства. Метафора «*empty*

bed» создает образ одиночества главной героини и дополняет эмоции горя и печали. Таким образом, можно предположить, что любовь острее переживается через боль и одиночество.

В результате анализа представленных контекстов мы получаем совокупность следующих смыслов: «концепт» любовь в данном произведении – это чувство глубокой и самоотверженной привязанности, основанное на доверии и преданности, находящее свое выражение в сильных переживаниях.

Концепт «любовь» в данном произведении кристаллизуется в нескольких основных гранях, каждая из которых относится к определенному временному отрезку и выражена в воспоминаниях, в переживаниях или относится к вероятному будущему. В процессе кристаллизации каждой из данных граней автор использует различную по оттенкам лексику, что создает в тексте резкую смену настроений и позволяет читателю почувствовать различные оттенки чувств и переживаний героев.

Главная грань произведения – «любовь как бессмертное чувство», смысловое ядро которой представлено идеей о том, что любовь длится после смерти. «*They say that nothing lasts forever, but I am a firm believer in the fact that for some, love lives on even after we're gone*». В данном контексте с помощью антитезы «*nothing lasts forever*» – «*love lives on even after we're gone*» и олицетворения «*love lives on*» автор создает образ вечности любви, которая сильнее смерти. Данная грань находит отражение на протяжении всей временной прямой – в прошлом в виде воспоминаний, в настоящем через переживания и в будущем как отражение бесконечности чувства.

Грань «любовь как переживания в дихотомии “боль-счастье”» представлена описанием эмоциональных состояний главной героини – состоянием счастья и испытанием болью. Состояние счастья относится к прошлой жизни главной героини и выражено в ее воспоминаниях. Лексика, используемая автором для описания счастья, положительно окрашена и создает образ легкости и спокойствия. «*He tickled her nose again and smiled as her eyes slowly opened. «Good morning, sleepyhead» She smiled at him. «Good morning, beautiful» She cuddled closer to him and rested her head on his chest*». Глаголы «*tickle*» (*to touch someone lightly with your fingers, making them slightly uncomfortable and often making them laugh*) и «*smile*» (*to make a happy or friendly expression in which the corners of your mouth curve up*) создают образ игривости и счастья. Лексемы «*sleepyhead*», «*beautiful*» создают образ нежности и трепетности в отношениях героев. Глагол «*cuddle*» (*to put your arms around someone and hold them in a loving way, or (of two people) to hold each other close to show love or for comfort*) создает образ спокойствия, уюта и умиротворенности, а фраза «*rested her head on his chest*», символизирует поддержку и чувство защищенности.

При описании боли используется резко контрастная лексика, благодаря чему чувствуется глубина чувств героев. «*She sat sandwiched between a young couple and an elderly couple. The picture of what she and Gerry had once been and a glimpse of the future that could have been. And it all just seemed unfair. She felt squashed between the shoulders of her past and her*

lost future, and she felt suffocated.» В представленном контексте лексемы «*sandwiched, squashed, suffocated*» указывают на переживания Холли – горе сдавило и зажало ее где-то между ее счастливым прошлым и несбыточным будущим («*glimpse of the future*» - *проблеск будущего*). Благодаря использованию метафор создается образ отчаяния и безысходности – момент, когда жизнь ее остановилась и боль начала душить ее.

Грань «любовь как преданность и верность» несет в себе смысл любви как высшей ценности, которой свойственны духовные качества человека. Данная грань относится к настоящему периоду на временной прямой и выражена в переживаниях героини (чувство вины, самоотверженность, покорность). «*Her heart, soul and mind still belonged with Gerry*». Лексемы «*heart*», «*soul*», «*mind*» как символы высших духовных ценностей человека создают в данном контексте образ чистой любви. Используя метафору «*belonged with*» («*to be owed by smb*») в совокупности с упомянутыми лексемами, автор творит образ непоколебимой верности главной героини своему супругу даже после его смерти.

Грань «любовь как ментальная связь в параллельной (конструируемой) реальности (сны, воображения, фантазии)» описывает невидимую нить, связывающую влюбленных, существующую в ощущениях и субъективных восприятиях образов главной героиней. «*She could feel Gerry's presence*», «*...she felt a connection with Gerry*». В приведенных контекстах автор использует повтор глагола «*feel*» («*to experience something physical or emotional*»), чтобы указать на силу эмоциональной связи героев. Использование The Present Simple Tense и повтора лексемы «*here*» в контекстах «*He's here, every time I open these, he's here.*», «*«Is your husband here?» .... Holly looked around the club and smiled. – «Yeah, he's definitely here...somewhere»*» создает образ реальности происходящего и присутствия покойного супруга героини рядом с ней. Это формирует «параллельную» реальность в данном произведении. Данная грань относится к настоящему моменту на временной прямой повествования, отражая нынешние ощущения главной героини романа.

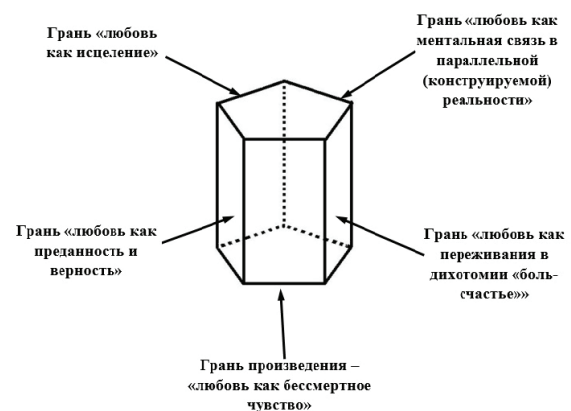
Грань «любовь как исцеление» является одной из важнейших сторон концепта в данном произведении и несет в себе смысл того, что настоящая любовь сильнее боли и смерти, любовь вдохновляет человека, делает его сильнее и исцеляет тогда, когда ничто больше не способно исцелить. Данная грань относится к настоящему времени и к вероятному будущему жизни героини. «*On the other hand, she was a woman with a million happy memories, who knew what it was like to experience true love and who was ready to experience more life, more love and make new memories*». Воспоминания о любви героини теперь приносят ей радость – «*she was a woman with a million happy memories*». Автор сравнивает любовь с жизнью «*to experience true love*» – «*to experience more life*», что создает образ, противоположный смерти, и указывает на то, что любовь сильнее нее. Она была готова дышать полной грудью, любить и создавать новые отношения – «*who was ready to experience more life, more love and make new memories*». Главная ге-

роиня была готова жить, а не существовать, на что указывает слово «*to experience*» («*(the process of getting) knowledge or skill from doing, seeing, or feeling things*»), в значении которого отражается движение и динамика. Автор в данном отрывке использует лексический повтор слов «*life*» («*to experience more life*») в форме «*live*» («*she would just live*»), что создает образ того, что главная героиня «возрождается», воспаряет подобно птице Феникс. Фраза «*new memories*» создает образ начала новой жизни.

Следует отметить, что отнесенность граней к той или иной области временной прямой не является абсолютной, так как одна и та же грань может проявиться в двух областях одновременно. Так, грань «любовь как исцеление» зарождается в области настоящего и переходит в область будущего времени, а грань «любовь как бессмертное чувство» находит свое выражение во всех областях временной прямой.

Таким образом, можно сделать вывод, что концепт «love» в данном романе представляет сложное структурно-семантическое образование, формирующееся в процессе кристаллизации смысла и состоящее из пяти граней. Ведущая грань концепта в данном произведении – грань «любовь как бессмертное чувство» – выстраивается на основании противопоставления любви и смерти. Изменение структурно-смысловой организации концепта происходит при переходе от контекста к контексту.

Схема № 1

Библиографический список

1. Алимуратов О.А. От концептосферы к лексике и обратно: проблемы метонимического моделирования ментального пространства языковой личности // Когнитивные исследования языка. 2010. № 7. С. 233-241.
2. Алимуратов О.А., Бруданина А.В. Опыт моделирования динамики формирования и вербализации концепта: теоретико-методологические подходы и практические приложения (на материале концепта PARTING, вербализуемого средствами английского языка // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 3. С. 105-110.
3. Ашихманова Н.А. Пластичность художественного времени: сюжетобразующие приемы // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. № 2. С. 214-217.
4. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. М.: Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. PDF-документ. 50 с.
5. Галеева Н.Л. Параметры художественного текста и пе-

- ревод. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. 154 с.
6. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. 307 с.
  7. Литвинов В.П. Работа логоса. Пятигорск: ПГФА, 2007. 177 с.
  8. Шлейермахер Ф. Герменевтика. / пер. с нем. СПб.: Европейский дом, 2004. 242 с.
  9. Щедровицкий Г.П. Понимание и мышление. Доклад на «вторничном» семинаре. 1981 // Мышление. Понимание. Рефлексия. М., 2005.
  10. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 01.01.2019).
  11. Dijk T.A. van Cognitive Processing of Literature Discourse // Poetics Today. 1979. № 1. P. 143-160.
  12. Dijk T.A. van. Studies in The Pragmatics of Discourse // Janua linguarum. Series Maior; 101. The Hague, Paris, New York: Mouton Publishers, 1981. 331 p.
  13. Oxford dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 01.01.2019).
  2. Alimuradov O.A., Brudanina A.V. Opyt modelirovaniya dinamiki formirovaniya i verbalizatsii kontsepta: teoretiko-metodologicheskiye podkhody i prakticheskiye prilozheniya (na materiale kontsepta PARTING, verbalizuyemogo sredstvami angliyskogo yazyka // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2009. № 3. S. 105-110.
  3. Ashchikhmanova N.A. Plastichnost' khudozhestvennogo vremeni: syuzhetoobrazuyushchiye priyemy // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 2. S. 214-217.
  4. Bogin G.I. Obreteniyе sposobnosti ponimat': Vvedeniye v filologicheskuyu germenevtiku. M.: Psikhologiya i Biznes OnLayn, 2001. PDF-dokument. 50 s.
  5. Galeeva N.L. Parametry khudozhestvennogo teksta i perevod. Tver': Tver. gos. un-t, 1999. 154 s.
  6. Deyk T.A. van. Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya / per. s angl. M.: Progress, 1989. 307 s.
  7. Litvinov V.P. Rabota logosa. Pyatigorsk: PGFA, 2007. 177 s.
  8. Shleyermakher F. Germenevtika. / per. s nem. SPb.: Evropeyskiy dom, 2004. 242 s.
  9. Shchedrovitskiy G.P. Ponimaniye i myshleniye. Doklad na «vtornichnom» seminare. 1981 // Myshleniye. Ponimaniye. Refleksiya. M., 2005.

Works Cited

1. Alimuradov O.A. Ot kontseptosfery k leksike i obratno: problemy metonimicheskogo modelirovaniya mental'nogo prostranstva yazykovoy lichnosti // Kognitivnyye issledovaniya yazyka. 2010. № 7. S. 233-241.

УДК 811

© **О.А. Шабанов**

© **Х.М. Шарифзода**

*Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
Уфа, Россия*

Теория ролевой семантики в трактовке категории залога в современном английском языке

В литературе по вопросу о типах залогов существует большое количество определений залога, как грамматического, так и семантического способов выражения семантики залоговых отношений. В зависимости от конкретного языка выделяются разные типы залогов. Например: Активный (*действительный залог*), Пассивный (*страдательный залог*), Рефлексив (*возвратный залог*), Реципрок (*взаимный залог*), Медий (*средний залог*), Антипассив – важнейший косвенный залог в эргативных языках, Эргативный (*эргативная конструкция*, Социатив (*или кооператив, или совместный залог*), Имперсонал (*или безличный залог*), Каузатив (*причинительный, понудительный залог*) [13: 60-161].

Представленная выше классификация указывает на языки, в которых вышеперечисленные залоговые отношения имеют морфологическую закрепленность. В английском языке морфологические форманты позволяют представить залоговые отношения лишь в оппозиции *do :: be done*, где слабый член оппозиции закреплен за Действительным, или Активным залогом, а сильный член – за Страдательным, или Пассивным залогом. Залоговые отношения в современном английском языке, которые не соот-

ветствуют представленному выше примеру, не имеют формальных грамматических показателей, и требуется иное теоретическое осмысление феномена залоговых отношений. По своему содержанию категория залога служит для выражения отношения глагольного признака к подлежащему или для характеристики реального значения подлежащего по отношению к глагольному признаку.

Разные исследователи вкладывали в понятие залога крайне разнообразное и порой противоречивое содержание. Такое многообразие определений объясняется лингвистическими парадигмами и приоритетами, господствующими в разные временные отрезки, а особенно взглядами на соотношение морфологического, синтаксического и семантического уровней.

В начале XX века приоритетными объектами в области лингвистики являлись фонология и морфология, в то время как в синтаксисе – формальные модели предложения. Классические определения залога строятся на учете единиц одного уровня: синтаксического или семантического. Смена научной парадигмы, которая произошла во второй половине XX века, приводит к пересмотру классических опреде-

лений залога. Определение залога в настоящее время предлагается строить на принципе «от смысла к форме». Переход от семантики к синтаксису предполагает учет двух «областей»: «область отправления» и «область прибытия» [10]. «Область отправления» описывается в универсальных семантических терминах (субъект, объект), а «область прибытия» – в универсальных синтаксических терминах членов предложений (подлежащее, дополнение) [10: 22]. Новизна такого подхода заключается в том, что при определении залога предлагается учитывать соответствие между элементами двух уровней предложения: семантического и синтаксического. В рамках данной концепции под залогом принято понимать регулярное обозначение в глаголе соответствия между единицами синтаксического и единицами семантического уровней [10: 284].

В английском языке кроме традиционно выделяемых двух основных залогов также выделяют другие формы: возвратный (*He dressed himself*), взаимный (*They greeted each other*), средний (*The door opened*). Однако их существование оспаривается. Группа ученых Института языкознания АН СССР, которую возглавил А.А. Холодович, посвятила ряд своих исследований разработке построения универсальной непротиворечивой теории залога. Они дали следующее определение: залог – это регулярное обозначение в глаголе соответствия между единицами синтаксического уровня и единицами семантического уровня [10: 13]. В данной формулировке впервые было дано определение сущности залога как морфологической категории в ее соотношении с синтаксическим и семантическим уровнями языка. С залога сняли «подозрение» в его неморфологичности и установили его место по отношению к синтаксису.

В теории функционально-семантических полей и в лингвистике вообще актив и пассив принято считать центральными формами категории залога. Маркированным членом оппозиции является пассив. Пассивные конструкции обнаруживают более четкую выделенность семантического признака. Речь здесь идет о пассивности, страдательности: объект, который занимает позицию подлежащего, подвергается воздействию, испытывает на себе действие со стороны Деятеля. В сфере активности наблюдается широкий и диффузный спектр постепенных переходов от противоположного значения собственно активности к значениям, близким к пассивности [2: 135]. В данном утверждении имеется в виду не активность его производителя, а представление действия в широком смысле как исходящего от субъекта [2].

Необходимо отметить, что различие активности/пассивности вообще имеет преимущественно интерпретационный характер. Интерпретационный характер залоговой семантики заключается в грамматической категоризации разного подхода говорящего об одной и той же ситуации (со стороны субъекта или со стороны объекта), категоризации разных акцентов в смысловой структуре, разной «фокусировке» смысла [2].

Анализ теоретической литературы по вопросу об отношениях семантики активности/пассивности и морфологических форм закреплённости этих категорий в английском языке не получил своего оконча-

тельного решения. Современное состояние лингвистики и достаточно глубокий анализ семантических отношений между участниками ситуации, номинируемых через семантико-синтаксическую структуру предложения, позволяют в определенной степени решить вопрос о залоговых отношениях на уровне семантических падежей, или ролевой семантики предложения. Семантическая трактовка залоговых отношений предполагает рассмотрение отношений между субъектом и другими участниками ситуации в терминах ролевой семантики.

Для понимания сущности пассивных отношений проанализируем следующий пример: *I'm positive that I'll be offered the job tonight, - Arni's voice continued* (M. Wilson). Само грамматическое значение формы страдательного залога несет в себе информацию о том, что кто-то принял решение о предоставлении ему работы. Как Деятель, так и само действие этого агента (Деятеля), остаются где-то за пределами описываемой ситуации. Другими словами, значением своей формы пассив выражает не само действие, а особое сообщение о действии, его особую репрезентацию. Действие неотъемлемо от его Деятеля, а здесь Деятель выражен имплицитно, он лишь мыслится. В основе аналитической формы пассива лежит причастие II, которое выражает не само действие, а лишь его следствие, соотносённость с ним.

Метаязык описания семантических падежей в нашем исследовании опирается на разработанную теорию компонентного состава каждой роли (семантического падежа) [15; 16] К числу этих семантических ролей относятся следующие: D, A, E, I, S, F, O, Loc, P, T., etc., где D – Деятель. Это такой семантический падеж, который характеризует субъект как источник контролируемого приложения силы.

A – Агентив. Это такой семантический падеж, который характеризует субъект как источник неконтролируемого приложения силы.

E – Экспериенцер. Это такой семантический падеж, который характеризует субъект как носителя определенной эмоции, чувства.

I – Инструментатив. Это такой семантический падеж, который характеризует субъект как средство совершения действия или процесса.

S – Источник. Это такой семантический падеж, который характеризует субъект как источник приложения силы.

F – Фактив. Это такой семантический падеж, который характеризует субъект как некий факт.

O – Объект. Это такой семантический падеж, который характеризует одного из участников денотативной ситуации, на который направлено приложение силы со стороны субъекта.

Loc – Локатив. Это такой семантический падеж, который характеризует локацию происходящей денотативной ситуации.

P – Цель. Это сирконстантный (обстоятельный) падеж, характеризующий намерение в происходящей денотативной ситуации.

T – Темпоралис. Это сирконстантный (обстоятельный) падеж, характеризующий временные параметры происходящей денотативной ситуации [15].

Рассмотрим на примерах английских глаголов

зрения соотношение категории залога и семантического падежа. Действительный залог показывает, что действие направлено от лица (предмета), которое выражено подлежащим, т.е. что именно данное лицо производит действие, является его производителем [2]. Однако в реальном языковом функционировании семантика действительного (Активного) залога английских глаголов зрения далека от классического определения залога.

1. *Mo wiped the sweat off his forehead, snorted, and looked out over Cricklewood, surveying the discarded armchairs and strips of carpet, outdoor lounges for local drunk (Zadie Smith)*

Семантическая роль субъекта (*Mo*), которая характеризует структуру предиката *look*, может быть охарактеризована как Деятель, поскольку субъект *Mo* контролирует приложение силы (физической силы взгляда). Если семантическая роль субъекта характеризуется как Деятель, то семантическим типом предиката является действие. Однако действие как тип предиката может иметь разную типологию: разовое конкретное действие, «лежащее» на оси времени, класс действий, гетерогенное действие, класс гетерогенного действия [8]. В данном предложении предикат **looked out over** является разовым конкретным действием.

Такая же семантическая роль Деятеля может быть приписана и другим глаголам зрения. Например: 2. *She brought her forefinger closer to her face and stared at it, urging it to move. (Ian McEwan)* 3. *His black Adam's apple rose and fell, and she made herself stare at that. (Ian McEwan)* 4. *She was perfectly calm, glanced at the foot of the bed to take in the name's name and, presumably, his condition, then she stood over him and gazed into his face....* 5. *But the actual beach, the one he and the corporals gazed on now, was no more than a variation on all that had gone before: there was a rout, and this was its terminus. (Ian McEwan)*

В примерах 2,3 семантика глагола *stare* предполагает контролируемое приложение силы со стороны Субъекта. Показателями контролируемости приложения силы являются фразы *urging it to move* (2), *she made herself* (3). Следовательно, семантической ролью Субъекта является Деятель, семантическим типом предиката – одноразовое конкретное действие. С точки зрения морфологического статуса категории залога предикаты в этих предложениях характеризуются Активным залогом.

В предложениях 4,5 морфологический статус предикатов **glanced** и **gazed** также может быть охарактеризован Активным залогом, поскольку семантической ролью Субъекта является Деятель.

Однако, будучи формально в Активном залоге, глаголы зрения могут выражать иные семантические отношения между участниками ситуации. Рассмотрим данное положение на примерах: 6. *She stared unseeingly across the room.* В данном предложении семантика глагола *stare* не выражает контролируемую направленность взгляда Субъекта, поскольку слово *unseeingly* указывает на отсутствие контролируемости приложения силы взгляда. В этом случае семантической ролью Субъекта является не Деятель, а Агентив. Семантическим типом предиката будет не действие, а процесс. Оставаясь формально в рамках

категории Действительного залога на морфологическом уровне, предикат глагола *stare* выражает иные семантические отношения, а именно: отношения **агентивности**.

Рассмотрим ряд других примеров, в которых формально Действительный залог может выражать иные залоговые отношения:

7. *Mrs. Tallis dabbed at her face with a napkin and looked fondly at the twins. (Ian McEwan)*

8. *Sister Drummond looked with disdain into the bowl. (Ian McEwan)*

9. *When he mentioned water, she looked at him suspiciously, as though she knew he wanted more than water. (Ian McEwan)*

В данных предложениях в глаголе *look* акцентируется не семантика активности, свойственная активному залого, а семантика качества взгляда. В предложении 7 акцентируется ласковость взгляда Миссис Талис (*fondly*). В предложении 8 подчёркивается презрительность взгляда (*disdain*). В предложении 9 акцентируется подозрительность взгляда (*suspiciously*). Во всех трех предложениях в глаголе *look* снижена активность субъекта, предикат *looked* не выражает семантику активности, поэтому он не может быть охарактеризован активным залогом. Так, в тесте на отнесение глагола к семантическому типу предиката действия наблюдаются ограничения на употребление в императивной конструкции (более подробно о тестах на активность субъекта см.: [15]):

* *Mrs. Tallis, look at the twins fondly!*

* *Sister Drummond look with disdain into the bowl.*

* *look at him suspiciously, as though she knew he wanted more than water!*

Однако ограничения на употребление отрицательных форм этих конструкций отсутствуют. Информанты оценивают их как нормативные:

Don't **look** at the twins fondly!

Don't **look** with disdain into the bowl.

Don't **look** at him suspiciously, as though she knew he wanted more than water!

Данные тесты показывают, что предикат *looked* в предложениях 7-8-9 можно охарактеризовать как семантический тип предиката “процесс-действие”, поскольку на начальной стадии предиката “контролируемость” отсутствует, а на конечной – присутствует. Семантическая роль субъекта может быть охарактеризована как Агентив на начальной стадии денотата предиката и Деятель – на конечной стадии (более подробно о стадиях денотата предиката см.: [15; 18]). Наблюдается заниженная активность субъекта на начальной стадии денотата предиката и потенциально активная – на конечной стадии. Такая семантическая интерпретация возможна в силу того, что субъект является носителем высшей психической деятельности, может проявлять волеизъявление на различных стадиях предиката. В свою очередь залоговые отношения можно охарактеризовать как **потенциально активные**, т.е. как агентивные на начальной стадии предиката и активные – на конечной.

10. *They looked at each other, smiled and looked away. (Ian McEwan)* В данном предложении формально употреблен действительный залог. В теории залога форма *looked at each other* рассматривается как

Взаимный залог [17]. С точки зрения семантических отношений, выражаемых семантическими ролями участников ситуации, они наделены одинаковой активностью, т.е. семантической ролью Деятеля. При этом эта активность контролируется обоими субъектами. Следовательно, залоговые отношения можно охарактеризовать как активные, т.е. категорией действительного залога. Компонент *each other* как показатель так называемого Взаимного залога не может быть морфологическим формантом отдельного залога, поскольку имеет свою собственную синтаксическую функцию в предложении.

11. *The boy was **blinking** at seeing the chocolate cake...* (пример информанта).

Предикат *was blinking* формально находится в Действительном залоге. Однако семантические отношения между участниками ситуации иные. Действие, выражаемое глаголом *blink*, не инициировано субъектом *The boy*, оно было вызвано Объектом *the chocolate cake*. Именно объект стал каузатором приложения силы со стороны субъекта. В этом случае семантическая роль субъекта будет Агентив, а предикат не действием, а процессом, т.е. активным типом предиката, не контролируемым субъектом на начальной стадии предиката. Залоговые отношения могут быть охарактеризованы как **агентивные**.

12. *Owens **looked** nervously. (Zadie Smith)*

В данном примере глагол *looked* имеет формальную морфологическую структуру Действительного залога. Однако семантическая структура предложения показывает, что предикат имеет субъектную направленность, представляет собой составное именное сказуемое с глаголом *look* в качестве полувспомогательного глагола. В этом случае семантика субъекта характеризуется семантической ролью Фактитива, а залоговые отношения семантикой **фактитивности**.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что одна и та же морфологическая форма залога может содержать различные залоговые отношения на уровне ролевой семантики. В сфере активности глаголов зрения можно увидеть достаточно широкий и диффузный спектр переходов от активности к значениям, имеющим меньшую активность, которая может приближаться к пассивности. Такими залоговыми отношениями являются активные, агентивные, потенциально активные, фактитивные.

Библиографический список

1. Арно А., Лансло Кл. Пор-Рояль. Грамматика общая и рациональная. М.: Издательство Прогресс, 1990. 273 с.
2. Бондарко А.В. [и др.]. Теория функциональной грамматики // Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. 370 с.
3. Булаев Ф.И. Лингвистическое наследие XIX века. М.: Издательство: Либроком, 2013. 240 с.
4. Виноградов В.В. Русский язык. М.: Изд-во: Русский язык, 2000. 720 с.
5. Долинина И.Б. Синтаксически значимые категории английского глагола. Л.: Наука, 1989. 216 с.
6. Ломоносов М.В. Российская грамматика Михайла Ломоносова 1767. 213 с.
7. Некрасов Н.П. О значении форм русского глагола. СПб., 1865. 313 с.
8. Селиверстова О.Н. Труды по семантике. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 959 с.
9. Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение: общий курс. Академия Наук СССР. Отделение языка и литературы. М., 1956. 447 с.
10. Холодович А.А. Залог. Определение. Исчисление // Проблемы грамматической теории. Л.: Наука, 1979. 364 с.
11. Храковский В. С. Залог // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: СЭ, 1990. С. 60-161. 688 с.
12. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М., 1941. 624 с.
13. Шабанова Т.Д. Семантическая модель английских глаголов зрения (теоретика-экспериментальное исследование). Уфа, 1998. 197 с.
14. Шабанова Т.Д., Сулейманова Д.М., Швайко Я.В., Волкова Н.В. Семантические модуляции в глагольной лексике английского и русского языков в единстве семантического, когнитивного и конструктивного подходов. Уфа 2015. 230 с.
15. Curme G.O. A Grammar of the English Language, vols 2, 3, London – New York, 1931.
16. Freed Alice A. The Semantics of English Aspectual Complementation. Synthese Language Library: Volume 8. D. Reidel Publishing Co.: Dordrecht, Holland. 1979. 172 p.

Works Cited

1. Arno A., Lanslo Kl. Por-Royal'. Grammatika obshchaya i ratsional'naya. M.: Izdatel'stvo Progress, 1990. 273 s.
2. Bondarko A.V. [i dr.]. Teoriya funktsional'noy grammatiki // Personal'nost'. Zalogovost'. SPb.: Nauka, 1991. 370 s.
3. Buslayev F.I. Lingvisticheskoye naslediyе XIX veka. M.: Izdatel'stvo: Librokom, 2013. 240 s.
4. Vinogradov V.V. Russkiy yazyk. M.: Izd-vo: Russkiy yazyk, 2000. 720 s.
5. Dolinina I.B. Sintaksicheski znachimyye kategorii angliyskogo glagola. L.: Nauka, 1989. 216 s.
6. Lomonosov M.V. Rossiyskaya grammatika Mikhayla Lomonosova 1767. 213 s.
7. Nekrasov N.P. O znachenii form russkogo glagola». SPb., 1865. 313 s.
8. Seliverstova O.N. Trudy po semantike. Moskva: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 959 s.
9. Fortunatov F.F. Sravnitel'noye yazykovedeniye: obshchiy kurs. Akadeimya Nauk SSSR. Otdeleniye yazyka i literatury. M., 1956. 447 s.
10. Kholodovich A.A. Zalog. Opredeleniye. Ischisleniye // Problemy grammaticheskoy teorii. L.: Nauka, 1979. 364 s.
11. Khrakovskiy V. S. Zalog // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. M.: S-E, 1990. S. 60-161. 688 s.
12. Shakhmatov A.A. Sintaksis russkogo yazyka. M., 1941. 624 s.
13. Shabanova T.D. Semanticheskaya model' angliyskikh glagolov zreniya (teoretika-eksperimental'noye issledovaniye). Ufa, 1998. 197 s.
14. Shabanova T.D., Suleymanova D.M., Shvayko Ya.V., Volkova N.V. Semanticheskiye modulyatsii v glagol'noy leksike angliyskogo i russkogo yazykov v edinstve semanticheskogo, kognitivnogo i konstruktivnogo podkhodov. Ufa 2015. 230 s.

Список цитируемых источников

1. McEwan Ian. Atonement. Vintage, London, 2002. 375 p.
2. Lodge David. Nice Work. Penguin books, London, 1989. 384 p.
3. Smith Zadie. White Teeth. Penguin books, London, 2000. 542 p.

Структурные, функциональные и когнитивно-семантические аспекты изучения романских языков

УДК 81'42

© Т.Ф. Петренко, А.Г. Келейникова
ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
Пятигорск, Россия

Цифровые технологии блогосферы в современном французском художественном тексте

Современная эпоха стала для мировой художественной культуры периодом бурных стилевых поисков, экспериментов и ломки устоявшихся традиций.

На всем протяжении развития литературного творчества отмечается стремление писателей к созданию максимальной выразительности текста, обеспечивающей его воздействие на эмоциональную и интеллектуальную сферы читателя. Но если классическая литература реализовывала данную задачу благодаря детальности описания персонажей, места и времени, то, начиная с середины XX века, творческая мысль стремится преодолеть линейность, перейти от существующих повествовательных структур к новой форме представления текста.

Анализ литературного творчества XX века свидетельствует об активном проникновении техники кино в литературу. При этом, с одной стороны, имитируются кинематографические жанры (сценарные имитации А. Роб-Грийе, М. Дюрас и А. Сомон), с другой – приемы кинематографа (монтаж, наплыв, крупный план, движение камеры).

В текстах современных авторов (Уэльбек, Ле Клезио, Бегбедер, Дюрас, Модигано, Сомон и др.) напряжение и драматизм истории выражены разрывами повествования, недосказанностью, заменой вербального выражения состояний персонажей пунктуационно-графическим оформлением.

Пробелы, отсутствие знаков препинания там, где они обязательны, употребление их там, где они запрещены нормой, приводят к вытеснению «рассказа» из литературы, к замене его «показом». Это позволяет вести речь о разрушении линейности литературного повествования за счет внедрения монтажных принципов построения кинотекста. Разумеется, изменяется и роль читателя, проникновение которого в текст становится иным, более творческим.

Еще одной особенностью литературных текстов XX-XXI вв. является их поликодовость. Следуя собственному видению мира, авторы варьируют формы и способы воплощения зрительного образа: от иллюстрации через фотографию к авторскому рисунку или картинке. В зависимости от намерения автора параграфические элементы могут принимать участие в организации текста, охватывая только план его выражения, или же они оказываются релевантными для формирования как плана выражения, так и плана содержания (авторские иллюстрации в текстах Д. Пеннака и Ф. Бегбедера). В этом случае невербальные элементы не только привлекают внимание

читателя, но и несут существенную информацию, необходимую для успешной интерпретации текста [11: 28]. Одним из примеров первичности фотографий по отношению к вербальному тексту служат сборники новелл Ф. Делерма «Paris l'instant» и «Traces», в которых текст раскрывает содержание фотографии сквозь призму авторских ощущений, т.е. визуальное становится первичным, что соответствует культуре современного общества, в котором человек больше зритель, чем читатель.

Появление всемирной сети Интернет и расширение социальных сетей в XXI веке привели к значительным изменениям в области культуры и литературы, представив благодатную почву для различных экспериментов, в том числе и в литературном творчестве.

Развитию литературы в интернет-пространстве и изучению трансформаций в литературном тексте под влиянием IT-технологий уделяется большое внимание в исследованиях отечественных и зарубежных лингвистов и литературоведов, так как взаимодействие компьютерных технологий с литературой приводит к появлению новых форм и способов организации текста [1, 13, 14].

Подробный анализ влияния новейших информационных технологий на русскую прозу представлен в монографии М.П. Абашевой и Ф.А. Катаева [1]. С одной стороны, в работе исследуется литературное пространство русскоязычного сегмента Интернета, с другой – художественные тексты современных отечественных писателей, использующих в своих произведениях элементы компьютерного дискурса.

Феномену сетевой («цифровой») литературе посвящено исследование С. Бушардона, выделившего гипертекстовые рассказы, «кинетические» (движущиеся), «алгоритмические» и коллективные рассказы, предполагающие участие читателей [19]. При этом гипертекстовый рассказ выдвигает на первый план интерактивность при навигации, кинетический – интерактивность при манипуляции, а коллективный – интерактивность при продуцировании текста.

Отечественные исследователи, опирающиеся на авторы сайта «Тенета-Рунет», предлагают классификацию, включающую:

- гипертекстовую литературу, которая построена по принципу ассоциативных отсылок;
- мультимедийную литературу, больше похожую на фильм;

- динамическую литературу, в которой автор предоставляет технические возможности, благодаря которым читатели сами могут создавать собственные произведения [4: 63-68].

Анализ цифровых текстов, представленных во франкоязычном сегменте сети Интернет, позволил выделить несколько поджанров «электронной» литературы.

Генеративные тексты («Траектории» Жан-Пьера Бальпа) стирают привычные для литературы отношения между автором и читателем, в то время как порождающим механизмом интерактивных текстов (роман «La simulation humaine» Данезля де Руле, цифровые тексты «Ce qui me passe par la tête» Мирьям Бернарди, «Не роман» Люси де Бутини) становится ситуация игры [12: 61-64].

Технические возможности IT-технологий привели не только к появлению цифровой литературы в сети, но и к изменениям визуального облика «бумажных» литературных текстов и способов текстопродукции, подчиняющихся законам построения гипертекста (романы-компьютерные игры, романы-блоги). Т.Н. Маркова, анализируя трансформации литературного текста под влиянием информационных технологий, считает компьютеризацию литературы одной из самых перспективных теоретических проблем литературоведения [8: 17]. Среди компьютерных технологий, используемых в качестве художественных приемов в литературных произведениях, автор выделяет Интернет, гипертекст, виртуальную реальность, компьютерные игры и анимацию. А.А. Корниенко видит одну из причин мутации современного нарративного текста во влиянии гипертекста и компьютерных технологий, ставших новыми инструментами производства текста на бумажном носителе [16: 9]. Важность изучения проникновения цифровых технологий в процесс создания текста позволяет говорить о наступлении новой литературной эры, что подчеркивается и зарубежными исследователями [23].

Таким образом, процесс компьютеризации литературы проявляется, с одной стороны, в появлении и развитии цифровых литературных текстов, использующих технологические возможности Сети [12: 61-64], с другой – в применении в печатном литературном тексте таких элементов компьютерного дискурса, как компьютерные игры, блоги и чат [1, 12, 13].

По мнению С. Орбиа, синтез социальных сетей и литературы привел к появлению нового жанра, названного автором «поэтикой флуда» [10].

Среди технологий, перенесенных французскими авторами в литературные произведения из компьютерной среды, можно выделить чат (новеллы А. Сомон «Tchatche» и М. Уэльбека «Prise de contrôle sur Numéris»), СМС (роман «Avec maman» А. Орсини и новелла А. Сомон «SMS»), стилистические особенности которых уже были нами проанализированы [13], а также технологии блогосферы.

В качестве объекта исследования данной статьи избраны художественные тексты современных французских писателей – Эрика Шевийера, Алена Вайнштейна и Беатрис Рило, использующих ресурсы цифровых технологий и модели общения в интернет-среде.

Цель статьи состоит в анализе технологий блогосферы, перенесенных французскими авторами в художественный текст из компьютерной среды, и в выявлении стилистических особенностей данной модели письма.

Стефан Батальон, анализируя твиттературу блогера Тьерри Крузе, отмечает такую важную ее характеристику, как интерактивность, которая является результатом размещения текста в сети [18].

Современный блог представляет собой новый жанр литературного дневника, отличительными чертами которого являются ориентация на множество читателей и интерактивность ответной реакции.

Анализируя жанровые признаки обычного и сетевого дневника, А. Зализняк приходит к выводу, что именно в интенции видна разница между дневниковой записью интимного характера и записью, сделанной в блоге и предназначенной для прочтения аудиторией [3: 160].

Е.Г. Новикова, сравнивая языковые особенности организации классического и сетевого дневника, отмечает наличие у классического дневника текстовых категорий связности, целостности, информативности. Однако, по мнению автора, классическому дневнику присущи также такие свойства неклассического текста, как дискретность, динамичность, тематическая неоднородность и интертекстуальность. Сетевой дневник характеризуется нелинейностью, общедоступностью, креолизованностью и открытостью [9: 14-15].

Общие черты обычного и интернет-дневника выделены в исследовании М.О. Кочетковой. Во-первых, любой дневник – это текст о себе. В этом жанр приближается по свойствам к художественному тексту, но, в отличие от него, реализуется непосредственная фиксация эмоций. Во-вторых, дневник – это текст о текущем моменте. Даже если содержанием записи являются воспоминания, планы или общие рассуждения, для автора важно, что описываемые мысли и чувства имели место именно в этот день и именно при данных обстоятельствах [5: 33].

Сетевой блог для французских писателей выступает определенной стратегией построения художественного текста: ярким примером служат книжная серия Эрика Шевийера «L'Autofictif» и «роман в Твиттере» «140 знаков» («Cent quarante signes») Алена Вайнштейна, изданию которых предшествовало ведение личного блога и твита.

• Заголовок книжной серии Эрика Шевийера «L'Autofictif» отсылает к термину С. Дубровски, определяющего *autofiction* как новую литературную форму, в которой переплетены реальные факты и вымысел, а автор сам является действующим лицом вымышленного повествования [цит. по 21].

В. Колонна, подробно анализирующий работы С. Дубровски и его роман «Сын», в диссертации «L'autofiction, essai sur la fictionalisation de soi en littérature» предлагает более широкий подход к понятию *autofiction* и отмечает, что «автовмысел» представляет собой «аватар» автобиографического романа и постмодернистскую форму автобиографии» [20: 15]. По мнению исследователя, «самосочинение» (*La fictionalisation de soi*) состоит в том, чтобы дать свое имя вымышленному персонажу [20: 9-10].

М. Левина-Паркер делит исследователей данного понятия на две группы: тех, кто вслед за С. Дубровски подразумевает под самосочинением литературную переработку (романизирование) достоверного автобиографического материала, и на тех, кто вслед за В. Колонна видит в самосочинении «всцело литературное переизобретение автором собственной жизни и ее реалий» [5].

Хотя «автовымисел» как жанр существовал и раньше в литературе, особую популярность он приобрел в конце XX – начале XXI века. В.Д. Алташина отмечает гибридный характер «автовымисла»: «с одной стороны, это повествование, основанное, как и автобиография, на принципе трех совпадений: автор является рассказчиком и главным героем, а с другой, – на вымысле в повествовательной стратегии и паратексте (заглавие, жанр)» [2: 14].

Изданию первого романа Эрика Шевийяра «L'Autofictif» предшествовало ведение личного блога по адресу: <http://l-autofictif.over-blog.com>, который и лег в основу романа.

Составными частями блога являются дата публикации, текст, ссылки, отсылающие к биографии писателя, его книгам, рецензиям, и архив.

Каждый текст включает три фрагмента, разделенные пробелом:

- 1) сообщение или рассказ о каком-либо событии,
- 2) размышления о жизни, литературном творчестве и т.д.,
- 3) миниатюра-зарисовка или небольшое стихотворение [14: 104].

Эта схема организации блога перенесена в книгу.

Отмечая типологическое сходство подобных фрагментов, называемых «новеллами в три строки», и текстов в пространстве сети Интернет, Кристина Альварес предполагает, что появление блогов и Твиттера спровоцировало возрождение данной модели письма [17: 161].

Свою книгу Эрик Шевийяр во введении характеризует как «нервную хронику жизни с особым ежедневным напряжением» (Chevillard, p. 8). Стиль Эрика Шевийяра отличается остроумием и иронией, которая достигается различными лексико-семантическими, синтаксическими и стилистическими средствами [22: 887-891].

Ирония следующего фрагмента основана на интертекстуальности:

L'oubli était une pâtisserie mince roulée en cornet de consommation courante jusque dans les années 30 du siècle dernier. On n'ose imaginer ce qu'il fût advenu de la littérature française si tante Léonie avait eu pour habitude de la tremper plutôt qu'une autre dans son infusion de thé ou de tilleul. (Chevillard, p. 49)

Автор отсылает к известному описанию пирожного Мадлен в романе М. Пруста «В сторону Свана», в котором вкусовые ощущения вернули персонажа Пруста в детские годы и заставили вновь пережить ощущение счастья.

Игровая природа следующего фрагмента:

Sachant par expérience que les feuilles mortes ne se ramassent pas à la pelle, j'en déduis que les souvenirs et les regrets non plus. (Chevillard, p. 251) основана на

прецедентном тексте – песне на стихи Жака Превера в исполнении Ива Монтана. Для читателей, знакомых с оригиналом, важным становится не сам факт узнавания, а возникающий при сопоставлении текстов юмористический аспект в отличие от печально-безысходного содержания стихотворения Ж. Превера.

По мнению К. Альварес, интертекстуальность является обязательным свойством подобных микро-текстов [17].

Тенденция к коротким текстам, свойственная Интернету, нашла свое отражение в жанровой минимализации литературных текстов, т.к. современный человек не склонен читать длинные тексты, что и подчеркивается в следующей реплике:

Au cafe de la table voisine de la mienne, un jeune homme dit a son amie : *je ne lis plus, c'est trop long* (Chevillard, p.149).

Лаконичны и поэтические фрагменты книги:

– хокку (японское лирическое трёхстишие):

Mais oui, ma tante, la poésie nourrit son homme.
Et même un seul bon haïkule fera :

Pain
jambon

pain (Chevillard, p. 91)

– визуальный поэтический текст, представленный в виде фигуры или нестандартно расположенного текста на плоскости:

je
n'ecris
jamais
de
vers
qu'à
la
lueur
de
l'eclair (Chevillard, p. 42)

Многие иронические замечания в нарративных фрагментах можно отнести к мини-новеллам с неожиданным концом (à chute):

C'est trop bête, il couvait une longue et douloureuse maladie, et voilà qu'il meurt brutalement fauché par un chauffard. (Chevillard, p. 156)

Il usa de toute sa persuasion, il lui peignit la vie sous les couleurs les plus belles, il sut trouver les mots qui consolent et le saule pleureur lentement se redressa; alors enfin il put y accrocher sa corde et s'y pendre. (Chevillard, p. 250)

Распространенность клипового мышления приводит к тому, что любой отрывок начинает осмысливаться в качестве законченного целого [15]. Гибридные тексты блога Э. Шевийяра, включающие мини-новеллы и миниатюры, характеризуются смешением стилей и времен: зарисовки и описания событий в *Passé composé* чередуются с нарративными мини-текстами в *Passé simple* и с размышлениями и афоризмами в *Présent*.

Так, например, в следующем мини-тексте:

La délicate opération de l'eucharistie ne fut pas

si simple à mettre au point. De nombreuses tentatives échouèrent pour cause de négligence. Ainsi, oublia-t-on d'ôter la couronne d'épines du Christ avant sa transsubstantiation. Cette première hostie fut l'ortie. (Chevallard, p.186) Passé simple употреблено в основной функции нарративного времени. Данная временная форма обозначает разрыв между моментом изложения событий и моментом их совершения.

В другом фрагменте:

Il y a des jours où l'on ferait mieux de se casser un bras, répète la sole en se remémorant celui, maudit entre tous, où elle inventa la poêle à frire. (Chevallard, p. 185) функция Passé simple вторична – эта временная форма служит для выделения события (создание фритюрницы) и придания высказыванию торжественности, что способствует еще большему комическому эффекту.

А. Винерон, анализируя способность рассказчика быть то персонажем, то реальной личностью (на примере текстов М. Пруста, А. Камю и А. Эрно), считает, что автор имеет выбор между двумя видами повествования: он или представляет себя в автобиографии реальной личностью, и тогда «je» используется с Passé composé, или он видит себя в качестве персонажа, тогда он прибегает к Passé simple [22: 37].

В мини-тексте:

Il y a trois jours, sous prétexte de Mardi-Gras, les enfants qui jouent dans le square non loin de chez moi m'ont couvert de confettis. J'y suis retourné pour me venger le lendemain, mercredi des Cendres, avec un grand sac plein. (Chevallard, p. 107) повествование ведется в Passé composé Passé composé относится к временам, актуальным для момента речи, его связь с настоящим подчеркивается в следующем фрагменте:

J'écrivais au café, j'avais ma table dans un recoin sombre, le garçon m'apportait sans un mot un petit noir bien serré. Mais voilà, ma fille est née et j'ai dû tirer un trait sur cette vie sociale et professionnelle intense ; me voici écrivain au foyer. (Chevallard, p. 190).

Рождение ребенка повлекло за собой изменение привычного образа жизни автора блога, который стал «писателем на дому» по аналогии с общепринятым выражением «femme au foyer».

Пространство страницы в книге отличается от блога оформлением гиперссылок: эквивалентами гиперссылок в печатном тексте являются интертекстуальные включения, выделенные курсивом.

В следующем фрагменте:

Et maintenant, lis ça, ma puce, c'est la suite, *Mourir enrhumé Harry Potter, L'œuvre posthume d'Harry Potter, Les absences d'Harry Potter* » (Chevallard, p. 148) содержатся аллюзии на романы Эрика Швейяра (*Mourir m'enrhumé* (1987), *L'œuvre posthume de Thomas Pilaster* (1999) et *Les absences du capitaine Cook* (2001), но выделены они только курсивом, тогда как в блоге можно перейти по гиперссылке к настоящим названиям романов, что предполагает большую эрудированность читателя книги.

Книга Алена Вайнштейна также выстроена в форме сетевого блога, не требующего четкой сюжетной линии. Поскольку посты ограничены 140 знаками, стиль автора «романа в Твиттере» не линейен, фрагментарен и лаконичен. В твитах Алена Вайнштейна сны перемешаны с реальностью, воспоминания чередуются с впечатлениями от театров и фести-

валей, за уличными зарисовками следуют фрагменты с рассуждениями о поэзии и работе на радио, краткие сюжеты возможных романов и авторские афоризмы сменяются цитатами, фантастическими планами на будущее и отрывками услышанных диалогов [13: 67].

Стилистически такая фрагментарная проза отличается образностью. Лаконичность каждого фрагмента, сведенного порой до афоризма-максима, напоминает малую прозу Японии и Китая:

A peine amoureuse et déjà infidèle. (Veinstein, p. 191).

Муки творчества, связанные с трудностями перечитывания написанного накануне текста и утратой нити повествования, передаются номинативными конструкциями, подчеркивающими недостатки авторского текста:

Difficile relecture du petit matin. Chacun le sait. Lien perdu. Connexion impossible. Langue morte. (Veinstein, p. 338).

Идея незавершенности, свойственная фрагментарной прозе Алена Вайнштейна, выражена как типографически – пробелом, так и синтаксически – незаконченными фразами, и стилистически – фигурой умолчания.

Как правило, моменты умолчания сигнализируют о размышлениях и ассоциациях, возникающих при воспоминаниях о тех или иных событиях [15].

Следующие незаконченные фразы:

Dans le studio, quand le silence se remplit de souffle... (Veinstein, p. 218).

Poème... A l'époque de Twitter... (Veinstein, p. 62) дают читателю возможность домыслить недосказанное и догадаться, что произойдет в студии и какова судьба поэзии в эпоху Твиттера.

Незаконченные эмоциональные фразы выражают неосуществимые желания автора твитов:

9 h 42. Si seulement il pouvait encore être minuit... (Veinstein, p. 135).

Таким образом, умолчание, выраженное многоточием, возникает как следствие внутренних переживаний, усиливая выразительность высказывания и мобилизуя воображение читателя.

В основе книги Беатрис Рилю «100 caractères (espaces compris)» лежат СМС, состоящие из 100 знаков, включая пробелы. Она сама каждый день посылая себе эти сообщения, которые сначала были выставлены в блоге, а затем опубликованы.

Сверхкраткие тексты-сообщения представляют собой авторское видение событий, мысли и чувства автора. Данный литературный проект можно рассматривать как аналог записной книжки писателя. Именно субъективностью определяется общая экспрессивная тональность текста.

Например, в следующих записях эмоциональный диалог автора с самим собой передается вопросительными и номинативными высказываниями:

Je compte les jours, je ne pourrai attendre si longtemps. Aurai-je le courage d'aller vers lui ?

Vendredi 30/07/10 à 21h52

Espace. Temps. Action. À 15 minutes à pieds. À 23 heures. Je suis ridicule j'ai trop honte pour agir.

Vendredi 30/07/10 à 23h22

Нерешительность, страх и стыд не позволяют автору сделать первый шаг.

Эмоционально насыщены и повторы-эпифоры:
De vous donner l'espace et l'air dont vous aurez
besoin je le jure. Dans l'attente de votre réponse.

Lundi 02/08/10 à 21h59

Le temps s'arrêtera aussitôt puis reviendra sans
cesse sur ses pas. Dans l'attente de votre réponse.

Mardi 03/08/10 à 15h36

Сообщения, обращенные к самому автору и названные Ю. Лотманом автокоммуникацией, «делаются не с целью запоминания определенных сведений, а имеют целью, например, уяснение внутреннего состояния пишущего» [7: 164] или переосмысления окружающей действительности.

Опубликованные в сетевом блоге, личные записи становятся доступными для всех желающих. При этом стираются границы между вымышленным и реальным, художественным и документальным.

Таким образом, и сетевые блоги, и романы Э. Шевийяра, А. Вайнштейна и Б. Рило характеризуются фрагментарностью, нелинейностью, авторефлексией, интертекстуальностью, смещением документального и художественного. В опубликованных романах сохранены характеристики, присущие идиостилу авторов, а визуальный облик блога, перенесенный в книги, меняет характер восприятия печатного текста.

Библиографический список

1. Абашева М.П. Русская проза в эпоху Интернета: трансформации в поэтике и авторская идентичность: монография / М.П. Абашева, Ф.А. Катаев; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. Пермь, 2013. 168 с.
2. Алташина В.Д. Autofiction в современной французской литературе: легио из эго // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2014. № 3. С. 12-22.
3. Зализняк А. Дневник: к определению жанра // НЛЮ. 2010. № 106. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/za14.html> (дата обращения: 20.03.2019).
4. Карымова М.Г. Гипертекст и сетевая литература в контексте культуры постмодернизма // Постмодернизм: pro et contra: Материалы Международной конференции «Постмодернизм и судьбы художественной словесности на рубеже тысячелетий» / Под. ред. Н.П. Дворцовой. Тюмень: Вектор-Бук, 2002. С. 63-68.
5. Кочеткова М.О. Жанровая динамика дискурса блогосферы: социолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. 10.02.01. Томск, 2016. 252 с.
6. Левина-Паркер М. Введение в самосочинение: autofiction // НЛЮ. 2010. № 103. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/le2.html> (дата обращения: 20.03.2019).
7. Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 163-177.
8. Маркова Т.Н. Компьютерные технологии и компьютерные приемы в новейшей прозе // Филологический класс. 2009. № 21. С. 17-19.
9. Новикова Е.Г. Языковые особенности организации текстов классического и сетевого дневников: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005. 21 с.
10. Оробий С. Все что угодно, только не роман: Джойс, Джобс и поэтика флуда. URL: <http://litteratura.org/criticism/353-sergey-orobiy-vse-chto-ugodno-tolko-negoman.html> (дата обращения: 20.03.2019).
11. Петренко Т.Ф. Синтез искусств в современном французском художественном тексте: монография / Т.Ф. Петренко, М.Б. Слепакова. Пятигорск: ПГЛУ, 2012. 154 с.
12. Петренко Т.Ф. Литературные эксперименты в сети // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2016. № 2. С. 61-64.
13. Петренко Т.Ф. Французская литература в эпоху цифровых технологий // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. № 2. С. 67-70.
14. Петренко Т.Ф., Слепакова М.Б. «L'Autofictif» Эрика Шевийяра: от блога к роману // Риторика ↔ Лингвистика: сборник статей / отв. ред. М.П. Тихонова, ред. А.З. Тавасиева, Е.Ю. Кожина. Вып. 13. Смоленск: Издательство СмолГУ, 2018. С. 102-112.
15. Реунова О.И. Эллипсис как лингвистическое явление. Пятигорск: ПГЛУ, 2000. 229 с.
16. Текст и дискурс: кодирование и декодирование. Коллективная монография; под редакцией доктора филологических наук, профессора А.А. Корниенко. Пятигорск: ПГУ, 2017. 269 с.
17. Álvares C. Nouveaux genres littéraires urbains en français. Micronouvelles et nouvelles en trios lignes // Diacritica. 2013. Vol. 27. № 3. P. 159-182. URL: <http://www.scielo.mec.pt/pdf/dia/v27n3/v27n3a11.pdf> (дата обращения: 20.03.2019).
18. Bataillon S. Twittérature: court et bon à la fois. URL: <http://owni.fr/2011/01/17/twittérature-court-et-bon-a-la-fois/> (дата обращения: 20.03.2019).
19. Bouchardon S. Le récit littéraire interactif : une valeur heuristique // Communication & Langages, Paris, 2008. Volume 155. № 1. P. 81-97. URL: <http://www.utc.fr/~bouchard/articles/bouchardon-C&L-jan2008.pdf> (дата обращения: 20.03.2019).
20. Colonna V. L'autofiction, essai sur la fictionalisation de soi en littérature: Doctorat de l'E.H.E.S.S. – P.: Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), 1989. 368 p. URL: <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00006609/document> (дата обращения: 20.03.2019).
21. Faria D. Lire un blog: L'autofictif d'Eric Chevillard // Carnets, Cultures littéraires: nouvelles performances et développement. № spécial, automne / hiver 2009. P. 173-181. URL: <http://revistas.ua.pt/index.php/Carnets/article/view/436> (дата обращения: 20.03.2019).
22. Petrenko A.P., Petrenko S.A. Slapstick comedy functions in M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita" // Middle East Journal of Scientific Research. 2013. № 7. T. 18. P. 887-891.
23. Thérenty M.-E. L'effet-blog en littérature. Sur L'Autofictif d'Éric Chevillard et *Tumulte* de François Bon. URL: <https://itineraires.revues.org/1964> (дата обращения: 20.03.2019).
24. Vigneron A. Passé simple, passé composé, imparfait : pour y voir plus clair // Le Français dans le monde. № 307, nov.-déc. 1999. P. 36-37.
25. Viart D., Versier B. La Littérature française au présent. Héritage, modernité, mutations. Paris: Bordas, 2008. 543 p.

Список цитируемых источников

1. Chevillard E. L'Autofictif. Journal 2007-2008. Talence: Arbre Vengeur, 2009.
2. Rilos B. 100 caractères (espaces compris). Publie.net, 2009.
3. Veinstein A. *Cent Quarante signes*. P.: Grasset, 2013.

Works Cited

1. Abasheva M.P. Russkaya proza v epokhu Interneta: transformatsii v poetike i avtorskaya identichnost': monografiya / M.P. Abasheva, F.A. Katayev; Perm. gos. humanit.-ped. un-t. Perm', 2013. 168 s.
2. Altashina V.D. Autofiction v sovremennoy frantsuzskoy literature: lego iz ego // Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo

- universiteta. Filologicheskiye nauki. 2014. № 3. S. 12-22.
3. Zaliznyak A. Dnevnik: k opredeleniyu zhanra // NLO. 2010. № 106. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/za14.html> (data obrashcheniya: 20.03.2019).
  4. Karymova M.G. Gipertekst i seteratura v kontekste kul'tury postmodernizma // Postmodernizm: pro et contra: Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii «Postmodernizm i sud'by khudozhestvennoy slovesnosti na rubezhe tysyacheletiy» / Pod. red. N.P. Dvortsovoy. Tyumen': Vektor-Buk, 2002. S. 63-68.
  5. Kochetkova M.O. Zhanrovaya dinamika diskursa blogosfery: sotsiolingvisticheskiy aspekt: dis. ... kand. filol. nauk. 10.02.01. Tomsk, 2016. 252 s.
  6. Levina-Parker M. Vvedeniye v samosochineniye: autofiction // NLO. 2010. № 103. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/le2.html> (data obrashcheniya: 20.03.2019).
  7. Lotman Yu.M. Avtokommunikatsiya: «Ya» i «Drugoy» kak adresaty (O dvukh modelyakh kommunikatsii v sisteme kul'tury) // Semiosfera. SPb.: Iskusstvo-SPb, 2001. S. 163-177.
  8. Markova T.N. Komp'yuternyye tekhnologii i komp'yuternyye priyemy v noveyshey proze // Filologicheskiy klass. 2009. № 21. S. 17-19.
  9. Novikova E.G. Yazykovyye osobennosti organizatsii tekstov klassicheskogo i setevogo dnevnikov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Stavropol', 2005. 21 s.
  10. Orob'iy S. Vse chto ugodno, tol'ko ne roman: Dzhoyts, Dzhobbs i poetika fluda. URL: <http://litteratura.org/criticism/353-sergey-orobiy-vse-chto-ugodno-tolko-ne-roman.html> (data obrashcheniya: 20.03.2019).
  11. Petrenko T.F. Sintez iskusstv v sovremennom frantsuzskom khudozhestvennom tekste: monografiya / T.F. Petrenko, M.B. Slepakova. Pyatigorsk: PGLU, 2012. 154 s.
  12. Petrenko T.F. Literaturnyye eksperimenty v seti // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2016. № 2. S. 61-64.
  13. Petrenko T.F. Frantsuzskaya literatura v epokhu tsifrovyykh tekhnologiy // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 2. S. 67-70.
  14. Petrenko T.F., Slepakova M.B. «L'Autofictif» Erika Sheviyyara: ot bloga k romanu // Ritorika ↔ Lingvistika: sbornik statey / otv. red. M.P. Tikhonova, red. A.Z. Tavasiyeva, E.Yu. Kozhina. Vyp. 13. Smolensk: Izdatel'stvo SmolGU, 2018. S. 102-112.
  15. Reunova O.I. Ellipsis kak lingvisticheskoye yavleniye. Pyatigorsk: PGLU, 2000. 229 s.
  16. Tekst i diskurs: kodirovaniye i dekodirovaniye. Kollektivnaya monografiya; pod redaktsiyey doktora filologicheskikh nauk, professora A.A. Korniyenko. Pyatigorsk: PGU, 2017. 269 s.

Структурные, функциональные и когнитивно-семантические аспекты изучения дагестанских языков

УДК 811.351.22

© И.А. Курбанов
ФГБОУ ВО «Сургутский государственный университет»
Сургут, Россия

Падежная система анклухского и амухского диалектов даргинского языка

1. Вводные замечания

Даргинский язык, входящий в состав нахско-дагестанских языков, имеет сильную диалектную раздробленность. Расхождения между некоторыми диалектами настолько значительны, что в ряде последних исследований даргинские диалекты рассматриваются в качестве самостоятельных языков, т.е. все чаще используется термин «даргинские языки», а не «даргинский язык». Внутри самой даргинской группы разные ученые выделяют от 15 до 20 языков [8: 113]. Точное число даргинских языков и диалектов до сих пор не установлено, поскольку некоторые языки и диалекты даргинской группы до сих пор научно не описаны.

Цель статьи – исследовать падежную систему анклухского и амухского диалектов, которая до настоящего времени не подвергалась какому-либо лингвистическому описанию.

Анклухский и амухский говоры (вместе с шаринским и чирагским говорами) традиционно относят к **чирагскому диалекту** даргинского языка. Существуют и другие классификации, где выделяют два отдельных диалекта: амухский и чирагский. В данной классификации к амухскому диалекту относят язык, на котором говорят жители с. Амух, а анклухский, чирагский и шаринские говоры относят к чирагскому диалекту. Следует также отметить, что чирагский диалект подвергался частичному лингвистическому описанию и в сети Интернет исследование данного диалекта часто связывают с именем известного отечественного лингвиста А.Е. Кибрика [2]. Падежная система шаринского диалекта даргинского языка описана в работе Р.О. Муталова [7].

В научных исследованиях, посвященных диалектам даргинского языка, практически отсутствуют какие-либо сведения о речи сел Анклух и Амух, нет специальных работ, посвященных данным диалектам, кроме трех статей И.А. Курбанова [3-5].

Проблема сохранения анклухского и амухского идиомов даргинского языка весьма актуальна, поскольку наблюдается тенденция к постепенному их исчезновению: современная молодежь предпочитает

общаться на русском языке и практически не говорит на родном.

Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла резолюцию, провозгласившую 2019 год Международным годом языков коренных народов. В связи с этим описание падежной системы анклухского и амухского диалектов даргинского языка является попыткой сохранения языкового наследия жителей, говорящих на этих идиомах.

2. Инвентарь падежей и их основные функции в анклухском и амухском диалектах

При описании падежей анклухского и амухского диалектов используется методика описания падежей шаринского диалекта даргинского языка, представленная в работе Р.О. Муталова [7].

Падежная система анклухского и амухского диалектов, как и других диалектов даргинского языка, включает в себя **грамматические и местные (локативные) падежи**.

2.1. Грамматические падежи

Грамматические падежи анклухского и амухского диалектов оформляются следующими морфологическими показателями:

Таблица 1.

№	Название падежа	SG	PL
	Абсолютив	∅	-ne, -be, -me, -re, -te, -de, -pe, -e
	Эргатив	-li/-l	-ti
	Генитив	-la/-lla, -a	-lla
	Датив	-j/-li	-j
	Комитатив	-c:il / -ic:il	-c:il
	Адвербиалис (фактив)	-li	-ti

Рассмотрим образцы склонения имен существительных *at:a* «отец», *bek'* «голова», *dig* «мясо» и *bac* «месяц» анклухского диалекта даргинского языка (грамматические падежи) в следующей таблице:

Таблица 2.

Название падежа	SG	PL	SG	PL	SG	PL	SG	PL
Абсолютив	<i>at:a</i>	<i>at-ne</i>	<i>bek'</i>	<i>bik'-e</i>	<i>dig</i>	<i>dig-be</i>	<i>bac</i>	<i>bac-re</i>
Эргатив	<i>at:a-l</i>	<i>at-ne-ti</i>	<i>bek'-li</i>	<i>bik'-e-ti</i>	<i>dig-li</i>	<i>dig-be-ti</i>	<i>bac-li</i>	<i>bac-re-ti</i>
Генитив	<i>at:a-la</i>	<i>at-ne-lla</i>	<i>bek'-la</i>	<i>bik'-e-lla</i>	<i>dig-la</i>	<i>dig-be-lla</i>	<i>bac-la</i>	<i>bac-re-lla</i>
Датив	<i>at:a-j</i>	<i>at-ne-j</i>	<i>bek'-li</i>	<i>bik'-e-j</i>	<i>dig-li</i>	<i>dig-be-j</i>	<i>bac-li</i>	<i>bac-re-j</i>

Комитатив	at:a-c:il	at-ne-c:il	bek'-ic:il	bik'-e-c:il	dig-ic:il	dig-be-c:il	bac-ic:il	bac-re c:il
Адвербиалис (фактив)	at:a-li	at-ne-ti	bek'-li	bik'-e-ti	dig-li	dig-be-ti	bac-li	bac-re-ti

Таблица 3.

Название падежа	SG	PL	SG	PL	SG	PL	SG	PL
Абсолютив	tet:e	tit-be	bek'	bič'-e	dig	dig-be	bac	bac-re
Эргатив	tit:i-l	tit-be-ti	bek'-li	bič'-e-ti	dig-li	dig-be-ti	bac-li	bac-re-ti
Генитив	tit:a-la	tit-be-lla	bek'-la	bič'-e-lla	dig-la	dig-be-lla	bac-la	bac-re-lla
Датив	tit:i-j	tit-be-j	bek'-li	bič'-e-j	dig-li	dig-be-j	bac-li	bac-re-j
Комитатив	tit:i-c:il	tit-be-c:il	bek'-ic:il	bič'-e-c:il	dig-ic:il	dig-be-c:il	bac-ic:il	bac-re c:il
Адвербиалис (фактив)	tit:i-li	tit-be-ti	bek'-li	bič'-e-ti	dig-li	dig-be-ti	bac-li	bac-re-ti

Абсолютив в анклухском и амухском диалектах в единственном числе не имеет формальных

показателей. Во множественном числе выделяются следующие морфемы: *-ne, -be, -me, -re, -te, -de, -pe, -e*.

Таблица 4.

Показатель множественного числа	Анклухский диалект	Амухский диалект
<i>-ne</i>	<i>aba</i> «мама» — <i>ab-ne</i> «мамы»	<i>baba</i> «мама» — <i>bab-ne</i> «мамы»
<i>-be</i>	<i>t'ul</i> «палец» — <i>t'il-be</i> «пальцы»	<i>t'ul</i> «палец» — <i>t'il-be</i> «пальцы»
<i>-me</i>	<i>q'ar</i> «трава» — <i>q'ar-me</i> «травы»	<i>q'ar</i> «трава» — <i>q'ar-me</i> «травы»
<i>-re</i>	<i>t'at'ar</i> «муха» — <i>t'at're</i> «мухи»	<i>t'at'ar</i> «муха» — <i>t'at're</i> «мухи»
<i>-te</i>	<i>admi</i> «мужчина» — <i>adim-te</i> «мужчины»	<i>admi</i> «мужчина» — <i>adim-te</i> «мужчины»
<i>-de</i>	<i>χ: w a⁵</i> «собака» — <i>χ:u-de</i> «собаки»	<i>χ: w a⁵</i> «собака» — <i>χ:u-de</i> «собаки»
<i>-pe</i>	<i>la⁵p</i> «ухо» — <i>lip-pe</i> «уши»	<i>la⁵p</i> «ухо» — <i>lip-pe</i> «уши»
<i>-e</i>	<i>bek'</i> «голова» — <i>bik'-e</i> «головы»	<i>bek'</i> «голова» — <i>bič'-e</i> «головы»

Использование вариантов маркера эргатива *-li/-l* связано с формой исходного звука основы существительного: вариант *-l* выступает после гласного: *at:a* «отец» — *at:a-l* (анклухское) или *tet:e* «отец» — *tet:e-l* (амухское), если же основа имени существительного оканчивается на согласный, то используется показатель *-li*: *gal* «мальчик» — *gal-li* (анклухское).

Маркер генитива в единственном числе представлен вариантами (алломорфемами) *-la/-lla*, а также маркером *-a*. По наблюдениям Р.О. Муталова при исследовании шаринского диалекта [7] и С.М. Темирбулатовой при исследовании кайтагского диалекта, выяснение причин выбора одного из двух суффиксов (*-la* или *-lla*) для присоединения к той или иной основе является очень нелегкой задачей [10: 10]. При описании природы генитива анклухского и амухского диалектов мы столкнулись с теми же проблемами. Невозможно объяснить, почему в формах *at:a-la* (генетив от *at:a* «отец»), *aba-la* (генетив от *aba* «мать») используется суффикс *-la*, а в форме *rus:i-lla* (генетив от *rus:i* «сестра») используется суффикс *-lla*.

Выводы Р.О. Муталова при исследовании шаринского диалекта и С.М. Темирбулатовой при исследовании кайтагского диалекта об отсутствии в этих диалектах инструментального (медиатива) и предметного (тематива) падежей, которые функционируют в литературном даргинском языке [7: 753], действительны и применительно к анклухскому и амухскому диалектам.

Далее перейдем к анализу функций грамматических падежей исследуемых идиом.

Основная функция абсолютива – обозначение

субъекта непереходного глагола (пример 1), а также пациенса переходного глагола (пример 2).

(1) *Du uk-il-da.*

Я кушать:IPF-ADV-1

«Я кушаю.»

(2) *du-lli rirsi ši-c:i ra-tar-šib-da**.

я-ERG девочка село-IN F-отправить:PF-PRET-1

«Я девочку (девушку) в село отправил.»

* В амухском диалекте «отправил» звучит как *ri-tar-šib-da*.

Как и в других диалектах, абсолютив в речи анклухцев и амухцев функционирует также в качестве именной части сказуемого:

(3) *Rasul ha⁵wan-te-lla tuxtur ca-w.*

Расул животное-PL-GEN доктор COP-M

«Расул — ветеринар.» (букв. «Расул — доктор животных»)

Эргатив в обоих диалектах маркирует Агенса переходного глагола:

(4) *Admi-l χink'-e* d-erk-un.*

мужчина-ERG хинкалина-PL NPL-кушать:PF-PRET

«Мужчина поел хинкал.»

* В амухском диалекте «хинкал» произносится как *χinč'-e*.

В так называемой антипассивной конструкции функцией эргатива является обозначение Пациенса:

(5) *Admi χink'-e-ti uk-un.*

мужчина хинкалина-PL-ERG M-кушать:IPF-PRET

«Мужчина поел хинкал.»

Генитив в анклухском и амухском диалектах

может также маркировать различные прилагательные в функции определения: *χadi-lla dem* (анклухское), *χadi-lla den* (амухское) 'рот женщины'.

Генитив выражает также Посессора в предикативных посессивных конструкциях:

- (6) *ruc:i-lla t'ulugala b-u.*
сестра-GEN кольцо N-иметь:PF.PRES
«У **сестры** имеется кольцо.»

Генитив может выступать в семантической роли Средства:

- (7) *aba-l* q'ani partal-te-lla b-ic'-ib*
мама- сундук одежда- N-наполнить:
ERG PL-GEN PF-PRET

«Мама наполнила сундук одеждой»

* В амухском диалекте форма эргатива звучит как *baba-l*.

Функция партитива для маркирования объекта при переходных глаголах, описанная Р.О. Муталовым при исследовании генитива шаринского диалекта [7: 760] в примере (11), который мы приводим ниже под номером (8), не свойственна анклухскому и амухскому диалектам:

- (8) *du-l šin-na b-erč'-iv-da*
я-ERG вода-GEN N-выпить:PF-PRET-1

«Я попил **воды**.»

В анклухском и амухском диалектах подобные конструкции возможны только с использованием числительного и соответствующего существительного, обозначающего емкость (стакан, тарелку и т.д.), причем последнее может опускаться:

- (9) *du-lli Ca šin-na* b-erč'-ib-da*
я-ERG Один вода-GEN N-выпить: PF-PRET-1
«Я выпил один (стакан) **воды**.»

* В анклухском диалекте «вода» произносится как *hin* (генитив – *hin-na*)

Форма генитива может также маркировать имя существительное в послеложных конструкциях с компонентами *sala, hila* и др.:

- (10) *χadi-lla sala admi ki-c:ur*
женщина-ERG спереди мужчина стоять:
PF-PRET-3

«Мужчина встал перед **женщиной**.»

В компаративных (сравнительных) конструкциях генитив обозначает количественную разницу между сравниваемыми объектами:

- (11) *uc:iq'ar irek:al* dus-la χ:ul-el* ca-w ruc:i-j-ka*
двоюрод- шесть год- старший- COP- сестра-
ный брат GEN ATR M ELAT

«Двоюродный брат старше сестры **на** шесть лет.»

* В амухском диалекте «шесть» произносится как *irak:al*, «старше» – как *χ:al-el*.

Dativ служит для маркировки Экспериенцера. Данное значение передается флексиями *-j* или *-li*. В большинстве случаев маркеру *-j* предшествует форма абсолютива, заканчивающаяся на гласную (*rirsi* – девочка, девушка, дочь), а маркеру *-li* – форма абсолютива, заканчивающаяся на согласный звук (*gal* – мальчик, парень, сын).

- (12) *gal-li* (rirsi- j) šahar čak:a-ki-bi-c:ur*
мальчик-DAT город красивый-стоять-
(девочка-DAT) N-LV-PRET

«**Сыну (дочери)** город понравился.»

* В амухском диалекте «сын» произносится как *dirha^s* (форма датива - *dirha^s-j*).

Данный падеж также используется и для обозначения Бенефицианта:

- (13) *at:a-l aba-j darman as-ib*
отец-ERG мать-DAT лекарство купить:PF-PRET
В амухском диалекте:

- tit:i-l baba-j darman as-ib*
отец-ERG мать-DAT лекарство купить:PF-PRET
«Отец купил **матери** лекарство.»

Форма датива служит также для выражения Реципиента:

- (14) *it-il c'ikur-li t'ulugala b-ič'-ib*
он-ERG невеста-DAT кольцо N-дать:PF-PRET
«Он **невесте** подарил кольцо»

Comitativ в анклухском и амухском диалектах образуется посредством окончаний *-c:il* или *-ic:il*. В большинстве случаев маркеру *-c:il* предшествует форма абсолютива, заканчивающаяся на гласную (*rirsi* – девочка, девушка, дочь), а маркеру *-ic:il* – форма абсолютива, заканчивающаяся на согласный звук (*gal* – мальчик, парень, сын). Соответственно, формой комитатива для существительного *rirsi* «девочка, девушка, дочь» будет *rirsi-c:il*, а для существительного *gal* «мальчик, парень, сын» – *gal-ic:il*.

Обозначение второстепенного участника, действующего совместно с основным участником ситуации, является главной функцией комитатива:

- (15) *du ža'na-c:il urχme-c:i ag-ur-da*
я друг- COMIT море-IN идти:PF-PRET-1
«Я с **другом** пошел в море.»

Семантическая роль Инструмента также передается формами комитатива:

- (16) *du-l bīret:a-c:il* č:ik'me d-alš-un-da**
я-ERG топор-COMIT дрова NPL-рубить:PF-PRET-1

«Я нарубил дрова **топором**.»

* В амухском диалекте «топором» произносится как *bīrat:a-c:il*, а глагол «нарубил» как *k'at'dar-q'ib-da* (данная форма используется и в анклухском диалекте).

По мнению известных отечественных дагестановедов Н.Р. Сумбатовой и Ю.А. Ландера, ведущей функцией *адвербиалиса* является маркирование формы существительных, употребляющейся «в роли именного предиката при некоторых связочных глаголах, а также в функции вторичного предиката» [9: 64]. По наблюдениям Р.О. Муталова, *адвербиалис* отличается от эргатива по значению и образованию: в шаринском диалекте форма эргативного падежа образуется посредством окончания *-li*, а *адвербиалис* – посредством показателя *-le* [7: 761]. Рассмотрим пример Р.О. Муталова:

- (17) *di-la uc:i direktur-le ulš-ant:e ca-j*
я-GEN Брат директор- (М) работа- COP-M
ADVERB тать: IPF-ADV

«Мой брат работает **директором**» (*адвербиалис*).

В анклухском и амухском диалектах, как и в дагестанском литературном языке, *адвербиалис* об-

разуется с помощью суффикса *-li*, который внешне совпадает с формальным показателем эргативного падежа.

2.2. Особенности локативных форм в анклухском и амухском диалектах

В дагестанских языках локативные формы существительных выражают значения категорий *локализации* и *ориентации*. Однако в некоторых языках и их диалектах (например, в шаринском диалекте дар-

гинского языка) локативные формы могут включать третье значение – *направление*. Существительные анклухского и амухского диалектов не имеют формальных показателей для выражения значений категории направления, поэтому этим идиомам присущи только категории *локализации* и *ориентации*.

Показатели локативных форм анклухского и амухского диалектов приведены в Таблицах 5-6.

Показатели локативных форм анклухского диалекта.

Таблица 5.

Локализация →	SUPER	SUB	APUD	IN
Ориентация ↓				
LAT	-j, -li	-gu	-ši	-c:i, -li, -a, -ni
ESS	—	-gu-w	-ši-w	-c:iw, -a-w, -i-w, -ni-w, -li-w
ELAT	-li-ka	-gu-ka	-ši-ka	-c:i-ka, -a-ka, -li-ka, -ni-ka

Показатели локативных форм амухского диалекта.

Таблица 6.

Локализация →	SUPER	SUB	APUD	IN
Ориентация ↓				
LAT	-j, -li	-gu	-ši	-c:i, -li, -a, -ni
ESS	—	-gu-w	-ši-w	-c:iw, -a-w, -i-w, -ni-w, -li-w
ELAT	-li-r-ka	-gu-r-ka	-ši-r-ka	-c:i-r-ka, -a-r-ka, -li-r-ka, -ni-r-ka

Пространственное положение объекта (предмета, лица) относительно ориентира ('на', 'под', 'внутри', 'около, рядом' и т.д.) передается посредством *категории локализации*. В анклухском и амухском диалектах, как и в шаринском диалекте, данная категория выражает четыре значения.

Значение 'верхняя поверхность ориентира' реализуется в *локализация SUPER*, показателями которой являются маркеры *-j/-i*. Выбор алломорфем *-j* и *-i* зависит от исходного звука основы имени существительного: после гласных употребляется алломорфема *-j* (18a), после согласных – *-i* (18б).

(18a) *unc:a-j** q:a^hna^h či-ki-b-ig-ib.
дверь-SUP ворона ON-DOWN-N-сесть:PF-PRET
«Ворона села **на** дверь.»

* В амухском диалекте - *unc:a-j*.

(18б) *bek'-I-i* q:arq:a či-ki-b-ič-ib.
голова-OBL-SUP камень ON-DOWN-N-упасть:PF-PRET
«**На** голову упал камень.»

Значение 'область под объектом' реализуется в *локализация SUB*, показателем которой является маркер *-gu*:

(19) *kata korsi-li-gu** gu-ag-ur.
кошка стул-OBL-SUB UB-уходить:PF-PRET
«Кошка ушла **под** стул.»

* В амухском диалекте - *kursi-li-gu*

Локализация APUD (аффикс *-ši*): 'область рядом с объектом':

(20) *du qal-li-ši* či-se-в-iv-da.
я дом-OBL-APUD ON-HITHER-(M)дойти:PF-PRET-1

«Я подошел к дому.»

Значение 'область внутри объекта' в анклухском и амухском диалектах выражается *локализацией IN* посредством показателей *-c:i/-ic:i* (IN-регулярный) и *-a, -i, -ni, -li* (IN-нерегулярный). По мнению Р.О. Муталова и А.А. Магометова, IN-нерегулярные лативы отличаются от IN-регулярных тем, что они указывают на локализацию «внутри пустотелого предмета, способного быть вместительным чего-либо» [7], [6].

Сравним примеры Р.О. Муталова из шаринского диалекта [7: 764] с подобными примерами из анклухского и амухского диалектов. Примеры Р.О. Муталова обозначены буквой «а», примеры из анклухского диалекта – буквой «б», из амухского диалекта - буквой «в».

(21a) *husen-ni unc:a-c:e* ва^hmul b-a^hq-iv.
Гусен-ERG дверь-IN гвоздь N-ударить:PF-PRET

«Гусен вбил гвоздь **в** дверь.»

(21б) *husen-ni unc:a-c:i* ва^hmul би-b-a^hq-ib.

Гусен- дверь-IN гвоздь IN-N-ударить:PF-
ERG PRET

«Гусен вбил гвоздь **в дверь**.»

(21в) *husen-ni unç:a-c:i va^hmul bi-b-a^hq-ib.*

Гусен- дверь-IN гвоздь IN-N-ударить:PF-
ERG PRET

«Гусен вбил гвоздь **в дверь**.»

(22а) *du-l na^hquškala kisa-n ka-b-iš:-iv-da.*

я-ERG платок карман-IN ON-N-
положить:PF-
PRET-1

«Я положил носовой платок **в карман**.»

(22б) *du-l kat'i kis-li bi-č:a-ki-b-iš:-ib-da.*

я-ERG платок карман-IN IN(N)-THITHER-ON-
N-положить:
PF-PRET-1

«Я положил носовой платок **в карман**.»

(22в) *du-l ja^hluk' kisa-li bi-č:a-ki-b-iš:-ib-da.*

я-ERG платок карман-IN IN(N)-THITHER-
ON-N-положить:PF-
PRET-1

«Я положил носовой платок **в карман**.»

Как видно из примеров выше, в анклухском и амукском диалектах значение 'область внутри объекта', то есть *локализация IN*, представлена не только в падежных окончаниях существительных, но и в личных формах глагола особыми маркерами *-bi* (для неличного класса), *-wi* (для класса мужчин), *-ri* (для класса женщин) в единственном числе, во множественном числе для класса мужчин и женщин используется маркер *-bi*, для неличного класса – *-di*. Приведем примеры из анклухского диалекта:

(23) *admi bav-ic:i wi-č:a-ag-ur.*

мужчина огород- IN IN(M)-INTER-уходить:PF-
PRET

«Мужчина вошел **в огород**.»

(24) *χ:adi bav-ic:i ri-č:a-ag-ur.*

женщина огород- IN IN(F)-THITHER-уходить:
PF-PRET

«Женщина вошла **в огород**.»

(25) *ta^hvi bav-ic:i bi-č:a-ag-ur.*

петух огород- IN IN(N)-THITHER-уходить:
PF-PRET

«Петух вошел **в огород**.»

(26) *adim-te (χun-re) bav-ic:i bi-č:a-ag-ur.*

мужчина-PL огород- IN IN(HPL)-
THITHER-
уходить: PF-PRET

«Мужчины (женщины) вошли **в огород**.»

(27) *ta^h-ne bav-ic:i di-č:a-ag-ur.*

петух-PL огород- IN IN(NPL)-THITHER-
уходить:PF-PRET

«Петухи вошли **в огород**.»

Характер движения объекта относительно ориентира ('движение к', 'движение от', 'отсутствие движения' и т. д.) отражает суть *категории ориентации*. В говоре жителей селения Шари, по данным Р.О. Муталова, категория ориентации может выражать четыре значения: *латив*, *аллатив*, *эссив*, *элатив* [7: 762]. В анклухском и амукском диалектах же таких значений только три, так как отсутствуют формы *аллатива* со значением «*приближение к области*

локации». Данное локативное значение передается формами *латива* с локализацией IN и APUD (*ši-ci-ši* село-IN-APUD «к селу») или с помощью локализации IN, формы генитива и послелога *-šali* (*ši-ci-lla-šali* село-IN-GEN-сторона «в сторону села»).

Значение *латива* – «*движение в место, заданное локализацией*». Данный вид категории ориентации образуется путем прибавления к основе имени соответствующего суффикса локализации. Рассмотрим виды локализаций на примере существительных:

- SUPER: расположенное на поверхности ориентира - *ust'ul-li* стол-SUPER «на столе».

- SUB: расположенное под ориентиром - *ust'ul-li-gu* стол-OBL-SUB «под столом».

- APUD: расположенное около ориентира - *ust'ul-li-ši* стол-OBL-APUD «к столу».

- IN: расположенное внутри объекта - *ant'a-c:i* лоб-IN «в лоб», *kis-li* (от *kisa* «карман») карман-IN «в карман».

Смотрите также примеры (18) – (27) выше.

Эссив – «*нахождение в месте, заданном локализацией*». Для грамматического оформления эссива в анклухском и амукском диалектах используются особые маркеры падежей, включающие в свой состав и классно-числовые показатели: *ši-c:i-w* село-IN-M(ESS) «в селении» (класс мужчин в ед. ч.), *ši-c:i-r* село-IN-F(ESS) «в селении» (класс женщин в ед. ч.), *ši-c:i-b* село-IN-N(ESS) или село-IN-HPL(ESS) «в селении» (неличный класс в ед. ч. и класс мужчин и женщин во мн.ч.) и *ši-c:i-d* село-IN-NPL(ESS) «в селении» (неличный класс во мн. ч.).

(28) *χ:aw^h ust'ul:-i-gu-b c:ab*

собака стол-OBL-SUB-N(ESS) COP(N)
«Собака находится **под столом**.»

(29) *Patimat ac:i-ši-r c:ar*

Патимат дядя-APUD-F(ESS) COP(F)
«Патимат находится у **дяди**.»

(30) *nik'ac:i t'ak-li-w c:aw*

маленький люлка-IN-M(ESS) COP(M)
«Ребенок находится **в люльке**.»

Элатив – «*движение (удаление) из места, заданного локализацией*». Образуется посредством присоединения маркера *-ka* в анклухском диалекте и маркера *-r-ka* в амукском диалекте к формам латива:

(31) *uc:i-l ust'ul-li-ka* q'uč ha-balč-un*

брат-ERG стол-SUPER- хлеб UP-(N)взять:PF-
ELAT PRET

*В амукском диалекте используется форма *ust'ul-li-r-ka*.

«Брат взял хлеб **со стола**.»

(32) *kata korsi-li-gu-ka* gur-sa-bač-ib*

кошка стул-OBL- SUB-HITHER-(N)
SUB-ELAT ходить:PF-PRET

*В амукском диалекте используется форма *kursi-li-gu-r-ka*.

«Кошка вышла **из-под стула**.»

Значения, выражающиеся посредством дейктических ('сюда', 'туда') и гравитационных ('вверх', 'вниз') показателей относят к *категории направления*. В шаринском диалекте, по данным Р.О. Муталова, данная категория обладает своими особыми пока-

зателями, которые функционируют лишь в сочетании с формами элатива и различаются по четырем сериям в зависимости от направленности движения 'вверх', 'вниз', 'туда', 'сюда' [7: 768]. Рассмотрим примеры Р.О. Муталова:

- χin* 'вниз': *duc:a-ni-r-χin* 'из леса вниз'
- k'in* 'вверх': *duc:a-ni-r-k'in* 'из леса вверх'
- žin* 'сюда': *duc:a-ni-r-žin* 'из леса сюда'
- tin* 'туда': *duc:a-ni-r-tin* 'из леса туда'

Маркеры подобных форм отсутствуют у существительных в анклухском и амухском диалектах, а

категория направления передается формами элатива и отдельными словами *χari* «вниз», *q'ari* «вверх», *ištu* «сюда» и *it:u* «туда». Например:

- (33) *duc:a-ni-ka** *χari*
лес-IN-ELAT вниз

*В амухском диалекте используется форма *duc:a-ni-rka**

«Из леса вниз».

Присоединением суффикса *-ub* от указательных местоимений образуются наречия места. Рассмотрим следующую таблицу:

Таблица 7.

Указательное местоимение (анклухское)	Указательное местоимение (амухское)	Наречие места (анклухское)	Наречие места (амухское)
<i>ij</i> «этот, рядом с говорящим»	<i>ig</i> «этот, рядом с говорящим»	<i>ištub</i> «здесь, рядом с говорящим»	<i>ištub</i> «здесь, рядом с говорящим»
<i>it</i> «тот, впереди и далеко от говорящего»	<i>it</i> «тот, впереди и далеко от говорящего»	<i>it:ub</i> «там, впереди и далеко от говорящего»	<i>it:ub</i> «там, впереди и далеко от говорящего»
<i>laʒal</i> «этот, рядом и в стороне от говорящего»	<i>laʒal</i> «этот, рядом и в стороне от говорящего»	<i>lat:ub</i> «там, рядом и в стороне от говорящего»	<i>lat:ub</i> «там, рядом и в стороне от говорящего»
<i>taʒat</i> «тот, далеко и в стороне от говорящего»	<i>taʒat</i> «тот, далеко и в стороне от говорящего»	<i>tat:ub</i> «там, далеко и в стороне от говорящего»	<i>tat:ub</i> «там, далеко и в стороне от говорящего»
<i>ik'</i> тот, наверху от говорящего»	<i>ik'</i> тот, наверху от говорящего»	<i>ik'tub</i> «там, прямо наверху от говорящего»; <i>k'at:ub</i> «там, наверху и в стороне от говорящего»	<i>ik'tub</i> «там, прямо наверху от говорящего»; <i>k'at:ub</i> «там, наверху и в стороне от говорящего»
<i>iχ</i> тот, внизу от говорящего»	<i>iχ</i> тот, внизу от говорящего»	<i>iχtub</i> «там, прямо внизу от говорящего»; <i>χat:ub</i> «там, внизу и в стороне от говорящего»	<i>iχtub</i> «там, прямо внизу от говорящего»; <i>χat:ub</i> «там, внизу и в стороне от говорящего»

2.3. Особенности выражения непространственных значений локативных форм

По мнению отечественных даргинцеведов Д.С. Ганекова и Ю.А. Ландера, в даргинских диалектах некоторые локативные формы могли утратить свое исходное пространственное значение, что привело к нарушению симметричности самой локативной парадигмы и возникновению новых нелокативных падежей» [1: 59]. Как и в шаринском диалекте, в анклухском и амухском диалектах местные падежи

могут выражать не только пространственные значения, но и некоторые непространственные значения. Так, различные локативные падежи используются для выражения временных значений. Сравним примеры Р.О. Муталова из шаринского диалекта [7: 769] с их эквивалентами из анклухского и амухского диалектов. Примеры Р.О. Муталова обозначены буквой «а», примеры из анклухского диалекта – буквой «б», из амухского диалекта – буквой «в».

- (34a) *het* *qil-i-v* *saʒaʒt* *wec'-le-r* *wec'-nu č'u-ra*
он дом-ESS Час десять-IN-ELAT десять-& два-&

d-ik-ara *k-elg-un.*
NPL-достичь:PF-INF UP-(M)остаться:PF-PRET
«Он оставался дома с десяти до двенадцати часов.»

- (34б) *it* *qal-li-w (ša-w)* *saʒaʒt* *wec'a-li-c:i-ka* *wec'-nu č'u-ra*
он дом-OBL-ESS час десять-OBL-IN-ELAT десять-& два-&

d-ic'-ina *elg-un.*
NPL-достичь:PF-INF остаться:PF-PRET
«Он оставался дома с десяти до двенадцати часов.»

- (34в) *it* *qal-li-w (ša-w)* *saʒaʒt* *ec'a-li-c:ir-ka* *ec'-nu č'u-ra*
он дом-OBL-ESS час десять-OBL-IN-ELAT десять-& два-&

d-ic'-ina *elg-un.*
NPL-достичь:PF-INF остаться:PF-PRET

«Он оставался дома с десяти до двенадцати часов.»

Посредством использования суперлатива обозначается объект сравнения:

- (35a) *žil-e* *dat:e-j* *mešu-l* *ca(b)i.*
мальчик-PL отец-SUP похожий-ADV COP(HPL)

- «Мальчики похожи **на отца**.»
 (356) *gil-e at:a-j miši-l cab.*
 мальчик-PL отец-SUP похожий-ADV COP<HPL>
 «Мальчики похожи **на отца**.»
 (35в) *dirʒ-ne tit:i-j miši-l cab.*
 мальчик-PL отец-SUP похожий-ADV COP<HPL>
 «Мальчики похожи **на отца**.»
 Формы суперлатива передают также значение цели передвижения:

- (36a) *ric:i q'ar-l-e ha-g-ur.*
 сестра трава-OBL-SUP UP-идти:PF-PRET
 «Сестра отправилась **за травой**.»
 (36б, в) *ric:i q'ar-l-i ag-ur.*
 сестра трава-OBL-SUP идти:PF-PRET
 «Сестра отправилась **за травой**.»
 Суперлатив используется и при глаголе «смотреть»:

- (37a) *Salimat cin-na s:urat-li-j ul-r-ik'-le ca(r)i.*
 Салимат сам-GEN портрет-OBL-SUP глаз-F-LV-ADV COP<F>
 «Салимат смотрит **на свою фотографию**.»
 (37б) *Salimat cin-na s:urat-li wer-rur-k'il-car.*
 Салимат сам-GEN портрет-SUP смотреть-F-LV-COP<F>
 «Салимат смотрит **на свою фотографию**.»
 (37в) *salimat cin-na s:urat-li war-rur-k'il-car.*
 Салимат сам-GEN портрет-SUP смотреть-F-LV-COP<F>
 «Салимат смотрит **на свою фотографию**.»
 Немаркированный элагив (элагив без показателей направления) функционирует в элективных предложениях, содержащих эталон сравнения:

- (38a) *abakar šujal dus-la χ:ula-l ca-j uc:i-ja-r.*
 Абакар пять год-GEN старший-ATR COP-M брат-SUP-ELAT
 «Абакар старше **брата** на пять лет.»
 (38б) *abakar χuel dus-la χ:ule-l ca-w uc:i-j-ka.*
 Абакар пять год-GEN старший-ATR COP-M брат-SUP-ELAT
 «Абакар старше **брата** на пять лет.»
 (38в) *abakar χuel dus-la χ:ale-l ca-w uc:i-r-ka.*
 Абакар пять год-GEN старший-ATR COP-M брат-SUP-ELAT

Формы элатива используются также при глаголах 'бояться', 'прятать(ся)':

- (39a) *jab-ne bic'-a-sa-r uruχ-a-d-uvk'-u*
 конь-PL волк-OBL:PL-APUD-ELAT боязнь-NEG-NPL-LV-HAB.3
 «Кони не боятся **волков**.»
 (39б) *urc'-me bic'-e-c:i-ka uruχ-ʒa-d-uk'-u*
 конь-PL волк-OBL:PL-APUD-ELAT боязнь-NEG-NPL-LV-HAB.3
 «Кони не боятся **волков**.»
 (39в) *urc'-ne bic'-e-c:ir-ka uruχ-ʒa-d-uk'-u*

конь-PL волк-OBL:PL-APUD-ELAT боязнь-NEG-NPL-LV-HAB.3

«Кони не боятся **волков**.»

- (40a) *jusup dat:e-sa-r gur-w-iž-iv-le ca-j.*
 Юсуп отец-APUD-ELAT прятаться-M-LV:PF-PRET-ADV COP-M
 «Юсуп спрятался **от отца**.»

- (40б) *jusup at:a-c:i-ka gur-w-ig-iv-ca-w.*
 Юсуп отец-APUD-ELAT прятаться-M-LV:PF-PRET-COP-M
 «Юсуп спрятался **от отца**.»

- (40в) *Jusup tit:i-c:ir-ka gur-w-ig-iv-ca-w.*
 Юсуп отец-APUD-ELAT прятаться-M-LV:PF-PRET-COP-M
 «Юсуп спрятался **от отца**.»

3. Заключение

В статье рассмотрена падежная система анклухского и амухского диалектов даргинского языка. При описании падежных форм мы пользовались методикой, использованной Р.О. Муталовым при описании шаринского диалекта даргинского языка [7].

Следует отметить следующие особенности функционирования и оформления падежей в анклухском и амухском диалектах:

- оба диалекта обладают богатой падежной системой, которая включает в себя 6 грамматических падежей и 22 локативные формы;

- маркеры грамматических падежей анклухского и амухского идиом абсолютно идентичны как в единственном, так и во множественном числе;

- маркеры локативных форм анклухского и амухского диалектов также практически идентичны: исключение составляют несущественные фонетические различия в показателях элатива (**анклухские**: -li-ka, -gu-ka, -ši-ka, -c:i-ka, -a-ka, -li-ka, -ni-ka; **амухские**: -li-r-ka, -gu-r-ka, -ši-r-ka, -c:i-r-ka, -a-r-ka, -li-r-ka, -ni-r-ka);

- указательные местоимения и наречия места в анклухском и амухском диалектах практически идентичны (см. таблицу 7) и имеют один и тот же маркер -ub;

- в обеих идиомах отсутствуют инструментальный и предметный падежи, функционирующие в большинстве даргинских диалектов; их замещают послеложные конструкции;

- существительные анклухского и амухского диалектов не имеют формальных показателей для выражения значений категории *направления*, поэтому этим идиомам присущи только категории *локализации* и *ориентации*;

- в обеих идиомах отсутствуют формы аллатива со значением «*приближение к области локации*». Данное локативное значение передается формами латива или с помощью формы генитива и послелога -šali (šici-l-la-šali «*в сторону села*», от šici «*село*»);

- в данных диалектах отсутствуют локализации со значением «*область перед объектом*» (ANTE) и «*область за объектом*» (POST), значения которых передаются с помощью формы генитива и послелогов -salab и -hilab (ust'ul:-a-salab «*перед столом*», ust'ul:-a-hilab «*за столом*»);

- в обеих идиомах в эссиве отсутствуют падежные показатели для локализации со значением «*область над объектом*» (SUPER), значение которого передается с помощью формы генитива и послелога -q'arib (bek'-la-q'arib «*на голове*»);

• редкие фонетические расхождения между анклухским и амухским диалектами носят системный характер, но не влияют на понимание речи носителями обеих идиом при коммуникации друг с другом: звуковые соответствия /m - n /: umc:a (анклухское) – unc:a (амухское) «дверь», dam:i (анклухское) – dan:i (амухское) «мне» и др.; /i - a /, /e - a /: itila (анклухское) – itala (амухское) «его», wererč'i (анклухское) – wayerč'i (амухское) «посмотри» и др.; /k' - č' /: bik'e (анклухское) – bič'e (амухское) «головы», χink'e (анклухское) – χinč'e (амухское) «хинкал» и др. Однако различия между данными идиомами не ограничиваются только фонетическими аспектами, есть и целый ряд лексических расхождений, описание которых станет объектом отдельного исследования;

• в отличие от шаринского диалекта в исследуемых идиомах отсутствует особый показатель для формы адвербиалиса, он совпадает с маркером эргатива;

• шаринскому диалекту (по данным Р.О. Муталова) присуще большее разнообразие локативных форм (32 формы) [7: 755] по сравнению с анклухским и амухским диалектами, которые по результатам данного исследования представлены только 22 локативными формами;

• при сравнении маркеров грамматических падежей в шаринском диалекте (по данным Р.О. Муталова) [7: 755] следует отметить несовпадение показателей комитатива с анклухским и амухским диалектами (*шаринское*: -c:er, *анклухское*, *амухское*: -c:il);

• маркеры локативных форм шаринского диалекта [7: 763] имеют некоторые существенные несовпадения с аналогичными показателями анклухского и амухского диалектов (см. таблицы 2, 3).

Вышеуказанные выводы подтверждают точку зрения И.А. Курбанова о том, что анклухский и амухский диалекты являются очень близкими говорами одного самостоятельного языка (диалекта) в составе «даргинской подгруппы» нахско-дагестанской группы языков [4: 80]. Однако для окончательного определения статуса «анклухско-амухского языка (диалекта)» необходимо изучить лингвистические данные по чирагскому диалекту даргинского языка и сопоставить их с данными исследуемых идиом.

Список условных сокращений

ABS — абсолютив; ADV — наречие, обстоятельство указатель; ADVERB — адвербиалис; ANTE — положение ориентира передней стороны к объекту; APUD — локализация 'около' ATR — атрибутив; CAUS — каузатив; COMIT — комитатив; CONV — деепричастие; COP — глагол-связка; DAT — дательный падеж; DOWN — направление действия вниз относительно субъекта; EL — элатив; ERG — эргатив; ESS — эссив; F — класс женщин; FUT — будущее время; GEN — генитив; HAB — хабиуталис; HITHER — преверб 'сюда'; направление действия в сторону наблюдателя; HPL — класс людей во множественном числе; IMP — императив; IN — локализация объекта внутри полостей; INF — инфинитив; IPF — основа несовершенного вида; LAT — латив; LV — «легкий глагол» в сложных глаголах; M — класс мужчин; MULT — кратное наречие; N — неличный класс; NEG — отрицание; NPL — неличный класс во множественном числе; OBL — косвенная основа; ON — преверб 'на'; PF — основа совершенного вида; PL — множественное число; PRET — претерит; PRES — презенс; PTCL — частица; SUB — локализация 'ниже ориентира'; SUPER — локализация 'выше ориентира'; THITHER — направление действия от наблюдателя; 'туда'; UNDER — преверб 'под'; UP — направление

действия вверх относительно субъекта; & — морфема, используемая в составных числительных для присоединения единиц к десяткам [7, с. 772].

Библиографический список

1. Ганенков Д.С., Ландер Ю.А. Локативные формы как источник нелокативных падежей: даргинские данные // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН, VII, 3. 2011. С. 55-60.
2. Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003. 720 с.
3. Курбанов И.А. К вопросу об анклухском и амухском диалектах даргинского языка // Путь науки. Международный научный журнал 2015. № 9 (19). С. 79-81.
4. Курбанов И.А. Именные части речи в анклухском и амухском диалектах даргинского языка // Путь науки. Международный научный журнал. 2015. № 10 (20). С. 80-83.
5. Курбанов И.А. Личные формы глагола в анклухском и амухском диалектах даргинского языка. М.: Общественные науки. 2016. №1. С. 160-167.
6. Магомедов А.А. Кубачинский язык. Исследование и тексты. Тбилиси: Мецниереба, 1963. 231 с.
7. Муталов Р.О. Падежная система шаринского диалекта даргинского языка. // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. XI, 1. 2017. С. 751-773.
8. Сумбатова Н.Р. Грамматические особенности и проблема происхождения личных показателей в даргинском языке. М.: Вестник Российского государственного гуманитарного университета № 5(66)/11. Серия «Филологические науки. Языкознание», 2011. С. 110-129.
9. Сумбатова Н.Р., Ландер Ю.А. Даргинский говор селения Танты: грамматический очерк, вопросы синтаксиса. М.: Языки славянской культуры, 2014. 752 с.
10. Темирбулатова С.М. Хайдакский диалект даргинского языка. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2004. 304 с.

Works Cited

1. Ganenkov D.S., Lander Yu.A. Lokativnyye formy kak istochnik nelokativnykh padezhey: darginskiye dannyye // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistichekikh issledovaniy RAN, VII, 3. 2011. S. 55-60.
2. Kibrik A.E. Konstanty i peremennyye yazyka. SPb.: Aleteyya, 2003. 720 s.
3. Kurbanov I.A. K voprosu ob anklukhskom i amukhskom dialektakh darginskogo yazyka // Put' nauki. Mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal 2015. № 9 (19). С. 79-81.
4. Kurbanov I.A. Imennyye chasti rechi v anklukhskom i amukhskom dialektakh darginskogo yazyka // Put' nauki. Mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal. 2015. № 10 (20). С. 80-83.
5. Kurbanov I.A. Lichnyye formy glagola v anklukhskom i amukhskom dialektakh darginskogo yazyka. M.: Obshchestvennyye nauki. 2016. №1. С. 160-167.
6. Magometov A.A. Kubachinskiy yazyk. Issledovaniye i teksty. Tbilisi: Metsniyereba, 1963. 231 s.
7. Mutalov R.O. Padezhnaya sistema sharinskogo dialekt darginskogo yazyka. // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistichekikh issledovaniy RAN. XI, 1. 2017. С. 751-773.
8. Sumbatova N.R. Grammaticheskiye osobennosti i problema proiskhozhdeniya lichnykh pokazateley v darginskom yazyke. M.: Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta № 5(66)/11. Seriya «Filologicheskiye nauki. Yazykoznanie», 2011. S. 110-129.
9. Sumbatova N.R., Lander Yu.A. Darginskiy govor seleniya Tanty: grammaticheskiy ocherk, voprosy sintaksisa. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014. 752 s.
10. Temirbulatova S.M. Khaydaksiy dialekt darginskogo yazyka. Makhachkala: Izd-vo DNTS RAN, 2004. 304 s.

Структурные, функциональные и когнитивно-семантические аспекты изучения сино-тибетских языков

УДК 811.581

© Л.Л. Банкова

Нижегородский государственный лингвистический университет
имени Н.А. Добролюбова
Нижний Новгород, Россия

Иероглифы комплектов Небесные стволы и Земные ветви в функции порядковых числительных в китайском языке

Лингвокультурологические аспекты языковой картины мира как в ее универсальном общечеловеческом плане, так и в этнически маркированных вариантах в последнее время все больше привлекают внимание исследователей [9; 7; 4 и др.]. Это относится и к китайскому языку [2; 11 и др.], в частности – к его системе нумерологии [8; 1].

Древнейшие иероглифы из комплектов Небесные стволы (天干 *tiān gān*) и Земные ветви (地支 *dì zhī*) (далее – 天干 *tiān zhī*) являются неотъемлемой частью китайской культуры. В комплект Небесных Стволов входят следующие десять иероглифов: 甲 (*jiǎ*), 乙 (*yǐ*), 丙 (*bǐng*), 丁 (*dīng*), 戊 (*wù*), 己 (*jǐ*), 庚 (*gēng*), 辛 (*xīn*), 壬 (*rén*), 癸 (*guǐ*). Земные Ветви представлены двенадцатью символами: 子 (*zǐ*), 丑 (*chǒu*), 寅 (*yín*), 卯 (*mǎo*), 辰 (*chén*), 巳 (*sì*), 午 (*wǔ*), 未 (*wèi*), 申 (*shēn*), 酉 (*yǒu*), 戌 (*xū*), 亥 (*hài*). А.И. Кобзев называет их «парадигматическими числовыми наборами» [8: 94]. Перечисленные иероглифические символы традиционно привлекают внимание исследователей китайской метафизики, однако лингвистическая трактовка и анализ данных знаков практически не производились ни в китайской науке о языке, ни в отечественной. Представляется возможным констатировать, что в российском Китаеведении рассмотрение числительных проводилось в основном в культурологическом или компаративном аспекте [10]. В китайской науке о языке тема числительных более разработана, однако при обсуждении порядковых числительных тема Небесных стволов и Земных ветвей обойдена вниманием исследователей [13]. Редкое исключение представляют статьи «略说天干、地支» / «Кратко о Небесных стволах и Земных ветвях» Хунанбая Нурхасымова [14] и «甲乙丙丁是谁说个子丑寅卯——解读天干地支» / «Трактование Небесных стволов и Земных ветвей» Чжу Цзяцзюна [19], которые носят скорее культурологический характер. Особенность данной работы заключается в том, что она сфокусирована на исследовании Небесных стволов и Земных ветвей в качестве порядковых числительных. Собственно языковедческий ракурс их анализа наименее изучен, что и обуславливает актуальность предпринимаемого исследования.

Исходя из того, что в различных учебных пособиях, как китайских, так и отечественных, при описании порядковых числительных не обходится без 天干 *tiān zhī* [5; 6; 12; 16], актуально представить тому теоретические основания. Поэтому задачами работы

являются, во-первых, доказать принадлежность 天干 *tiān zhī* к порядковым числительным, во-вторых, рассмотреть способы их функционирования в этой роли.

Для ответа на вопрос о принадлежности 天干 *tiān zhī* к числительным следует дать определение числительного. Самым полным в отечественной синологии нам представляется определение В.И. Горелова, приведенное в учебном пособии «Теоретическая грамматика китайского языка», где он пишет: «Числительное – часть речи, обозначающая отвлеченные числа, количество предметов или порядок предметов при счете» [5: 42]. Китайская лингвистическая традиция определяет числительные в том же ключе: «表示数目和次序的词» [15: 122-123]. Таким образом, для того, чтобы иметь право быть отнесенными к числительным, 天干 *tiān zhī* должны выполнять функции количественного подсчета и/или определения порядка при счете.

Действительно, современные исследователи в качестве основной функции Небесных стволов и Земных ветвей на первом месте называют обозначение последовательности, порядковости. В этом вопросе единодушны как китайская лингвистическая традиция («...天干地支也是一种序数» [11: 125]), «...传统用做表示次序的符号, 也叫十干... «...» ...传统也是用做表示次序的符号, 叫十二支...» [9: 85], так и отечественная («В качестве порядковых числительных используются также 天干地支 *tiān gān dì zhī* ...» [12: 52]). Все это дает основания утверждать, что 天干 *tiān zhī* представляют собой порядковые числительные.

Рассмотрим функционирование Небесных стволов и Земных ветвей в обозначенном качестве в китайском языке. Ярчайшим проявлением порядковости является обозначение Небесными стволами и Земными ветвями летоисчисления. Являясь результатом наблюдений древних китайцев за движением Земли вокруг Солнца и своей оси, 天干 *tiān zhī* сначала использовались для обозначения дней, затем годов [16: 125]. Несмотря на то, что в современном Китае даты записываются арабскими числами или сочетанием арабских чисел и иероглифов по формуле x 年, y 月, z 日, запись дат с помощью Небесных стволов и Земных ветвей по-прежнему актуальна [1: 16]. Так, в периодическом издании «Жэньминь жибао» («人民日报 / *Rénmín rìbào*») наряду с современной записью даты присутствует запись года посредством 天干 *tiān zhī*: например, 2014年5月26日 и 甲午年四月廿八. Данная запись даты произведена в соответствии

с сельскохозяйственным (лунным) календарем, по-прежнему находящимся в обиходе.

Сочетание Небесных стволов и Земных ветвей являет собой фиксацию непрерывной временной цепи из 60 часов, 60 дней, 60 месяцев и 60 лет. Подобное циклическое летоисчисление началось в начале новой эры и «...первым годом первого цикла считается 4 г. н.э.» [8: 45]. Передаваемая анализируемыми иероглифами идея непрерывности позволяет называть их **циклическими знаками**. Согласно учению У син (阴阳五行 yīnyáng wǔxíng), нечетные числительные 甲、丙、戊、庚、壬 у Небесных стволов сочетаются с нечетными 子、寅、辰、午、申、戌 у Земных ветвей. Четные символы Небесных стволов 乙、丁、己、辛、癸 сочетаются с четными символами Земных ветвей 丑、卯、巳、未、酉、亥. Такое сочетание дает 60 обозначений, называемых 六十甲子 liùshí jiǎzǐ. Перечислим их: 甲子、乙丑、丙寅、丁卯、戊辰、己巳、庚午、辛未、壬申、癸酉、甲戌、乙亥、丙子、丁丑、戊寅、己卯、庚辰、辛巳、壬午、癸未、甲申、乙酉、丙戌、丁亥、戊子、己丑、庚寅、辛卯、壬辰、癸巳、甲午、乙未、丙申、丁酉、戊戌、己亥、庚子、辛丑、壬寅、癸卯、甲辰、乙巳、丙午、丁未、戊申、己酉、庚戌、辛亥、壬子、癸丑、甲寅、乙卯、丙辰、丁巳、戊午、己未、庚申、辛酉、壬戌、癸亥.

Все обозначения времени, будь то китайская или западная традиция, так или иначе связаны с 60 циклами: в одной минуте 60 секунд, в одном часе – 60 минут. И даже современное деление суток на 24 часа тесно связано с их древнекитайским делением на 12 частей, каждая из которых называлась 时辰 shí chén, то есть «большой» час, представлявший собой одну двенадцатую часть суток и равный 2 часам в современном понимании. В Китае применялся пятидневный цикл времяисчисления, так называемый “五日一候 Wǔ rì yī hòu”. За пять дней с двенадцатью часами в каждом это как раз и составляло 60 «больших» часов. Для их обозначения использовались двенадцать Земных Ветвей.

Обозначение летоисчисления посредством 天支 tiān zhī теснейшим образом связано с обозначением исторических дат и легло в основу исторической номенклатуры. Приведем хрестоматийный пример. В 1911 году, который обозначается символами 辛亥 xīnhài, в Китае произошла революция, впоследствии получившая название Синьхайской (辛亥革命 Xīnhài géming).

В результате исследования методом сплошной выборки из таких лексикографических источников, как Большой русско-китайский словарь (он-лайн) [3], 现代汉语词典 (汉英双语) / Xiàndài hànyǔ cídiǎn (Hàn yǐng shuāngyǔ) [17], были зафиксированы следующие словосочетания, отображающие исторические реалии с помощью 天支 tiān zhī:

- 戊戌变法 wùxū biànfǎ Сто дней реформ, или Реформы года у-суй (июнь-сентябрь 1898 года) (варианты: 戊戌政变记 wùxū zhèngbiàn jì; 戊戌维新 wùxū wéixīn);

- 戊戌政变 wùxū zhèngbiàn переворот 1898 г. положивший конец периоду Ста дней реформ;

- 戊戌六君子 wùxū liù jūnzǐ шесть ведущих реформаторов Ста дней реформ 1898 года;

- 甲午战争 jiǎwǔ zhànzhēng война 1894-1895 годов;

- 辛丑条约 xīnchǒu tiáoyuē Боксерский протокол 1901 года;

- 壬辰倭乱 rénchén wō luàn Имчжинская война между Кореей и Японией в 1592-1598 гг.;

- 甲申政变 jiǎshēn zhèngbiàn корейский дворцовый переворот, организованный в 1884 году Западиками против консерваторов, подавленный войсками династии Цин;

- 丁卯战争 (丁卯胡乱) dīngmǎo zhànzhēng (dīng mǎo húluàn) первое маньчжурское вторжение в Корею (1627);

- 丙子战争 bǐngzǐ zhànzhēng (вариант: 丙子胡乱 bǐngzǐ húluàn) второе маньчжурское вторжение в Корею (1636);

- 庚子国变 gēngzǐ guó biàn Национальное бедствие 1900-го года – пик Ихэтуаньского восстания (варианты: 庚子国难 gēngzǐ guónàn; 庚子之变 gēngzǐ zhī biàn; 庚子拳乱 gēngzǐ quán luàn; 庚子事变 gēngzǐ shìbiàn);

- 庚子赔款 gēngzǐ péikuǎn «боксерская» контрибуция.

Употребление Небесных стволов и Земных ветвей при летоисчислении и обозначении исторической номенклатуры закреплено государственным стандартом «Общие правила написания числительных в публикациях» (《中华人民共和国国家标准 GB/T 15835-2011 出版物上数字用法的规定 / Zhōnghuá rénmín gònghéguó guójiā biāozhǔn GB/T 15835-2011 chūbǎn wù shàng shùzì yòngfǎ de guīdìng》) [18].

Анализ материала показал, что наиболее полное описание употребления 天支 tiān zhī в функции порядковых числительных дано в «Современной практической грамматике китайского языка» («实用现代汉语语法 / Shíyòng xiàndài hànyǔ yǔfǎ») Лю Юэ-хуа (刘月华 / Liú Yuèhuá). Согласно данному источнику, помимо летоисчисления, в качестве порядковых числительных Небесные стволы и Земные ветви используются для обозначения:

- успеваемости (成绩 Chéngjī): 甲、乙、丙 и т.д.;

- действующих лиц в театральных постановках (剧中人物 jù zhōng rénwù): 甲、乙、丙 и т.д.;

- разрядов, классов (等级 děngjí): 甲等、乙等 и т.д., или 甲级、乙级 и т.д.;

- организационной структуры (组织机构 zǔzhī jīgòu): 甲班、乙班、丙班、丁班 и т.д., 甲组、乙组、丙组、丁组 и т.д.;

- (для Земных ветвей) «большого часа» (时辰 shíchén): 子时、丑时、寅时、卯时 и т.д. [16: 125].

Причисление Небесных стволов (天干 tiān gān) и Земных ветвей (地支 dì zhī) к числительным в китайском языке не вызывает сомнений ввиду выполнения ими функций ранжирования и обозначения порядковости при летоисчислении. 天支 tiān zhī представляют собой уникальное явление, поскольку, несмотря на существование нескольких комплектов цифр в КНР, они прочно заняли свою нишу в китайском языке и культуре.

Исследование Небесных стволов и Земных ветвей с лингвистической точки зрения является весьма перспективным направлением, поскольку на данный момент за кулисами языковедческого анализа остается их роль в народном фольклоре: песнях, загадках, притчах.

Библиографический список

1. Банкова Л.Л. Государственная языковая политика КНР в отношении традиционных и заимствованных комплектов цифр // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы: мат-лы Международного научно-практического форума. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. С. 14-16.
2. Березовская Я.Л. Особенности языковой картины мира носителей китайского языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 27 (382). Филологические науки. Вып. 98. С. 20-25.
3. Большой китайско-русский словарь он-лайн. URL: www.bkrs.info (дата обращения: 12.12.2018).
4. Буров А.А. Формирование современной русской языковой картины мира (способы речевой номинации). Петрозаводск: Изд-во ПГЛУ, 2010. 305 с.
5. Горелов В.И. Теоретическая грамматика китайского языка. М.: Просвещение, 1989. 318 с.
6. Готлиб О.М. Практическая грамматика современного китайского языка. 5-е изд., испр. М.: АСТ: Восток – Запад, 2008. 287 с.
7. Зализняк А.А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
8. Кобзев А.И. Учение о символах и числах в китайской классической философии. М.: Наука, 1993. 432 с.
9. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
10. Лазарева О.В. Квантитативность в русском и китайском языках: имя числительное // Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 4. С. 126-130.
11. У Вэй. Времена года в русской языковой картине мира: на фоне китайского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. СПб., 2013. 24 с.
12. Щичко В.Ф. Практическая грамматика современного китайского языка. 2-е изд. М.: Изд-во ВКН, 2016. 208 с.
13. 储泽祥, 刘琪. 汉语表达序数范畴的语法手段与空间参照, 华中师范大学学报(人文社会科学版), 2015年06期, pp. 100-108.
14. 呼南巴依·努尔哈斯木. 略说天干、地支. 伊犁教育学院学报, 1999 (3): P. 85-86.
15. 刘莘 / 数词分类研究述论. 重庆邮电大学学报 (社会科学版). 2013年03月, 第25卷第2期, 122-127 页.
16. 实用现代汉语语法 / 刘月华等著. – 增订本. – 北京: 商务印书馆, 2001. 1005 页.
17. 现代汉语词典 (汉英双语) / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. – 北京: 外语教学与研究出版社, 2002, 2698页.
18. 中华人民共和国国家标准 GBT 15835-2011 出版物上数字用法的规定. URL: <http://www.doc88.com/p-8106148835604.html> (дата обращения: 26.08.2018).
19. 祝家君. 甲乙丙丁是谁说个子丑寅卯——解读天干地支. 阴山学刊, 2006年03期, P. 5-16.

Works Cited

1. Bankova L.L. Gosudarstvennaya yazykovaya politika KNR v otnoshenii traditsionnykh i zaimstvovannykh komplektov tsifr // Sokhraneniye i razvitiye rodnnykh yazykov v usloviyakh mnogonatsional'nogo gosudarstva: problemy i perspektivy: mat-ly Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2018. S. 14-16.
2. Berezovskaya Ya.L. Osobennosti yazykovoy kartiny mira nositeley kitayskogo yazyka // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 27 (382). Filologicheskiye nauki. Vyp. 98. S. 20-25.
3. Bol'shoy kitaysko-russkiy slovar' on-layn. URL: www.bkrs.info (data obrashcheniya: 12.12.2018).
4. Burov A.A. Formirovaniye sovremennoy russkoy yazykovoy kartiny mira (sposoby rechevoy nominatsii). Pyatigorsk: Izd-vo PGLU, 2010. 305 s.
5. Gorelov V.I. Teoreticheskaya grammatika kitayskogo yazyka. M.: Prosveshcheniye, 1989. 318 s.
6. Gotlib O.M. Prakticheskaya grammatika sovremennogo kitayskogo yazyka. 5-e izd., ispr. M.: AST: Vostok – Zapad, 2008. 287 s.
7. Zaliznyak A.A., Levontina I. B., Shmelev A. D. Klyuchevyye idei russkoy yazykovoy kartiny mira. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2005. 544 s.
8. Kobzev A.I. Ucheniye o simbolakh i chislakh v kitayskoy klassicheskoy filosofii. M.: Nauka, 1993. 432 s.
9. Kornilov O.A. Yazykovyye kartiny mira kak proizvodnyye natsional'nykh mentalitetov. M.: CHeRo, 2003. 349 s.
10. Lazareva O.V. Kvantitativnost' v russkom i kitayskom yazykakh: imya chislitel'noye // Vestnik RUDN, seriya Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2015. № 4. S. 126-130.
11. U Vey. Vremena goda v russkoy yazykovoy kartine mira: na fone kitayskogo yazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. SPb., 2013. 24 s.
12. Shchichko V.F. Prakticheskaya grammatika sovremennogo kitayskogo yazyka. 2-e izd. M.: Izd-vo VKN, 2016. 208 s.

Телевизионное обозрение в системе аналитических программ

Одним из кардинальных понятий современного гуманитарного знания является понятие картины мира. Вслед за В.В. Красных мы рассматриваем картину мира как «идеальное, концептуальное образование, имеющее двойственную природу: необъективированное – как элемент сознания, воли и жизнедеятельности, и объективированное – в виде различных следов сознания, воли и жизнедеятельности, в частности – в виде знаковых образований, текстов» [9: 17]. К подобным «следам сознания» относятся и медийно-информационные картины, в которых происходит ментальная переработка определенного знания о мире, поступающего в виде информации, имеющей в том числе и комментатора, транслирующего ее по определенному каналу [7: 134; см. также: 2; 1; 17; 3: 4 и др.]. Одной из таких картин является телевизионная картина мира, которая специфична тем, что телевидение (далее - ТВ) «заняло нишу, соответствующую оперативной человеческой памяти: новость становится основной единицей телеинформации, а новость может прозвучать только один раз, при повторении это уже не новость. Хотя продукты телевидения хранятся в видеозаписи десятилетиями, но это уже именно видеозапись, а не эфирная передача, исчезающая сразу после того, как оказалась на телеэкране» [11].

Анализируя характер и состояние современной телевизионной интерпретации реальности, процесс формирования «экранного образа мира», или «динамической картины экранной модели мира» [16], мы солидарны с позицией, согласно которой главной задачей федерального ТВ, прежде всего национальных его каналов, является «распространять те элементы господствующей субкультуры, которые помогают формированию ядра субкультуры данного общества, общенациональной (общегосударственной) картины мира в массовом обыденном сознании» [14: 218]. Кроме того, в функции ТВ входит объективное знакомство с картинами мира всех субкультур, образующих данный социум. Более того, представляется важным аналитическое информирование о процессах, происходящих в субкультурах других государств, поскольку в современных условиях глобализации «люди вынуждены гораздо чаще и теснее общаться, порой оказываясь в ситуации борьбы национальных субкультур друг с другом, борьбы, целью которой является создание наднациональной, надгосударственной субкультуры глобального общества» [14: 219]. При этом нельзя забывать и том, что получаемая с экрана информация исходит от тех, кто, работая на телевидении, сами тоже являются представителями различных субкультур и обладателями

различных картин мира» [там же].

Телевидение в объектном пространстве науки о журналистике характеризуется крайне различными векторами динамики. Виразное, волнообразное развитие ТВ, в поисках преемственности, изменчивости, внутренней и внешней системности, сложного единства его почти уже вековой истории, включая предьсторию, побуждает обращаться к ранним периодам его развития [см. 5]. Подчеркнем при этом возможную объяснительную ценность анализа различных жанров, включая телеобозрение.

Во второй половине XX века ТВ заняло лидирующее положение в системе средств массовой коммуникации, стало неотъемлемой частью повседневной жизни людей и значимым фактором общественного и культурного развития. Новая история отечественного телевидения делает нас свидетелями поистине революционных событий на экране.

Первые качественно сделанные программы вызвали интерес к телевидению в целом. Значимость этого СМИ очень быстро росла. 31 октября 1938 года вышла в эфир одна из первых общественно-политических передач Ленинградского телевидения, которая была посвящена 20-летию ВЛКСМ и длилась полтора часа. Первая крупная общественно-политическая программа МТЦ состоялась 11 ноября 1939 года и посвящена она была 20-летию Первой Конной армии. В студии собрались ветераны гражданской войны: прославленные бойцы и командиры, и среди них – легендарный командарм, маршал С.М. Буденный.

Концерты, записи демонстраций и выступлений политических лидеров, программы для детей, общественно-политические передачи – все это транслировалось по телевизору, популярность которого росла быстрыми темпами. Об аналитике в то время речи не шло, как не было и устоявшейся, общепринятой жанровой системы.

Стремительное развитие телевидения было прервано войной. Регулярное вещание возобновилось 15 декабря 1945 года. В тот период был принят Закон о пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 годы. Он поднимал вопрос восстановления и технического переоборудования телевизионного центра в Москве, а также строительства новых телецентров в ряде городов.

Вторая половина двадцатого века – это иное видение и понимание телевидения в целом. От технической оснащенности взгляд вещателей и исследователей переносится на содержание, смыслы транслируемой информации. Именно тогда, по словам профессора Р.А. Борецкого, берет начало процесс

создания периодических программ: ежемесячных, еженедельных. Так появилась идея программирования, которая стала одной из ключевых в процессе функционирования ТВ [1: 72].

Широкое распространение разнообразных форм телепередач наблюдается в 60-е годы: «Глазами исследователя», «Мир сегодня», «Москва и москвичи», «Программа партии – программа твоей жизни», «Школа агрохимических знаний», «Экран международной жизни», «Новые книги», «Клуб кинопутешествий», «Клуб кинолюбителей», «Проспект молодости», «Горизонт», «Сельский клуб» и многие другие.

Ряд передач – «Знание», «В эфире – молодость», «Здоровье», «Кинопанорама», «Портреты мастеров искусств», «Кабачок «13 стульев»», «Экран большой химии» – пользовались у зрителей широкой популярностью. Телефильм «Загадка Н.Ф.И.» (1959 г.) о неизвестной странице из биографии М.Ю. Лермонтова, с явными чертами того, что называют ныне документальной; передача «Клуб веселых и находчивых» (КВН), начавшаяся 8 ноября 1961 года; «Рассказы о героизме», «Телевизионное кафе», ставшее впоследствии «Голубым огоньком», – казалось, эти проекты вдохнули новую жизнь в существующую модель вещания.

3 декабря 1961 года появилась первая еженедельная новостная программа «Эстафета новостей», которая выходила в эфир в течение почти десяти лет. В первой половине 70-х годов в стране большую популярность завоевала информационная программа «Время», которая оперативно сообщала о главных событиях дня в нашей стране и за ее пределами. Кроме того, появились новые телевизионные циклы. Многие существовавшие тогда рубрики должны были сосредоточить зрительское внимание на главных общегосударственных целях. Такими рубриками были, например, «Сельский час», «На вопросы телезрителей отвечает министр», «Семь дней завода» и т.д. При этом все больший объем в программах Центрального телевидения занимали материалы, посвященные ленинской внешней политике КПСС. Одна из главных задач показать благоприятное влияние мира социализма и Советского Союза на ход исторического развития и, как следствие, успешное существование государства.

В 60-70-е годы в передачах «9-я студия», «Международная панорама», «Содружество» освещались преимущества социалистического сотрудничества стран, защищались принципы миролюбивой внешней политики правящей в то время партии [10: 640]. Во многом благодаря ведущим этих программ, политическим обозревателям А. Дружинину, В. Дунаеву, В. Зорину, А. Каверзневу, А. Овсянникову и многим другим, передачи завоевывали внимание и любовь зрителя, поскольку они поднимали значимые социально-политические вопросы в ином ракурсе – многогранно, широко представляя факты и комментарии. Речь о свободе журналистского слова не шла – так или иначе она была ограничена жестко обозначенными и исторически сложившимися идеологическими принципами. Тем не менее у зрителя появилась возможность видеть панораму событий, происходящих в стране и мире.

Телевидение в большей мере опиралось в то

время на опыт газет, журналов и радио, что проявлялось, в частности, в переносе сложившейся в других видах СМИ системы журналистских жанров на экран. Тем не менее процесс становления системы тележурналистики был в целом индивидуален. Формы представления новостей благодаря журналистам активно трансформировались согласно требованиям телевизионного стандарта подачи информации. Событийные репортажи со спортивных состязаний, очерки о строительстве электростанций, программы для детей – всё это получило широкое развитие во второй половине двадцатого века.

Историю информационно-аналитического вещания можно условно разделить на ряд периодов, каждый из которых обусловлен политическими, экономическими, культурными процессами, происходящими в обществе.

Одной из первых программ того времени, в которой нашлось место не только событийным репортажам, но и проблемным материалам, была «Комсомольский прожектор». Анатолий Григорьевич Лысенко вспоминает в своей книге о работе на ТВ. В частности, говорит о том, что «в те годы Москву не разрешали критиковать». Однако в случае выхода подобной информации в эфир на следующий же день требовали срочно исправить ситуацию – пригласить начальника, который бы удовлетворенно кивал головой в ответ на хвалебные слова ведущего передачи. Жесткая вертикаль власти прослеживалась, вспоминает Анатолий Григорьевич, не только в политических структурах, но и во всех редакциях: «редактор, старший редактор, завотделом, зам. главного редактора, главный редактор. Попасть на прием к главному редактору – все равно, что к начальнику главка» [13: 24-25].

Программа «Комсомольский прожектор», пожалуй, стала стартом информационно-аналитического вещания, поэтому 1950-е годы и есть первый этап. Первые еженедельные новостные программы появляются уже в 60-х годах. Это «Эстафета новостей», «Время», «Мир сегодня», а также «Москва и москвичи», «Экран международной жизни». В 1970-х начинают работать «9-я студия», «Международная панорама», «Содружество» [18: 496].

В конце семидесятых годов газета «Правда» в статье «Всенародная аудитория» пишет: «...важное значение имеет целенаправленное, продуманное формирование программ, «верстка» передач с учетом особенностей всех категорий зрителей...» [10]. В «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976-1980 годы» необходимость улучшить качество телевизионных программ была четко обозначена. Это обуславливалось быстрым развитием телевизионного вещания. Как следствие – возросшие требования зрителей как к отдельным передачам, так и к содержанию эфира в целом, поскольку для населения телевидение становилось уже не роскошью, а необходимостью.

Для сюжетов того времени была характерна персонализация проблемы, поднимаемой в выпуске. Журналисты программы «Время» уделяли огромное внимание своему герою, стремились в коротком сюжете максимально раскрыть лучшие качества политика, рабочего, космонавта. Однако, помимо локальных

тем, в выпусках политические обозреватели телевидения и радио В. Бекетов, Л. Вознесенский, А. Дружинин, В. Дунаев, В. Зорин, А. Каверзнев, Ю. Летун, А. Овсянников, А. Потапов, Ф. Сейфуль-Мулюков постоянно выступали с комментариями наиболее значительных событий, как в нашей стране, так и за ее пределами. Коллектив редакции постоянно стремился найти новые интересные темы, использовать изобразительно-выразительные средства для передачи сути явления.

События, происходящие за рубежом, были представлены в еженедельном обозрении «Международная панорама». Передача начиналась с обзора важнейших новостей недели. Собственные корреспонденты за рубежом рассказывали своему зрителю о политической и экономической жизни в других странах, об успехах национально-освободительного движения.

Со временем программы стали вести не просто дикторы, а журналисты – они строили диалог со зрителем, импровизировали, а не зачитывали готовый текст. Позже возникла еженедельная информационная программа «Семь дней», аналог программы «Итоги».

Журналистская молодежь сплотилась вокруг ночной информационной передачи «Телевизионной службы новостей» (ТСН). Она сильно отличалась от традиционного «Времени» смелостью поиска информации и показа. Позднее в Ленинграде возникли знаменитые «600 секунд». Оттуда как раз вышли Александр Невзоров и Светлана Сорокина. На фоне датчика секунд, бегущих от 600 до 0, ведущие говорили о самых актуальных проблемах нашего общества.

Далее появилась информационно-аналитическая программа «Прожектор перестройки», в которой поднимались проблемы в сфере экономики, политики, экологии, критиковалось партийное руководство. «Вся страна, затаив дыхание, видела, как критикуют и камня на камне не оставляют от фамилии, которую в критическом контексте вчера просто произнести было невозможно», – вспоминает Эдуард Сагалаев [10]. Эта программа, как и многие другие, стала следствием периода гласности в СССР во времена М.С. Горбачева во второй половине 1980-х.

Соответственно, программа «Взгляд», появившаяся в 1987 году, казалась, как сейчас модно говорить, инновационной. Молодые ведущие на экране (рассказывающие о современной музыке и издержках постсоветского общества), а также заставка программы – «желтый глаз на синем фоне» – были символами перемен, воспринимались как начало разрушения устоев. Ведущие умело находили болевые точки, сенсации, динамично рассказывали о том, что происходило в стране, тем самым прорывая информационную блокаду. Как говорит В. Мукусев, «что подлаешь, какие времена – такие и герои» [13].

Таким образом, в советский период существовало две реальности, как у Лж. Оруэлла: жизнь, которая происходила на самом деле, и жизнь, которую рисовали в официальных СМИ. С появлением новых программ, таких, как «Международная панорама», «Девятая студия», «Семь дней», «Прожектор перестройки», «Взгляд», стало возможным представлять реальность во всех ее ракурсах, интересно и объек-

тивно, не просто перечисляя факты, а логично связывая их в контексте жанров телевизионной аналитики. Многогранное отражение происходящих событий в стране позволило аудитории выявить некие закономерности, лучше понять суть социальных явлений и феноменов. С помощью телевизионного экрана у зрителя появилась возможность взглянуть за пределы своего государства, познакомиться с культурой, политическими и экономическими особенностями других стран.

События на телевизионной арене 20-го столетия привели к тому, что к началу 90-х годов значимость аналитики возросла. Дикторский способ подачи новостей постепенно трансформировался в способность ведущего комментировать происходящие события, а не просто озвучивать факты. Именно в 90-е годы быстрыми темпами развивается тип еженедельных информационно-аналитических программ. Благодаря этому у ведущих и корреспондентов появилась возможность частично выражать индивидуальное мнение по поводу происходящих событий.

Во главу угла был поставлен критерий профессионального мастерства, реализуемый в умении логично выстраивать взаимосвязи, проводить объективный анализ текущей ситуации в стране. Информационно-аналитические программы стали инструментом борьбы за внимание телезрителей, неотъемлемым элементом в сетке вещания многих телеканалов.

Авторские программы «Итоги» (январь 1992 г.), «Воскресенье» (октябрь 1993 г.), «19.59», «Зеркало», «Обозреватель», «Авторская программа Сергея Доренко» (все программы - 1996 г.) – неполный список транслируемых в то время информационно-аналитических передач. В начале 21-го века на экраны выходят такие программы, как «Время», «Вести недели», «Личный вклад», «Мир за неделю», «Намедни», «Неделя» [8: 173-195].

В конце 1994-го года президент РФ Б.Н. Ельцин издает указ о ликвидации канала «Останкино» и учреждении акционерного общества, получившего название «Общественное российское телевидение» (ОРТ). Появлялись новые частные телеканалы. В 1996 году в эфире возник телеканал РТР. В 2002-м году РТР был переименован и получил название «Россия», а позже, в 2010-м, телеканал «Россия» стал носить название «Россия 1». Появляется программа «Зеркало». Это еженедельная информационно-аналитическая передача, которая в то время была визитной карточкой телеканала. «Зеркало» выходило в эфир по субботам в 20 часов 15 минут. Вел программу Николай Сванидзе. Он обсуждал главные темы недели с гостями в студии. Политики и журналисты, деятели культуры и экономисты, социологи и врачи – серьезные темы были готовы обсуждать те, кто имел свое независимое мнение по поводу происходящего в стране и мире, а также был способен что-либо изменить.

В противовес эмоциональности и некоей свободе самовыражения на НТВ, на канале «Россия» начала выходить сдержанная информационно-аналитическая программа «Вести недели». Впервые передача вышла в эфир сразу же после президентских выборов – 16 сентября 2001 г. Каждое воскресенье в 20:00 в течение часа ведущий и корреспонденты «Вестей

недели» освещали главные политические, экономические, культурные события недели. В отличие от «Намедни», «Вести недели» выходят и сейчас.

В 2003 году, вопреки изложенным выше тенденциям, выходит в эфир программа «Неделя» с Марианной Максимовской на телеканале «Рен-ТВ». Критики сразу же отмечают: это иная подача новостей, независимый обзор событий, происходящих за неделю. Программа буквально сразу же становится популярной. Общественные темы и острые политические вопросы здесь обсуждаются открыто.

Следует отметить, что, ступив на коммерческие рельсы, современное отечественное ТВ значительно трансформировало свои функции. В условиях конкуренции и зависимости от рейтинга как гаранта дальнейшего выхода программы в эфир на первое место вышла функция развлечения, а не просвещения. Подобная ситуация не могла не сказаться на качестве контента, коренным образом изменив отношение журналистов к профессии, содержанию эфира, сместив акценты в сторону зрелищ и развлечений, инфотейнмента [Драгун], который стал неотъемлемой частью даже выпусков новостей.

За последнее время телевизионное обозрение не только продолжает играть важную роль в системе телевизионных аналитических программ, но и обретает новые черты, отражающие изменения, которые происходят в отечественной медиа-картине мира. Формирующиеся сегодня и активно функционирующие в СМИ различные ракурсы динамических образов действительности устанавливают «принципы корреляции картин мира с жизненным миром как сферой дотеоретического, повседневного и очевидного» [7: 132] Постепенно в медиа-картине мира создается особое семиотико-ментальное социокультурное поле – медиа-рекламная картина мира, «которая осмысливается как новое симбиотическое образование, возникающее в результате взаимодействия и сосуществования мира медиа- и мира рекламы» [7: 132]. В этом поле свое достойное место должно занять и аналитическое телевизионное обозрение.

Библиографический список

1. Борецкий Р.А. Беседы об истории телевидения. М.: Икар, 2011. 178 с.
2. Бурдые П. О телевидении и журналистике. / Пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. 160 с.
3. Буров А.А. Конструктивно-стилевой вектор современных региональных СМИ // Университетские чтения-2016. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Пятигорск, 2016. С.71-79.
4. Буров А.А. Современная отечественная медиакартин мира: innocens credit omni verbo // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2015. № 3. С. 86-91.
5. Быков Д.В. Документальная хроника США первой половины XX века как предшественник телевидения // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. № 2. С. 74-78.
6. Драгун Е.М. Инфотейнмент как явление современной медиакультуры: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. М., 2015. 175 с.
7. Ежова Е.Н. Картины мира в СМИ: типология, функциональность, каналы трансляции // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2011. № 1. С. 132-135.
8. Засурский Я.Н. Телевидение: структурно-функциональные аспекты // Система средств массовой информации России. М.: Аспект Пресс, 2001. С. 173-195.
9. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
10. Кузнецов И.В. История отечественной журналистики (1917-2000). М.: Флинта, 2008. 640 с.
11. Луков М.В. Телевидение: Телевизионная картина мира // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение», 2008. URL: http://www.zpujournal.ru/e-zpu/2008/4/Lukov_TV_World-view (дата обращения: 01.02. 2019).
12. Лысенко А.Г. ТВ живьем и в записи. М.: ПРОЗАиК, 2011. С. 24-25.
13. Мандрова Н., Осипова Н. Телекомпания «ВИД» вчера и сегодня // Коммерсантъ. 1995. № 156. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/116096> (дата обращения: 01.02.2019).
14. Новикова А.А. Телевизионная картина мира как объект исследования в журналистике // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2012. № 13 (93). С.217-226.
15. Овчинников В. 21 бесполезный совет // Журналистика и медиарынок. 2010. № 5. С. 28-29.
16. Прожико Г.С. Концепция реальности в экранном документе: автореф. дис. ... д - ра искусствоведения: 17.00.03 / Прожико Галина Семеновна. М. 2004. 61 с.
17. Рогозина И.В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект. М. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2003. 289 с.
18. Цвик В.Л. Телевизионная журналистика. М.: Юнити-Дана, 2009. 496 с.

Works Cited

1. Boretskiy R.A. Besedy ob istorii televideniya. M.: Ikar, 2011. 178 s.
2. Burd'ye P. O televidenii i zhurnalistike / Per. s fr. T. Anisimovoy, Yu. Markovoy. M.: Fond nauchnykh issledovaniy «Pragmatika kul'tury», Institut eksperimental'noy sotsiologii, 2002. 160 s.
3. Burov A.A. Konstruktivno-stilevoy vektor sovremennykh regional'nykh SMI // Universitetskiye chteniya-2016. Materialy nauchno-metodicheskikh chteniy PGLU. Pyatigorsk, 2016. S.71-79.
4. Burov A.A. Sovremennaya otechestvennaya medikartina mira: innocens credit omni verbo // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2015. № 3. S. 86-91.
5. Bykov D.V. Dokumental'naya khronika SSHA pervoy poloviny XX veka kak predshestvennik televideniya // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 2. S. 74-78.
6. Dragun E.M. Infoteynment kak yavleniye sovremennoy mediakul'tury: dis. ... kand. kul'turologii: 24.00.01. M., 2015. 175 s.
7. Ezhova E.N. Kartiny mira v SMI: tipologiya, funkuiional'nost', kanaoly translyatsii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. 2011. № 1. S. 132-135.
8. Zasurskiy Ya.N. Televideniye: strukturno-funktsional'nyye aspekty // Sistema sredstv massovoy informatsii Rossii. M.: Aspekt Press, 2001. S. 173-195.
9. Krasnykh V.V. «Svoy» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? M.: Gnozis, 2003. 375 s.
10. Kuznetsov I.V. Istoriya otechestvennoy zhurnalistiki (1917-2000). M.: Flinta, 2008. 640 s.
11. Lukov M.V. Televideniye: Televizionnaya kartina mira // Elektronnyy zhurnal «Znaniye. Ponimaniye. Umeniye», 2008. URL: <http://www.zpujournal.ru/e-zpu/2008/4/>

- Lukov_TV_World-view) (data obrashcheniya: 01.02.2019).
12. Lysenko A.G. TV zhiv'yem i v zapisi. M.: PROZAIK, 2011. S. 24-25.
13. Mandrova N., Osipova N. Telekompaniya «VID» vchera i segodnya // Kommersant". 1995. № 156. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/116096> (data obrashcheniya: 01.02.2019).
14. Novikova A.A. Televizionnaya kartina mira kak ob'yekt issledovaniya v zhurnalistike // Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedeniye. 2012. № 13 (93). S.217-226.
15. Ovchinnikov V. 21 bespoleznyy sovet // Zhurnalistika i mediarynok. 2010. № 5. S. 28-29.
16. Prozhiko G.S. Kontsepsiya real'nosti v ekrannom dokumente: avtoref. dis ... d - ra iskusstvovedeniya: 17.00.03 / Prozhiko Galina Semenovna. M. 2004. 61 s.
17. Rogozina I.V. Media-kartina mira: kognitivno-semioticheskiy aspekt. M. – Barnaul: Izd-vo AltGTU, 2003. 289 s.
18. Tsvik V.L. Televizionnaya zhurnalistika. M.: Yuniti-Dana, 2009. 496 s.

УДК 070

© С.Н. Гукис

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
Пятигорск, Россия

Информационные технологии в журналистике: вызовы XXI века (на примере работы глобальных агентств новостей)

Распространение информационных технологий в начале XXI в. оказало существенное влияние на все сферы человеческой деятельности, включая журналистику, где эффект от их применения характеризуется рядом исследователей как «великая революция в журналистике» [11: 21]. Одновременно с этим журналистское сообщество получило профессиональный вызов в виде необходимости структурирования информационного хаоса, проведения проверки данных и обеспечения достоверности новостей, развития информационной среды и поддержания связи между фрагментами информации для формирования у аудитории целостной и непротиворечивой картины мира.

В качестве средства повышения эффективности журналистской деятельности все большее количество редакций обращается к технологиям искусственного интеллекта (ИИ), внедряет его алгоритмы в свою работу, в том числе для производства и управления контентом. В частности, в газете The Los Angeles Times есть «Bot Quake», который занимается публикацией новостей о землетрясениях в городе и окрестностях без участия сотрудников издания. Информационное агентство The Associated Press на протяжении нескольких лет использует технологию «Automated Insights» для создания отчетов и рейтингов по любому тематическому поводу: искусственный интеллект позволяет журналистам экономить до 20 % рабочего времени, которое они посвящают анализу данных и сбору комментариев от экспертов [11: 21]. Второе направление – тестовое применение алгоритмов ИИ для анализа аудитории и подготовки нескольких версий одной и той же статьи так, чтобы каждая из них соответствовала ценностям, интересам и приоритетам конкретной группы людей (в перспективе – каждого читателя по отдельности).

Искусственный интеллект в виде интеллектуальных алгоритмов и автоматизированных процессов проникает и закрепляется во всех сферах обществен-

ной жизни, включая информационную. Концепция искусственного интеллекта подразумевает использование машин для той деятельности, которая ранее выполнялась исключительно людьми, включая журналистскую. Разрабатываемые инженерами-программистами алгоритмы способны анализировать накопленную в хранилищах информацию о людях и их участии в определенных событиях, разделять ее на текст, фотоизображение, видео, звук, а также синтезировать из фрагментов медиаконтент. В качестве стимула для все более широкого внедрения ИИ в журналистику выступает общий курс медиакомпаний на сокращение издержек и замену людей алгоритмами.

Наиболее современные инновации в области искусственного интеллекта смогут вскоре обеспечить появление первых полностью автоматизированных новостных редакций, в которых роботы возьмут на себя ключевые профессиональные функции редакторов, корректоров и журналистов. В этом не сомневаются главный эксперт в области прогнозирования Google Р. Курцвейл и лауреат Нобелевской премии по экономике Д. Канеман [7: 100]. Вместе с тем вопрос о том, сумеют ли роботы со временем полностью заменить журналистов, напрямую связан с технологическими ограничениями искусственного интеллекта и тем, насколько эти ограничения критически важны для журналистской практики.

Использование искусственного интеллекта в работе журналистских редакций с самого начала предусматривало три основных направления. Во-первых, оптимизация рабочих процессов. К примеру, в 2015 г. научно-исследовательская лаборатория газеты The New York Times запустила проект «Editor.2», в рамках которого редакторы издания использовали машинное обучение для определения и классификации частей журналистского текста по мере его написания. Эта программа идентифицирует людей, места, организации и события, понимает разницу между ними; она ускоряет процесс анализа и проверки фак-

тов, собирая все сведения о конкретном лице или событии в одном месте, что существенно упрощает написание репортажей.

Во-вторых, обработка больших данных. В данном случае технологии искусственного интеллекта дают журналистам возможность исследовать большие объемы данных за очень короткое время. К примеру, 400 журналистам из Международного консорциума расследующих журналистов понадобилось два года для ручного просмотра 2,6 терабайта электронных писем, что привело к созданию «Панамских документов», однако использование ИИ позволило бы им сократить время на анализ документов в несколько раз; применить технологию динамического редактирования для визуализации, т.е. автоматического переноса наиболее важных данных в формат инфографики и их публикации в медиа.

В-третьих, сокращение времени на рутинную работу. Так, в 2013 г. 65 репортеров, специализирующихся на деловых новостях в The Associated Press, смогли подготовить только 6 % отчетов о работе американских компаний (300-320 публикаций за 3 месяца), тогда как после внедрения ИИ уже в 2015 г. ими было опубликовано 3700 отчетов (около 70 % от возможного числа) за квартал [13].

Случай The Associated Press заслуживает особого рассмотрения, поскольку это информационное агентство является мировым лидером по внедрению ИИ в производство новостей. По данным на 2018 г., каждые три месяца оно публикует около 3000 статей, написанных автоматизированной системой, настроенной на AP Style Guide [5]. В основном они носят деловой характер и связаны с работой американских предприятий. Статьи пишутся и редактируются на базе информации, поступающей от пользователей, специальной платформой «Wordsmith», функционирующей по принципу систем, подготавливающих рекламные объявления, и использующей специальные шаблоны.

Применение ИИ в The Associated Press не привело к увольнениям: все сотрудники по-прежнему востребованы, но теперь они могут сосредоточиться на проведении более частых и глубоких интервью и критическом анализе. Технически система «Wordsmith» способна генерировать 2000 статей в секунду, однако они уступают по качеству текстам, написанным людьми. Тем не менее The Associated Press в числе своих приоритетов видит не универсальный, качественный контент, а персонализированный, в виде многочисленных версий для разных людей. Старший вице-президент по стратегии и развитию бизнеса в The Associated Press Д. Кеннеди, первым предложивший использовать ИИ не вместо журналистов, а как вспомогательную технологию, неоднократно отмечал в своих интервью безусловные преимущества искусственного интеллекта в газетно-издательском деле: ИИ способен создавать новый контент, на который у журналистов нет времени, однако читатели заинтересованы в его получении; генерируемый ИИ контент практически неотличим от написанного людьми; ИИ пишет статьи в более короткий срок, чем люди [2].

Еще одним инструментом из области искусственного интеллекта, применяемым в The Associated

Press, является система мониторинга «NewsWhip», которая позволяет оперативно обнаруживать тренды в Интернете и социальных сетях, на основе которых журналисты затем готовят статьи. По сообщениям редакторов The Associated Press Э. Карвина и Л. Гиббс, отдел новостей The Associated Press использует такие инструменты, как «NewsWhip», чтобы находить и лучше понимать, какие именно истории и темы привлекают и удерживают внимание людей в конкретный период времени. Они также способствуют точности публикаций, так как подготовленные роботами статьи характеризуются низким количеством ошибок, поскольку алгоритмы физически не допускают опечаток или арифметических просчетов. Они могут допускать ошибки лишь в случае, если данные изначально не были точны [10].

Необходимо отметить, что ИИ в большинстве европейских редакций выполняет только простые задачи, однако в британском Reuters и норвежском NTB алгоритмы уже способны сравнивать новую информацию с историческими данными и интерпретировать эти данные в текстах. Виджет, запущенный шведским информационным агентством TT, сравнивает местные показатели успеваемости в школах и цены на недвижимость со средними показателями по стране. Второй характерной чертой европейских редакций является то, что большая часть автоматизированного контента публикуется без просмотра редакторами (к примеру, в Reuters генерируется 950 предупреждений и 400 статей в день без вмешательства человека [4]).

Журналистика с использованием искусственного интеллекта в настоящее время обособляется в отдельную область и именуется роботизированной журналистикой, автоматизированной журналистикой, вычислительной журналистикой, алгоритмической журналистикой либо ИИ-журналистикой. Технологически она имеет две основы. Во-первых, компьютерное программное обеспечение, которое автоматически извлекает новые знания из огромных хранилищ данных, используя концепцию «социальной физики». XXI век – это время экспоненциального роста сложности социальных систем, когда количество цифровых данных, содержащихся в хранилищах данных, удваивается каждые 40 месяцев. Во-вторых, алгоритмы, которые автоматически преобразуют эти знания в читаемые истории без участия человека [8: 70].

Само искусство рассказывать истории также становится научным делом с использованием алгоритмов искусственного интеллекта, оно является перспективной областью исследований разработчиков программного обеспечения искусственного интеллекта, пользующихся обширными знаниями из области лингвистики. Их алгоритмы уже способны регулировать тональность и повествовательную структуру историй в соответствии с данными об аудитории. Кроме того, помимо значительной экономии затрат на рабочую силу журналисты-роботы никогда не пропускают факты, не устают и не имеют предубеждений. В Японии уже появился трехмерный человекоподобный робот-журналист, который может смешиваться в толпе людей, проводить интервью, фотографировать и сочинять рассказы [8: 72].

Преимущества использования ИИ в журналистике достаточно широки и многочисленны. Как было отмечено в отчете The Associated Press, «искусственный интеллект может дать журналистам возможность анализировать данные, выявлять закономерности, тенденции и практически реализуемые идеи в разных источниках; видеть то, что незаметно для большинства; превращать данные и произносимые слова в текст, текст – в аудио и видео; понимать чувства; анализировать сцены для поиска определенных объектов, лиц и многое другое» [12].

Вместе с тем, наряду с преимуществами и перспективами, ИИ создает для журналистики также вызовы и проблемы [6]. Прежде всего, это технологические вызовы:

- ограничение доступности данных. ИИ будет эффективен лишь в случае отсутствия барьеров при получении данных, необходимых для подготовки статьи;

- ограничение в интерпретации неструктурированных данных. Табличные результаты спортивных игр или сведения о прибыли компаний могут быть легко переведены в статьи с помощью шаблонов и алгоритмов, однако для распространения ИИ в социальной и творческой сферах ему потребуются использовать и синтезировать неструктурированные данные, составляющие большую часть доступных данных;

- ограничение самосознания. ИИ не может объяснить свой вывод: почему он это написал и что именно сделал, в то время как это может быть важно и для журналиста, и для читателей;

- ограничение в проверке истинности: большинство ИИ не способно различить, является ли полученная ими информация истинной или ложной. Это может привести к проблемам с аутентичностью – если ИИ получает сомнительные данные, соответствующий вывод также может оказаться ложным.

Помимо технологических, имеются и социально-политические вызовы для искусственного интеллекта:

- необходимость пересмотра норм авторского права и добросовестного использования информации. ИИ потенциально создает конфликт, поскольку подразумевает обучение на базе созданных человеком изобразительно-выразительных произведений – в том числе картин или музыки, которые, как правило, имеют правообладателей, а также генерацию на их основе собственного произведения. Это может нарушать концепцию «добросовестного использования» в случаях, когда материалы, защищенные авторским правом, будут использоваться для производства нового и преобразованного контента без разрешения или выплаты роялти;

- необходимость повышения корпоративной ответственности. Поскольку ИИ не может нести юридическую ответственность, следует усилить ответственность компаний. Так, распространители контента, такие как Facebook, Google и Twitter, обладают возможностью формировать общественное мнение, используя алгоритмы ИИ для определения относительной ценности контента. Соответственно, они же должны нести ответственность за распространение и пропаганду вредной информации, ставшей общедо-

ступной вследствие функционирования разработанных ими алгоритмов;

- возможность появления «гонки ИИ» в сфере лицензирования информации, к которому придется прибегать небольшим компаниям ради выживания и заработка [6].

В 2017 г. Межрегиональный научно-исследовательский институт ООН по вопросам преступности и правосудия опубликовал доклад, в котором назвал соблюдение этических принципов главным вызовом для применения искусственного интеллекта в масс-медиа. Как следует из доклада, основной нерешенной проблемой внедрения ИИ является отсутствие ответа на вопрос: «Как искусственный интеллект распознает наши ценности, если мы сами их себе не представляем и не до конца понимаем себя?». Внедрение ИИ в масс-медиа приводит к сокращению роли и важности журналиста как личности, однако при этом будет расти значение этичности алгоритмов. В результате актуализируется проблема разделения этической ответственности между журналистами и программистами, настраивающими алгоритмы ИИ, что в перспективе должно привести к появлению новых этических кодексов для роботизированной журналистики [3: 410].

Наиболее значимым правовым вызовом для искусственного интеллекта в журналистике является возможность создания алгоритмами ИИ контента клеветнического характера. Обзор американской и европейской судебной практики по делам, связанным с алгоритмами и клеветой, показывает, что данная проблема уже актуальна, а новостным редакциям необходимо в ближайшее время пересмотреть вопрос о собственной юридической ответственности за разработку и внедрение новостных алгоритмов ИИ. Основной сложностью для правовых институтов при рассмотрении подобных дел является невозможность доказать умысел правонарушителя при публикации клеветы в тексте, сгенерированном ИИ, поскольку в данном случае обвиняемый формально должен был знать, что публикуемые им сведения являются заведомо ложными, и иметь намерение опорочить чье-либо имя и деловую репутацию, тогда как очевидно, что ИИ не имеет ни соответствующего знания, ни намерения [9: 11].

Правовая проблема ответственности за клевету в генерируемом ИИ редакционном контенте в настоящее время, как правило, увязывается с общей ответственностью редакции за весь публикуемый ею контент и рассматривается в терминах «журналистской халатности», допущенной при подготовке статей. Как следствие этого возникает конфликт между стремлением редакций сократить издержки за счет замены журналистов алгоритмами ИИ и необходимостью все же использовать журналистов для перепроверки данных в сгенерированных ИИ статьях. Двойственность подходов к решению данного конфликта обусловлена практикой поисковой системы Google, которая последовательно отвергает любые обвинения пользователей в клевете, содержащейся в кратких описаниях текстов в поисковой выдаче, объясняя это тем, что данные описания генерирует алгоритм, а не люди.

Еще одним правовым вызовом в сфере применения ИИ в журналистике является проблема ин-

теллектуальной собственности при производстве новостей. В данном случае не вполне понятно, кого необходимо считать автором сгенерированного на базе нескольких объектов авторского права контента и кто должен получать прибыль за его распространение. Также сопутствующей проблемой может стать отсутствие разрешения от автора первоисточника на его использование либо даже прямой запрет на это при подготовке ИИ производного контента.

В целом, использование информационных технологий в журналистике необходимо для избавления журналистов от рутинной работы, расширения их возможностей в сфере получения информации и работы с большими объемами данных, улучшения качества взаимодействия с аудиторией. Искусственный интеллект позволяет журналистам более оперативно и качественно анализировать данные, выявлять закономерности и тенденции, находить новые идеи в разных источниках, превращать звук в текст, текст – в изображение и т.д., при этом тремя основными проблемами, связанными с автоматизированной журналистикой, являются риски, присущие неконтролируемой генерации алгоритмических новостей, возможность сбоев в рабочем процессе и растущий разрыв в наборе навыков, необходимых для управления этой новой областью специализации.

Таким образом, создавая новые возможности и перспективы, искусственный интеллект на современном этапе объективно в состоянии помочь развитию журналистики, но не заменить ее полностью. Это обуславливается тем, что ИИ проектируется людьми, совершающими ошибки, а потому и сам подвержен тем же предубеждениям и ошибкам, что и люди. Искусственный интеллект представляет собой полезный инструмент для журналистов, однако появление новых инструментов не означает отмены общих профессиональных правил и этических стандартов. В этих условиях редакциям, использующим алгоритмы ИИ, необходимо задуматься об усилении этического контроля над результатами работы ИИ, чтобы не допускать распространения клеветнических публикаций.

Библиографический список

1. Гикис С.Н. Современное состояние и перспективы развития телевизионной трэвел-журналистики в России // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. № 3. С. 114-119.
2. Case Study: Why Artificial Intelligence is a Big Part of AP's Future // Tata Consultancy Services. URL: [https://www.tcs.com/perspectives/articles/why-artificial-intelligence-is-a-](https://www.tcs.com/perspectives/articles/why-artificial-intelligence-is-a)

3. Dörr K., Hollnbuchner K. Ethical challenges of algorithmic journalism // *Digital Journalism*. 2017. Vol. 5. № 4. P. 404-419.
4. Fanta A. Putting Europe's Robots on the Map: Automated journalism in news agencies // University of Oxford. URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2017-09/Fanta%2C%20Putting%20Europe's%20Robots%20on%20the%20Map.pdf> (дата обращения: 14.01.2019).
5. Furness D. Is AI the End of Journalism? // *Emerj*. URL: <https://emerj.com/is-ai-the-end-of-journalism/> (дата обращения: 14.01.2019).
6. Hall S. Can you tell if this was written by a robot? 7 challenges for AI in journalism // *World Economic Forum*. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2018/01/can-you-tell-if-this-article-was-written-by-a-robot-7-challenges-for-ai-in-journalism/> (дата обращения: 14.01.2019).
7. Latar N. *Robot Journalism. Can Human Journalism Survive?* Singapore: World Scientific Publishing, 2018. 152 p.
8. Latar N. The Robot Journalist in the Age of Social Physics: The End of Human Journalism? // *The New World of Transitioned Media, The Economics of Information, Communication, and Entertainment*. ED. by G. Einav. Springer International Publishing Switzerland, 2015. P. 65-80.
9. Lewis S., Sanders A., Carmody C. Libel by Algorithm? Automated Journalism and the Threat of Legal Liability // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2018. P. 1-22.
10. Marconi F. The Future of Augmented Journalism: A guide for newsrooms in the age of smart machines // The Associated Press. URL: https://insights.ap.org/uploads/images/the-future-of-augmented-journalism_ap-report.pdf (дата обращения: 14.01.2019).
11. Salazar I. Robots and Artificial Intelligence: New Challenges of journalism // *Doxa Comunicació*. 2018. №27. P. 21.
12. Schmidt T. Smarter Journalism: Artificial Intelligence in the Newsroom // *European Journalism Observatory*. URL: <https://en.ejo.ch/ethics-quality/smarter-journalism-artificial-intelligence-newsroom> (дата обращения: 14.01.2019).
13. Three Ways Artificial Intelligence Enhances Journalism // *Arkadium*. URL: <https://www.arkadium.com/newsroom/three-ways-artificial-intelligence-enhances-journalism/> (дата обращения: 14.01.2019).

Works Cited

1. Gikis S.N. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya televizionnoj trehvel-zhurnalistiki v Rossii // *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018. № 3. S. 114-119.

Уолдо Фрэнк и литературно-политические издания США

В начале 1920-х годов имя Уолдо Фрэнка ставили в один ряд с именами Дэвида Г. Лоуренса и Джеймса Джойса. Но после 1924 года влияние писателя заметно ослабло. Его претенциозная книга «Переоткрытие Америки» («The Re-Discovery of America»), вышедшая в 1929 году, была, как позже сказал американский историк Льюис Мамфорд, «вызовом, не получившим ответа от поколения, которому он был брошен» [7: 299]. После нее Фрэнк написал еще более тридцати книг, но их практически не читали. А после его смерти в 1967 году Фрэнк остался в памяти всего лишь нескольких литературоведов.

Эпоха промышленной революции и глобальной индустриализации не могла не отразиться на убеждениях и творчестве современных литераторов и журналистов. Примеряя на себя несколько ролей, они формировали свое мировоззрение под влиянием текущих процессов, а также мировоззрение своих читателей.

Уолдо Фрэнк, например, был не просто писателем и журналистом, но драматургом, биографом, публицистом, философом, поэтом, историком, критиком, писателем-путешественником, а в сложные 1930-е годы и политическим агитатором – «слишком любопытным, слишком нетерпеливым, слишком движимым своим личным демоном, чтобы остановиться на одном призвании» [10].

При всем широком разнообразии интересов Фрэнка и поднимаемых им тем его мнение по поводу технического прогресса, индустриализации и наступившей «Эпохи Машин» на протяжении всего творческого пути оставалось неизменным: «Машина по психологическому содержанию ближе к магии, чем к науке. Общество, которое верит в машины, – это общество, которое подчиняется шаманам, пусть и замаскированным, и превращает ученого в мага» [5: 23].

Родился Уолдо Дэвид Фрэнк (Waldo David Frank, 1889-1967), новеллист, социальный историк и политический активист, 5 августа 1889 года в среднеобеспеченной еврейской семье в Лонг-Бранч, Нью-Джерси.

Отец писателя, Юлиус Фрэнк, был довольно преуспевающим адвокатом с Уолл-стрит, а мать, Элен Розенберг, – дочерью офицера армии Конфедерации времен Гражданской войны [8: 14].

Свое имя – Уолдо Дэвид – он получил в честь поэтов-трансценденталистов Ральфа Уолдо Эмерсона и Генри Дэвида Торо, в творчестве которых позже искал вдохновение для своих произведений.

Свой творческий путь Фрэнк начал в довольно раннем возрасте – во время путешествия по Англии вместе с матерью, в 1901 году, он впервые попробовал себя в качестве писателя.

В 1902 году он поступает в Среднюю школу Девитта Клинтон в Нью-Йорке. В 1906 году Фрэнк завершил свой первый роман, «Строители в Песке» («Builders in Sand»), в возрасте семнадцати лет, хотя

он никогда не был опубликован. В том же году он был исключен из школы за отказ посещать обязательный курс шекспироведения; он чувствовал, что знает больше, чем учитель, утверждая, что прочитал более тысячи книг, прежде чем поступить в колледж.

После исключения родители отправили его в школу-интернат в Лозанне, Швейцария, где он познакомился с великими французскими писателями. Там же начал работу над вторым томом «Духа современных французских писем», который так и не был опубликован. Вернувшись в Штаты, поступил в Йельский университет, который закончил в 1911 году со степенью бакалавра и магистра искусств [14].

После Йеля Фрэнк начинает работать в качестве репортера в «The New York Evening Post» и «The New York Times». Но уже в 1913 году отправляется в Париж, где изучает труды Фрейда, Ницше и Спинозы.

В 1914 году Фрэнк переезжает в Нью-Йорк. Там начинается его плодотворное сотрудничество с литературными журналами. Первым в этом списке стоит «The Smart Set». Там в № 3(46) за 1915 год был опубликован первый рассказ писателя – «Плод беспорядка» («The Fruit of Misadventure»). Сотрудничество с журналом Генри Менкена (Henry Louis Mencken, 1880-1956) закончилось в 1917 году после публикации еще двух рассказов Фрэнка: «Дорогая маленькая свояченица» («Dear Little Sister-In-Law», № 4(47) 1915) и «Свечи романтики» («The Candles of Romance», № 2(51) 1917).

Зимой 1916 года на небольшой вечеринке Уолдо Фрэнк знакомится с Джеймсом Оппенгеймом (James Oppenheim, 1882-1932), «устоявшимся автором рассказов о нью-йоркских эмигрантах, за которые ему платили сказочные гонорары многие журналы» [6: 83].

У Оппенгейма была идея создать журнал, в котором американские художники смогут публиковать свои картины, а любители искусств смогут узнать, над чем их современники работают сейчас; журнал, который сможет объединить всех интересующихся как в Америке, так и за рубежом [1: 145-148].

В молчаливом молодом человеке с недоверчивым взглядом Джеймс Оппенгейм увидел единомышленника и соратника в создании печатного органа, направленного на формирование «четкого представления о состоянии нашего сочинительства, изобразительного искусства и музицирования» [13].

Уолдо Фрэнк имел свою точку зрения на современное положение литературы и искусства в целом. Поделившись ей с Оппенгеймом, он выразил идею создания журнала, в котором можно было бы напечатать «неопубликованные истории и ненаписанный анализ всего, что было неправильным, и почему» [6: 83].

В своих мемуарах Фрэнк писал: «Я оплакивал литературное состояние страны; устремляясь

к войне, оно было слепым и безмолвным. Я сказал [Джеймсу Оппенгейму – прим. автора], что есть несколько очагов света: «Reedy's Mirror» в Сент-Луисе, который опубликовал Мастерса и Драйзера; в Нью-Йорке – «The Masses» и «The New Republic», но почти всегда хорошие публикации в этих журналах были политическими; здесь не было места воображению и творчеству. Между тем предполагаемые органы культуры – «The Atlantic Monthly», «Century», «Scribner's» и «Harper's» – были выброшены на пустынный остров течением, о котором они даже не подозревали. Уитмен, сказал я, был в подполье; истинный Марк Твен был вытолкнут на обочину Ричардом Уотсоном Гилдерсом» [6: 83].

Так Уолдо Фрэнк вошел в число основателей одного из ярчайших литературных изданий эпохи модернизма – «The Seven Arts» (1916-1917), наряду с Джеймсом Оппенгеймом и американским литературоведом Ван Вик Бруксом (Van Wyck Brooks, 1886-1963).

Оппенгейм привел в журнал своего друга поэта и критика Луиса Унтермейера (Louis Untermeyer, 1885-1977), который не только стал постоянным автором, но и принимал активное участие в его редактировании.

После долгих обсуждений, поисков финансирования и выстраивания идеологии издания первый номер «The Seven Arts» был выпущен в ноябре 1916 года.

Коллектив авторов в основном состоял из друзей и знакомых редакторов. «Роберт Фрост был другом Унтермейера. Халиль Джебран – Оппенгейма. Пол Розенфельд был моим другом, – вспоминал Фрэнк. – <...> Уолтер Липпман писал конфиденциальные письма Луису Унтермейеру, которые тот бес тактно показывал мне» [6: 83].

Оппенгейм направил все силы редакторского и авторского состава на то, «что гуманисты насмешливо называют “двадцатые”» [9: 159]. В журнале печатались Шервуд Андерсон, Теодор Драйзер, Эми Лоуэлл, Ли Симонсон, Рэндольф Борн, Максвелл Боденхайм, Патрик Колум, Джон Дос Пассос, Джон Рид, Хендрик Виллем ван Лоон, Юджин О'Нил и другие.

Довольно важную роль в истории журнала сыграл известный американский эссеист, «левый интеллигент» [11] Рэндольф Силлиман Борн (Randolph Silliman Bourne, 1886-1918). На почве значительного интереса к творчеству Уолта Уитмена Фрэнк, Брукс и Борн составили группу писателей, «которые более чем кто-либо другой в этот период указывали на Уитмена как на исцеляющую силу американской мысли» [8: 24].

Присоединившись к «The Seven Arts» лишь в апреле 1917, Борн стал истинным лидером журнала. Но это лидерство послужило одной из причин скорого закрытия издания. Начиная с первой статьи «Война и интеллигенция» («The War and the Intellectuals»), напечатанной в июньском номере, он опубликовал еще 6 материалов. В каждом из них говорилось, что редакция журнала категорически против участия Америки в войне.

Борн писал: «Тем из нас, кто до сих пор сохраняет непримиримую враждебность к войне, было мучительно увидеть единодушие, с которым амери-

канские интеллигенты поддержали использование военной техники в период кризиса, в котором оказалась Америка. Социалисты, профессора колледжей, публицисты, новореспубликанцы, литераторы, прикрываясь своей интеллектуальной верой, наперебой кричали, что согласны с падением нейтралитета, связав, тем самым, оковами войны миллионы людей во всем мире» [2: 133].

Это привело к тому, что спонсор прекратил финансирование, а нового найти так и не удалось. Никто не желал связываться с изданием, политика которого противоречила убеждениям правительства. Последний номер вышел в октябре 1917 года.

Уолдо Фрэнк, который до последнего пытался найти инвестора и сохранить «The Seven Arts», считал, что журнал закрылся из-за чрезмерного эгоизма его лидеров.

В январе 1917 года Фрэнк опубликовал свой первый роман «Нежеланный» («The Unwelcome Men»). А после закрытия «The Seven Arts» он снова вернулся к писательскому труду. В 1919 году выпустил книгу «Наша Америка» («Our America»), основными идеями которой были лишения американской культуры и выстроенные пуританизмом барьеры.

Кроме «The Seven Arts», он активно публиковался в литературно-политическом журнале «The New Republic» (1914 – по настоящее время), где с 1925 по 1930 занимал пост соредактора вместе с Гербертом Кроули (Herbert David Croly, 1869-1930).

В 1926 году Уолдо Фрэнк в качестве соредактора принимал участие в создании марксистского журнала «The New Masses» (1926-1948), сотрудничество с которым не продлилось долго из-за его поездки сначала в Европу, а потом в Южную Америку.

Фрэнк оставался сторонником социальной и политической реформы. Его художественные и критические эссе, отображающие «мистический национализм», отличали философию автора не только в журналах, но и в творчестве в целом [3: 400].

В 1925 году Уолдо Фрэнк становится постоянным автором только что открывшегося журнала «The New Yorker» (1925 – по настоящее время), выступая под псевдонимом «Search-light».

В 1927 году Фрэнк пишет книгу «Переоткрытие Америки» («Re-discovery of America»), которую публикует с декабря 1927 по сентябрь 1928 в «The New Republic». С нее начинается тур с лекциями об искусстве и литературе по странам Латинской Америки.

Благодаря этим лекциям 1930-е годы стали для Фрэнка долгим отступлением от привычных тем об американской культуре. Он погрузился в изучение «литературно-левой политики народного фронта» [10]. Осенью 1931 года Фрэнк побывал в Скандинавии и России, о чем написал в довольно экспериментальной по содержанию книге «Рассвет в России», опубликованной в 1932 году.

После путешествия в Россию и Скандинавию писатель снова возвращается в Латинскую Америку и посещает Чили, Бразилию, Аргентину, Мексику и Испанию. В этот период литературная репутация Фрэнка в Соединенных Штатах, резко упавшая в конце 1920-х, к концу тридцатых практически не су-

ществовала, о нем забывали даже бывшие коллеги и соратники.

Характер Фрэнка был весьма противоречивым. Будучи мистиком, он считал, что «смирение и пассивное уступничество самому себе должны иметь важное значение для достижения истины» [10]; но при этом он был эгоистом и жаждал славы. «Он обладал впечатляющими интеллектуальными дарами, но связал интеллект с эмоциональным бесплодием. Мудрость, по его мнению, была интуитивной. Он верил в любовь, но его жизнь была усеяна разрушенными отношениями, поскольку он требовал от друзей глубокой приверженности, не допускающей разногласий и требующей слепого восхищения, которое часто невозможно было испытывать» [10].

Пол Розенфельд отмечал, что романы Фрэнка были несчастным результатом того, что человек стремится «действовать в направлении, противоположном тому, которое является естественным для него» [12: 107-108]. Неспособность Фрэнка создать правдоподобный характер, отсутствие у него спасительного чувства комического и склонность его воображения переходить к платоническим формам казались ограничениями, которые были наименее очевидны в его собственном жанре в дискурсивной «истории», сочетавшем в себе спекуляцию, историю, литературную и культурную критику, репортаж и пророчество.

Фрэнк считал, что надежда Америки заключается в «изменении отношения и курса Соединенных Штатов, основанном на истинной природе американского народа, которая великодушно выражена новым правительством» [4: 171]. Этими заключительными словами из последней книги «Куба: остров пророков» («Cuba: Prophetic Island», 1961) заканчивается литературная деятельность Уолдо Фрэнка.

Умер Уолдо Дэвид Фрэнк 9 января 1967 года в Нью-Йорке.

Библиографический список

1. Горбуненко А.Ф. Редакторский корпус литературного

журнала «The Seven Arts» // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2015. № 2. С. 145-148.

2. Bourne R. The War and the Intellectuals // The Seven Arts. V. 2. No 2. June, 1917. P. 133.
3. Brooker P., Thacker A. The Oxford critical and cultural history of modernist magazines. Oxford; New York: Oxford University Press, 2009. 400 p.
4. Frank W. Cuba: Prophetic Island. NY: Marzani and Munsell, 1961. 171 p.
5. Frank W. The Rediscovery of Man: A Memoir and a Methodology of Modern Life. NY: George Braziller, 1958. 230 p.
6. Memoirs of Waldo Frank / Ed. by A. Trachtenberg. Amherst, Massachusetts, 1973. P. 83.
7. Mumford L. The Conduct of Life. NY: Harcourt, Brace, 1951. 299 p.
8. Ogorzaly M.A. Waldo Frank, Prophet of Hispanic Regeneration. Lewisburg: Bucknell University Press; London and Toronto: Associated University Presses, 1994. P. 14.
9. Oppenheim J. The Story of the Seven Arts // The American Mercury. June, 1930. P. 159.
10. Paynter E. American Writers in the Machine Age. URL: http://thankyouoneandall.co.uk/paynter/paynter_american_writers_chap_7.htm (date of access: 01.02.2019).
11. Richman Sh. Libertarian Left // The American Conservative (Feb. 2011). URL: <http://www.theamericanconservative.com/articles/libertarian-left/> (date of access: 01.02.2019).
12. Rosenfeld P. Men Seen. NY: Dial Press, 1926. P. 107-108.
13. The Seven Arts // The Seven Arts. V. 1. No 1. November, 1906. NY, 1906.
14. Waldo Frank Papers // Special Collections Department of Library of the University of Delaware. URL: <http://www.lib.udel.edu/ud/spec/findaids/frank.htm> (date of access: 01.02.2019).

Works Cited

1. Gorbunenko A.F. Redaktorskiy korpus literaturnogo zhurnala «The Seven Arts» // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2015. № 2. S. 145-148.

УДК 32

© **О.Р. Жерновая, Н.С. Лобанова**
 ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
 Нижний Новгород, Россия

Миграционная политика Великобритании. Образ мигранта в британских СМИ

Начиная с конца XX века, с активизацией процессов глобализации, в международных отношениях наступил новый этап развития. Формирование единого экономического, политического и информационного пространства оказало влияние на политику подавляющего большинства участников современного миропорядка [1]. Границы государств становятся более открытыми, а их экономики с каждым годом переплетаются все сильнее. Острая необходимость, в первую очередь развитых стран в рабочей силе привела к увеличению миграционных потоков. Подобное положение дел вынуждает правительства раз-

ных стран обратить более пристальное внимание на собственную миграционную политику. Приток иностранцев работоспособного возраста не только стимулировал экономический рост и развитие производства, но и привел к росту безработицы среди местного населения, появлению гетто – целых районов, где живут одни мигранты, и другим негативным последствиям. Проблема формирования миграционной политики является особо актуальной для развитых стран, так как высокий уровень жизни и наличие рабочих мест делают эти государства привлекательными для иностранцев: от высококвалифицированных

кадров до беженцев.

Статья посвящена миграционной политике Великобритании и образу мигранта в британских СМИ. В данной работе мы используем термины «мигрант» и «иммигрант» и хотели бы уточнить, что трактуется под этими понятиями. Под термином «мигрант» мы понимаем физическое лицо, сменившее свое место жительства временно или постоянно и поселившееся в другой стране. Термин «иммигрант» определяется как лицо, въезжающее в иностранную для него державу для последующего проживания и трудоустройства в ней. Рассмотрение в рамках изучаемого вопроса политики Соединенного Королевства в отношении мигрантов вызывает интерес ученых по нескольким причинам. Во-первых, миграционная политика Великобритании имеет богатую историю со своими достижениями и неудачами, что говорит о том, что правительство придает этому вопросу большое значение. Необходимость выработки выверенной позиции по мигрантам вызвана тем, что британцы сталкиваются с этой проблемой постоянно, начиная с 50-х гг. XX века [4: 33]. Во-вторых, сегодня, в связи с процедурой Брексит (выхода из Европейского Союза), Лондон стоит на пороге важных перемен. Выход из ЕС повлечет за собой кардинальный пересмотр миграционной политики. Именно острый миграционный кризис считается одним из главных факторов, склонивших британских граждан к принятию решения о выходе из Евросоюза [6: 13]. В-третьих, изучение опыта миграционной стратегии Великобритании может оказаться полезным при формировании аналогичной политики в других странах, столкнувшихся с наплывом мигрантов, в том числе в России.

Многовековая история Великобритании знает много примеров, когда страна сталкивалась с миграционными движениями населения, оказывавшими влияние на развитие государства. Соединенное Королевство принимало гугенотов, бежавших от гонений французского монарха, множество британских подданных отправлялись в Северную Америку в поисках лучшей жизни [6: 23-24]. Однако тогда подобные процессы практически не регулировались государственным аппаратом. Необходимость в разработке миграционной политики появилась после Второй мировой войны. В 50-е гг. темпы эмиграции британского населения выросли, и государство, которому требовалось восстанавливать пошатнувшуюся экономику, нуждалось в рабочей силе. Многие европейцы были готовы отправиться на Британские острова, поэтому правительство Соединенного Королевства открыло свои границы для трудовых иммигрантов. Кроме того, трансформация колониальной системы Британской империи в Содружество дала возможность жителям доминионов получать гражданство Великобритании в упрощенном порядке, что также стимулировало иммиграционные потоки.

При всем этом правительство осторожно подходило к вопросам миграционной политики и разработало ряд законов, чтобы контролировать процессы миграции. В частности, Иммиграционный Акт 1971 г. и Закон о расовых отношениях 1976 г. давали необходимые права и свободы иммигрантам, но в то же время четко разделяли коренных британцев и переселенцев других этносов [10]. Необходимо отме-

тить, что на первых этапах отток населения превышал приток иммигрантов, а ассимиляция иностранцев в британское общество происходила быстрее, так как подавляющее большинство приезжих разделяло общеевропейские ценности. Эти факторы позволили Великобритании избежать многих проблем, связанных с резким увеличением числа иммигрантов, и справиться с возникшими перед государством вызовами.

В 80-е гг. ситуация с мигрантами резко поменялась. Вступление Соединенного Королевства в Евросоюз, Закон о гражданстве 1981 г. [5], а также приход к власти М. Тэтчер привели к реструктуризации миграционной политики. Обострилась борьба с нелегальной миграцией, стали возникать конфликты между британцами на расовой почве, а превалирующей группой переселенцев стали беженцы, привлекаемые высоким уровнем жизни в стране и внушительным размером пособий. Приток мигрантов стал значительно больше, а их основу начали составлять неевропейцы. Придерживаясь позиций толерантности и мультикультурализма, правительство Великобритании терпимо относилось к привычкам, традициям и обычаям новых переселенцев, не препятствовало сохранению и использованию родного языка мигрантами. Однако это усложнило ассимиляцию многих приезжих, которые предпочитали обосновываться рядом с себе подобными, что неизбежно приводило к появлению обособленных общин, которые часто ставили свои традиции выше государственных законов. В результате среди коренных жителей стало расти недовольство. Все большую популярность обретали идеи национализма. Общественное возмущение привело к тому, что миграционный контроль был усилен, и Великобритания вопреки правовым постулатам ЕС заняла принципиальную позицию по иммиграционному вопросу [4: 78-82]. Печально известный теракт в лондонском метро в 2005 г., потрясший британское общество, окончательно закрепил тенденцию на ужесточение миграционной политики.

В настоящий момент в Великобритании проживает более 8,5 млн граждан, родившихся за рубежом, из которых около 36 % являются жителями Лондона [14]. При этом экономика государства по-прежнему нуждается в дешевой рабочей силе, но в то же время страдает от растущей безработицы среди молодежи, наплыва нелегальных мигрантов и острых этнических конфликтов. Особенно остро стоит вопрос об интеграции приезжих в общество. Таким образом, можно сделать вывод о том, что современная миграционная политика Великобритании направлена на достижение иммиграционной устойчивости [2: 48]. Однако в данный момент всеобъемлющий проект по урегулированию возникших проблем отсутствует, что, в первую очередь, связано с неопределенностью в вопросе о механизме выхода Соединенного Королевства из Европейского Союза. Когда в марте 2017 г. королева Елизавета II одобрила законопроект о запуске процедуры по выходу Великобритании из ЕС, стало понятно, что обратного пути не будет, и правительству Т. Мэй предстоит длительные и тяжелые переговоры с Брюсселем. Необходимость решения этого вопроса фактически откладывает решение иммиграционной проблемы до тех пор, пока не будут

выработаны условия выхода государства из интеграционного объединения Европы.

Тем не менее, согласно исследованиям Ipsos MORI, именно иммиграция занимает первое место среди проблем, вызывающих беспокойство британских граждан [12]. Поэтому правительство Великобритании заинтересовано в понижении градуса напряженности вокруг этой проблемы и примирении сторон конфликта на некоторое время. Немаловажную роль в смягчении остроты иммиграционного вопроса могут сыграть средства массовой информации. В настоящее время СМИ способствуют формированию определенного отношения граждан к освещаемой проблеме за счет высоких возможностей манипуляции общественным сознанием. Посредством специальных методов воздействия, таких как обращение к общепринятым ценностям и стереотипам, искажение или утаивание информации, эмоциональное воздействие, информационные ресурсы создают стереотипную модель, которой описывают наблюдаемое явление. Недостаточная осведомленность большей части британского населения об аспектах иммиграционной проблемы приводит к восприятию действительности через образ, созданный СМИ, который часто не соответствует реальному состоянию дел.

Газеты, телеканалы и интернет-издания Великобритании стали уделять мигрантам повышенное внимание задолго до референдума 2016 г. о выходе Великобритании из ЕС. О резком увеличении числа публикаций по этой проблеме можно говорить после 2005 г., связанного с терактом в лондонском метро [3: 165]. За то время, что иммиграционная проблема находится в информационной повестке, в британском обществе сформировался некий типичный образ мигранта, ярко отраженный в многочисленных публикациях британских СМИ. Этот образ представляет собой набор распространенных суждений о приезжающих в Соединенное Королевство иностранцах. К примеру, в британском обществе сложилось мнение о том, что мигранты, в целом, негативно влияют на экономику страны. В частности, в статье Daily Mail сообщается, что «мигрантам из ЕС проще устроиться на работу, чем британским гражданам», в то время как в других развитых странах Европы ситуация прямо противоположна [7].

Таким образом, растущая безработица британцев связывается с нахождением Великобритании в составе ЕС, которое дает возможность иностранцам вывозить денежные средства из страны и этим ослаблять национальную экономику. Другой стереотип связан с идеей о том, что в Великобритании слишком много мигрантов и их количество необходимо существенно сократить [11]. Например, новости, сообщающие о «наплыве» румынских и болгарских мигрантов, вызывают страх у британцев, которые воспринимают приезжих как «клянчащих пособия цыган» [3: 163]. Наиболее распространенным суждением британцев о мигрантах является мысль о том, что приезжие не хотят интегрироваться в британское общество. Укреплению этой точки зрения способствуют новости различных ресурсов о меняющемся облике британских городов, «потонувших в гетто из-за неспособности правительства совладать с массовой иммиграцией» [8]. Одна из статей издания Independent

посвящена Бостону, который стал одним из «самых плохо интегрированных мест» в Великобритании [9]. Другим ярким элементом образа мигранта, созданного британскими СМИ, является мнение об их зависимости от социальных пособий. В частности, выпущенный в 2014 г. на одном из ведущих каналов Великобритании документальный фильм «Улица, живущая на пособия» вызвал бурную реакцию в британском обществе. Авторы проекта показали жизнь улицы Дж. Тернер в Бирмингеме, преимущественно населенную бедняками, в число которых входит немало иммигрантов [3: 167]. Таким образом, усилиями британских СМИ сформировалось негативное отношение граждан к иммигрантам на основании вышеупомянутых стереотипов. Главной задачей формирования такого образа являлось создание почвы для выхода из ЕС и связывание иммиграционной проблемы с евроинтеграцией, которая невыгодна некоторым кругам британского общества.

После того как был взят курс на выход Великобритании из Евросоюза, риторика СМИ по отношению к мигрантам смягчилась. На первое место в информационных ресурсах выступила проблема Брексит. В то же время увеличилось число публикаций, посвященных судьбе отдельных мигрантов [16]. Цель большинства из них – показать читателю приезжих с позитивной стороны, донести мысль о том, что мигранты могут приносить пользу экономике государства. Этот же прием используется для критики миграционной политики главы британского правительства Терезы Мэй. Например, в статье the Guardian, рассказывающей о судьбе разделенных семей мигрантов, сквозь строки прослеживается осуждение использования правительством «тактик, схожих с политикой администрации Трампа», которые несут «разрушительный эффект» [17]. В некоторых случаях британские издания прямым текстом критикуют текущую политику государства по вопросу мигрантов [13]. Подобная тактика позволяет сместить акцент гражданского недовольства с самих мигрантов и возложить ответственность за увеличение миграционного потока на конкретных людей в правительстве. Кроме того, увеличилось количество статей, в которых предлагаются различные меры по урегулированию миграционного кризиса. Особой популярностью пользуется вопрос о рабочих местах, особенно для низкоквалифицированной рабочей силы [15]. Подводя итог, можно сделать вывод, что в настоящее время британские СМИ работают над изменением сложившегося образа мигранта, пытаясь примирить тем самым традиционно монокультурное британское общество с жизнью в полиэтничном государстве. Данная стратегия является одним из шагов по пересмотру текущей миграционной политики Великобритании.

На сегодняшний день структура и масштабы иммиграции в Соединенное Королевство таковы, что она не достигает заявленных целей и имеет множество пагубных последствий, среди которых растущая перенаселенность отдельных районов, обострение жилищного кризиса, увеличение нагрузки на сектор государственных услуг, фрагментация общества и др. Кроме того, анализ научных исследований и повестки британских средств массовой информации показывает, что миграционная политика не получает широкой

общественной поддержки. В условиях современного мира важно, чтобы иммиграция пользовалась поддержкой населения. В противном случае возникнет угроза того, что все большая часть граждан будет отказываться принять проводимую политику, а сами иммигранты будут восприниматься как инородные элементы. Тогда последствия такого положения дел окажутся ужасающими не только для прибывающих в Великобританию иностранцев, но и для социализированных британских этнических меньшинств, что, в конечном счете, приведет к расколу общества.

В настоящий момент британское правительство принимает меры по снижению количества принимаемых мигрантов и ужесточает требования по получению гражданства, рабочих виз, убежища для иностранцев. Однако ограничение законных путей для переезда в страну приводит к росту нелегальной миграции. Она представляет большую опасность для государства в связи с растущей угрозой терроризма. Перед Великобританией стоят новые задачи, которые требуют формирования такой политики, которая бы удовлетворяла интересам большинства. Рациональная миграционная политика предполагает обеспечение баланса экономических и гуманитарных интересов мигрантов с интересами коренного населения. Правительству Великобритании предстоит найти приемлемый ответ на миграционную проблему, который бы обеспечил дальнейшее развитие государства в эпоху глобализации.

Библиографический список

1. Демченко Д.А., Алимуратов О.А., Боташева А.К. Внешняя политика современного государства: теоретико-методологический анализ современных подходов к исследованию // Вестник Пятигорского государственного университета. 2017. № 4, ч. 2. С. 259-261.
2. Еремина Н.В., Чихачев А.Ю. От политики «открытых дверей» до миграционного кризиса: реформирование миграционной политики в коммуитарном и национальном измерениях на примере Великобритании и Франции // Сравнительная политика. 2016. №4. С. 36-61.
3. Хахалкина Е.В. Иммиграционная проблема в Великобритании после референдума о Брексите – что изменилось? // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 163-170.
4. Bloch. A. The migration and settlement of refugees in Britain. – London: Palgrave Macmillan UK, 2002. 229 p.
5. British Nationality Act 1981 // Her Majesty's Stationery Office. London, 1981. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1981/61/> (дата обращения: 21.08.2018)
6. Browne A. Do we need mass immigration? : The economic, demographic, environmental, social and developmental arguments against large-scale net immigration to Britain. London: Civitas, 2002. 173 p.
7. Dathan M. The true cost of our open borders revealed: EU migrants are MORE likely to have a job in the UK than British citizens // MailOnline. 2016. Jun. 7. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-3628840/The-true-cost-open-borders-revealed-EU-migrants-likely-job-UK-British-citizens.html/> (дата обращения: 4.08.2018)
8. Dunn T. Mass immigration to Britain has changed it beyond recognition and turned communities into ghettos, reveals damning report // The Sun. 2016. Dec. 4. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/2327147/british-towns-have-changed-beyond-recognition-as-mass-immigration-turns-communities-into-ghettos-as-report-raps-governments-for-failing-to-deal-with-crisis/> (дата обращения: 14.03.2017)
9. Gallagher P. Boston: How a Lincolnshire town became 'the most divided place in England' // The Independent. 2016. Jan. 28. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/boston-how-a-lincolnshire-town-became-the-most-divided-place-in-england-a6838041.html/> (дата обращения: 05.10.2018)
10. Immigration Act 1971 // Her Majesty's Stationery Office. London, 1971. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1971/77/> (дата обращения: 20.01.2019)
11. McNeil R. Thinking behind the numbers: Understanding public opinion on immigration in Britain. University of Oxford, Migration Observatory briefing, 2011. URL: http://migrationobservatory.ox.ac.uk/wp-content/uploads/2016/04/Report-Public_Opinion.pdf/ (дата обращения: 10.07.2016)
12. New global poll finds Britons most worried about immigration // Ipsos MORI. 2016. URL: <https://www.ipsos.com/ipsos-mori/en-uk/new-global-poll-finds-britons-most-worried-about-immigration/> (дата обращения: 15.08.2018)
13. O'Grady S. Donald Trump isn't the only one whose immigration policy is doomed to fail // The Independent. 2018. Aug. 10. URL: <https://www.independent.co.uk/voices/editorials/the-independent-editorial-leader-trump-may-immigration-windrush-a8486796.html/> (дата обращения: 21.08.2018)
14. Rienzo C., Vargas-Silva C. Migrants in the UK: an overview. University of Oxford, Migration Observatory briefing, 2017. URL: https://migrationobservatory.ox.ac.uk/wp-content/uploads/2017/02/Briefing-Migrants_UK_Overview.pdf/ (дата обращения: 20.10.2018)
15. Sabbagh D. UK immigration policy should favour those with job offers, says Fox // The Guardian. 2018. Aug. 21. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2018/aug/21/uk-immigration-policy-should-favour-those-with-job-offers-says-liam-fox/> (дата обращения: 12.11.2018)
16. Tondo L., Smith S. No, Mr Salvini, migrants and refugees are not a burden – a photo essay // The Guardian. 2018. Sep. 12. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/sep/12/no-mr-salvini-migrants-and-refugees-are-not-a-burden-a-photo-essay/> (дата обращения: 11.10.2018)
17. Townsend M. 'I left my daughter at nursery. I didn't see her for a month': how UK splits migrant families // The Guardian. 2018. Aug. 5. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2018/aug/05/child-separation-migrant-parents-uk-hostile-environment-trump/> (дата обращения: 14.08.2018)

Works Cited

1. Demchenko D.A., Alimuradov O.A., Botasheva A.K. Vneshnyaya politika sovremennogo gosudarstva: teoretiko-metodologicheskii analiz sovremennykh podkhodov k issledovaniyu // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta. - 2017. - № 4, ch. 2. - S. 259-261.
2. Eremina N.V., Chihachev A.YU. Ot politiki «otkrytyh dverej» do migracionnogo krizisa: reformirovanie migracionnoj politiki v kommunitarnom i nacional'nom izmereniyah na primere Velikobritanii i Francii // Sravnitel'naya politika. 2016. №4. S. 36-61.
3. Hahalkina E.V. Immigracionnaya problema v Velikobritanii posle referendumo o Breksite – chto izmenilos' // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 421. S. 163-170.

Траектории информационных технологий: энтропия и возрождение аудитории

Новая онтология медиа преобразовала гуманитарную сферу общества. С позиций теории синергетики меняющиеся материальный и идеальный миры неравновесны и хаотичны, таковы свойства и относящиеся к ним объектов: социума, культуры, науки, политики, журналистики [9: 7; 17: 425]. Журналистика как творческая социальная деятельность, язык, этика, деонтология соответствуют духовному состоянию общества, его культурному статусу [16: 2].

Междисциплинарный подход в науке в настоящее время достаточно актуален: данная методология используется многими известными специалистами в области коммуникации, теории медиа, дискурса политики, культуры и литературы. Гуманитарным и физическим процессам в обществе и природе свойствен изоморфизм, основанный на тождестве структур их объектов, вследствие чего вполне приемлем анализ с использованием единого корпуса операциональных единиц.

Исследователи справедливо полагают, что эволюционные траектории информационных технологий и журналистики представляют собой многовекторные, разнонаправленные, но не линейные и не последовательные процессы [2: 83-85; 1: 84-87; 12: 13-15; 13: 9-11]. Энтропия аудитории рассматривается нами в рамках теории, которая синтезировала идеи термодинамики, функционализма, кибернетики и ряда других наук. В физике максимальная энтропия системы свидетельствует о термодинамическом равновесии, для которого характерно равенство макроскопических параметров, в гуманитарных науках – журналистике, медиологии – рост энтропии ведет к неравновесности, дезинтеграции систем [7].

Последующие рассуждения относятся к эволюционным и коэволюционным процессам социальных и природных объектов, которым свойственна самоорганизация. Нами используется ряд понятий, требующих авторской рефлексии: синергетический подход, холономность, энтропийность, иммерсивность и др.

Синергетическая концепция, используемая во многих работах, получает свое развитие в рамках теории постнеклассики [14], которая разрабатывает новые методы исследования динамических неравновесных объектов как дополнение к диалектическому и системному подходам [15]. При этом эволюция динамических систем, например, уже указанных журналистики, рекламы или медийной речи, в результате воздействующих факторов оказывается разновекторной – от проспективного и оптимального развития до стагнации и агональности. Следует напомнить, что не все исследователи считают правомерным и эффективным синергетический подход к гуманитарным областям знания, к журналистике в том числе,

поскольку еще не выработана четкая, последовательная методология и не определен терминологический тезаурус междисциплинарной теории.

Наблюдаемые нами объекты – мультимедиа, язык, аудитория и другие – относятся к сложным, открытым и неравновесным системам, которые, в свою очередь, состоят из самостоятельных информационно-коммуникационных подсистем рекламы, PR, блогинга, стилистических формаций языка, медиатекстов, гипертекстов, типов аудитории и проч. Все составляющие элементы структур вариативны и адаптированы к технологическим площадкам размещения: сайтам, социальным сетям, мессенджерам, мобильным приложениям, подкастам и др. Что касается аудитории пользователей (детская, молодежная, ветеранская), то она также подвижна и неустойчива, ее социальные страты представляют холон как части целого и целое (народ). Холономные свойства аудитории связаны с неравновесностью среды, иначе говоря, информационный потенциал общества зависит от качества потребляемых духовных продуктов. Информационный потенциал журналистики отражает интеллектуальный потенциал социума, который вбирает в себя креативные духовные продукты [4: 16].

Поскольку общество потребляет низкие образцы духовной пищи, его информационный потенциал крайне невысок. С.Г. Корконосенко указывает на достаточно давно наблюдаемые явные «симптомы кризиса российской журналистики: резкое усугубление производственно-экономических трудностей, падение политико-идеологического, морального и делового влияния, снижение профессионально-творческого уровня, сокращение объема производства информации» [8: 124]. Все это способствовало сокращению читательской аудитории.

Средой функционирования называемых научных объектов является интернет-пространство и медиарынок.

Таким образом, синергетический подход вполне уместен при анализе подвижек и трансформаций систем медиа и аудитории.

Наши наблюдения показывают: диссипация аудитории – причина закономерного разрушения ее структуры. Энтропия аудитории на данный момент привела ряд профильных рынков в состояние перманентного кризиса. С.Г. Корконосенко считает, что «часть журналистов плохо знает свою предполагаемую аудиторию. Огромный массив публикаций обращен к некоему абстрактному читателю. Это влечет за собой усредненный стиль материалов, безликость изданий и их похожесть друг на друга» [8: 105]. Разумеется, аудитория хотела бы читать качественную фактологическую прессу, видеть в публикациях объективные картины общественной жизни, однако, по

данным анализа региональной печати, газеты на три четверти заполнены отражением позиций и действий работников аппаратно-управленческого звена. По этой причине в информационном пространстве возникает неравенство в представлении социально-экономических интересов различных групп людей, что в течение последних лет продуцирует апатию, снижение социальной активности, недоверие к СМИ. Автор подчеркивает: «В политико-государственной области наблюдается не коллапс новой системы (она так и не успела обрести ясных очертаний), а последний этап разрушения прежней, дореформенной модели» [8: 124]. Иначе говоря, произошел кризис журналистики на почве утраты системности, а ее хаотическое состояние вызвало энтропию аудитории.

В синергетике понятие энтропии используется как мера состояния системы. В нашем случае энтропия является показателем неорганизованности аудитории. Степень порядка потребления информационных продуктов определяется регулярностью обращения к их источникам. Последние, представляя элементы системы, должны преподносить информацию в соответствии с комплексом норм и ценностей, принятых в обществе, хотя нормативная степень упорядоченности аудитории не должна быть абсолютной, поскольку аудитория состоит из живых людей разных взглядов, вкусов, гендерных характеристик. Хаотическое состояние любого объекта – свидетельство его максимальной энтропии, после которой наступает разрушение. Однако из хаоса всегда возрождается новый порядок, так как в результате самоорганизации происходит переход в новое неравновесное состояние. В этой фазе эволюции и журналистика, и аудитория, например, вполне могут восстановиться в преобразованном качественно-количественном виде. На настоящий момент наиболее жизнестойкими самоорганизующимися системами оказываются в сфере медиа – реклама, в сфере потребителей – пользователи новых мессенджеров и мобильных приложений. Очевидно, что технологические инновации поднимают коммуникационный потенциал аудитории и начинается стихийное образование новой системности. Высвобождаемая энтропийная энергия направляется на самоорганизацию и упорядочение макрообъектов из хаотически взаимодействующих элементов.

В современных исследованиях интернет-коммуникация представляется горизонтальной по структуре, неформализованной, содержательно противоречивой разновидностью социальных интеракций, иными словами, преимущественно хаотической средой, пределы возможностей которой определяются техническими и технологическими факторами. Между тем цифровое пространство сети – упорядоченная материя, в основе которой – строго определенные системные протоколы, алгоритмы математической, программной и аппаратной логики, измеряемые, фиксируемые и контролируемые значения.

Причинами бессистемности виртуальной коммуникации оказываются информационные технологии, структурно-функциональные трансформации поля Интернета, социокультурные характеристики аудитории. Массовая коммуникация сопровождается изоляцией субъекта, что приводит к постепенному смещению векторов восприятия реальности в его со-

знании: в этих условиях не жизненный мир личности оценивается особенностями социальной реальности, но социальная реальность оценивается, исходя из обстоятельств жизненного мира личности. Одним из следствий этого смещения является изменение структурной и функциональной роли журналиста – в условиях интерактивной среды он все более приобретает черты агрегатора информации и утрачивает при этом большую часть профессионально-творческих функций.

Если известный метафорический образ демона Максвелла перенести из термодинамики в область компьютерных автоматизированных систем, то обнаружатся некоторые аналогии. В электрическом поле производится обработка каждого бита входящей информации, например, о скорости и координатах приближающихся молекул. «Пропустив или отклонив молекулу, система должна произвести сброс прежней упорядоченной информации, что равносильно повышению энтропии на величину, равную снижению энтропии в результате упорядочивания газа при пропуске или отклонении молекулы, информация о которой стерта из оперативной памяти компьютерного демона» [3]. Зависимость между информацией, энтропией и действием аналитической системы может быть экстраполирована на поведение пользователя, получившего в процессе диссипации медиа частичные функции редактора и модератора. Иначе говоря, любое коммуникативное действие с получаемой информацией повышает собственную энтропию пользователя в результате перманентного замещения сообщений. Непрерывность и беспорядочность сообщений не позволяет составить целостную информационную картину событий. Указанная зависимость приводит и к противоположному результату: чем больше информации получает пользователь, тем меньше возможности для ее обработки он имеет.

Подобный механизм лежит в основе формирования статуса пользователей в виртуальной коммуникации. Статус строится, в первую очередь, на понятии коммуникативного капитала. Коммуникативный капитал конкретного пользователя представляет отношение количества реальных актов коммуникации к количеству потенциальных нереализованных актов. Чем меньше получаемое в результате число, тем больше коммуникативный потенциал конкретного субъекта.

Расширение информационного поля Интернета объясняет теория сингулярности. Технологии совершенствуются по экспоненте, с ускоряющейся частотой: каждый новый способ коммуникации появляется быстрее предыдущего: например, информационные технологии, нанотехнологии, биотехнологии, искусственный интеллект. Считается, что ускоренное развитие информационных технологий приведет к сингулярности, которая наступит, по разным подсчетам, к 2050–2100 гг. [5]. В медиасистемах ускоряющиеся энтропийные процессы ведут, как уже было сказано, к увеличению информационного хаоса. Коммуникативный потенциал аудитории в этих условиях падает. Пользователь представляется элементом замкнутой системы, в которой работает условный принцип демона Максвелла: энтропия в системе равна потере информации, то есть происходит стирание

данных, равное энтропии в закрытой системе. Подобную методологию использует Тим Комбер в своем исследовании «Анализ энтропии, избыточности и сложности в графических пользовательских интерфейсах», подчеркивая, что если энтропия в физике является мерой состояния хаотичности системы, то в теории коммуникации она определяет количество неопределенности в прогрессирующих сообщениях. В условиях высокоорганизованных передач сообщений энтропия незначительна. Системы, в которых изменения элементов носят случайный характер, называются стохастическими, или вероятностными [18: 58].

К подобным выводам пришли индийские исследователи в статье «Доступ к актуальной и точной информации посредством энтропии»: «Если веб-контент имеет меньшее значение энтропии, то велика вероятность того, что он будет содержать более точные и релевантные данные в сети» [20: 451].

Рассеивание смыслов в информационных потоках происходит вследствие факторов вариативности. Систематизация медиа – это тот интегративный механизм, который компенсирует энтропию пользователя в стохастической информационной среде и позволяет программировать последовательность гипертекстуальных связей в интерактивных операциях. Внедрение жанровых структур призвано упорядочить потоки информации, делая процесс энтропии относительно прогнозируемым и управляемым.

Медиазация общества – это бытие в безграничном визуальном мире компьютерных технологий, бытие в условиях симуляций, иммерсивности (от лат. *immergēre* «окуна́ть», «погружа́ть», *immersive* «погруженный») [19]. Погруженность в вымышленную неореальность, в которой можно не только присутствовать, но и активно ею управлять, все более изолирует субъекта от общества, от активной жизни. Сегодня технологии, создающие эффект присутствия, приобрели широкую употребительность в ряду новых бытовых реалий: иммерсивные шлем, камера, бинокль, автотренажер, иммерсивное кино, видео, TV, иммерсивная телесность и под. Производители мобильных устройств предлагают пользователям новые модели телефонов, в частности, Samsung имеют иммерсивный экран [6]. В результате иллюзорный мир стал для большинства пользователей, особенно для поколения Z или iGen, понятнее и ближе, нежели будничная реальность, наполненная неразрешимыми социально-экономическими проблемами.

Выводы: сложившееся на настоящий момент научное мировоззрение основывается на представлении о мировых процессах как открытых, нелинейных, многовариантных. Философию нестабильности разрабатывали многие ученые. Огромный вклад в основу теории внес физико-химик и философ, лауреат Нобелевской премии И.Р. Пригожин, утверждавший, что неравновесность, хаос макроскопических и иных систем являются неотторжимыми свойствами мира, которые провоцируют дальнейшую самоорганизацию и качественные преобразования [11]. «Замечательная особенность нашего подхода, – отмечает автор, – состоит в том, что он позволяет «современить пространство» – наделить его временной структурой, задаваемой происходящими в пространственном континууме необратимыми процессами» [10: 7].

Предполагается, что дальнейшее развитие коммуникационного потенциала аудитории связано с расширенным применением иммерсивных, AR-, нанотехнологий. Это приведет к стиранию границ между виртуальной и материальной реальностями и, далее, к сингулярности. Последнее, в соответствии с теорией И.Р. Пригожина, означает победу энтропии и интенсивное оздоровление культуры, журналистики, читательской аудитории.

Библиографический список

1. Богдаевский А.Е. Понимание медиа: внутреннее сжатие цивилизации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2016. № 1. С.84-87.
2. Богдаевский А.Е. Четвертая медиареволюция: трансдисциплинарный подход // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2018. С. 83-85.
3. Возможно ли нарушение второго начала термодинамики? URL: https://elementy.ru/trefil/21166/Demon_Maksvela (дата обращения: 01.01.2019).
4. Демина И.Н., Шкондин М.В. Синергетика и теория журналистики: аспекты исследования медиасистемы // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5. № 1. С. 14-28.
5. Жаров А. Будущее. Эволюция продолжается. URL: http://fan.lib.ru/z/zharow_a/2050buduschee.shtml (дата обращения: 01.01.2019).
6. Иммерсивные устройства. URL: <http://paradigmatic.ru/immersivnyie-ustroystva/> (дата обращения: 01.01.2019).
7. Каплунов В. Что такое социальная энтропия? URL: <http://root.elima.ru/texts/?id=469> (дата обращения: 01.01.2019).
8. Корконосенко С.Г. Основы журналистики: учебник для студентов вузов. Издание второе, переработанное и дополненное. М.: Аспект Пресс, 2009. 318 с.
9. Медиафилософия. Основные проблемы и понятия; под ред. В.В. Савчука. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2008. С. 7-39.
10. Пригожин И.Р. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. М.: Наука, 1985. 328 с.
11. Пригожин И.Р. Очеловечивание человека, креативность природы и креативность человека / Сб.: Вызов познанию: стратегии развития науки в современном мире. Отв. ред. Н.К. Удунян. М.: Наука, 2004. С. 250. URL: <https://vikent.ru/author/324/> (дата обращения: 01.01.2019).
12. Прохоров Е.П. Идеи синергетики и методология журналистики // Вестник Московского государственного университета. Сер. 10. Журналистика. 2009. № 2. С. 13-30.
13. Свитич Л.Г. Журнализм в контексте современных научных парадигм // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5 № 4. С. 546-561.
14. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2009. С. 249-295.
15. Талей Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, 2011.
16. Тулупов В.В. Современная журналистика: перерождение или подмена деятельности? // Акценты. Альманах. Выпуск 5-6 (148-149), ВГУ, 2017. С. 2-5.
17. Шакиров А.И., Сафиуллина Г.Р. Трансформация журналистики в условиях «визуального поворота» // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 5 (360). Филология. Искусствоведение. Вып. 94. С. 425-431.
18. Comber T. 2010, An analysis of entropy, redundancy and

- complexity in graphical user interfaces', MBA Southern Cross University, Lismore, NSW.Pp.152. URL: https://works.bepress.com/tim_comber/27/ (дата обращения: 01.01.2019).
19. Sandrone A.M., Coda C. Dizionario Italiano – latino. Latino – italiano. Libritalia, 2002 la Spezia. P. 137.
  20. Sarowar Kumar, Kumar Abhishek, Singh M. P. Accessing Relevant and Accurate Information using Entropy// Journal Procedia Computer Science 54 (2015). P. 449-455.
  8. Korkonosenko S.G. Osnovy zhurnalistiki: uchebnik dlya studentov vuzov. Izdaniye vtoroye, pererabotannoye i dopolnennoye. M.: Aspekt Press, 2009. 318 s.
  9. Mediafilosofiya. Osnovnyye problemy i ponyatiya; pod red. V.V. Savchuka. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo filosofskogo obshchestva, 2008. S. 7-39.
  10. Prigozhin I.R. Ot sushchestvuyushchego k vznikayushchemu. Vremya i slozhnost' v fizicheskikh naukakh. M.: Nauka, 1985. 328 s.
  11. Prigozhin I.R. Ochelovechivaniye cheloveka, kreativnost' prirody i kreativnost' cheloveka / Sb.: Vyzov poznaniyu: strategii razvitiya nauki v sovremennom mire. Otv. red. N.K. Udumyan. M.: Nauka, 2004. S. 250. URL: <https://vikent.ru/author/324/> (data obrashcheniya: 01.01.2019).

Works Cited

1. Bogoyavlenskiy A.E. Ponimaniye media: vnutrenneye szhatiye tsivilizatsii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. 2016. № 1. S.84-87.
2. Bogoyavlenskiy A.E. Chetvertaya mediarevolutsiya: transdistsiplinarnyy podkhod // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. 2018. S. 83-85.
3. Vozmozhno li narusheniye vtorogo nachala termodinamiki? URL: https://elementy.ru/trefil/21166/Demon_Maksvella (data obrashcheniya: 01.01.2019).
4. Demina I.N., Shkondin M.V. Sinergetika i teoriya zhurnalistiki: aspekty issledovaniya mediasistemy // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2016. T. 5. № 1. S. 14-28.
5. Zharov A. Budushcheye. Evolyutsiya prodolzhayetsya. URL: http://fan.lib.ru/z/zharow_a/2050buduschee.shtml (data obrashcheniya: 01.01.2019).
6. Immersivnyye ustroystva. URL: <http://paradigmatic.ru/immersivnyie-ustroystva/> (data obrashcheniya: 01.01.2019).
7. Kaplunov V. Chto takoye sotsial'naya entropiya? URL: <http://root.elima.ru/texts/?id=469> (data obrashcheniya: 01.01.2019).
12. Prokhorov E.P. Idei sinergetiki i metodologiya zhurnalistiki // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika. 2009. № 2. S. 13-30.
13. Svitich L.G. Zhurnalizm v kontekste sovremennykh nauchnykh paradig // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2016. T. 5 № 4. S. 546-561.
14. Stepin V.S. Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlicheniya // Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura. SPb.: Izd. dom «Mir'», 2009. S. 249-295.
15. Taleb N.N. Chernyy lebed'. Pod znakom nepredskazyemosti. M.: KoLibri, 2011.
16. Tulupov V.V. Sovremennaya zhurnalistika: pererozhdeniye ili podmena deyatelnosti?// Aktsenty. Al'manakh. Vypusk 5-6 (148-149), VGU, 2017. S. 2-5.
17. Shakirov A.I., Safiullina G.R. Transformatsiya zhurnalistiki v usloviyakh «vizual'nogo povorota»// Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 5 (360). Filologiya. Iskusstvovedeniye. Vyp. 94. S. 425-431.

УДК 80

© И.О. Никулин

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Краснодар, Россия

Сатирические печатные издания в системе СМИ

История журналистики свидетельствует, что система СМИ подвержена видоизменениям в зависимости от развития государства, общества, социально-политических и экономических характеристик того или иного периода. Политический строй, государственная идеология предьявляют такие требования к СМИ, которые могли бы способствовать необходимому развитию как социума, так и страны в целом. Причем современное внимание к истории медиа может способствовать решению новых задач, например, эффективному продвижению издания в сегодняшних рыночных условиях [8].

Вот почему в различные периоды система СМИ представляет особенную палитру. Происходят изменения в типологии, в востребованности того или иного типа СМИ, жанра, методик и т.д. Во времена СССР одну из ведущих ролей в системе СМИ зани-

мали сатирические печатные издания. Именно на них делала ставку власть, именно с помощью таких изданий власть задавала нужный тон развитию советского общества на пути к утверждению социализма. С помощью подобных изданий власть поучала, развлекающая советского читателя. Этот ход был очень тонок и правилен в плане выбора определенной категории печатных изданий.

История русской публицистики имеет яркую традицию осмеивания социальных и общественных пороков. Многие известные русские писатели, такие как А.Д. Кантемир, И.А. Крылов, М.Е. Салтыков-Щедрин и другие, своими сатирическими произведениями способствовали, по мнению ряда специалистов, социальному прогрессу. Так, А.Д. Кантемир утверждал, что «сатиру можно назвать таким сочинением, которое забавным слогом, осмеивая злонравие,

старается исправлять нравы человеческие» [5: 442]. Помимо А.Д. Кантемира, были и другие знаменитые творческие личности, которых волновал вопрос сатиры. Так, знаменитый русский писатель М.Е. Салтыков-Щедрин говорил о том, что «единственно плодотворная почва для сатиры есть почва народная, ибо ее только и можно назвать общественной в истинном и действительном значении этого слова» [10: 102].

Отечественные сатирические периодические издания были направлены на исправление нравов, и это исправление происходило в соответствии с народной ментальностью.

Советские исследователи также связывали сатиру с обществом. По словам А.М. Макаряна, «сатира непосредственно связана с общественными отношениями, рождается на их почве, становясь оружием в общественной борьбе, – оружием разрушительным и уничтожающим» [7: 25]. Таким образом, мы в очередной раз убеждаемся, что советская власть сделала стратегически верный выбор идеологического оружия.

Учитывая специфику советской идеологии, стоит привести слова еще одного советского исследователя – Е.К. Озмителя, который говорит о том, что «предмет сатиры – социальные и общественные пороки, недостатки, постижение и разоблачение смехом которых всегда осуществляется с точки зрения определенного идеала» [9: 21]. И такой идеал в то время существовал.

Что же касается целевого функционирования советских сатирических изданий, то здесь, на наш взгляд, уместно привести слова А.М. Макаряна о том, что сатира «призвана пробуждать, объединять отсталые массы народа, поднимать их самосознание, чувство собственного достоинства, самодисциплину» [7: 30].

Если рассмотреть это суждение в контексте советских сатирических изданий, то именно данную функцию они и выполняли. Только вместо «отсталых» масс они призваны были объединить рабоче-крестьянские массы.

Также именно сатирические печатные издания были выбраны советской властью в роли направляющего общественного вектора с психологической точки зрения. Смешное чаще запоминается, чем что-то серьезное. Тем более юмор – категория, которая понятна различным слоям масс. Таким образом, формировать положительное отношение к политике государства и единственной правящей партии гораздо проще с помощью таких изданий, как сатирические.

Данные издания направляли ум и эмоции советского человека в нужное русло, формировали общественное мнение. И это достигалось с помощью текста. И не меньшее воздействие на советского читателя достигалось с помощью карикатур. Так, помимо текста, визуальный ряд еще больше способствовал усвоению необходимой информации.

Развитие сатирических изданий в советский период свидетельствует о том, что они являлись важной составляющей информационного пространства советского государства. Попытаемся определить, какое место данные издания занимали в типологии СМИ.

И.А. Портянкина в своей работе «Основные функции и принципы партийной и советской печати»

[11: 15] выделяет следующие категории в советской системе печатных СМИ:

- Центральные газеты
- Приложения к газетам
- Губернские, областные, уездные издания
- Национальная пресса
- Журнальная периодика

Сатирические издания отдельно не выделялись. Однако можно предположить, что имплицитно они были представлены в таких категориях, как «приложения к газетам» и «журнальная периодика». Но мы смеем утверждать, что сатирические издания вполне могли быть и в национальной прессе, потому что данные издания выходили также на территориях республик («Дагестанский скорпион» («Красный Дагестан») – Махачкала; «Шмель» – Казахская ССР).

Предполагая, что советские сатирические издания относились к категории «приложения к газетам», мы отмечаем, что на то время существовала особая тенденция. Она заключалась в том, что основное количество сатирических изданий начинало свое существование именно как приложения к газетам. И лишь через какое-то время они становились самостоятельными изданиями. Ярким примером может послужить журнал «Крокодил», который в начале своего существования позиционировался как приложение к «Рабочей газете».

Кроме самого известного в истории советской сатирической журналистики журнала «Крокодил», а также «Лаптя», «Красного перца», выходили другие приложения, среди которых можно выделить приложения к газете «Красная звезда» («Военный крокодил», «Танком на мозоль»), к газете «Труд» («Бузотер»), к газете «Гудок» («Смехач»), к ивановской газете «Рабочий край» («Веселый ткач»), к харьковской газете «Пролетарий» («Гаврило»), к киевской газете «Коммунист» («Перец»), к махачкалинской газете «Красный Дагестан» («Дагестанский скорпион») и большого количества других, многие из которых начнут самостоятельную жизнь.

В отношении журнальной периодики сохраняют научную актуальность положения Л.Ф. Ершова. Он в своей книге «Из истории советской сатиры» [3: 25] указывает, что к середине 1923 года общий тираж журналов и численность превысили и количество, и общий тираж газет. А это, прежде всего, заслуга сатирических изданий.

Стоит также опираться и на систематику СМИ, предложенную А.И. Акоповым в работе «Методика типологического исследования периодических изданий» [1: 5]. Профессор Акопов представляет систему СМИ в нескольких вариантах. В более общем варианте он выделяет среди печатных СМИ:

- Газеты
- Журналы
- Бюллетени
- Периодические сборники

Автор просто выделил составляющие системы СМИ, не приводя примеры того, какие именно издания относились к определенной категории. Соответственно, мы можем лишь предполагать, что в данной системе сатирические издания могут быть представлены в таких категориях, как «газеты», «журналы», «бюллетени».

А.И. Акопов строит свою систематику в зависимости от уровня восприятия информации и делит их на уровни читателя «массового читателя (информация «для всех»), массового отраслевого читателя (широкий круг работников отрасли и интересующихся определенными сферами науки, техники, культуры) и специального читателя (научная и специальная информация)» [1: 8].

К СМИ «для всех» по А.И. Акопову относятся:

- Массовые газеты
- Массовые журналы

«Для широкого круга работников и любителей отрасли знания» [1: 9]:

- Массовые отраслевые газеты («Экономическая газета»)
- Массовые специальные журналы («Строитель»)
- Популярны отраслевые журналы («Радио»)
- «Для специалистов» [1: 9]:
- Специальные отраслевые газеты («Водный транспорт»)
- Специальные журналы, бюллетени, периодические сборники
- Издания научно-технической информации

Как мы видим, автор не везде представляет примеры изданий, которые относятся к определенной категории. Это в очередной раз нам дает повод лишь предполагать, к какой из категорий могли бы принадлежать сатирические издания. Если обращаться к общей типологии автора, то сатирические издания могут относиться к таким группам как «газеты» и «журналы».

Говоря о более узкой типологии А.И. Акопова, можно прийти к выводу, что сатирические издания могли бы быть представлены в категории «массовые газеты и журналы».

В классификации журналов, где находится место спортивным, медицинским, техническим, общественно-политическим и прочим изданиям, сатирические издания не попадают ни под одну из приведенных категорий.

Если принять во внимание, что данная классификация дается автором по числу изданий в убывающем по тиражу порядке, то можно утверждать, что сатирические издания не присутствуют в данной классификации по причине того, что на то время исследователи не были заинтересованы в том, чтобы обозначить данный тип изданий в своих типологиях, учитывая, что в 1970 – 1980-е годы сатирические издания не были широко представлены на рынке печатных периодических изданий.

М.В. Шкондин и Н.И. Волкова в «Типологии изданий» [13: 47] по отдельности рассматривают журнальную и газетную систему периодики.

М.В. Шкондин анализирует газетную типологию. У него газеты различают по следующим критериям:

- По сфере распространения различается несколько групп общеполитических газет. При этом автор приводит лишь центральные (всесоюзные) общеполитические газеты.
- По сфере политической и общественной жизни: экономической политике, политике в области культуры, науки, образования.

- По сфере интересов отдельных отраслей народного хозяйства, производственных объединений, предприятий, учреждений М.В. Шкондин выделяет производственные (практические) газеты.

- По субъекту политики, по издателю выделяются газеты партийных, государственных, профсоюзных, комсомольских, кооперативных организаций, творческих союзов, обществ и другие.

И снова сатирические издания не определены специально.

Н.И. Волкова, в отличие от вышеприведенных исследователей, не только четко определяет сатирические издания как определенный тип, но и представляет их как отдельную группу: «В литературно-художественных журналах преобладают литературно-художественные произведения всех жанров, что, однако, не исключает материалов общественно-политического характера, призванных оказывать на читателя эстетическое и идеологическое воздействие».

Характер информации, носящей общественно-политическую и пропагандистскую направленность, определяет группу сатирических журналов, издаваемых центральными, республиканскими и местными партийными издательствами» [14: 188].

Обратим внимание также на другие аспекты, повлиявшие на изменение типологии печатных СМИ и особенно на место сатирических изданий в ней.

На данный момент журнал «Крокодил» представляет собой только электронную версию. Отмеченная трансформация может объясняться несколькими причинами. В советскую эпоху данный журнал пользовался материальной поддержкой государства. Сейчас же вектор финансирования со стороны государства сместился в сторону несатирических изданий, так что продолжателям дела «Крокодила» осталось выбрать электронный путь как наиболее экономически выгодный.

В период 1920-х годов ВКП (б) старалась привить обществу вкус к чтению сатирической периодики, выходявшей в большом количестве. В сегодняшнем демократическом государстве власть предоставляет обществу диктовать свои условия изданиям для того, чтобы они могли функционировать.

Впрочем, уже с конца 1920-х гг., а точнее, с появления резолюции Отдела Печати ЦК о сатирико-юмористических журналах от 14 мая 1927 года, отношение к сатирической периодике со стороны советской власти становится более жестким.

В резолюции, в частности, говорилось:

«Для более целесообразной постановки сатирико-юмористических журналов провести следующие разграничения журналов по характеру обслуживания читательских групп:

- а) «КРОКОДИЛ» и «БЕГЕМОТ» превратить в сатирические журналы, ориентирующиеся на политически зрелые слои рабочих.
- б) «БУЗОТЕР» должен обслуживать широкие слои членов и работников профсоюза.
- в) «СМЕХАЧ» в основном должен быть рассчитан на широкие слои служащих» [11: 59].

Следовательно, у советской власти имелся собственный подход к классификации сатирических изданий – от собственно сатирических до сатирико-юмористических.

Теперь перейдем непосредственно к типологии и классификациям, которые нам предоставляют современные российские исследователи для того, чтобы проанализировать их в рамках нашего исследования.

В типологии, предложенной С.Г. Корконосенко, сатирические издания отсутствуют. Это деление, которое мы можем назвать достаточно общим, позволяет нам говорить о том, что сатирические издания в нем могут быть теоретически, но не фактически: они могут занимать место в таких категориях, как «по региону распространения» и «по содержательному наполнению», ведь, по словам С.Г. Корконосенко, касающихся типологии в целом, «типология СМИ находится в зависимости от многих внешних (социальных) и внутренних (журналистских) причин и факторов» [6: 85], которые приводят типологию в движение, подразумеваемое под собой прежде всего распределение газет и журналов по группам. Поэтому вполне справедливым является наше заключение, что сатирические издания лишь гипотетически могут входить в типологию С.Г. Корконосенко.

Рассмотрим общую расширенную типологию современной прессы, предложенную А.А. Грабельниковым, которая, по его мнению, стала объемнее по причине перехода «от единого партийного субъекта управления средствами массовой информации (СМИ) в годы советской власти к многосубъективности в их управлении в годы рыночных реформ» [2: 51]:

- Политическая пресса
- Информационно-коммерческая пресса
- Деловая пресса
- Отраслевая пресса
- Региональная пресса

Также А.А. Грабельников приводит классификацию СМИ «рыночного общества», которая позволяет нам более четко представить картину того, где могли быть представлены сатирические издания. Это, в основном, развлекательная и массовая печать, что опять-таки носит гипотетический характер в силу того, что это типология современной прессы в рыночном обществе, в котором отсутствует такой пласт журналистики, как сатирическая.

М.В. Шкондин в «Типологии периодической печати» [13: 67] основное внимание уделяет журналам. Автор приводит несколько типологий в зависимости от определенных факторов и с учетом ориентации на разные интересы и потребности аудитории. И учитывая, что среди человеческих потребностей есть потребность в развлекательности, то можно говорить о том, что сатирические издания могут быть представлены в данной типологии как «журналы досуга». К тому же типологию М.В. Шкондина мы можем считать более широкой в историческом контексте, нежели, например, типологию современной печати А.А. Грабельникова, что дает нам возможность сказать о том, что сатирическая печать имеет право быть в данной типологии.

Типология печатных СМИ Я.Н. Засурского [4: 230], рассматривающая такой влияющий на ее формирование фактор, как аудитория, с ее потребностями, интересами («информационные»), незначительно отличается от типологии, приводимой М.В. Шконди-

ным. И даже то, что на сегодняшний день потребность аудитории в развлечении является высокой, не побудило Я.Н. Засурского включить в свою типологию сатирические издания.

Из всех перечисленных типологий наиболее расширенную представляет М.И. Шостак [15: 27]. В классификации журналов, предложенной Шостак, с определенной точностью можно утверждать, что сатирические издания могут быть включены в такую группу, как «ежемесячники и еженедельники».

В соответствии же с интересами аудитории (многообразие образовательных, рекреативных и коммерческих запросов) можно говорить, что сатирические издания в этой типологии могут быть среди «специализированных» и «профилированных». Безусловно, «рекреативная журнальная периодика» – это та группа, куда могут включаться сатирические издания.

Также автор выделяет и рекреативную журнальную периодику, представленную журналами разного уровня и качества – от глянцевого «глосси», кроссвордных журналов, прессы «слухов и скандалов» до иронично-развлекательных «журналов для чтения на бульваре».

Если проводить параллель с вышеприведенной типологией, то можно тоже говорить о том, что сатирическая печать может быть включена в «рекреативную журнальную периодику» и «специализированные журналы». Но здесь сатирическая печать находит еще одну нишу, где бы она могла быть, – «общественно-политические журналы».

На основе полученных данных можно прийти к выводу, что сатирические издания были востребованы в советскую эпоху, так как представляли инструмент государственной политики, при помощи которой можно было управлять обществом, внедряя соответствующую идеологию.

Но парадокс заключается в том, что типология СМИ, предложенная советскими исследователями, не учитывала факт присутствия сатирической журналистики на информационном поле. Современные типологии не отражают данные типы изданий из-за крайне слабого присутствия их на рынке. Сегодня на смену сатирическим изданиям пришли развлекательные, которые характеризуются в современных типологиях как журналы для досуга.

Библиографический список

1. Акопов А.И. Методика типологического исследования периодических изданий. Иркутск: Иркутск, 1985. 96 с.
2. Грабельников А.А. Работа журналиста в прессе. М.: РИП-холдинг, 2007. 274 с.
3. Ершов Л.Ф. Из истории советской сатиры. М.: Наука, 1973. 155 с.
4. Засурский Я.Н. Система средств массовой информации России. М.: Аспект Пресс, 2003. 259 с.
5. Кантемир А.Д. Собрание сочинений. Л.: Советский писатель, 1956. 442 с.
6. Корконосенко С.Г. Основы журналистики. М.: Аспект Пресс, 2004. 287 с.
7. Макарян А.М. О сатире. Перевод с армянского. М.: Советский писатель, 1967. 276 с.
8. Носаев Д.А. Эффективное продвижение периодических изданий на рынке СМИ // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. № 2. С.95-96.

9. Озмитель Е.К. О сатире и юморе. Л.: Просвещение, 1973. 192 с.
10. Портянкин И.А. Основные функции и принципы партийной и советской печати. М.: МГУ, 1955. 163 с.
11. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в двадцати томах. Том 1. М.: Издатель, 1965. 544 с.
12. Счастье литературы. Государство и писатели. 1925-1938 гг. Документы. / Сост. Д. Л. Бабиченко. М.: Росспэн, 1997. С.320.
13. Шкондин М.В. Типология периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2009. 236 с.
14. Шкондин М.В., Волкова Н.И. Типология изданий. М.: Аспект Пресс, 1993. 152 с.
15. Шостак М.И. Журналы России. М: Моск. ун-т, 1995. 58 с.
5. Cantemir A.D. Collected Works. L.: Soviet writer, 1956. 442 p.
6. Korkonosenko S.G. Basics of journalism. M.: Aspect Press, 2004. 287 p.
7. Makaryan A.M. About satire. Translation from Armenian. M.: Soviet writer, 1967. 276 p.
8. Ozmitel E.K. About satire and humor. L.: Enlightenment, 1973. 192 p.
9. Portyankin I.A. The main functions and principles of the party and Soviet press. Moscow: Moscow State University, 1955. 163 p.
10. Saltykov-Shchedrin M.E. Collected Works in twenty volumes. Volume 1. M.: Publisher, 1965. 544 p.
11. The happiness of literature. State and writers. 1925-1938 Documents. / Comp. D.L. Babichenko. M.: Rosspan, 1997. P.320.
12. Shkondin M.V. Typology of periodicals. M.: Aspect Press, 2009. 236 p.
13. Shkondin M.V., Volkova N.I. Typology of publications. M.: Aspect Press, 1993. 152 p.
14. Shostak M.I. Magazines of Russia. M.: Mosk. Univ., 1995. 58 p.

Works Cited

1. Akopov A.I. Methods of typological research periodicals. Irkutsk: Irkutsk, 1985. 96 p.
2. Grabelnikov A.A. The work of a journalist in the press. M.: RIP-holding, 2007. 274 p.
3. Ershov L.F. From the history of Soviet satire. M.: Science, 1973. 155 p.
4. Zasursky Ya.N. The system of mass media of Russia. M.: Aspect Press, 2003. 259 p.

УДК 659.1:379.82

© **Р.В. Патюкова**

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Краснодар, Россия

Специфика PR-сопровождения при продвижении учреждений культурно-досуговой сферы: коммуникативный аспект

Музей как социокультурный феномен является важной ступенью развития общества и отражения его потребностей. Он выполняет следующие функции: образовательно-исследовательскую, хранения и документирования, воспитательно-эстетическую (коммуникативную). Применение PR-инструментов является важной составляющей в аспекте эффективной реализации функций музея, их привнесения в массовую культуру и прививания интереса к музейным ценностям у общественности. PR-сопровождение необходимо для формирования благоприятного имиджа учреждения культуры, его услуг, представляющих его персоналий.

Музеи являются одной из важнейших институций успешного маркетинга как отдельных городов, так и государств с точки зрения их уровня цивилизованности, прогрессивности, креативности и постмодернизма. Они являются мерой развития каждой данной культуры. Благодаря музеям государства и города генерируют значительные доходы от туризма.

Музеи, как один из типов культурных институций, активно способствуют развитию общества в целом и экономической составляющей в частности. По мнению Дэвида Тросби, к общественной пользе от существования музеев относится формирование культурной идентичности, групповых экономических ценностей и специфической институциональ-

ной среды, создание связи с другими культурами [7: 94].

В свою очередь, Дэвид Хезмондалш отмечает, что есть и другая важная причина для развития культурных индустрий – они становятся источником заработка для участников многих мировых экономик. Однако для этого необходимо создать потребность в индустриях и свести потребителей и производителей в данной сфере. Автор полагает, что «в настоящее время компании из сферы культурной индустрии должны найти аудиторию для текстов, производимых создателями символов. У людей разные вкусы, поэтому значительная часть работы таких компаний заключается в том, чтобы подобрать для текстов соответствующую аудиторию, найти специальные средства их распространения среди этой аудитории и сообщить ей об их существовании» [10: 90].

Описанные профессором Д. Хезмондалшем задачи решают инструменты маркетинга и рекламы.

Всемирно известные Эрмитаж, Третьяковская галерея, Русский музей, Лувр, Британский музей, музеи Ватикана и т.д. – глобальные явления, которые развивают мировую культуру. Эти музеи в значительной степени способствуют улучшению имиджа государств, которые их создали и развивают, а также привлекают миллионы туристов. Вот почему так важен маркетинг музеев. Самое главное, что должны знать

маркетологи музеев, что посетитель музея является ключевой фигурой [4].

Наиболее актуальными, на наш взгляд, инструментами управления имиджем являются рекламные средства; интернет-маркетинг; медиа рилейшнз; рекламные и PR-кампании; специальные мероприятия.

У каждого из представленных инструментов есть свои достоинства и недостатки. Зачастую бывает так, что данные инструменты применяются в комплексе, смешиваются друг с другом, что позволяет показать достоинства и скрыть недостатки того или иного способа. Правильный «микс» таких инструментов может значительно повысить эффективность управления имиджем [9: 138].

В основном PR-работа состоит из двух элементов: изобретение (выдумывание) и методичный, тщательный труд по реализации идей. Креатив – важная составляющая PR-деятельности, но далеко не единственная. Огромную часть занимает рутинная работа, связанная с непосредственным контактом с аудиторией и налаживанием с ней отношений.

PR-деятельность делится на внутреннюю и внешнюю. Главная цель внутренней деятельности – создание корпоративной культуры, «системы понимания» внутри учреждения, а также поддержание благоприятных отношений и творческой атмосферы внутри коллектива. Внешняя деятельность представляет собой текущие мероприятия и PR-кампании. Задачей текущих мероприятий является сохранение у целевых аудиторий уже сложившегося благоприятного мнения о музее и планомерное его развитие. Что касается PR-кампаний, то в их задачи входит достижение вполне конкретных результатов, которые способны сформировать или изменить отношение целевых групп к музею, его программам и проектам [2: 49].

PR-сопровождение в музейной сфере возможно осуществлять посредством следующего PR-инструментария: медиарилейшнз; специальные мероприятия (event-management); реклама; интернет-коммуникации (современные медиарилейшнз).

Деятельность отделов по связям с общественностью, в том числе и музейной сферы, тесно связана со средствами массовой информации. Одна из важнейших задач специалиста в области общественных связей – снабжать работников СМИ новостями и сюжетами о своем субъекте PR, пресс-релизами и другими информационными материалами.

Основные направления деятельности медиарилейшнз: текущее информирование о деятельности субъекта PR в СМИ; ньюсмейкерство – создание информационного повода (сделать событие интересным для СМИ, привлечь внимание журналистов); мониторинг СМИ; организация мероприятий с журналистами (пресс-конференции, пресс-туры, превью, круглые столы, интервью, фотосессии, брифинги); подготовка корпоративных изданий [11: 126].

Большинство учреждений культуры работают над развитием взаимоотношений с прессой, радио, телевидением. Масс-медиа со своей стороны тоже проявляют очевидный интерес к культуре. Однако из всего потока новостей и информации СМИ не всегда отдают приоритет культурным учреждениям. Дело в том, что у журналистов есть ряд требований при вы-

боре материала, и необходимо научиться находить с ними компромисс. Практически все масс-медиа построены по нескольким критериям:

- конкретная потребительская информация (куда могу пойти в выходные, где интересней и комфортней провести отпуск и т.д.). Здесь следует понимать, что не все ходят в музей исключительно для просвещения. Многие ищут в этом досуговую функцию. Следовательно, необходимо учитывать предпочтения аудитории;

- новости. Необходимо иметь в виду, что журналистов, как и аудиторию, нужно заинтересовать; что достаточно сложно, учитывая объем материала, который рассылается. Ошибкой является избыток лишней информации в пресс-релизах;

- сенсации. СМИ работают с массовым сознанием, жаждущим чуда. Новости выходят каждый день, и для многих они становятся однообразными. Поэтому журналисты гонятся за редкими, уникальными фактами и ждут своего «репортажа века». По этой причине многие учреждения, в том числе культуры, могут часто сталкиваться с отказами;

- скандалы. Это не самая приятная особенность, однако может стать полезной и действенной. СМИ привлекают острые и провокационные материалы, скандалы, слухи. Можно создать их искусственно, но необходимо следить за тем, чтобы скандал или слух не начал работать в обратную сторону и не отразился негативно на имидже музея;

- отслеживание социально-политической ситуации. Культурное событие с социальной окраской может привлечь внимание СМИ [3: 154-156].

Важный фактор, влияющий на специфику всех СМИ, – это их аудитория: зрители, слушатели, читатели. Интерпретация событий и манера изложения будут абсолютно разными в зависимости от того, услугами какого издания собирается воспользоваться музей (молодежное, специализированное, досуговое, политико-аналитическое и т.д.).

Любое мероприятие можно проводить, сопровождая поддержкой СМИ: открытие выставки, научные конференции, праздники, фестивали, смена экспозиции и т.д. Однако есть те, которые наиболее важны для непосредственного контакта со средствами массовой информации и налаживания отношений с журналистами. В сфере культуры после личных контактов основной формой взаимодействия со СМИ являются пресс-конференции. Это мероприятие для СМИ, проводимое по мере необходимости с целью сделать анонс или презентацию важного события [6].

Специальные мероприятия (event-management). Еще одним важным направлением работы PR-специалиста в музейной сфере является организация специальных мероприятий. Во-первых, это отличная возможность расширить рамки работы постоянных экспозиций, решить важные научные или социально-значимые вопросы; мероприятия могут иметь образовательный характер, а также могут способствовать налаживанию отношений с партнерами. Во-вторых, каждое событие может служить поводом для связи со СМИ. При проведении различного рода мероприятий следует учитывать предполагаемую аудиторию, работа с которой будет зависеть от

характера мероприятия [12: 52].

В зависимости от содержательной направленности следует выделить следующие виды специальных мероприятий применительно к музейной деятельности:

- профессиональные и тематические события (выставки, фестивали, встречи, семинары, «круглые столы», конференции и т.д.);

- общественные (празднование государственных, национальных, религиозных праздников мероприятие по чествованию дат истории и культуры разных стран и народов; участие в общественных мероприятиях и др.)

- развлекательные и образовательные (викторины, «брейн-ринги», квесты, конкурсы и т.д.);

- благотворительные (спонсорские премии, благотворительные вечера, создание благотворительных и просветительских фондов);

- символические (церемония открытия новых выставок, получение/вручение наград, визиты заслуженных и выдающихся людей);

- внутренние (оглашение новых назначений на ответственные посты, создание новых программ деятельности и др.).

Праздник или фестиваль необязательно должен относиться к работе музея. Главное, чтобы они были необычными, уникальными и одновременно привлекали широкую аудиторию. Большую роль играет все, что воздействует на настроение и эмоциональное состояние собравшихся: песни, цвет, свет, музыка и тому подобное [13: 121-122].

Еще одно не менее значимое направление деятельности – реклама. Каждое визуальное послание (листовки, вывески, плакаты, афиши, схемы, указатели и т.д.) должно быть понятно сразу каждому или вызывать интерес у того, кто смотрит. Картинка должна содержать образ, символ, метафору, которые легко закрепляются в сознании и в дальнейшем будут четко ассоциироваться с событием, местом или организацией. Она должна быть простой и лаконичной [8: 63].

Приезжие часто сталкиваются с проблемой дезориентации. Для них преимущественно самым важным является наличие указателей, схем, карт, с помощью которых можно не только найти путь, например, до интересующего их музея, но и с легкостью рассчитать маршрут по времени и ознакомиться с полезной информацией. Это создаст ощущение комфорта и защищенности, а также поможет сформировать положительное впечатление.

Местный житель знает, как ему пройти и сколько времени это займет. Его внимание может привлечь сменная информация, плакаты с сюжетной интригой или провокацией. Для детей, конечно, необходимы решения, которые будут подходить для их восприятия.

Рекламой также может служить все, что человек может унести с собой, купить в подарок, и что в дальнейшем будет служить напоминанием. Такую функцию может нести сувенирная продукция.

Любой предмет, который несет в себе информацию и рекламу о музее, должен быть знаком, символом данного места и отражать его специфику. Сувенир должен быть утилитарным и функциональ-

ным. Привлечь внимание могут, например, футболки, кепки или шарфики с вышитой символикой музея. Также полезными станут чайные ложки, канцелярские принадлежности, стильные мешки, подсвечники, карманное зеркало, чехол для телефона и так далее.

Должны быть предметы, которые адресованы разным группам потребителей. У взрослых и детей, например, разная покупательская способность, вкусы, предпочтения. Во многих киосках вообще отсутствует детский ассортимент, а между тем школьники – это очень большая часть туристического потока.

Важный момент – местоположение сувенирной точки. Посетители по-разному ведут себя в начале осмотра и под конец. Переступив порог, человек еще не знает, понравится ему здесь или нет, он только начинает оценивать. В первую очередь, посетителя интересует план, схема, буклеты, что-то, что поможет лучше ориентироваться в музее и сделает просмотр интересней. Сувениры люди охотно приобретают уже под конец, когда они полны хороших впечатлений, которые им хочется сохранить в памяти. Не случайно во многих западных музеях выход организован через зал магазина.

Интернет-коммуникации (современные медиарелинз). Однако в текущем веке к традиционным медиа (пресса, радио, телевидение) добавились «новые (социальные) медиа», представленные как интернет-СМИ и система социальных сетей. Современные медиарелинз (MR) – это направление деятельности PR-служб по производству актуальных для организации посланий и продвижению их в информационное поле традиционных и новых средств массовой информации в целях оказания требуемого воздействия на восприятие целевых аудиторий [5].

В настоящее время все большие обороты набирает такой канал коммуникации, как Интернет. Интернет – это огромное поле возможностей для любого учреждения, и оно только начинает развиваться.

Особое место среди каналов продвижения музея занимает музейный сайт. Так, в опросе 2016 года более 60 % респондентов ответили, что перед посещением музея информацию будут искать в интернете, и около 40 % посетителей непосредственно до визита в музей ищут необходимую информацию на сайте музея [6]. В последние годы уже можно говорить о параллельной жизни музеев в виртуальном мире. Наличие сайта стало не роскошью, а само собой разумеющимся фактом любого серьезного учреждения. Здесь виртуальная жизнь музея развивается, приобретая все более самостоятельный характер. В пространстве Интернет в настоящее время не только обмениваются информацией, здесь проводятся межмузейные конференции, ведутся дискуссии, онлайн-экскурсии и так далее. Для более объемного представления о музее сайты включают архитектурные развертки, интерактивные планы этажей, трехмерные экспозиции. В настоящее время активно развивается феномен «виртуального музея» [1: 54-55].

Благодаря сайту появилась возможность ознакомиться с коллекцией реального музея перед посещением и решить, что именно хотелось бы посмотреть; возможность прогуляться в Интернете по музею, который находится на очень большом расстоя-

нии; возможность увидеть предметы, находящиеся в фондах, и, следовательно, вообще недоступные зрителю. С одной стороны, онлайн-экспозиция похожа на книгу, с другой – цифровые технологии интерактивны, они позволяют не только изменить масштаб изображения, но и совершить экскурсию, познакомиться с музейным хранителем, зайти в магазин при музее и тому подобное.

У таких посещений нет временных ограничений, они оказываются источником индивидуального, «интимного» созерцания и размышления. Практика показывает, что при создании виртуального музея с эффектом присутствия интерес к музею не только не уменьшается, но и активно возрастает. Это происходит благодаря тому, что потенциальный посетитель музея зачастую не обладает информацией об имеющихся экспозициях и об устройстве самого музея. Такие знания он может легко получить на сайте музея, а еще интереснее прогуляться по виртуальным залам музея. Это обостряет желание посетить музей и увидеть все в реальности.

Таким образом, каждое направление деятельности PR-специалиста в музее подлежит тщательному изучению. Важно задействовать каждое из них правильно и грамотно их совмещать, тогда работа покажет положительные ожидаемые результаты.

Инструменты PR, традиционно используемые таким государственным учреждением культуры, как музей, должны отличаться интеграцией в единую систему организации взаимодействия с общественностью, т.е. должны формировать целостную структуру, способную решать задачи и достигать цели. Среди ключевых PR-инструментов в музейной сфере выделяют медиарилейшнз, интернет-коммуникации, специальные мероприятия и имиджевую рекламу.

Библиографический список

1. Вяткина Ю.Д. Виртуальный музей как PR-средство // Человек в мире культуры. 2015. № 4. С. 54-58.
2. Козлова Т.В. Особенности организации СО в деятельности государственного учреждения культуры // Справочник руководителя учреждения культуры. 2015. № 2. С. 42-49.
3. Кривоносов А.Д., Филатова О.Г. Основы теории связей с общественностью. СПб.: Питер, 2015. 384 с.
4. Петрова В. Кейс по юзабилити: как попасть в Третьяковскую галерею? // Cossa. 2016, 24 января. URL: <http://www.cossa.ru/cases/150472/> (дата обращения: 17.01.2019 г.).
5. Сайт как инструмент коммуникации // Медиалпортал Государственного исторического музея. URL: <http://mediashm.ru> (дата обращения: 15.01.2019).
6. Семикин А. Как «скрестить» SEO, рекламу, email-маркетинг и другие инструменты // Cossa. 2016, 12 мая. URL: <http://www.cossa.ru/149/130104/> (дата обращения: 15.01.2019 г.).
7. Тросби Д. Экономика и культура. М.: Высшая Школа Экономики (Государственный Университет), 2014. С. 94-99.
8. Уткин Э.А. Рекламное дело. М.: Тандем, 2010. 272 с.
9. Хакимова А.С., Скобельцина А.С. Стратегическое продвижение музея средствами связей с общественностью // Музейная эпистема. СПб.: СПбГУ, 2015. 410 с.
10. Хезмондалш Д. Культурные индустрии. М.: Высшая Школа Экономики (Государственный Университет), 2014. 390 с.
11. Чумиков А.Н. Медиарилейшнз. М.: Аспект Пресс, 2014. 184 с.
12. Шумович А. Великолепные мероприятия. М: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 336 с.
13. Шумович А., Берлов А. Искусство проведения мероприятий. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 490 с.

Works Cited

1. Vyatkina YU.D. Virtual'nyjmuzejkak PR-sredstvo // Chelovek v mire kul'tury. 2015. № 4. S. 54–58.
2. Kozlova T.V. Osobennostiorganizacii SO v deyatel'nostigosudarstvennogouchrezhdeniyakul'tury // Spravochnikruko voditelyauchrezhdeniyakul'tury. – 2015. – № 2. – S. 42–49.
3. Krivonosov A.D., Filatova O.G. Osnovyteoriisvyazej s obshchestvennost'yu. – SPb.: Piter, – 2015. – 384 s.
4. Petrova V. Kejspoyuzabiliti: kakpopast' v Tret'yakovskuyugalereyu? // Cossa. 2016, 24 yanvaryaya. URL: <http://www.cossa.ru/cases/150472/> / (data obrashcheniya: 17.01.2019 g.).
5. Sajtkak instrument kommunikacii // MediaportalGosudars tvennogoistoricheskogomuzeya. URL: <http://mediashm.ru> (data obrashcheniya: 15.01.2019).
6. Semikin A. Kak «skrestit'» SEO, reklamu, email-marketing idrugieinstrumenty // Cossa. 2016, 12 maya.URL: <http://www.cossa.ru/149/130104/> / (data obrashcheniya: 15.01.2019 g.).
7. Trosbi D. Ehkonomikaikul'tura. – M.: VysshayaShkolaEhkonomiki (Gosudarstvennyj Universitet). – 2014. – S. 94–99.
8. Utkin Eh.A. Reklamnoedelo. – M.: Tandem. – 2010. – 272 s.
9. Hakimova A.S., Skobel'cina A.S. Strategicheskoeprodviz heniemuzeayasredstvamisvyazej s obshchestvennost'yu // Muzejnayaehpistema. – SPb.: SPbGU. – 2015. – 410 s.
10. Hezmondalsh D. Kul'turnyeindustrii. M.: Vysshaya Shkola Ehkonomiki (GosudarstvennyjUniversitet). – 2014. – 390 s.
11. Chumikov A.N. Mediarilejshnz. – M.: Aspekt Press. – 2014. – 184 s.
12. Shumovich A. Velikolepnyemeropriyatiya. – M: Mann, Ivanov i Ferber, 2015. – 336 s.
13. Shumovich A., Berlov A. Iskusstvopovedeniyameropriyatij. – M.: Mann, Ivanov i Ferber. – 2016. – 490 s.

«Майданные неологизмы» как инструмент информационной войны в российских и украинских СМИ

Рассматривая вопросы, касающиеся пропаганды и методов ведения информационных войн на примере Украинского Майдана, невозможно обойти стороной языковые средства, используемые при освещении украинских событий в СМИ.

Украинские и российские СМИ на протяжении нескольких лет ведут между собой негласную «языковую гонку вооружений». Все это происходит за счет обострения ситуации на Украине, благодаря чему и русский, и украинский языки наполнились множеством новых языковых единиц, которые стали своеобразным оружием в руках СМИ и не только. Новыми лексемами, выступая по телевидению, активно пользуются и политики, и звезды эстрады и кино, и видные культурные деятели с обеих сторон. За счет этого данное языковое противостояние вышло за пределы СМИ и распространилось практически на все слои населения обеих сторон.

Изучая вопрос более детально, мы выяснили, что данная тенденция, мода на новые оскорбительные и колкие слова в адрес политического соперника в СМИ возникла далеко не сегодня.

Использование этой методики началось еще во время Великой Отечественной войны. Именно тогда наши пропагандисты начали использовать различные лозунги и отдельные слова с яркой эмоциональной и смысловой окраской для дискредитации врага. Для достижения своих пропагандистских целей советские журналисты вместо слов «немецкие войска» начали использовать «гитлеровские захватчики», «фашисты», «фрицы», «коричневая чума» и т.д. Именно в тот момент в советской журналистике и зародилась тенденция ведения подобных холодных «языковых» войн с помощью отдельных языковых единиц, имеющих яркую эмоциональную окраску.

Сегодня, по словам филолога Гасана Гусейнова, «вместо достоверной и добросовестной журналистики идет поток пропаганды, разжигание ненависти и готовности к настоящей «горячей» войне. И все это держится, действительно, на двух-трех словах: «фашист», «укроп», «майданутый». Иначе говоря, якобы раскрывший свое старое историческое лицо «бандеровца», «гитлеровца». Не человек, а трава, а если и человек, то умственно неполноценный. Что отражено и в антирусских формулах. «Колорад», скажем, – это насекомое, а не человек» [3].

Зачастую все эти новые лексемы используются в контексте ироничных, саркастичных, юмористических текстов. Читатель, замечающий в тексте слова типа «укроп», «майдаун», «ватник» и т.д., воспринимает их сразу же с юмором, не придавая «майдаунам» никакого серьезного значения.

Однако основными результатами использования подобных языковых средств в СМИ, по мнению исследователей, следует считать следующее: «те, кто первым объявил, что в Киеве произошел «фашистский переворот» и к власти пришли «бандеровские

нацисты», включили в сознании и своих, россиян, и половины Европы автоматическую реакцию страха и отторжения» [3].

Благодаря подобным языковым единицам персонили, которых называют каким-то конкретным словом, окрашиваются в негативный цвет, выгодный освещающей событие стороне.

Рассмотрим на конкретных примерах некоторые лексемы и окказионализмы, появившиеся на просторах российского и украинского медийного пространства в связи с кризисом на Украине.

Ватник – человек, полностью придерживающийся политических взглядов и позиций Кремля. Причем неважно, русский это человек, или иностранец, главное чтобы он был настроен пророссийски. Ватниками таких людей называют в основном на территории Украины, или же оппозиционно настроенные люди, живущие на территории Российской Федерации.

Это слово в своем новом лексическом значении использовалось еще задолго до событий в Украине, однако сегодняшнюю популярность обрело именно во время кризиса.

Как правило, оно употребляется украинскими СМИ в негативном смысле. «Ватниками» называют людей в основном для того, чтобы подчеркнуть их безвольность и слепую покорность действующим властям Кремля.

Колорады – пророссийски настроенные граждане. Однако, в отличие от «ватников», это слово в основном применяется к людям, живущим на Украине, но отрицающим эффективность действующей власти.

В начале украинского кризиса словом «колорады» интернет-пользователи хотели окрестить людей, осаждающих Верховную Раду Украины. «Стоящие коло Рады», однако это название в таком значении не прижилось.

Массово «колорадами» отдельных людей в Украине начали называть после событий в Доме Профсоюзов в Одессе, когда недовольные случившимся начали массово надевать георгиевские ленточки.

Родоначальником этого «оскорбления» принято считать общественного деятеля Александра Невзорова, который в эфире одного из украинских каналов назвал ленту «колорадской».

Укроп – антироссийски настроенный человек, сторонник ярой «украинизации», живущий на территории Украины.

«Укропами» в российских СМИ чаще всего называют украинцев, которые полностью поддерживают украинскую власть, ориентируются на западные порядки и отказываются от связей с Россией. Украинцы придерживаются мнения, что слово «укроп» в данном контексте образовано от сокращения двух других слов – «УКРайнский Патриот». В отличие от слова «ватник», которое используется в

основном в отрицательном контексте, «укроп» имеет как положительный контекст, так и отрицательный. В положительном контексте эта лексема используется самими украинцами. Для них оно значит именно «украинский патриот». В отрицательном контексте слово используется уже российскими СМИ, которые с его помощью подчеркивают слепую покорность и беспрекословную веру в представителей действующей власти Украины.

МайДАУН – оскорбительное обращение к активистам Майдана. Первая часть слова является как раз сокращением от «Майдан» (Майдан – центральная площадь Киева), вторая же часть «Даун» означает болезнь, связанную с ограниченными способностями работы мозга. Данное слово появилось в обиходе российских блоггеров именно в 2014 году во время государственного переворота на Украине, который зародился именно на майдане. Позже лексема неоднократно использовалась в различных российских СМИ.

ДАУНбасс – своеобразный ответ украинцев на «майдаунов». Этим словом называют людей, живущих на восставшем против действующих властей Донбассе. Механизм становления этого слова такой же, как и у «майдауна». Популярность это название получило в начале военных действий в Донбассе и Луганске.

Подобных слов и выражений в современном обществе за последние несколько лет появилось очень много. Ими пользуются не только обычные «интернет-тролли», но и вполне профессиональные представители различных СМИ.

Появление всех этих неологизмов заслуживает особенного внимания и изучения, так как такое массовое появление и распространение новых лексических единиц в языке сразу двух государств в условиях информационной войны раньше случалось крайне редко. Например, во время российско-грузинского конфликта 2008 года подобных лексем набралось едва ли чуть более пары десятков, и лишь единицы из них стали широко известными в России и Грузии.

Новые лексические единицы «майданного сленга» можно разделить на две части: на **неологизмы** (новые слова, или новые значения уже существующих слов) и **окказионализмы** (слова, которые встречаются в единичных случаях).

В большей степени мы говорим о неологизмах, которые встречаются неоднократно и периодически используются носителями языка и в российской, и в украинской речи.

Источники этих лексических единиц довольно интересны: они появляются и развиваются и по линии их создателей, которые дают имя факту, и по линии их пользователей, которые «реконструируют» факт, опираясь на имя [4: 78].

Если провести разделение неологизмов на проукраинские и пророссийские, то необходимо отметить яркую стилистическую разнородность этих неологизмов.

В пророссийских «майданных» лексических единицах доминируют лексемы, которые активно использовались еще в Советском Союзе и сегодня используются вновь, получив лишь обновленное значение: «хунта», «оккупанты», «фашисты», «банде-

ровцы» и т.д.

В проукраинских неологизмах таких ярких отсылок к советским языковым единицам нет. Украинские неологизмы Майдана отличаются более живой и простой формой создания. «Титушкобус», «Беркутята», «Путиноиды» и многие другие украинские лексемы созданы зачастую по принципу обычного сложения основ. В результате получалось максимально просто и ново, как по смыслу, так и по внешней форме слова.

В пророссийских неологизмах часто используются уже давно испытанные лексические единицы, которые появились в обиходе очень давно: «фашисты», «хунта», «оккупанты». Эти слова уже сами по себе имеют негативную смысловую нагрузку, однако к старому смыслу добавлялся новый образ – образ «украинских фашистов», которых с помощью вышеперечисленных слов приравнивали к самому худшему, с чем можно сравнить современного человека.

Объяснить большое количество пророссийских неологизмов, напрямую связанных с лексемами Советского Союза, можно тем, что в первоначальные периоды информационной войны между Украиной и Россией, проводимой еще на телевизионном уровне, в многочисленных телевизионных шоу готовилась почва к созданию образов «украинских агрессоров». И именно слова «оккупанты», «фашисты», «захватчики» являются для российского зрителя наиболее знаковыми, именно они связаны у него с апогеем зла: «фашисты», «каратели» и т.д. Именно для облегчения создания негативного образа, в первую очередь, украинских солдат, в медиапространстве часто употреблялись слова, которые уже сами по себе несли негативный, знаковый смысл в российском обществе.

На поздних же стадиях все эти слова перешли в Интернет и стали мощным оружием в руках российских «интернет-троллей».

Неологизмы Майдана и постмайдана – это своеобразный общественный отклик на ярчайшие события 2014-2017 гг. в Украине, выразившийся в рождении новых лексем. Они зачастую служили для обозначения какого-либо действия или предмета, относящегося к какой-либо значимой конкретной ситуации, присущей отдельно взятым событиям Майдана.

Именно поэтому среди них присутствует огромное множество однокоренных слов, каждая из которых имеет свой особенный смысл, однако относится к какому-либо конкретному слову.

Например: **Майдан** – **майданить** (участвовать в протестах) – **майданиться** (развлекаться, тусоваться, общаться) – **намайданиться, домайданиться** (доиграться, допрыгаться, донарываться) – **отмайданить** (избить) – **промайданить** (потерять, посеять).

Каждое из этих слов имеет свое значение, однако корень «майдан» говорит о том, что все они распространяются и используются только «в границах Майдана», то есть во время протестных акций.

Сюда же можно отнести и следующие примеры:

Майдан: Автомайдан (сторонники протестов на Украине, участвующие в акциях на автомобилях) – **веломайдан** (сторонники протестов на Украине, участвующие в акциях на велосипедах), **антимайдан** (общественное движение, которое явля-

ется полной противоположностью Майдана), **майдалох/евромайдан/майданопитек/майданофил/майданист/майдараст/майдапут** (оскорбительное обзывательство человека, участвующего в протестных акциях во время Майдана), **майданобайтер** (человек, за деньги выходящий на протестные акции Майдана), **майдабаг** (лживая, недостоверная информация о несостоявшихся митингах, пикетах и т.д.), **Майдашенко, Майдальный** (шутливое название сочувствующих украинским событиям в России и Белоруссии).

Титушки – титушководы (руководители титушек), **титушкобусы** (автобусы, на которых их привозили на места, для провоцирования конфликтов), **проститутки** (продажные титушки, (намек на «проститутки»), **телетитушки** (работающие на телевидении провластные журналисты, защищающие интересы «Партии регионов»), **виртитутки/айтитутки/** (провластные интернет-пользователи, занимающиеся защитой власти Януковича в различных соц.сетях, чатах, интернет-форумах и т.д.), **титушня** (общее название для группы «титушек»), **ментушки** (сотрудники украинской милиции, время от времени выполнявшие функции «титушек»), **роститутки** (провокаторы, приехавшие на Украину из Ростова).

Киселевица – кисель-тв, киселевости (название авторской телепередачи Дмитрия Киселева на Телеканале «Россия 24»), **киселезритель** – (российские зрители, смотрящие эфиры Киселева).

Интересно также и образование новых слов путем присоединения основы «евро» практически к любому слову, говоря о современных украинцах: «европодонки», «еврогеи», «евросволочи» и т.д. Таких слов сегодня на просторах Интернета существует огромное множество, однако они являются недолговечными и используются чаще всего в режиме «онлайн-троллинга». Самые «удачные» из них начинают использоваться в СМИ.

Для того чтобы разобраться, с какой целью в печати постоянно появляются подобные выражения и как их появление влияет на реакцию по отношению к тексту у читателя, а также как благодаря этим словам меняется содержание и контекст того или иного журналистского текста, мы можем узнать благодаря подробному анализу медийных текстов некоторых СМИ, освещавших события последних лет в Украине.

В качестве анализируемого печатного издания мы выбрали одно из наиболее известных и авторитетных среди читателей печатных изданий в России – «Аргументы и Факты».

Проанализировав некоторые печатные архивы этой газеты, мы выяснили, что слово «ватник» в сегодняшнем, новом смысле этого слова в статьях появляется довольно часто, с некоторой периодичностью и в довольно резких контекстах.

Впервые новый смысл слова «ватник» появился на страницах «АиФа» 25 апреля 2014 года в статье Анны Михайленко «Amnesty проснулась. Западные правозащитники раскритиковали Киев за Славянск».

В этом тексте описывались последствия начала военной операции на Востоке Украины, на Донбассе. Слово «ватник» было использовано в следующем контексте:

«...Их позиция в отношении населения юго-восточных областей Украины, которых они называют **«ватниками»** или **«сепаратистами»**, была неоднократно озвучена в социальных сетях и СМИ. Общая идея такова: либо говорите на украинском языке и чтите идеи Бандеры и Шухевича, либо «чемодан-вокзал-Россия».

Здесь прослеживается явный негативный подтекст данного слова.

Прежде всего его негативная окраска обусловлена тем, что оно в данном контексте стоит в одном ряду со словом «сепаратисты». То есть, по словам автора можно понять, что люди, о которых ведется речь в этой статье, используют два этих слова как синонимы. Но по факту они такими не являются.

Более нейтральную окраску этой лексемы мы увидели, анализируя статью Андрея Сидорчука «Леди Геноцид. В Киеве арестовали 19-летнюю нацистку Виту Заверуху», датированную 7 мая 2015 года.

В ней лексема «ватник» использовалась в следующем контексте:

«...Но в любом случае, уже тот факт, что её люто ненавидят и **ватники, и евроватники**; и российские СМИ, и «украинськи» СМИ; по сути, все те, которые или сами против, или работают на тех, кто против независимой Украины...»

Эта цитата использовалась автором для разъяснения некоторых подробностей статьи. В этом контексте мы видим, что «ватником» называют русских, а «евроватником» – украинцев.

Проанализировав данные материала российского издательства, можно прийти к мнению, что в основном слово используется в негативном или нейтральном смысле. Контекста, где «ватник» упоминался бы в положительном ключе, нами в данном издании найдено не было.

Интересным для анализа в данном случае будет слово «укроп». Оно относится к украинским жителям, в отличие от «ватника».

Для того чтобы быть максимально непредвзятыми в своей оценке, возьмем то же издание, «АиФ», и проведем анализ статей, в которых в разные временные отрезки упоминается слово «УКРОП».

Мы рассмотрели несколько текстов, датированных 2015 годом, в них слово «УКРОП» было использовано исключительно в нарицательном смысле. Дело в том, что сравнительно недавно на Украине начала свое существование политическая партия «УКРОП», и в данных материалах речь шла именно о названии партии.

В последний раз «УКРОПОМ» назвал автор статьи новоиспеченного премьер-министра Украины, цитата: «Был «титушкой» – стал «укропом».

Титушка – название в простонародье молодых украинских парней, которых нанимали для всяческих силовых операций, связанных со сменой власти в Украине.

Следует отметить, что «УКРОП» в данном смысле этого слова используется в статьях намного реже, нежели «ватник». Чем обусловлена такая тенденция – неясно.

Таким образом, на примере издания «АиФ», с помощью анализа большого количества статей мы пришли к выводу, что новые слова, появившиеся на

фоне украинских событий, довольно часто использовались журналистами для написания своих статей.

Но, скорее всего, делалось это не для того, чтобы придать событию какую-либо окраску, а лишь для того, чтобы с их помощью назвать ту или иную сторону конфликта (УКРОп – украинская сторона, ватник – сторона, тяготеющая к России, иногда так называют и всех людей, живущих в России).

Интересным является и тот факт, что цели использования таких слов в газетных изданиях разительно отличаются от целей, которые преследуют интернет-пользователи, богато украшающие свои объемные комментарии этими выражениями. В Интернете практически всегда «Укроп», «ватник» и т.д. – это обзывательства, используемые для обострения конфликта между двумя сторонами. В печатных же изданиях эти слова зачастую используются лишь для разнообразия названий сторон или же для достижения определенных целей, связанных с воздействием на общественные массы. Они на первый взгляд не несут в себе оскорбительных оттенков, однако именно употребление этих окказионализмов и неологизмов известнейшими авторитетными СМИ послужило одной из причин перенесения тенденции использования данных лексических единиц интернет-пользователями в ходе часто возникающих агрессивных онлайн-дискуссий, обсуждений и ссор, касающихся ситуации в Украине сегодня.

Библиографический список

1. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. М.: Владос, 1994. 336 с.

2. Бернейс Э. Пропганда. Н–Publishing, 2010.
3. Гусейнов Г.Ч. «Укропами» по «колорадам». URL: <https://www.dw.com/ru> (дата обращения: 12.02.2019).
4. Жаботинская С.А. Язык как оружие в войне мировоззрений. 90 с. URL: <https://www.academia.edu/22690964> (дата обращения: 12.02.2019).
5. Курносов Ю.В. Аналитика: методология, технология и организация информационно аналитической работы / Курносов Ю.В., Конотопов П.Ю. М., 2004. 512 с.
6. Расторгуев С. П. Информационная война. М: Радио и связь, 1999. 55 с.
7. Шафрански Р. Теория информационного оружия. URL: http://msnhomepages.talkcity.com/ReportersAlley/fatekhvergasov/_private/Inform_War.htm (дата обращения 25.03.19)

Works Cited

1. Abdeev R. F. *Filosofija informacionnoj civilizacii*. M.: Vlados, 1994. 336 s.
2. Bernejs Je. *Propaganda*.:Н–Publishing, 2010
3. Gusejnov G.Ch. «Ukropami» po «koloradam». URL: <https://www.dw.com/ru> (data obrashhenija: 12.02.2019).
4. Zhabotinskaja S.A. *Jazyk kak oruzhie v vojne mirovozzrenij*. 90 s. URL: <https://www.academia.edu/22690964> (data obrashhenija: 12.02.2019).
5. Kurnosov Ju. V. *Analitika: metodologija, tehnologija i organizacija informacionno analiticheskoj raboty/* Kurnosov Ju.V., Konotopov P.Ju. – M., 2004. 512 s.
6. Rastorguev S. P. *Informacionnaja vojna*. – M: Radio i svjaz', 1999. 55 s.
7. Shafranski R. *Teorija informacionnogo oruzhija*. URL: http://msnhomepages.talkcity.com/ReportersAlley/fatekhvergasov/_private/Inform_War.htm (data obrashhenija 25.03.19)

Вопросы сравнительно-сопоставительного, типологического языкознания и перевода

УДК 81

© И.И. Басс

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»
Санкт-Петербург, Россия

Сопоставительное исследование сочинительных союзов в русском и японском языках

Подсистема сочинительных союзов русского языка, включающая три союза *а*, *и*, *но*, отличается от аналогичных подсистем европейских и восточных языков. Сопоставительное изучение этих подсистем в разных языках расширяет представление о внутри-текстовых семантических отношениях, особенностях текстообразующей роли каждого союза и вносит вклад в типологию сочинительной связи. Статья посвящена сопоставительному анализу русского союза *и* и его японских переводных эквивалентов. В статье рассматриваются союз *и* и его японские эквиваленты не при именах. Примеры с союзом *и* и японскими переводными эквивалентами были извлечены из романов М.Горького «Мать», Л.Толстого «Анна Каренина» и двух японских переводов каждого из этих произведений.

Союз *и* многозначен. В «Словаре русского языка» (1985) зафиксированы следующие его значения:

I Соединительное:

1. Употребляется для соединения однородных членов предложения и предложений, представляющих собой однородные сообщения.

2. Соединяет предложения, связанные друг с другом временной последовательностью излагаемых событий.

3. Соединяет предложения, связанные друг с другом причинно-следственной или условно-следственной зависимостью.

4. Соединяет предложения и члены предложения, представляющие собой противопоставляемые высказывания.

II Перечислительное. Объединяет отдельные члены в перечислении.

III Присоединительное:

1. Употребляется для присоединения предложений или отдельных членов предложения, развивающих, дополняющих, объясняющих высказанную мысль.

2. Присоединяет предложение, связанное по смыслу со всем предшествующим изложением или с какой-либо ранее изложенной мыслью, а также обобщающее то, что изложено.

3. В соединении с предшествующей паузой указывает на внезапность, неожиданность наступления действия, состояния.

4. Употребляется в начале целого ряда предложений в повествовании (обычно устном), сообщая ему плавность и указывая на последовательную смену событий, явлений.

IV Усилительное. Употребляется для усиления выразительности в начале вопросительных и восклицательных предложений.

V Уступительное. Употребляется в значении, близком к союзу «хотя».

VI Выделительное. Подчеркивает внутреннюю связь излагаемых событий, явлений [5: 625-626].

В исследованиях В.З. Санникова, Е.В. Урысон, посвященных союзу *и*, дискутируется вопрос о том, какие значения присущи именно союзу *и*, а какие индуцируются контекстом, выражаются не союзом *и*, а другими средствами – лексическими, интонационными, морфологическими и т.д. [4: 284-289; 7: 281-284]. В данной статье мы не будем рассматривать эту проблему, а ограничимся констатацией того факта, что при сопоставительном анализе союза *и* и его японских переводных эквивалентов опираемся на указанный список значений *и* с той лишь разницей, что в качестве самостоятельных считаем целесообразным выделить также причинно-следственное и противительное значения, которые в этом списке включены в пункт I (соединительное значение).

Союзы *и* в японском языке соответствуют союзы *га*, *си*, *соситэ*.

Пример 1: Я сейчас приехал, и очень хотелось тебя видеть... [6: 18].

Ия, има цуита бакари нан да га, тотэмэ кими ни аитакутэ нэ [11: 33-34].

Пример 2: ...хозяйина в селе нет, хозяйку в больницу увезли, и я вроде управляющего [3: 211].

Сюдзин ва мура ни ва инай си, окусан ва бё:ин ни ирэта си, васи га сихайнин митайна моно да ё ! [9: 41].

Пример 3: Ему не ответили, и скоро он задремал... [3: 220].

Дарэ мо хэндзи о ситэ курэнакатта. Соситэ карэ ва мамонаку, ... уцурацуurato нэмуриконда [9: 61].

Значения этих союзов в Большом японско-русском словаре под редакцией Н.И. Конрада определены так:

Га – союз 1) противительный *но*, *а* (в значениях *но*, *а* союз *га* в нашей статье не рассматривается); 2) соединительный *и* [1: 87].

Си – союз *и* (между предложениями, близкими по содержанию) [2: 68].

Соситэ – союз *и*, *тогда* [2: 143].

Относительно значений этих союзов в япон-

ском словаре Нихонго-бункэй-дзитэн, предназначенном для преподавателей и исследователей, содержится следующая информация:

Га – 1) Противительное. Употребляется для связи двух противопоставляемых обстоятельств [10: 68].

2) Предварительное разъяснение. Предваряет вопрос, просьбу, приказ и т.д. [10: 69].

Си – 1) Перечислительное. Употребляется при перечислении одновременных обстоятельств и взаимосвязанных в сознании говорящего фактов. Не употребляется при перечислении обстоятельств во временной последовательности.

2) Причинное. Выражает причинное значение, но более слабое по сравнению с *нодэ* и *кара* [10: 135].

Соситэ – 1) Дополняющее.

2) Выражает временную последовательность событий. Часто из ряда называемых событий указывает на последнее [10: 170].

Перечисленные японские союзы *га*, *си*, *соситэ* отличаются друг от друга и от союза *и* следующими признаками:

1. Место локализации в тексте.

Союз *и* в этом отношении не имеет ограничений. Он может располагаться внутри, в начале предложения, а также в начале абзаца.

Пример 4: Софья села за пианино и начала играть что-то грустное [3: 241].

Пример 5: Я вижу – ворота открыты, площадь, город. И пошёл не торопясь... [3: 230].

Пример 6: Музыка наполняла комнату все теснее и незаметно для матери будила ее сердце.

И почему-то пред ней вставала из тёмной ямы прошлого одна обида, давно забытая, но воскресавшая теперь с горькой ясностью [3: 205].

Союзы *га* (в значении *и*) и *си* могут занимать позиции только внутри предложения. (Союз *га* в значениях *а*, *но* имеет иную локализацию, которая в статье не рассматривается).

Пример 7: Левин был почти одних лет с Облонским и с ним на «ты» не по одному шампанскому [6: 19].

Рё:вин ва Обуронски: то хотондо онаидоси датта га, футари га «кими-боку» но айдагара ни натта но ва, нанимо сямпэн хитоцу но о-кагэ дэ ва наката [11: 35].

Пример 8: Я понимаю и ценю твоё отношение к нему... [6: 28].

Ни:сан но соно тайдо ва боку ни мо вакаримас си, эрай то омоимас [12: 51].

Союз *соситэ* может располагаться в середине, начале предложения и в начале абзаца, но типичными для *соситэ* являются позиции в начале предложения и в начале абзаца.

Пример 9: Выла собака. И неохотно, изредка в окно стучали капли дождя [3: 270].

Ину га хоэтатэа. Соситэ амацубу га, токи-тама сибусибутто мадо о татаита [9: 171].

Пример 10: Вот что он мне ответил.

И Сергей Иванович подал брату записку из-под пресс-папье [6: 28].

Соситара, конна хэндзи о ёкосита.

Соситэ Сэругэй ва бунтин но сита кара хаси-ригаки о ото:то ни ватасита [12: 50].

2. Значения.

Для значений союзов *и* и *га*, *си*, *соситэ* общей является сема «присоединительность». Кроме этого, в значениях японских союзов содержится сема «смысловая направленность», нерелевантная для союза *и*. В японском языке она реализуется в двух вариантах: «левосторонняя смысловая направленность» и «правосторонняя смысловая направленность». Сема «левосторонняя смысловая направленность» входит в семантическую структуру союза *га*, присоединяющего часть предложения, которая содержательно является по отношению к досоюзной части комментарием, характеристикой субъекта или его действия и не продвигает сюжет, а находится на его периферии.

Пример 11: ...он шел медленно, крепко опираясь на палку, и было слышно его хриплое дыхание [3: 217].

Карэ ва сиккарито цуэ ни сугаттэ, нороноро яттэ китэ ита га, соно касурэта икидзукаи га кикоэру но датта [8: 65].

Пример 12: Вошли они шумно, и было в них что-то весёлое, довольное [3: 194].

Карэра ва гаягая со:дзо:сику хаиттэ кита га, наника юкай со: дэ, мандзокуситэ иру ё:су датта [8: 4].

Пример 13: Матвей уже держал, сдувая что-то невидимое, хомутом приготовленную рубашку и с очевидным удовольствием облек в нее холеное тело барина [6: 8].

Матовэй ва, сакки кара, наника мэ ни мизнай хокори о хараинагара, ума но кубива но катати ни косираэта сяю о сасагэ моттэ ита га, имая мирукарани мандзоку со:ни, тэйрэ но юкитодоита, сюдзин но карада ни, сорэ о кабусэта [11: 14].

Как очевидно, в этих примерах смысловые нюансы послесоюзной части обращены назад, отсылают в сторону левостороннего окружения союза *га*. Они не продвигают сюжет повествования. Напротив, они возвращают его к тому, о чем шла речь в досоюзной части.

Сема «левосторонняя смысловая направленность» содержится и в союзе *си*, послесоюзное окружение которого, как и в случае с союзом *га*, не продвигает сюжет, но в отличие от *га* оно вместе с левосторонним окружением образует замкнутое смысловое целое с оттенком перечисления.

Пример 8: Я понимаю и ценю твоё отношение к нему... [6: 28].

Ни:сан но соно тайдо ва боку ни мо вакаримас си, эрай то омоимас [12: 51].

Пример 14: – Я лягу! – тихонько сказала мать Софье. – Устала всё-таки немного, и голова кружится от запаха [3: 216].

– *Ватаси ёко ни наримас кара нэ!* — *Хаха га сотто София ни итта.* – *Тоникаку сё:сё: цукарэма-сита си, сорэни коно ниои дэ атама га куракураси-мас* [8: 62].

В отличие от союзов *га* и *си* послесоюзное окружение союза *соситэ* по содержанию представляет собой развитие повествования, рассуждения или описания по прямой вправо. Поэтому такую смысловую направленность называем правосторонней.

Пример 15: На третий день пришли к селу, мать спросила мужика, работавшего в поле, где дег-

тярный завод, и скоро они спустились по крутой лесной тропинке, – корни деревьев лежали на ней, как ступени, – на небольшую круглую поляну, засорённую углём и щепой, залитую дегтем [3: 210].

Миккамэ ни мура ни цуйта. Хаха ва хатакэ дэ сигото о ситэ ита хякусэ: ни, ко:дзэ: га доко ни ару ка о кишта. Соситэ ягатэ футари ва, ки но нэ дэ дандан но ё:ни наттэ иру мори но нака но кэвасий коми-ти о оритэ юку то, ти:сана маруй ринкан но ку:ти ни дэта. Соко ни ва мокутан я, та:ру о абита копта га китанарасику тиракаттэ ита [8: 48].

Пример 16: Она улыбалась, охмеленная музыкой, чувствуя себя способной сделать что-то нужное для брата и сестры.

И поискав глазами – что можно сделать? – тихонько пошла в кухню ставить самовар [3: 206].

Канодзэ ва онгаку ни ёттэ, коно кё:дай но тамэ ни наника хицуё:на кото о ситэ агэру кото га дэкиру, то кандзинагара, никоникото варагта.

Соситэ, (донна кото нара дэкиру но даро:) то мэ дэ сагаситэ, сотто дайдокуро э самова:ру о вакаси ни итта [9: 31].

Помимо сем «присоединительность» и «смысловая направленность», которые являются общими для трёх союзов *га*, *си*, *соситэ*, каждый из исследуемых союзов обладает индивидуальными семантическими особенностями. Так, в смысловую структуру союза *си* входит сема «перечислительность» (примеры 8, 14). Кроме этого, в отличие от союзов *га* и *соситэ*, которые способны связывать как одновременные (примеры 9, 11), так и последовательные события или обстоятельства (примеры 13, 15), союз *си* соединяет только одновременные (примеры 8, 14). Поэтому в значение *си* включаем сему «одновременность».

Под влиянием контекста союз *га* может приобретать смыслы «противительность» (пример 17), «уступительность» (пример 18), а союзы *соситэ* и *си* – «причинно-следственная связь» (пример 19).

Пример 17: Она только что пыталась сделать то, что пыталась сделать уже десятый раз в эти три дня: отобрать детские и свои вещи, которые она увезёт к матери, – и опять не могла на это решиться... [6: 12].

Канодзэ ва коно микка-кан ни мо: дзю:до мо кокоромита кото о, има масани кокоромиё: то ситэ иру но датта. Сорэ ва дзibun то кодомотати но моно о эривакэтэ, хахаоя но токуро э хакобо: то ю: но да га, наканака со: фумикиру кото ва дэкинакатта [11: 21-22].

Пример 18: Первый раз за всю жизнь она была в доме у чужого человека, и это не стесняло её [3: 201].

Канодзэ ва умарэтэ хадзимэтэ танин но из ни кита но да га, сорэ га канодзэ ни ва кю:куцу дэ мо най но датта [9: 18].

Пример 19: Раскрытый ворот пропитанной дегтем, когда-то красной, рубахи, обнажал сухие ключицы, густую черную шерсть на груди, и во всей фигуре теперь было ещё более мрачного, траурного [3: 213].

<i>соситэ</i> ₂	<i>си</i> ₂
<i>Мото ва акай цро датта, та:ру но симита сяцу но, ботан о хадзусита эримото кара ва, касакасасита сакоцу то, гиссири хээта курой мунагэ га мукидаси ни наттэ ита. Соситэ дзэнсин но сугата га има ва идзэн ёри мо иссо: кураку, инкени наттэ ита</i> [8: 55].	<i>Та:ру но симиконда сяцу ва, мото ва ака датта га ботан о хадзусита эри кара, тогатта сакоцу то, нодо ни хээта кой куроэ га мукидаси ни наттэ ита си, дзэнсин но сугата га мото ёри итиданто кураку, инки ни наттэ ита</i> [9: 46].

На основе выделенных сем можно представить значения каждого из трёх исследуемых японских союзов в виде сочетания (набора) указанных сем. Будем считать самостоятельным и отметим соответствующим индексом каждое значение японского союза, отличающееся от других значений хотя бы одной семой.

Союз *га*₁: 1) Присоединительность, 2) Левосторонняя смысловая направленность.

Союз *га*₂: 1) Присоединительность, 2) Левосторонняя смысловая направленность, 3) Противительность.

Союз *га*₃: 1) Присоединительность, 2) Левосторонняя смысловая направленность, 3) Уступительность.

Союз *си*₁: 1) Присоединительность, 2) Перечислительность, 3) Одновременность, 4) Левосторонняя смысловая направленность.

Союз *си*₂: 1) Присоединительность, 2) Перечислительность, 3) Одновременность, 4) Левосторонняя смысловая направленность, 5) Причинно-следственная связь (слабая).

Союз *соситэ*₁: 1) Присоединительность, 2) Правосторонняя смысловая направленность.

Союз *соситэ*₂: 1) Присоединительность, 2) Правосторонняя смысловая направленность, 3) Причинно-следственная связь.

Характеризуя основные отличия русского союза *и* и японских союзов *га*, *си*, *соситэ*, можно констатировать:

1.Отсутствие в значении союза *и* семы «смысловая направленность», релевантной для японских союзов *га*, *си*, *соситэ*.

2.Отсутствие у японских союзов *га*, *си*, *соситэ* усилительного и выделительного значений, релевантных для союза *и*.

3.Распределение сем «причинно-следственная связь», «перечислительность», «противительность», «уступительность» по трём японским союзам и наличие перечисленных смыслов в значениях одного союза *и*.

4.Отличия в месте локализации союза *и* и союзов *га*, *си*, *соситэ*.

Помимо указанных японских союзов, «и-отношения» могут быть переданы в японском языке разнообразными бессоюзными средствами и другими (несочинительными) союзами. Перечислим наиболее частотные способы выражения этих отношений, зафиксированные в нашем материале.

1. Языковые средства обозначения соединительных отношений, выражающих временную соотнесённость:

1. Деепричастие предшествования -тэ

Пример 20: Рыбин посмотрел на него и тихонько заговорил... [3: 220].

Рыбин ва карэ но хо: о митэ, сотто иидасита [8: 72].

2. Деепричастие одновременности - нагара

Пример 21: Он шел по дорожке к катку и говорил себе... [6: 29].

Карэ ва комити о сукэ:тодзё: э мукаттэ арукинагара, дзибун ни иикикасэру но датта [11: 54].

3. Вторая основа срединного глагола

Пример 22: Она сошла к болоту и села на землю под тесной группой молодых осин [3: 205].

Канодзё ва нума но хо: э ориэ ики, яманараси но вакаги га гиссири мурэтэ иру соба но дзимэн ни коси о оросита [8: 35].

4. Конструкции со значением «после того как»:

1) Конструкция с союзным именем

ато после прошедшего времени глагола
Пример 23: Она... что-то сказала ей и направилась к домику, где дамы снимали коньки [6: 33].

Канодзё ва... аитэ ни наника ханасикакэтамато, фудзинтати га сукэ:то-гуцу о нуидэ ита коя но хо: э аси о мукэта [11: 61].

2) Форма на - тэ кара

Пример 24: – Не имеем данных, - подтвердил профессор и продолжал свои доводы [6: 27].

«Соно дзайрё: о моттэ инай н дэс ё» кё:дзю мо аудзуги о уттэ кара, дзибун но ронсё: о цудзукэ-та [11: 49].

II Языковые средства выражения соединительных отношений со значением причинно-следственной связи:

1) Союз *нодэ* после заключительной формы сказуемого

Пример 25: Он сознавал, что меньше любил мальчика, и всегда старался быть ровен... [6: 10].

Карэ ва, дзибун га отоко но ко но хо: о амари айситэ инай кото о сё:тиситэ ита нодэ, ицумо ко:хэйни наро: то цутомэтэ ита [11: 18-19].

2) Причинные союзы *сорэдэ* «поэтому», *дакара* «поэтому»

Пример 26: Степан Аркадьич не мог говорить, так как цирюльник занят был верхнею губой, и поднял один палец [6: 7].

Обуронски: ва кути га кикэнакатта. Тё:до рихацуси га увакутибиру о соттэ ита кара дэару. Сорэдэ, юби о иппон агэтэ мисэта [11: 12].

Пример 27: Но это желание не исчезло у неё, и, разливая чай, она говорила, смущённо усмехаясь... [3: 206].

Сикамо, хаха но коно кимоти ва китэ сима-ванакатта. Дакара о-тя о цугинагара, канодзё ва кимариваругэна вараи о укабэ... [8: 38].

III Языковое средство выражения соединительных отношений со значением уступительности:

Уступительно-противительный союз *нони* после заключительной формы сказуемого

Пример 28: Первый раз за всю жизнь она была в доме у чужого человека, и это не стесняло её [3: 201].

Умарэтэ хадзимэтэ танин но иэ ни иру нони, бэцуни кю:куцуна кандзи ва синакатта [8: 23].

Анализ двух вариантов перевода предложений

с союзом *и*, выполненных разными переводчиками, позволяет выявить некоторые тенденции, правила, закономерности выбора ими японских переводных эквивалентов союза *и*. При выборе переводного эквивалента союза *и* конкурентные отношения могут возникать не только между японскими союзами, но и между японскими союзами и другими (альтернативными) способами выражения «и-отношений».

Прежде всего выбор японского эквивалента зависит от трактовки переводчиками содержательных, смысловых отношений левостороннего (досоюзного) и правостороннего (послесюзного) окружений союза *и*. Если смысловая направленность однозначно трактуется ими как левосторонняя, в качестве переводного эквивалента *и* оба переводчика выбирают союз *га*₁ (пример 11), если как правосторонняя – союз *соситэ*₁ (пример 16), если как левосторонняя с оттенком перечислительности – союз *си*₁ (пример 8).

Пример 11: ... он шел медленно, крепко опираясь на палку, и было слышно его хриплое дыхание [3: 217].

<i>га</i> ₁	<i>га</i> ₁
<i>Карэ ва сиккарито цуэ о цуйтэ, юккуруито аруйтэ ита га, касурэта икидзукаи га кикозэ кита</i> [9: 54].	<i>Карэ ва сиккарито цуэ ни сугаттэ, нороноро яттэ китэ ита га, соно касурэта икидзукаи га кикозэру но датта</i> [8: 65].

Пример 16: Она улыбалась, охмеленная музыкой, чувствуя себя способной сделать что-то нужное для брата и сестры.

И поиск глазами – что можно сделать? – тихонько пошла в кухню ставить самовар [3: 206].

<i>соситэ</i> ₁	<i>соситэ</i> ₁
<i>Канодзё ва онгаку ни ёттэ, коно кё:дай но тамэ ни наника хицую:на кото о ситэ агэру кото га дэкиру, то кандзинагара, никоникото варатта. Соситэ, (донна кото нара дэкиру но даро:) то мэ дэ сагаситэ, сотто дайдокоро э самова:ру о вакаси ни итта</i> [9: 31].	<i>Канодзё ва онгаку ни ёттэ, никоникосинагара, коно ситэйтати но тамэ ни нани ка хицую:на кото о ситэ яру кото га дэкиру дзо тою: кимоти датта Соситэ нани о яттара ёй ка то мэ дэ сагаситэ, сотто дайдокоро э самова:ру о татэ ни итта</i> [8: 38].

Пример 8: Я понимаю и цену твоё отношение к нему... [6: 28].

<i>си</i> ₁	<i>си</i> ₁
<i>Ни:сан но тоттэру тайдо ва ёку вакаримас си, риппа да то омоимас ё</i> [11: 52].	<i>Ни:сан но соно тайдо ва боку ни мо вакаримас си, эрай то омоимас</i> [12: 51].

Если контекст позволяет неоднозначную трактовку смысловой направленности, отличаются и выбранные переводчиками союзы:

Пример 29: Либеральная партия говорила, что в России всё дурно, и действительно, у Степана Аркадьича долгов было много, а денег решительно не доставало [6: 9].

Здесь один из переводчиков союз *и* переводит союзом *га*, видимо рассматривая его правостороннее окружение как комментарий к левосторонней части. Другой переводчик трактует смысловую связь обеих частей как перечислительную, поэтому переводит *и* союзом *си*.

<i>га</i> ₁	<i>си</i> ₁
Дзю:то: ва, Росиа дэ ва нанимо-камо хидой дэ:тай да то иттэ ита дэ:тай да то иттэ ита <u>га</u> , дзиссай, Обуронсуки: ва фусай бакари о:кутэ, маттаку канэ ни коматтэ ита [11: 16].	Росия дэ ва субэтэ га дамэ да, то дзю:то: ва иттэ ита <u>си</u> , дзидзицу, Сутэпан но бааи мо, фусай га о:кутэ, канэ ни ва маттаку коматтэ ита [12: 15].

В следующем примере один из переводчиков переводит *и* союзом *соситэ*, другой передает значение «*и*-отношений» второй основой глагола.

Пример 30: Порою она, гибко наклоняясь, срывала полевой цветок и легкими прикосновениями тонких быстрых пальцев любовно гладила дрожащие лепестки. И что-то напевала, тихо и красиво [3: 209].

<i>соситэ</i> ₁	вторая основа глагола
Токидоки канодзэ ва синаякани ми о кагамэтэ но но хана о тэори, кяся дэ бинсэ:на юби о каруку фурэтэ, фуруэру кабэн о ясакику надэтэ ятта. <u>Соситэ</u> уцукусий коэ дэ сотто наника о кутидзусандэ иру но датта [8: 45].	Токидоки канодзэ ва синаякани ми о кагамэтэ, но но хана о ори, бинсэ:на хосой юби о каруку атэтэ, фуруэру кабэн о ясакику айбуси, уцукусий коэ дэ сотто нанияра утау но дэатта [9: 37].

Для союза *и* в уступительном значении переводчик может выбрать союз *га*₃, поскольку «уступительность» является одним из компонентов его значения, или грамматическое средство выражения уступительных отношений, например, показатель придаточного уступительного предложения *нони*.

Пример 28: Первый раз за всю жизнь она была в доме у чужого человека, и это не стесняло её [3: 201].

<i>га</i> ₃	<i>нони</i>
Канодзэ ва умарэтэ хадзимэтэ танин но из ни кита но да <u>га</u> , сорэ га канодзэ ни ва кю:куцу дэ мо най но датта [9: 18].	Умарэтэ хадзимэтэ танин но из ни иру <u>нони</u> , бэцуни кю:куцуна кандзи ва синакатта [8: 23].

Союз *и* в причинно-следственном значении переводчики переводят либо союзом *соситэ*₂ или союзом *си*₂, которые могут выражать причинно-следственную связь (пример 19), либо оформляют эти отношения в виде придаточного предложения причины (пример 25) или вводят причинный союз *дакара* (пример 31).

Пример 31: ...все чувствуем, но трудно выговорить нам, нам совестно, что вот – понимаем, а сказать не можем. И часто – от совести – сердимся мы на мысли наши [3: 206].

<i>соситэ</i> ₂	<i>дакара</i>
...нандэмо кандзи ва суру но дэс га, сорэ о иидасу но га муцукасий но дэс. Коното:ри вакаттэ ва иру но да кэрэдо, сорэ га изнакутэ хадзукасий но дэс. <u>Соситэ</u> коно хадзукасий кимоти кара, ватаситати ва дзibun но кангаэ га харадатасику наттэ кимас [8: 38-39].	...нандэмо вакару но дэс га, сорэ о ю: но га мудзукасий но дэс. Коното:ри вакаттэ иру но ни, сорэ га изнай но га, кимари га варуй но дэс. <u>Дакара</u> коно кимари варуса кара, атаситати ва табитаби дзibun но кангаэ ни хара о татэру но дэс [9: 31-32].

Видимо, существуют тонкие смысловые отличия между переводом *и* японским сочинительным союзом или альтернативным способом. Эта проблема требует специального исследования и в нашей статье не рассматривается.

Подведем итоги.

1. В японском языке отсутствуют союзы, по объёму значения совпадающие с русским союзом *и*. Каждый из японских союзов *га*, *си*, *соситэ* покрывает лишь часть семантического пространства, закреплённого в русском языке за союзом *и*.

2. Японские союзы *га*, *си*, *соситэ* особенностями своей семантической структуры и локализации вносят вклад в типологию сочинительной связи.

3. Союзы *га*, *си*, *соситэ* отражают своеобразие японской языковой картины мира.

4. Сопоставительные исследования русского союза *и* и японских союзов *га*, *си*, *соситэ* позволяют расширить и углубить представления о каждом из них и выработать оптимальные способы их перевода с одного языка на другой.

Библиографический список

1. Большой японско-русский словарь / под ред. Н.И. Конрада. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. I. 807 с.
2. Большой японско-русский словарь / под ред. Н.И. Конрада. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. II. 919 с.
3. Горький М. Мать // Горький М. Старуха Изергиль. На дне. Мать. В.И. Ленин. М.: Учпедгиз, 1956. С. 77-326.
4. Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. 624 с.
5. Словарь русского языка. М.: «Русский язык». Т. I. А – Й, 3-е изд. 1985. 702 с.
6. Толстой Л.Н. Анна Каренина. М.; Л.: Гослитиздат, 1950. 838 с.
7. Урысон Е.В. Опыт описания семантики союзов. Лингвистические данные о деятельности сознания. М.: Языки славянских культур, 2011. 336 с.
8. Го:рики: (Горький М.) Хаха (гэ) // Пер. Ёкота Мидзухо. Токио: Изд-во Иванами сэтэн, 1989. 309 с.
9. Го:рики: (Горький М.) Хаха (гэ) // Пер. Иноуэ Мицуру. Токио: Изд-во Кадокава сэтэн, 1956. 296 с.
10. Нихонго-бункэй-дзитэн. Токио: Изд-во Куроисио сьопан, 2003. 693 с.
11. Торусутои (Толстой Л.Н.) Анна Карэ:нина (дзэ:) // Пер. Кимура Хироси. Токио: Изд-во Синтё:ся, 1972. 439 с.
12. Торусутои (Толстой Л.Н.) Анна Карэ:нина (дзэ:) // Пер. Накамура То:ру. Токио: Изд-во Иванами сэтэн, 1989. 440 с.

Works Cited

1. Bol'shoy yaponsko-russkiy slovar' / pod red. N.I. Konrada.

- М.: Sovetskaya entsiklopediya, 1970. Т. I. 807 s.
2. Bol'shoy yaponsko-russkiy slovar' / pod red. N.I. Konrada. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1970. Т. II. 919 s.
  3. Gor'kiy M. Mat' // Gor'kiy M. Starukha Izergil'. Na dne. Mat'. V.I. Lenin. M.: Uchpedgiz, 1956. S. 77-326.
  4. Sannikov V.Z. Russkiy sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008. 624 s.
  5. Slovar' russkogo yazyka. M.: «Russkiy yazyk». Т. I. А – Я, 3-е изд. 1985. 702 s.
  6. Tolstoy L.N. Anna Karenina. M.; L.: Goslitizdat, 1950. 838 s.
  7. Uryson E.V. Opyt opisaniya semantiki soyuzov. Lingvis-ticheskiye dannyye o deyatel'nosti soznaniya. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2011. 336 s.
  8. Go:riki: (Gor'kiy M.) Khakha (g'e) // Per. Ėkota Midzukho. Tokio : Izd-vo Ivanami sēt-en, 1989. 309 s.
  9. Go:riki: (Gor'kiy M.) Khakha (g'e) // Per. Inoue Mitsuru. Tokio : Izd-vo Kadokava sēt-en, 1956. 296 s.
  10. Nihongo-bunk-ey-dzit-en. Tokio: Izd-vo Kurosio syuppan, 2003. 693 s.
  11. Torusutoi (Tolstoy L.N.) Anna Kar'e:nina (dzë:) // Per. Kimura Khiosi. Tokio : Izd-vo Sintë:sya, 1972. 439 s.
  12. Torusutoi (Tolstoy L.N.) Anna Kar'e:nina (dzë:) // Per. Nakamura To:ru. Tokio : Izd-vo Ivanami sēt-en, 1989. 440 s.

УДК 81

© В.Н. Хисамова

ФГАОУ ВО «Казанский федеральный университет»
Казань, Россия

© Л.И. Абдуллина

ФГАОУ ВО «Казанский федеральный университет»
Казань, Россия

Синонимия в медицинской терминологии как одна из важных проблем терминоведения (на материале английского, русского и татарского языков)

Изучение медицинской терминологии является одним из перспективных направлений в современной науке, так как словарный состав языков, в том числе и национальных, пополняется за счет терминологии.

Проблема синонимии терминов, то есть использования нескольких специальных лексических единиц для именованья одного понятия, продолжает оставаться по сегодняшний день одной из наиболее важных проблем терминоведения.

Более того, синонимия в медицинской терминологии генетически неродственных языков, в частности, английского и татарского языков, русского и татарского языков, в сопоставительном аспекте не изучена на сегодняшний день.

Исследование синонимии в медицинской терминологии английского, русского и татарского языков определит общие качества и специфические особенности синонимичных отношений в этих языках, что поможет упорядочению терминов в английском, русском и татарском языках. Избранный подход отвечает характерной для современной науки динамике осмысления сути терминов [23].

Настоящая работа посвящена изучению синонимии в медицинской терминологии английского, русского и татарского языков. Английский язык является международным языком науки, русский язык – национальный язык русского народа и является одним из наиболее распространённых языков мира, шестым среди всех языков мира по общей численности говорящих и восьмым по численности вла-

деющих им как родным, а татарский язык – второй по распространённости и по количеству говорящих на нем национальный язык в Российской Федерации [22: 68-69].

По мнению Е.В. Смирновой, синонимия терминов – тип семантических отношений, основанный на способности разных терминологических единиц обозначать одно специальное понятие, выражая различные дополнительные признаки понятия, эмоциональную или стилистическую окраску, употребляемость и сочетаемость с другими терминологическими единицами [18: 190].

Некоторые ученые (С.В. Гринев-Гриневиц, В.М. Лейчик, Н.В. Новодранова) расценивают терминологическую синонимию как положительное явление. С.В. Гринев-Гриневиц пишет, что «проблема синонимии является одной из наиболее важных проблем терминоведения. Источниками семантической эквивалентности в терминологии, по его мнению, являются метадialectы различных научных школ и идиолекты отдельных исследователей, варьирование форм термина (*англ. disease – illness/болезнь, рус. болезнь – заболевание, тат. авыру – хаста/болезнь*), использование в номинации различных аспектов одного объекта (*англ. tumor – growth/опухоль, рус. опухоль – новообразование, тат. сьяк жэелеге – сары жэелек/костный мозг*), заимствование термина с последующим появлением семантического дублета на родном языке (*англ. myopia – shortsightedness/близорукость, рус. миопия – близорукость, тат. миопия – күрә карау/близорукость*) или одновременное

заимствование двух равнозначных терминов (*англ. proctoscopy – rectoscopy/проктоскопия – ректоскопия, рус. ангиопатия – вазопатия тат. проктоскопия – ректоскопия/проктоскопия – ректоскопия*), существование официального и разговорного терминов (*англ. conjunctivitis – pink eye/конъюнктивит, рус. паротит эпидемический – свинка, тат. флюс – теи бакасы/флюс*), современного и устаревшего терминов (*англ. dropsy – edema/отек, рус. эпилепсия – падучая немочь, тат. сырхау – авыру/болезнь*), полного и краткого вариантов (*англ. antibiotic remedies – antibiotics/антибиотические лекарства, рус. антибиотические лекарства – антибиотики, тат. антибиотик дарулар – антибиотиклар/антибиотические лекарства*) и т.д.

Проблема синонимии наименования понятий и представлений для специальной и общеупотребительной лексики не однозначна. В общеупотребительной лексике она имеет положительное значение: синонимы используются для придания речи красочности и являются одним из наиболее выразительных средств стилистической реализации текста. В связи с этим традиционная и для лексикологии проблема синонимии разрабатывалась не столько в аспекте определения степени эквивалентности потенциальных замен, сколько с целью выделения различий и исследования стилистических функций примерно равнозначных средств выражения понятий.

В общеупотребительном языке полная эквивалентность значения практически отсутствует. Это значит, что мы имеем дело с близкими по смыслу, но все же разными словами. Существует два типа синонимов: семантические синонимы, различающиеся оттенками значения, и стилистические синонимы, имеющие положительную или отрицательную окраску и принадлежащие к различным стилевым уровням.

В сфере специальной лексики проблема эквивалентности значения слов приобретает совершенно другой характер. С одной стороны, научная речь не ставит перед собой цель достичь стилистических эффектов, она передает информацию. Стилистическая нейтральность – одно из неотъемлемых свойств, признаков термина, следовательно, в сфере терминологии отсутствуют стилистические синонимы. С другой стороны, даже несущественная разница близких по смыслу слов говорит о том, что речь идет о двух близких, но, вместе с тем, разных понятиях и, следовательно, разных терминах. Если же термины называют одно и то же понятие, то они, как правило, являются абсолютно эквивалентными по значению. Следовательно, учитывая различный характер синонимии в общеупотребительной лексике и языке науки, в терминоведении для этого явления было предложено использовать термин дублетность. Например, *англ. oculist – eye doctor/окулист, рус. окулист – глазной врач, тат. окулист – куз врачы/окулист*. В 1970 г. в специальной литературе появились варианты терминов. При этом понятия синоним, дублет, вариант рассматривались как равнозначные, иногда варианты рассматривались как разновидность синонимов, а дублеты – как лексические варианты. Ввиду этого был введен обобщающий термин “терминологические эквиваленты”, но он используется для обозначения межъязыковых терминологических эквивалентов.

С.В. Гринев-Гриневиц, учитывая все эти обстоятельства, отношения абсолютной и условной синонимии терминов (для которых и используется термин синонимия), а также эквивалентность разноязычных терминов, предлагает термин равнозначность.

Равнозначные термины – это термины с одинаковым или подобным значением, используемые для обозначения одного понятия. В соответствии с основными типами равнозначности и современными тенденциями употребления терминов равнозначные термины разделяются на термины-синонимы (синонимичные термины) – термины одного языка с тождественным или подобным значением (равнозначные термины одного языка), например, *англ. nearsightedness – shortsightedness/близорукость, рус. опухоль – новообразование, тат. курэ карау – ерактан курмәүчелек/близорукость*, и эквиваленты – разноязычные термины с тождественным или подобным значением (разноязычные равнозначные термины), например, *англ. hypermetropia – farsightedness/дальнозоркость, рус. гиперметропия – дальностьзоркость, тат. гиперметропия – якыннан курмәү/дальнозоркость*” [6: 102-105].

В.М. Лейчик также признает явление синонимии в терминологии, но, тем не менее, он отмечает, что в терминологии не может быть стилистических синонимов, так как лексическая единица, принадлежащая к разговорному стилю, просторечию, жаргону, профессиональной лексике не может входить в состав терминосистемы [9: 104].

Согласно документу по стандартизации медицинской терминологии «Информатизация здоровья. Контролируемая медицинская терминология. Структура и высокоуровневые индикаторы», несколько терминов (лингвистических представлений) могут иметь одинаковое значение, если они являются точными представлениями одного и того же понятия. При этом подразумеваются отсутствие избыточности, неоднозначности, неопределенности и внутренняя непротиворечивость [13: 3].

Некоторые исследователи (Д.С. Лотте, В.К. Фаворин, Е.Н. Толикина, О.С. Ахманова) считают, что синонимия в терминологии нежелательна. Например, Д.С. Лотте отмечает, что даже абсолютные синонимы могут быть вредны. Существует некий риск, что в один из этих терминов постепенно вкладывается содержание или более узкое, чем в другой, или более широкое, или совсем другое. Вследствие этого абсолютные синонимы превращаются в относительные синонимы со всеми пороками многозначных терминов. Он допускает только два случая синонимии в терминологии: 1. Когда существует необходимость класть в основу построения различных систем терминов различные свойства одного и того же понятия или придавать разную конструкцию терминам, составленным из одних и тех же лексических элементов; 2. Наличие терминов-синонимов, из которых один является краткой формой другого – содержит терминологические элементы, которые входят в состав другого термина, но в меньшем числе или сокращенном виде [10: 9-10]. Е.Н. Толикина считает, что в терминологии могут быть только дублеты. По ее мнению, дублетность – нежелательное явление, поскольку она

не придает ни стилистической окраски, ни индивидуальности, а просто говорит о неупорядоченности терминов [20: 61,62]. О.С. Ахманова пишет, что от дублетов надо освободиться как можно скорее, так как они не являются синонимами, а просто по-разному называют один и тот же объект [1: 13].

Терминологическая синонимия не должна рассматриваться отдельно от синонимии общеупотребительной лексики, потому что термин – не особое слово, а слово в особой функции, ему должны быть свойственны те же лингвистические явления, что и любому другому слову общеупотребительного языка. Такая ситуация не позволяет относить терминологическую синонимию к негативным и избыточным явлениям или вообще ее отрицать [19: 58; 12: 155.]

В нашей статье мы будем говорить именно о равнозначных терминах, которые являются взаимозаменяемыми. Например, англ. **Mitral valve regurgitation (mitral incompetence, mitral insufficiency)** is leakage back through the mitral valve each time the left ventricle contracts/Недостаточность митрального клапана – это обратный отток крови через митральный клапан, каждый раз при сокращении левого желудочка. For example corticosteroids (cortisone-like drugs) may produce acne cause skin to become thin, and **anticoagulants (blood thinners)** may cause bruising when blood leaks under the skin/Например, кортикостероиды (кортизоноподобные лекарства) могут вызвать прыщи, стать причиной утончения кожи, а антикоагулянты (препараты, разжижающие кровь) могут спровоцировать синяки, когда кровь подтекает под кожу [3: 34, 216]; рус. Аллергический ринит клинически характеризуется наличием одного или более из следующих симптомов: зуд в носовой полости, чихание, заложенность носа, ринорея (передняя или задняя) и, иногда, **снижение обоняния (гипосмия)** [24]. Причиной гипертонического криза может быть как **гипертоническая болезнь (эссенциальная АГ)** (70%), так и симптоматические АГ (в т.ч. феохромоцитомы, тиреотоксикоз, вазоренальная АГ), а также некоторые другие состояния (острый гломерулонефрит, черепно-мозговая травма, преэклампсия и эклампсия беременных и др.) [21]. Аяклардагы **кара кан тамырларының (веналарның)** варикоз кинэюе шундый хроник чирлэрнең бер төрө/ Варикозное расширение вен нижних конечностей – одна из разновидностей таких хронических заболеваний [2]. Монда йөрәкнең житкелекле эшлэмәве, **кардиомиопатия, ягъни, йөрәк ялкынсынуы** диагнозы куелды/Здесь был поставлен диагноз “сердечная недостаточность”, “кардиомиопатия” или “поражение сердечной мышцы” [27].

Широкое распространение синонимии в медицинской терминологии вызвано следующими факторами: синонимия возникает вследствие поиска более рационального обозначения; одна и та же область одновременно развивается в разных странах, и при общении ученых и обмене опытом происходит обмен терминами; авторы в своих публикациях вводят собственные термины для вновь появляющихся понятий; также иноязычный термин вводится в национальный язык в качестве синонима уже существующего термина из-за краткости, так как краткость является еще одним требованием к термину [12: 159; 26: 143].

В.П. Даниленко пишет, что синонимия особенно характерна для ранних этапов формирования терминотерминологической системы, когда для понятия предложено несколько терминов и не произошел естественный или искусственный отбор лучшего термина [7: 73].

В английской медицинской терминологии выявились следующие 15 основных источников возникновения терминологической синонимии:

1. Греко-латинская синонимия, когда для выражения одного и того же понятия используются и греческие, и латинские термины. Например, *proctoscopy – rectoscopy/проктоскопия – ректоскопия*, *pneumonectomy – pulmonectomy/пневмонэктомия – пульмонэктомия*, *microangiopathy – capillaropathy/микроангиопатия – капилляропатия* и т.д.

2. Синонимия заимствованных и исконно английских терминов, например, *patella – kneecap/коленная чашка*, *uterus – womb/матка*, *vertigo – dizziness/головокружение* и т.д.

3. Синонимия исконных английских терминов, например, *pins and needles – tingling/покалывание*, *graze – scratch/царапина*, *nearsightedness – shortsightedness/близорукость* и т.д.

4. Синонимия эпонимов и их значений, например, *Patau's syndrome – trisomy 13/синдром Патау – трисомия 13*, *Bazin's disease – erythema induratum/индуративная эритема Базена*, *Charcot's joints – neurogenic joint degeneration/стона Шарко – нейроартропатия* и т.д.

5. Синонимия термина и его эквивалента из общеупотребительного языка, например, *amniotic fluid – waters/амниотическая жидкость*, *inhaler – puffer/ингалятор*, *bulla – blister/волдырь* и т.д.

6. Синонимия современного термина и его устаревшей формы, например, *dysentery – bloody flux/дизентерия*, *syphilis – French pox or French disease / сифилис*, *edema – dropsy/отек* и т.д.

7. Синонимия термина и его эвфемистического значения, например, *cancer – big C, long illness, mitotic disease/рак*; *crippled – differently abled/недееспособный*, *surgery – intervention/оперативное вмешательство* и т.д.

8. На стадии полисемичных моделей некоторые из них могут синонимизировать по какой-либо одной семантической линии. С развитием медицины понятия конкретизируются, акцентируются новые признаки явлений. Это находит выражение в языковых формах – синонимах, которые являются активным языковым средством фиксации нового взгляда на предмет мысли, например, *bioassay – bioanalysis – bioprobe – biotest/биологический анализ*; *nicotinic acid – niacin – vitamin PP/ никотиновая кислота*; *mode – type – kind – manner – way – course of action – shape/ вид, образ действия форма*; *alternative medicine – unconventional medicine – alternative/ unconventional therapeutic practices – alternative/ unconventional techniques/ альтернативная медицина* [12: 176].

9. Синонимия термина и сленга, например, *sudden seizure attack – fits/внезапный судорожный приступ*, *acute appendicitis – pothole sign/острый аппендицит*, *endotracheal tube – snorkel/эндотрахеальная трубка* и т.д.

10. Синонимия, возникающая при комбинированном способе перевода (в большинстве случаев

ев греко-латинских терминов): транслитерацией и калькированием, например, *hemostasis – blood stasis/гемостаз – стаз крови*, *pleuropneumonia – lobar pneumonia/плевронпневмония – крупозная пневмония*, *hemotransfusion – blood transfusion/переливание крови* и т.д.

11. Синонимия, появляющаяся в результате использования в номинации различных аспектов одного объекта, например, *tumor – growth/опухоль*, *hay fever – summer catarrh/сенная лихорадка*, *adult tooth – double tooth/коренной зуб* и т.д.

12. К равнозначным синонимам также относятся варианты. Варианты разделяются на основании признака полноты (на полные и краткие) и языкового уровня, на котором осуществляется варьирование формы терминов: полный вариант – вариант, включающий максимальный набор терминологических элементов данного термина; краткий вариант – вариант, полученный путем сокращения полного термина, например, *antiseptic devices – antiseptics/антисептические средства*, *antibiotic remedies – antibiotics/антибиотические лекарства*, *tuberculous protein – tuberculoprotein/туберкулопротеин* и т.д.

13. При делении на основе признака языкового уровня выделяются следующие виды вариантов: графические варианты – варианты, которые различаются написанием: например, *tumor – tumour/опухоль*, *curet – curette/кюретка*, *haemophilia – hemophilia/гемофилия* и т.д., фонетико-графические варианты – варианты, различающиеся произношением и вариантным написанием одинаковых лексем, например, *nocturia – nocturia/ноктурия*, словообразовательные, различающиеся только словообразовательными аффиксами, например, *cough – coughing/кашель*, *vomit – vomiting/рвота*, *faint – fainting/обморок*, *cardiomegaly/megalocardia/кардиомегалия – мегалокардия*, *pyelonephritis – nephropylitis/пиелонефрит – нефропиелит* и т.д., синтаксические варианты – варианты терминов-словосочетаний, отличающиеся синтаксической моделью образования (порядком слов и отношением между ними), например, *lung cancer – cancer of the lung/рак легких*, *intestinal activity – activity of intestine/деятельность кишечника*, *urinary tract infection – infection of urinary tract/инфекция мочевыводящих путей* и т.д.

14. Морфолого-синтаксические варианты – варианты, где один из терминов выражен словосочетанием или является сложным термином, а другой – его краткий вариант, полученный с помощью синтаксических и морфологических преобразований. Чаще всего краткие варианты представляют собой слова или словоподобные образования. Выделяются следующие виды морфолого-синтаксических вариантов: эллиптические варианты – морфолого-синтаксические варианты, образованные пропуском одного из составляющих многокомпонентного термина без изменения его значения, например, *left atrium of the heart – left atrium/левое предсердие*, *ABO blood group system – ABO system/группа крови по системе ABO*, *arterial blood vessel – arteria/артерия* и т.д., аббревиатурные варианты – морфолого-синтаксические варианты, образованные сложением частей слов, начальных букв и/или звуков многокомпонентного термина, например, *GIS – gastro-intestinal system/же-*

лудочно-кишечный тракт, *CV – cardiovascular/сердечно-сосудистый*, *COPD – chronic obstructive pulmonary disease/хроническое обструктивное заболевание легких* и т.д.

15. Синонимия терминов, которая возникает внутри медицины. Когда какое-либо явление внутри одной области медицины получает несколько терминологических выражений, возникает внутриотраслевая терминологическая синонимия, например, *surgery – operation/хирургическая операция*, *roentgenology – radiology/рентгенология*, *assimilation – anabolism/анаболизм* и т.д. [12: 157-158].

В русской медицинской терминологии выделяются следующие 14 основных источников синонимии:

1. Греко-латинская синонимия, например, *ангиопатия – вазопатия*, *колонпроктит – колоректит*, *радиопульмонография – радиопневмография* и т.д.

2. Синонимия заимствованных и исконно русских терминов, например, *диспноэ – одышка*, *липома – жировик*, *палатосхизис – расщелина нёба*, *инсомния – бессонница* и т.д.

3. Синонимия исконно русских терминов, например, *болезнь – заболевание*, *синяк – кровоподтёк*, *дрожь – озноб* и т.д.

4. Синонимия эпонимов и их значений, например, *болезнь Аллопо – пустулезный акродерматит*, *синдром Пика – псевдоцирроз печени*, *симптом Зильберласт-Занд – симптом трепетания век* и т.д.

5. Синонимия термина и его эквивалента из общепотребительной лексики, например, *паротит – свинка*, *туберкулез – чахотка*, *потница – просянка*, *трихома – колтун* и т.д.

6. Синонимия термина и его устаревшего эквивалента, например, *паротит – заушица*, *ангина – горловая жаба*, *эпилепсия – падухая болезнь* и т.д.

7. Синонимия термина и его эвфемистического значения, например, *смерть – летальный исход*, *психические болезни – душевные заболевания*, *ожирение – избыточный вес* и т.д.

8. Синонимия термина и сленга, например, *эпидуральная анестезия – эпидуралка*, *клиническая смерть – клиника*, *мерцательная аритмия – мерцалка* и т.д.

9. Синонимия, возникающая при комбинированном способе перевода (в большинстве случаев греко-латинских терминов): транслитерацией и калькированием, например, *гемостаз – стаз крови*, *панбронхит – глубокий бронхит*, *онкомаркёр – опухолевый иммуномаркёр* и т.д.

10. Синонимия, появляющаяся в результате использования в номинации различных аспектов одного объекта, например, *опухоль – новообразование*, *синяк – кровоподтек*, *опрелость – пеленочная сыпь* и т.д.

11. Синонимы – полные и краткие варианты, например, *антисептическое средство – антисептик*, *аналгезирующее средство – анальгетик*, *диуретические средства – диуретик*, *патологическая физиология – патофизиология* и т.д.

12. Синонимы – фонетико-графические варианты, например, *венепункция – венепункция*, *перикардотомия – перикардотомия*, *артериэктомия – артерэктомия*, *гастросхизис – гастросхизис*,

периангит – периангит и т.д., синонимы – словообразовательные варианты, например, *прирожденный – врожденный, векодержатель – векоудерживатель, припухлость – набухание, кардиомегалия – мегалокардия, гастроэзофагостомия – эзофагогастростомия, кардиоангиография – ангиокардиография, пиелонефрит – нефропиелит* и т.д.

13. Из морфолого-синтаксических вариантов в русском языке выделяются аббревиатурные варианты терминов, например, *МРТ – магнитно-резонансная томография, УЗИ – ультразвуковое исследование, ЖКТ – желудочно-кишечный тракт* и т.д.

14. Внутриотраслевая синонимия, например, *реакция – проба, шина – лонгета, радиология – рентгенология* и т.д.

В татарском языке были выявлены следующие 14 источников синонимии в медицинской терминологии:

1. Греко-латинская синонимия, например, *ангиопатия – вазопатия/ ангиопатия – вазопатия, проктоскопия – ректоскопия/ проктоскопия – ректоскопия, пневмонэктомия – пульмонэктомия/ пневмонэктомия – пульмонэктомия* и т.д.

2. Синонимия заимствованных и исконно татарских терминов, например, *аборт – бала төшерү/ прерывание беременности, ларингит – тамак ялкынсыну/ларингит, офтальмолог – күз врачы/окулист* и т.д.

3. Синонимия исконно татарских терминов, например, *жылсенү – ялкынсыну/воспаление, бабасыр – суалчан/глист, саңгырау – чурак/глухой* и т.д.

4. Синонимия эпонимов и их значений, например, *Базедов авыруу – агулы диффуз зоб/болезнь Базедова – токсический диффузный зоб, Квинке шешенүе – аллергия авыруу/отек Квинке – ангионевротический отек, Огнев операциясе – перикард операциясе/ операция Огнева – создание отверстий в перикарде* и т.д.

5. Синонимия термина и его эквивалента из общеупотребительного языка, например, *чәч – төк/волос, авыру – хаста/болезнь, флюс – теш бакасы/флюс* и т.д.

6. Синонимия современного термина и его устаревшей формы, например, *авыру – сырхау/больной, эпилепсия – зыяндаш/эпилепсия, медицина – тыйб гыйлеме/медицина* и т.д.

7. Синонимия термина и его эвфемистического значения, например, *туберкулез – тбс/туберкулез, рак – яман шеш/рак, чурак – колакка сак/глухой* и т.д.

8. Синонимия, возникающая при комбинированном способе перевода, например, *плевропневмония – крупоз пневмония/плевропневмония – крупозная пневмония, псевдомеланоз – ялган меланоз/псевдомеланоз – ложный меланоз, вакцинаотерапия – вакцина белән дәвалау/вакциноотерапия* и т.д.

9. Синонимия, появляющаяся в результате использования в номинации различных аспектов одного объекта, например, *сары желек – сөяк желеге/костный мозг, аналык бизләре – күкәйлекләр/яичники, сүлле эрен – канлы эрен/сукровица* и т.д.

10. Синонимы – полные и краткие варианты, например, *антибиотик дарулар – антибиотиклар/антибиотические лекарства – антибиотики, антисептик чаралар – антисептиклар/антисептические*

средства – антисептики, диуретик чаралар – диуретиклар/диуретические средства – диуретики и т.д.

11. Синонимы – аббревиатурные варианты и их расшифровка, например, *ДНК – дезоксирибонуклеин кислотасы/дезоксирибонуклеиновая кислота, СПИД – яшәү дәверендә барлыкка килгән иммунитет жәткесезлеге/синдром приобретенного иммунодефицита, УЗИ – ультратавыш белән тикшерү/ультразвуковое исследование, АДГ – антидиуретик гормон/антидиуретический гормон, АБ – артериаль басым/артериальное давление, ВИЧ – кеше иммунодефицита вирусы/вирус иммунодефицита человека, ОРВИ – үтә көчле тын юллары инфекциясе/острая респираторная вирусная инфекция* и т.д. Как видно из примеров, в татарском языке очень часто употребляются русские аббревиатуры, хотя расшифровка термина осуществляется на татарском языке. Это объясняется тем, что эти аббревиатуры имеют в своем составе национальные термины, поэтому расшифровка переводится на татарский язык, а сама аббревиатура остается на русском языке, так это помогает избежать слишком длинной и непонятной аббревиатуры, например, *СПИД, ОРВИ* и т.д. Некоторые татарские аббревиатуры эквивалентны русским, например, *ДНК – дезоксирибонуклеин кислотасы/ДНК – дезоксирибонуклеиновая кислота, АДГ – антидиуретик гормон/АДГ – антидиуретический гормон* и т.д. Здесь аббревиатуры составлены из интернациональных терминов, которые совпадают по своей внешней форме (с учетом закономерных соответствующих звуковых, графических единиц, грамматических особенностей) при переводе на татарский язык.

12. Внутриотраслевая синонимия, например, *реакция – проба, ассимиляция – анаболизм, радиология – рентгенология* и т.д.

13. Синонимия заимствованного термина и его описания, состоящего из собственных слов и представляющий собой скорее толкование, нежели имя термина (частое явление в татарском языке), например, *вирус – йогышлы авырулар тудыручы бик вак микроорганизм/вирус, коксит – янбаш сөяге буыны ялкынсыну/коксит, дерматолог – тире аврулары белгече/дерматолог* и т.д.

14. Заимствованные слова, имеющие один корень, но относящиеся к разным частям речи (существительное + прилагательное, представляющее собой усеченную форму заимствованного слова или состоящее из заимствованной части и слова или словообразовательного аффикса татарского языка), например, *психиатрия (хастаханәсе)– психиатрик (хастаханә)/психиатрическая (больница), микроскоп ярдаме белән эшләнгән (анализ) – микроскопик (анализ)/микроскопический (анализ), контузия алган – контузияләнгән/контуженый* и т.д. [5: 157].

Таким образом, в синонимии медицинской терминологии английского, русского и татарского языков выявлены 12 основных сходных свойств:

1. И в английском, и в русском, и в татарском языках в синонимичные отношения вступают греческие и латинские или греческие и греко-латинские термины. Это обусловлено тем, что они являются интернациональными. Медицина как наука основывалась в Древней Греции, потом продолжила свое развитие в Римской империи, где многие медицин-

ские греческие термины латинизировались. Это способствовало употреблению и греческих, и латинских терминов в медицине. Кроме того, эти языки богаты на словообразовательные терминологические элементы, являются мертвыми языками и не изменяются [28: 348-349].

2. И в английском, и в русском, и в татарском языках синонимами являются заимствованные и исконные термины. Такая синонимия возникает в том случае, когда заимствованный термин пытаются объяснить средствами национального языка.

3. Следующее сходство трех языков в том, что в синонимичные отношения вступают исконные термины.

4. Во всех трех языках эпонимы и их расшифровка также являются синонимами.

5. Синонимия термина и слова из общеупотребительного языка свойственна и английскому, и русскому, и татарскому языкам. Синонимы из общеупотребительной лексики используются в дискурсе «врач-пациент», потому что такой термин понятен и специалисту [2: 193].

6. В английском, русском и татарском языках синонимами являются термин и его устаревший эквивалент. Такие термины могут употребляться при архаизации текстов.

7. Во всех трех языках в синонимичные отношения вступают эвфемизмы. Эвфемизм возникает по ряду экстралингвистических и прагматических причин (вежливость, деликатность, благопристойность, стремление завуалировать негативную сущность отдельных явлений действительности) [12: 169].

8. Для всех исследуемых нами языков характерна синонимия, возникающая при комбинированном переводе заимствованного термина.

9. Также синонимия в медицинской терминологии английского, русского и татарского языков возникает в результате использования в номинации различных аспектов одного объекта.

10. Внутриотраслевая синонимия свойственна всем трем языкам. В данном случае термин, употребляющийся в разных научных областях, имеет данный синоним только в рамках медицины.

11. И в английском, и в русском, и в татарском языках часто встречаются синонимы – полные и краткие варианты.

12. Во всех рассматриваемых нами языках выделяются равнозначные синонимы – морфологосинтаксические варианты, а именно, аббревиатурные варианты и их расшифровка.

Также были выявлены семь основных различий:

1. В английской и русской медицинской терминологии синонимами являются термин и его сленговый эквивалент. Сленг употребляется часто в речи медицинских деятелей.

2. Синонимы – фонетико-графические варианты, различающиеся произношением и вариантным написанием, словообразовательные, различающиеся словообразовательными аффиксами, часто встречаются в английском и русском языках.

3. В английском языке на стадии полисемичных моделей некоторые из них могут являться синонимами по одной семантической линии. При уточнении понятий выделяются новые признаки с развити-

ем медицинской науки. В таких случаях синонимы являются активным языковым средством фиксации нового взгляда на понятие.

4. Синонимы – графические варианты, различающиеся написанием, синтаксические варианты, различающиеся синтаксической моделью образования (порядком слов и отношением между ними) характерны для английского языка.

5. Следующий тип синонимичных отношений в английской медицинской терминологии – морфологосинтаксические варианты, образованные эллипсом (пропуском одного из компонентов) многокомпонентного термина без изменения его значения.

6. В татарском языке представлена синонимия термина и его описания. У таких терминов есть свои достоинства: высокая степень покрытия понятийного поля выражаемого понятия. Составной термин позволяет отразить не только категориальные признаки, но и специфические, частные, видовые признаки [24: 103].

7. В синонимичные отношения в татарском языке вступают заимствованные слова, имеющие один корень, но относящиеся к разным частям речи.

Таким образом, английский и русский языки имеют больше сходств в плане синонимии в медицинской терминологии, чем английский и татарский языки и русский и татарский языки.

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 598 с.
2. Аяк тамыры киңәү – куркыныч авыру [Электронный ресурс] // Ирек мәйданы URL: <http://www.im-kazan.ru/news/235> (дата обращения: 21.12.2018).
3. Берзегова Л.Ю. Different types of disease. Symptoms and treatment. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. 320 с.
4. Большой энциклопедический словарь медицинских терминов / Под ред. Улумбекова Э.Г. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2012. 2263 с.
5. Гарипова Ф.Х. Синонимы в медицинской терминологии башкирского и турецкого языков // Филология и человек. 2015. № 3. С. 153-163.
6. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. М.: Изд. центр «Академия», 2008. 303 с.
7. Даниленко В.П. Русская терминология – опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 248 с.
8. Лейчик В.М. Терминоведение. Предмет, методы, структура. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 255 с.
9. Лейчик В.М. Тимофеев К.А. Термины-синонимы, дублиеты, эквиваленты, варианты // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования: Новосибирский государственный университет, 1973. С. 103-107.
10. Лотте Д.С. Некоторые принципиальные вопросы отбора и построения научно-технических терминов. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. 25 с.
11. Медицинский русско-татарский толковый словарь / Под ред. Гимадеева М.М. Казань: Магариф, 2003. 559 с.
12. Мотченко И.В. Основные тенденции в формировании английской медицинской терминологии: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.04. М., 2001. 215 с.
13. Национальный стандарт Российской Федерации «Информатизация здоровья. Контролируемая медицинская терминология. Структура и высокоуровневые индикаторы» от 01.09.2012 № 54624-2011 // Стандартинформ. 2012. 24 с.
14. Новодранова В.Ф. Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии. М.: Языки

- славянских культур. 2008. 322 с.
15. Сафиуллина Ф.С. Татар теленең лексикологиясе. Казан: 1999. 266 с.
  16. Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Наука, 2016. 460 с.
  17. Словарь синонимов русского языка / Под ред. Бабенко Л.Г. М.: Астрель, АСТ, 2011. 688 с.
  18. Смирнова Е.В. Синонимия в современной медицинской терминологии и ее лексикографирование (на примере англо-русских словарей) // Вестник Костромского гос.ун-та им. Н.А. Некрасова. 2011. № 2. С. 190-194.
  19. Таранова Е.Н., Бубырева Ж.А., Таранов А.О Проблема синонимии в специальной терминологии // Вестник ТГПУ. 2016. № 2 (167). С. 55-60.
  20. Толикина Е.Н. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 1970. С. 53-67.
  21. Филиппова О.В. Кризовое течение артериальной гипертензии на догоспитальном этапе: алгоритм ведения пациента [Электронный ресурс] // Русский медицинский журнал. URL: https://www.rmj.ru/articles/kardiologiya/Krizovoe_techenie_arterialnoy_gipertenzii_na_dogospitalnom_etape_algoritm_vedeniya_pacienta/ (дата обращения: 05.01.2019).
  22. Хисамова В.Н. Взаимосвязь этнокультурных компонентов татарского и английского языков в подготовке профессиональных переводчиков в вузе // Казанский педагогический журнал. 2011. № 1. С. 68-72.
  23. Цагова Ф.С. Динамика подходов к осмыслению сущности терминологических единиц // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. № 2. С. 180-184.
  24. Чотчаева А.А., Колотилина А.И., Корсунский И.А., Смирнова Г.И., Асманов А.И., Мунблит Д.Б. Аллергический ринит: подходы к диагностике и лечению [Электронный ресурс] // Русский медицинский журнал. URL: https://www.rmj.ru/articles/pediatrici/Allergicheskiy_rinit_podhody_k_diaagnostike_i_lecheniyu/ (дата обращения: 05.01.2019).
  25. Шамсутдинова Р.Р. Медицинская терминология в татарском языке: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.06. Казань, 2000. 526 с.
  26. Щеколдина Л.В. Комплексный сопоставительный анализ английской и русской офтальмологической лексики: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2006. 220 с.
  27. Улеп терелгән хатынның бала табу тарихы: «Мунчадагы пар сыман ак томан күрдәм» [Электронный ресурс] // Интертат URL: <https://intertat.tatar/society/lep-terelgn-khatynny-bala-tabu-tarikhy-munchadagy-par-syman-aktoman-k-rdem/> (дата обращения: 21.12.2018).
  28. Colloquial expressions for medical terms [Электронный ресурс] // UsingEnglish.com URL: <https://www.usingenglish.com/articles/colloquial-expressions-for-medical-terms.html> (дата обращения: 17.12.2018).
  29. Doncu Roxana Elena, Andronache Liliana Florina Greek and Latin Nomenclatures in Medical Language // Language and Literature – European Landmarks of Identity. 2014. № 15. P. 348-352.
  30. Glendinning Eric H., Holmström Beverly A.S. English in Medicine. Third edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 148 p.
  31. Glendinning Eric H., Howard Ron Professional English in use. Medicine. Cambridge University Press, 2007. 176 p.
  32. Medical slang terms nurses use [Электронный ресурс] // Nursebuff URL: <https://www.nursebuff.com/medical-slang/> (дата обращения: 22.09.2018).
  33. Polackova Gabriela Synonymy of medical terminology from the point of view of comparative linguistics // Bratislavské lekárske listy. 2001. № 102 (3). P. 174-177.
  34. Rajčić Tea Euphemisms in Medical Jargon: undergraduate's thesis ... univ. bacc. philol. angl. Osijek, 2014. 21 p.
  35. They died of what? Historic causes of death [Электронный ресурс] // ThoughtCo URL: <https://www.thoughtco.com/historic-causes-of-death-4034067> (дата обращения: 17.12.2018).

Works Cited

1. Akhmanova O.S. Slovar' lingvističeskikh terminov. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1966. 598 s.
2. Ayak tamyru kiñäyu – kurkynych avyru [Elektronnyy resurs] // Irek mäydany URL: <http://www.im-kazan.ru/news/235> (data obrashcheniya: 21.12.2018).
3. Berzegova L.Yu. Different types of disease. Symptoms at treatment. M.: G·EOTAR-Media, 2008. 320 s.
4. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar' meditsinskikh terminov / Pod red. Ulumbekova E.G. M.: G·EOTAR-Media, 2012. 2263 s.
5. Garipova F.Kh. Sinonimy v meditsinskoy terminologii bashkirskogo i turetskogo yazykov // Filologiya i chelovek. 2015. № 3. S. 153-163.
6. Grinev-Grinevich S.V. Terminovedeniye. M.: Izd. tsentr «Akademiya», 2008. 303 s.
7. Danilenko V.P. Russkaya terminologiya – opyt lingvisticheskogo opisaniya. M.: Nauka, 1977. 248 s.
8. Leychik V.M. Terminovedeniye. Predmet, metody, struktura. M: Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2009. 255 s.
9. Leychik V.M. Timofeyev K.A. Terminy-sinonimy, dublety, ekvivalenty, varianty // Aktual'nyye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya: Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet, 1973. S. 103-107.
10. Lotte D.S. Nekotoryye printsipial'nyye voprosy otbora i postroyeniya nauchno-tekhnicheskikh terminov. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1941. 25 s.
11. Meditsinskiy rusko-tatarskiy tolkovyy slovar' / Pod red. Gimadeyeva M.M. Kazan': Magarif, 2003. 559 s.
12. Motchenko I.V. Osnovnyye tendentsii v formirovaniy angliyskoy meditsinskoy terminologii: dis. ... kand. fil. nauk: 10.02.04. M., 2001. 215 s.
13. Natsional'nyy standart Rossiyskoy Federatsii «Informatizatsiya zdorov'ya. Kontroliruyemaya meditsinskaya terminologiya. Struktura i vysokourovnevyye indikatory» ot 01.09.2012 № 54624-2011 // Standartinform. 2012. 24 s.
14. Novodranova V.F. Imennoye slovoobrazovaniye v latinskom yazyke i ego otrazheniye v terminologii. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur. 2008. 322 s.
15. Safiullina F.S. Татар теленең лексикологиясе. Казан: 1999. 266 с.
16. Senichkina E.P. Slovar' evfemizmov russkogo yazyka. M.: Nauka, 2016. 460 s.
17. Slovar' sinonimov russkogo yazyka / Pod red. Babenko L.G. M.: Astrel', AST, 2011. 688 s.
18. Sмирнова Е.В. Синонимия в современной медицинской терминологии и ее лексикографирование (на примере англо-русских словарей) // Вестник Костромского гос.ун-та им. Н.А. Некрасова. 2011. № 2. С. 190-194.
19. Таранова Е.Н., Бубырева Ж.А., Таранов А.О Проблема синонимии в специальной терминологии // Вестник ТГПУ. 2016. № 2 (167). С. 55-60.
20. Толикина Е.Н. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 1970. С. 53-67.
21. Филиппова О.В. Кризовое течение артериальной гипертензии на догоспитальном этапе: алгоритм ведения пациента [Электронный ресурс] // Русский медицинский журнал. URL: https://www.rmj.ru/articles/kardiologiya/Krizovoe_techenie_arterialnoy_gipertenzii_na_dogospitalnom_etape_algoritm_vedeniya_pacienta/ (дата обращения: 05.01.2019).
22. Khisamova V.N. Vzaimosvyaz' etnokul'turnykh

- komponentov tatarskogo i angliyskogo yazykov v podgotovke professional'nykh perevodchikov v vuze // Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal. 2011. № 1. S. 68-72.
23. Tsagova F.S. Dinamika podkhodov k osmysleniyu sushchnosti terminologicheskikh edinit // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 2. S. 180-184.
24. Chotchayeva A.A., Kolotilina A.I., Korsunskiy I.A., Smirnova G.I., Asmanov A.I., Munblit D.B. Allergicheskiy rinit: podkhody k diagnostike i lecheniyu [Elektronnyy resurs] // Russkiy meditsinskiy zhurnal. URL: https://www.rmj.ru/articles/pediatriya/Allergicheskiy_rinit_podhody_k_diagnostike_i_lecheniyu/ (data obrashcheniya: 05.01.2019).
25. Shamsutdinova R.R. Meditsinskaya terminologiya v tatarskom yazyke: dis. ... kand. fil. nauk: 10.02.06. Kazan', 2000. 526 s.
26. Shchekoldina L.V. Kompleksnyy sopostavitel'nyy analiz angliyskoy i russkoy oftal'mologicheskoy leksiki: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. M., 2006. 220 s.

УДК 81.119

© Юй Хунбо, А. А. Кувычко

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Ценность семьи в образном ряде аудиовизуальной китайской и русской рекламы

Реклама может предоставлять ценную и обновленную информацию о том, как общество думает и действует. Этот аспект обретает растущую научную ценность в контексте когнитивного подхода к рекламной коммуникации [3]. Эффективность рекламного текста зависит от удачного соединения всех составляющих его компонентов: лингвистической формы, изображения, звука, образа, словесной «ткани» текста.

Кроме этого, существенной характеристикой рекламного текста является доминанта визуальности. Она влечет за собой особую значимость пространственного измерения рекламной коммуникации.

Как полагают отдельные специалисты, при этом время осознается как некое пространство. Часть пространства может быть и формой знака (графической или акустической), и его референтом, и значением. Знак – это пространство, предназначенное для замещения собой другой части пространства, в том числе и времени. Так, поведение, мимика, жесты, одежда и другие внеязыковые экстралингвистические факторы у образной фигуры имеют опосредствованное влияние на выражение комплексного образа компании.

Дискурс рекламы, как подчеркивает Терпугова Е.А., определяется видом императивного дискурса: убеждающий дискурс с аргументом достоинства товара, пропагандистский дискурс с психологическим воздействием [9: 8-9]. По мнению Богуславской В.В., социально-психологические особенности автора и читателя влияют на восприятие рекламируемой информации и ее передачу [1: 95]. Мать и ребенок – центр семьи; символ семьи; родители и дети – олицетворение любви и счастья – это общечеловеческие ценности. Использование образов матери и ребенка рассматривается специалистами (в сфере рекламы и PR) как одна из коммуникативных тактик эмоционально-психологического воздействия на целевую аудиторию. Это единство «мать-ребенок» регулярно употребляется в рекламе различных объектов: питания, продуктов, обиходных вещей и предметов быта.

Материнство – функция женщины, направленная на продолжение человеческого рода и включающая биологический (вынашивание, рождение и вскармливание ребенка) и социальный (воспитание, образование будущего гражданина своей страны) аспекты – таково традиционное восприятие роли женщины в семье в православной христианской культуре, которое в российском обществе по-прежнему входит в ядро семейных ценностных ориентиров. Вместе с первыми социальными понятиями ребенок получает от матери и первые представления о справедливости и несправедливости, добре и зле, первые представления о морали и нравственности и т.п. Детство как социальный феномен – это социальное явление, определяющее роль, место и положение детей в данном государстве и обществе, состояние и уровень отношения государства, общества и мира взрослых к детям, создание достаточных справедливых условий для выживания и развития детей, для защиты прав каждого ребенка, прежде всего посредством формирования и реализации адекватной социальной политики государства РФ в настоящее время.

В традиционной китайской культуре мать – символ любви, ребенок – символ будущего. В русской культуре мать – символ жизни, поэтому «Родина – это мать», которую нужно защищать, любить, только с нею жизнь продолжается. Группа «мать + ребенок» для китайцев – символ мечты о лучшем будущем, стремления к счастью. Китайцы особенно ценят кровное родство, отношения и эмоциональную атмосферу семьи, поэтому во время важных традиционных праздников люди собираются вместе, приезжают из разных мест, особенно в Новый год и праздник весны. Праздник весны (春节, Chunjie: Чуньцзе) – традиционный китайский Новый год, один из четырех важнейших праздников в Китае. Основная праздничная деятельность включает встречу «нового» в дополнение к «старому»; устройство иллюминации, подготовку к новогоднему столу, обмен приветствиями и благословениями между родственниками и друзьями, поклонение предкам и молитву

за урожай, успех, здоровье, счастье и т.п. [10: 95].

Российские семьи сегодня, по оценке специалистов в сфере воспитания, поведения, ценностных ориентиров в обществе, являются детоцентристскими, то есть ребенок находится в центре жизни семьи, родителей – мужчины и женщины, всего рода (фамилии), включая бабушек и дедушек.

По статистическим данным, численность мужского населения в России составляет 67860863 чел. (46,3%), численность женского населения – 78651904 чел. (53,7%) [8]. Почти половина рекламного бюджета в России расходуется на женскую целевую аудиторию. Во-первых, по численности населения женщин в России приблизительно на 10 миллионов больше, чем мужчин. Во-вторых, женщины любят рассказывать о покупках подругам, знакомым, и это своего рода «живая» эффективная реклама. В-третьих, женщина, как правило, распоряжается бюджетом семьи, она же заботится о всей семье и особенно о детях.

В рекламных видеороликах выбор формы речи (полилог, монолог или диалог) влияет на то, как представлено в рекламе «материнство» и «детство». Диалог и полилог сосредоточены на создании свободной, оживленной атмосферы, развитии беседы в предусмотренном рекламодателем направлении, восполняют недостаток доверия при однонаправленном повествовательном высказывании. Монолог используется с целью информирования о преимуществах при описании рекламируемых товаров.

Рассмотрим китайские ролики, рекламирующие молоко, в которых участвуют родители, дети и рассказчик.

Пример первый:

Отец: «Молоко богато разнообразными белками, витаминами. Для питания это очень важно». Дети: «Важнее пить вкусное». Мама: «Безопасность – самое важное». Рассказчик: «Питательное, вкусное, безопасное. Wangzai молоко».

爸爸说：“牛奶富含多种蛋白质，多种维生素。营养很重要！”

孩子：“好喝更重要。”

妈妈说：“安全最重要。”

营养，好喝，安全。旺仔牛奶。[15]

Пример второй:

Ребенок: «Мама, выпей». Мама: «Малыш, это тебе». Ребенок: «Мама, правда, очень вкусно!» Мама: «Wangzai молоко делает тебя здоровым и умным». Ребенок: «Мама, ты должна быть здоровой». Мама: «Конечно, мой хороший малыш. Малыш, здесь целая коробка с молоком!» Ребенок: «А ты моя здоровая мама». Мама: «Ты мой умный малыш». Рассказчик: «Wangwang!»

孩子：“妈妈，给你喝。”

妈妈：“诶，宝贝，这是买给你的。”

孩子：“妈妈，真的很好喝！”

妈妈：“旺仔牛奶让你健康聪明。”

孩子：“妈妈你也要健康啊。”

妈妈：“真是我的好宝贝。宝贝，还有整箱的旺仔牛奶哪！”

孩子：“耶！你是我的健康妈妈。”

妈妈：“你是我的聪明宝贝。”

旺旺！[14].

Образная рекламная группа «мама + ребенок» эффективна: она вызывает глубокий отклик у аудито-

рии и способствует распространению традиционной культуры, таких ценностей, как уважение к старшим и любовь к детям; воспитание пяти добродетелей – гуманность, справедливость, благопристойность, мудрость, доброта, которые представляются Конфуцием (китайский древний мыслитель и философ, 551-479 гг. до н.э.), добавляются Мэнцзы (конфуцианский философ, около 371-289 гг. до н.э.) и Дун Чжуншу (конфуцианский философ, 179-104 гг. до н.э.), нахождение в гармонии с самим собой [10]. Кроме этого, китайский рекламодатель уделяет внимание всестороннему представлению товара под углом безопасности, пользы и вкуса.

Аналогичный образный ряд видим в российском рекламном ролике Дмитровского молочного завода. Здесь реализуется коммуникативная модель, называемая сюжетной рекламой:

Ребенок: «Мама, откуда берется молоко?»
Мама: «Давай, узнаем». Ребенок: «Спасибо тебе, коровушка, за вкусное молочко». Мама: «Дмитровский молочный завод – только самое натуральное» [12].

Другой пример:

Мама: «Молоко уникально, правильный белок a2, вот что общего у молока Слобода a2 и материнского молока, чтобы ребенок рос сильным и здоровым. Слобода a2 для мам, которые любят своих детей» [13].

В русской культуре благополучие семьи, здоровые и счастливые дети всегда были приметой стабильной и сильной страны [3: 85]. Реклама с участием мамы и детей вызывает у аудитории яркие положительные эмоции. Это создается и соответствующим интерьером (уютный диван, чистый стол с цветами, аккуратная кухня); используется природный ландшафт (животные, солнечный свет, деревья, цветы, голубое небо); применяются выразительные жесты (улыбка, смех, выразительные жесты победы, подвижность, активность мимики, свидетельствующие о здоровье детей). Кроме этого, положительный образ «материнства и детства» представляется через грамотную речь, гармоничные отношения, на экране – ухоженные дети, красивые родители, модная удобная одежда, естественность во всем – в прическах, внешнем виде, в проявлении чувств по отношению друг к другу у членов семьи.

Российские рекламисты, копирайтеры для привлечения внимания аудитории к рекламе часто начинают объявления с вопросительной фразы в самом начале ролика. Использование в сопроводительном рекламном тексте этикетных речевых форм «спасибо тебе, коровушка» также выражает традицию русскую культуру.

Следует подчеркнуть, что обращение к культуре (феноменам культуры как факторам прецедентности) является чуть ли не главным условием создания хорошей (интересной, эффективной) рекламы. Мы считаем, что при создании рекламы, рекламного текста на концептуальном уровне (поиск идеи) автор определяется с выбором такого «горизонта», который составит фундамент содержания текста.

Культурный феномен (по Маклаковой Е.А. [6]) как совокупность аккумуляции опыта в обществе отражает мировоззрение народа со стороны традиции, религии, этикета и др. По сути исследователь

разделяет культуры на 3 «горизонта»: она выделяет «верхний горизонт» (относит сюда артефакты, другие материальные явления культуры, а также язык); «средний горизонт» (нормы и ценности); «внутренний горизонт» (базовые установки, послышки, убеждения, менталитет и т.д.) [6: 6].

Рассмотрим рекламу мыла компании «Safeguard/ Сейфгард» для русской аудитории и китайской аудитории (на русском и на китайском языках).

Название китайского рекламного ролика «Письмо маме от Цяньси (千玺写给妈妈的信)». Подросток 15-16 лет пишет маме и вспоминает детство. На экране мы видим тренировку: дети в спортзале, мамы на трибуне наблюдают, малыши 6-7 лет занимаются с тренером. Один (Цяньси) часто падает, что побуждает мам других детей обратиться к его маме.

Цяньси пишет (его голос за кадром): *«Говорят, когда вы добиваетесь успеха, все вам аплодируют, а когда вы сталкиваетесь с неудачами - с вами рядом всегда будет только ваша мать»*. Тренер падающему Цяньси: *«Давай, начнём действовать»*. Малыш: *«Дорогая мама, вы часто говорите мне, что если хочешь добиться успеха, ты не должен сдаваться»*. (Другие мамы обращаются к маме героя). А: *«Если у него не получается, пусть перестанет тренироваться»*. В: *«Согласна с вами, когда ребенок часто падает, мы переживаем, жалеем его, потому что заботимся о нем»*. Тренер: *«Ты еще маленький, это тебе не под силу, но ничего страшного»*. Малыш продолжает тренироваться (Цяньси в письме обращается к маме): *«Вы научили меня тому, как стать сильнее и никогда не сдаваться, до сих пор я это помню»*. Мама (о тренировке): *«Это тебе трудно?»* Малыш: *«Это совсем не трудно, я обязательно сделаю. Мама, не переживайте, я не боюсь боли»*. Мама: *«Прими душ (подаст мыло), завтра продолжишь. Мама верит в тебя, у тебя все получится!»* Малыш: *«Это вы оберегаете меня. Это вы вдохновляете меня на движение вперед! Вы - моя гордость и опора! Спасибо вам»*.

千玺: “有人说, 当你成功时, 所有人都会在你身边鼓掌。而当你遇到挫折时, 妈妈一定会站在你身边鼓励你。”

教练: “好, 我们先进行下一组动作。” 千玺: “亲爱的老妈, 您常对我说, 想要成功, 就不能轻言放弃。”

其他小朋友的妈妈A: “小孩子都练不好, 就不要让他练了。”

其他小朋友的妈妈B: “是啊, 孩子老摔倒, 多让人心疼啊!”

教练: “你年龄还小, 做不到没关系。”

千玺: “是您教会我, 什么叫越挫越勇; 什么叫绝不认输, 直到今天, 我依然牢记这些道理。”

妈妈: “是不是太难了?”

千玺: “这一点也不难, 我一定会练好的。妈妈别担心, 我真的不怕疼。”

妈妈: “洗个澡干干净净的, 明天继续练, 妈妈相信你一定能行的!”

千玺: “是您, 守护我健康成长, 是您, 激励我勇敢向前, 您就是我的骄傲。老妈, 谢谢您的守护!” [16].

Традиция отбора языковых единиц в конкретной коммуникативной ситуации и показа соответствую-

ющего аудиовизуального ряда выражает целостную картину национальной культуры. В китайской рекламе использовано противопоставление при сравнении: *«когда вы добиваетесь успеха, все вам аплодируют, а когда вы сталкиваетесь с неудачами, с вами рядом всегда будет ваша мать»* (有人说, 当你成功时, 所有人都会在你身边鼓掌。而当你遇到挫折时, 妈妈一定会站在你身边鼓励你); синтаксический параллелизм: *«Это вы оберегаете меня. Это вы вдохновляете меня на движение вперед!»* (是您, 守护我健康成长, 是您, 激励我勇敢向前); императивные формы глагола: *«прими душ и завтра продолжишь* (в китайском императив – дословно «продолжи!») *洗个澡干干净净的, 明天继续练»* – все это «работает» на усиление эмоционального воздействия. Сравнение стимулирует у аудитории восприятие сигнала. Активное использование в китайском тексте сравнений как стимула восприятия вербального сигнала указывает на культурные особенности китайского народа: все делать быстро, реагировать мгновенно, решать сразу.

В данном китайском ролике мама как любящий, верный сторонник поддерживает ребенка в его стремлении преодолеть трудности. Достижения детей, их успехи в большей степени определяются воспитанием, которое дает первый для ребенка учитель – мама. Именно воспитание от мамы как «средний горизонт» передает культурные нормы и ценности из поколения в поколение.

Обратимся к российской рекламе. Название русского рекламного ролика – «Супер мама». Малыш показывает матери картину, которую он нарисовал в детском саду.

Сын: *«На маму напали ужасные бактерии, но я нарисовал «Супер маму», которая их побеждает. Это ты!»*.

Мама: *«Давай избавимся от бактерий»*.

Врач: *«Мама права. Сейфгард на 100 процентов рекомендуется специалистами по всему миру, теперь каждое мытье рук дает маме супер силу. «Сейфгард» – защита для каждой супер мамы»*.

Картина на экране:

*Защита от бактерий для всей семьи

**сотрудник лаборатории «Проктер энд Гэмбл»

***рекомендован специалистами по гигиене и уходу за кожей [12].

Резюмируя, можно сказать, что «средний горизонт» (ценности, нормы) и «внутренний горизонт» (убеждения, менталитет) культуры реализуются на базе верхнего «горизонта» (материальные явления, язык).

В данном русском ролике мать как главный защитник здоровья побеждает «ужасные бактерии». Лексика с эмоциональной оценкой характеризует образный внутренний мир детей. Мама как друг инициативно входит в детский мир, слушает и регулярно узнает о психологическом состоянии детей. Соответственно, мать завоевывает доверие детей. Таким образом, в рекламе мы видим маму в роли врача, кроме этого, воспринимаем важные информационные данные и получаем совет специалиста от компании-производителя мыла.

Демонстрация сотрудничества с известными компаниями укрепляет доверие к рекламируемым

товарам, а положительные образы «материнства» и «детства» создают устойчивый эмоциональный фон, безусловно позитивный, поскольку концептуально опираются на общечеловеческие вечные ценности, феномены человеческой культуры. Вместе с этим данная коммуникативная стратегия в рекламе является одной из наиболее популярных в настоящее время. «Герой» и «врач» в ряду культурных феноменов являются положительными персонажами и эффективно влияют на восприятие информации. Как видим, эмоциональное воздействие занимает чуть ли не самое важное место и в русской, и в китайской рекламе.

В результате системного анализа аудиовизуальной рекламы и сопровождающего ролики текста мы пришли к следующим выводам:

1. В рекламе продуктов, предметов быта образы матери и ребенка (материнства, детства, семьи) используются потому, что несут явно выраженную позитивную эмоционально-экспрессивную коннотацию, что закрепляется употреблением соответствующих лингвистических единиц. Это создает гармоничное взаимодействие между товаром (или иным объектом рекламирования) и аудиторией. Визуальные составляющие образного ряда рекламы связаны с внешними образами ролей героев, фоновыми пейзажами желанной природы, преобладанием светлых и ярких тонов над темными.

2. Рекламный образ мамы обусловлен и образом внимательной заботливой хозяйки, которая беспокоится о здоровье и благополучии всех членов семьи, в большей степени детей. Она является гарантом счастья своей семьи. Когда все хорошо – она улыбается и счастлива [7: 108]. Рекламный образ детей в основном связан с требованиями чего-либо, нуждой в заботе и внимании [5: 108].

3. Общим для России и Китая является то, что образ женщины (матери, хозяйки, жены) регулярно используется в рекламе, поскольку именно женщина является главным потребителем предметов повседневного спроса и продуктов питания и т.д. Прежде всего мама самоотверженно заботится о здоровье и счастье своей семьи, своих детей.

4. Использование семейных образов в коммерческой потребительской рекламе продиктовано возможностью повышения ее эффективности, так как ценность семьи близка каждому человеку как источник любви, здоровья, счастья. Образная группа «мама + ребенок» – эффективный и эмоциональный способ привлечения и удержания внимания у российской и китайской аудитории.

Библиографический список

1. Богуславская В.В. Моделирование текста: лингвосociокультурная концепция: анализ журналистских текстов. URSS, 2017. 280 с.
2. Богуславская В.В., Богуславский И.В. Медiateкст и хэштеги: цифровая трансформация СМИ // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 5. С. 51-58.
3. Буянова Л.Ю., Тлехатук С.Р. Экономический рекламный дискурс: когнитивно-семиотический аспект // Вестник Пятигорского государственного университета. 2017. № 4. С. 180-182.
4. Василенко И.А. Использование моделей семьи в коммерческой рекламе как способ трансляции ценности фамилизма (опыт социологического исследования) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Социальные науки. 2008. № 2. С. 85-92.
5. Давлятова С.В. Социальная реклама в интересах информирования общества о современных социальных проблемах семьи и детства / С.В. Давлятова, Е.В. Кузжелева // Научные исследования и разработки молодых ученых. 2015. № 3. С. 85-87.
6. Маклакова Е.А. О понятии лингвокультурологической специфики значения слова // Е.А. Маклакова / Текст. Дискурс. Картина мира. Воронеж, 2011. Вып. 7. С. 3-10.
7. Савенко А.С. Образ семьи по данным русской и таджикской рекламы: лингвокультурологический и сопоставительный аспекты / А.С. Савенко, С.Ш. Махмадов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 3. С. 107-112.
8. Счетчик населения России. Данные о численности населения основаны на публикациях Отдела народонаселения при Департаменте по экономическим и социальным вопросам ООН. URL: http://countymeters.info/ru/RUSSIAN_FEDERATION (дата обращения: 15.01.2019).
9. Терпугова Е.А. Рекламный текст как особый тип императивного дискурса: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Кемерово, 2009. 19 с.
10. 春节. Праздник Весны. URL: <https://baike.baidu.com/item/春节/136876> (дата обращения: 17.01.2019).
11. 仁义礼智信. Гуманность, справедливость, благопристойность, мудрость, доброта. URL: <https://baike.baidu.com/item/仁义礼智信/2307?fr=aladdin> (дата обращения: 17.01.2019).

Источники рекламы

1. Реклама Safeguard/ Сейфгард – Супер мама. URL: <https://m.youtube.com/watch?v=LqTQ5a-zilU> (дата обращения: 01.02.2019).
2. Реклама молока – Дмитровский молочный завод. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1T6DxSxQZg4&list=LLtZ9CRYCV19aQQPa6UQUHtA&index=6&t=0s> (дата обращения: 15.01.2019).
3. Реклама молока – Слобода А2. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BGsht8nG1l0&index=3&list=LLtZ9CRYCV19aQQPa6UQUHtA> (дата обращения: 15.01.2019).
4. 怀旧广告-旺仔牛奶-新礼让篇. Wangzai реклама молока в серии церемонии. URL: http://v.youku.com/v_show/id_XMTUwMDc0MjU1Mg==.html (дата обращения: 15.01.2019).
5. 旺仔牛奶广告超市篇. Wangzai реклама молока в серии супермаркета. URL: http://v.youku.com/v_show/id_XNzUxMjkyNTQw.html (дата обращения: 15.01.2019).
6. 舒肤佳Safeguard广告-千玺写给妈妈的信. Реклама Safeguard / Сейфгард-письмо маме от Цяньси. URL: <https://m.youtube.com/watch?v=PoiCo81BIJM> (дата обращения: 01.02.2019).

Works Cited

1. Boguslavskaya V.V. Modelirovaniye teksta: lingvosotsiokul'turnaya kontseptsiya: analiz zhurnalistskikh tekstov. URSS, 2017. 280 s.
2. Boguslavskaya V.V., Boguslavskiy I.V. Mediatekst i kh-eshtegi: tsifrovaya transformatsiya SMI // Gumanitarnyy vektor. 2017. T. 12. № 5. S. 51-58.
3. Buyanova L.YU., Tlekhatuk S.R. Ekonomicheskiy reklamnyy diskurs: kognitivno-semioticheskiy aspekt // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 4. S. 180-182.
4. Vasilenko I.A. Ispol'zovaniye modeley sem'i v kommercheskoy reklame kak sposob translyatsii tsennosti familizma (opyt sotsiologicheskogo issledovaniya) // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo.

- Sotsial'nyye nauki. 2008. № 2. S. 85-92.
5. Davlyatova S.V. Sotsial'naya reklama v interesakh informirovaniya obshchestva o sovremennykh sotsial'nykh problemakh sem'i i detstva / S.V. Davlyatova, E.V. Kuzheleva // Nauchnyye issledovaniya i razrabotki molodykh uchenykh. 2015. № 3. S. 85-87.
  6. Maklakova E.A. O ponyatii lingvokul'turologicheskoy spetsifiki znacheniya slova // E.A. Maklakova / Tekst. Diskurs. Kartina mira. Voronezh, 2011. Vyp. 7. S. 3-10.
  7. Savenko A.S. Obraz sem'i po dannym russkoy i tadzhikskoy reklamy: lingvokul'turologicheskii i sopostavitel'nyy aspekty / A.S. Savenko, S.SH. Makhmadov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2017. № 3. S. 107-112.
  8. Schetchik naseleniya Rossii. Dannyye o chislennosti naseleniya osnovany na publikatsiyakh Otdela narodonaseleniya pri Departamente po ekonomicheskim i sotsial'nyim voprosam OON. URL: http://countrymeters.info/ru/RUSSIAN_FEDERATION (data obrashcheniya: 15.01.2019).
  9. Terpugova E.A. Reklamnyy tekst kak osoby tip imperativnogo diskursa: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. Kemerovo, 2009. 19 s.
  10. 春节. Prazdnik Vesny. URL: <https://baike.baidu.com/item/春节/136876> (data obrashcheniya: 17.01.2019).
  11. 仁义礼智信. Gumannost', spravedlivost', blagopristoynost', mudrost', dobrota. URL: <https://baike.baidu.com/item/仁义礼智信/2307?fr=aladdin> (data obrashcheniya: 17.01.2019).

Лингвостилистические особенности текстов металибретто XVIII века

Объектом исследования данной работы являются ранее не изученные в отечественной лингвистике произведения четырех ведущих итальянских либреттистов второй половины XVIII в.: «Прекрасная правда» («La bella verità») Карло Гольдони (1762, музыка Никколо Пиччини), «Опера-серия» («L'opera seria») Ренье де Кальцабиджи (1769, музыка Леопольда Гассмана), «Новая опера» («L'opera nuova») Джованни Бергати (1781, музыка Маттео Раудзини), «Сначала музыка, а потом слова» («Prima la musica, poi le parole») Джован Баттиста Касти (1786, музыка Антонио Сальери).

Одной из основных проблем итальянской либреттики XVIII в. являлось соотношение поэтического текста и музыки. Особый интерес в сфере взаимодействия комического и трагического в музыкальном произведении представляют метамелодрамы, т.е. произведения, которые в качестве сюжетной основы имеют описание постановки какого-либо музыкального произведения. Текст пьесы как бы «обрамляется» другим текстом, обеспечивающим внутритекстовые связи и линейное развертывание.

Согласно утверждениям итальянской исследовательницы Даниэлы Голдин, данный жанр пользовался в XVIII в. особым успехом и популярностью [17: 221-237].

Предметом исследования является функционирование языковых единиц на различных уровнях лингвостилистического анализа (лексико-грамматическом и ритмико-синтаксическом). Его теоретической и методологической базой послужили работы как зарубежных авторов (И. Бономи, Э. Бурони), так и работы отечественных исследователей (М.Л. Мугинштейна, Ю.Я. Вайнкопа, И.В. Арнольд). Для выделения языковой специфики текстов металибретто и проведения дальнейшего лингвостилистического анализа необходимо рассмотреть такие понятия, как «мелодрама» и «либретто».

В данной статье мы подразумеваем под мелодрамой «музыкально-драматическое произведение, предназначенное для сценического исполнения, текст которого полностью или частично поется, обычно в сопровождении оркестра» [3: 7].

Оперный жанр является синтетическим жанром и представляет собой сочетание трех видов искусств: музыки, театра и литературы. Таким образом, литературной составляющей оперного жанра становится либретто.

Феномен либретто или феномен музыкально-драматического текста не является достаточно изученным.

Ю.В. Келдыш определяет либретто как «словесный текст музыкально-драматического произведения» [6: 266].

С.С. Гончаренко дает следующее определение либретто: «Либретто оперы – особый вид литературы, имеющий целью организовать театральное представление, предусмотрев музыкальную специфику» [4: 147].

Ю.Я. Вайнкоп утверждает, что «опера пишется на какой-либо литературный текст. Полный литературный текст оперы называется либретто. <...> В основе либретто обычно лежит предварительно составленный сценарий, то есть краткий, преимущественно сценический, план содержания оперы. Либретто, как правило, создаются литераторами-профессионалами, а иногда и самими композиторами. <...>

Либретто можно отнести к особой форме «пограничных» текстов, обладающих некоей интертекстуальностью. Это связано с тем, что множество оперных сюжетов было заимствовано из произведений мировой художественной литературы. Так, сюжет новеллы «Кармен» П. Мериме лег в основу оперы «Кармен» Ж. Бизе; пьеса «Сон в летнюю ночь» У. Шекспира стала сюжетной основой оперы «Сон в летнюю ночь» Б. Бриттена.

Великим русским либреттистом был Модест Ильич Чайковский, адаптировавший произведения А.С. Пушкина «Пиковая дама», «Евгений Онегин» и драму датского драматурга Г. Герца «Дочь короля Рене» (опера «Иоланта»).

В данной работе под термином «либретто» мы будем подразумевать оперное либретто как словесный текст, взаимодействующий с музыкой, образующий единое художественное целое. Следует отметить, что рассматриваемые нами либретто не являются адаптацией и переложением на музыку ранее существующих произведений с известным сюжетом. Все они являются оригинальными произведениями, созданными либреттистами специально для тех или иных опер.

В анализируемых текстах нет статичности, поскольку они изначально задумывались и были написаны для переложения на музыку. Действия персонажей сразу переводятся в акционный ряд: «при открытом занавесе полнокровное воздействие музыки на зрителя происходит только под прессом событий» [5: 145].

Метамелодрама начала свое развитие с достаточно простых форм, интермедий, состоящих из двух или трех частей, достигнув сложных комических опер в несколько актов. Темы опер были неизменны:

в них рассматривались отношения между поэтическим словом и музыкой, конфликт между поэтом и композитором, роль и поведение импресарио, капризы певцов. Сложность и глубина раскрытия темы в большинстве случаев зависела от самих авторов и варьировалась от либреттиста к либреттисту: некоторые из тестов были написаны малоизвестными авторами или же были анонимными. Однако есть произведения, принадлежащие перу таких великих писателей, как П. Метастазιο, К. Гольдони, Р. де Кальцабиджи. Эти тексты написаны мастерски, в них присутствует широкая палитра изобразительно-выразительных средств итальянского языка. В XVIII в. связь музыки и поэтического текста в либретто стала настолько произвольной, что часто становилась предметом насмешек. Высмеивалось не только практически полное отсутствие синтонии, но и капризы вокалистов, различные условности, присущие оперному жанру.

С точки зрения лингвистики подобные тексты представляют особый интерес в силу совокупности различных стилистических языковых средств, использованных авторами. Поскольку основной задачей либреттистов являлось высмеивание оперного искусства, главным принципом построения текста становится противопоставление комического и трагического элементов. Разговорно-бытовой стиль сменяется возвышенным, художественным и наоборот. Подобное чередование ведет не только к созданию комического эффекта, но и придает тексту некую живость, яркость и динамику.

Произведения К. Гольдони, Р. де Кальцабиджи, Дж. Бергати и Дж. Касти были представлены в Болонье, Венеции и Вене, в период максимального смешения оперы-серия и оперы-буфф. Речь идет не столько о рождении промежуточной музыкально-поэтической формы, где к типичным элементам комического жанра добавляются атрибуты оперы-серия, сколько о некоей особенности оперы-буфф второй половины XVIII века, когда в комических операх для создания пародического эффекта авторы используют отдельные черты оперы-серия.

Опера «*La bella verità*» К. Гольдони была представлена в Болонье в театре Марсильи-Росси в 1762 г. В тексте либретто к первой (и единственной) постановке писатель выступает под псевдонимом Полиссено Феджейо (*Polisseno Fegejo*), а имя композитора Никколо Пиччини указано после имен персонажей. Гольдони написал данную оперу, направляясь в Париж, во время вынужденной остановки в Болонье, связанной с проблемами со здоровьем. Данное произведение автобиографично и является заключительным в карьере Гольдони-либреттиста. В нем он размышляет о явлении оперного театра как такового, о существовании актера на сцене и жизни закулисья. Основными персонажами металибретто в трех действиях являются поэт Лоран Глудочи (анagramма имени самого писателя), импресарио, певцы оперы-серия и оперы-буфф, персонаж капельмейстера отсутствует.

Структура текста представляет собой чередование речитативов и выходных арий, хора в начале оперы, нескольких дуэтов и квартетов. Анжамбеман и многочисленные цезуры в речитативах нарушают синтаксическое и ритмическое строение стихотвор-

ного текста и способствуют созданию комического эффекта. Основной метрической формой арий становится семисложный стих. В отрывках, лишенных комического эффекта, встречаются восьмисложные, шестисложные и пятисложные стихи. Полиметрические композиции, характерные для музыкальных жанров XVIII в., предполагали чередование восьмисложного и пятисложного стихов, а также шестисложного и семисложного стихов [14: 47-74].

Персонажи исполняют по три арии, за исключением Анджелины, у которой их пять. Каждому действующему лицу присущ свой языковой портрет. Так, певица оперы-серия Петронилла сдержана и немногословна, «трагический» актер Луиджино изъясняется на возвышенном, устаревшем языке. Импресарио добродушен и наивен, он также использует поэтизмы. Речь двух комических актрис Анджелины и Розины насыщена стилистически маркированной разговорно-бытовой лексикой.

«Опера-серия» Ренье де Кальцабиджи была представлена в Вене в 1769 г. Опера имела успех у публики, а ее постановки возобновлялись несколько раз: в 1771 г. во Флоренции (музыка Л. Грассманна) и с 1771 г. по 1779 г. в Турине и Венеции. Опера состоит из трех актов. Рамочная конструкция произведения включает в себя постановку оперы-серия «Оранжебе» – «*L'Oranzebe*» («Император Моголов» – «*Imperatore del Mogol*»). Двум уровням спектакля соответствуют два стиля, две манеры исполнения.

В сравнении с текстом либретто Гольдони речитативы и арии сменяют друг друга менее замысловатым образом: небольшие речитативы предшествуют выходным ариям, в тексте встречаются дуэты, терцеты и финальные арии.

Речитатив комических партий динамичен и разнообразен, со множеством цезур в середине стиха, ударениями на третьем слоге от конца, анжамбеманами. В серьезных, «трагических» партиях «Оранжебе» преобладают рифмованные строки с ударением на последний слог, чередование шестисложного и восьмисложного стихов. Некоторые арии являются полиметрическими. Слова с ударением на третий слог от конца придают динамику и оживляют ритм.

У большинства персонажей оперы горящие имена: импресарио Фаллино (Провал), поэт Соспиро (Вздых), капельмейстер Делирио (Безумие), балетмейстер Пассагалло (Петух). Для создания комического эффекта автор насыщает их речь словами из разных регистров, чередуя возвышенный стиль с разговорно-бытовым.

Данная опера с искрометной иронией высмеивала музыкальные каноны эпохи и отражала реформы, проводимые самим Кальцабиджи. Так, поэт резко критикует доходящее порой до абсурдного несоответствие словесного и музыкального содержания.

В первой сцене второго акта поэт и капельмейстер ссорятся и обвиняют друг друга в плагиате и отсутствии таланта: *Maestrucchio da ciechi, Poetastro da piazza*.

«Новая опера» Дж. Бергати была впервые показана в Венеции в 1781 г. Либретто состоит из двух актов. Незатейливый сюжет, построенный вокруг постановки комической оперы «*I Vambocci per amore*», где между собой постоянно спорят певцы и импре-

сарии. Конфликт поэта и композитора имеет лишь косвенное отражение. Кажется, что сам автор изобразил себя в образе добродушного импресарио. Комическими являются фигуры капризных и сварливых певцов, а также суетного графа с говорящим именем Саэтта (Молния).

Само произведение, как и вставная опера «*I Vambossi per amogè*», является комическим. В отличие от ранее упомянутых опер Гольдони и Кальцабиджи, в данном произведении нет явного противопоставления стилистически маркированных комических и трагических элементов. Однако ария портамента в шестом действии первого акта и ария в пятнадцатом действии второго акта написаны в стилистике оперы-серия.

Речитативы в данной опере имеют регулярную структуру, ритмико-синтаксическое деление совпадает с делением на строфы и фразы. Анжамбеманы встречаются крайне редко. Наиболее распространенным размером является семисложный стих, сменяемый восьмисложным, затем следуют шестисложный и двойной четырехсложный. Две арии в произведении являются полиметрическими.

Опера «Сначала музыка, а потом слова» Джован Баттиста Касти была впервые представлена публике в Вене в 1786 г. Автором музыки был Антонио Сальери. Опера была заказана Касти по случаю чествования императора Иосифа и была показана при дворе одновременно с оперой «Директор театра» («*Der Schauspieldirektor*»), одноактным зингшпилем В.А. Моцарта на либретто Г. Штефани.

В произведении Касти высмеивает своего давнего противника Лоренцо да Понте, либреттиста В.А. Моцарта. Сюжет построен вокруг споров поэта-либреттиста и капельмейстера, которые прилагают все усилия, чтобы всего за четыре дня поставить на уже написанную музыку оперу-серия. Вставной оперой стало существующее произведение «Джулио Сабино» на музыку Джузеппе Сарти, либретто Пьетро Джованни (Венеция, 1781 г.). Касти целиком воспроизводит некоторые части оригинальной оперы.

Рассматриваемое произведение является наглядным примером интертекстуальной природы текстов металибретто. Под интертекстуальностью мы понимаем «включение в текст целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий» [2: 350-371]. Масштабы интертекстуальности могут быть очень различными и колебаться от реминисценций, аллюзий и цитат до включения целостных больших текстов других драматургов.

В опере «Сначала музыка, а потом слова» Касти удалось сочетать два строго противоположных языковых кода, присущих комической опере и опере-серии. Речь персонажей стилистически маркирована: Элеонора (певица оперы-серия) более изыскана, однако довольно часто прибегает к разговорно-бытовой лексике.

Совершенно произвольное, подчас лишнее всякого смысла обращение с поэтическим текстом высмеивается в разговоре маэстро и поэта, где в удачном каламбуре существительное *costato* (бок, грудная клетка) заменяется на *castrato* (кастрат):

MAESTRO Ah! sì sì: Giulio Sabino

è un soprano: or mi sovvien.

«E questo castrato
traffingimi almen.»

POETA «Castrato»! cosa diavolo mai dite?

MAESTRO Dico come sta scritto.

POETA Oibò! «costato»

sta scritto, e non «castrato».

MAESTRO «Castrato» va benissimo, e non cangio.

С точки зрения ритмико-синтаксической организации текста следует подчеркнуть особое разнообразие размеров в речитативах, со множеством рифм (*schiamazzi: pazzi; quacquera: squacquera: rarega*), усеченных строк, но не столь многочисленными словами с ударением на третий слог с конца (*parole sdrucchiole*).

Центральной конструктивной составляющей метамелодрам является воспроизведение и воссоздание уже существующих, всем известных произведений эпохи XVIII в. В рассматриваемых нами текстах зачастую встречаются прямые цитаты из произведения Метастазиио «Импресарио с Канарских островов», который первым затронул тему кризиса оперного искусства. Так, в «Прекрасной правде» Гольдони мы встречаем характерные для Метастазиио образы: *provida natura, nemico fato, sorte ingrata, cor generoso*.

В «Опера-серия» Кальцабиджи также встречаются отсылки к Метастазиио: *dolce oblio, dolce amio oblio, letto erboso, lento mormorar*.

Другим источником цитирования являются произведения Торкватто Тассо. Следующие словосочетания традиционно приписываются именно ему: *geloso veleno, anima altera, cor generoso, odiosa infedeltà, audace affetto*.

Подобное диалогическое взаимодействие способствует созданию комического эффекта при смешении в текстах различных стилей речи. Приведем ниже отрывок из оперы Касти:

ELEONORA Compiangete il mio dolor.

MAESTRO Compiangete il dorso mio,
che si è fatto un bel tumor. (II)

В то время как Элеонора исполняет отрывок из оперы-серия, где оплакивает свою судьбу, маэстро внезапно сетует на боль в спине.

Практика цитирования возвышенной лексики в совершенно неуместном контексте встречается не только у Касти, но и у Кальцабиджи. В комических частях опер встречаются многочисленные куртуазные обращения, совершенно не характерные для опер-буфф: *vi riverisco, addio, son servo, con licenza, m'inchino, a voi mi dedico, vi compatisco* и т.д. Подчас длинные приветственные фразы становятся предметом насмешки либреттистов: *M'umilo al di lei merito eminente. / Son rispettabilissimamente* («Опера-серия»). Для большего контраста и создания комического эффекта в текстах присутствуют и разговорно-бытовые элементы: *scusa/ scusate* вместо более формальной формы *perdonate, dite/ attenta* вместо *favorisca/ favorite*. Отметим другие формы обращений, характерные для оперы-буфф: *basta; non mi seccar; cosa diavolo dite; che; non lo so; corpo del diavolo*, и т.д.

Среди прочих средств выразительности, спо-

собствующих усилению комического эффекта, следует выделить искусное использование имен собственных, так называемых «говорящих имен»: Фаллитто, Соспиро, Делирио, Пассагалло, Бефана, Риторнелло (Припев), чье имя отсылает нас к ария *da saro*, популярной в эпоху барокко, Плачидо, Грациоза, Реджина, Сазтта.

Комический эффект создается при помощи своеобразного плюрилингвизма некоторых комических персонажей, которые кичатся знанием латинских выражений: *fama volat* (Граф Сазтта); *exempli gratia, Deo gratis* (Элеонора).

Приступая к анализу фономорфологических и синтаксических особенностей текстов металибретто, отметим, что они не отличались от языковых норм XVIII в.

В ударном вокализме монофтонг *-o-* преобладает над дифтонгизированными формами в таких словах, как *core, foso, loco*. При этом Кальцабиджи и Касти используют исключительно формы *cor/ core*, у Гольдони встречаются обе формы: *suore/ core, luogo/ loco*. Дифтонг *-uo-* сохраняется в словах *fuori, tuona, suono, buono*. Авторы либретто также отдают предпочтение формам с дифтонгом *-ie-* (*fiero, lieto, tiene, viene, conviene*), а не архаичным формам *ieto, fero*. В некоторых авторских редакциях текстов либретто можно отметить изменения, связанные со стяжением дифтонга:

- «Опера-серия»: *stuona > stona*;

- «Сначала музыка, а потом слова»: *buon'ora > bon'ora, ferraiuolo > ferraiolo*.

Особый интерес представляет консонантизм в произведениях Гольдони, который характеризуется наличием форм с удвоенными согласными, что является отличительной чертой региона Венето: *gaviva > gavviva, agitar > agittar*. Удвоенные согласные встречаются и в «Опера-серия»: *ogologgio, dovette*.

Классическое чередование взрывных звонких и глухих согласных отмечается в поэтических формах, где оно используется для сохранения ритма и рифмы: *nobiltà / nobiltade, virtù / virtude, pietà / pietade*.

Среди морфологических особенностей итальянского языка в текстах металибретто следует выделить чередование форм местоимений 3 лица, единственного числа, мужского рода: *ei / egli*. Гольдони отдает предпочтение форме *ei*, используя *egli* лишь в авторских ремарках и некоторых речитативах. Бертати использует как форму *e'*, так и форму *egli*, в произведении Касти чаще прибегает к форме *egli*.

Проклитические формы местоимений в повелительном наклонении, характерные для разговорно-бытового стиля, встречаются крайне редко: *m'aspetta, s'affretta* («Опера-серия»).

Поливалентная форма *che* встречается довольно часто во всех четырех текстах. Наиболее распространенной функцией является форма союза *che* в придаточных предложениях причины: *Via largo ragazzi, / non tanti schiamazzi / ché arriva la sposa / con gala sfarzosa...* («Сначала музыка, а потом слова»).

Избыточное использование относительного местоимения и союза *che* в одной фразе способствует эмфатизации высказывания: *Oh che bell'Opera che si farà* («Новая Опера», акт II, действие 12); *Ah! Che se fosse mai / Che a terra me ne andassi!* («Новая Опера»,

акт I, действие 9). Более редким является использование *che* в рамках диастратической языковой вариативности: *è tutta roba che abbiám veduta* («Сначала музыка, а потом слова», действие VI).

Своеобразным регионализмом, характерным для юга Италии, является использование возвратной частицы *si* вместо *ci* в первом лице множественного числа возвратных глаголов: *se ne andremo, vogliám maritarsi* («Новая опера», II акт).

Плеонастическое использование частицы *ci* встречается как в тексте Кальцабиджи (*Chi s'impegna s'avrà da impazziar*, I, 9), так и в произведениях Касти (*or ci rimedio; stizza ci vien*, III).

В глагольной системе отметим появление формы I лица единственного числа на *-o-* в имперфекте, наряду с устоявшейся формой на *-a-*. Гольдони и Касти используют исключительно формы на *-a-*, Кальцабиджи употребляет более современную и разговорную форму на *-o-*. Бертати чередует формы на *-o-* (в речитативах) и формы на *-a* в финале вставной оперы «*Vambocci*».

Отметим чередование таких лабиовелярных и лабиодентальных глагольных форм, как *avea / aveano*, где *avea* является более классической, поэтической формой, встречающейся в основном у Гольдони, а *aveano* – у Бертати.

Бертати отдает предпочтение более разговорным, современным формам, нежели другие авторы. Так, он использует формы имперфекта вместо форм условного наклонения: *Se poi il color di rosa / Lo voleva per se, / Lo doveva ordinar prima di me* (I, 12).

Рассматривая формы условного наклонения, отметим, что наряду с более поэтическими, литературными формами на *-ia* (1 и 3 лицо единственного числа) довольно распространенными являются формы на *-ei* (1 лицо, ед. число), *-ebbe* (3 лицо, ед. число). Бертати отдает предпочтение классическим формам на *-ia*. Форма на *-ebbe* встречается всего три раза во вставной опере «*Vambocci*». Гольдони использует в основном форму на *-ei*, Касти прибегает к формам на *-ebbe* восемь раз и на *-ia* семь раз.

Формы сослагательного наклонения настоящего времени на *-i, -ino* глаголов второго и третьего спряжения, характерные для региона Тоскана и являющиеся разговорными, встречаются у Гольдони и Бертати: *venghino, godino* (III, 4), *possì* (III, 11) в «*Прекрасная правда*», и *permettino, venghino* (I, 9) в «*Новая опера*».

Среди прочих разговорно-бытовых форм, характерных для южных регионов и Тосканы, следует упомянуть несинкопированные формы будущего времени и условного наклонения: *averò, averei, anderà*.

Синтаксический анализ текстов либретто позволил выявить основные стилистические тенденции метамелодрам. С одной стороны, мы наблюдаем некое упрощение в построении речи героев, с другой – четкое следование мелодраматическим канонам с его длинными периодами и синтагмами.

Стилистически маркированными являются простые предложения в речитативах с их быстрым, синкопированным и дробным ритмом, способствующие созданию комического эффекта:

Venga chi sa venire

Non ricevo nessuno. È una miseria.

Quando s'ha da compor:
 Voglion venire,
 E non val loro il dire,
 Scusino, che ho da far: Sì mio signor
 Non la voglio sturbar, vado via subito. («Прекрасная правда», II, 1)

Комический эффект создается также при помощи паратаксиса в асидентических предложениях с анафорическими конструкциями:

ПОЕТА
 Or se tutti son d'accordo, s
 e nessuno è muto, o sordo,
 se la musica è già pronta,
 se il libretto non si conta,
 se il vestiario, se scenario,
 se gli attori, i sonatori,
 se ogni cosa in somma è lesta,
 se chi paga e dà la festa
 vuole, ed ordina così...
 («Сначала музыка, а потом слова»)

Как мы видим, данные полипредикативные предложения с разнообразной аранжировкой предикативных частей, объединенных одновременно сочинительными, подчинительными средствами связи, являются неотъемлемыми единицами стилистически маркированного синтаксиса текстов металибретто.

В порядке компонентов высказывания в комических и трагических частях текстов либретто отмечаются следующие закономерности: прямой порядок слов, характерный для разговорной речи, чаще встречается в комических партиях, в то время как инверсии, различные эмфатические конструкции в совокупности с «возвышенной», архаичной лексикой свойственны более серьезным отрывкам.

В качестве примера рассмотрим речитатив из «Опера-серия», где инверсии «утяжеляются» многочисленными анжамбеманами:

T'abbassi invano;
 Ognun t'estolle. Accorron tutti a gara
 L'eroe dell'India a rimirar: ne uno solo
 Trovar si può, che si figuri ingiusta
 Qualunque alta mercede
 A te verrà da un grato re concessa.
 Guarda, signor, vien Rossanara istessa. (III, 2)

Среди прочих стилистически маркированных синтаксических единиц выделяется смещение дополнения влево (*dislocazione a sinistra*), также используемое для создания комических персонажей и ситуаций живого разговорного языка: *La parte di Sabino / l'ha fatta un gran cantor* («Сначала музыка, а потом слова»); *A queste cose io non ci ho verun senso* («Прекрасная правда»).

Смещение дополнения вправо (*dislocazione a destra*) не столь характерно для XVIII в. и встречается только у Касты: *Gli vuol bene al Contino*.

Маркером разговорно-бытового стиля нередко является разрыв предложения (*scissione della frase*), который используется с целью стилистического выделения отдельных членов предложения. Они помещаются между определенными словами и выражениями (например, между глаголом *essere* и союзом *che* или предлогом *a*). Рассмотрим различные выде-

лительные конструкции подобного типа: *Ma questa è un aria che non vale un'accia* («Новая опера», II, 13); *Questo è il primo che si acquista / A servir con fedeltà* («Прекрасная правда», II, 11); *È tutta roba che l'abbiam veduta* («Сначала музыка, а потом слова», VI).

Речевая характеристика персонажа, ее ритм и своеобразие зачастую дополнялись звуковым символизмом. Либреттисты использовали аллитерацию, чередование шипящих и велярных согласных:

Cucuzze! Che concorso!
 Chi chiacchiera, chi ride,
 e chi schiamazza, e stride,
 chi fugge a tutto corso,
 e chi va qua, chi là. («Сначала музыка, а потом слова»)

Комический эффект создавался также посредством различных морфемных повторов, например, геодезического в речитативах:

Per me non mi dispiace. Non si ride,
 Ma nemmeno si piange. Non c'è obbligo
 Di stare in attenzione;
 Non ti muove a timor, ne a compassione.
 Si va, si vien, si gioca,
 Si discorre, si cena;
 Senza curar ciò che succede in scena. («Опера-серия»).

Важными элементами оперы-буфф являются 1) каламбур; 2) использование в одном высказывании возвышенной и разговорно-бытовой лексики (*Or ti conosco: ah cane / Morrai par le mie mani*. «Сначала музыка, а потом слова»); 3) различные перечисления (*Fulmini, nuvole, / Veli, orpelli, pennacchi / C'occupan sempre*. «Опера-серия»).

Наряду с синтаксическими лексические особенности в наибольшей степени отражают проникновение в мелодраматический канон разговорно-бытового стиля. Однако подобного рода вкрапления проявляются не повсеместно, а в определенных комических ситуациях.

В словообразовании наиболее продуктивными становятся формы на *-etto/ -ello*: *zeffiretto, agnelletto, uccelletto, furbetto, praticello*.

Суффиксы *-accio* (*asinaccio, odoracci, sartacci*), *-uccio* (*maestrucchio*), *-astro* (*poetastro*) стилистически маркированы и вносят дополнительные пренебрежительные, уничижительные оттенки.

Наиболее многочисленной лексической группой, характерной для оперы-буфф, являются различные коллоквиализмы: *accoppiare, bambocci, bestiale, ciabatta, corbellar, colbelleria, crepare, fracasso, frascettola, furbarella*.

Встречаются разговорно-бытовые идиоматические выражения: *beccarsela per nuova, far rodere i chiodi, frita e frittata, grattar la rogn, non valere un cavallo, rompere il muso, minestra riscaldata*.

Кальцабиджи использует также различные тосканизмы: *Più non si trova fra noi le mutrie / Dure, imperterrite, invetrate / Di certe musiche già riformate*, где тосканизму *mutrie* соответствует существительное *arroganza* (высокомерие).

Помимо различных диалектализмов, можно отметить продуктивное использование звукоподра-

жания: *toppa topa, dindirindella, torototò*.

В рамках проведенного анализа было установлено, что характерными особенностями метамелодрам является сплошное музыкальное развитие и нарастающее в своем напряжении и обостряемое мелодико-ритмическими контрастами движение к финалу. Динамичность и ускоренный темп произведениям придает чередование речитативов, арий, дуэтов и терцетов. Речитативы комических партий разнообразны, со множеством цезур в середине стиха, ударениями на третьем слоге от конца, анжамбеманами. Ускорению ритма способствуют речитативы с номинативными конструкциями и простыми предложениями с их синкопированным и дробным ритмом.

В серьезных, «трагических» партиях преобладают рифмованные строки с ударением на последний слог, чередование шестисложного и восьмисложного стихов, которые слегка замедляют ритм.

В рамках проведенного лексико-грамматического анализа текстов металибретто была выделена иностилевая специфическая лексика. Эти элементы ассоциируются с теми ситуациями, средой и типами текстов, где они обычно употребляются и с которыми связаны. Они контрастируют с принимающим их контекстом. Так, в комических частях опер встречаются многочисленные куртуазные обращения, совершенно не характерные для опер-буфф. Для большего контраста и создания комического эффекта в текстах присутствуют разговорно-бытовые элементы (*scusa/scusate, dite/attenta*), а также различные грамматические регионализмы (*vogliam maritarsi, venghino, godino, averò, anderà*).

Экспрессивный потенциал произведений усиливается за счет различных цитат, аллюзий и других аналогичных включений, рассматриваемых в рамках интертекстуальной природы текстов либретто. Они способствуют передаче импликации, иронии и различных модальных оттенков. Так, в произведениях встречаются отсылки к Метастазии, Торквато Тассо и П. Джованни. Подобное диалогическое взаимодействие вписывает рассматриваемые нами произведения в контекст эпохи, позволяет подчеркнуть преемственность традиций «серьезных» и комических опер и одновременно их отрицание и высмеивание.

Библиографический список

1. Акулов Б. Оперная музыка и сценическое действие. М.: Кабинетный ученый, 2016. 388 с.
2. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М.: URSS, 2016. 418 с.
3. Вайнкоп Ю.Я. Что надо знать об опере. М.: URSS, 2017. 186 с.
4. Гончаренко С.С. Несюжетные структуры в оперном либретто // М.Е. Тараканов: человек и фоносфера: Воспоминания: Статьи / Под ред. Е. Таракановой. Алетейя: М.; СПб., 2003. С. 147.
5. Димитрин Ю.Г. Похождения либреттиста. СПб.: АИР, 2009. 145 с.
6. Келдыш Ю.В. Музыкальная энциклопедия в 6 т. / гл. ред. Ю.В. Келдыш. Т. 3. М.: Советский композитор, 1976. 1102 с.
7. Кулешова Г. Композиция оперы. М.: Наука и техника, 1983. 175 с.
8. Лотман Ю. Текст в тексте. СПб.: Искусство, 1998. 704 с.
9. Мугинштейн М.Л. Хроника мировой оперы. I том. 1600-1850. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 640 с.
10. Покровский Б. Размышления об опере. М.: Советский композитор, 1979. 279 с.
11. Тимофеев Л.И., Тураев С.В. Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974. С. 205.
12. Ферман В. Оперный театр. М.: МУЗГИЗ, 1961. 360 с.
13. Чернова Т. Драматургия в музыкальной музыке. М.: Музыка, 1984. 144 с.
14. Bonomi I., Buroni E. Il magnifico parassita. Librettisti, libretti e lingua poetica nella storia dell'opera italiana. Milano: Francoangeli, 2010. 272 p.
15. Bonomi I. Il docile idioma. L'italiano lingua per musica. Roma: Bulzoni Editore, 1998. 320 p.
16. Fabbri P. Metro e canto nell'opera italiana. Torino: EDT, 2007. 203 p.
17. Goldin D.F. Le dediche dei libretti d'opera // I margini del libro. Indagine teorica e storica sui testi di dedica. Roma-Padova: Antenore, 2004. 221-237 pp.
18. Gronda G., Fabbri P. Libretti d'opera italiana dal Seicento al Novecento. Milano: Mondadori, 2014. 1880 p.
19. Mengaldo P.V. Prima lezione di stilistica. Bari: Gius. Laterza & Figli, 2011. 158 p.
20. Ragni S. I viaggiatori musicali nell'Italia del Settecento. VI. Carlo Goldoni, Teodoro re di Corsica, Gustavo III re di Svezia, Francesco Algarotti. Perugia: Guerra Edizioni, 2007. 344 p.
21. Serianni L. Prima lezione di storia della lingua italiana. Bari: Gius. Laterza & Figli, 2015. 190 p.

Works Cited

1. Akulov B. Opernaya muzyka i stsenicheskoye deystviye. M.: Kabinetnyy uchenyy, 2016. 388 s.
2. Arnol'd I.B. Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost' M.: URSS, 2016. 418 s.
3. Vaynkoop Yu.Ya. CHto nado znat' ob opere. M.: URSS, 2017. 186 s.
4. Goncharenko S.S. Nesyuzhetnyye struktury v opernom libretto // M.E. Tarakanov: chelovek i fonosfera: Vospominaniya: Stat'i / Pod red. E. Tarakanovoy. Aleteyya: M.; SPb., 2003. S. 147.
5. Dimitrin Yu.G. Pokhozheniya librettista. SPb.:AIR, 2009. 145 s.
6. Keldysh Yu.V. Muzykal'naya entsiklopediya v 6 t. / gl. red. YU.V. Keldysh. T. 3. M.: Sovetskiy kompozitor, 1976. 1102 s.
7. Kuleshova G. Kompozitsiya opery. M.: Nauka i tekhnika, 1983. 175 s.
8. Lotman Yu. Tekst v tekste. SPb.: Iskusstvo, 1998. 704 s.
9. Muginshteyn M.L. Khronika mirovoy opery. I tom. 1600-1850. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2005. 640 s.
10. Pokrovskiy B. Razmyshleniya ob opere. M.: Sovetskiy kompozitor, 1979. 279 s.
11. Dimofeyev L.I., Turayev S.V. Slovar' literaturovedcheskikh terminov. M.: Prosveshcheniye, 1974. S. 205.
12. Ferman V. Opernyy teatr. M.: MUZGIZ, 1961. 360 s.
13. Chernova T. Dramaturgiya v muzykal'noy muzyke. M.: Muzyka, 1984. 144 s.

Тайская драматургия конца XIX – первой четверти XX вв.: трансформация канона

1. Введение

Развитие традиционного театра при правлении короля Рама VI Вачиравуда

Король Рама VI Вачиравуд был плодовитым переводчиком и писателем. Он адаптировал классические пьесы для традиционного театра – танцевальной драмы, а также ввел в тайскую литературу западные формы, но особенным его достижением признается популяризация и развитие в Сиаме (Таиланд с 1939 г.) разговорной драмы [8]. Во время его правления усилилось воздействие западной культуры на тайский театр и драматургию. В Таиланде период правления Вачиравуда называют «золотым веком» тайской драмы [2: 88]: он написал десятки пьес, а также перевел западные драмы на тайский язык [5: 239]. Среди его работ много драматических произведений, которые способствовали популяризации драмы, в особенности, современного европейского типа драм в Сиаме. Принц Вачиравуд получил образование в Англии, и в начале 1902 года, вернувшись на родину, основал там театр под названием Тавипананья, в котором поставил свою первую пьесу «Сам пху сом лук» («Сын в отца»).

Еще одним театром, построенным Рамой VI, стал «Суан Миткавакан» для постановок драм традиционного танцевального вида – *лакхон рам*. Рама VI продолжал писать пьесы и после того, когда в 1910 г. стал королем. Авторская деятельность короля-драматурга продолжалась до конца его правления и жизни в 1925 г.

В результате вклад его драм в исполнительское искусство Сиам способствовал тому, что тайцы прониклись любовью к современному театру и поновому взглянули на традиционный театр. В творчестве Вачиравуда были проза, стихи и оперы. Также он выбрал некоторые западные пьесы для перевода их на тайский язык, такие как «Ромео и Джульетта», «Венецианский купец» У. Шекспира. Рамой VI было адаптировано произведение «Отелло» на тайский язык, которое получило название «Пхра Ратчавангван». Королем, кроме пьес Шекспира, были адаптированы и другие пьесы европейских драматургов. Так, адаптация пьесы Мольера «Le médecin malgré lui» («Лекарь поневоле») сохранила хитрость, остроумие и комичность французского оригинала, хотя персонажи были перенесены драматургом в привычные для сиамцев условия, получили тайские характеры и имена.

Традиционный театр Сиам во время правления короля Рама VI–Вачиравуда столкнулся с конкуренцией со стороны разговорной драмы *лакхон пхут*. Западное искусство восхищало тайский народ, привносило натурализм и реализм, подрывая роль и функции танцевального театра. В театре нового европейского типа стали использовать световые эффекты и иллюзионистские декорации [4].

Король Рама VI Вачиравуд занимался развитием и популяризацией *лакхон пхут*. Как и во многих странах Азии, театр в Сиаме на рубеже XX века стал платформой для продвижения национально-политической идеологии и патриотизма. Хотя Вачиравуд продолжил традицию «разговорной» драмы, начатую его отцом королем-реформатором Чулалонгкорном (1868-1910), в отличие от него он наполнил свои пьесы политическим содержанием. Благодаря его творчеству драма приобрела новые образовательные и социальные функции и стала доступной для населения [1: 36].

Рама VI не только популяризировал новый вид драмы, но также адаптировал классические пьесы, такие как «Рамакхиен» (тайская версия индийского эпоса «Рамаяна») и «Кхун Чанг, Кхун Пхэн» (средневековый тайский эпос), понимая, что танцевальный театр является неотъемлемой частью сиамской традиционной культуры [3: 15].

2. Продвижение королем Вачиравудом театра *кхон*

Для развития театрального искусства и сохранения тайского наследия большое значение имело продвижение королем Рамой VI театра *кхон* – отдельного вида традиционного театра, танцевальной пантомимы с мужчинами-актерами в масках. Представления этого театра сопровождалось пением хора стихотворных отрывков из поэмы «Рамакхиен». Королевская традиция переписывания «Рамакхиен» была продолжена и королем Вачиравудом, который сочинял эпизоды эпоса и участвовал во многих выступлениях театра *кхон*.

Серьезно занимаясь исследованием мировой литературы, он хорошо знал индийскую поэму «Рамаяна» Валмики и на ней основывал свои эпизоды «Рамакхиен». Имена персонажей произведения были близки к индийской поэме «Рамаяна». Однако в адаптации к тайским традициям изменяются характеры героев произведения. Так, младший брат Раваны в раннем «Рамакхиен», написанном тайским королем Рамой II, был робким персонажем, который боялся Индраджиты, Кумбхакарны и Раваны. Король Вачиравуд же изобразил его храбрым и бесстрашным воином [7: 98-99].

Король Рама VI создал следующие эпизоды «Рамакхиен»:

Эпизод «Потеря Ситы»

Часть I. Ревность Сурапанакхи

Часть II. Поймать золотого оленя

Эпизод «Горение Лонги»

Эпизод «Бибхесана изгнана из Лонги»

Эпизод «Строительство дороги к Лонге»

Часть I и Часть II.

Эпизод «Войны с лонкой (в трех частях)»:

Часть I. Замаскированный Сукасаран

Часть II. Сугрива ломает королевский зонтик
 Часть III. Ангад доставляет послание Рамы
 Эпизод «Нагапаса (Стрелы Нага)».

Еще во введении произведения «Рамакхиен» Вачиравуд пишет о том, что произведение предназначено для исполнения *khon*. В каждый эпизод «Рамакхиен» включены тексты для чтения, пения, а также диалоги, что делает произведение более подходящим для исполнения. Король Рама VI писал, что при постановке произведения он не хотел конкурировать с прежними королевскими композициями [6]. Драматург добавил в историю тайский колорит и не придерживался строго оригинальной поэмы «Рамакхиен» Валмики. Например, он представил Бибхека, который получил имя Бибхесана, как смелого Якшу, борющегося за праведность и справедливость в эпизоде «Рамакхиен» [6: 53-74].

В эпизоде «Рамакхиена» «Строительство дороги к Лонке, часть I и часть II» история близка к истории Валмики. Между Хануманом и Нилабадом нет ссоры, отсутствует сцена, в которой дочь русалки Дасаканты (Раваны) отправляется приказывать последователям уносить камни.

Король Рама VI Вачиравуд написал «Рамакхиен» как сценарий игры, готовый к исполнению. В пьесе были подробные инструкции, когда добавлять комические моменты, моменты утешения и напряжения. Рассмотрим на примере:

Из серии «Нагапаса», где демон Трижата утешает Ситу, прекрасную принцессу.

Утешение:

*«Не будь такой печальной, дорогая принцесса.
 Рама, твой любимый муж,
 Не умер, как ты думаешь.
 Жаль тебя, я скажу тебе правду.
 Любая женщина, чей муж умер,
 Бедная несчастная вдова, полная горя,
 Сидя в этой волшебной золотой карете,
 Никогда не сможет заставить ее взлететь в*

небо.

Пожалуйста, внимательно изучи Господина Раму.

*Его прекрасный цвет лица выглядит так
 У сияющего рот кажется улыбающимся.
 Посмотри внимательно на него»* [7: 103].

Напряжение:

*Когда изящная принцесса Сита
 Услышала слова Триджаты,
 Стало не так грустно, и она перестала ры-*

дать.

*Она оказала уважение Лорду Раме,
 И пожелала ему победы на войне:
 «Победите всех врагов во всех направлениях».
 Затем она вернулась в золотую карету,
 Пролетая над городскими зубцами»* [7: 103-104].

В следующем примере из произведения король Вачиравуд указывает исполнителям, где должны быть «выстроены» диалоги, напряжение и комический эффект.

Диалоги:

«Вождь Бибхесана отправился на поиски. Он привел всех солдат обезьян, которые скрывались, по-

тому что боялись силы Стрелы Нагапасы. Главный демон уговаривал покинуть лес. Обезьяны вернулись и реорганизовались в дивизию. После тщательного осмотра, королевский демон привел их обратно, чтобы создать армию» [7: 104].

Напряжение:

«...Обезьяны, охранявшие двух принцев, Раму и Лакиману, испугались, когда увидели Бибхесану, приняв его за Индраджиту, возвращавшегося, чтобы захватить их королей и отвезти в город Лонгку. Они побежали, чтобы сообщить об этом Сугриве, вождю Ванары:

«Враг вернулся, мы будем обречены сегодня» [7: 104].

Комический эффект:

*«Вождь Ванары Сугрива разозлился и крикнул:
 «Как ты можешь быть так напуган! Это Бибхесана возвращается. Перестань быть безумцем...»* [7: 104].

Таким образом, король Рама VI Вачиравуд в процессе создания пьесы писал для исполнителей «инструкции», которые помогали им воспроизвести и передать зрителям нужный эффект произведения. В его исполнении «Рамакхиен» есть диалоги, песни и декламации с подробными инструкциями, которые позволили сделать произведение более увлекательным. Написанная таким образом композиция «Рамакхиен» короля Рамы VI Вачиравуда была полностью готова к сценическому исполнению. Он написал это произведение как современный драматург, придерживаясь необходимой традиции *khon*.

Написанное в стихотворной форме произведение «Рамакхиен» ценится, прежде всего, за высокие литературные достоинства – это как раз то, что невозможно передать пересказом сюжета: красивые сравнения, эпитеты, метафоры, лирические отступления, пространные и красочные описания природы.

Адаптация зарубежных произведений королем Вачиравудом и его перевод зарубежных пьес говорят о его намерении привлечь внимание тайской публики к западной литературе.

В период правления короля Вачиравуда в обществе преобладала идеология национализма, которая была обусловлена внешней и внутренней политической нестабильностью. Все это отразилось в творчестве короля, среди наиболее патриотичных произведений можно выделить следующие: «Хуа тьяй нак роп» (Сердце воина), «Пхра Руанг» (имя короля древнетайского государства). В Сборнике королевских трудов Корпусу диких тигров – *Phra Vongrajawat Sua Pa* – была предпринята попытка короля Вачиравуда научить тайский народ самопожертвованию и любви к своей стране. В Таиланде некоторые из патриотических стихов короля Рамы VI и на сегодняшний день цитируются и читаются.

Очевидно, что король Вачиравуд внес большой вклад в театральное искусство и литературу Таиланда. Создание королем театра *Taweeranya*, а в дальнейшем и литературного клуба *Wannakhadi Samoson*, способствовало продвижению литературного и театрального искусства в Сиаме. Во время правления короля театр, музыка и драма процветали как никогда ранее. В этот период артисты были вы-

сокоуважаемыми в обществе, им предоставляли жилье, построенное рядом с дворцом или в стенах королевского дворца. Также поддержкой пользовались и музыканты, для преподавания театральных искусств была создана специальная школа. Дети чиновников могли учиться там, где они получали хорошее общее образование, а также учились актерскому мастерству. Король Вачиравуд отмечал, что в таких школах преподавали театральное искусство и давали традиционное образование, так как оба эти знания обогащают друг друга и делают студентов выдающимися личностями [7: 106].

Театр конца XIX – начала XX вв. осваивает новую проблематику и художественные формы, а в круг интересов драматургов все чаще входят бытовые вопросы, создававшие широкую картину общественной жизни. Вачиравуд с энтузиазмом воспринял эти новые тенденции, переносил интригу своих пьес в обычные условия и строил ее вокруг семейных проблем. Эта тема стала основной в его англоязычном творчестве, а впоследствии она получила развитие в более поздних драмах на тайском языке (например, «Ной Интхасен» и «Сердце воина»). Нельзя не упомянуть, что это значительно отличалось от традиционной тайской драмы, где сюжет строился вокруг мира фантазий, а главными героями становились мифические существа.

Рубеж XIX-XX вв. отмечен многочисленными военными конфликтами, поэтому боевые действия и войны становятся фоном для создания почти всех сюжетов. В «Предателе» это война между Францией и жителями Суматры, «Поворот судьбы» – об англо-бурской войне, «Лорд Вермонт» – о военных столкновениях англичан с индийцами.

Эти пьесы наиболее полно отражают предпочтения зрителей викторианского театра. Вачиравуд применял такие шаблонные методы для написания сюжетов, которые впоследствии были использованы им в его работах на тайском языке. Так, тема «любовного треугольника» будет также раскрыта в пьесах «Ной Интхасен» или «Маданапада», «отцов и детей» – в «Сердце воина», а военную тематику можно обнаружить в «Захвате власти», а также в «Сердце воина».

3. Выводы

В своих ранних пьесах Вачиравуд экспериментировал с идеями, которые в дальнейшем помогли ему донести до тайского народа свои социально-политические взгляды. В них он акцентировал внимание на тех идеалах викторианской эпохи, которыми он восхищался на протяжении всей жизни. Драматург верил, что они могут сформировать моральную основу для любого общества, как британского, так и тайского.

Многие политические начинания Вачиравуда не увенчались успехом, и историки считают, что король больше времени посвящал театру и литературе, чем государственным делам. Если заслуги короля Вачиравуда в управлении государством спорны, то достижения в литературном творчестве не подлежат

сомнению. Исключительно плодотворна деятельность Вачиравуда в области становления новой тайской драматургии. Вачиравуд продолжил традицию «разговорной» драмы, которая была начата его отцом Чулалонгкорном, он наполнил свои пьесы политическим содержанием, в результате чего драма приобрела новые образовательные и социальные функции. Именно при правлении короля Вачиравуда драма стала платформой для продвижения национально-политической идеологии и патриотизма.

Большое воздействие на развитие театрального искусства в Таиланде оказало продвижение Рамой VI театра *кхон*, представления которого сопровождалось пением хора стихотворных отрывков из поэмы «Рамакхиен». В его исполнении «Рамакхиен» есть диалоги, песни и декламации с подробными инструкциями, которые позволили сделать произведение более увлекательным. Написанная таким образом композиция «Рамакхиен» короля Рамы VI Вачиравуда была полностью готова к сценическому исполнению.

Библиографический список

1. Волкова К.Б. Политико-национальная проблематика тайской драмы в период правления Рамы VI (1910-1925 гг.) // Успехи современной науки. Т. 3. № 10. 2016. С. 36-39.
2. Волкова К.Б. Пьеса короля Рамы VI Вачиравуда «Сердце воина»: актуальная проблематика тайской драматургии и традиции театра классицизма // Вестник КГУ. 2017. № 1. С. 88-91.
3. Волкова К.Б. Роль королей-просветителей Рамы IV Монгкута и Рамы V Чулалонгкорна в становлении новой тайской литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №1-1 (67). С. 14-17.
4. Asian Traditional Theatre and Dance. Theatre Academy of the University of the Arts Helsinki. 2018. URL: <https://disco.teak.fi/asia/the-twentieth-century-thailand/> (date of access: 08.12.2018).
5. Deborah Wong. Sounding the Center: History and Aesthetics in Thai Buddhist Performance. 2001. P. 378.
6. Rama VI, King. Ramakien. Bangkok: Krom Silpakorn. 1959.
7. Srisurang Poolthupya. King Rama VI's Promotion of Khon and Drama in General. The Journal of the Royal Institute of Thailand. Volume IV – 2012. P. 96-110.
8. The Editors of Encyclopaedia Britannica. Vajiravudh: king of Siam. See Article History, 2018. URL: <https://www.britannica.com/biography/Vajiravudh> (date of access: 10.12.2018).

Works Cited

1. Volkova K.B. Politiko-natsional'naya problematika tayskoy dramy v period pravleniya Ramy VI (1910-1925 gg.) // Uspekhi sovremennoy nauki. T. 3. № 10. 2016. S. 36-39.
2. Volkova K.B. P'yesa korolya Ramy VI Vachiravuda «Serd-tse voina»: aktual'naya problematika tayskoy dramaturgii i traditsii teatra klassitsizma // Vestnik KGU. 2017. № 1. S. 88-91.
3. Volkova K.B. Rol' koroley-prosvetiteley Ramy IV Mongkuta i Ramy V CHulalongkorna v stanovlenii novoy tayskoy literatury // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. №1-1 (67). S. 14-17.

Способы выражения фантастического в новеллах Э.Т.А. Гофмана «Песочный человек» и А.С. Грина «Серый автомобиль»

Излюбленным принципом художественного освоения действительности в повествовательном искусстве Э.Т.А. Гофмана и А.С. Грина является фантастика. В художественной практике она может быть тесно связана с гиперболой, гротеском, сказкой, иметь форму литературного мифа. Во всех случаях она отражает неприятие действительности, поиски способов ухода от нее.

Гносеологические корни фантастического наиболее разнообразно представлены в немецкой литературной сказке. А.Б. Ботникова выделяет три способа фантастического освоения действительности: фантастическое как иррациональное, когда человек подвластен сверхъестественным силам, фантастические мотивы не поддаются расшифровке и не требуют объяснений, в борьбе с ними человек обречен на гибель (Л. Тик «Белокурый Экберт»); фантастическое как вера в таинственную предназначенность человеческой судьбы, выступает основной сюжетом и служит раскрытию авторской идеи (Г. фон Клейст «Кэтхен из Гейльбронна»); фантастическое как неприятие действительности, поиск идеала и гармонии за ее пределами в области чистого вымысла, в мире сказок, который противопоставляется реальности. В этом случае а) фантастическое и реальное существуют обособленно, не сливаются друг с другом (сказки Л. Тика); б) фантастическое проникает в реальность (творчество Э.Т.А. Гофмана) [1: 74].

В творчестве Гофмана фантастическая стихия представляется в двух ипостасях: радужная фантастика иллюзорно-романтического мира и мрачная фантастика кошмаров и ужасов как отражение ночной стороны души [2: 11-17].

И. Миримский в своих работах разбирает тему двуплановости художественного мира Гофмана как явление духовного дуализма. «Все романтические герои Гофмана – двоедумы, страдающие «самой странной и вместе с тем самой опасной болезнью» – «хроническим дуализмом», душевной раздвоенностью [12: 5].

Е. Карабегова подчеркивает театральный подход к построению сюжета. Категория театральности в сказках Гофмана нередко воплощается в мотиве двойников. Возникновение двойников в сказках Гофмана также связано с особым видением мира – в его двуединстве, в поэтическом и обыденном обличье различные воплощения героя могут рассматриваться и как своеобразные роли, которые он играет в сказке, и как еще одно проявление театральности уже на другом уровне повествования [10: 21].

Н.Я. Берковский обращает внимание на театральный подход Гофмана к своим персонажам: человек, по Гофману, – сценическое явление, прежде всего он входит в состав зрелища, повинуюсь его требованиям [4: 442].

Фантастическое начало в художественном мире Э.Т.А. Гофмана – это противостояние романтического мира с действительным, мечты и реальности, источником фантастического является фольклор. Э.Т.А. Гофман трансформирует основные мотивы и образы: вещи властвуют над героями, предметный мир управляет человеком, неведомые таинственные силы влияют на судьбы героев, участие рока в судьбе непреодолимо, тема двойника многопланова и многофункциональна, она представлена как столкновение реального мира с фантастическим, реализуется через театральный подход, также мотив двойника представлен как двойственность собственного сознания и через наличие двойника в социуме [3: 15].

Литературная традиция А. Грина активно осваивает и переосмысливает взаимопроникновение фантастического и реального миров. Смещение границ реального и фантастического относится к одной из особенностей творческого метода А. Грина. В. Хрулев выделяет следующие возможные переходы: 1) поворот событий в исключительный, но возможный вариант, подсказанный идеалом художника («Алые паруса»); 2) внезапная деформация действительности исключительным или фантастическим случаем, который ломает привычные представления и обнажает скрытые в них противоречия («Происшествие в улице Пса»); 3) подготовленное вторжение некоего фантастического явления в действительность («Серый автомобиль») [16: 3-5].

А. Грин создаёт романтический фантастический мир, философской основой которого становится человек. Писатель подвергает человека экспериментальной проверке, ставит его в исключительные условия, сознательно отрывая человека от всех привычных бытовых условий. Особенно интересуют А.С. Грина пограничные ситуации, где наиболее ярко проявляется человеческая природа [14: 123].

Фантастика для Александра Грина не самоцель, не бегство от действительности в мир романтической выдумки, а способ особого познания действительности, художественный приём, позволяющий писателю раскрыть основную мысль произведения. Философской основой его творчества является вера в человека, в безграничность его духовных и физических возможностей [8: 47].

Элементы фантастического в той или иной степени присутствуют в ранних новеллах А.С. Грина (1906-1910 гг.). Александр Грин использует лишь отдельные признаки гофмановской фантастики, вводя их с помощью традиционных элементов: маятник, двойник, кошмарный сон [7: 151]. Отличительной чертой творчества Александра Грина является стремление автора к созданию собственной символики, конкретизирующей понятия добра и зла. Наиболее ярко эта тенденция проявляется в разработке ма-

шиноборческой темы, которая получает известное усиление в 1920-е годы. Александр Грин создает собственные образы – символы летающего человека, серого автомобиля, аэроплана [5: 60].

Автор, создавая фантастические произведения, осваивая технику фантастического, используя ее функции (функция предостережения, охранный мотив), решает ряд вопросов, связанных для него с проблематикой будущего, предостерегая тем самым от возможных последствий научно-технического прогресса: от превращения человека в машину, от опасности общества потребления. В новеллах, которые в исследовательской литературе условно называют «гофманианой» («Крысолов», «Ива», «Серый автомобиль», «Фанданго» и др.), концепция человека получает особое осмысление. Одиноким, страдающим, погруженный в собственный мир герой подвергается различным испытаниям. В вечном конфликте духа и бездуховности победа у А.С. Грина всегда на стороне духа.

Индивидуально-новаторским подходом А.С. Грина являются философские размышления об опасности механического в современном мире; основной функцией фантастического у Александра Грина является функция предостережения, охранный мотив, через который он предсказывает возможные последствия научно-технического прогресса; доминантой фантастического в произведении является не социальная революция, а победа сильной духовной личности над миром вещей.

В новеллах «Песочный человек» Э.Т.А. Гофмана и «Серый автомобиль» А.С. Грина фантастика занимает особое место, она сложна и тесно переплетается с действительностью, становясь то более явной, то совсем незаметной [13: 99]. Фантастика в обоих случаях предстает перед нами страшным феноменом, наполняющим напряженную атмосферу новелл. Так, в «Песочном человеке», появляясь то четко, фантастическое кардинально меняет ход событий. В «Сером автомобиле» она присутствует на протяжении всего произведения. В обоих случаях фантастика фатальна. Героев окружают странные заколдованные предметы: подзорная труба Копполы, ожившие куклы («Песочный человек»), странный кинематограф, таинственный автомобиль, злосчастная карта («Серый автомобиль»). Фантастика носит отпечаток роковой случайности.

В «Песочном человеке» мотив роковой случайности предстает в тот момент, когда Натанаэль смотрит в заколдованную трубу таинственного Копполы. Контакт глаза со стеклом Копполы дает начало череде мистических явлений. Неведомые силы материализуются посредством прикосновения героя к магическому предмету – подзорной трубе – и лишают героя истинного зрения.

Впервые фантастическое вводится через фольклорный мотив, в письме Натанаэль рассказывает о Песочном человеке, который крал глаза у непослушных детей и уносил с собой на Луну. Фольклорное назначение Песочного человека – карающий герой – дополняется детским страхом Натанаэля. Через магию письма и насыщение вербального эмоциональными переживаниями образ Песочного человека материализуется уже во взрослой жизни в живом герое – ад-

вокате Коппелиусе. Таким образом, детский страх рождает фантастического героя, фатально влияющего впоследствии на действия и поступки Натанаэля.

Условно можно выделить три момента, когда фантастика проявляется во всей полноте, тем самым влияя на структуру новеллы: появление в доме адвоката Коппелиуса, предостерегающего маленького Натанаэля от таинственных, мистических сил и выступающего в качестве их знамения; первый контакт с магической трубой Копполы, после которого жизнь Натанаэля кардинально меняется; второй контакт с заколдованным стеклом, после которого Натанаэль погибает.

В «Сером автомобиле» А.С. Грина фантастика тоже играет большую роль. Если в «Песочном человеке» фантастика по большей части олицетворяет неведомые силы, имеющие власть над человеком, то в «Сером автомобиле» фантастика предстает как олицетворение прогресса, неумолимого движения, подчиняющего себе человека.

В новеллах обоих писателей используются довольно разнообразные приемы фантастического, так у Э.Т.А. Гофмана излюбленным способом организации художественного пространства является двойственность. Можно выделить двойственность в нескольких аспектах: как столкновение мира реального с миром мечты; сочетание действительности и фантастики через театральный подход; двойник в социуме, воплощенный через мотив двойника; раздвоенность сознания главного героя.

В «Песочном человеке» Э.Т.А. Гофмана двойники представлены многогранно – это, во-первых, замена живого человека чем-то неживым, механическим (случай с Олимпией-куклой, которая вытесняет в жизни Натанаэля Клару – живое существо); во-вторых, это раздвоенность сознания главного героя, который мечется между миром иллюзии и реальностью, балансирует на грани безумия и здравомыслия. В-третьих, это двойничество Коппелиуса – Копполы. Можно даже сказать, что одно двойничество порождает все остальные. Так, например, загадочная двойственность Коппелиуса – Копполы странным образом рождает Олимпию (двойник в социуме) [6: 105] и в итоге раздваивает сознание бедного студента Натанаэля.

Герой «Серого автомобиля» А. Грина для того, чтобы разоблачить притворившуюся человеком куклу, испытывает ее страхом смерти, который свойственен только живым существам. Такой же способ разоблачения машины предпринимает и Натанаэль из «Песочного человека», желающий убедиться, что его возлюбленная Клара – настоящая девушка, а не манекен [9: 138].

В новелле А. Грина «Серый автомобиль» самым загадочным образом механического мира является странная машина, едва не сошедшая с экрана кинематографа и несколько раз едва не убившая героя. Для Сиднея Коррида и автомобиль оказываются близки, так как их объединяет «мертвая жизнь».

Появление кукол в сюжете произведений как элемент фантастического несет собой идейное наполнение. Они являются воплощением бездуховности человека, узости взгляда, гнетущего равнодушия, царящего в этих неживых телах.

Несмотря на общность идейного содержания, механическое наполнение куклы-автомата у анализируемых писателей разное. Олимпия – это в буквальном смысле штамп. Таковой и должна быть идеальная кукла. Все в ней заложено создателем Спалланцани. Она мила, может петь, танцевать, да и вздыхать, функции ее на этом закончены.

Пустоту и бессодержательность мертвой жизни в произведении «Серый автомобиль» олицетворяет Коррида Эль-Бассо. Таинственная связь с серым автомобилем указывает на ее принадлежность к механистическому миру. По наблюдениям Ю.М. Лотмана, кукла, особенно заводная, является «вплощенной метафорой слияния человека и машины», ассоциируется с «псевдожизнью, мертвым движением, смертью, притворяющейся жизнью» [11: 21]. Как отмечает исследователь, данная мифологема была особенно востребована в романтизме, традиции которого лежат в основе творческого метода Александра Грина.

Главным показателем внутренней пустоты Корриды Эль-Бассо является отсутствие в ее душе любви, без которой немислима истинная жизнь. Попытки Сиднея воспламенить холодное сердце девушки остаются безуспешными, так как в механистическом мире нет подлинных человеческих чувств.

Сходство гофмановской Олимпии с гриновской Корридой Эль-Бассо проявляется в их холодности, безжизненности. Обе они являются символом пустоты, бездушного прогресса, обесчеловечивания, духовного кризиса, гибели человеческих чувств.

Другим устойчивым проявлением фантастического является двойной образ Песочного человека, реализуемый через пару Коппелиус – Коппола в произведении Э.Т.А. Гофмана и одушевленный образ серого автомобиля в новелле А.С. Грина.

Представляет интерес трактовка в произведении двойного образа Песочного человека, неоднозначность которого влияет на специфику интерпретации текста и его двойное прочтение: выступает ли образ Песочного человека в сюжете только как порождение воспаленного и обостренного воображения или же играет самостоятельную роль. Обусловлена ли судьба главного героя внешними обстоятельствами, или же его трагическая гибель predetermined изъяснима психологического состояния.

Встреча с таинственным адвокатом Коппелиусом происходит в доме Натанаэля и представлена как воспоминания о детстве, связанные с тяжело переживаемой утратой отца, сиротством. Зловещая роль неприятного гостя подготавливается детскими страхами, связанными с образом Песочного человека, постоянным героем нянюшкиных сказок, впечатляющих и пугающих Натанаэля.

Интересным нам представляется тот факт, что сам Коппелиус появляется в произведении всего лишь два раза – в начале и в конце. Это может говорить о могуществе и фатальности этой таинственной силы. Появившись впервые в доме главного героя, он устанавливает с ним контакт, подчиняет себе, появившись во второй раз – забирает жизнь и тем самым воплощается в реальном мире. Посредниками еще не материализовавшегося Коппелиуса являются таинственные проводники – Коппола, Олимпия.

В страшном и зловещем образе Коппелиуса воплощено жизнеразрушающее начало. С ним связан мотив огня, уничтожающей силы. Отца Натанаэля после опытов, проводимых на пару с Коппелиусом, находят с обгоревшим лицом, также пожар разрушает жилище героя перед фатальной встречей с Олимпией. В финальной сцене в последнем приступе безумия Натанаэль вспоминает об огненном круге.

С мотивом огня сопряжен и широко толковавшийся мотив глаз. На протяжении всего произведения автор фиксирует внимание на глазах действующих лиц: зеленоватые глазки Коппелиуса, светлые глаза Клары, неподвижные и мертвые глаза Олимпии. Да и сам Коппелиус стремится заполучить глаза Натанаэля. Этот символический образ довольно многозначен. Глаза, в первую очередь, – это зеркало души, они являются доказательством жизни, в итоге – символом самого бытия человека как существа духовного. В произведении именно человеческая духовность находится под угрозой гибели от некоей разрушительной силы.

Также с мотивом огня тесно сопряжен мотив страха. Выражение «у страха глаза велики» абсолютно точно применимо к Натанаэлю. В трактовке фантастического образа Коппелиуса – Коппола первый выступает как материализованный страх Натанаэля, утвердившийся во взрослой жизни во втором.

В гриновском «Сером автомобиле» механизация реализуется в образах Корриды Эль-Бассо, человека-куклы, и серого автомобиля, ворвавшегося в жизнь героя. Движение технического прогресса, которому так сопротивляется Сидней на протяжении всей новеллы, представлено уже в экспозиции, когда серый автомобиль, увиденный героем в кинематографе, разрушает границы реального и ирреального миров и материализуется в действительности. Проникновение техники кино в литературу исследуется в работе Т.Ф. Петренко [15: 172-176], кинематографическая функция меняет механизм восприятия читателя, нарушение сопостранственности приводит к сосуществованию статичного и динамичного миров.

Типологическое сходство обеих новелл проявляется в устойчивом мотиве страха, механизации общества. Однако страх разный. Гофмановский страх – продукт воображения Натанаэля (внутренний), а гриновский страх, реализуемый через вторжение в жизнь Эбenezера Сиднея механического автомобиля – внешний.

Обращает внимание общность трагического финала в рассматриваемых произведениях. И Натанаэль, и Сидней пытаются уйти от таинственных сил, влияющих на судьбу, и не в состоянии это сделать. Подобный финал predetermined авторской интенцией: романтическое мироучествование предполагает неизбежность, катастрофичность рока, влияющего на судьбу героя, а гриновская концепция отрицает всякое проявление механического как губительное начало.

Героев объединяет одиночество. Одиночество Натанаэля – это осознание несовершенства мира и трагедия человека в нем: жизнь в мире штампов мешает человеку увидеть живое.

А одиночество Сиднея – неприятие мира и ощущение своей потерянности в нем: механизация

задана, неизбежна, разрушительна. Неприятие механизированного мира прослеживается через машиноборческую тему, так появляется образ-символ серого автомобиля.

Итак, способы реализации фантастического в творчестве исследуемых авторов многогранны. Источником фантастического в художественной действительности Э.Т.А. Гофмана является фольклор. Автор трансформирует основные мотивы и образы, находит индивидуально-авторские приемы: вещи властвуют над героями, предметный мир управляет человеком, неведомые таинственные силы влияют на судьбы героев, доминирует неотвратимость участия рока в судьбе героев.

Многопланова и многофункциональна тема двойника. Она представлена как столкновение реального мира с фантастическим и реализуется через театральный подход, также мотив двойника представлен как двойственность собственного сознания и через наличие двойника в социуме.

Преимуществом способов выражения фантастического наблюдается в творческом наследии А.С. Грина. Наряду с традиционными элементами фантастического – наличие двойника, кошмарный сон, мотив маятника – А.С. Грин создает собственную фантастическую символику. Символическое начало вводится в художественное пространство через машиноборческую тему и конкретизируется посредством индивидуально-авторских образов-символов: серого автомобиля, человека-автомата, бездушной куклы.

Основной функцией фантастического у Александра Грина является функция предостережения, охранный мотив, через который он предсказывает возможные последствия научно-технического прогресса.

Появление кукол в сюжете произведений как элемент фантастического несет собой идейное наполнение. Они являются воплощением бездуховности человека, узости взгляда, гнетущего равнодушия, царящего в неживых телах. Несмотря на общность идейного содержания, механическое наполнение куклы-автомата у анализируемых писателей разное. Олимпия – это в буквальном смысле штамп, подмена искусственного живому, люди, живущие в мире штампов, не способны увидеть живое. Коррида Эль-Бассо в произведении «Серый автомобиль» олицетворяет пустоту и бессодержательность мертвой жизни. В мире, где живут гофмановский и гриновский герои, граница между одушевленным и неодушевленным, живым и механическим стирается и практически неразличима.

Библиографический список

1. Ботникова А.Б. Функция фантастики в произведениях немецких романтиков. М.: Аспект Пресс, 2005. 351 с.
2. Ботникова А.Б. Э.Т.А. Гофман и русская литература (первая половина XIX века). Воронеж, 1977. 205 с.
3. Бент М.И. Поэтика сказочной новеллы Гофмана как реализация общеромантической эволюции // В мире Э.Т.А. Гофмана. Вып. 1. Калининград, 1994. С. 85-77.
4. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. СПб.: Азбука-классика, 2001. 510 с.
5. Гофман Э.Т.А. Повелитель блох. М.: Эксмо, 2004. 637 с.
6. Гофман Э.Т.А. Житейские воззрения кота Мурра. Новеллы. Сказки. М.: Эксмо, 2011. 800 с.
7. Григорьева Л.П. Традиции фантастического в новеллистике А. Грина // Литературный процесс: традиции и новаторство: межвуз. сб. науч. тр. Архангельск, 1992. С. 149-159.
8. Грин А.С. Психологические новеллы / Сост., вступ. ст. и примеч. В.Е. Ковского. М.: Сов. Россия, 1988. 448 с.
9. Грин А. С. Крысолов и другие новеллы. М., 2009. 320 с.
10. Карабегова Е. Роль автора-повествователя в сказочных повестях Э.Т.А. Гофмана. Вып. 1. Калининград, 1994. С. 63-74.
11. Лотман Ю.М. Культура и Взрыв. М.: Гнозис, 1992. 272 с.
12. Миримский И.В. Эрнст Теодор Амадей Гофман // Статьи о классиках. М., 1966. С. 79-132.
13. Неелов Е.М. Фантастическое как эстетико-художественный феномен // Эстетические категории: формирование и функционирование: межвуз. сборник. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1985. С. 98-108.
14. Платонов А. Рассказы А. Грина // Размышления читателя. М.: Современник, 1980. 288 с.
15. Петренко Т.Ф. Функции визуализации в литературных текстах // Вестник ПГЛУ. 2014. С. 172-176.
16. Хрулев В. Александр Грин: поэзия мечты и воображения // Бельские просторы. Русская национальная философия. 2008. № 4. С. 1-5.

Works Cited

1. Botnikova A.B. Funktsiya fantastiki v proizvedeniyakh nemetskikh romantikov. M.: Aspekt Press, 2005. 351 s.
2. Botnikova A.B. E.T.A. Gofman i russkaya literatura (pervaya polovina XIX veka). Voronezh, 1977. 205 s.
3. Bent M.I. Poetika skazochnoy novelly Gofmana kak realizatsiya obshcheromanticheskoy evolyutsii // V mire E.T.A. Gofmana. Vyp. 1. Kaliningrad, 1994. S. 85-77.
4. Berkovskiy N. Ya. Romantizm v Germanii. SPb.: Azbukaklassika, 2001. 510 s.
5. Gofman E.T.A. Povelitel' blokh. M.: Eksmo, 2004. 637 s.
6. Gofman E.T.A. Zhiteyskiye vozzreniya kota Murra. Novelley. Skazki. M.: Eksmo, 2011. 800 s.
7. Grigor'yeva L.P. Traditsii fantasticheskogo v novellistike A. Grina // Literaturnyy protsess: traditsii i novatorstvo: mezhvuz. sb. nauch. tr. Arkhangel'sk, 1992. S. 149-159.
8. Grin A.S. Psikhologicheskiye novelly / Sost., vstup. st. i primеч. V.E. Kovskogo. M.: Sov. Rossiya, 1988. 448 s.
9. Grin A. S. Krysolov i drugiye novelly. M., 2009. 320 s.
10. Karabegova E. Rol' avtora-povestvovatelya v skazochnykh povestiyakh E.T.A Gofmana. Vyp. 1. Kaliningrad, 1994. S. 63-74.
11. Lotman Yu.M. Kul'tura i Vzryv. M.: Gnozis, 1992. 272 s.
12. Mirimskiy I.V. Ernst Teodor Amadey Gofman // Stat'i o klassikakh. M., 1966. S. 79-132.
13. Neyelov E.M. Fantasticheskoye kak estetiko-khudozhestvennyy fenomen // Esteticheskiye kategorii: formirovaniye i funktsionirovaniye: mezhvuz. sbornik. Petrozavodsk: Izd-vo Petrozavod. un-ta, 1985. S. 98-108.
14. Platonov A. Rasskazy A. Grina // Razmyshleniya chitatelya. M.: Sovremennik, 1980. 288 s.
15. Petrenko T.F. Funktsii vizualizatsii v literaturnykh tekstakh // Vestnik PGLU. 2014. S. 172-176.
16. Khrulev V. Aleksandr Grin: poeziya mechty i voobrazheniya // Bel'skiye prostory. Russkaya natsional'naya filosofiya. 2008. № 4. S. 1-5.

Общетеоретические аспекты исследования языка и дискурса

УДК 81

© Велиев Захид Бахшалы оглы

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет»
Ростов-на-Дону, Россия

Лингвоконфликтология: предмет, задачи и векторы развития

Языковая коммуникация – одна из важнейших форм социального взаимодействия – неизбежно (и нередко) принимает конфликтный характер, что рождает потребность его юридизации. Конфликт является категорией права, которая нуждается в нормативном урегулировании. Конфликтотенность человеческой деятельности сделала актуальной такую новую отрасль знания, как конфликтология, которая сформировалась на стыке социологии, психологии и права. Она включает в себя такие частные разделы, как управленческая, политическая, юридическая конфликтология.

1. Лингвоконфликтология как раздел юридической лингвистики

Последние десятилетия в России ознаменовались бурным развитием юридической лингвистики. На Западе юридическая лингвистика стала реальностью примерно полвека назад. У нас интерес к этому направлению возник позже, что связано с недавней историей: отрицательную роль сыграла идеологически обусловленная закрытость правовой системы и в целом гуманитарных наук в СССР. Но за последние два десятилетия отечественная юридическая лингвистика интенсивно развивалась, отставание стремительно преодолевалось, а достижения западной лингвистики продуктивно использовались. Стали широко известны работы в этой области отечественных лингвистов А.С. Александрова [1], А.Н. Баранова [2], К.И. Бринева [4], Л.А. Брусенской [5; 6; 7 и мн. др.], И.В. Беляевой [3], Е.И. Галяшиной [8], Н.Д. Голева [9; 10 и мн. др.], В.И. Жельвиса [11], Ю.А. Золотаревой [12], А.В. Коряковцева [14], К.С. Кочергиной [15], Э.Г. Куликовой [17; 18 и мн.д.], О.Н. Матвеевой [20], М.М. Мушениной [21], Г.Г. Хазагерова [23], Б.Я. Шарифуллина [24] и мн. др. Естественным продолжением и развитием юридической лингвистики стало вычленение особого направления, которое имеет перспективу оформиться в новую область междисциплинарного знания – лингвоконфликтологии. Отмеченный проблемный комплекс специально анализируют и в связи с лингвоэкспертологией [24].

Как известно, Дж. Лич выделял особый речевой акт – конфликтив. Его иллюкутивные цели – угроза, обвинение, выговор, проклятие. Нередко коммуникативный конфликт описывают с опорой на понятие «речевая агрессия». Недоброжелательное отношение к адресату, проявляющееся в грубости, агрессивных высказываниях, естественно, может спровоцировать конфликт, но ясно, что эти понятия – вербальная агрессия и речевой конфликт – не совпа-

дают полностью.

Естественно, что инвективы в публичной коммуникации чаще всего становятся предметом лингвоконфликтологии, задачи которой как раз и состоят в том, чтобы проанализировать существенные параметры речевого конфликта. Заметим, что сами по себе инвективы далеко не всегда свидетельствуют о конфликтотенности текста. Ср. фрагмент текста Михаила Задорнова:

Вообще больше всего российское скудоумие ощущается по молодым офицантам и менеджерам.

- Какое вам приготовить мясо: вэлл или вэлл?

- Во-первых, правильно говорить не «вэлл», а «вэлл дан». А во-вторых, я тебе дам чаевые, если ты этот же вопрос задашь по-русски.

- Так я же вас по-русски спросил.

- А если я хочу по-другому, какие еще варианты предложешь?

- Медиум.

- А среднее приготовить можешь?

- Мы среднее не готовим, только медиум.

Вот такие уроды появились в России! У моего бывшего однокурсника секретарша, когда ее спрашивают, кем она работает, гордо отвечает: «Я секретарь-реферendum»... (М. Задорнов «Англовирус» // Советская Россия, 15 декабря 2015 г.).

Итак, М. Задорнов употребил инвективу, которая к тому же в высшей степени неполиткорректно указывает на нестандартные внешние признаки (если иметь в виду первичное значение слова *урод*). Такие оценки в печатных текстах и устных выступлениях были характерны для знаменитого сатирика в последние годы его жизни. Однако, насколько нам известно, такое использование инвектива никогда не становилось источником юридического конфликта, а многочисленная аудитория вообще безоговорочно всегда была (по понятным причинам) на стороне Задорнова.

Как пишет О. Кузнецова в статье «Была бы статья, а верующий найдется» (Собеседник, 2016, № 46), на год и три месяца лишения свободы в колонии-поселении был осужден М. Кормелицкий. Он у себя на странице в соцсети сделал перепост картинки с изображением купающихся в Крещение, под которым была нецензурная подпись. Автор статьи опасался, что с каждым годом уголовных дел по статье 148 УК РФ будет все больше, хотя с юридической точки зрения здесь много вопросов: как в принципе можно оскорбить не человека, а его чувства и чем измерить глубину оскорбления? И может ли один (несколько)

человек представлять всех оскорбленных верующих. Интересно, что против статьи 148 высказались сами священники: «Бог поругаем не бывает», «Чувство верующих оскорбить невозможно».

Трактовка оскорбления в законе изменилась: Федеральный закон от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные акты Российской Федерации» декриминализовал преступления, предусмотренные статьями об оскорблении и включил их в категорию административных правонарушений (статья 5.61 «Оскорбление» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [19]).

Все случаи, связанные с вербальными конфликтами, должны стать предметом особой области юридической лингвистики, которая получила название «лингвоконфликтология». Естественно, что в современной жизни много того, что однозначно квалифицируется как коммуникативное зло. Это откровенная недоброжелательность к окружающим, невнимание к интересам и запросам других, беззастенчивое навязывание окружающим своих желаний и воли, неумение сдерживать свое раздражение, непредумышленное или намеренное оскорбление достоинства окружающих, сквернословие, употребление унижительных номинаций и угроз. Враждебные замечания характеризуются резким тоном голоса (криком).

Чаще всего в основе лингвоюридического конфликта лежит феномен оскорбления – то есть унижения чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме. Во-первых, само содержание высказывания должно приводить к унижению чести и достоинства другого человека, а во-вторых, должно быть выражено в неприличной форме. Но трудность в том, что все понятия, посредством которых определяется оскорбление, сами являются оценочными, то есть требующими юридического комментария.

Как видим, толкование дается через термины, которые юриспруденцией относятся к разряду «оценочных», а потому требующих особого юридического комментария. Юридическое определение оскорбления, по сути, является апелляцией к языковому чутью (впрочем, прагматическая часть хороших толковых словарей может оказаться в этих случаях очень полезной: ср. разветвленную систему пейоративных помет типа неодобр., ирон., презр., пренебр., насмешл., бран., руг., уничтожит. и под.). А решающим фактором квалификации вербального преступления оказывается реакция адресата, ибо констатация факта оскорбления и степени психологического и морального ущерба от оскорбления – это функция лингвоэтического сознания адресата, который оценивает их с опорой на собственные представления о нормативности (которые, в свою очередь, обусловлены целым рядом лингвосоциальных факторов).

Очевидно, решение вопроса лежит в частотно-статистической плоскости. Если большее количество языковых фактов, однородных с точки зрения их лингвистической природы, производит один и тот же перлокутивный эффект, это свидетельство общей закономерности, обуславливающей связь формы и функции тех или иных языковых знаков. Хотя естественно, что прагматические созначения у этих знаков во многом зависят от контекста ситуации.

И если в примере из текста М.Задорнова никто не видит оскорбления (несмотря на явную инвективность) хотя бы потому, что он апеллирует к бесспорным фактам, то совершенно иначе выглядит текст известного журналиста Д. Быкова «Время Митрофанушек», помещенный в постоянной колонке на первой странице «Приговор от Быкова» (Собеседник, 2018, № 16):

Россия теперь уверена, что сама может поучить кого угодно. Как фонвизинский Митрофан, она принципиально не хочет учиться – хочет жениться, причем понимает женитьбу как абсолютное доминирование над любым партнером. ...сегодня главное российское ноу-хау – стать во всех отношениях хуже противника, превзойти его в зверстве, коварстве и наглости.

На чем же основаны эти масштабные (субъект означенного действия/состояния – Россия, и не меньше) выводы? В предшествующих абзацах речь идет о том, что Мария Захарова обратилась к британцам: *кто вы такие, чтобы нас учить, если вы Ирландию кроваво покоряли...* И если сарказм фразы Быкова *Хорошо еще, что они Макрона не попрекают Варфоломеевской ночью* вполне оправдан, то обобщение (*Россия* вместо поименованных в статье политиков) не может не покоробить читателя. Таким образом, оскорбительное звучание возникает за счет неоправданной генерализации, неправомерного обобщения.

Чаще всего, однако, оскорбительное звучание приобретают слова «субстандарта» – инвективы и обсценизмы. Обсценный лексикон традиционно находится в центре внимания специалистов по юридической лингвистике и лингвоконфликтологии. К сожалению, строгие рекомендации юридического характера не сформированы и вряд ли могут быть выработаны в каком-то окончательном виде. Для юрислингвистики и лингвоконфликтологии чрезвычайно важны те труды, где обосновываются (экспериментальными данными, сведениями по частотности и т.п.) характеристики обсценизмов. В этих работах обозначена острая проблема для русского языка последних десятилетий – детабуизация грубо-просторечной лексики, явных обсценизмов. Формируется привыкание к подобному лексикону, особенно в молодежной среде.

2. Языковые страты и речевые тактики как объект лингвоконфликтологии

Исследование языкового субстандарта с лингвоюридических позиций – важная перспектива современной лингвоконфликтологии. Лингвоюридическая регламентация обсценизмов сталкивается с той трудностью, что сама инвективная функция языка представляется многим одной из естественных функций. В лингвистических трудах нередко говорится и о полезных свойствах обсценизмов и инвектив. Эти единицы не просто являются показателем агрессивности общества, но сами способны канализировать эту агрессивность; они могут быть показателем сокращения межличностной дистанции в коммуникации, особенно – в иерархической; они представляют собой древнейший языковой пласт, полезные свойства которого еще не до конца познаны. Но совершенно ясно, что именно этот пласт формирует деструктивное, конфликтогенное речевое поведение.

Новые формы конфликтной коммуникации породил Интернет. В общем употреблении сегодня вошло слово «троллинг» – издевательское и оскорбительное поведение в виде сообщений, разжигающих конфликт между коммуникантами в чатах, на форумах и в блогах [6; 7]. Применение троллинга приводит к потере изначальной кооперативной стратегии диалога и вследствие этого – утраты основной функции общения. Троллинг способен нанести и действительно наносит существенный вред коммуникации и разрушает чувство взаимного доверия в интернет-сообществе. Можно утверждать, что это явление уже вышло за пределы сетевого общения, что это особая коммуникативная практика, которая характерна в целом для медиа. В сущности это особый способ снижения оценки предмета речи, механизм перечеркивания положительной информации в тексте [13: 140-149].

Характерная особенность троллинга – оскорбительность реплик. Процессуальная практика начала XX века для признания выражения или действия оскорбительными требовала обязательного намерения совершить оскорбление. Поскольку оскорбления по вменяемому психическому способу отношения к противоправному деянию подразделялись на условно и безусловно оскорбительные, обвиняемый должен был доказать, что намерения оскорбить у него не было, при квалифицируемом безусловно оскорблении, а при словах или действиях, оскорбительных условно, оскорбленный обязан был соответственно доказать: тот, кто произнес оскорбительные слова, имел цель оскорбить. Итак, коммуникативное намерение было в законодательстве начала XX века определено как квалифицирующий признак оскорбления. Это связано с речевой природой самого общественного явления, источником которого было древнерусское понимание «обиды», которое в семасиологическом отношении предшествовало современному понятию «преступление».

К перспективам современной лингвоконфликтологии следует, на наш взгляд, отнести и проблемы лингвистического манипулирования. Если прочие вербальные преступления (клевета, оскорбление) так или иначе попадают в правовое поле, то манипулирование, в силу, прежде всего, объективных причин, оказывается вне юридического рассмотрения. Риторика разграничивает в рамках речевого воздействия убеждение (осуществляемое с помощью аргументов), приказ и манипулирование. Можно, однако, встретить утверждение, что манипулирование везде, пронизывает все виды коммуникации, особенно в таких сферах, как политика или реклама. Это утверждение базируется на том, что любая отражательная речь имеет универсальную черту – интерпретативность, вариативность [16]. Однако это не то же самое, что манипулирование – скрытое воздействие на адресата, осуществляемое в интересах отправителя речи и имеющее целью изменить его эмоционально-психологическое состояние. Манипуляция как термин – это, по сути, метафора-катахреза; это «удачный» термин с точки зрения семантической мотивированности, поскольку образ, лежащий в основе переносного употребления, проясняет существо обозначаемого явления. Термин происходит от латинско-

го *manus* – ‘рука’ и рисует образ фокусника, наблюдая за руками которого зритель не в силах понять, каким образом сделан фокус.

Один из манипулятивных приемов – это умолчание (сокрытие важной для адресата информации). Манипулирование может состоять в подключении к развитию темы выгодного адресату речи аспекта при намеренном умалчивании о других аспектах [17; 18]. «Манипулятивные функции дискурса образуют скрытый, замаскированный пласт лингвистических данностей, который нелегко отграничить от собственно информационного содержания», – пишет И.В. Беляева [3: 15-16]. И потому важнейшая задача новой дисциплины тщательно исследовать этот вид речевого воздействия с тем, чтобы грамотно противостоять ему.

Манипулирование в ходе избирательной кампании, в политическом дискурсе или рекламе наносит ущерб всему обществу, а значит, вербальное манипулирование может и должно стать предметом лингвоконфликтологии.

Конечно, в законе РФ «О рекламе» есть целый ряд формулировок, ограничивающих возможности манипулятивного воздействия рекламы на адресата (естественно, без упоминания самого понятия манипуляции). Это, в первую очередь, запрещение таких утверждений или изображений, которые могли бы ввести покупателя в заблуждение и препятствовали бы честной конкуренции. Однако в реальной рекламной практике остаются многочисленные проявления именно манипулятивного, а не строго аргументативного воздействия. В отличие от манипулирования процесс убеждения протекает открыто и верифицируется сознанием, при этом адресант убеждения не располагает неподконтрольными адресату средствами. Современная реклама изобилует определениями типа *самый, лучший, абсолютный, единственный, номер 1 в России* и тому подобными, которые невозможно подтвердить документально.

Социальные коммуникации сегодня оказываются в фокусе внимания многих гуманитарных наук, в том числе новой области гуманитарного знания, получившей название «лингвоконфликтология». В лингвистических науках традиционно исследовалась только успешная коммуникация, между тем насущная социальная потребность в окультуривании публичного пространства и гармонизации общения всех страт населения России диктует необходимость исследования конфликтных аспектов дискурса и текста. Эмпирическая база для изучения конфликтов – самая широкая: интернет-коммуникация, материалы судебных дел и лингвоюридических экспертиз, контент-анализ СМИ.

Библиографический список

1. Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. Нижний Новгород, 2003. 419 с.
2. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика. Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
3. Беляева И.В. Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2009. 40 с.
4. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная

- лингвистическая экспертиза: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Кемерово, 2010. 42 с.
5. Брусенская Л.А. Правовое регулирование языка: русский язык в сфере юридического функционирования. // *Философия права*. 2011. № 5 (48). С. 15-20.
  6. Брусенская Л.А., Куликова Э.Г., Беляева И.В. *Юридическая риторика*. М.: Норма, 2014. 288 с.
  7. Брусенская Л.А., Куликова, Э.Г. *Экологическая лингвистика*. М.: Флинта-Наука, 2016. 180 с.
  8. Галяшина Е.И. *Методологические основы судебного речеведения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003.*
  9. Голев Н.Д. Юридизация языковых конфликтов на основании их типологии // *Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве*. Кемерово; Барнаул: Алтайский госуниверситет, 2008. С. 3-24.
  10. Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // *Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы*. Барнаул, 1999. С. 11-58.
  11. Жельвис В.И. Брань в зеркале права: взгляд из Америки // *Юрислингвистика-5. Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права*. Межвузовский сборник научных статей. Барнаул, 2004. С. 3-37.
  12. Золотарева Ю.А. Преступление – лингвистическое или языковое? // *Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты*. Материалы VIII-й Международной научной конференции (Ульяновск, 13-17 мая 2008 г.). М.; Ульяновск: Институт языкознания РАН; Ульяновский государственный университет, 2008. С. 129-136.
  13. Коняева Ю.М. Троллинг как коммуникативный феномен (из наблюдений над культурно-просветительскими медиатекстами) // *Научные ведомости БелГУ. Сер. гуманитарных наук*, 2015, № 18. Вып. 27. С. 140-149.
  14. Коряковцев А.В., Головачева О.В. К проблеме инвективного функционирования языка и лексикографического описания русской инвективной лексики // *Юрислингвистика-5. Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права*. Межвузовский сборник научных статей. Барнаул, 2004. С. 168-188.
  15. Кочергина К.С. Принципы составления юрислингвистического словаря оценочной лексики // *Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения*. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2015. С. 108-118.
  16. Куликова Э.Г. Категоризация выбора места ударения в системе русского словообразования (имена существительные): автореферат диссертации кандидата филологических наук. Ростов-на-Дону. 1996. 21 с.
  17. Куликова Э.Г., Светличная Н.О. Социальная информация и аббревиатуры // *Эволюция государственных и правовых институтов в современной России. Ученые записки*. Вып. 6. Ростов н/Д. 2008. С. 169-177.
  18. Куликова Э.Г., Беляева И.В. Толерантная языковая и командная правовая норма: манипулирование как нарушение этической нормы // *Философия права*. 2009. № 4. С. 77-81.
  19. Левонтина И.В. Оскорбление и смежные понятия в современном русском языке // *Газета «Отечественные записки»*, 2014, № 6.
  20. Матвеева О.Н. Функционирование конфликтных текстов в правовой сфере и особенности его лингвистического изучения (на материале текстов, вовлеченных в юридическую практику): Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 283 с.
  21. Мушнина М.М. О правовой лингвистике в Германии // *Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права*. Барнаул, 2005. С. 18-30.
  22. Патюкова Р.В., Факторович А.Л. Лингвокультурный аспект противодействия экстремистским коммуника-
- тивным установкам и филологическая экспертиза // *Вестник Пятигорского государственного университета*. 2017. № 3. С. 133-136.
23. Хазагеров Г.Г. Перспективы изучения языка права // *Юридическая риторика в современном информационном пространстве*. Материалы Международной научно-практической конференции 19 октября 2007 г. Ростов н/Д: РГЭУ «РИНХ», 2007. С. 3-6.
  24. Шарифуллин Б.Я. Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики: проблема инвективы // *Юрислингвистика-5. Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права*. Межвузовский сборник научных статей. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2004. С. 126-132.
- Works Cited**
1. Aleksandrov A.S. *Vvedeniye v sudebnuyu lingvistiku*. Nizhniy Novgorod, 2003. 419 s.
  2. Baranov A.N. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta. Teoreticheskiye osnovaniya i praktika. Uchebnoye posobiye*. M.: Flinta: Nauka, 2007. 592 s.
  3. Belyayeva I.V. *Fenomen rechevoy manipulyatsii: lingvuyuridicheskiye aspekty*. Rostov n/D: Izd-vo SKAGS, 2009. 40 s.
  4. Brinev K.I. *Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Kemmerovo, 2010. 42 s.*
  5. Brusenskaya L.A. *Pravovoye regulirovaniye yazyka: russkiy yazyk v sfere yuridicheskogo funktsionirovaniya*. // *Filosofiya prava*. 2011. № 5 (48). S. 15-20.
  6. Brusenskaya L.A., Kulikova E.G., Belyayeva I.V. *Yuridicheskaya ritorika*. M.: Norma, 2014. 288 s.
  7. Brusenskaya L.A., Kulikova, E.G. *Ekologicheskaya lingvistika*. M.: Flinta-Nauka, 2016. 180 s.
  8. Galyashina E.I. *Metodologicheskiye osnovy sudebnogo rechevedeniya: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2003.*
  9. Golev N.D. *Yuridizatsiya yazykovykh konfliktov na osnovanii ikh tipologii* // *Yurislingvistika-9: Istina v yazyke i prave*. Kemmerovo; Barnaul: Altayskiy gosuniversitet, 2008. S. 3-24.
  10. Golev N.D. *Yuridicheskiy aspekt yazyka v lingvisticheskoy osveshchenii* // *Yurislingvistika-1. Problemy i perspektivy*. Barnaul, 1999. S. 11-58.
  11. Zhel'vis V.I. *Bran' v zerkale prava: vzglyad iz Ameriki* // *Yurislingvistika-5. Yuridicheskiye aspekty yazyka i lingvisticheskiye aspekty prava*. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh statey. Barnaul, 2004. S. 3-37.
  12. Zolotareva YU.A. *Prestupleniye – lingvisticheskoye ili yazykovoye? // YAzyk i myshleniye: Psikhologicheskiye i lingvisticheskiye aspekty*. Materialy VIII-y Mezhdurodnoy nauchnoy konferentsii (Ul'yanovsk, 13-17 maya 2008 g.). M.; Ul'yanovsk: Institut yazykoznaniya RAN; Ul'yanovskiy gosudarstvennyy universitet, 2008. S. 129-136.
  13. Konyayeva Yu.M. *Trolling kak kommunikativnyy fenomen (iz nablyudeniya nad kul'turno-prosvetitel'skimi mediatekstami)* // *Nauchnyye vedomosti BelGU. Ser. gumanitarnykh nauk*, 2015, № 18. Vyp. 27. S. 140-149.
  14. Koryakovtsev A.V., Golovacheva O.V. *K probleme invektivnogo funktsionirovaniya yazyka i leksikograficheskogo opisaniya russkoy invektivnoy leksiki* // *Yurislingvistika-5. Yuridicheskiye aspekty yazyka i lingvisticheskiye aspekty prava*. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh statey. Barnaul, 2004. S. 168-188.
  15. Kochergina K.S. *Printsipy sostavleniya yurislingvisticheskogo slovaryatsionnoy leksiki* // *Aktual'nyye problemy lingvistiki i literaturovedeniya*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gos. un-ta, 2015. S. 108-118.
  16. Kulikova E.G. *Kategorizatsiya vybora mesta udareniya v sisteme russkogo slovoobrazovaniya (imena*

- sushchestvitel'nyye): avtoreferat dissertatsii kandidata filologicheskikh nauk. Rostov-na-Donu. 1996. 21 s.
17. Kulikova E.G., Svetlichnaya N.O. Sotsial'naya informatsiya i abbreviatory // Evolyutsiya gosudarstvennykh i pravovykh institutov v sovremennoy Rossii. Uchenyye zapiski. Vyp. 6. Rostov n/D. 2008. S. 169-177.
  18. Kulikova E.G., Belyayeva I.V. Tolerantnaya yazykovaya i komandnaya pravovaya norma: manipulirovaniye kak narusheniye eticheskoy normy // Filosofiya prava. 2009. № 4. S. 77-81.
  19. Levontina I.V. Oskorbleniye i smezhnyye ponyatiya v sovremennoy russkom yazyke // Gazeta «Otechestvennyye zapiski», 2014, № 6.
  20. Matveyeva O.N. Funktsionirovaniye konfliktnykh tekstov v pravovoy sfere i osobennosti ego lingvisticheskogo izucheniya (na materiale tekstov, vovlechnykh v yuridicheskuyu praktiku): Dis. ... kand. filol. nauk. Barnaul, 2004. 283 s.
  21. Mushchinina M.M. O pravovoy lingvistike v Germanii // Yurilingvistika-5: Yuridicheskiye aspekty yazyka i lingvisticheskyye aspekty prava. Barnaul, 2005. S. 18-30.
  22. Patyukova R.V., Faktorovich A.L. Lingvokul'turnyy aspekt protivodeystviya ekstremistskim kommunikativnym ustanovkam i filologicheskaya ekspertiza // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo univversiteta. 2017. № 3. S. 133-136.
  23. Khazagerov G.G. Perspektivy izucheniya yazyka prava // Yuridicheskaya ritorika v sovremennoy informatsionnoy prostranstve. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 19 oktyabrya 2007 g. Rostov n/D: RG·EU «RINKH», 2007. S. 3-6.
  24. Sharifullin B.Ya. Yazykovaya agressiya i yazykovoye nasiliye v svete yurilingvistiki: problema invektiv // Yurilingvistika-5. Yuridicheskiye aspekty yazyka i lingvisticheskyye aspekty prava. Mezhdunarodnyy sbornik nauchnykh statey. Barnaul: Izd-vo Altayskogo universiteta, 2004. S. 126-132.

УДК 80-2

© И.А. Гроховская, Г.В. Файзиева

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Астрахань, Россия

К проблеме интерпретации субстандартных лексических единиц медицинской направленности (на примере семантической группы «органы человека»)

Современный уровень развития медицины требует как интенсивного, так и экстенсивного расширения смежных областей деятельности, в том числе и языкового пространства. По мере появления новых лекарственных препаратов, методик лечения, высокотехнологического оборудования возникают и новые языковые номинации, отражающие данные инновации.

Субстандартный языковой пласт в первую очередь реагирует на происходящие в медицинской среде изменения, пополняясь новыми лексическими единицами. Данный феномен находит подтверждение в научных трудах современных зарубежных и отечественных исследователей John H. Dirckx, Huth E.J., Кирилловой Т.С., Ельцовой Л.Ф., Котцовой Е.Е. и др.

В настоящее время среди лингвистов не существует единого мнения относительно интерпретации субстандартных компонентов языка в целом, и языка медицины в частности. Кроме того, ряд лингвистов отмечает, что современный уровень развития языка характеризуется активным процессом «деспециализации терминов» [5: 173], т.е. выходом терминов за пределы терминологического поля, а также появлением так называемых «диффузных зон» [2: 31] – смешанных лексических пластов, на уровне которых специализированная лексика используется в наивном дискурсе и приобретает особую стилистическую тоналность [1: 76].

Учитывая вышеизложенное, наиболее полной и точной, на наш взгляд, является классификация субъязыка медицины, представленная в работах ан-

глийских исследователей Э. Партриджа, Дж. Дирка, а также отечественного ученого Л.Ф. Ельцовой.

Вслед за указанными авторами мы будем рассматривать медицинский сленг как совокупность лексических единиц, не принадлежащих медицинским терминотемам и характеризующихся стилистической сниженностью, но активно использующихся в медицинском дискурсе [3: 3]. Отметим, что медицинский сленг – довольно обширное понятие, включающее различные разряды лексических единиц, а именно профессиональный жаргон, пейоративы, эвфемизмы, комичные слова и выражения, синтаксические сокращения, аббревиации, вульгаризмы, табуированную лексику и т.п.

Учитывая данное определение, методом сплошной выборки нами из наиболее авторитетных субстандартных лексикографических источников, обозначенных ниже, было отобрано 2596 лексических единиц, семантика которых позволяет отнести их к семантическому полю *Медицина*. Далее отобранные единицы были классифицированы по 14 семантическим группам в рамках данного семантического поля: *Медицинские заведения* (91 вокабула), *Профессии* (52 вокабулы), *Вспомогательный медицинский персонал* (59 вокабул), *Медицинский транспорт* (26 вокабул), *Виды медицинской помощи* (103 вокабулы), *Виды медицинского вмешательства* (51 вокабула), *Медицинские конструкции и аппараты* (77 вокабул), *Состояние пациента* (701 вокабула), *Лекарственные средства* (415 вокабул), *Физиологические процессы* (493 вокабулы), *Виды боли* (23 вокабулы), *Части*

тела (285 вокабул), *Органы человека* (207 вокабул), *Иное* (13 вокабул).

Объектом нашего самостоятельного исследования стала семантическая группа *Органы человека*. Для выявления базовых характеристик лексических единиц, входящих в данную группу на уровне литературного слоя английского языка, были рассмотрены англоязычные толковые словари медицинской терминологии, а именно Merriam-Webster Medical Dictionary, Mosby's Medical Dictionary, Taber's Medical Dictionary.

Субстандартные лексические единицы, относящиеся к данной семантической группе, были выявлены путем номинативно-семантического анализа ряда авторитетных англоязычных лексикографических источников, а именно «Dictionary of American Slang» by Richard A. Spears, «Slang to-day and yesterday» by Eric Partridge, «The Slang Dictionary» by John Camden Hotten, «Medical Slang and Jargon» by John H. Dirckx, M. D., «Dictionary of Contemporary Slang» by Tony Thorne, электронные лексикографические ресурсы Urban Dictionary, The Online Slang Dictionary, Internet and Text Slang Dictionary.

Семантическая группа *Органы человека* представлена в субстандартном лексическом слое английского языка 207 вокабулами, входящими в состав 9 семантических подгрупп: *Желудок* (56 вокабул), *Головной мозг* (34 вокабулы), *Легкие* (19 вокабул), *Кишечник* (1 вокабула), *Сердце* (23 вокабулы), *Горло* (11 вокабул), *Гортань* (1 вокабула), *Язык* (13 вокабул), *Половые органы* (79 вокабул). В ходе исследования указание на остальные органы человека установлено не было.

В ходе работы нами были проанализированы следующие субстандартные лексические единицы: *basket*, *bread-basket*, *dinner-basket*, *cast*, *gutbucket*, *bucket*, *pudding-house*, *victualling office*, *upper story*, *top story*, *fuse box*, *air-bags*, *gut*, *raspberry*, *ticker*, *pud*, *tape*, *engine*, *life machine*, *red flannel*, *long lane*, *swallow*,

gully, *voice box* и др. Отметим, что в качестве рабочих лексических единиц данного исследования были выбраны лексемы, которые наиболее полно и точно описывают характерные признаки соответствующих органов человека. В оставшихся лексических единицах присутствует тот же набор характерных признаков, как и в проанализированных нами лексемах.

Наше исследование проводилось поэтапно и включало определенные уровни анализа. Первоначально изучалось значение каждой лексической единицы по данным толковых словарей английского языка с целью выявления качественных характеристик анализируемого органа, зафиксированного в значении, представленном на субстандартном уровне. Далее выявлялись качественные характеристики самого органа, которые впоследствии были закреплены в субстандартной лексической единице. Выявленные характеристики были представлены в таблицах, показывающих наличие или отсутствие того или иного признака в субстандартной лексической единице. Далее проводилось описание каждой лексемы на основе табличных данных.

Рассмотрим каждую подгруппу семантической группы *Органы человека* более детально.

Лексемы *basket*, *cast*, *bucket*, *pudding-house*, *victualling office* в субстандартных лексикографических изданиях описывают характерные признаки внутреннего органа *желудок*. Отметим, что лексикологический анализ рассматриваемых лексических единиц показал, что основным признаком данного органа, проявляющимся на уровне субстандарта, является наличие свободного пространства, дополнительными признаками являются:

- способность изменять форму,
- указание на время принятия пищи,
- указание на наполняющее содержимое,
- указание на функцию органа *желудок*.

Результаты данного исследования представлены в Таблице 1.

Таблица 1.

Характерные признаки субстандартных лексических единиц, обозначающих внутренний орган *желудок*

Лексическая единица	Характерные признаки				
	Наличие свободного пространства	Способность изменять форму	Наполняющее содержимое	Время принятия пищи	Функция получения и переработки содержимого
<i>basket</i>	+	-	-	-	-
<i>dinner-basket</i>	+	-	-	+	-
<i>bread-basket</i>	+	-	+	-	-
<i>bucket</i>	+	-	-	-	-
<i>gutbucket</i>	+	-	+	-	-
<i>cast</i>	+	+	-	-	-
<i>pudding house</i>	+	-	+	-	-
<i>victualling office</i>	+	-	+	-	+

Из представленной таблицы следует, что у лексических единиц *basket* и *bucket* присутствует только основной признак – наличие свободного пространства.

У лексической единицы *dinner-basket* помимо основного признака зафиксировано наличие одного дополнительного признака – указания на время приятия пищи.

Лексемы *bread-basket*, *gutbucket* и *pudding house* также помимо основного признака имеют дополнительное значение, указывающее на наполняющее содержимое.

Лексема *cast* кроме основного признака имеет один дополнительный признак – способность изменять форму.

Лексическая единица *pudding house* также имеет одно дополнительное значение – указание на наполняющее содержимое.

У лексической единицы *victualling office* зафиксировано наличие двух дополнительных признаков – указание на наполняющее содержимое и указание на основную функцию.

Таким образом, внутренний орган желудок на субстандартном лексическом уровне английского языка представляет собой *ограниченное покое пространство, способное в определенное время вмещать содержимое, менять форму в зависимости от содержимого, основными функциями которого являются получение и переработка содержимого.*

Следующим внутренним органом человека, представленном в субстандартном слое английского языка, является *головной мозг*, представленный лексемами *upper story*, *top storey*, *fuse box*. Анализ данных лексических единиц показал, что на уровне субстандартного слоя английского языка проявляются следующие признаки:

- наивысшая позиция данного внутреннего органа относительно других органов человеческого тела;
- функциональность данного органа;
- основные функции данного органа.

Данные, полученные в результате анализа, представлены в Таблице 2.

Таблица 2.

Характерные признаки субстандартных лексических единиц, обозначающих внутренний орган *головной мозг*

Лексическая единица	Признаки, проявляющиеся на субстандартном уровне			
	Наивысшая позиция	Функциональность	Функция	
			регулятивная	побуждающая
<i>upper story</i>	+	-	-	-
<i>top storey</i>	+	-	-	-
<i>fuse box</i>	-	+	+	+

Данные, представленные в таблице, указывают на то, что лексемы *upper story* и *top storey* имеют на субстандартном уровне один характерный признак – указание на наивысшую позицию внутреннего органа *головной мозг* в человеческом теле по отношению к другим органам.

У лексемы *fuse box* зафиксировано наличие двух значений – указание на функциональность и основные функции рассматриваемого внутреннего органа.

Таким образом, внутренний орган *головной мозг* в субстандартном слое английского языка представляет собой *контейнер с определенным содержимым, выполняющим регулятивную и побуждающие функции и занимающим наивысшую позицию относительно других внутренних органов.*

В рамках данного исследования заслуживает внимания лексическая единица *air-bags*, которая обо-

значает внутренний орган человека *легкие*. Материал исследования включает в себя 19 лексических единиц, обозначающих легкие человека, однако в связи с тем, что в лексической единице *air-bags* присутствуют все выделенные семантические характеристики, рассмотрим более детально данную лексему.

Детальный лексикологический анализ позволил нам выделить ряд признаков, характеризующих данную лексему на субстандартном уровне:

- определение основной функции данного органа – участие в процессе дыхания;
- наличие полого пространства вокруг данного органа;
- способность изменять форму;
- парность внутреннего органа *легкие*;
- указание на характер содержимого.

Полученные в результате анализа данные представлены в Таблице 3.

Таблица 3

Характерные признаки внутреннего органа *легкие* на уровне субстандартного слоя английского языка

Функции	Действие	Характер содержимого	Особенности
Участие в дыхании	Способность изменять форму – сжиматься и расширяться	Воздух	Наличие полого пространства вокруг органа; Парность данного органа

Таким образом, внутренний орган *легкие* в субстандартном слое английского языка представляет собой *участвующий в дыхании парный внутренний орган, способный изменять форму путем сжатия и расширения за счет наполняемости воздухом, и имеющий вокруг себя полое пространство*.

Следующей подгруппой в рамках семантической группы *Внутренние органы* является семантическая подгруппа *Кишечник*, представленная единственной лексической единицей *gut*. Данная лексема была частично рассмотрена при анализе семантической подгруппы *Желудок* как составная часть лексической единицы *gutbucket*. В рамках анализа семантической подгруппы *Кишечник* рассмотрим вышеуказанную лексему более детально.

Отдельно отметим, что лексическая единица *gut* имеет сходные значения как в стандартном (пищеварительный тракт, кишка), так и в субстандартном (кишечник) слоях английского языка. Однако транскрипционная интерпретация и произношение данной лексемы различается в зависимости от языкового уровня, что отражено в «Dictionary of American Slang» Ричарда Спирса и анализируемых лексикографических источниках литературного ан-

глийского языка. Так, обозначение [gl̩t] характерно для стандартного регистра английского языка, в то время как [gæt] употребляется в сниженном регистре.

Анализируемая лексическая единица имеет несколько взаимодополняемых значений: *the tube or the canal inside the body through food passes from the stomach; all the organs inside the body; some kind of contents (трубка или канал внутри тела человека или животного, по которой движется еда из желудка; все внутренние органы; содержимое чего-либо)*. Данная интерпретация позволяет выделить ряд признаков, заложенных в основу номинации рассматриваемой лексической единицы на субстандартном уровне английского языка:

- место расположения (внутри тела);
- наличие содержимого;
- указание на характер содержимого (еда);
- определение основной функции органа (продвижение пищи);
- характеристика формы данного органа (подобие трубки или каналу, т.е. протяженный).

Результаты проведенного анализа представлены в Таблице 4.

Таблица 4

Характерные признаки внутреннего органа *кишечник* на уровне субстандартного слоя английского языка

Функция	Место расположения	Характер содержимого	Форма
Продвижение пищи	Внутри организма	Пища	Протяженный орган

Таким образом, внутренний орган *кишечник* на уровне субстандартного слоя английского языка представляет собой *протяженный внутренний орган, функция которого заключается в продвижении пищи*.

Помимо проанализированных выше семантических подгрупп, семантическая группа *Органы человека* включает лексические единицы *raspberry*, *ticker*, *tick-tocker*, *engine*, *life machine* и др., входящие в состав семантической подгруппы *Сердце*. В рамках данного исследования рассмотрим лексемы *raspberry* и *ticker*, т.к. они обладают всеми характерными признаками, отражающими дефиниционное значение внутреннего органа *сердце* на субстандартном уровне

английского языка.

Выделим основные признаки номинации, характеризующие внутренний орган *сердце* на уровне языкового субстандарта:

- размер данного органа;
- цвет данного органа;
- основные свойства данного органа (мягкость, неоднородность поверхности);
- особенности работы данного органа – равномерность, точность, периодичность (как определенный механизм).

Результаты проведенного анализа представлены в Таблице 5.

Таблица 5

Характерные признаки внутреннего органа *сердце* на уровне субстандартного слоя английского языка

Лексическая единица	Признаки, проявляющиеся на субстандартном уровне			
	Размер	Цвет	Свойства	Особенности
raspberry	+	+	+	-
ticker	-	-	-	+

У лексемы *raspberry* зафиксировано наличие трех равнозначных признаков – указание на размер, цвет и основные свойства описываемого внутреннего органа.

Лексема *ticker* проявляет единственный при-

знак, заложенный в основе номинации на уровне субстандарта, – указание на характерные особенности работы описываемого органа.

Таким образом, внутренний орган *сердце* представляет на уровне субстандартного слоя ан-

глийского языка *небольшой орган из мягких тканей темно-красного цвета, работающий подобно механизму, с определенной точностью и цикличностью.*

Семантическая подгруппа *Горло* в рамках лексико-семантической группы *Органы человека* наиболее полно представлена лексемами *long lane, gully, red lane* и *swallow* на уровне субстандартного слоя английского языка.

Дефиниционный анализ лексемы *lane* на уровне стандартного слоя английского языка позволяет выделить основные характеристики, заложенные в основу номинации лексической единицы «lane» на субстандартном уровне:

- наличие пространства;
- указание на основные признаки (длина, ширина);
- наличие границ.

Лексическая единица *lane*, обозначающая орган человека *горло*, имеет, согласно изданию «Slang to-day and yesterday» Эрика Партриджа, две производные – лексемы *long lane* и *red lane*. В связи с этим отметим, что признаки, заложенные в основу номинации лексической единицы *long lane* на субстандартном уровне, расширяются за счет указания на вытянутую форму данного органа. Дополнительным признаком, заложенным в основу номинации лексической единицы *red lane* на уровне субстандарта, является указание на цвет данного органа человека.

Далее выделим основные признаки, заложенные в основу субстандартной номинации лексемы *gully*, используя ее интерпретацию на уровне языкового стандарта, проанализированную нами в ходе проведения детального анализа:

- наличие определенной формы (узкий, удлиненный объект);
- способность пропускать определенное содержимое (вода).

Помимо вышеуказанных лексем, в рамках дан-

ного исследования рассмотрим лексическую единицу *swallow*, которая также представляет орган человека *горло* на субстандартном уровне английского языка.

Дефиниционный анализ позволил нам сделать вывод, что данная лексическая единица на уровне литературного английского языка имеет следующее значение: *a movement with the throat during having a meal to pull the meal from the mouth to the stomach* (движение в горле, совершаемое во время приема пищи, для ее проталкивания изо рта в желудок). Однако следует отметить, что в представленных лексикографических изданиях значение лексической единицы *swallow* в качестве существительного не является основным, оно зафиксировано в словарях в качестве второго значения. Данный факт свидетельствует о том, что наиболее распространенным значением является значение глагола. Тем не менее в субстандартном слое закрепилось только значение существительного, описывающее характерные признаки данного органа без указания на глагольную функцию. Анализируя стандартные лексикографические издания, нами был зафиксирован факт наличия значения «горло» в толковании лексической единицы *swallow* (A modern dictionary of the English language by Macmillan and Co, 1911). Однако в более позднем издании данного словаря (электронная версия 2002 года) данное значение отсутствует, что свидетельствует о выходе из употребления данного значения в стандартном слое английского языка.

На основе данной выше интерпретации выделим основной признак, заложенный в основу номинации лексической единицы *swallow* на субстандартном языковом уровне – указание на основные функции органа *горло* (глотание, проталкивание пищи).

Результаты проведенного анализа субстандартных лексических единиц, обозначающих орган человека *горло*, представлены в Таблице 6.

Таблица 6

Характерные признаки внутреннего органа *горло* на уровне субстандартного слоя английского языка

Лексическая единица	Признаки, проявляющиеся на субстандартном уровне			
	Функции	Цвет	Форма	Особенности
long lane	–	–	+	+
red lane	+	+	–	+
gully	–	–	+	+
swallow	+	–	–	–

Таким образом, на субстандартном уровне английского языка орган человека *горло* представляет собой *узкий орган вытянутой формы темно-красного цвета, основной функцией которого является продвижение пищи изо рта в желудок.*

В словаре «Medical Slang and Jargon» by John H. Dirckx отмечена лексема *voice box*, обозначающая орган человека *гортань*. В других анализируемых нами субстандартных лексикографических источниках лексические единицы, обозначающие орган че-

ловека *гортань*, не зафиксированы. Тем не менее наличие данной лексемы позволяет выделить в рамках семантической группы *Органы человека* подгруппу *Гортань*.

Лексема *box*, являющаяся составной частью лексической единицы *voice box*, была рассмотрена при анализе лексемы *fuse box*, обозначающей на уровне субстандарта внутренний орган человека *головной мозг*. Было установлено, что в основу номинации лексемы *box* на субстандартном уровне английского

языка заложены признаки наличия пространства и способности вмещения определенного содержимого.

Согласно данным проведенного нами дефиниционного анализа, лексическая единица *voice* на уровне стандартного слоя английского языка имеет 2 основных значения: *the sound made by the mouth when you speak or sing* (произносимый с помощью рта звук во время говорения или пения); *an opinion on a particular topic or a vote during the election* (личное мнение относительно определенных вопросов или во время выборов). На наш взгляд, на уровне субстандартного слоя английского языка лексема *voice* представлена в единственном значении (*the sound made by the mouth when you speak or sing*). Таким образом, в основу номинации лексемы *voice* заложен признак, указывающий на способность производить звуки.

На основе проведенного выше анализа отметим, что в основу номинации лексической единицы *voice box*, обозначающей орган человека гортань, заложены следующие признаки:

- наличие пространства;
- способность вмещать определенное содержимое (голосовой аппарат);
- способность производить звуки.

В рамках анализа семантической группы *Orgаны человека* отметим подгруппу *Язык*, которая представлена на уровне языкового субстандarta 13 лексемами и будет рассмотрена на примере лексических единиц *red flannel, rag, tape*.

Выделим значение лексической единицы *flannel* на уровне литературного английского языка: *soft, warm cloth* (мягкая согревающая ткань). На основе данного определения отметим, что в основу номинации данной лексемы на субстандартном уровне английского языка заложен признак указания на свойства органа человека язык – мягкость, гибкость (подобно ткани, имеющей свойство изменять форму).

Отдельно отметим, что в онлайн-словаре стандартного английского языка Collins Dictionary лексема *flannel* имеет, помимо вышеуказанного, дополнительное значение с пометой *British informal*: *[British, informal] indirect or evasive talk; deceiving flattery* (уклончивый разговор, лесть). Данное определение позволяет выделить дополнительный признак, заложенный в основу номинации лексемы *flannel* на уровне субстандarta – указание на качественные характеристики воспроизводимой речи.

Лексема *red* как составная часть лексической единицы *red flannel* была проанализирована нами при рассмотрении лексических единиц, обозначающих орган человека *горло*. В составе данной лексической единицы лексема *red* указывает на аналогичный признак номинации на уровне субстандarta – указание на цвет данного органа.

Лексическая единица *rag*, согласно проведенному нами исследованию, на уровне стандартного слоя английского языка имеет значение *a shred or a worn fragment of any material* (клочок или потертый лоскут какого-либо материала). В основу номинации данной лексемы на уровне субстандarta заложено отражение свойств органа человека язык – мягкость, неоднородность поверхности, гибкость. Кроме того, отметим наличие дополнительного признака – лексические единицы *scrap, shred, torn, worn, old*, зафиксированные в значении лексемы *rag* на стандартном языковом уровне, указывают на низкое качество речи, воспроизводимой с помощью данного органа.

Следующей лексической единицей, входящей в состав семантической подгруппы *Язык*, является лексема *tape*.

Значение рассматриваемой лексемы на уровне стандартного слоя английского языка сводится к следующему: *a long, thin, narrow plastic or woven strip, that can be used to record sounds and pictures or for strings and tie things* (длинная, тонкая, узкая полоса из пластика или ткани, используемая для записи и воспроизведения звуков и изображений, а также для сшивания или связывания объектов). На основе данного определения выявим основные признаки, заложенные в номинацию лексемы *tape* на уровне субстандarta:

- метрические характеристики данного органа (длинный, узкий, тонкий);
- указание на функции данного органа (воспроизведение звуков, связывание объектов – в данном случае преобразование звуков в речь).

Таким образом, лексические единицы, характеризующие на уровне субстандarta орган человека язык, имеют в основе номинации следующие признаки:

- указание на функции данного органа (воспроизведение звуков, преобразование звуков в речь) – присутствует в основе номинации лексемы *tape*;
- указание на свойства данного органа (мягкость, гибкость, подвижность) – присутствует в основе номинации лексем *red flannel, rag*;
- указание на цвет – присутствует в основе номинации лексемы *red flannel*;
- отражение метрических характеристик органа человека язык (длина, ширина, толщина) – присутствует в основе номинации лексемы *tape*;
- указание на участие в процессе воспроизводства речи (низкое качество воспроизводимой речи, участие в лести и обмане) – присутствует в основе номинации лексем *red flannel* и *rag*.

Результаты проведенного анализа субстандартных лексических единиц семантической подгруппы *Язык* отражены в таблице 7.

Таблица 7

Характерные признаки органа человека язык на уровне субстандартного слоя английского языка

Лексическая единица	Признаки, проявляющиеся на субстандартном уровне				
	Функции	Свойства	Метрические характеристики	Цвет	Участие в процессе воспроизводства речи
red flannel	–	+	–	+	+
rag	–	+	–	–	+
tape	+	–	+	–	–

Таким образом, орган человека язык на уровне субстандартного слоя английского языка представляет собой *удлиненный узкий подвижный орган темно-красного цвета, участвующий в процессе воспроизводства речи определенного качества.*

Довольно многочисленной в рамках семантической группы *Органы человека* является подгруппа *Половые органы*. Данная подгруппа относится к ряду табуированной лексики, рассмотрение которой не входит в задачи настоящего исследования. Рассматриваемые нами субстандартные лексикографические источники содержат 37 лексических единиц, обозначающих мужские половые органы, и 42 единицы, обозначающие женские внутренние и наружные половые органы. Данные лексемы зафиксированы в словарях с определенными пометами, а именно: *the term of unknown derivation; a pejorative term; a vulgarism; an obscure vulgarism; common colloquial term; an euphemism; a humorous euphemism, an abbreviation; a vogue term.*

Подводя итоги, отметим, что проведенный детальный анализ лексико-семантической группы *Органы человека* позволил выявить, что только в рамках семантической подгруппы *Язык* зафиксированы лексические единицы, в основе номинации которых отмечено наличие дополнительных признаков, не входящих в базовую номинацию, сформированную по данным лексикографических источников стандартного языкового пласта. Такие особенности, как указание на низкое качество воспроизводимой речи и способность участвовать в обмане и лести, не являющиеся базовыми характеристиками внутреннего органа человека язык, присутствуют в основе номинации лексем *red flannel* и *rag* на уровне субстандартного слоя английского языка.

Таким образом, в остальных рассмотренных нами субстандартных лексических единицах не обнаружено наличие дополнительных признаков за пределами базовой номинации. При этом отметим, что в каждой лексической единице объективируется тот или иной признак, который и составляет прагматический компонент оценки данной лексической группы.

Библиографический список

1. Алексеева А.А. Границы наивного дискурса: к постановке проблемы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16. № 6: Журналистика. С. 74-80.
2. Грачев М.А. Словарь тысячелетнего русского апро: 27 000 слов и выражений. Ульяновск, 2003. 1120 с.

3. Ельцова Л.Ф. Медицинский сленг как компонент языка медицины. URL: www.gramota.net/materials/2/2017/11-2/18.html (дата обращения 12.02.2019).
4. Файзилова Г.В. Изучение молодежного сленга: основные подходы, проблематика и направления // Гуманитарные исследования. 2016. № 2 (58). С. 38-44.
5. Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США. М.: Наука, 1983. 216 с.
6. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения 18.02.2019).
7. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения 05.02.2019).
8. Dirckx John H. «Translation, please! Medical Slang and Jargon» // e-Perspectives. 2015. URL: <http://www.hpisum.com/08.dirckx49.pdf> (дата обращения 10.12.2018).
9. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary. М.: Русский язык, 1982. 544 с.
10. Hotten John Camden. A Dictionary of Slang, Cant and Vulgar Words. L., 1860. 324 p.
11. Internet and Text Slang Dictionary. URL: <https://www.no-slang.com/dictionary/> (дата обращения 21.09.2018).
12. Macmillan and Co. A Modern Dictionary of the English Language. L., 1911. 784 p. URL: <https://www.twirpx.com/file/2367307/> (дата обращения 16.12.2018).
13. Partridge E. Slang To-Day and Yesterday. L.: Routledge and Kegan Paul LTD, 1954. 496 p.
14. Skeat Walter W. «An etymological dictionary of the English language». L.: Oxford University Press Warehouse, 1910. 886 p.
15. Spears Richard A. Dictionary of American Slang. М.: Русский язык, 1991. 528 с.
16. The Online Slang Dictionary // <http://onlineslangdictionary.com/> (дата обращения 10.09.2018)
17. Thorne Tony «Dictionary of Contemporary Slang». L.: A&C Black, 2007. 513 p.
18. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения 16.01.2019).

Works Cited

1. Alekseyeva A.A. Granitsy naivnogo diskursa: k postanovke problemy // Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. 2017. T. 16. № 6: Zhurnalistika. S. 74-80.
2. Grachev M.A. Slovar' tsysacheletnego russkogo argo: 27 000 slov i vyrazheniy. Ul'yankovsk, 2003. 1120 s.
3. El'tsova L.F. Meditsinskiy sleng kak komponent yazyka meditsiny. URL: www.gramota.net/materials/2/2017/11-2/18.html (data obrashcheniya 12.02.2019).
4. Fayziyeva G.V. Izucheniye molodezhnogo slenga: osnovnyye podkhody, problematika i napravleniya // Gumanitarnyye issledovaniya. 2016. № 2 (58). S. 38-44.
5. Shveytser A.D. Sotsial'naya differentsiatsiya angliyskogo yazyka v SSHA. M.: Nauka, 1983. 216 s.

Towards the Problem of Medical Substandard Lexical Units Interpretation (based on the semantic group «human organs»)

The current level of medicine development requires both intensive and extensive expansion of related areas of activity, including the language space. As new drugs appear, treatment methods, high-tech equipment, new language nominations reflect these innovations.

The substandard language layer primarily responds to changes in the medical environment, as a result new lexical units appear. This phenomenon is discussed in the scientific works of modern foreign and domestic researchers such as John H. Dirckx, Huth E.J., Kirillova T.S., Yeltsova L.F., Kottsova E.E., etc.

There is no consensus among linguists today about the interpretation of the substandard language components in general and the language of medicine in particular.

In addition, a number of linguists note that the current level of language development is characterized by an active process of «despecialization of terms» [5: 173], i.e. the functioning of terms beyond the terminological field as well as the appearance of the so-called «diffusion zones» [2: 31] – mixed lexical layers at which level specialized vocabulary is used in naive discourse and acquires a special stylistic tonality [1: 76].

According to mentioned above, in our opinion, the most complete and accurate is the classification of the sublanguage of medicine, presented in the works of English researchers E. Partridge, J. Dirk and Russian scientist L. Eltsova.

Following these authors, we consider medical slang as a set of lexical units that don't belong to medical terminological systems and are characterized by stylistic decline, but these lexical units are actively used in medical discourse [3: 3]. It should be noted, that medical slang is quite a broad concept, including different lexical strata, namely professional jargon, pejorative words, euphemisms, comic words and expressions, syntactic clipping, abbreviations, vulgarisms, taboo language, etc.

According to this definition, we have selected 2596 lexical units by the continuous sampling method from the most authoritative substandard lexicographic sources indicated below, the semantics of which allows us to refer these lexical units to the semantic field of *Medicine*. Further, the selected units were classified into 14 semantic groups within this semantic field: *Health facilities* (91 headwords), *Professions* (52 headwords), *Paramedical personnel* (59 headwords), *Medical transport* (26 headwords), *Types of healthcare* (103 headwords), *Types of medical intervention* (51 headwords), *Medical constructions and devices* (77 headwords), *Patient's condition* (701 headwords), *Medicines* (415 headwords), *Physiological processes* (493 headwords), *Types of pain* (23 headwords), *Body parts* (285 headwords), *Human organs* (207 headwords), *Other* (13 headwords).

The object of our independent study is the semantic group *Human organs*. To identify the basic characteristics

of the lexical units included in this group at the level of the literary layer of the English language, we considered the English dictionaries of medical terminology, namely Merriam-Webster Medical Dictionary, Mosby's Medical Dictionary, Taber's Medical Dictionary.

Substandard lexical units belonging to this semantic group were identified by nominative-semantic analysis of a number of authoritative English-language lexicographic sources, namely «Dictionary of American Slang» by Richard A. Spears, «Slang to-day and yesterday» by Eric Partridge, «The Slang Dictionary» by John Camden Hotten, «Medical Slang and Jargon» by John H. Dirckx, M. D., «Dictionary of Contemporary Slang» by Tony Thorne, electronic lexicographical resources Urban Dictionary, The Online Slang Dictionary, Internet and Text Slang Dictionary.

Semantic group *Human organs* is represented in sub-standard lexical layer of the English language by 207 headwords, that are part of 9 semantic subgroups: *Stomach* (56 headwords), *Brain* (34 headwords), *Lungs* (19 headwords), *Intestine* (1 headword), *Heart* (23 headwords), *Throat* (11 headwords), *Larynx* (1 headword), *Tongue* (13 headwords), *Reproductive organs* (79 headwords. Reference to other human organs) in the study was not established.

During the work we have analyzed the following sub-standard lexical units: *basket, bread-basket, dinner-basket, cast, gutbucket, bucket, pudding-house, victualling office, upper story, top story, fuse box, air-bags, gut, raspberry, ticker, pud, tape, engine, life machine, red flannel, long lane, swallow, gully, voice box, and others*. It is worth noting that for this study those lexemes were chosen that most completely and accurately describe the characteristics of the relevant human organs. In the remaining lexical units, there is the same set of characteristic features as in the analyzed lexemes.

Our study was conducted in stages and included certain levels of analysis. Initially, the meaning of each lexical unit was studied according to the English explanatory dictionaries in order to identify qualitative characteristics of analyzed organ, fixed in the meaning presented in the substandard layer. Further, the qualitative characteristics of the organ were identified and were subsequently enshrined in a substandard lexical unit. The identified characteristics were presented in tables showing the presence or absence of a feature in a substandard lexical unit. Each lexeme further was described on the basis of tabular data.

Let us consider each subgroup of the semantic group *Human Organs* in more detail.

Lexemes *basket, cast, bucket, pudding-house, victualling office* describe the characteristic features of the internal organ *stomach* in substandard lexicographic publications. We note that the lexicological analysis of the considered lexical units showed, that the main feature

of this organ, showed up at the substandard layer, is the availability of free space, additional features are:

- ability to change shape;
- indication of time of a meal;

- indication of the filling contents,
- indication of the organ *stomach* function.

The results of this study are presented in Table 1.

Table 1.

Characteristic features of substandard lexical units denoting the internal organ *stomach*

Lexical unit	Characteristic features				
	Availability of free space	Ability to change the shape	Filling contents	Time of a meal	The function of receiving and processing of contents
<i>basket</i>	+	-	-	-	-
<i>dinner-basket</i>	+	-	-	+	-
<i>bread-basket</i>	+	-	+	-	-
<i>bucket</i>	+	-	-	-	-
<i>gutbucket</i>	+	-	+	-	-
<i>cast</i>	+	+	-	-	-
<i>pudding house</i>	+	-	+	-	-
<i>victualling office</i>	+	-	+	-	+

The table above illustrates that the lexical units *basket* and *bucket* have only the main feature - the availability of free space.

For the lexical unit *dinner-basket* in addition to the main feature, one additional feature was recorded – an indication of the time of a meal.

Lexemes *bread-basket*, *gutbucket* and *pudding house* also have, in addition to the main feature, an additional meaning of indicating the filling contents.

In addition to the main feature, the lexeme *cast* has one additional feature – the ability to change the shape.

The lexical unit *pudding house* also has one additional meaning – an indication of the filling contents.

For the lexical unit *victualling office* were recorded two additional features – an indication of the filling contents and indication of the main function.

Thus, the internal organ *stomach* at the substandard lexical layer of the English language is a *limited hollow space that can hold the contents at a certain time, change shape depending on the contents, the main functions of which are receiving and processing the contents.*

The next internal human organ represented at the substandard layer of the English language is *brain*, represented by the lexemes *upper story*, *top storey*, *fuse box*. The analysis of these lexical units showed that at the level of the substandard layer of the English language the following features are showed up:

- the highest position of this internal organ regarding other organs of the human body;
- functionality of this organ;
- the main functions of this organ.

The data obtained from the analysis are presented in Table 2.

Table 2.

Characteristic features of substandard lexical units denoting the internal organ *brain*

Lexical unit	Features, that appear in the substandard layer			
	The highest position	Functionality	Function	
			regulatory	incentive
<i>upper story</i>	+	-	-	-
<i>top storey</i>	+	-	-	-
<i>fuse box</i>	-	+	+	+

The data presented in the table indicate that the lexemes *upper story* and *top storey* have one characteristic feature at the substandard layer – an indication of the highest position of the internal organ *brain* in the human

body regarding other organs.

For the lexeme *fuse box* was recorded two meanings – an indication of the functionality and the main functions of the viewed internal organ.

Thus, the internal organ *brain* at the substandard lexical layer of the English language is *a container a specific content, that performs regulatory and incentive functions and occupies the highest position relative to other internal organs.*

In the context of the study the lexical unit *air-bags*, which means the internal organ *lungs*, deserves attention. The material of the study includes 19 lexical units denoting human lungs, however, due to the fact that the lexical unit *air-bags* has all the selected semantic characteristics, we consider this lexeme in more detail.

The detailed lexicological analysis allowed us to identify a number of features that characterize this lexeme at the substandard layer:

- determination of the main function of this organ
- participation in the process of breathing;
- availability of a hollow space around the organ;
- ability to change shape;
- pair of the internal organ lungs;
- an indication of the nature of the contents.

The data obtained from the analysis are presented in Table 3.

Table 3

Characteristic features of substandard lexical units denoting the internal organ lungs

Functions	Action	The nature of the contents	The particularities
Participation in the process of breathing	Ability to change shape – compression and expansion	Air	Availability of a hollow space around the organ; Pair of the organ

Thus, the internal organ *lungs* at the substandard lexical layer of the English language is *a paired internal organ participating in breathing, capable of changing its shape by compression and expansion due to filling of the air, and having a hollow space around it.*

The next subgroup within the semantic group of the *Internal organs* is a semantic subgroup *Intestine*, represented by a single lexical unit *gut*. This lexeme was partially considered in the analysis of the semantic subgroup *Stomach* as part of the lexical unit *gutbucket*. As part of the analysis of the semantic subgroup *Intestine*, we consider the above lexeme in more detail.

Separately, we note that the lexical unit *gut* has similar meanings in both the standard (digestive tract, bowel) and substandard (intestine) layers of the English language. However, the transcription interpretation and pronunciation of this lexeme differs depending on the language level, as reflected in Richard Spears' «Dictionary of American Slang» and the analyzed lexicographical

sources of literary English. Thus, the designation [gʌt] is typical for the standard register of the English language, while [gət] is used in the low register.

The analyzed lexical unit has several complementary meanings: the tube or the canal inside the body through food passes from the stomach; all the organs inside the body; some kind of contents. This interpretation allows us to identify a number of features that form the basis for the nomination of the considered lexical unit at the substandard layer of English:

- location (inside the body);
- availability of contents;
- indication of the contents nature (food);
- define the main function of the organ (food movement);
- characteristics of the organ shape (similar to a tube or channel, i.e. extensive).

The results of the analysis are presented in Table 4.

Table 4

Characteristic features of the internal organ intestine at the level of the substandard layer of the English language

Function	Location	The nature of contents	Shape
Food movement	Inside the body	Food	Extended organ

Thus, the internal organ *intestine* at the substandard lexical layer of the English language is *an extended internal organ, which function is to move the food.*

In addition to the semantic subgroups analyzed above, the semantic group of *Human organs* includes lexical units *raspberry*, *ticker*, *tick-tocker*, *engine*, *life machine* and others, included in the semantic subgroup of the *Heart*. In this study, we consider the lexemes *raspberry* and *ticker*, because they have all the characteristic features that reflect the definitional meaning of the internal organ *heart* at the substandard

layer of the English language.

We single out the main features of the nomination that characterize the internal organ *heart* at the level of linguistic substandard:

- size of the organ;
- color of the organ;
- the main properties of the organ (softness, surface heterogeneity);
- features of the work of this organ – uniformity, accuracy, periodicity (as a certain mechanism).

The results of the analysis are presented in Table 5.

Table 5

Characteristic features of the internal organ heart at the substandard layer of the English language

Lexical unit	Features that appear at the substandard layer			
	Size	Color	Properties	Particularities
raspberry	+	+	+	-
ticker	-	-	-	+

The lexeme *raspberry* has three equivalent features – the reference to the size, color and basic properties of the described internal organ.

The lexeme *ticker* shows the only feature that forms the basis of a nomination at the substandard layer - the reference to the characteristic features of the work of the described organ.

Thus, the internal organ *heart* at the substandard lexical layer of the English language is *a small organ consisting of soft tissues of dark red color, working as a mechanism, with certain accuracy and cyclicity*.

The semantic subgroup *Throat* within the framework of the lexical-semantic group *Human organs* is most fully represented by lexemes *long lane*, *gully*, *red lane* and *swallow* at the substandard layer of the English language.

The definition analysis of the lexeme *lane* at the level of the standard layer of the English language allows us to identify the main characteristics that were taken into consideration during the nomination of the lexical unit «lane» at the substandard layer:

- availability of space;
- the reference to the main features (length, width);
- availability of boundaries.

The lexical unit *lane*, denoting the human organ *throat*, has two derivative lexemes *long lane* and *red lane*, according to Eric Partridge's publication «Slang to-day and yesterday». In that regard, we note, that the signs underlying the nomination of the lexical unit *long lane* at the substandard layer, expanded by pointing to the elongated shape of the organ. An additional feature underlying the nomination of the lexical unit *red lane* at the substandard layer is pointing to the color of this human organ.

Next, we identify the main features underlying the substandard category of the lexeme *gully*, using its interpretation at the level of the language standard, which

we analyzed during the detailed analysis:

- availability of a certain shape (narrow, elongated object);
- ability to pass certain contents (water).

In addition to the above lexemes, in this study, we consider the lexical unit *swallow* which also represents the human organ *throat* at the substandard layer of English.

The definitional analysis allowed us to conclude that this lexical unit at the level of literary English has the following meaning: a movement with the throat during having a meal to pull the meal from the mouth to the stomach. However, it should be noted that in the presented lexicographical publications the meaning of the lexical unit *swallow* as a noun is not the main one, it is fixed in dictionaries as the second meaning. This fact shows that the most common meaning is the meaning of the verb. Nevertheless, only the meaning of a noun was fixed at the substandard layer, describing the characteristic features of this organ without reference to the verbal function. In the analysis of the standard lexicographical publications, we have recorded the fact of the presence of the meaning «throat» in the interpretation of the lexical unit *swallow* (A modern dictionary of the English language by Macmillan and Co, 1911). However, this meaning doesn't appear in a later edition of this dictionary (electronic version 2002), that proves that this meaning is out of use at the standard layer of the English language.

On the basis of the above interpretation, we point out the main feature underlying the nomination of the lexical unit *swallow* at the substandard language layer – reference to the main functions of the *throat* (swallowing, pulling the food).

The results of the analysis of substandard lexical units denoting the human organ *throat* are presented in Table 6.

Table 6

Characteristic features of the internal organ throat at the substandard layer of the English language

Lexical unit	Features that appear at the substandard layer			
	Functions	Color	Shape	Particularities
long lane	-	-	+	+
red lane	+	+	-	+
gully	-	-	+	+
swallow	+	-	-	-

Thus, the internal organ *throat* at the substandard lexical layer of the English language is *a narrow elongated organ of dark red color, the main function of which is pushing the food from the mouth to the stomach.*

The dictionary «Medical Slang and Jargon» by John H. Dirckx marked the lexeme *voice box*, denoting the human organ *larynx*. In other substandard lexicographic sources analyzed by us, lexical units denoting the human organ *larynx* are not fixed. However, the presence of this lexeme allows us to distinguish a subgroup of the *Larynx* as a part of the semantic group *Human organs*.

Lexeme *box* is an integral part of the lexical unit *voice box*, was considered in the analysis of the lexeme *fuse box*, denoting internal organ *brain* at the level of substandard. It was found that the basis of the nomination of the lexeme *box* at the substandard layer of the English language is signs of the availability of space and the ability to hold certain contents.

According to the data of our definition analysis, the lexical unit *voice* at the level of the standard layer of the English language has 2 main meanings: *the sound made by the mouth when you speak or sing; an opinion on a particular topic or a vote during the election.* In our opinion at the level of the substandard layer of the English language the lexeme *voice* is presented in a single meaning (the sound made by the mouth when you speak or sing). Thus, the basis of the nomination of the lexeme *voice* is a sign indicating the ability to produce sounds. Based on the above analysis, we note that the nomination of the lexical unit *voice box*, denoting the human organ *larynx*, is based on the following features:

- space availability;
- ability to hold certain contents (voice box);
- ability to produce sounds.

In the analysis of the semantic group *Human organs*, we note the subgroup *Tongue*, which is represented at the level of linguistic substandard in 13 lexemes and will be considered on the example of lexical units *red flannel, rag, tape*.

We point out the meaning of the lexical unit *flannel* at the level of literary English: *soft, warm cloth.* Based on this definition, we note that the basis of the nomination of this lexeme at the substandard layer of the English language is a sign of reference to the properties of the human organ *tongue* – softness, flexibility (like a fabric that has the ability to change shape).

Separately, we note that in the online dictionary of the standard English language Collins Dictionary the lexeme *flannel* in addition to the above has additional meaning with a label *British informal*: [British, informal] *indirect or evasive talk; deceiving flattery.* This definition allows us to distinguish additional feature underlying the nomination of the lexeme *flannel* at the level of

substandard – reference to the quality characteristics of the reproduced speech.

The lexeme *red* as an integral part of the lexical unit *red flannel* was analyzed by us in considering the lexical units, denoting the human organ *throat*. As part of this lexical unit, the lexeme *red* indicates an analogous sign of nomination at the substandard level – reference to the color of the organ.

The lexical unit *red* according to our study, at the level of the standard layer of the English language is *a shred or a worn fragment of any material.* The basis of the nomination of this lexeme at the substandard level is the reflection of the properties of the human organ tongue – softness, surface heterogeneity, flexibility. In addition, we note the presence of an additional feature – lexical units *scrap, shred, torn, worn, old*, fixed in the meaning of the lexeme *rag* at the standard language level, indicate a poor quality of speech reproduced by this organ.

The next lexical unit, which is part of the semantic subgroup *Tongue*, is the lexeme *tape*. The meaning of the considered lexeme at the level of the standard layer of the English language is *a long, thin, narrow plastic or woven strip, that can be used to record sounds and pictures or for strings and tie things.* On the basis of this definition, we identify the main features underlying the nomination of the lexeme *tape* at the substandard layer:

- metric characteristics of this organ (long, narrow, thin);
- reference to the functions of the organ (sound reproduction, object binding – in this case, the conversion of sounds into speech).

Thus, the nomination of the lexical units that characterize the human organ *tongue* at the substandard layer is based on the following features:

- indication of the function of the organ (playing the sounds, the conversion of sounds into speech) – is present on the basis of the nomination of the lexeme *tape*;
- indication of the properties of the organ (softness, flexibility, mobility) – is present on the basis of the nomination of the lexemes *red flannel, rag*;
- indication of the color - is present on the basis of the nomination of the lexeme *red flannel*;
- reflection of the metric characteristics of the human tongue (length, width, thickness) - is present on the basis of the nomination of the lexeme *tape*;
- indication of participation in the process of reproduction of speech (low quality of the reproduced speech, participation in flattery and deceit) – is present on the basis of the nomination of the lexemes *red flannel* and *rag*.

The results of the analysis of substandard lexical units of the semantic subgroup *Tongue* are shown in table 7.

Table 7

Characteristic features of the human organ *Tongue* at the substandard layer of the English language

Lexical unit	Features that appear at the substandard layer				
	Functions	Properties	Metric characteristics	Color	Participation in the process of speech production
red flannel	–	+	–	+	+
rag	–	+	–	–	+
tape	+	–	+	–	–

Thus, the human organ *tongue* at the substandard lexical layer of the English language is *an elongated narrow movable organ of dark red color, involved in the process of speech production of a certain quality*.

A subgroup of *Reproductive organs* is quite numerous within the semantic group of *Human organs*. This subgroup belongs to the category of taboo vocabulary and the consideration of it is not included in the objectives of this study. The substandard lexicographic sources considered by us contain 37 lexical units denoting the male reproductive organs, and 42 units denoting the female internal and external reproductive organs. The details of the lexemes fixed in dictionaries with certain labels, namely: *the term of unknown derivation; a pejorative term; a vulgarism; an obscure vulgarism; common colloquial term; an euphemism; a humorous euphemism, an abbreviation; a vogue term*.

In conclusion, we note that the detailed analysis of the lexical-semantic group *Human organs* revealed, that only within the semantic subgroup *Tongue* were fixed lexical units in the basis of the nomination of which was noted the presence of additional features, not included in the basic nomination, formed according to lexicographic sources of the standard language layer. Such features as an indication of the low quality of speech and the ability to participate in in flattery and deceit, which are not the basic characteristics of the internal human organ *tongue* are present in the basis of the nomination of lexemes *red flannel* and *rag* at the level of the substandard layer of the English language.

Thus, there were no additional features beyond the basic nomination in the other considered substandard lexical units. It should be noted that each lexical unit objectifies one or another feature, which is a pragmatic component of the evaluation of this lexical group.

References

1. Alekseyeva A.A. Boundaries of naïve discourse: a problem statement // Novosibirsk State University Bulletin. History, Philology series. 2017. Vol. 16. № 6: Journalism. P. 74-80.
2. Grachyov M.A. Dictionary of thousand-year Russian argo: 27 000 words and expressions. Ul'yanovsk, 2003. 1120 p.
3. El'tsova L.F. Medical slang as a component of the language of medicine. URL: www.gramota.net/materials/2/2017/11-2/18.html (data of access: 12.02.2019).
4. Fayziyeva G.V. The study of youth slang: main approaches, problems and directions // Humanities Research. 2016. № 2 (58). P. 38-44.
5. Shveytser A.D. Social differentiation of the English language in the USA. M.: Nauka, 1983. 216 p.
6. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (date of access: 18.02.2019).
7. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (date of access: 05.02.2019).
8. Dirckx John H. «Translation, please! Medical Slang and Jargon» // e-Perspectives. 2015. URL: <http://www.hpisum.com/08.dirckx49.pdf> (date of access: 10.12.2018).
9. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary. M.: Russkiy yazyk, 1982. 544 p.
10. Hotten John Camden. A Dictionary of Slang, Cant and Vulgar Words. L., 1860. 324 p.
11. Internet and Text Slang Dictionary. URL: <https://www.no-slang.com/dictionary/> (дата обращения 21.09.2018).
12. Macmillan and Co. A Modern Dictionary of the English Language. L., 1911. 784 p. URL: <https://www.twirpx.com/file/2367307/> (date of access: 16.12.2018).
13. Partridge E. Slang To-Day and Yesterday. L.: Routledge and Kegan Paul LTD, 1954. 496 p.
14. Skeat Walter W. «An etymological dictionary of the English language». L.: Oxford University Press Warehouse, 1910. 886 p.
15. Spears Richard A. Dictionary of American Slang. M.: Russkiy yazyk, 1991. 528 p.
16. The Online Slang Dictionary // <http://onlineslangdictionary.com/> (date of access: 10.09.2018)
17. Thorne Tony «Dictionary of Contemporary Slang». L.: A&C Black, 2007. 513 p.
18. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (date of access: 16.01.2019).

Авторская эвиденциальность в пространстве современного художественного дискурса

Представление о современной языковой картине мира, в частности – о ее художественной разновидности, где весьма значительна роль языковой личности автора [см., например: 2 и др.], не было бы полным без учета такой антропоцентрической (антропогенной) категории, как эвиденциальность – авторское отношение к источнику информации о сфере ленотации, включаемой говорящим в коммуникацию.

Термин «эвиденциальность» был впервые употреблен американским лингвистом и антропологом Ф. Боасом, изучавшим структуру предложения и использовавшим его для эксплицитного указания источника сведений говорящего при изучении структуры предложения в языке североамериканских индейцев квакиутль [27]. Тем не менее на протяжении многих последующих лет эвиденциальность не рассматривалась учеными в качестве универсальной грамматической категории. Она освещалась как «экзотическая» категория, характерная для узкого круга языков [15]. Стимулом к дальнейшему исследованию эвиденциальности явилась статья Р.О. Якобсона [23: 96], в которой филолог рассматривал проявление данной категории в болгарском языке.

После публикации работы Р.О. Якобсона во многих языках стали выделять признаки присутствия эвиденциальности, – в частности, в балканских языках, где данная категория представлена в грамматических формах. По мнению В.А. Плуногяна, с увеличением количества исследований и анализируемых языков категорию эвиденциальность необходимо рассматривать как элемент Универсального грамматического набора [15: 143].

Наряду с термином «эвиденциальность» ученые, изучавшие отношение говорящего к источнику информации, использовали и иные квалификаторы, в частности – «data-source marking», или «медиатив», введенный в 1956 г. французским топологом Ж. Лазаром и получивший распространение во франкоязычной лингвистике [27]. В отечественной лингвистике «эвиденциальность» получила такие названия, как «пересказывательность», «очевидность/неочевидность», «заглазность», а также «засвидетельствованность/незасвидетельствованность» [10].

Одной из первых попыток представить типологический анализ систем эвиденциальности явилось исследование Н.А. Козинцевой, которая разделила языки в зависимости от выражения в источниках информации на две группы: а/ субъект коммуникации может строить высказывание без указания источника своих знаний; б/ говорящий в определенных условиях обязан обозначить источник сведений. В качестве такого источника могут выступать: а/ собственные наблюдения субъекта коммуникации – прямое свидетельство; б/ информация, полученная из вторых рук – непрямое / косвенное свидетельство [9].

А. Айхенвальд представила иную типологию рассматриваемой категории, выделив два вида эвиденциальных систем: согласно первому типу, наличие источника сведений является необходимым, однако тип источника не указывается. В свою очередь, в системах второго типа присутствует четкое разграничение источников информации. Лингвист также приходит к выводу о том, что эвиденциальные показатели выступают в качестве неотъемлемой характеристики большинства языков мира [24: 7].

В 2011 году американский ученый Ф. де Хаан, специалист в сфере эвиденциальности и модальности, разделил языковые системы в зависимости от морфологического способа отображения в них категории «эвиденциальность» на три группы, обозначив на карте мира эвиденциальные системы с отсутствием грамматического маркирования, системы, в которых существует исключительно косвенная эвиденциальность, а также обе разновидности эвиденциальности – прямая и косвенная. Исследование лингвиста представлено в рамках проекта «Всемирного атласа языковых структур», а содержащиеся в нем сведения помещены в онлайн-базу данного проекта [26].

В исследованиях как отечественных, так и зарубежных ученых рассматривалась взаимосвязь категории «эвиденциальность» и «модальность», а также осуществлялась попытка подробно описать функционально-семантическое и коммуникативно-прагматическое поля рассматриваемой категории [4; 14; 19]. Область репрезентации модальных значений категории «эвиденциальность» довольно обширна и может иметь различное определение, в том числе в вопросе того, какие значения относить к модальным. Определенная часть лингвистов рассматривает модальность как часть либо как отдельный компонент модуса. Так, Н.Н. Самсонова определяет три базовых единицы логико-семантического поля предложения: диктум (как предмет коммуникации), модальность (как признак, указывающий на отношение субъекта к миру, в соответствии с которым диктум можно рассматривать как актуальный, неактуальный, вероятный, случайный) и модус, репрезентирующий отношение говорящего к диктуму и модальности (модус знания/незнания, позитивной/негативной оценки) [17: 24]. В результате эвиденциальность предстает как языковая категория, характеризующаяся планом содержания и планом выражения, в структуре которой можно выделить пропозитивную (P) и рамочную (EV) части, при этом Г сообщает о том, что [X видел/полагает/узнал, что] P, где Г – говорящий, X – субъект модуса EV («владелец» информации) [9: 14]. Подобной позиции придерживается и В.С. Храковский, который относит второстепенную информацию о событии к модусной части эвиденциального высказывания [20: 126]. Таким образом, «эвиденциальность» предстает как

модусная категория, исполняющая функцию обозначения источника сведений о передаваемом событии и является актуальным инструментарием освещения человеческого фактора в языке.

Итогом данного направления исследований категории «эвиденциальность» стала международная конференция по модальности и эвиденциальности в европейских языках, состоявшаяся в 2014 г. в Мадриде, в ходе которой особая роль отводилась семантическому полю эвиденциальности, а также рассматривались гендерные различия в употреблении инферентивной эвиденциальности, изучен когнитивный аспект категории «эвиденциальность» в различных языках мира, ее реализация в различных типах дискурса [29].

Обращение к дискурсу связано с выявлением минимальных эвиденциальных единиц, принадлежащих к «дискурсивному уровню». В роли таких единиц А.А. Кибрик предлагает рассматривать клаузы, к важнейшим характеристикам которых относятся тематическая структура и диалогическая функция [7]. Эвиденциальные высказывания относятся к системе клауз, составляющих дискурс и описывающих интерактивную деятельность говорящих, обмен информацией, оказание воздействия друг на друга с применением различных коммуникативных стратегий.

Повышенный интерес к особенностям функционирования художественного дискурса обуславливает его изучение в русле различных дисциплин. В настоящее время активно развивается направление, связанное с анализом художественного дискурса в рамках лингвосинергетики, которая обнаруживает тесную связь с процессами языковой самоорганизации. Синергетический анализ языка позволяет получать знания о смыслообразовании и организации процессов коммуникации, что, как следствие, приводит к обращению к исследованию категории «эвиденциальность» с позиций лингвосинергетики.

В рамках данного направления под эвиденциальным высказыванием понимается дискурсивная единица, содержащая указание на источник и выражающая отношение субъекта коммуникации к передаваемой информации, а эвиденциальность рассматривается как модусная категория, которая не только определяет источник сведений, но и включает их интерпретацию и коммуникативную оценку говорящим. Эвиденциальность может обладать неявной или ярко выраженной системой лингвистических показателей [12]. К числу таких показателей относятся глаголы, модальные вводные слова, наречия, существительные, прилагательные, а также устойчивые словосочетания [8]. Данные показатели образуют 10 групп эвиденциальных операторов: «неявного указания» (intimate, imply, glimpse, rumour has it), «явного указания» (announce, remark, report, say, information, report, statement, naturally, reports say), «умственного восприятия» (forget, recollect, remember, remembrance, memorably, unforgettable), «чувственного восприятия» (feel, notice, see, watch, visually, look like), «мыслительной деятельности» (realize, think, understand, mind, reflect, thought, advisedly), «уверенности в знании» (conclude, know, evidence, fact, undoubtedly, evidently, of course, evident, obvious, without a shadow), «предчувствия» (expect, predict, suspect, expec-

tation, expectedly, possible, according to expectations), «сомнения» (hesitate, suppose, admit, hesitation, maybe, probably, supposedly, it appears), «усиления значимости высказывания» (declare, emphasise, point out, proclamation, declared, stated), «выражения мнения» (accept, consider, find, regard, idea, view point, happily, generally speaking) [11: 33].

Перечисленные маркеры категории «эвиденциальность» придают сведениям дополнительные смыслы, которые логично изучать в пространстве художественного дискурса. Это определяется как спецификой значений эвиденциальности, так и особенностями эвиденциальных операторов – коммуникативно-прагматическим потенциалом и нарративной функцией. Следовательно, категорию «эвиденциальность» целесообразно рассматривать в пределах такой структурной единицы дискурса, как эвиденциальный дискурсивный контекст. Данный контекст содержит ситуационный и речевой компоненты [3]. Ситуационный компонент представляет описание ситуации (контекст), а речевой компонент включает эвиденциальное высказывание, в профаза (подготовительной фазе) которого содержится эвиденциальный оператор, репрезентирующий оценку информации субъектом коммуникации и определяющий источник сведений, а эпифаза (исполнительная фаза) уточняет, изменяет или результирует смысл, носителем которого является «профаза» [1: 120]. Таким образом, значение эвиденциального высказывания находится в зависимости от порядка смыслов, содержащихся в профаза и эпифазе, а эвиденциальный ресурс определяется коммуникативной стратегией дискурса.

Особым значением при изучении функционирования эвиденциальности в пространстве дискурса обладает вопрос определения источника эвиденциального высказывания, в качестве которого может выступать автор произведения либо персонажи. Такая дифференциация особенно важна при рассмотрении процессов смыслопорождения и способов воздействия полученных аксиологических смыслов на читателя, его восприятие и интерпретацию сведений [13: 154]. Очень часто высказывания персонажей могут быть выявлены на фоне авторских, в которые они различным образом влетаются. Следует отметить, что чужая речь может обладать внешним или внутренним характером – быть произнесенной или непроизнесенной. Эвиденциальность обнаруживается и в диалоге, и в особом стилистическом приеме, создающем полифонический эффект в репрезентации повествования – в несобственно-прямой речи [6: 221]. Однако и в диалоге, где авторство выражается в аранжировке дискурса, в самой последовательности вопросительных и ответных реплик, и в несобственно-прямой речи, где используются разнообразные средства, обуславливающие гетерогенность включений, система эвиденциальных операторов представлена в соответствии со спецификой дискурса – не так полно, как это возможно в авторской речи [21: 9-13]. Кроме того, персонажная речь может считаться таковой лишь условно, поскольку в действительности читатель сталкивается с авторским повествованием [17]. Это связано со спецификой художественного дискурса, который предполагает авторский художественный вымысел. Перечисленные факторы являют-

ся основанием для того, чтобы сосредоточить внимание на рассмотрении эвиденциальных высказываний в речи автора и, как следствие, выделить авторскую эвиденциальность в пространстве художественного дискурса.

Данный вид категории «эвиденциальность» представляет авторскую характеристику источника информации, а также интерпретацию и коммуникативно-прагматическую оценку сведений субъектом коммуникации как актуальной/потенциальной, либо достоверной/недостоверной. Автор является хозяином и интерпретатором презентуемой информации, выступает в качестве автора речевого сообщения в эвиденциальном дискурсивном контексте и актуализируется в форме конкретного, гипотетического, обобщенного либо автоцитируемого автора, а также квази- и псевдоавтора [22: 13]. Наряду с этим в ходе развертывания эвиденциального высказывания личность автора речевого сообщения репрезентируется как в совокупности высказываемых идей, так и на уровне употребления различных лингвистических средств. Тем самым в пространстве дискурса авторская эвиденциальность является элементом структурного образа субъекта дискурса и объединяет все стилистические средства в особую словесно-художественную систему, вокруг которой создается стилистическая система всего художественного произведения, что в итоге определяет восприятие сведений читателем.

Немаловажно, что рассмотрение особенностей формирования и функционирования авторской эвиденциальности в дискурсе может быть наиболее полно изучено на примере детективной прозы. Для указанного жанра характерно частое употребление эвиденциальных конструкций в процессе повествования с целью оказания определенного воздействия на читателя [5: 27]. В связи с этим в качестве материала данного исследования были использованы дискурсивные контексты из детективного романа Сирил Хейр «Чисто английское убийство», полученные методом сплошной выборки. Как показал проведенный дискурсивный анализ, в зависимости от характера воздействия автора эвиденциального высказывания на информацию и ее источник и особенностей коммуникативной ситуации, учитывающей коммуникативные условия, прагматические, когнитивные, психо- и экстралингвистические факторы, возможно выявить следующие подвиды авторской эвиденциальности в дискурсивном пространстве:

(а) «Аукториальная эвиденциальность»

Для данного подвида эвиденциальности характерно использование операторов, которые содержат авторские замечания и эмоциональную оценку событий помимо определения источника сведений. Тем самым «аукториальная эвиденциальность» служит для выражения интерпретативной авторской позиции и актуализируется в высказываниях, характеризующихся речевой оценкой повествователя при помощи операторов «предчувствия», «выражения мнения», «уверенности в знании», «сомнения», «усиления значимости высказывания», «мыслительной деятельности» и «неявного указания». Приведем пример:

Carstairs! The name recurred to him with a hint of irritation. Yes, undoubtedly that fellow had come a long

way and was going further yet. More than one informed writer had spoken of him as the next Chancellor of the Exchequer, and Sir Julius, with the realism of an experienced politician, admitted to himself that nobody could last for ever and that he should be thankful that there should be such capable shoulders waiting to take up the burden, when the time came for him to lay it down [26] / Карстерс! Это имя вновь всплыло перед ним, вызвав легкое раздражение. Да, несомненно, этот парень проделал большой путь и пойдет еще дальше. Не один хорошо осведомленный журналист говорил о нем как о будущем министре финансов, и сэр Джулиус с реализмом опытного политика допустил, что никто не вечен, и он должен быть благодарен, что имеются такие надежные плечи, готовые принять на себя ношу, когда для него придет время сложить ее с себя (здесь и далее перевод автора статьи. – Д.К.).

Данный дискурсивный отрывок репрезентирует раздумья министра финансов лейбористского правительства сэра Джулиуса Уорбека о своем коллеге Аллане Карстерсе. Автор стремится донести до читателя позицию министра, а эвиденциальность рассматриваемого отрывка передается за счет использования оператора «уверенности в знании» *undoubtedly / несомненно (used for saying that something is definitely true [30] / используется, чтобы говорить о том, что определено является истиной)*, содержащего субъективную характеристику карьерных перспектив Карстерса, а также оператора «сомнения» *admit / допускать (to agree unwillingly that something is true or that someone else is right [30] / неохотно соглашаться, что что-либо является истиной или кто-то другой прав)*, указывающего на нежелание Д. Уорбека признавать заслуги своего подчиненного. При этом как в первом, так и во втором случае автор опирается на точку зрения министра финансов, основанную на информации, полученной от третьих лиц, что свидетельствует о косвенном способе получения сведений.

(б) «Имперсональная эвиденциальность»

В отличие от «аукториальной эвиденциальности», «имперсональная эвиденциальность» – это нейтральный подвид, в котором отсутствует индивидуализированный центр ориентации и, вследствие этого, функция интерпретации. Значение «имперсональной эвиденциальности» заключается в указании на источник сведений, а также в определении способа и особенностей получения информации. Смыслы, актуализируемые при помощи данного способа передачи сведений, описывают информацию как полученную на основании наблюдения, от «третьих лиц», либо выведенную логически. Исходя из этого, дефиниция «имперсональной эвиденциальности» оказывается наиболее приближенной к традиционному пониманию эвиденциальности как категории, маркирующей источник получения сведений. Данный эвиденциальный подвид актуализируется в дискурсе посредством операторов «умственного восприятия», «чувственного восприятия» и «явного указания». Приведем пример:

He felt a little pride as he remembered that Carstairs had been his discovery in the first place. There could have been few who foresaw ten years ago the position that that young man was likely to attain, and Sir

Julius, who was not usually slow to give himself credit for his own achievements, gave himself full credit for having been one of them [28]. / Он ощутил легкую гордость, вспомнив, что первым заметил Карстера. Десять лет назад немногие могли предвидеть, какого положения достигнет этот молодой человек, и сэр Джулиус, который обычно любил похвалить себя за заслуги, не упустил возможность полностью воздать себе должное за то, что он один из этих немногих.

Анализируемый отрывок представляет собой авторское описание суждений сэра Джулиуса Уорбека. Данный дискурсивный отрывок носит характер авторского размышления, а эвиденциальность актуализируется при помощи операторов «чувственного восприятия» *feel / чувствовать (to experience a particular physical feeling or emotion [30] / испытывать определенное физическое чувство или эмоцию)* и «умственного восприятия» *remember / помнить (to have a picture or idea in your mind of people, events, places etc from the past [30] / иметь представление о картине событий, либо идею по поводу событий, людей, мест и т.д. из прошлого)*, придающих воспоминаниям министра нейтральный характер и указывающих на непосредственный способ получения информации.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в зависимости от характера воздействия автора эвиденциального высказывания на передаваемые сведения и особенностей дискурсивного контекста представляется возможным выделить два подвиды авторской эвиденциальности – ауториальную (репрезентирующую авторскую оценку событий) и имперсональную (указывающую на источник информации).

Как показал анализ, функционирование «ауториальной эвиденциальности» (65,6% примеров) в высказывании репрезентируют операторы «предчувствия» (15,6 %), «выражения мнения» (14%), «уверенности в знании» (13,7%), «сомнения» (6,4%), «усиления значимости высказывания» (6,3%), «умственного восприятия» (5,4%) и «неявного указания» (4,2%). В свою очередь «имперсональная эвиденциальность» (34,4% примеров) выражается операторами «мыслительной деятельности» (7,6%), «чувственного восприятия» (13,5%) и «явного указания» (13,3%). Полученные результаты позволяют говорить о преобладании «ауториальной эвиденциальности» в авторской речи в англоязычном дискурсивном пространстве. Это во многом определяется стремлением автора оказать как можно более сильное влияние на читателя за счет использования эмоционально-окрашенной лексики для достижения коммуникативной цели, определяемой дискурсивным контекстом. В свою очередь, «имперсональная эвиденциальность» выполняет «повествовательную» функцию, то есть используется для передачи основного содержания произведения без учета эмоционального состояния его автора. Различная маркировка передаваемой информации также связана с особенностями функционирования внутриязыковых лексико-грамматических ресурсов и лингвокультурными факторами. Так, англоязычные говорящие в большей мере озабочены формой высказывания и демонстрируют высокий уровень доверия к словам собеседника.

Немаловажно, что в пространстве современного художественного дискурса приведенные подвиды авторской эвиденциальности находятся в отношении интерференции, представляющей сложнейший способ взаимодействия эвиденциальных операторов. Очевидно, что любой дискурс содержит набор переплетающихся и взаимопроникающих эвиденциальных высказываний, наполненных авторским видением. Описанные подвиды авторской эвиденциальности взаимодействуют друг с другом, способствуют диалогу автора с читателем и придают описываемым событиям дополнительные аксиологические смыслы, определяющие особенности восприятия и интерпретации читателем информации.

Библиографический список

1. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. М.: Либроком, 2011. 288 с.
2. Буров А.А. Формирование современной русской языковой картины мира (способы речевой номинации). Пенза: Изд-во ПГУ, 2010. 305 с.
3. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 2000. 189 с.
4. Григоренко М.Ю. Функционально-семантическое поле эвиденциальности в современном русском языке. Белгород, 2011. 211 с.
5. Зарайский А.А. Проблема анализа текста и роль контекста ситуации (на примере преемственности лингвистических взглядов Дж. Р. Ферса и М. А. К. Хэллдея) // Язык и мир изучаемого языка. Саратов: Изд-во Саратовского государственного университета, 2013. Вып. 4. С. 25-31.
6. Исмаилова О.И. Стилистическое использование прецедентных феноменов в медиатексте // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2016. № 10. С. 219-224.
7. Кириков А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дисс. в виде научн. докл. д-ра филол. наук. М., 2003. 90 с.
8. Кобрин О.А. Категория эвиденциальности в современном английском языке: Семантика и средства выражения: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. СПб., 2003. 159 с.
9. Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. № 3. 1994. С. 92-104.
10. Козинцева Н.А. Типология категории засвидетельствованности // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / Ин-т лингвистических исследований РАН; отв. ред. В.С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. С. 13-36.
11. Козловский Д.В. Категоричная и некатегоричная эвиденциальность в англоязычном дискурсивном пространстве // Филология и культура. 2017. № 1 (47). С. 30-36.
12. Козловский Д.В. Классификация видов эвиденциальности в зависимости от субъекта коммуникации в пространстве современного художественного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3-2 (81). С. 333-337.
13. Макаева М. Н. Риторика художественного текста и ее герменевтические последствия: дис. ... докт-ра филол. наук. Тверь, 2000. 329 с.
14. Ницолова Р. Взаимодействие эвиденциальности и адмиративности с категориями времени и лица глагола в болгарском языке // Вопросы языкознания. 2006. Вып. 4. С. 27-45.
15. Плузьян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. Изд. 2-е, исправл. М.: Едиториум, 2018. 288 с.

- риал УРСС, 2003. 384 с.
16. Плунгян В.А. Универсальный грамматический набор как инструмент грамматической типологии (Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы: Материалы и тезисы докладов. СПб., 2011. С. 142-145
  17. Самсонова Н.Н. Структура и функции вопросительных предложений (типа русских вопросов со словом «как»): автореф. дис. канд. филол. наук. М. 1989. 27 с.
  18. Спиридонова Т.А. Вопросы структурной, функциональной и когнитивной лингвистики: теория и практика // Сборник научных трудов по материалам международной конференции. Саратов, 2007. С. 150-156.
  19. Стернин И.А. Русское коммуникативное сознание // Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж: Истоки, 2002. Вып. 3. С. 5-13.
  20. Храковский В.С. Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб.: Наука, 2007. 634 с.
  21. Шарапова Ю.В. Несобственно-прямая речь в функционально-коммуникативном и структурно-семантическом аспектах (на материале английского языка). Автореф. дис. канд. филол. наук. СПб, 2001. 18 с.
  22. Шестухина И.Ю. Категория эвиденциальности в русском нарративном тексте: коммуникативно-прагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2009. 17 с.
  23. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 95-113.
  24. Aikhenvald A.Y. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004. 480 p.
  25. Boas F. Introduction. In: Handbook of American Indian Languages. Washington, 1911. P. 1-83.
  26. De Haan F. Semantic Distinctions of Evidentiality // The World Atlas of Language Structures Online / Max Planck Digital Library. Munich, 2011. URL: <http://wals.info/chapter/77> (дата обращения 08.09.2018).
  27. Guencheva Z. L'enonciation mediatisee. Louvain; Paris, 1996. 401 p.
  28. Hare C. An English Murder. URL: <https://libcat.ru/knigi/detektivy-i-trillery/kllassicheskij-detektiv/61227-cyril-hare-an-english-murder.html> (дата обращения: 20.01.2019).
  29. Langacker R.W. (University of California, San Diego) Evidentiality in Cognitive Grammar. URL: <https://doi.org/10.1075/pbns.271.02lan> (дата обращения 18.01.2019).
  30. Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <http://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 28.01.2019).
  31. RGT-EU, 2013. Vyp. 4. S. 25-31.
  32. Ismailova O.I. Stilisticheskoye ispol'zovaniye pretsedentnykh fenomenov v mediatekste // Nauchnoye obozreniye: gumanitarnyye issledovaniya. 2016. № 10. S. 219-224.
  33. Kibrik A.A. Analiz diskursa v kognitivnoy perspektive: diss. v vide nauchn. dokl. d-ra filol. nauk. M., 2003. 90 s.
  34. Kobrina O.A. Kategoriya evidentsial'nosti v sovremennoy angliyskom yazyke: Semantika i sredstva vyrazheniya: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. SPb., 2003. 159 s.
  35. Kozintseva N.A. Kategoriya evidentsial'nosti (problemy tipologicheskogo analiza) // Voprosy yazykoznanija. № 3. 1994. S. 92-104.
  36. Kozintseva N.A. Tipologiya kategorii zasvidetel'stvovannosti // Evidentsial'nost' v yazykakh Evropy i Azii. Sbornik statey pamyati Natalii Andreyevny Kozintsevoy / In-t lingvisticheskikh issled. RAN; otv. red. V.S. Khrakovskiy. SPb.: Nauka, 2007. S. 13-36.
  37. Kozlovskiy D.V. Kategorichnaya i nekategorichnaya evidentsial'nost' v angloyazychnom diskursivnom prostranstve // Filologiya i kul'tura. 2017. № 1 (47). S. 30-36.
  38. Kozlovskiy D.V. Klassifikatsiya vidov evidentsial'nosti v zavisimosti ot sub'yekta kommunikatsii v prostranstve sovremennoy khudozhestvennoy diskursa // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2018. № 3-2 (81). S. 333-337.
  39. Makeyeva M. N. Ritorika khudozhestvennoy teksta i eye germenevticheskiye posledstviya: dis. ... dok-ra filol. nauk. Tver', 2000. 329 s.
  40. Nitsolova R. Vzaimodeystviye evidentsial'nosti i admirativnosti s kategoriyami vremeni i litsa glagola v bolgarskom yazyke // Voprosy yazykoznanija. 2006. Vyp. 4. S. 27-45.
  41. Plungyan V.A. Obshchaya morfologiya: Vvedeniye v problematiku: Uchebnoye posobiye. Izd. 2-e, ispravl. M.: Editorial URSS, 2003. 384 s.
  42. Plungyan V.A. Universal'nyy grammaticheskoy tipologii (Mezhdunarodnaya konferentsiya, posvyashchennaya 50-letiyu Peterburgskoy tipologicheskoy shkoly: Materialy i tezisy dokladov. SPb., 2011. S. 142-145
  43. Samsonova N.N. Struktura i funktsii voprositel'nykh predlozheniy (tipa russkikh voprosov so slovom «kak»): avtoref. dis. kand. filol. nauk. M. 1989. 27 s.
  44. Spiridonova T.A. Voprosy strukturnoy, funktsional'noy i kognitivnoy lingvistiki: teoriya i praktika // Sbornik nauchnykh trudov po materialam mezhdunarodnoy konferentsii. Saratov, 2007. S. 150-156.
  45. Sternin I.A. Russkoye kommunikativnoye soznaniye // Russkoye i finskoye kommunikativnoye povedeniye. Voronezh: Istoki, 2002. Vyp. 3. S. 5-13.
  46. Khrakovskiy V.S. Evidentsial'nost' v yazykakh Evropy i Azii. SPb.: Nauka, 2007. 634 s.
  47. Sharapova Yu.V. Nesobstvenno-pryamaya rech' v funktsional'no-kommunikativnom i strukturno-semanticheskom aspektakh (na materiale angliyskogo yazyka). Avtoref. dis. kand. filol. nauk. SPb, 2001. 18 s.
  48. Shestukhina I.Yu. Kategoriya evidentsial'nosti v russkom narrativnom tekste: kommunikativno-pragmaticheskoy aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Barnaul, 2009. 17 s.
  49. Yakobson R.O. Shiftery, glagol'nyye kategorii i russkiy glagol // Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya. M., 1972. S. 95-113.

Works Cited

1. Borbot'ko V.G. Printsipy formirovaniya diskursa: ot psikholingvistiki k lingvosinergetike. M.: Librokom, 2011. 288 s.
2. Burov A.A. Formirovaniye sovremennoy russkoy yazykovoy kartiny mira (sposoby rechevoy nominatsii). Pyatigorsk: Izd-vo PGLU, 2010. 305 s.
3. Voloshinov V.N. Marksizm i filosofiya yazyka. M.: Labirint, 2000. 189 s.
4. Grigorenko M.Yu. Funktsional'no-semanticheskoye pole evidentsial'nosti v sovremennoy russkom yazyke. Belgorod, 2011. 211 s.
5. Zarayskiy A.A. Problema analiza teksta i rol' konteksta situatsii (na primere preyemstvennosti lingvisticheskikh vzglyadov Dzh. R. Fersa i M.A.K. Khellideya) // Yazyk i mir izuchayemogo yazyka. Saratov: Izd-vo Sarat. in-ta

Метафора как средство анализа имплицитной информации в политическом дискурсе

Введение

Метафора давно является объектом исследования различных направлений в лингвистике. Рассматривая метафору с учетом трех ее составляющих – семантической, функциональной и структурной, лингвисты разных эпох и научных школ брали за основу разные аспекты метафоры, уделяя внимание то форме, то значению, то воздействию.

Современное языкознание рассматривает метафору и как средство создания образности, и как один из способов словообразования, и как возможность исследования связи языка и мышления, а также изучения лингвокогнитивных особенностей человека.

Огромное количество направлений исследований метафоры можно систематизировать и разделить на 4 основных подхода: риторический (структурно-семантический), прагматический, когнитивный и дискурсивный. Риторический или структурно-семантический подход, начало которому было положено в трудах Аристотеля, сосредоточен на лексико-семантическом моделировании речи, метафора рассматривается как средство повышения красочности. Данный подход позволяет установить компоненты, входящие в семантическую структуру метафоры, но не всегда дает возможность объяснить причину метафорического переосмысления. Структурно-семантический подход рассматривает метафору исключительно как средство художественной образности и один из эффективных способов словообразования.

Прагматический подход, который является совмещением структурно-семантического подхода и теории речевого акта Остина – Серля, сосредоточен на изучении воздействующей, прагматической составляющей метафоры. В нем метафора предстает как особый тип речевого акта, обладающий высокой воздействующей силой со скрытой авторской интенцией. При этом стоит отметить, что данное направление не получило должного развития. В контексте лингвопрагматики метафора рассматривается просто как один из способов речевого воздействия наравне с другими лексическими единицами.

Когнитивный подход, последовательно разрабатывавшийся во второй половине XX века, ставит вопрос о когнитивной метафоре как средстве когнитивной категоризации объективной действительности. В рамках этого подхода метафора переходит из разряда средства усиления образности и воздействия в уникальное лингвокогнитивное явление, детальное рассмотрение которого позволяет ответить на существенные вопросы соотношения языка и сознания. При этом метафора воспринимается не как единица

речи, а как единица языка. Отталкиваясь от метафоры, исследователи выходят на внеречевой уровень осмысления, рассматривая метафору как метод построения мышления человека и даже как способ посмотреть основы логики [9, 10, 11].

Дискурсивный подход, являющийся самым молодым из перечисленных, во многом базируется на достижениях когнитивного подхода, но при этом концентрируется не на отдельной метафоре, а на системе метафорических моделей текста-дискурса и исследует метафоризацию с обязательным учетом всего многообразия экстралингвистических факторов.

Гипотеза

В нашем исследовании мы отталкиваемся от достижений когнитивной метафорологии и определяем метафору как один из способов концептуализации окружающего мира. «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути <...> Наши понятия упорядочивают воспринимаемую реальность, способы нашего поведения в мире и наши контакты с людьми. Наша понятийная система играет, таким образом, центральную роль в определении повседневной реальности» [9: 387].

При этом мы опираемся на основной постулат дискурсивного подхода изучения метафоры, заключающийся в том, что метафора должна изучаться в совокупности со всем многообразием экстралингвистических факторов. В данном случае метафора понимается не как средство когнитивной категоризации одного конкретного индивида, а как отражение общих для определённой группы людей имплицитных категоризационных структур, оказывающих значительное влияние на общественные явления. Как пишет А.П. Чудинов, «при таком подходе предметом исследования становится не отдельная метафора, а система метафорических моделей» [4: 18].

Кроме того, мы рассматриваем метафору с точки зрения ее значительной прагматической функции, то есть как эффективное средство воздействия на реципиента речевого сообщения.

Таким образом, гипотеза данного исследования заключается в нижеследующем:

Метафора, являясь средством концептуализации окружающей действительности, может являться эффективным средством речевого воздействия на коллективного адресата в контексте определенного дискурса.

Эксплицитная и имплицитная значимость информации в тексте не обязательно проявляются равнозначно.

Посредством вычисления метафоричности

отдельных частей текста, посвященных разным темам, можно сделать вывод об имплицитной значимости этих тем для автора речевого сообщения.

Материал исследования

В качестве материала исследования нами выбрано два программных выступления на Церемонии открытия Международного форума «Один пояс – один путь» от 14 мая 2017 года Председателя КНР Си Цзиньпина и Президента Российской Федерации В.В. Путина общим объемом 3735 и 1237 слов соответственно.

Описанная ниже методика исследования в части, касающейся процедуры выявления метафоры, на сегодняшний момент не позволяет осуществлять с большой долей правильности анализ текстов при помощи электронно-вычислительных систем. Так, одна из ключевых подготовительных стадий исследования, а именно выявление метафор, напрямую зависит от классического контент-анализа, выполняемого непосредственно исследователем методом «по словарию». В этой связи обработка сверхбольших объемов текстов требует большого количества времени [1].

На наш взгляд, данного объема материала исследования достаточно для апробирования разработанной нами методики и получения первичной картины достоверности или недостоверности нашей гипотезы. В случае получения противоречивых результатов методика может быть применена к текстам другой тематической направленности. Работу в данном направлении нам предстоит провести в будущем.

Единицей исследования является предложение или сверхфразовое единство, обладающее той или иной степенью метафоричности.

Методика исследования

Ключевым понятием, на котором базируется наше исследование, является метафора. Прежде чем приступить к описанию методики исследования, нам необходимо дать определение метафоры, от которого мы будем отталкиваться при анализе текстового материала.

Итак, совершенно очевидно, что существует бесчисленное количество дефиниций метафоры и метафоричности. Прежде всего мы должны рассмотреть известный двойственный подход к метафоре как к средству образности. С точки зрения семантико-структурного подхода метафора может пониматься в широком и узком смысле.

В.П. Москвин пишет, что в узком понимании «метафора есть разновидность переносного значения, основанная на сходстве образной основы, при условии наличия общего признака между прямым и переносным значением слова» [2: 168]. В широком смысле «все фигуры речи рассматриваются как разновидности метафоры».

В нашем исследовании мы будем опираться на широкое понимание метафоры, то есть определяя тот или иной уровень метафоричности предложения или сверхфразовой единицы, мы предполагаем, что данная единица нашего исследования содержит выражение, наделенное определенной степенью образности, то есть значение некоей лексической единицы, входящей в состав словосочетания, предложения или сверхфразовой единицы, не соответствует своему прямому денотативному значению. При этом непо-

средственная форма реализации этой образности для нас не важна [3: 114].

Кроме того, как мы указывали выше, в нашем исследовании мы опираемся одновременно на прагматический и когнитивно-дискурсивный подход к метафоре. С этой точки зрения метафоризация – это особый механизм массовой категоризации концептов, относящихся к разным областям знания (доменов) с учетом экстралингвистических факторов коммуникации.

Таким образом, с технической точки зрения в данном исследовании метафора есть любое проявление образности, с сущностной точки зрения – это такое эксплицитно выраженное проявление образности, которое является средством целенаправленной категоризации окружающей действительности в сознании коллективного адресата речевого сообщения.

Основа методики нашего исследования уже описывалась в статье «Политическая метафора как эффективное средство воздействия» [3]. Методика базируется на количественном подсчете индекса силы метафоры (МПИ). Этот метод предложен К. де Ландшер [5, 6, 7] и позволяет с разных точек зрения определить степень метафоричности определенного текста.

Исследование, ход и результаты которого были изложены в вышеупомянутой статье, продемонстрировали, что речь Си Цзиньпина отличается значительно более высоким уровнем метафоричности, чем речь В.В. Путина. В числовом выражении МПИ речи Си Цзиньпина равен 14,02, тогда как МПИ речи В.В. Путина равен 7,95. Одной из причин авторы считают особенности китайской языковой традиции, где «метафорам и идиомам уделяется значительно большее внимание» [3: 120].

Тем не менее, зная общеполитический и идеологический контекст внешней политики Китая, мы можем сделать вывод о том, что концепция «Один пояс – один путь» есть ключевое направление развития Китая на международной арене на настоящий момент. Российская Федерация при этом является только лишь одним из многочисленных партнеров Китая в разрезе данной инициативы, которая не имеет в российском внутреннем и внешнеполитическом пространстве такого же большого значения как в китайском.

На основании этого мы полагаем, что низкая метафоричность речи выступления Президента РФ по сравнению с уровнем метафоричности речи Председателя КНР относительно развития инициативы «один пояс – один путь» является закономерным следствием отсутствия необходимости убеждения кого бы то ни было в плюсах данной инициативы. Тем самым мы приходим к логичному выводу о том, что метафора действительно является действенным способом речевого воздействия и, более того, применяется на практике как инструмент этого воздействия.

Основные этапы исследования

Стоит отметить, что данное исследование базируется на результатах исследования, которое описано в статье «Политическая метафора как эффективное средство воздействия». Мы опираемся на имеющиеся результаты с целью углубления понимания

воздействующей силы метафоры и подтверждения указанной выше гипотезы [3].

Тем не менее для полного понимания всех необходимых шагов для проведения аналогичных исследований мы должны продемонстрировать все этапы исследования, которые нужно пройти для получения показательного результата. При этом ход и результаты этапов 1-3 были описаны в вышеупомянутой статье.

Основными этапами нашего исследования стали:

1. Подбор материала исследования.
2. Классический лингвистический анализ или процедура идентификации исследования.

Процедура состоит из пяти шагов. При этом важнейшая роль отводится использованию словарей и интерпретации исследователей:

- 1) исследователь знакомится с содержанием текста;
- 2) исследователь решает, что будет принято за единицу анализа: слово, словосочетание, предложение;
- 3) далее исследуется значение каждой языковой единицы, входящей в состав предполагаемой метафоры;

4) далее сравниваем значение лексической единицы, закрепленное в словарной статье, со значением данной единицы в конкретном контексте;

5) в случае, если значения не совпадают с зафиксированными в словаре, но значение одного элемента может быть интерпретировано сквозь призму другого, единица анализа считается метафорой [3: 113-114].

3. Подсчет метафоричности текста методом определения индекса силы метафоры.

Подробно данный метод описан в упомянутой статье Р.Р. Мавлеева и А.Г. Фомина. Индекс силы метафоры рассчитывается на основе индекса частотности метафоры (MFI, Metaphor Frequency Index), индекса интенсивности метафоры (МИ, Metaphor Intensity Index) и индекса содержания метафоры (МСИ, Metaphor Content Index) [5, 6, 7].

4. Тематическая дефрагментация текста.

На данном этапе методом сплошной текстологической выборки мы разделяем оба текста на тематические блоки. Так как оба исследуемых текста являются публичными политическими выступлениями, выполненными в одной референтной ситуации, а именно на церемонии открытия Международного форума «Один пояс – один путь» (14.05.2017), то общая тематика обоих выступлений также одинакова – инициатива КНР по созданию «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского пути XXI века». Оба политика строго следуют заявленной повестке дня.

В результате тематической дефрагментации текстов мы смогли выявить 4 характерных для обоих выступлений темы:

1. Общая концепция инициативы «Один пояс – один путь»: суть инициативы, ее реализация, ее значимость, перспективы развития (Т1)
2. Экономика: вопросы, касающиеся торговли, финансов, инфраструктурных проектов (Т2)
3. Безопасность: международные вызовы и

угрозы, терроризм, экстремизм (Т3)

4. Сотрудничество: вопросы, касающиеся взаимодействия на международном уровне, взаимодействие и кооперация стран в рамках китайской инициативы (Т4)

5. Подсчет эксплицитной значимости тематических блоков.

На данном этапе мы простым количественным подсчетом определяем значимость выделенных тем относительно плана выражения. Мы считаем процент текста от общего объема, который посвящен каждой из указанных тем в каждом выступлении.

6. Подсчет индекса силы тематической метафоры.

На данном этапе мы так же, как на этапе 3, высчитываем индекс силы метафоры. При этом подсчет происходит сегментированно по каждой из выделенных нами тем. Таким образом, мы получаем индекс силы метафоры всего текста, а также индекс силы каждой тематической метафоры.

7. Сравнение и анализ. В результате сравнения полученных числовых значений мы можем сделать выводы относительно силы метафоры соотносительно с той или иной темой исследуемого нами текста. Подобный анализ позволит нам сделать вывод о зависимости между метафорой и речевым воздействием, так как вполне очевидно, что автор любого речевого высказывания стремится оказать максимальное воздействие в отношении ключевых тем своего высказывания.

Иными словами, метафоричность той части текста, высчитанная методом вычисления силы метафоры, относительно главных тем текста, должна быть выше, чем метафоричность текста, касающегося побочных тем текста.

Кроме того, сравнив числовые значения эксплицитного выражения каждой темы в общем объеме текста со значением индекса силы тематической метафоры, мы можем сделать вывод о соотношении эксплицитной и имплицитной информации в исследуемых текстах.

Результаты исследования

Общие результаты исследования представлены в таблицах ниже.

Таблица 1. Эксплицитная значимость тематических блоков

	T1, %	T2, %	T3, %	T4, %
Си Цзиньпин	31,08	38,4	5,94	23,8
В.В. Путин	27,97	37,9	19,88	13,9

Мы видим, что наиболее значимой с точки зрения плана выражения в речи Си Цзиньпина является тема экономики. Не намного меньшее значение уделяется вопросу общей концепции инициативы «Один пояс – один путь». Это объясняется тем, что на правах основателя данного проекта Председатель КНР на открытии форума безусловно должен донести все выгоды и предпочтения взаимодействия в этом направлении. При этом вопросам безопасности, то есть вызовам и угрозам, с которыми может быть сопряжена реализация китайской инициативы, эксплицитно уделяется небольшое количество текста.

В речи Президента РФ мы наблюдаем, что наиболее объемной стала тема экономического сотрудничества. Очевидно, что Россия как один из участников проекта ожидает прежде всего определенной экономической выгоды. Общей концепции китайской инициативы также уделено большое значение. При этом эксплицитная значимость темы безопасности в речи В.В. Путина значительно выше таковой в речи Си Цзиньпина, что можно объяснить близостью дан-

ной тематики лично Президенту РФ и сложившейся вокруг РФ геополитической обстановкой. Тема сотрудничества, напротив, намного сильнее отражена в выступлении Председателя КНР, что также отражает повестку китайской внешней политики.

Таким образом, эксплицитная значимость тематических блоков в целом соответствует общей политической ситуации, которая сложилась вокруг Китая и России на момент проведения Форума.

Таблица 2. Имплицированная значимость тематических блоков

	MPI- T1	MPI- T2	MPI- T3	MPI- T4	MPIобщий
Си Цзиньпин	12,05097026	8,320111343	28,12097812	7,610830527	14,02572256
В.В. Путин	6,011560694	12,74157303	10,06097561	3	7,953527334

Анализ индекса силы тематической метафоры демонстрирует нам несколько иную картину распределения акцентов в выступлениях политических лидеров.

Наиболее значимой для речи Си Цзиньпина становится безопасность, что свидетельствует о некоторых опасениях, связанных с трудностями и препятствиями в реализации инициативы Нового шелкового пути. Как известно, географически торговые пути, на развитии которых делает ставку китайское руководство, проходят через нестабильные регионы Средней Азии, где у Китая исторически есть некоторые противоречия с радикально настроенными исламистами. Второй по значимости темой с точки зрения силы метафоричности стала тема сотрудничества, значение которой, впрочем, сопоставимо со значением индекса силы метафоры темы общей концепции «Нового шелкового пути». При этом мы видим, что метафоричность этих тематических блоков примерно соответствует общей силе метафоры всего текста.

В выступлении В.В. Путина имплицитно наиболее значимой является тема экономики, что уже объяснялось выше. Вопрос безопасности традиционно важен для Президента РФ, поэтому с точки зрения силы метафоры эта тема также является доминантной.

Мы полагаем, что сила речевого воздействия зависит от обоих факторов, то есть и от эксплицитной, и от имплицитной значимости. Степень зависимости от каждой определить невозможно, по крайней мере в современных лингвистических исследованиях мы не нашли обоснованных исследований на эту тему. В этой связи для демонстрации силы речевого воздействия мы полагаем оба значения, эксплицитное и имплицитное, равнозначными.

В таблице ниже мы разместили темы в соответствии с их эксплицитной и имплицитной значимостью и посчитали общее значение. Данный подсчет не отличается высокой точностью и дает нам лишь общую картину.

Таблица 3. Соотношение значимости имплицитной и эксплицитной информации в исследуемых текстах

	В.В. Путин ЭЗ	В.В. Путин ИЗ	В.В. Путин Общ	Си Цзиньпин ЭЗ	Си Цзиньпин ИЗ	Си Цзиньпин Общ
T1	2	3	2/3	2	2	1/2
T2	1	1	1	1	3	1/2
T3	3	2	2/3	4	1	3
T4	4	4	4	3	4	4

Частные выводы

1. Для обоих выступлений наиболее значимыми стали вопросы экономики, что свидетельствует о том, что получение экономической выгоды есть главная цель реализации инициативы Нового шелкового пути для каждого из политиков.

2. Вопросы общей концепции «один пояс – один путь» также выражены достаточно явно. Это объясняется характерами обоих публичных выступлений, которые направлены на широкую общественность. Напомним, что обе речи были произнесены на открытии Форума.

3. Вопросы безопасности традиционно важны для Президента РФ, что видно в соответствии эксплицитной и имплицитной значимости. В то же

время Председатель КНР эксплицитно пытается избежать затрагивания тем, связанных с возможными вызовами для его инициативы, при этом имплицитно эта тема выделяется крайне ярко.

4. Вопросы сотрудничества в обоих выступлениях с обеих точек зрения наименее значимы, что свидетельствует о том, что инициатива «один пояс – один путь» не является инициативой в сфере внешнеполитического взаимодействия и не направлена на улучшение отношений между странами, а является прежде всего экономической инициативой.

Общие выводы

Метод подсчета индекса силы метафоры MPI может применяться не только к тексту в целом, но и к отдельным частям текста, сегментированным по те-

математическому принципу. При этом мы можем делать выводы об имплицитной значимости той или иной темы в конкретном тексте.

Наша гипотеза в части, касающейся неравнозначности проявления имплицитной и эксплицитной информации, оказалось верной, что доказывают приведенные выше результаты.

На наш взгляд, представленная и апробированная методика анализа эксплицитного и имплицитного планов в тексте позволяет более качественно проводить контент-анализ текстов. Данный метод опирается на достижения современной когнитивной метафорологии и отражает несколько подходов к исследованию метафоры. Отличаясь новизной и обоснованной научностью, метод подсчета индекса силы метафоры в совокупности с уже широко известными лингвистическими методами позволяет проводить исследования глубинных структур текста на уровне имплицитной информации.

Исследования в данной области должны быть продолжены, в частности, в направлении, касающемся совмещения данной методики с достижениями компьютерной лингвистики и машинным анализом больших объемов текста.

Библиографический список

1. Калинин О.И. Опыт проведения контент-анализа политических медиатекстов (на примере китайского языка) // Политическая лингвистика, 2016. №2 (56). Екатеринбург: УрГПУ, 2016. С. 65-73.
2. Москвин В.П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 184 с.
3. Фомин А.Г., Мавлеев Р.Р. Политическая метафора как эффективное средство воздействия (на материале выступлений Председателя КНР Си Цзиньпина и Президента РФ В.В. Путина в рамках международного форума «Один пояс – один путь») // Политическая лингвистика. 2017. № 6 (66). С. 112-121.
4. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2003. 194 с.
5. De Landtsheer C. The political rhetoric of a United Europe // Politically speaking: a worldwide examination of language used in the public sphere / ed. by O. Feldman. New York, 1998.
6. De Landtsheer C. Collecting political meaning from the count of metaphor // Metaphor and Discourses / A. Musolff, J. Zink (eds.). 2009. P. 73-96.
7. De Landtsheer C. Methods for the study of political metaphor in leadership studies : paper presented at the Conference of ECPR, Glasgow, September 3-6, Univ. of Glasgow. 2011.
8. Hülse R. Sprache ist mehr als Argumentation. Zur wirklichkeitskonstituierenden Rolle von Metaphern // Zeitschrift für internationale Beziehungen. 2003. Vol. 10. No 2.
9. Lakoff George, Johnson Mark. Metaphors we live by. Chicago : The Univ. of Chicago Pr., 1980.
10. Gibbs Jr, Raymond W., Colston Herbert L. Interpreting Figurative Meaning. New York, USA : Cambridge Univ. Pr., 2012.
11. Richards I. A. A Philosophy of Rhetoric. Oxford : Oxford Univ. Pr., 1936.

Источники

1. 习近平在“一代一路”国际合作高峰论坛开幕式上的演讲 (全文). URL: <http://www.beltandroadforum.org/n100/2017/0514/c24-407.html>. = Речь председателя КНР Си Цзиньпина на Церемонии открытия Международного форума «Один пояс – один путь» 2017. URL: <http://www.beltandroadforum.org/n100/2017/0514/c24-407.html> (дата обращения: 01.01.2019).
2. Международный форум «Один пояс – один путь». URL: <http://kremlin.ru/president/news/54491> (дата обращения: 01.01.2019).

Works Cited

1. Kalinin O.I. Opyt provedeniya kontent-analiza politicheskikh mediatekstov (na primere kitayskogo yazyka) // Politicheskaya lingvistika, 2016. №2 (56). Ekaterinburg: UrGPU, 2016. S. 65-73.
2. Moskvin V.P. Russkaya metafora: Ocherk semioticheskoy teorii. M.: Izd-vo LKI, 2007. 184 s.
3. Fomin A.G., Mavleyev R.R. Politicheskaya metafora kak effektivnoye sredstvo vozdeystviya (na materiale vystupleniy Predsedatelya KNR Si TSzin'pina i Prezidenta RF V.V. Putina v ramkakh mezhdunarodnogo foruma «Odin poyas – odin put'») // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 6 (66). S. 112-121.
4. Chudinov A.P. Politicheskaya lingvistika. Ekaterinburg: Ural'skiy gumanitarnyy institut, 2003. 194 s.

УДК 811.112.2:81-11

© Е.А. Сидоренко

ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»
Ростов-на-Дону, Россия

© Г.Г. Матвеева

ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»
Ростов-на-Дону, Россия

Речевое поведение англоговорящих и русскоговорящих студентов (пилотажный эксперимент)

Введение

Цель статьи состоит в анализе речевого поведения студенческой молодежи, относящейся к одной возрастной и статусной группе, находящейся в процессе обучения в вузе, но различающейся по наци-

ональному критерию. Задача состоит в том, чтобы ответить на вопрос, зависит ли речевое эмотивно ориентированное поведение групп студенческой молодежи от национальной принадлежности. В статье рассмотрены некоторые свойства текстов, в которых

англоговорящие и русскоговорящие студенты привычно на неосознаваемом уровне подсознания актуализируют скрыто воздействующие речевые сигналы. Для исследования предлагается одно из направлений изучения работы подсознания методом скрытого прагмалингвистического эксперимента. Правда, в данном случае описывается лишь пилотажный эксперимент, выполненный на малом количестве эмпирического материала. Анализ речевого поведения современного студенчества как одного из самых социально активных слоев общества представляется актуальным, а выполнение анализа приемами скрытой прагмалингвистики является новым.

Описание материала анализа

Материалом анализа послужили выбранные из общедоступной социальной сети «Facebook» и «В контакте» диалоги между студентами. В качестве испытуемых из Соединенных Штатов Америки привлекались: студентка 18 лет, обучающаяся в университете по направлению «Лингвистика», и студент 19 лет, из колледжа – по направлению «Бизнес и менеджмент». На английском языке собрано 1.565 малых синтаксических групп (МСГ). Были также рассмотрены диалоги испытуемых из России: студента 18 лет, обучающегося в университете по направлению «Юриспруденция» и студента 20 лет, обучающегося в университете по направлению «Информационные системы и технологии», а также две студентки 17 лет и 18 лет, обучающиеся в университете по направлению «Лингвистика». На русском языке собрано 1.434 МСГ. Всего в статье представлен анализ эмпирического материала в количестве 3.000 МСГ.

Пилотажный эксперимент

Такое небольшое количество анализируемого материала достаточно для проведения пилотажного эксперимента. Под ним понимается «пробное экспериментальное исследование, в котором проверяется работоспособность методики, в частности, оценивается адекватность выбранного варианта уровней независимой переменной и способов регистрации зависимой переменной». В качестве независимой переменной берется речевой поступок выбора коммуникантом речевого сигнала. Таким речевым сигналом является грамматическая форма грамматических категорий глагола. Зависимая переменная – это выбранная грамматическая форма. Она фиксируется в процессе анализа, а затем табулируется в виде количества и в виде процентных отношений.

Гипотеза прагмалингвистического эксперимента в скрытой прагмалингвистике состоит в следующем: поскольку независимыми переменными является привычный выбор коммуникантами обязательных для глагола грамматических форм, а этот выбор происходит интуитивно, то в результате многократного массового употребления глагола выбор его грамматических форм становится привычным, уходит в подсознание. Привычное речевое поведение на уровне подсознания становится речевым опытом коммуниканта, и неосознаваемый автоматический выбор грамматических форм общающихся отражает их национальный менталитет.

Объектом исследования является речевое поведение англоговорящих и русскоговорящих студентов в личной переписке. Предметом анализа является

неосознаваемый автоматический выбор американскими и русскими студентами привычных грамматических форм глагола в малой синтаксической группе. Выбор такой знаменательной части речи, как глагол, всегда принудительно сопровождается постановкой его в грамматической форме, в которой актуализированы все грамматические категории глагола. Если выбор значения глагола совершается коммуникантами продуманно и мотивированно, то выбор его грамматических признаков в силу их многократного повторения становится интуитивным и уходит в подсознание. Подсознание, как известно, выполняет большую часть работы нашего мышления. В подсознании закреплен наш менталитет. Работа подсознания мало изучена. Поскольку мы считаем, что интуитивная работа подсознания отражает запечатленный в речевом опыте национальный менталитет общающихся, то немалый интерес представляет сопоставление речи англоговорящих и русскоговорящих студентов по критерию их национальной специфики.

Попытка описания речи англоговорящих студентов

Речь англоговорящих студентов изучалась в теоретической литературе, где показано, что в каждой культуре есть свои лингвистические особенности. Так, Стефания Доде в своем исследовании, посвященном анализу разговорного стиля американской студенческой молодежи, пришла к следующим выводам об особенностях их речи:

I. Особенности, связанные, прежде всего, с ограничениями в реальном времени в режиме разговора: 1) заполненные паузы (напр.: uh, uhm) 2) повторения (напр.: you - you - you) 3) that-удаление (напр.: I thought _ he left already) 4) сокращения (напр.: I'm, he's, we've)

II. Особенности, связанные, прежде всего, с общим контекстом беседы 5) глагол «do» в качестве «про-глагола» (напр.: I wanna do it) 6) указательные местоимения (напр.: That's not true)

III. Особенности, связанные, прежде всего, с интерактивностью разговора 7) глаголы настоящего времени (напр.: She says hello; We are having dinner at 6) 8) местоимения второго лица (e.g. you, your) 9) аналитическое отрицание (e.g. I don't like it; He is not in the mood)

IV. Особенности, связанные, прежде всего, с выражением позиции в разговоре 10) личные глаголы (напр.: think, mean) [7: 177].

Однако следует учитывать, что в некоторых случаях возможны и альтернативные трактовки, например: «do в качестве про-глагола» также связан с ограничениями в реальном времени, поскольку он служит для экономии времени; высокая частота «глаголов настоящего времени» также связана с тем, что два или более человека разделяют непосредственный контекст, и «разговорная осведомленность», как правило, с непосредственным «здесь и сейчас», и местоимения второго лица (как местоимения вообще), естественно, также связаны с общим контекстом.

Вышеупомянутое перечисление – это просто возможные варианты анализа речи [7: 177].

Речевая стратегия скрытого воздействия отправителя текста на его получателя и ее планы

С позиции прагмалингвистики речевое пове-

дение англоговорящих и русскоговорящих студентов изучается в рамках речевой стратегии скрытого воздействия «участия/неучастия коммуникантов в речевом событии». Как и любая привычка, речевое поведение не осознается ее носителем, кажется тривиальным и как бы не существующим. Речевое поведение, как массово проявляемые речевые поступки в типичных речевых ситуациях, может быть изучено на основании выбора коммуникантами разнообразных речевых сигналов [Матвеева, 1999, с. 8]. Речевая стратегия воздействия отправителя текста на его получателя актуализируется в тексте в виде выбора речевых сигналов ее планов и привносит определенные тонкие нюансы смысла. Они самими коммуникантами ощущаются на неосознаваемом уровне и оцениваются получателями текстов как вероятностно-статистическое прогнозирование речевого поведения отправителя текста, что, с нашей точки зрения, и является скрытым воздействием [4: 157].

Данная речевая стратегия актуализируется в личном, социальном, предметном планах. При выборе речевых маркеров личного плана в большом количестве отправитель текста выражает себя самого, и это оказывает воздействие на получателя. Поэтому при доминировании этого плана в речи отправителя текста можно диагностировать некоторые его черты. Преобладание этого речевого плана говорит нам о том, что автор – уверенный в своих силах, напористый, ответственный человек. Это лидер в определенной социальной группе. Чрезмерное употребление личного плана может свидетельствовать об авторитарном стиле поведения говорящего.

Преобладание социального плана, в актуализации

которого принимают участие и отправитель текста, и его получатель, свидетельствует о том, что отправитель текста обладает кооперативным типом поведения, он доброжелателен, легко идет на контакт с людьми, не склонен к конфликтам, открыт для общения и сотрудничества.

Основная идея предметного плана состоит в актуализации автором внимания читателей на объективности предметного содержания, его независимости от воли и намерений коммуникантов. Поэтому ни говорящий, ни собеседник не принимают участия в речевом поступке. При актуализации предметного плана большую ценность для отправителя текста имеет непосредственно сама информация, излагаемая в конкретном сообщении [3: 31].

В качестве единицы исследования используется малая синтаксическая группа, под которой понимается актуализированная предикативная единица [2: 75].

В рамках изучения речевого поведения студентов по критерию участия/неучастия коммуникантов в речевом событии были получены данные, которые представлены в таблице в цифровом и процентном соотношении. Поскольку таблица является довольно известным способом суммирования и обобщенного представления полученных данных, то результаты исследования, приведенные в таблице, весьма эффективны.

Анализ и интерпретация эмпирического материала

Рассмотрим речевое поведение англоговорящих студентов.

Таблица 1

Речевое поведение англоговорящей студенческой молодежи по стратегии «Участие/неучастие» коммуникантов в речевом событии»

Планы Авторы	Личный план		Социальный план		Предметный план		Всего МСГ	
	МСГ	%	МСГ	%	МСГ	%	МСГ	%
Студент 1, 18 лет, жен.	248	59%	9	1,8%	189	39,2%	482	100%
Студент 2, 19 лет, муж.	569	50,9%	18	1,6%	529	47,4%	1116	100%
СРВ	426,5	41%	13,5	1,2%	359	34,5%	1.040	100%
Всего							1.598	100%

В таблице для каждого автора указано индивидуальное количество Малых Синтаксических Групп (МСГ) актуализации речевых планов, в том числе в процентном отношении. Это абсолютный речевой показатель. По каждому речевому плану приведен средний речевжанровый показатель (СРП), отражающий стереотипное речевое поведение исследуемой языковой группы студентов.

Согласно данным таблицы 1, процент личного ориентирования в объеме 41 % является преобладающим и составляет большую часть по сравнению с предметным планом (34,5%) (см. Табл. 1) и тем более – с социальным (1,2%) (см. Табл. 1). Следует заметить, что личный план ненамного от-

личается от предметного ориентирования, всего на 5,5 % (см. Табл. 1). Это означает, что молодежь, будучи лично ориентированной, тем не менее заинтересована и неплохо осведомлена о «сторонних» темах, например:

1) об экономической ситуации в стране, ср.: [... but the only problem here is that the cost of living here is expensive ..] (...но единственная проблема здесь это то, что стоимость жизни здесь дорогая...) (ст. № 1);

2) и о путешествиях [like Utah or Colorado, where it snows...] (...как Юта или Колорадо, где идет снег.) (ст. № 1); [Well, what about Egypt, its nice and cool there, and its seaside...] (Ну, что касается Египта, там здорово и прохладно и это побережье...) (ст. № 2).

В приведенных примерах актуализирован предметный план, свидетельствующий о разносторонних интересах студентов.

Личностное ориентирование, обычно свойственное студентам этого возраста, доминирует в данном дискурсе. Студенческая молодежь обычно эгоцентрична (личностно ориентирована). Студенты говорят о своих проблемах, выражают свои переживания, эмоции и чувства, свойственные им в период подросткового максимализма, и англоговорящие студенты не стали исключением в этом вопросе, например:

1) [*...i'm going to move to a different state in about 2 months, start fresh over there, because i have nothing for me here in Arizona, besides i really don't like this state J*] (...я собираюсь поехать в другой штат через 2 месяца, начать перезагрузку там, потому что мне нечего делать здесь в Аризоне, кроме того мне реально не нравится этот штат J) (ст.№ 1),

2) обещание «я-ты», например: [*...lol you don't like rain?*] (...лол ты не любишь дождь?) (ст. № 1),

В приведенных примерах актуализирован личный план с помощью привычного выбора таких речевых сигналов, как *i'm, i'll, for me, you, me*.

Интересен тот факт, что молодежь в возрасте 17-23 года довольно слабо социально ориентирована, и создается впечатление, что она не только не имеет общественного сознания, но и не считает себя частью группы или какого-то коллектива. Это особенно видно на материале английского языка, так как в культуре американского сознания на первом месте социального ориентирования стоит «privasy» – конфиденциальность, уединение, приватность, тайна, личное пространство, уединенность, частная жизнь, секретность, личная жизнь, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность личной жизни [Reservo Context]. «Политика конфиденциальности – это заявление или юридический документ (в законодательстве о конфиденциальности), в котором раскрываются некоторые или все способы, которые сторона собирает, использует, раскрывает и управляет данными клиента или клиента. Он выполняет юридические требования по защите конфиденциальности клиента» (перевод наш – Е.С. и Г.М.). Возможно, такое понимание общения настолько глубоко укоренилось в англоязычной культуре, что каждый воспринимает себя обособленно, как отдельную личность в обществе и не обладает общественным сознанием. Актуализация стратегии «участия/неучастия коммуникантов в речевом событии» наблюдается в социальном

плане, когда молодежь говорит об обществе Америки, например:

3) [*...we're in for lots of problems in the near future*] (...нас всех скоро ждет много проблем...) (ст. № 1),

4) о «нас» как о группе собеседников, например: [*...we can video chat...*] (...мы можем поговорить по видео...) (ст. № 2),

В приведенных примерах социальный план актуализирован выбором ... *we're, we*

Однако социальное ориентирование настолько редко встречается, что можно говорить о его практическом отсутствии.

Интересно заметить также, что девушка-студентка восемнадцати лет больше лично ориентирована – 59% (см. Табл. 1), чем парень-студент девятнадцати лет, показатель личного плана которого составляет 50,9% (см. Табл. 1). Об этом свидетельствует частое употребление личных местоимений «i», «you» у англоговорящих студентов, например:

5) [*...i haven't bought any new furniture in such a long time ...*] (... я не покупал никакую новую мебель так долго...) (ст. № 1),

6) [*... u ve said about those girls...*] (... ты сказала про этих девушек...) (ст. № 1) и другие.

Однако выбор местоимения «you» в английском языке не всегда говорит о выборе личного плана, очень часто это свидетельствует о предметном ориентировании. Такое явление наблюдается, когда «you» имеет значение абстрактного «ты». В синтаксисе английской грамматики такие предложения называются «безличными» [1: 272], например:

7) [*i know that education there is much less than here, but isn't it still expensive for people there? Yes I have taken my loans for school actually, usually, once you graduate from school, they give you 6 months to find a job in your field of education, and start paying it back, but of course of you don't find a job, you can always ...*] (я знаю, что образование там намного меньше, чем здесь, но разве оно все равно не дорогое для людей там? Да, я взял заем для обучения вообще-то, обычно, окончив обучение, тебе дается 6 месяцев на поиски работы по специальности и ты начинаешь выплачивать заем, но, конечно, если ты не нашел работу, ты всегда можешь...) (ст. № 1),

В приведенных примерах используется абстрактное «you».

Теперь рассмотрим речевое поведение русскоговорящих студентов (см. Табл.2)

Таблица 2

Речевое поведение русскоговорящей студенческой молодежи по стратегии «Участие/неучастие» коммуникантов в речевом событии»

Планы Авторы	Личный план		Социальный план		Предметный план		Всего МСГ	
	МСГ	%	МСГ	%	МСГ	%	МСГ	%
Студент 1, 18 лет, муж.	379	77%	6	1,2%	107	21,7%	492	100%
Студент 2, 17 лет, жен.	533	72,3%	14	1,8%	190	25,7%	737	100%
Студент 3, 18 лет, жен.	75	59%	6	6,7%	46	36,2 %	127	100%
Студент 4, 20 лет, муж.	64	96,1%	0	0%	8	3,8%	72	100%
СРВ	259,2	73,6%	6,5	1,8%	86,2	24.4%	352	100%
Всего							1.434	100%

В речи русскоговорящей молодежи возраста 17-23 года – низкие показатели средней предметной ориентированности – всего 24,4% (см. Табл. 2). Это говорит о среднем уровне интереса молодежи относительно общих тем, возможном незнании предмета обсуждения, низком уровне общего кругозора. В записанных диалогах мы видим такие примеры, как:

1) [*И ничего особо не происходит J ...*] (Студент № 2) и другие.

Данные примеры не раскрывают никакой конкретной темы общения, они лишь указывают на тот или иной сторонний предмет, возможно, это и говорит об отсутствии заинтересованности или осведомленности русскоговорящей молодежи о различных предметах, например:

2) [*... телефон звонит..*] (Студент № 2),

3) [*Картинок нету...*] (Студент № 2),

Как следует из результатов анализа, доминирующим планом речевого воздействия в студенческом дискурсе русскоговорящего студента является личный план. Общий средний речевой показатель (СРП) по данному плану для них составляет 73,6 % (см. Табл. 2). Актуализация личного плана указывает на то, что молодые люди в возрасте 17-23 года лично ориентированы, в каком-то смысле эгоистичны и эгоцентричны, то есть они себялюбивы и могут совершить эгоистичный поступок. Молодые люди сконцентрированы на своих победах либо поражениях в большей степени, чем на общественных проблемах или обсуждении сторонних тем. Личный план актуализируется при выборе личных местоимений первого и второго лица, ед.ч. как в примерах 6), 7), а также обращений:

6) [*...ты не остаешься со слонами на кмб?]* (ст. № 1),

7) [*... а я думал ты уже все))))*] (ст. № 1).

8) [*... Спасибо Олег Дмитриевич!*] (ст. № 1),

А также выбором глаголов в первом и во втором лице, ед.ч. как в примерах 9), 10) и 11) :

9) [*Постараюсь...*] (студент № 1),

10) [*чем сейчас занимаешься?*] (студент № 1),

11) [*... вот уже как две недели нахожусь в институте...*] (студент № 1).

Также личный план актуализируется при выборе возвратного местоимения, которое направлено на самого говорящего. В речи оно представлено местоимением «себя», например:

12) [*... сам немного тренируюсь...*] (студент № 1).

Обращает на себя внимание очень малый показатель актуализации социального плана в молодежной русскоговорящей студенческой среде. Общий СРВ для социальной группы студентов составляет 1,8% (См. Таблицу 2). В целом можно сказать, что вся русскоговорящая молодежь возраста 17-23 лет не ориентирована на группу, на социум, на кооперативное общение в коллективе. Возможно, даже при настолько низких показателях СРВ (1,8 %) стоит обратить внимание на отсутствие взаимовыручки, поддержки внутри группы. Это и проявляется выбором в общении речевых маркеров личного плана высказывания.

Сопоставление речевого поведения англоговорящих и русскоговорящих студентов

Сравним речевое поведение американской студенческой молодежи и российской с точки зрения их участия/неучастия в коммуникации. У обеих социальных групп (англоговорящих и русскоговорящих студентов) социальная ориентированность минимальна: 1,2% (См. таблицу 1) – у американских студентов и 1,8% (См. таблицу 2) – у российских студентов. Эти данные говорят о том, что обе эти группы совершенно не ориентированы на коллектив, на обсуждение совместных вопросов или интересов. Это достаточно странно, так как студенты учатся, как правило, в группах и имеют общие задания, уроки и часто внеклассные занятия. Главное отличие между анализируемыми группами заключается в личном и предметном ориентировании. Личный план – 41% у американских студентов и 73,6% – у российских. Предметный план у англоговорящей молодежи – 34,5%, тогда как у русскоговорящей – 24,4%. Отсюда вытекает, что русская молодежь больше ориентирована на себя.

Выводы

Как мы видим, методом прагмалингвистического эксперимента доказывалось существование в речевом поведении американских и русских студентов качественного совпадения, а именно: речевые сигналы в двух случаях (личный и социальный планы) выбираются испытуемыми чаще, чем речевые сигналы предметного плана. Также в обоих случаях выбор речевых сигналов предметного плана минимален. Различия в речевом поведении американских и русских студентов количественно обусловлены: русские студенты выбирают речевые сигналы личного плана почти в 1,8 раз чаще, чем американские студенты.

Однако тот факт, что американские студенты выбирают речевые сигналы социального плана чаще на 10 %, чем русские студенты, заставляет задуматься о причинах этого. Либо изначальный коллективистский менталитет русских претерпевает изменение под влиянием российской действительности, либо американские студенты больше социально ориентированы, чем русские студенты, в силу разного менталитета, либо проведенное пилотажное исследование недостаточно доказательно, и требуется проведение анализа на большем эмпирическом материале.

Как мы видим, пилотажный эксперимент оказался полезным. Он доказал работоспособность выбранной методики и возможность адекватного оценивания выбранного варианта независимой переменной (речевого поступка выбора) и способов табулированной регистрации зависимой переменной (количественный и процентный показатель выбранных грамматических форм).

Библиографический список

1. Каушанская В.Л., Ковнер Р.Л., Кожевникова О.Н. *A Grammar of the English Language / Практическая грамматика английского языка.* М.: Айрис Пресс, 2008. 384 с.
2. Матвеева Г.Г. *Диагностирование личностных свойств автора по его речевому поведению.* Ростов-на-Дону: ДЮИ, 1999. 82 с.
3. Матвеева Г.Г. *Нюансы смысла в скрытой прагмалингвистике.*

вистике // Филологический вестник Ростовского государственного университета. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1998. № 2. С. 28-32.

4. Матвеева Г.Г. Речевой выбор как прагмалингвистическая категория // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 4. С. 156-159.
5. Психологический словарь. URL: www.b17.ru/dic/pilotajnyu_eksperiment/ (дата обращения 10.09.2018).
6. Словарь лингвистических терминов. URL: <http://www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-terminy/dialogicheskaya-rech/?q=486&n=2189> (дата обращения 12.06.18).
7. Dose Stefanie Describing and Teaching Spoken English: An Educational-linguistic Study of Scripted Speech. 2013. URL: <https://d-nb.info/1068589043/34> (дата обращения 12.06.18).
8. Reservo Context, словарь // Privacy policy. Электрон. дан., 2003. URL: <http://context.reverso.net/%D0%BF%D0%B5%D-1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%B%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/privacy> (дата обращения 01.08.18).

Works Cited

1. Kaushanskaya V.L., Kovner R.L., Kozhevnikova O.N. A Grammar of the English Language / Prakticheskaya grammatika angliyskogo yazyka. M.: Ayris Press, 2008. 384 s.
2. Matveyeva G.G. Diagnostirovaniye lichnostnykh svoystv avtora po ego rechevomu povedeniyu. Rostov-na-Donu: DYUI, 1999. 82 s.
3. Matveyeva G.G. Nyuansy smysla v skrytoy pragmalingvistike // Filologicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta. Rostov-na-Donu: Izd-vo RGU, 1998. № 2. S. 28-32.
4. Matveyeva G.G. Rechevoy vybor kak pragmalingvisticheskaya kategoriya // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2011. № 4. S. 156-159.
5. Psikhologicheskii slovar'. URL: www.b17.ru/dic/pilotajnyu_eksperiment/ (дата обращения 10.09.2018).
6. Slovar' lingvisticheskikh terminov. URL: <http://www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-terminy/dialogicheskaya-rech/?q=486&n=2189> (дата обращения 12.06.2018).

УДК 81

© **Е.П. Филимонова**

ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»
Майкоп, Россия

Игра в спортивном дискурсе: концепт и прием

Спортивный дискурс представляет собой огромную сферу деятельности людей, охватывающую «социально-экономическую, общественно-политическую, финансовую деятельность, социально-философские, исторические, психолого-педагогические, медико-биологические проблемы» [1: 103]. Высокая степень эмоциональности, экспрессивности и лингвокогнитивные особенности спортивного дискурса актуализируют изучение спортивного дискурса различными гуманитарными науками (лингвистикой, философией, психологией, социологией и пр.), причем исследование ведется с самых разных позиций.

Коммуникативные роли в спортивном дискурсивном пространстве характеризуются вариативным потенциалом и возможностью их совместимости, например: *игрок-студент, игрок-профессионал, тренер – вчерашний игрок, комментатор – спортсмен в прошлом, журналист сейчас* и пр. Спортивный дискурс характеризуется открытостью и принципиальной доступностью, и это отличает его от других видов институционального и профессионального дискурса. Кроме того, в медиа-пространстве ему свойственна принципиальная незавершенность, т.к. спортивное событие может быть центром обсуждения длительное время, приобретая дополнительные детали, «обрастая» догадками и истолкованиями, становясь формой мифологизации, а также являясь источником интертекстуальности.

Для спортивного дискурса характерна реали-

зация нескольких доминантных концептов, к которым, несомненно, можно отнести концепт «игра», на который в историческом процессе развития спортивной концептосферы надстраивается система подчиненных ему концептов, что позволяет считать игру гиперконцептом. Так, игра не существует без состязания, но также связана и с концептом «свобода». Происходит это потому, что игра в ее первоначальном понимании – добровольная деятельность, реализуемая человеком в свободное время и определяемая его волей. Эти признаки свойственны многим видам спорта. К тому же спортивный дискурс включает и концепт «красота», который обуславливается в своем функционировании все той же игрой. Й. Хейзинга подчеркивает: «Всякая игра есть прежде всего <...> свободная деятельность <...> Она разыгрывается в определенных рамках пространства и времени. Ее течение и смысл заключены в ней самой <...> Игра творит порядок, она есть порядок <...> Игра имеет склонность быть красивой. Этот эстетический фактор, по всей вероятности, тождественен стремлению творить, что оживляет игру во всех ее видах и обликах. Слова, с помощью которых мы можем именовать элементы игры, принадлежат большей частью сфере эстетического» [4: 17-21]. Таким образом, в этом определении игры обобщены не только ее основные признаки, но и осмыслены смысловые связи с другими когнитивными структурами.

Отметим также, что концепт «игра» характе-

ризуется амбивалентностью, т.к. профессиональный спорт включает в свою концептосферу не только свободу, но и несвободу (работу), характеризуемую, в том числе, и зависимостью, негативностью и в целом вторичностью к независимой и позитивной, свободной игре.

Для концепта «игра» облигаторны следующие семиотические признаки:

1) *ограниченность*, которая рассматривается с точки зрения пространственных (стадион, ринг, бассейн) и временных (фиксирование продолжительности игры, за исключением тех, где основной акцент перенесен на результат);

2) *неопределенность результата* как важный параметр всех спортивных игр и игры в целом: неопределенность результата создает эмоциональную напряженность и диктует определенное коммуникативное поведение участников спортивного события;

3) *отсутствие оппозиции «продуктивность VS непродуктивность»*, характерное для любительского спорта (отсутствует материальный результат – денежное или иное вознаграждение);

4) *наличие правил* в виде жестких или нежестких норм;

5) *наличие оппозиции «вера VS притворство»* в рамках коммуникативного поведения языковой личности субъектов спортивной коммуникации, которая детерминирована типом игры (любительская VS коммерческая).

Игра рассматривается как совокупность различных форм игрового состязания, результат которого обусловлен стратегией игроков, их физическими способностями либо случаем, причем эти факторы могут, разумеется, представать и в единстве [6: 17]. Игра тесно связана в спорте с состязательностью и состязанием, тем самым образуя концептосферу, обуславливающую доминантные свойства спортивного дискурса.

Спортивный дискурс отражает одно из важных отличий игры от спорта: спортивная игра предполагает, что участники состязаются в ее процессе на равных и во внимание не принимаются никакие различия. К тому же в игре в самом ее общем виде препятствия возникают естественным образом, тогда как в спорте они создаются намеренно. Важным аспектом становится и материальная заинтересованность спортсменов в достижениях, т.к. игра становится в спортивной сфере средством достижения материального благополучия, заработка. Поэтому спортивная деятельность демонстрирует все более ощутимый разрыв между любительским и профессиональным ее видами: профессиональный спорт – серьезное занятие, работа, тогда как любительство является развлечением и способом времяпрепровождения.

Основным отличительным признаком игры вообще от игры спортивной следует считать то, что в профессиональном и олимпийском спорте предполагается демонстрация физического мастерства, которое в основе своей имеет развитие физических способностей и возможностей в контексте физической деятельности. Целью такого развития является победа над соперником.

Концепт «игра» в рамках спортивного дискурса предполагает развитие физических способностей

и доведение их до совершенства в ходе тренировок, что включает в концептосферу понятие обучения и его различные значения, а также понятие профессионализма. Спортивный дискурс понимается с позиций его жесткой организации и институционализации, что отражает в целом и организацию самой спортивной деятельности, к тому же спорт, представляя собой социальный институт, предполагает определенную системность и структуру, действия на основании собственных ценностей, норм, правил, санкций. Важен также и компонент традиционности, характеризующий данный концепт в спортивном дискурсе, т.к. спортивная игра транслирует традиции прошлых примеров ее проведения, детально планируется. Высокая степень организованности определенного вида спорта коррелирует со степенью его институционализации.

Концепт «игра» обнаруживает определенные корреляции и с составляющими спорта как общественной деятельности. Дж. Лой изучает спорт как «институциональное образование, в котором выделяются организационная, техническая, символическая и образовательная сферы» [6: 21]. Детализация этих сфер приводит к тому, что возникает возможность описания сходств и различий спортивных игр и всех остальных их типов. Например, организационная сфера включает три компонента – команда, управление и финансирование. Организация команд происходит при обычной игре спонтанно, тогда как формирование состава команды в спортивной игре проводится весьма тщательно, обнаруживая и соотношение с постоянной социальной организацией и реорганизацией. Спортивную игру характеризует высокая степень ролевой дифференциации и, как следствие, наличие разных статусов ее участников. Управление в сфере спорта также оказывает значимое влияние на спортивный дискурс, который отражает жесткие правила, нормы, санкции, свойственные сфере спортивной деятельности, тогда как другим играм свойственна возможность уточнения или изменения правил, часто упрощенных и немногочисленных. Нормированность спорта кодифицирована и закреплена в уставах видов спорта. Финансирование – еще один важный компонент организационной сферы спортивной деятельности. Действительно, спортивная игра поддерживается в финансовом отношении со стороны различных комитетов, административных органов, в том числе и государственных, а также спонсорами. Спорт является основным объектом приложения организаторских и предпринимательских усилий со стороны ТВ и в целом СМИ, спортивных клубов, производителей спортивных товаров.

Реализация спортивной игры обусловлена в современном мире распространением высоких технологий и развитостью технологической сферы в целом. Так, необходимо специальное оборудование (стадионы, ринги, бассейны), экипировка (у каждой команды особая), исследовательские центры (ученые, медики, тренеры, маркетологи); информационные базы данных (стратегии, тактики, приемы, цикличность подготовки), при том, что игра в ее обычном понимании нуждается в минимуме из вышеперечисленных элементов.

Важным аспектом любой игры является ее

символическая сфера, которая, разумеется, относится и к спорту. В символическую сферу традиционно, вслед за Й. Хейзингой, включают *секретность, ритуал и демонстрацию физического мастерства*. Й. Хейзинга отмечает, что игра включает секретность в качестве одного из определяющих компонентов с тем, чтобы подчеркнуть собственное отличие от обыденности посредством маскировки и переодевания [4: 13]. Противоположное мнение высказывает Р. Кейллойс, утверждая, что «игра пытается снять мистическое костюмом, маской и т.д., т.е. исполнением сакраментальной функции. Таким образом, следует говорить не об игре, а о вмешавшемся сюда институте» [6: 22]. По всей видимости, правомерны оба подхода: секретность, по Й. Хейзинге, – отграниченность пространства игры от обыденной жизни, а Р. Кейллойс рассматривает сам факт такой отграниченности как санкционированный посредством фиксации норм и правил результат организации игры. Зрелищность спортивной игры при неизвестном ее исходе обуславливается именно ее санкционированностью.

Важным компонентом спортивной игры является также ритуал, отличный от зрелища существенными элементами драмы [2] и включающий важные семиотические компоненты спортивного дискурсивного пространства (исполнение гимна перед началом матча, пожатие рук командами соперников и пр.).

Й. Хейзинга рассматривает два типа игры – play-игру и game-игру: первая представляет собой игру ради нее самой, вторая – это действия, подчиненные правилам, скорее «жизнь», деятельность, нежели просто «занятие». Для спорта характерны оба типа, и мы согласны с К. Гиртцем в том, что «спорт – это глубокая игра, в которой выражаются сокровенные ценности культуры. Спорт – это не просто грациозное расходование энергии, он имеет героическое и мифологическое измерение, что есть, в каком-то смысле, история, которую мы рассказываем себе о себе, суть которой может отличаться в разных странах с почти одинаковым уровнем экономического развития» [7: 3]. Концепт «игра» в спортивном дискурсе включает также и порождение мифов в процессе реализации спортивной игры, и до определенной степени превращение ее самой в миф.

Так, высшей формой спортивной деятельности являются соревнования, отличительным признаком которых являются в том числе и мифы, которые взаимодействуют друг с другом и создают новые дискурсивные пространства. Чемпионаты мира в этом смысле, конечно, не исключение. Кроме того, соревнования такого уровня не столько теряют игровое начало, сколько приобретают символическое значение, становясь событием определенной сложности [5: 77], поскольку предполагают участие в них представителей разных стран, континентов и наблюдение за этими соревнованиями возможно более широкой аудитории.

Представления о спортивной деятельности и игре во время проведения чемпионатов мира отражают разноуровневые отношения, которые обнаруживают различия ценностных систем коммуникантов и их различные цели в самой спортивной коммуникации. На наш взгляд, именно поэтому и прием языковой

игры становится одним из самых востребованных в процессе реализации спортивного дискурса, что особенно ярко проявляется в речи спортивных комментаторов. Приведем лишь некоторые примеры.

Так, В. Уткин, комментируя матч группового турнира ЧМ-2018 по футболу Португалия – Испания, использует в своей речи разнообразные приемы языковой игры. Прежде всего обращает на себя внимание трансформация прецедентных высказываний, которые, однако, легко распознаются носителями русской лингвокультуры: «*Сегодня футболистам «Фурии рохи» придется играть за себя и за Фернандо, который Йерро*» [3]. В приведенном примере присутствует трансформированное прецедентное высказывание, отсылающее к песне «За себя и за того парня» (слова Р. Рождественского, муз. М. Фрадкина), популярной в СССР в 1970-е годы и исполнявшейся М. Магомаевым и Л. Лещенко.

Кроме того, В. Уткин также употребляет просторечные слова и выражения, которые, разумеется, уточняют положения игры и углубляют экспрессивный потенциал языковой игры (выделено жирным курсивом): «*ГООООЛ!!! Диего Коста, 1:1. И все-таки засчитывают этот гол, хотя были варианты! Вынос мяча вперед от Бускетса на Диего Косту. Тот в прыжке отоварил локтем в шею Пепе и выборол себе мяч. Обработал, укрыл корпусом, протолкнул в штрафную, накрутил сразу двух соперников и пальнул с 13 метров аккуратно в левую «шестерку»*». Примечательно также употребление в данном контексте и лексического сочетания, содержащего устаревшее слово и отсылающего носителя русской лингвокультуры к эпохе XIX в. и военной лексике (*пальнул аккуратно*). Отметим эффективное применение метафор, которые становятся основой образности спортивного дискурса. Таковы закрепленные в спортивном дискурсе метафорические в своей основе высказывания: *вынос мяча вперед, обработал, укрыл корпусом, протолкнул в штрафную, накрутил соперников*. Говоря о забитом голе, В. Уткин завершает высказывание риторическим восклицанием «Такие не берутся!», подразумевая знание особенностей футбола болельщиками и их понимание сложности траектории мяча и возможностей обороны ворот вратарем.

Обращает на себя внимание и то, что именно прием языковой игры, в частности, риторические восклицания, метафоры и антитезы, позволяют спортивному комментатору воссоздать стремительный и непредсказуемый ход матча, тем самым отражая в спортивном дискурсе семиотические признаки концепта «игра», прежде всего отсутствие оппозиции «продуктивность VS непродуктивность», а также неопределенность ее результата: «*И все-таки засчитывают этот гол, хотя были варианты!*». Или: «*Заигрался Бернарду Силва. Влетел он по правому краю в штрафную, но бьет-то он с левой! Стал подстраивать под удар и там его накрыли. Кстати, уже больше двух минут на бровке стоит Жоау Мариу, который готовится войти в игру*». В приведенном примере примечательна антитеза *Влетел он по правому краю в штрафную, но бьет-то он с левой*, отражающая не только контрастивность самой ситуации, но и непредсказуемость ее последствий, которые описаны уже в следующем высказывании

Стал подстраивать под удар и там его накрыли. Несомненно, в рассматриваемом контексте значимы и метафорические элементы, принадлежащие узусу спортивного дискурса *заигрался, накрыли, войти в игру, бровка (поля)*. Также находим метафорические включения и в следующем высказывании В.Уткина (выделены жирным курсивом): *«Руй Патрисиу уже не спешит выбивать мяч от ворот. У испанцев же совершенно ничего не клеится в атаке. Ни Иньесты не видно, ни Давида Сильвы»*.

В спортивном дискурсе важна реализация нескольких доминантных концептов, среди которых «игра» занимает одно из значимых мест. Описание его семиотических признаков приводит к выводу о том, что он тесно связан с концептами «красота», «свобода», подчиненных ему. Отметим, что игра значима в спортивном дискурсе не только в плане вербализации в нем концептуальных компонентов, но и в плане реализации приема языковой игры, отчасти отражающей и ее семиотические признаки – прежде всего, неопределенность результата и отсутствие оппозиции «продуктивность VS непродуктивность». Тем самым спортивный дискурс отражает тесную связь когнитивных структур и возможностей их реализации в коммуникативном процессе для увеличения степени его эффективности. Спортивный дискурс представляет собой синтез признаков институционального и профессионального дискурсов, при этом специфика его состоит, прежде всего, в той субъективной оценочности, которой сопровождается вербализация любого спортивного события.

Библиографический список

1. Зильберт А.Б. Спортивный дискурс: точки пересечения с другими дискурсами (проблемы интертекстуальности) // Язык, сознание, коммуникация. Вып.19. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 103-112.
2. Ритуальное пространство культуры. Материалы международного форума. СПб.: Центр изучения культуры, 2001. 650 с.
3. Текстовые трансляции ЧМ-2018 по футболу. URL: <http://football.kulichki.net/trans/2011/11010.htm> (дата обращения: 01.01.2019).
4. Хейзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры. / Пер. с гол. Д.В. Сильвестрова. М.: Прогресс – Традиция, 1997. 416 с.
5. Cashmore E. Making Sense of Sport. L. -N.Y.: Routledge, 1990. 220 p.
6. Holowchak M.A. Philosophy of Sport: Critical Readings, Crucial Issues. N.J.: Pearson Education, 2002. 517 p.
7. Holt R. Sport and the British. Oxford: OUP, 1992. 230 p.

Works Cited

1. Zil'bert A.B. Sportivnyy diskurs: tochki peresecheniya s drugimi diskursami (problemy intertekstual'nosti) // YAzyk, soznaniye, kommunikatsiya. Vyp.19. M.: MAKS Press, 2001. S. 103-112.
2. Ritual'noye prostranstvo kul'tury. Materialy mezhdunarodnogo foruma. SPb.: TSentr izucheniya kul'tury, 2001. 650 s.
3. Tekstovyye translyatsii CHM-2018 po futbolu. URL: <http://football.kulichki.net/trans/2011/11010.htm> (data obrashcheniya: 01.01.2019).
4. Khëyzinga Y. Homo Ludens; Stat'i po istorii kul'tury. / Per. s gol. D.V. Sil'vestrova. M.: Progress – Traditsiya, 1997. 416 s.

УДК 811

© А.П. Хазраткулов

ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»
Майкоп, Россия

Экономический дискурс в координатах институционального профессионального дискурса: основные признаки, функции и типы

Общение специалистов в какой-либо профессиональной сфере в его вербальной форме образует так называемый профессиональный дискурс, который в настоящее время составляет одну из актуальных сфер лингвистики. Интерес к изучению профессионального дискурса возник сравнительно недавно, будучи обусловленным антропоцентризмом современной научной парадигмы. Отметим, что зачастую этот тип дискурса изучается без детального акцентирования внимания на специфике его смыслового пространства, хотя вполне очевидно, что профессиональный дискурс в его разнообразных проявлениях, несомненно, имеет неоднородную структуру и признаки, свойственные коммуникации в разных областях человеческой деятельности. Модели описания профессионального дискурса должны способствовать развитию практики профессиональной коммуникации и антропологической теории языка в

целом. Социоллингвистика рассматривает профессиональный дискурс как институциональную коммуникацию. Участники такой коммуникации обладают соответствующими компетенциями в определенном виде деятельности, и эти компетенции являются результатом специализированной подготовки, а также опыта работы в конкретной сфере. На этой основе социоллингвистика рассматривает профессиональный дискурс как совокупность признаков – институциональных, профильных и предметных.

Поскольку основу выделения любого профессионального дискурса составляют его институциональные признаки, обратимся вначале к определению самого институционального дискурса. В.И. Карасик в своих исследованиях, посвященных дискурсу и дискурсивным практикам, выделяет два его типа: персональный и институциональный (реализованный в определенном социальном институте посред-

ством реализации системы статусно-ролевых отношений) [4]. Под социальным институтом понимается выработанный социумом коллективный механизм согласованного удовлетворения конкретной социальной потребности; социальный институт формируется посредством системы норм и ценностей, ролевых предписаний и взаимных ожиданий поведения, а также невербальных и вербальных действий участников коммуникации в его пространстве. Исходя из этого определения, социолингвистика рассматривает институциональный дискурс как коммуникативную практику, осуществляемую участниками такого дискурса.

Институциональный дискурс включает как профессиональную, так и непрофессиональную коммуникации: первая предполагает обсуждение таких задач, которые требуют определенной специальной подготовки; вторая включает организационные моменты функционирования социального института или осуществляет личностно ориентированное общение.

Итак, любой профессиональный дискурс характеризуется институциональными признаками, которые, в свою очередь, обуславливаются основными функциями такого дискурса:

- «1) перформативной (социальная практика);
- 2) нормативной (поддержание функционирования норм и ценностей социального института);
- 3) презентационной (вариативное выражение стереотипных интенций и ожиданий);
- 4) парольной (поддержание границы между агентами и клиентами института)» [1: 5].

Вслед за Л.С. Бейлинсон выделяем также профильные признаки профессионального дискурса: «1) профессионально маркированная предметная сфера, которой свойственна высокая номинативная детализация, 2) профессионально маркированный когнитивный инструментарий (предметный и символический) для решения определенных задач, 3) профессиональные критерии оценки качества работы, 4) профессионально маркированные индикаторы предметной сферы и мониторинга общения, 5) знаки профессиональной самопрезентации» [1: 5].

Моделирование профессионального дискурса сводится к нескольким ключевым проблемам, среди которых приоритетно квалифицирование конкретного профессионального дискурса как институционального, а также его предметного содержания. Конкретный дискурс может быть квалифицирован как профессиональный в случае, если он обладает следующими признаками:

- 1) он функционирует на основе предметной сферы, которая маркирована профессионально, и такой сфере свойственна высокая детализация в плане наименования объектов;
- 2) он привлекается в процессе решения конкретной профессиональной задачи посредством осмысления профессионально маркированного предметного и символического инструментария;
- 3) в таком смысловом пространстве имеются четко очерченные критерии оценки качества профессиональной деятельности;
- 4) такой дискурс манифестирует профессионально маркированные стратегии коммуникативного

поведения, прежде всего, в обозначении компонентов предметной сферы и в профессиональном общении;

5) в дискурсе, квалифицируемом как профессиональный, присутствуют знаки профессиональной самопрезентации.

Экономический дискурс как институциональный профессиональный дискурс характеризуется собственным предметным содержанием и соответствующими признаками. Предметную область экономического дискурса составляют реалии мира экономики, а сам дискурс трактуется как совокупность речевых актов в экономической сфере, т.е. устные и письменные тексты или их фрагменты, которые продуцируются специалистами в конкретной экономической сфере, а также журналистами и теми, кто специалистами в точном смысле слова не является.

Внутри экономического дискурса выделяются его типы – субдискурсы, ориентированные на профессиональную деятельность: финансово-экономический субдискурс, налоговый, торгово-экономический, бухгалтерский и т.д., с использованием определенных терминосистем. В зависимости от прагматической установки участников профессиональной коммуникации информационный блок может быть представлен в различных форматах: аналитическая статья, обзор, репортаж, дискуссия, лекция, интервью и т.п. Обращение к массовой аудитории осуществляется не только через медийное пространство, но и через телевидение, интернет-коммуникацию и рекламу. Вариации вербализованных средств репрезентируют многочисленные термины, разнообразные лексические и грамматические формы, комбинаторику лексики различных жанров, экспрессивный синтаксис (лексико-семантические возможности сложных предложений, обладающих большим функциональным потенциалом).

Цели экономического дискурса состоят в: «1) освещении событий в экономической жизни общества; 2) информировании о состоянии экономики; 3) формировании определенного отношения к различным изменениям и побуждении к определенным действиям; 4) создании экономических теорий; 5) исследовании направлений развития экономики, а также уровня жизни населения» [3: 44].

В качестве участников экономического дискурса могут выступать как юридические, так и физические лица: государственные и предпринимательские структуры, журналистское сообщество, ученые, занимающиеся изучением различных областей экономики, преподаватели вузов и др. На основании критерия принадлежности к конкретному экономическому сектору выделяют подвиды экономического дискурса: «финансовый дискурс (финансы и кредит), бухгалтерский дискурс (бухгалтерский учет и аудит), налоговый дискурс (налоговое дело и страхование), деловой дискурс (предпринимательская деятельность и торговля)» [7].

Наибольшую эффективность экономический дискурс приобретает в СМИ (новостные блоки ТВ, газеты, радио, Интернет) и масс-медиа, в целом в таких источниках, которые наиболее очевидно воздействуют на его представления о мире, когнитивную и оценочную сферы личности. Общими признаками всех источников экономического дискурса является

обращение к массовой аудитории, их общедоступность и широкое распространение экономической информации. Благодаря общедоступности и моделированию наиболее широкого адресата масс-медиа способны сформировать ценностное отношение к экономическим процессам, репрезентировать их характеристику в нужном ключе, что впоследствии отражается в сознании как отдельных индивидов, так и социума в целом.

Языковое выражение мысли в экономическом дискурсе предполагает лексический отбор, который происходит с учетом различных лингвистических и экстралингвистических факторов. Экономический дискурс реализуется в соответствии с определенными правилами, среди которых первостепенное значение имеет учет быстрой смены событий в экономической сфере, а также необходимость ориентации на различную языковую компетентность и уровень образования целевых групп.

Экономический дискурс может быть рассмотрен как полиморфная среда, для которой характерно значимое разнообразие лексических и грамматических форм, применение различных изобразительно-выразительных средств (прежде всего, метафоры, гиперболы, градации, параллелизма и пр.). В экономическом дискурсе широко используется специальная профессиональная лексика (терминология, свойственная конкретной сфере экономического дискурса), также широко применяется контаминация лексики различной функциональной принадлежности. Экономический дискурс характеризуется отсутствием единообразной композиционной структуры текстов и аргументативностью. Все перечисленные признаки обуславливаются главной целью экономического дискурса – стремлением повлиять на адресата путем представления информации в конкретном требуемом формате с тем, чтобы побудить к определенным действиям.

Аргументативность экономического дискурса обуславливается самой его практикой, ориентацией на прогнозирование, вероятное развитие конкретной экономической ситуации. С аргументативностью, очевидно, связана и степень воздействия на конкретную целевую аудиторию. Экономический дискурс характеризуется также постоянным манифестированием ситуации выбора, а анализ возможных альтернатив составляет базис осуществления дискурсивных практик в этой сфере, сопрягаясь с понятиями пользы, вероятности, риска и т.п. В конечном счете концептуальный центр экономического дискурса составляет концепт «товар», обуславливающий взаимодействие разных субъектов экономики (юридических и физических лиц) по тому или иному поводу. Таким образом, экономический дискурс характеризует взаимодействие на всех уровнях личностных и социальных отношений, а сам выбор той или иной коммуникативной стратегии в этом взаимодействии должен быть убедителен и, как следствие, аргументативен.

Необходимо также подчеркнуть в этой связи, что экономический дискурс в его современном состоянии не может быть охарактеризован с позиций целостности, поскольку единый язык экономики в едином контексте – это утопия, такого в принципе не существует. Кроме того, сама объективная онтологи-

ческая реальность как возможный объект изучения экономической науки отсутствует. Такое положение дел отражается и на состоянии методологии науки, в том числе и экономической. Релятивизм как следствие воздействия постмодернистского мировоззрения оказывается связующим между радикально-конструктивистской и дискурсивной методологиями в различных направлениях экономической теории современности. В этой связи приведем точку зрения И.А. Болдырева: «Научное знание есть конструкт, выстроенный и развивающийся в соответствии с социально-историческими обстоятельствами. Различные научные дискурсы несоизмеримы и несопоставимы друг с другом, их невозможно иерархически упорядочить, более того, поскольку каждый из них рассматривается зачастую просто как способ видения мира. <...> Наука рассматривается как один из элементов описываемого ею мира, а исследователь – как субъект действия и создатель смыслов, меняющий мир, который он описывает и который также в свою очередь воздействует на него» [2].

Значит, в экономическом дискурсе не может быть четко очерчен сам объект – онтологическая реальность, а различные направления экономической науки оперируют понятием «объект исследования» посредством специального дискурса, вследствие чего приоритет объекта исследования или самого экономического дискурса принципиально невозможен. Само понятие экономического дискурса введено в активный оборот в отечественной научной парадигме в тесной связи с развитием методов дискурс-анализа применительно к тематической речи [6].

До настоящего времени экономический дискурс рассматривается как некое единство с проявлением конкретных «акцентов» (либеральный, протекционистский, рыночный, государственнический и пр.), а сам по себе дискурс-анализ экономических текстов представлен весьма ограниченно. В настоящее время типы экономического дискурса могут быть квалифицированы в соответствии с пониманием специфики организации экономической деятельности. Так, В. Крысов правомерно выделяет следующие типы:

- «научный экономический дискурс – рыночные отношения»: монетаризм, экономикс, теория контрактов, обоснование антимонопольных законов;
- «научный экономический дискурс – государственное распределение благ»: эффективность бюджетных организаций, обоснование дотаций, субсидий, льгот, оценка качества администрирования, стоимость административного ресурса;
- «научный экономический дискурс – макроэкономические процессы»: политэкономия, международные финансы;
- «политический экономический дискурс – рыночные отношения»: госкорпорации, таможенные союзы, преференциальные зоны, государственное регулирование монополий;
- «политический экономический дискурс – государственное распределение благ»: картонная система, запреты и разрешения, регулирование цен, коррупция, клановость, конфликт интересов;
- «политический экономический дискурс – макроэкономические процессы»: зарубежные зоны

государственных интересов, дипломатия, национальная экономическая безопасность, экономическая интеграция, геополитика; «обывательский экономический дискурс – рыночные отношения»: подешевле купить, удачно приобрести, договориться;

- «обывательский экономический дискурс – государственное распределение благ»: «государство должно (мне, нам) выделить»;

- обывательский экономический дискурс – макроэкономические процессы»: заговор международных финансовых воротил» [5].

Каждый из выделенных типов характеризуется собственным контекстом такой реальности, в которой он может развиваться и/или формирует ее существование. Типы экономического дискурса способны существовать в единстве, взаимодействовать как в личностном, так и в общественном сознании.

Таким образом, говоря об экономическом дискурсе как институциональном профессиональном дискурсе, необходимо учитывать не только типологию этого типа дискурса, но также и те функции, которыми он характеризуется в современном мире. Кроме того, необходимо принимать во внимание некоторую размытость, эфемерность границ «экономической реальности», того объекта, который изучает экономическая наука. Все эти аспекты могут быть учтены в ходе лингвистического изучения экономического дискурса с выявлением механизмов его продуцирования, описанием его тезауруса, микро- и макроконтекстов, когнитивных структур и инструментов смыслопорождения в дискурсивном пространстве.

Библиографический список

1. Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы (на материале коммуникативной практики логопедов): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2009. 40 с.
2. Болдырев И.А. Экономическая методология и постмодернизм // Вопросы экономики. 2006. № 11. URL: <http://historyofeconomics.narod.ru/vopreco/26.10.06-21.03.08/2025476.htm> (дата обращения: 01.01.2019).
3. Евтушина Т.А., Ковальская Н.А. Экономический дискурс как объект лингвистического исследования // Вестник Челябинского государственного университета.

2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 42-46.

4. Карасик В.И. О типах дискурса. URL: <http://rus-lang.isu.ru/education/discipline/philology/disrurs/material/material2/> (дата обращения: 01.01.2019).
5. Крысов В. Развитие экономических дискурсов: какую реальность изучает экономика. URL: <http://discourseanalysis.org/ada11/st77.shtml> (дата обращения: 01.01.2019).
6. Томашевская К.В. Лексическая составляющая экономического дискурса современника. СПб.: Изд-во СПбГУ-ЭФ, 2000. 153 с.
7. Шереметьева А.А. Основные характеристики экономического дискурса (на материале немецкого языка) // Вестн. Кузбас. гос. пед. акад. 2011. № 7 (13). URL: <http://vestnik.kuzspa.ru/articles/61> (дата обращения: 01.01.2019).

Works Cited

1. Beylinson L.S. Professional'nyy diskurs: priznaki, funktsii, normy (na materiale kommunikativnoy praktiki logopedov): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. Volgograd, 2009. 40 s.
2. Boldyrev I.A. Ekonomicheskaya metodologiya i postmodernizm // Voprosy ekonomiki. 2006. № 11. URL: <http://historyofeconomics.narod.ru/vopreco/26.10.06-21.03.08/2025476.htm> (data obrashcheniya: 01.01.2019).
3. Evtushina T.A., Koval'skaya N.A. Ekonomicheskiy diskurs kak ob'yekt lingvisticheskogo issledovaniya // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 6 (335). Filologiya. Iskuststvovedeniye. Vyp. 88. S. 42-46.
4. Karasik V.I. O tipakh diskursa. URL: <http://rus-lang.isu.ru/education/discipline/philology/disrurs/material/material2/> (data obrashcheniya: 01.01.2019).
5. Krysov V. Razvitiye ekonomicheskikh diskursov: kakuyu real'nost' izuchayet ekonomika. URL: <http://discourseanalysis.org/ada11/st77.shtml> (data obrashcheniya: 01.01.2019).
6. Tomashevskaya K.V. Leksicheskaya sostavlyayushchaya ekonomicheskogo diskursa sovremennika. SPb.: Izd-vo SPbGUEF, 2000. 153 s.
7. Sheremet'yeva A.A. Osnovnyye kharakteristiki ekonomicheskogo diskursa (na materiale nemetskogo yazyka) // Vestn. Kuzbas. gos. ped. akad. 2011. № 7 (13). URL: <http://vestnik.kuzspa.ru/articles/61> (data obrashcheniya: 01.01.2019).

УДК 81.37

© О.А. Шабанов

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы»
Уфа, Россия

Соотношение семантики вида и семантических типов предиката

Категория вида является едва ли не самой центральной проблемой глагольной семантики в языке. Описание семантических типов предикатов не может быть полным без их видовой характеристики. Семантическое понятие вида в отличие от времени не может быть предметом сопоставления. Вид в каждом языке имеет свои характеристики. Видовые отноше-

ния могут выражаться не только морфологическими средствами, но и лексическими. Классификация предикатов с учетом видовой семантики предполагает выделение таких семантических типов предикатов, которые раскрывают характер протекания процессуального явления во времени.

Видовая семантика имеет свою традицию опи-

сания как в работах отечественных, так и зарубежных ученых. В отечественном языкознании ведущее место принадлежит работам А.В. Бондарко, который рассматривает проблемы аспектуальности в рамках функциональной грамматики. [1: 117; 2]. Имеется и ряд других подходов к определению вида: “глагольный вид (аспект) отражает ту или иную оценку обозначаемого действия (события, процесса, ситуации и т.д.) с точки зрения протекания и распределения этого “действия” во времени, но безотносительно как к моменту речи, так и ко времени другого действия...” [7: 41].

В зарубежной лингвистике вид также рассматривается как семантическое понятие, характеризующее протекание и распределение ситуации во времени безотносительно как момента речи, так и времени другого действия [15: 10]. В каждом языке существует своя типология видовых отношений, которые описываются через набор признаков, т.е. семантическую трактовку вида (А.В. Бондарко, А. Вежбицкая, М.Я. Гловинская, Б. Комри, А.А. Зализняк, И.Л. Микаэлян, А.Д. Шмелев) или через описание формальных (морфологических) показателей в соединении с семантической интерпретацией (М. Гиро-Вебер). Важно установить, как формально-грамматические признаки вида выражают семантическую специфику отдельного типа предиката.

Видовая семантика предиката раскрывает характер протекания ситуации во времени безотносительно момента речи и времени другого действия. Однако распределение предиката на оси времени описывается лингвистами по-разному в зависимости от национальной специфики представления в языке характера действия. В русском языке эта дихотомия выражается видовой парой несовершенного (НСВ) и совершенного (СВ) видов, т.е. закреплена за определенными морфологическими формами. Так, А.В. Бондарко раскрывает категорию несовершенного вида через процессную и непроцессную (обобщенно-фактическую, нейтральную и реляционную) функции, усматривая в несовершенном виде значение нецелостности, признака процессности как семантического ядра, доминанты категориального значения несовершенного вида [1: 123].

В свою очередь совершенный вид трактуется через противопоставленность признака процессности признаку целостности [1: 122-123]. Понятие целостности определяется через неделимость на начальную, срединную и конечную стадии, как импликация проявления полноты, достижения внутреннего предела, той границы, которая обусловлена лексическим значением глагола [1: 123].

В английском языке отсутствует закреплённость за определенными морфологическими формами представления действия в динамике его протекания во времени от прошлого к будущему. Эту семантику выражают формы *Continuous*, и *Indefinite*. То, что в русской аспектологии определяется как значение процессности, через которое трактуется значение нецелостности, и соответственно способности предиката иметь различные стадии, рассматривается в некоторых работах по английской аспектологии через признак неперфективности [14: 1976].

Инвариантным признаком перфективности за-

частую называется достижение внутреннего предела действия [15: 14; 11: 59; 12]. Однако, по мнению Фрида, этого недостаточно. Она подчеркивает, что для характеристики перфективности необходимо принимать во внимание понятие целостности действия [15: 14]. Целостность действия как признак перфективности формулируется Б. Комри [14: 16]; А.В. Бондарко [1: 122; 2]; Ю.С. Масловым [8: 43-44] и определяется через невозможность выделения стадий предиката. В английском языке семантика перфективности может выражаться как формой *Indefinite*, так и *Perfect*. Однако перфектные формы (*Perfect Forms*) всегда выражают абстрагированность от оси времени, что позволяет уточнить классификационную сетку семантических типов предикатов в английском языке. Понятие “перфективность” условно принимается нами как область семантических отношений, связанных с понятием “точки”, а “неперфективность” как то, что не укладывается в это понятие.

Исходя из своего понимания перфективности/неперфективности, Комри выделяет следующие семантические типы предикатов: события (*events*), процессы и стативы [14: 13]. События и процессы представляют собой динамичные ситуации, требующие приложения энергии. При этом разница между событиями (*events*) и процессами (*processes*) заключается в том, что события – это динамичные ситуации, представленные как нечто целостное (*perfectively*), а процессы – это динамичные ситуации, представленные в развернутости, как бы изнутри (*imperfectively*) [14: 13]. Стативы (*states*) рассматриваются Комри как предикаты, которые делятся до момента изменения [4: 3].

Классификация предикатов Комри отличается от общепринятой, и здесь имеется попытка классификации предикатов при ведущей роли видовых отношений. Так, процессом, в понимании Комри, называется предикат, характеризующийся семантикой неперфективности, которую могут выражать и действия, и процессы, и состояния – семантические типы предикатов, выделяемые по семантическим ролям предикатов. Термин “событие” (*event*) понимается Комри иначе, чем это принято у ряда других лингвистов. Так, “событием” называется предикат, объединяющий понятия процесса и действия и который выделяется на основе отсутствия запрета в структуре *What happened was that N did smth* [16: 179].

Комри обратил внимание на способность динамических предикатов иметь оппозиционные видовые формы. Этот факт является формально-грамматическим параметром, позволяющим уточнять семантический тип предиката и, например, отграничивать глаголы, имеющие формы *Perfect* и выражающие отвлеченность денотата предиката от оси времени, от предикатов состояния, например: *I have known her for many years, I have just seen her*.

Представляет значительный интерес осмысление Комри семантики перфективности, которая уточняется через понятие “завершенности” (*completed*) – конец ситуации (*I looked at her for some time, I glanced at her*) и “результативности” (*resultative*) – “успешное завершение” (*I detected a cavity in the mouth*) [11: 21]. Результативы, по Комри, в отличие от общего понятия завершенности, подчеркивают успешность конечного этапа ситуации, а не просто выражения се-

мантики целостности (a single whole). Семантика завершенности и результативности уточняется Комри категорией “дуративности” (durativity) – *Я постояла час, I detected a cavity in the mouth in a minute.*

“Дуративность” указывает на меру совершения действия, его выполняемости [11: 41]. Мера совершения действия – это измеренное количество приложенных сил или продолжительности явления: *Я немного поиграла, I played a little* – измеряется количество приложенных сил; *I slept the whole morning, Я проспала все утро* – измеряется количество сна. Кроме того, в рамках перфективности выделяется семантика точечности (punctuality), своим содержанием выражающая идею мгновенности, т.е. такой ситуации, которая не воспринимается как нечто продолженное во времени [11: 42; 10].

Выделенные семантические типы предикатов не имеют системы морфологических форм выражения и претендуют на универсальность. Эти типы могут проявить себя в различных языках чисто лексическими средствами. Однако сам факт характеристики предиката с точки зрения его способности выразить семантику перфективности через завершенность или результативность в оппозиции к семантике неперфективности указывает на принадлежность предиката к динамическим типам (действиям и процессам).

В лингвистической литературе при описании типов предикатов, выражающих семантику, связанную с выражением предельности/непредельности, употребляется своя терминология, поэтому необходимо уточнить используемую Комри терминологию с названиями семантических предикатов, описывающих схожие явления. Так, например, Вендлер выделяет предикаты “исполнения” (accomplishment terms) и “достижения” (achievement terms) [18: 103]. Предикаты “исполнения” и предикаты “достижения” объединяет идея “предела” в своем развитии, а различает то, что предикаты группы “достижения” занимают всегда “точку” на оси времени, а “исполнения” – “отрезок”.

О.Н. Селиверстова обратила внимание на то, что не всякие предельные глаголы могут быть отнесены к предикатам “исполнения”. Поскольку “исполнения” занимают “отрезок” на оси времени, то предикаты в таких предложениях как *Я вымыла пол за час, Я за три дня написала статью* не могут характеризоваться семантикой “исполнения”, хотя семантика предельности присутствует. Так, нельзя сказать: **Все утро я вымыла пол, *Все дни я написала статью*. Такой запрет обусловлен тем, что предикативный денотат отвлечен от реального протекания во времени. Действие как бы сжимается в одну точку, и эта точка характеризуется количеством времени, которое требуется для достижения предела. Множество временных точек представлено здесь не как линейная последовательность, а как сумма [9: 107; 10].

Таким образом, необходимо разграничивать “завершенность” как “лежащее” на оси времени действие или процесс и как оторванное от реально протекающего во времени действие.

В связи с вышеизложенным О.Н. Селиверстова выделяет предикаты “результата”, в которых достижение предела представлено как оторванное от реально протекающего во времени действия. Эти

предикаты описывают факт осуществления действия или процесса, абстрагируясь от отдельного акта протекания, связь с которым они все же сохраняют. “Результат” в понимании О.Н. Селиверстовой соотносится с понятиями “дуративная завершенность” и “дуративная результативность” Комри, поскольку в обоих случаях идет речь о мере выполненного действия.

Отсутствие закрепленных формально-грамматических средств выражения семантики перфективности в английском языке позволило О.Н. Селиверстовой ввести понятие “факт” для характеристики не только “результативов” типа *вымыты* в русском языке, но также тех предикатов в английском языке, которые сообщают о факте совершения действия. Если в этом случае глагол предельный, то наличествует завершенный факт, например: *He wrote a novel several years ago. Несколько лет тому назад он написал роман*. Если же глагол непредельный, то предикат характеризуется просто как “факт”, например: *I worked on the article yesterday. Я работала вчера над статьей*. Идея завершенности отсутствует. Однако формы Past и Future Indefinite непредельных предикатов могут выражать семантику перфективности, при этом характеризоваться через количество затраченного времени, а не последовательность временных точек, например: *How much work did you do yesterday? - I worked for two hours*. В английском языке форма Present Perfect всегда имеет денотат предиката, который даже при описании единичных случаев не может обозначать момент реализации действия или процесса.

Таким образом, в представлении о перфективности перекрещиваются несколько семантических категорий: во-первых, это понятие достигнутого предела (предикаты достижения), а во-вторых, это семантическая категория целостности, которая в русском языке находит свое выражение через формы совершенного вида как предельных, так и непредельных глаголов. В английском языке целостное представление действия или процесса возможно с помощью форм Perfect и Indefinite, но последняя не закреплена за выражением именно этой семантики. Важным с точки зрения уточнения семантических признаков предикатов в соотношении с видовой семантикой перфективности является различие их как “лежащих” на оси времени, так и отвлеченных от нее, и соответственно выделение предикатов “результата” (завершенного факта). В этом случае действие абстрагировано от реального протекания во времени. Способность предиката выражать семантику перфективности является показателем принадлежности глагола к динамическим типам предикатов.

При анализе семантики **неперфективности** необходимо установить, имеются ли в отдельном языке формально-грамматические параметры выражения этой видовой семантики, которые способствовали бы уточнению семантического типа предиката. Рассматривая семантику неперфективности, Б. Комри представляет ее через формы повторяющихся (habitual) и продолженных (continuous) ситуаций. В свою очередь “продолженность” определяется через понятия “прогрессивности” (progressive) и “непрогрессивности” (nonprogressive) [14: 25]. “Продолжен-

ность” исключает категорию регулярной повторяемости, но может включать в себя, по мнению Комри, семантику стативности; “прогрессивность” же представляет собой взаимодействие прогрессивного, т.е. разворачивающегося действия, и нестативного значения [14: 35].

Из вышесказанного можно заключить, что семантика “продолженности” проявляется себя в таких типах предикатов, которые протекают или делятся во времени, и могут быть и действиями, и процессами, и состояниями. В английском языке семантика “прогрессивности” имеет закрепленные за собой морфологические формы, которые традиционно называются “Continuous”, но все чаще употребляется термин “Progressive” [13; 19]. Отсюда ограничение на употребление предиката в прогрессивной форме является одним из возможных тестов на отнесение предиката к статусу состояний, но естественно не может ограничиваться только этим тестом.

Более дробная классификация семантических типов предикатов с учетом видовых отношений разработана на материале английского языка А. Фрид. Семантика неперфективности рассматривается через такие семантические подтипы, как “прогрессивность” (progressive) и “непрогрессивность” (non-progressive), “повторяемость” (habitual) и другие аспектуальные значения: “дуративность” (durative), “итеративность” (iterative), “всеобщность” (generic) и “сериальность” (series) [15: 15]. А. Фрид называет их интуитивно выделенными подклассами неперфективности [15: 16]. Выделение семантического типа “всеобщность” (*They own a house, She teaches at college*) и “сериальность” (*He smokes a lot*) на основе семантики “неперфективности” не раскрывает существенной между ними разницы. А. Фрид называет их интуитивно выделенными классами, поэтому семантические признаки этих предикатов не называются, а лишь комментируются примерами.

“Сериальность” в отличие от “итеративности” рассматривается в оппозиции двух предложений без анализа свойственных каждому типу предиката семантических признаков и формально-грамматических параметров: *She is sneezing* (итератив) и *She sneezes a lot* (сериальность). Однако каждый из этих предикатов имеет свой дифференциальный набор признаков по “конкретности/абстрактности”, по “прогрессивности/продолженности” и формальным признакам (Progressive и Indefinite соответственно), позволяющим развести их по разным ячейкам классификационной сетки предикатов. В данном случае они различаются как “процесс” и “класс процесса”. Вряд ли можно отнести предикаты “own” и “teach” к одной классификационной ячейке, поскольку в первом случае это предикат, который не имеет конкретной формы протекания на оси времени, он может быть лишь отвлечен от нее и образовывать особый семантический тип предиката. Во втором случае – это предикат “класса действий”, который в данном примере имеет отвлеченную от оси времени форму, но этот же глагол может иметь конкретные временные формы: *What is she doing there? – She is teaching English*.

Таким образом, неперфективность, имеющая своим содержанием характер протекания процессуального явления во времени, выражается через се-

мантику продолженности, которая в свою очередь может уточняться понятием прогрессивности и непрогрессивности. В русском языке эта дихотомия не имеет морфологической формы для своего выражения, поэтому формальным показателем принадлежности предиката к определенному семантическому классу будут служить иные лексико-грамматические элементы предложения, не связанные с видовой семантикой.

В английском языке дихотомия “прогрессивность/непрогрессивность” имеет закрепленные морфологические формы и может служить формальным показателем принадлежности к определенному классу предикатов или группе нескольких семантических типов, например, отсутствие ограничений на употребление в “Progressive Forms” является показателем принадлежности к динамическим типам предикатов (действиям и процессам). Такие семантические типы, как “дуративность”, “всеобщность”, “сериальность”, выделяемые А. Фрид как подтипы видовой семантики “неперфективности”, требуют описания характера протекания события с учетом аспекта “конкретность/абстрактность” денотата предиката в соотношении с осью времени.

Каждый глагол может быть охарактеризован по семантической роли актантов предиката как действие, процесс, состояние или как предикат пограничного свойства, когда семантические признаки, входящие в состав семантической роли, проявляют себя по-разному на различных стадиях предиката. Установление семантических признаков, формирующих ролевые позиции актантов, раскрывает содержательную сторону предиката со стороны “поведения” субъекта и других участников денотативной ситуации. Стремление к полноте описания объекта перекрещивает различные классификации предикатов. Семантические типы предикатов, выделенные по ролевой семантике, дополняются видами предикатов по формам их существования во времени. При этом такие предикаты, как действие, процесс и состояние получают дополнительные характеристики, уточняющие классификацию предикатов по ролевой семантике.

Многоплановость содержательных признаков, формирующих отдельный семантический тип предиката, проявляется себя в соответствующих морфологических формах, которые служат показателями принадлежности предиката к определенному типу. Функционирование предикатов настолько многомерно, что их можно классифицировать на основе разных принципов: семантической роли актантов, по степени отвлечения от оси времени, по характеру протекания события во времени.

Таким образом, видовой семантика каждого предиката соотносена с определенным семантическим типом предиката, принадлежащим одной из ячеек классификационной сетки семантических типов по признаку ролевой семантики и/или степени абстрактности/конкретности. Условия употребления предиката, характеризующие его с точки зрения принадлежности к одному из семантических типов, могут уточняться “разведением” глаголов на отдельные подклассы благодаря их лексическому значению, связанному с выражением видовых и темпоральных

отношений, сирконстантных отношений пространства, качества, количества, причинно-следственной семантики.

Библиографический список

1. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л.: Наука, 1983. 208 с.
2. Бондарко А.В. Категоризация в системе грамматики. М.: Языки славянских культур, 2011. 488 с.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянской культуры, 2011. 586 с.
4. Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982. 155 с.
5. Зализняк А.А., Микаэлян И.Л., Шмелев А.Д. Русская аспектология: в защиту видовой пары. М.: Языки славянской культуры, 2015. 392 с.
6. Исследования по теории грамматики. Вып. 7: Типология перфекта / Ред. Т.А. Майсак, В.А. Плунгян, Кс.П. Семёнова. СПб.: Наука, 2016. 840 с. (Acta Linguistica Petropolitana, T. XII, Ч. 2.)
7. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 263 с.
8. Маслов Ю.С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 840 с.
9. Селиверстова О.Н. Семантические типы предикатов в английском языке // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 86-216.
10. Селиверстова О.Н. Семантика СВ и понятие «работы» // Труды аспектологического семинара филол. фак-та МГУ. М.: Изд-во МГУ, 1997. Т. 2. С. 99-114.
11. Сильницкий Г.Г. Семантическая структура глагольного значения // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1986. 116 с.
12. Сильницкий Г.Г. Семантика. Грамматика. Квантитативная и типологическая лингвистика. Смоленск: Смоленский ЦНТИ, 2006. 255 с.
13. Close R.A. A Reference Grammar for Students of English. Moscow: Prosveshecheniye, 1979. 342 p.
14. Comrie B. Aspect. An introduction to the study ofverbal aspect and related problems. Cambridge Univ. Press, 1976. 142 p.
15. Freed Alice A. The Semantics of English Aspectual Complementation. Synthese Language Library: Volume 8. D. Reidel Publishing Co.: Dordrecht, Holland. 1979. 172 p.
16. Jackendoff R.S. Semantics and Cognition. The MIT Press Cambridge, Massachusetts London, England, 1993. 283 p.
17. Jackendoff R.S. A User's Guide to Thought and Meaning. Oxford: Oxford University Press, 2012. 274 p.
18. Vendler Z. Verbs and Times // Z. Vendler. Linguistics in Philosophy. Ithaca, N.Y.: Cornell Univ. Press, 1967. 203 p.
19. Warriner's English Grammar and Composition. HBJ Publishers, 1986. 1039 p.
20. Wierzbicka A. English speech act verbs. Asemantic dictionary. Sydney etc.: Acad. press, 1987. VIII. 397 p.

Works Cited

1. Bondarko A.V. Printsipy funktsional'noy grammatiki i voprosy aspektologii. L.: Nauka, 1983. 208 s.
2. Bondarko A.V. Kategorizatsiya v sisteme grammatiki. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2011. 488 s.
3. Vezhbitskaya A. Semanticheskiye universalii i bazisnyye kontsepty. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2011. 586 s.
4. Glovinskaya M.Ya. Semanticheskiye tipy vidovykh protivopostavleniy russkogo glagola. M.: Nauka, 1982. 155 s.
5. Zaliznyak A.A., Mikaelyan I.L., Shmelev A.D. Russkaya aspektologiya: v zashchitu vidovoy pary. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2015. 392 s.
6. Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 7: Tipologiya perfekta / Red. T.A. Maysak, V.A. Plungyan, Ks.P. Semënova. SPb.: Nauka, 2016. 840 s. (Acta Linguistica Petropolitana, T. XII, Ch. 2.)
7. Maslov Yu.S. Oчерki po aspektologii. L.: Izd-vo LGU, 1984. 263 s.
8. Maslov Yu.S. Izbrannyye trudy: Aspektologiya. Obshcheye yazykoznaniye. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 840 s.
9. Seliverstova O.N. Semanticheskiye tipy predikatov v angliyskom yazyke // Semanticheskiye tipy predikatov. M.: Nauka, 1982. S. 86-216.
10. Seliverstova O.N. Semantika SV i ponyatiye «raboty» // Trudy aspektologicheskogo seminar filol. fak-ta MGU. M.: Izd-vo MGU, 1997. T. 2. S. 99-114.
11. Sil'nitskiy G.G. Semanticheskaya struktura glagol'nogo znacheniya // Problemy strukturnoy lingvistiki. M.: Nauka, 1986. 116 s.
12. Sil'nitskiy G.G. Semantika. Grammatika. Kvantitativnaya i tipologicheskaya lingvistika. Smolensk: Smolenskiy TSNTI, 2006. 255 s.

УДК 811.161.11

© **З.У. Хакиева**

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»
Грозный, Россия

© **Н.Н. Горбунова**

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
Пятигорск, Россия

Некоторые траектории транстерминологизации и ретерминологизации в терминосистемах английского языка

Потребности современного общества, скорость развития новых технологий в нем обуславливают формирование новых областей научного знания, что, несомненно, влечет за собой образование новых понятийно-терминологических систем. При

этом в каждой отрасли наук складывается собственный понятийный аппарат, предполагающий наличие определенных средств его языковой репрезентации, совокупность которых формирует терминологию.

Терминология подчиняется общим тенден-

циям развития общелитературного языка и в то же время характеризуется определенной самостоятельностью развития и оказывает влияние на общелитературный язык.

Дефинированность как характерная черта, присущая термину [см., в частности: 11 и др. работы], предполагает обозначение термином некоторого понятия, отсутствие связи с конкретным предметом, соотнесение с определенной профессиональной деятельностью, наличие дефиниции, системности организации, что и позволяет выделить термины из целой лексической системы языка.

Вместе с тем, ввиду принадлежности единой лексической системе языка и непрерывного расширения профессионального поля деятельности специалистов различных областей, термины подвержены так называемой «миграции» – как обращению в общеупотребительные слова, так и обратному переходу, а также перемещению в терминосистемы иных областей знания, т.е. **терминологизации** и **транстерминологизации**. Рассмотрению траекторий данных процессов в рамках терминосистемы менеджмента и посвящена настоящая публикация.

Подъязык менеджмента относительно молод, весьма прогрессивен и характеризуется высокой степенью вовлечения терминов смежных наук. Возникнув как важная составная часть современной экономической науки, менеджмент приобрел часть терминологии именно экономической сферы. С другой стороны, помимо связи с реальной экономической практикой, менеджмент направлен на организацию управленческой деятельности, невозможную без привлечения математики, социологии, психологии, философии, оказавших влияние на формирование терминосистемы менеджмента. Интерес, таким образом, представляют области взаимодействия лексической подсистемы менеджмента с другими терминологиями, траектории миграции терминов и их дальнейшая реализация в терминосистеме менеджмента.

Будучи сложной интегративной системой, терминосистема менеджмента активно базируется на лексемах общенационального языка, что нашло подтверждение в процессе исследования русскоязычной и англоязычной терминосистем. В частности, в утвержденных «ГОСТ Р 54147-2010: Стратегический и инновационный менеджмент. Термины и определения» и «ГОСТ Р ИСО 9000-2001: Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь» наблюдаем следующие примеры общесистемной лексики: *требование, возможности, система, процесс, информация*. В ГОСТ Р ИСО 9000-2001 «требование» определяется как «потребность или ожидание, которое установлено, обычно предполагается или является обязательным» [8]. Данная дефиниция дублирует определение, представленное в Толковом словаре Д.Н. Ушакова: «требование: 2) повелительная просьба, пожелание, выраженное как приказание, притязание; 4) внутренние потребности, запросы» [31]. Сохраняя первоначальное значение, термин «требование» является одним из ключевых в терминосистеме менеджмента и служит основой, в частности, для следующих многокомпонентных словосочетаний специальной семантики: *законодательные и регулирующие требования, требование к продукции,*

требование к менеджменту качества, требование потребителя [31].

Термин «система» также является ярким примером общеупотребительной лексики, применяемой в менеджменте. Согласно ГОСТ Р ИСО 9000-2001, «система – совокупность взаимосвязанных или взаимодействующих элементов» [8]. Подобную трактовку вновь находим в Толковом словаре Д.Н. Ушакова: «система – 1) порядок, обусловленный правильным, закономерным расположением частей в определенной связи; <...> 4) устройство, структура, представляющая собой единство закономерно расположенных и функционирующих частей» [31].

Данная терминологизированная лексическая единица также является весьма продуктивной в анализируемой области и выполняет функции опорного компонента в следующих терминах-словосочетаниях: *система менеджмента, система менеджмента организации, система менеджмента качества, система менеджмента финансовой деятельности, система менеджмента охраны окружающей среды, система менеджмента измерений, система управления измерениями, система менеджмента информационной безопасности, система ранжирования риска, система управления измерениями*.

Примером продуктивного термина-основы из состава общеупотребительной лексики в английской терминосистеме менеджмента может считаться «activity», наблюдаемая в составе терминов-словосочетаний: *activity analysis, activity based budgeting, activity-based costing, activity planning, activity-based management*. Сказанное справедливо и в отношении лексемы «time», участвующей в синтаксическом способе образования следующих выражений специальной семантики: *time bargain, time deposit, time draft, flexitime, full-time employment, just-in-time (JIT)*.

Представленные примеры подтверждают, насколько продуктивной является общеупотребительная лексика, входящая в терминосистему менеджмента без явного изменения семантического объема, но участвующая в синтаксическом способе словообразования в качестве опорного компонента. Показательно, что синтаксический способ словообразования с общеупотребительной лексикой в качестве термина-основы может сопровождаться процессом метафоризации.

Например, широко используемы в стратегическом менеджменте общеупотребительные лексемы «дерево» / «древцо», «книга», выступающие не в своих прямых значениях.

Под *дерево целей* понимается «структурированная, построенная по иерархическому принципу (распределенная по уровням, ранжированная) совокупность целей экономической системы» [13].

Древо знаний по управлению проектами – собирательный термин, охватывающий сумму профессиональных знаний по управлению проектами [13].

Вспомогательная книга – вспомогательный регистр, в котором ведется группа счетов, итоговые данные по которым соответствуют данным контрольного счета [13].

Аналогичная ситуация наблюдается с весьма популярным в сфере менеджмента основообразующим термином элементом «портфель», используемым

в переносном значении и активно участвующим в синтаксическом способе образования терминов-словосочетаний:

- *портфель прибыли* характеризуется преобладанием видов бизнеса с низкими темпами роста и высокой нормой прибыли [13];

- *портфель роста* характеризуется преобладанием видов бизнеса с высокими темпами роста и умеренной нормой прибыли; портфель характеризуется высоким соотношением задолженности к доходу и низким уровнем выплаты дивидендов [13];

- *сбалансированный портфель* характеризуется равномерным распределением бизнесов в портфеле между создающими прибыль и растущими [13].

Термины с метафоричным употреблением лексем «tree» существуют в англоязычном менеджменте: *objectives tree, decision tree* [41]. Метафоры наблюдаем также и в следующих словосочетаниях:

- *career paths* – logical and possible sequences of positions that could be held in an organization, based on an analysis of what people actually do in the organization [45];

- *career anchor* – pivots around which a person’s career swings; require self-awareness of talents and abilities, motives and needs, and attitudes and values [45].

Характерен для сферы менеджмента, как и для многих областей знания на современном этапе развития, определенный антропоцентризм, проявляющийся в метафоризации по антропоморфной модели [см. в этой связи: 17], например:

- *жизненный цикл организации* – концептуальная модель, описывающая основные и наиболее типичные этапы развития организационной системы от ее возникновения до распада [13];

- *жизненный цикл события* – этапы и деятельность в рамках события (в том числе поставка товаров и предоставление услуг) от разработки концепции и планирования, реализации/управления событием до окончательного оценивания и обратной связи [7];

- *жизненный цикл проекта* – набор последовательных фаз, количество и состав которых определяется потребностями управления проектом организацией или организациями, участвующими в проекте [13];

- *профиль зрелости* – графическое представление зрелости системы менеджмента устойчивого развития, полученное на основе матрицы зрелости [7];

- *корпоративная память* – центральное зна-

ние о прошлом компании, включая историю проектов, важные решения и их обоснования, ключевые документы и знания об отношениях с покупателями [13].

Интересен тот факт, что жизненный цикл организации, например, уподобляясь жизненному циклу человека, также состоит из стадий – становления (предпринимательская стадия), роста (стадия коллегиальности), зрелости (стадия формализации) и стадии совершенствования.

В англоязычном менеджменте ситуация антропоцентризма в метафоризации также достаточна частотна:

- *grey knight* – in a takeover battle, a counterbidder whose ultimate intentions are undeclared; the original unwelcome bidder is the black knight, the welcome counterbidder for the target company is the white knight, the grey knight is an ambiguous intervener whose appearance is unwelcome to all [46];

- *white knight* – a person or firm that makes a welcome takeover bid for a company on improved terms to replace an unacceptable and unwelcome bid from a black knight; if a company is the target for a takeover bid from a source of which it does not approve or on terms that it does not find attractive, it will often seek a white knight as a more suitable owner for the company, in the hope that a more attractive bid will be made [46];

- *risk appetite* – translates risk metrics and methods into business decisions, reporting and day-to-day business discussions; it sets the boundaries which form a dynamic link between strategy, target setting and risk management [36].

Таким образом, общеупотребительная лексика широко представлена в терминосистеме менеджмента в качестве основы для производных терминов словосочетаний при синтаксическом способе словообразования, в том числе с применением метафоризации.

Как показало исследование, в рамках анализируемой выборки 32,2% терминов русскоязычного менеджмента и 35,6% англоязычных терминов сферы менеджмента перешли в данную область знания из смежных наук.

В качестве основы ряда терминов менеджмента, наблюдаемых в ГОСТ, использована лексема «среда», дающая отсылку к областям экологии, психологии, социологии. Заметим, что сами термины-словосочетания с основой «среда» перешли в область менеджмента из смежных областей в большинстве случаев с сохранением значения. Например:

<i>инновационная среда</i>	
в менеджменте: сочетание внутренней и внешней сред участника инновационного процесса [10]	в сфере бизнеса: сочетание внутренней и внешней сред участника инновационного процесса [24]
<i>среда открытой системы</i>	
в менеджменте: всеобъемлющий набор интерфейсов, услуг и поддерживаемых форматов, а также подходов пользователей для обеспечения взаимодействия и/или переносимости приложений, данных или персонала в соответствии с требованиями стандартов и профилей по информационной технологии [10]	в сфере информационных технологий: всеобъемлющий набор интерфейсов, услуг и поддерживаемых форматов, а также подходов пользователей для обеспечения взаимодействия и/или переносимости приложений, данных или персонала в соответствии с требованиями стандартов и профилей по информационной технологии [6]

<i>производственная среда</i>	
в менеджменте: совокупность условий, в которых выполняется работа [8]	в экономике: физико-химические и биологические условия в производственных помещениях [1]
<i>внешняя среда</i>	
в менеджменте: организация, в которой выполняется проект, межпроектные зависимости, технологические достижения и законодательная, социальная и экологическая среда или изменения в политике и окружающей среде [10]	в ботанике: силы и явления природы, ее вещество и пространство, любая деятельность человека, находящиеся вне рассматриваемого объекта или субъекта, но не обязательно непосредственно контактирующие с ним [25]

Можно заключить, что в приведенных выше примерах представлены именно трансдисциплинарные термины, сохранившие в определенной мере семантическое значение в терминологических областях различных наук. Сопоставление дефиниций рассматриваемых терминов позволяет констатировать, что при их переходе из одной профессиональной сферы в другую трансформации, в первую очередь, подвергаются те семантические компоненты, которые репрезентируют узкоспециальную информацию, связанную с исходной сферой профессиональной деятельности. Менее частные семантические компоненты, как правило, при транстерминологизации изменениям подвергаются мало, и именно они служат когнитивным базисом для исследуемого процесса «миграции» терминов.

Вполне объясним тот факт, что некоторые термины экономики перешли в подязык менеджмента; среди них: *заинтересованная сторона, продукция, инфраструктура, качество*.

Обратим внимание на трансформацию значения упомянутых единиц. В ГОСТ Р 54147-2010 под

заинтересованной стороной понимается «лицо или группа, заинтересованные в деятельности или успехе организации» [10]. Словарь по экономике и финансам дает следующую трактовку: «заинтересованная сторона – сторона, которая может повлиять или на которую может повлиять результат действий бизнеса в целом» [26], что представляет собой иной взгляд, не учитывающий успешность организации, но демонстрирующий зависимость от действий бизнеса.

Продукция в менеджменте определяется как «результат процесса» [10], что является общим, более широким пониманием этого термина по сравнению с принятым в экономике. Там «продукция» понимается как «продукт производства в вещественной или информационной форме, чаще всего в предметном виде, количественно измеряемый в натуральном и денежном выражении» [23].

Значителен объем терминов экономики в терминосистеме менеджмента в английском языке, что также объясняется отчасти преемственностью предмета исследования и проявляется, в первую очередь, в бизнес-менеджменте:

<i>cash flow</i>	
Management: the money that is moving (or flowing) in and out of a business in any given month. Cash may be coming in from customers, or clients, who are buying products or services. Cash may be going out in the form of payments for expenses, like rent or a mortgage [49]	Financial Term: 1. The receipts and payments made by a business. 2. The contractual payments on a security or a portfolio of securities. 3. Used as a synonym for new money. [47]
<i>fiscal year</i>	
Management: the year used for accounting purposes by a government: in the UK, for example, the fiscal year runs from 6 April to 5 April; the US budget year runs from 1 October to 30 September [46]	Economics: the year used for accounting purposes by a government. In the UK, for example, the fiscal year runs from 6 April to 5 April; the US budget year runs from 1 October to 30 September [37]
<i>intervention</i>	<i>intervention (in foreign exchange markets)</i>
Management: used in Organisational Development to describe the range of activities by the client and consultant during an organisation development programme [42]	Economics: action by central banks or other monetary authorities to influence an exchange rate [37]
<i>working capital</i>	
Management: 1. The part of the capital of a company that is employed in its day-to-day trading operations [46]; 2. The funds tied up in such things as inventories and debtors as distinct from fixed assets such as building and plant [42]	Economics: the part of the capital of a business that is not tied up in land? Building? Or fixed equipment [37]

Представленные выше термины, дублируемые и в области экономики, и в сфере менеджмента, подтверждают, что лишь часть «мигрировавших» из экономики терминов применяется в менеджменте в своем исходном значении. Большая доля таких единиц характеризуется расширением или сужением се-

мантического объема в процессе смены профессиональной сферы.

Характерен в этой связи и переход в подязык менеджмента терминов маркетинга. Например, в менеджменте *потребитель* определяется в общем виде как «организация или лицо, получающие про-

дукцию», тогда как в маркетинге дефиниция термина «*потребитель*» более детализирована: «потребитель – ключевой субъект маркетинговых отношений, поскольку он оценивает степень соответствия товара своим потребностям, выбирает товар, принимает решение о покупке, предъявляет требования к сопутствующим услугам» [15].

Сужение значения заимствованного термина сферы маркетинга наблюдается и в случае сравнения дефиниций термина «поставщик». Согласно ГОСТ Р 54147-2010, «поставщик – организация или лицо, предоставляющие продукцию» [10]. В сфере маркетинга же находим следующую более узкую дефиницию: «поставщик – фирма или отдельное лицо, обеспечивающее предприятие различными ресурсами, необходимыми для производства и продажи конкретных товаров или услуг» [15].

Нельзя не учесть и значительный объем технической лексики в области менеджмента. В частности, наблюдаем:

- *измерительное оборудование* (measuring equipment): средства измерений, программные средства, эталоны, стандартные образцы, вспомогательная аппаратура или их комбинация, необходимые для выполнения процесса измерения [9];

- *метрологическая служба* (metrological function): организационная структура, несущая административную и техническую ответственность за определение и внедрение системы менеджмента измерений [9].

Таким образом, переход в терминосистему менеджмента лексических единиц из смежных терминосистем не всегда сопровождается морфолого-синтаксическими трансформациями, но может характеризоваться расширением или сужением семантического объема мигрирующих терминов.

Продуктивными для образования терминов-словосочетаний в области менеджмента послужили термины-основы области математики: *точка безубыточности, диаграмма Ганта, диаграмма Парето, диаграмма знаний, матрица Портера, матрица Анзоффа, матрица аутсорсинга, матрица выбора возможных направлений развития, формула Вильсона, S-кривая* и пр.

В некоторых из представленных словосочетаний математические термины использованы в своем основном значении. Так, «формула» понимается как «функциональная зависимость величин», «матрица» – как некоторый «алгоритм», «кривая» – как «линия, графически отображающая определенные зависимости»:

- *матрица Портера* – матрица, определяющая основные 4 альтернативные конкурентные стратегии [13];

- *матрица Анзоффа* – матрица, позволяющая уточнить стратегии развития компании в терминах «продукт» и «рынок», а также оценить вероятности успеха и затрат [13];

- *матрица аутсорсинга (BKG Profit Technology)* – матрица принятия решений по составу элементов бизнес-системы (предприятия), в которой любая работа, процедура, компетенция рассматриваются с двух точек зрения – соответствия стратегическим целям бизнес-системы и соответствия предло-

жениям на открытом рынке [13];

- *матрица выбора возможных направлений развития (БИГ-СПб)* – матрица принятия решений по возможным направлениям развития бизнесов компании, в которой сопоставляются ключевые компетентности (технологии) и рынки компании [13];

- *формула Вильсона* – формула для определения оптимальной величины заказа [13];

- *S-кривая* – график зависимости от времени итоговых затрат, расхода материалов, трудозатрат или других количественных показателей [13].

При этом весьма метафоричным является понимание «точки» в определении термина «точка безубыточности» – это выручка от реализации, при которой предприятие уже не имеет убытков, но еще не имеет прибылей, т.е. результата от реализации в точности хватает на покрытие постоянных затрат, и прибыль равна нулю [13].

Термины математики активно используются и в англоязычной терминосистеме рассматриваемой сферы, в том числе они находят применение при синтаксическом способе образования словосочетаний области менеджмента в английском языке:

- *chaos theory* – argues that behavior is essentially random and unpredictable when looked at in detail but that there is an underlying pattern or rhythm to it when considered at a deeper level; attempts at planning and control in business, as in any organizations, are therefore doomed to failure in this view, so managers need to be aware of the fluid, dynamic and ever-changing nature of events as they impinge on this business [50: 23];

- *pyramid selling* – a method of selling to the public using a hierarchy of part-time workers [46];

- *activity-on-arrow (AOA)* – one of two alternative conventions for the visual representation of network diagrams; in AOA the activities, which make up the network, are depicted as arrows, with durations attached, the direction of the arrow indicates the direction of time [46];

- *activity-on-node (AON)* – one of two alternative conventions for the visual representation of network diagrams; in AON the activities, which make up the network, are located on nodes, with the lines in between simply indicating the logical sequence [46];

- *cause-effect diagram (fish-bone diagram; Ishikawa diagram)* – a diagram that, by working back from a given problem, is used to identify the main categories of possible causes of the problem and then to generate detailed lists of specific possible causes [46];

- *Ansoff Matrix* – a way of classifying the four basic product strategies of marketing developed by Igor Ansoff: **1** market penetration, **2** market extension, **3** product development and **4** diversification [50: 6].

В ходе анализа русскоязычных глоссариев менеджмента обнаружены термины, заимствованные из областей знания, не являющихся родственными по отношению к менеджменту, а потому не менее интересными – речь идет о сферах строительства, музыки, спорта, географии:

- *Финиш-Финиш (ФФ)* – тип логической взаимосвязи операций, когда последующая операция может завершиться лишь после завершения предшествующей [13];

- *Финиш-Старт (ФС)* – тип логической вза-

имосвязи операций, когда последующая операция может начаться лишь после завершения предшествующей [13];

- **фактический старт** – дата фактического начала работ на операции [13];

- **фактический финиш** – дата фактического завершения работ на операции [13];

- **7 нот менеджмента (компоненты менеджмента)** – предложенное консалтинговой группой БИГ «функциональное» основание деление менеджмента – деление по предметным (функциональным) областям [13];

- **переделка (rework)** – действие, предпринятое в отношении несоответствующей продукции, с тем чтобы она соответствовала требованиям [8];

- **ремонт** – действие, предпринятое в отношении несоответствующей продукции, чтобы сделать ее приемлемой для предполагаемого использования; в отличие от переделки ремонт может воздействовать на отдельные части несоответствующей продукции или изменять их [10];

- **карта знаний** – карта, отражающая распределение элементов знаний между различными объектами организации, такими как организационная единица, функция, процесс, местонахождение и т. п. [13];

- **карта стратегий** – система критических факторов успеха, объединенных причинно-следственными связями [13].

Представленные примеры также указывают на участие процессов метафорического терминообразования в ходе транстерминологизации в области менеджмента.

Существенным источником миграции терминов в область менеджмента можно назвать и гуманитарные науки, а именно – психологию, социологию, философию. Любопытно, что ЛЕ «знания», под которыми традиционно понимаются некоторые «сведения» о закономерностях устройства окружающей действительности, также выступает в качестве основы в образовании терминов области менеджмента. Это подтверждается активным использованием таких терминов, как *контент-анализ, мета-знания, адаптация, миссия, знания, глубинные знания, декларативные (предметные) знания, инновационные знания, процедурные (организационные) знания, поверхностные знания*. Рассмотрим некоторые примеры более подробно:

- **менеджмент знаний (или менеджмент на основе знаний)** – целенаправленная организация деятельности всей компании, где знания рассматриваются как главный стратегический фактор успеха [13];

- **управление знаниями (УЗ)** – это совокупность процессов и технологий для выявления, создания, распространения, обработки, хранения и предоставления для использования знаний внутри предприятия [13].

Приведенные примеры показывают, что в рамках терминосистемы менеджмента знания уже рассматриваются как стратегический фактор, как средство достижения определенного уровня развития предприятия.

Объем заимствований в англоязычной терминосистеме менеджмента из психологии и социологии

также весьма значителен:

- **acuity** is used to describe someone's ability to discriminate fine detail in using one of the senses; most often used of vision, though also used of hearing and other senses [50: 3];

- **anomie** – a term used by the French sociologist Emile Durkheim to describe a condition of society where social norms are breaking down and people may become confused both about their place in society and about their sense of identity; this may lead them to suffer a form of alienation [50: 6];

- **Chinese walls** – imaginary barriers to communication which are set up voluntarily between two departments or sets of activities within the same company [50: 24];

- **Chi square** – in statistics this is a simple test, represented by the Greek letter chi, which is widely used in research in Psychology [50: 24];

- **clique** – an informal group whose members associate with each other at work (as in society generally) on the basis of mutual interests, or even just physical proximity [50: 24];

- **active listening** – listening in which five things are done well: taking time to listen, communicating verbally and nonverbally, not interrupting or arguing, watching for verbal and nonverbal cues, and summarizing what was said and what was agreed to [45];

- **breakthrough thinking** – a management technique which emphasizes the development of new, radical approaches to traditional constraints, as opposed to incremental or minor changes in thought that build on the original approach [45];

- **charisma** – was used by Weber to describe one of three principal types of political authority; to Weber charisma was a personal quality of attraction and psychological power, capable of inspiring deep political loyalty in large numbers of people [45];

- **contingency theory** – the management theory stating that there is no “best way” to manage and organize an organization because situational characteristic, called contingencies, differ also, the view that no HR strategy is good or bad in and of itself but rather depends on the situation or context in which it used [45].

Нельзя упустить из виду еще один активный процесс в русскоязычном терминообразовании – транскрипцию и транслитерацию, позволяющие иноязычным (как правило, англоязычным) терминам ассимилироваться в русском языке, подвергаться морфологическим трансформациям и активно участвовать в образовании новых терминов-словосочетаний: *инсорсинговая интеграция, аутсорсинговая интеграция, стейкхолдер, провайдер, внешний провайдер*. Зачастую данные термины дублируют уже существующие в языке, что служит причиной возникающей синонимии терминов: *стейкхолдер – заинтересованная сторона, провайдер – поставщик, внешний провайдер – внешний поставщик*.

Важной составляющей современного подъязыка менеджмента выступают профессионализмы, в том числе сленгизмы (жаргонизмы), к числу которых в англоязычном менеджменте можно отнести:

- **ambush marketing** – to tie a firm's name to its competitors advertising [40];

- **brush fire** – 1) out of control; 2) growing wildly

[40];

- *downsize* – to fire some employees and/or reduce plant and equipment [40];

- *hired gun* – a consultant with an expertise who may or may not have better knowledge than almost any employee [40];

- *milestone* – 1) the completion of a part of a project that may be needed by some specific time; 2) a point in a project to be reported to management [40];

- *golden parachute* – the name given to the clause in a top executive's employment agreement or contract that defines the payout the individual will receive should they be terminated by the organization before the end of their contract [49];

- *act of God* – a natural event that is not caused by any human action and cannot be predicted [46];

- *angel* – an investor in a high-risk enterprise [46];

- *bear hug* – an approach to the board of a company by another company indicating that an offer is about to be made for their shares [46];

- *cash cow* – a firm in mature markets requiring only maintenance investments to maintain operations and generate surplus cash flow; one of the four parts of the Boston Consulting Group's strategy matrix [46].

Как видно из приведенных примеров, некоторые профессионализмы рассматриваемой сферы занимают положение на границе с терминологической лексикой (например, ЛЕ *downsize* и, соответственно, *downsizing*), однако мы все же относим глагол *downsize* именно к профессионализмам ввиду достаточно прозрачной мотивированности внешней формы. Профессионализмы области менеджмента в русском языке являются составной частью профессионализмов всей бизнес-среды и в большинстве своем представляют заимствования из английского, адаптированные к русскоязычной среде благодаря транскрипции или транслитерации зачастую совместно с морфологической адаптацией:

- *револьверный кредит* (от англ. *revolve*) – автоматически возобновляемый кредит, применяемый на рынке ссудного капитала [23];

- *демпинг* (от англ. *dumping*) – продажа товаров за границей по ценам ниже их предельно высокой себестоимости, подразумевающим, что продавец терпит убытки [24];

- *сэмплинг* (от англ. *sampling* < *sample*) – бесплатная раздача продукции [24] в рекламных целях либо для тестирования реакции целевых групп потребителей.

Проанализировав выборку русскоязычных и англоязычных терминов менеджмента на предмет наличия транстерминологизированных единиц смежных областей знаний, можем наглядно отразить полученные данные в следующих диаграммах:

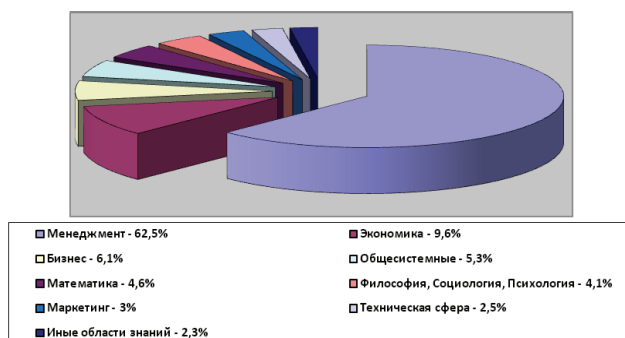

Рис. 1. Области знания, послужившие источниками миграции терминов в русскоязычную терминосистему менеджмента

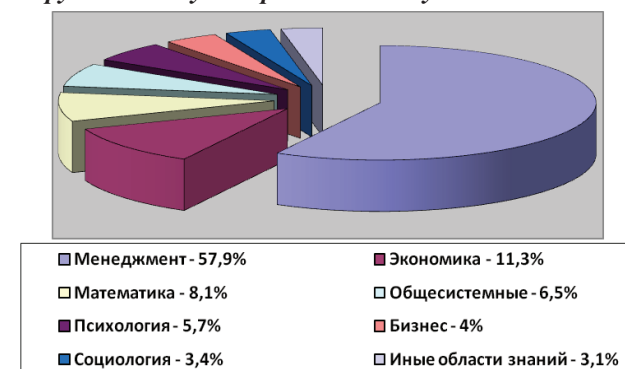
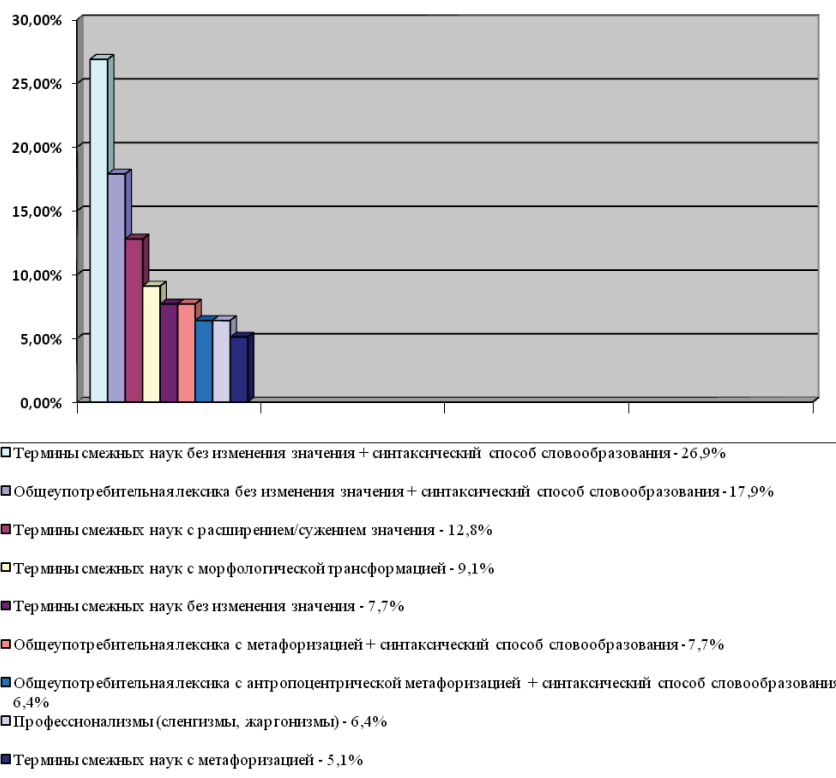

Рис. 2. Области знаний, послужившие источниками миграции терминов в англоязычную терминосистему менеджмента

Продуктивность идентичных областей знания в русском и английском языках в качестве источников терминов, перешедших в область менеджмента и активно функционирующих в ней, объясняется во многом сферой деятельности и функционалом задач, выполняемых менеджерами в России и в англоговорящих странах. Знание рынка, владение навыками администрирования, предпринимательства, систематизация работы и коммуникации в коллективе, аналитические способности, творческий подход – некоторые базовые умения, определяющие квалифицированного менеджера и влияющие на используемый им понятийно-терминологический аппарат.

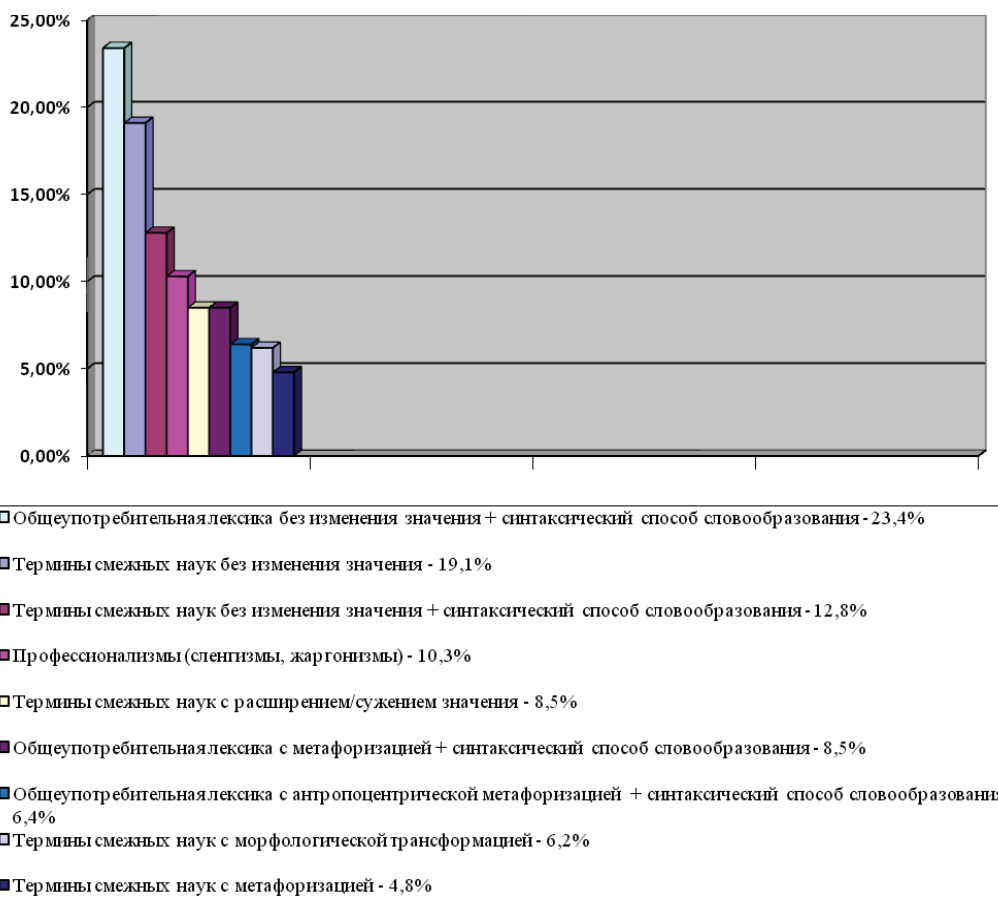
Не менее интересным в рамках выборки «мигрировавших» в англоязычную и русскоязычную терминосистемы менеджмента лексем оказалось наблюдение за способами терминообразования, в которых участвовали транстермины.

В русскоязычной выборке сложилась следующая ситуация:

Англоязычная выборка продемонстрировала иные показатели популярности способов словообра-

зования с участием заимствований из общепотребительной лексики и терминов смежных наук:

Можно отметить, что способы создания русских и английских терминов менеджмента с участием заимствований в рамках настоящей выборки являются идентичными, тогда как частотность реализации представленных способов в русскоязычном и англоязычном менеджменте представляет собой дифференциальную характеристику рассматриваемых лексических корпусов.

Грамотная управленческая культура немыслима без знания основ менеджмента, ставшего приоритетной областью практической деятельности в хозяйственной, государственной, общественной сферах,

что требует специального терминологического аппарата в том числе. Это приводит в итоге к миграции терминов менеджмента в терминосистемы смежных наук, превращает их в трансдисциплинарные и свидетельствует о присутствии в изучаемой сфере траекторий транстерминологизации не только «в сферу менеджмента», но и «из данной сферы».

В ходе исследования применения терминов менеджмента обнаружено в экономике, педагогике и психологии, в политике, в области финансов, что наблюдалось как в русском, так и в английском языках:

<i>делегирование полномочий</i>	
в менеджменте: передача подчиненным власти в принятии решений и в осуществлении тех или иных действий, права использовать ресурсы организации для выполнения делегированных им задач [27].	в экономике: передача полномочий другому лицу; применяется обычно как средство децентрализации управления [14]; в образовании: управленческий прием, заключающийся в передаче подчиненным части обязанностей, прав и соответствующей ответственности из сфер действий руководителя [18]
<i>система управления</i>	
в менеджменте: система, представляющая собой совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, благодаря которым осуществляется процесс управления, возникают новые целостные свойства [30].	в педагогике и психологии: устойчивая совокупность личностных и социально психологических характеристик руководителя, посредством которых реализуются те или иные методы воздействия на группу (коллектив) [33]
<i>высшее руководство</i>	
в менеджменте: лицо или группа работников, осуществляющих направление деятельности и управление организацией на высшем уровне [8]	в политике: совокупность руководителей самого высокого положения в данной области, например, в сфере власти государственной, военной и т.д. [32]
<i>обеспечение качества</i>	
в менеджменте: часть менеджмента качества, направленная на создание уверенности, что требования к качеству будут выполнены [8]	в строительстве: все планируемые и систематически осуществляемые виды деятельности в рамках системы качества, а также подтверждаемые (если это требуется), необходимые для создания достаточной уверенности в том, что объект будет выполнять требования к качеству [34]
<i>планирование качества</i>	
в менеджменте: часть менеджмента качества направленная на установление целей в области качества и определяющая необходимые операционные процессы жизненного цикла продукции и соответствующие ресурсы для достижения целей в области качества [8]	в бизнесе: деятельность, которая устанавливает цели и требования к качеству и применению элементов системы качества [24]
<i>миссия организации</i>	
в менеджменте: цель, вызывающая у членов организации состояние устремленности к чему-то; миссия информирует членов организации о том, что ожидает общество от организации, и что организация ожидает от своих членов [27]	в бизнесе: философия и предназначение организации, смысл ее существования на рынке, отличие организации от остальных организаций; обычно в миссии провозглашаются: социальные обязательства и гражданская ответственность перед обществом, принципы отношения к различным группам общественности, к окружающей среде и т.д. [24]
<i>обогащение труда</i>	
в менеджменте: процесс структурирования трудовой деятельности таким образом, чтобы дать почувствовать исполнителю сложность и значимость порученного ему дела, независимость в выборе решений, отсутствие монотонности и рутинных операций, ответственность за данное задание, ощущение того, что человек выполняет отдельную и полностью самостоятельную работу [27]	в социологии: концепция организации труда в западной социологии, ориентирующаяся на «сложную» мотивацию работника [19]
<i>управление персоналом</i>	
в менеджменте: функциональная сфера деятельности, задача которой – обеспечение предприятия в нужное время кадрами в необходимом количестве и требуемого качества их работы, правильная расстановка и стимулирование персонала организации [27]	в бизнесе: управление сотрудниками организации в целях выполнения ими их работы и в рамках организации в целом, как в ее интересах, так и в интересах сотрудников [24]

<i>единоначалие</i>	
в менеджменте: форма организации управления, при которой во главе органа управления (его структурного подразделения) учреждения или организации стоит одно лицо, правомочное принимать в пределах своей компетенции юридически обязательные решения; единоначалие создает возможность более оперативного принятия решений, повышает персональную ответственность за общее состояние дел в данном органе, организации, учреждении [30]	в юриспруденции: принцип, означающий предоставление руководителю какого-либо органа, учреждения, предприятия полномочий, необходимых для выполнения его функций, а также установление его персональной ответственности за результаты работы [29]; в социологии: принцип управления, представляющий руководителю широкие полномочия, необходимые для успешного выполнения его функций, и устанавливающий его персональную ответственность за результаты работы [35]
<i>управленческая решетка</i>	
в менеджменте: схема, описывающая стиль менеджмента в зависимости от соотношения двух параметров: стремления к выполнению задания и внимания к отношениям между людьми [16]	в психологии, педагогике и в социологии: разработанная американскими специалистами в теории менеджмента Р. Блейком и Дж.С. Мутон теоретическая матрица типологических методов и способов управления внутригрупповыми взаимодействиями, в том числе и конфликтными, помогающая найти наиболее эффективные направления и приемы управленческого влияния на предотвращение, развертывание и урегулирование внутригрупповых конфликтов [33; 28]
<i>management by objectives (MBO)</i>	
management: a philosophy of management that encourages all levels of an organisation to participate in the management of that organisation's affairs [42]	business: a strategic management model that aims to improve the performance of an organization by clearly defining objectives that are agreed to by both management and employees [43; 44]
<i>Peter Principle</i>	
management: any hierarchy a person is promoted until that person has reached his/her level of maximum competence; once this occurs there is no further promotion [42]	business: an observation that the tendency in most organizational hierarchies, such as that of a corporation, is for every employee to rise in the hierarchy through promotion until they reach a level of respective incompetence [43; 44]
<i>S-W-O-T</i>	
management: determining an organisation's Strengths, Weaknesses, Opportunities and Threats [42]	business: a strategic management tool that assists an enterprise in discerning their internal Strengths, and Weaknesses, and external Opportunities, and Threats, to determine its competitive position in the market [38]
<i>total quality management</i>	
management: an approach to management that seeks to integrate all the elements of an organization in order to meet the needs and expectations of its customers [46]	psychology: an approach to management based on the principle that every member of staff should be involved in decision making [39]; environment: an approach to management that focuses on achieving a high quality product and customer satisfaction [48]

Заметим, что переход терминов менеджмента в иные отраслевые области может не сопровождаться сколько-нибудь существенным изменением значения. Подобный переход может также быть обусловлен адаптацией к определенной профессиональной сфере, предполагающей незначительное расширение / сужение значения мигрирующего термина.

Динамическое развитие менеджмента как области знаний, продолжающееся в настоящее время, безусловно, отражается на терминосистемах менеджмента английского и русского языков. Высокий интерес вызывают области взаимодействия рассматриваемой подсистемы с лексикой иных областей знаний, принципы и характер их взаимопроникновения и особенности реализации. Очевидно, что нескончаемая миграция терминов как в область менеджмента, так и из нее, размывает границы терминосистем различных областей знаний, еще раз подтверждая мысль о том, что трансдисциплинарный характер терминологических единиц проявляется благодаря комплексному обоюдному разнонаправленному экс-

траполированию терминоединиц из одних областей в другие без смещения когнитивных структур и, как следствие, без существенных изменений семантического наполнения исходной лексической единицы.

Библиографический список

1. Азрилиян А.Н. Большой экономический словарь. М.: Институт новой экономики. 1997. URL: <https://rus-big-economic-dict.slovaronline.com> (дата обращения: 01.01.2019).
2. Акаева Х.А., Алимуратов О.А., Лату М.Н. Прикладные и фундаментальные терминосистемы как взаимокоррелирующие вербальные основы профессиональной коммуникации: к постановке проблемы // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2014. № 3. С. 40-45.
3. Алимуратов О.А., Кожеватова Д.С., Раздубов А.В. Некоторые структурно-словообразовательные модели англоязычной юридической терминологии // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. № 4 (20). С. 44-55.
4. Алимуратов О.А., Раздубов А.В. Некоторые антропо-

- центрические параметры терминологической номинации (на материале терминов-эпонимов сферы нанотехнологий) // Когнитивные исследования языка. 2016. № 27. С. 580-591.
5. Алимурадов О.А., Чернышенко А.Г. Прикладная терминосистема с функциональной точки зрения: терминологический компонент англоязычного дискурса медиации // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 408-415.
  6. Государственный стандарт Российской Федерации. Информационная технология. Основы и таксономия международных функциональных стандартов. ГОСТ Р ИСО/МЭК ТО 10000-1-99. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200027468> (дата обращения: 01.01.2019).
  7. Государственный стандарт Российской Федерации. Менеджмент организации. Требования к системе менеджмента устойчивого развития применительно к событиям. ГОСТ Р 54598.2-2013. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200108132> (дата обращения: 01.01.2019).
  8. Государственный стандарт Российской Федерации. Системы менеджмента качества. ГОСТ Р ИСО 9000-2001. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200015260> (дата обращения: 01.01.2019).
  9. Государственный стандарт Российской Федерации. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь. ГОСТ Р ИСО 9000-2008. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200068733> (дата обращения: 01.01.2019).
  10. Государственный стандарт Российской Федерации. Стратегический и инновационный менеджмент. Термины и определения. ГОСТ Р 54147-2010. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200086161> (дата обращения: 01.01.2019).
  11. Гришечкина Г.Ю. Виды дефиниций терминов в научно-популярном тексте // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-definitiy-terminov-v-nauchno-populyarnom-tekste> (дата обращения: 01.02.2019).
  12. Дубовская О.В., Лазыко А.Ю. Терминология сферы логистики современного английского языка: социолингвистический подход // Филологические науки в МГИМО. 2016. № 7 (7). С. 24-30.
  13. Краткий словарь терминов современного менеджмента. URL: http://bigc.ru/publications/glossary/part1_strateg_meng.php (дата обращения: 01.01.2019).
  14. Кураков Л.П., Кураков В.Л., Кураков А.Л. Экономика и право: словарь-справочник. М.: Вуз и школа, 2004. URL: <http://economics.niv.ru/doc/dictionary/economy-and-law/index.htm> (дата обращения: 01.01.2019).
  15. Маркетинг. Большой толковый словарь / Под ред. А.П. Панкрухина. М.: Омега-Л, 2010. URL: <https://marketing.academic.ru/98/ПОТРЕБИТЕЛЬ> (дата обращения: 01.01.2019).
  16. Михалева Е.П. Менеджмент. Тула: Тульский государственный университет, 2016. URL: <http://www.smartcat.ru/Referat/Management/MikhalevaLectureNotes.shtml> (дата обращения: 01.01.2019).
  17. Мишанкина Н.А. Метафора в терминологических системах: функции и модели // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2012. №4 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-v-terminologicheskikh-sistemah-funktsii-i-modeli> (дата обращения: 10.01.2019).
  18. Олешков М.Ю., Уваров В.М. Современный образовательный процесс: основные понятия и термины. М.: Компания Спутник+, 2006. URL: http://pedlib.ru/Books/3/0311/3_0311-1.shtml (дата обращения: 01.01.2019).
  19. Осипов Г.В. Российская социологическая энциклопедия. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999. URL: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/sociology/index.htm> (дата обращения: 01.01.2019).
  20. Раздвев А.В. История возникновения и развития терминологии нанотехнологий // European Social Science Journal. 2011. № 8 (11). С. 60-69.
  21. Раздвев А.В., Лазыко А.Ю. Субституция нанотехнологических терминов в тексте и дискурсе (на материале современных английского и испанского языков) // Филология: научные исследования. 2018. № 4. С. 103-118.
  22. Раздвев А.В., Хакиева З.У. Основные индивидуальные (вариативные) характеристики англоязычных систем строительной и нанотехнологической терминологии // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2012. № 7. С. 191-206.
  23. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М., 1999. 479 с. URL: <http://www.ebk.net.ua/Book/Ses/> (дата обращения: 01.01.2019).
  24. Словарь бизнес-терминов. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/business/> (дата обращения: 01.01.2019).
  25. Словарь ботанических терминов / Под общей редакцией И.А. Дудки. Киев: Наукова Думка, 1984. <http://sbiblio.com/BIBLIO/content.aspx?dictid=76&wordid=768705> (дата обращения: 01.01.2019).
  26. Словарь по экономике и финансам. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1496525> (дата обращения: 01.01.2019).
  27. Словарь практических терминов по менеджменту. URL: <http://www.valnet.ru/m7-30.phtml> (дата обращения: 01.01.2019).
  28. Социологический словарь Socium. URL: <https://socium.academic.ru> (дата обращения: 01.01.2019).
  29. Сухарев А.Я., Крутских В.Е., Сухарева А.Я. Большой юридический словарь. М.: Инфра-М, 2003. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/14684> (дата обращения: 01.01.2019).
  30. Термины основ менеджмента. URL: <http://www.strategplann.ru/miscellaneous/terms-principles-of-management.html> (дата обращения: 01.01.2019).
  31. Толковый словарь русского языка. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Советская энциклопедия»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. (4 т.). URL: <http://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/117> (дата обращения: 01.01.2019).
  32. Халипов В.Ф., Халипова Е.В. Власть. Политика. Государственная служба: Словарь. М.: Луч, 1996. URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/power-policy/index.htm> (дата обращения: 01.01.2019).
  33. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. URL: https://psychology_pedagogy.academic.ru (дата обращения: 01.01.2019).
  34. Энциклопедия терминов, определений и пояснений строительных материалов. URL: <https://construction-materials.academic.ru> (дата обращения: 01.01.2019).
  35. Antinazi. Энциклопедия социологии. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/953/ЕДИНОНАЧАЛИЕ> (дата обращения: 01.01.2019).
  36. Barfield R. Risk appetite – How hungry are you? URL: <https://docviewer.yandex.ru> (дата обращения: 01.01.2019).
  37. Black J., Hashimzade N., Myles G. A Dictionary of Economics. URL: <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199696321.001.0001/acref-9780199696321> (дата обращения: 01.01.2019).
  38. Business Jargons: What is SWOT analysis? Definition and importance. URL: <https://businessjargons.com/swot-analysis.html> (дата обращения: 01.01.2019).
  39. Colman A.M. A Dictionary of Psychology. URL: [https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199534067.001.0001/acref-](https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199534067.001.0001/acref-9780199534067)

- 9780199534067-е-8483 (дата обращения: 01.01.2019).
40. Dictionary of Management Jargon. URL: <http://dictionaryofmanagementjargon.yolasite.com> (дата обращения: 01.01.2019).
  41. Dragseth D. Glossary of strategic management terms. URL: <http://www2.dsu.nodak.edu/users/rbutz/International%20Business/PDF/Terminology.pdf> (дата обращения: 01.01.2019).
  42. Glossary of Management Terms. URL: https://www.hrinz.org.nz/Site/Resources/Knowledge_Base/Glossary_of_Management_Terms.aspx (дата обращения: 01.01.2019).
  43. Hayes A. Management by Objectives (MBO). URL: <https://www.investopedia.com> (дата обращения: 01.01.2019).
  44. Hayes A. Peter Principle. URL: <https://www.investopedia.com> (дата обращения: 01.01.2019).
  45. Kamawi M. Concise dictionary of management terms. URL: <https://unitar.org/hiroshima/sites/unitar.org/hiroshima/files/Management%20Glossary%20-%20Musa%20Kamawi.pdf> (дата обращения: 01.01.2019).
  46. Law J. A dictionary of Business and Management. URL: <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199234899.001.0001/acref-9780199234899> (дата обращения: 01.01.2019).
  47. Moles P. Terry N. The Handbook of International Financial Terms. URL: <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780198294818.001.0001/acref-9780198294818> (дата обращения: 01.01.2019).
  48. Park C. A Dictionary of Environment and Conservation. URL: <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780198609957.001.0001/acref-9780198609957-е-8300> (дата обращения: 01.01.2019).
  49. Reh J.F. Glossary of Business Management Terms. URL: <https://www.thebalancecareers.com> (дата обращения: 01.01.2019).
  50. Statt D.A. Concise Dictionary of Business Management. London: Routledge, 1999. 198 p.

Works Cited

1. Azriliyan A.N. Bol'shoy ekonomicheskiy slovar'. M.: Institut novoy ekonomiki. 1997. URL: <https://rus-big-economic-dict.slovaronline.com> (дата обращения: 01.01.2019).
2. Akayeva Kh.A., Alimuradov O.A., Latu M.N. Prikladnyye i fundamental'nyye terminosistemy kak vzaimokorreliuyushchiye verbal'nyye osnovy professional'noy kommunikatsii: k postanovke problemy // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2014. № 3. S. 40-45.
3. Alimuradov O.A., Kozhevatoва D.S., Razduyev A.V. Nekotoryye strukturno-slovoobrazovatel'nyye modeli angloyazychnoy yuridicheskoy terminologii // Aktual'nyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2015. № 4 (20). S. 44-55.
4. Alimuradov O.A., Razduyev A.V. Nekotoryye antropotsentricheskiye parametry terminologicheskoy nominatsii (na materiale terminov-eponimov sfery nanotekhnologiy) // Kognitivnyye issledovaniya yazyka. 2016. № 27. S. 580-591.
5. Alimuradov O.A., Chernyshenko A.G. Prikladnaya terminosistema s funktsional'noy tochki zreniya: terminologicheskii komponent angloyazychnogo diskursa mediatsii // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 2. S. 408-415.
6. Gosudarstvennyy standart Rossiyskoy Federatsii. Informatsionnaya tekhnologiya. Osnovy i taksonomiya mezhduнародnykh funktsional'nykh standartov. GOST R ISO/M·EK TO 10000-1-99. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200027468> (дата обращения: 01.01.2019).
7. Gosudarstvennyy standart Rossiyskoy Federatsii. Menedzhment organizatsii. Trebovaniya k sisteme menedzhmenta ustoychivogo razvitiya primenitel'no k so-bytiyam. GOST R 54598.2-2013. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200108132> (дата обращения: 01.01.2019).
8. Gosudarstvennyy standart Rossiyskoy Federatsii. Sistemy menedzhmenta kachestva. GOST R ISO 9000-2001. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200015260> (дата обращения: 01.01.2019).
9. Gosudarstvennyy standart Rossiyskoy Federatsii. Sistemy menedzhmenta kachestva. Osnovnyye polozheniya i slovar'. GOST R ISO 9000-2008. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200068733> (дата обращения: 01.01.2019).
10. Gosudarstvennyy standart Rossiyskoy Federatsii. Strategicheskii i innovatsionnyy menedzhment. Terminy i opredeleniya. GOST R 54147-2010. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200086161> (дата обращения: 01.01.2019).
11. Grishechkina G.Yu. Vidy definitsiy terminov v nauchno-populyarnom tekste // Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki. 2010. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-definitsiy-terminov-v-nauchno-populyarnom-tekste> (дата обращения: 01.02.2019).
12. Dubovskaya O.V., Laz'ko A.Yu. Terminologiya sfery logistiki sovremennogo angliyskogo yazyka: sotsiolingvisticheskiy podkhod // Filologicheskiiye nauki v MGIMO. 2016. № 7 (7). S. 24-30.
13. Kratkiy slovar' terminov sovremennogo menedzhmenta. URL: http://bigc.ru/publications/glossary/part1_strategy_meng.php (дата обращения: 01.01.2019).
14. Kurakov L.P., Kurakov V.L., Kurakov A.L. Ekonomika i pravo: slovar'-spravochnik. M.: Vuz i shkola, 2004. URL: <http://economics.niv.ru/doc/dictionary/economy-and-law/index.htm> (дата обращения: 01.01.2019).
15. Marketing. Bol'shoy tolkovyy slovar' / Pod red. A.P. Pankrukhina. M.: Omega-L, 2010. URL: <https://marketing.academic.ru/98/POTREBITEL> (дата обращения: 01.01.2019).
16. Mikhaleva E.P. Menedzhment. Tula: Tul'skiy gosudarstvennyy universitet, 2016. URL: <http://www.smart-sat.ru/Referat/Management/MikhalevaLectureNotes.shtml> (дата обращения: 01.01.2019).
17. Mishankina N.A. Metafora v terminologicheskikh sistemakh: funktsii i modeli // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. 2012. №4 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-v-terminologicheskikh-sistemah-funktsii-i-modeli> (дата обращения: 10.01.2019).
18. Oleshkov M.Yu., Uvarov V.M. Sovremennyy obrazovatel'nyy protsess: osnovnyye ponyatiya i terminy. M.: Kompaniya Sputnik, 2006. URL: http://pedlib.ru/Books/3/0311/3_0311-1.shtml (дата обращения: 01.01.2019).
19. Osipov G.V. Rossiyskaya sotsiologicheskaya entsiklopediya. M.: NORMA-INFRA-M, 1999. URL: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/sociology/index.htm> (дата обращения: 01.01.2019).
20. Razduyev A.V. Istoriya vozniknoveniya i razvitiya terminologii nanotekhnologiy // European Social Science Journal. 2011. № 8 (11). S. 60-69.
21. Razduyev A.V., Laz'ko A.Yu. Substitutsiya nanotekhnologicheskikh terminov v tekste i diskurse (na materiale sovremennykh angliyskogo i ispanskogo yazykov) // Filologiya: nauchnyye issledovaniya. 2018. № 4. S. 103-118.
22. Razduyev A.V., Khakiyeva Z.U. Osnovnyye individual'nyye (variativnyye) kharakteristiki angloyazychnykh sistem stroitel'noy i nanotekhnologicheskoy terminologii // Teoreticheskiye i prikladnyye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti. 2012. № 7. S. 191-206.

23. Rayzberg B.A., Lozovskiy L.Sh., Starodubtseva E.B. *Sovremennyy ekonomicheskiy slovar'*. 2-e izd., ispr. M.: INFRA-M., 1999. 479 s. URL: <http://www.ebk.net.ua/Book/Ses/> (data obrashcheniya: 01.01.2019).
24. Slovar' biznes-terminov. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/business/> (data obrashcheniya: 01.01.2019).
25. Slovar' botanicheskikh terminov / Pod obshchey redaktsiyey I.A. Dudki. Kiyev: Naukova Dumka, 1984. <http://sbiblio.com/BIBLIO/content.aspx?dictid=76&wordid=768705> (data obrashcheniya: 01.01.2019).
26. Slovar' po ekonomike i finansam. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1496525> (data obrashcheniya: 01.01.2019).
27. Slovar' prakticheskikh terminov po menedzhmentu. URL: <http://www.valnet.ru/m7-30.phtml> (data obrashcheniya: 01.01.2019).
28. Sotsiologicheskiy slovar' Socium. URL: <https://socium.academic.ru> (data obrashcheniya: 01.01.2019).
29. Sukharev A. Ya., Krutskikh V.E., Sukhareva A. Ya. *Bol'shoy yuridicheskiy slovar'*. M.: Infra-M, 2003. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/14684> (data obrashcheniya: 01.01.2019).
30. Terminy osnov menedzhmenta. URL: <http://www.strategplann.ru/miscellaneous/terms-principles-of-management.html> (data obrashcheniya: 01.01.2019).
31. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. / Pod red. D.N. Ushakova. M.: Gos. in-t «Sovetskaya entsiklopediya»; OGIZ; Gos. izd-vo inostr. i nats. slov., 1935-1940. (4 t.). URL: <http://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/117> (data obrashcheniya: 01.01.2019).
32. Khalipov V.F., Khalipova E.V. *Vlast'. Politika. Gosudarstvennaya sluzhba: Slovar'*. M.: Luch, 1996. URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/power-policy/index.htm> (data obrashcheniya: 01.01.2019).
33. *Entsiklopedicheskiy slovar' po psikhologii i pedagogike*. URL: https://psychology_pedagogy.academic.ru (data obrashcheniya: 01.01.2019).
34. *Entsiklopediya terminov, opredeleniy i poyasneniy stroitel'nykh materialov*. URL: https://construction_materials.academic.ru (data obrashcheniya: 01.01.2019).

УДК 8; 81:3

© **Д.Ю. Шалков**

*ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»
Ростов-на-Дону, Россия*

© **Я.В. Колмаков**

*ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»
Ростов-на-Дону, Россия*

© **Е.Н. Лазарева**

*ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»
Ростов-на-Дону, Россия*

Топонимия духоборов как элемент национального культурно-исторического кода

Национальный культурно-исторический код русского языка лежит в основе современной языковой картины мира как основа закрепляемых в ней знаний о ценностях, в том числе и духовных [3 и др.]. Важное место здесь занимает и топонимия – пласт наименований географических локусов, хронологически связанных с жизнью и деятельностью человека. Эти названия, формируя лингвокультурный вектор, отражающий динамические процессы, которые происходили и происходят в жизни социума, «повседневны и постоянно входят в наше сознание, начиная с названия города, села, улицы, где находится родной дом. И естественным становится желание осмыслить географические имена, выяснить, как они образуются, развиваются и умирают, каково их внутреннее содержание» [7]. В отличие от топонимии, топонимия (топонимикон) представляет собой особую номенклатуру – совокупность географических названий данного языка, страны, региона, местности, текста, определенного времени. Она «служит ценнейшим источником для исследования истории языка и находит применение в исторической лексикологии, диалектологии, этимологии, лингвистической географии, так как некоторые топонимы, особенно гидронимы, устойчиво сохраняют архаизмы и диалектизмы» [8].

Названия, данные городу или поселению, могут свидетельствовать о многом. Практически у каждого топонима существует крайне важная целеустановка – отражение культурно-исторических, политических, географических, климатических или экономических аспектов жизни общества. Каждый оным возникает не случайно и формирует уникальную концептосферу. Улицу, бульвар или проспект можно назвать в честь известного писателя, выдающегося ученого или героя; район – в честь события, которое произошло на территории, где основан город; а сам город – по определенному географическому признаку, среди которых могут быть флора и фауна, климатические показатели, особенности рельефа, ближайшие водоемы и многое другое.

В обширной научно-исследовательской литературе представлены различные классификации топонимов, которые включают не только названия населенных пунктов, но и наименования рек, озер,

океанов, стран и континентов. Общепринятой в настоящее время является классификация, разработанная А.В. Суперанской и учитывающая специфику объекта топонимической номинации. Исследователь включает в состав топонимов гидронимы (названия водных объектов), оронимы (названия форм рельефа), хоронимы (названия административно-территориальных единиц, которые имеют границы, принятые в официальных документах), ойконимы (названия поселений), урбанонимы (названия внутригородских объектов, включающие наименования улиц, площадей, садов и парков) [9: 187; 10: 73].

Объектом настоящего исследования стали наименования сельских поселений (которые относятся к разряду так называемых комонимов), а именно – названия, происхождение и история сел духоборов, находившихся на территории Грузии в период с XIX века по 90-е годы XX столетия. Анализ фактического материала осуществляется как на основе традиционных, так и современных методик лингвистического исследования. Среди них такие приемы, как наблюдение, описание, анализ, синтез, систематизация, а также элементы дистрибутивного, структурно-функционального и компонентного методов анализа.

Духоборы – это представители исторически русского неортодоксального религиозно-нравственного учения, возникшего в конце XVIII века и близкого к протестантизму. В настоящее время они проживают на территории России, Грузии, Азербайджана и Канады. Название «духоборы» (или «духоборцы») появилось в 1785 году благодаря екатеринославскому православному архиепископу Амвросию. Слово это изначально имело негативный эмоционально-семантический оттенок: так священнослужитель попытался пристыдить адептов духоборчества за нестандартность и критичность их мышления. Однако лексема «духобор» в процессе функционирования приобрела диаметрально противоположные коннотации: представители этой конфессии, отвергая внешнюю церковную обрядность, утверждают, что именно они являются истинными поборниками Духа.

«Духовные христиане» позиционируют себя как борцы за Святой Дух – третью ипостась христианского Абсолюта. Представители этого вероучения отказываются признавать всякую мирскую власть

и Церковь, поскольку не нуждаются в посредниках между Богом и людьми. Истинно верующим считается только тот, кто честен с самим собой, кто соблюдает десять заповедей Моисея и заповеди Иисуса Христа о любви к Богу, самая важная из которых – «Не убий».

Исходя из этого, духоборы отвергают церковную символику и знаки (кресты, иконы, книги), поскольку любая атрибутика, по их убеждению, рукотворна, создана человеком-посредником. Бог для духоборов – нечто непостижимое, сверхматериальное; он существует в каждом человеке; он выражает любовь ко всему живому, воплощая мысль о социальном и природно-антропологическом «всеединстве». Именно поэтому люди, природа и животный мир рассматриваются в учении духоборов как равноценные и единоприродные сущности [2].

Духоборы отвергают основополагающую христологическую доктрину об искуплении Иисусом Христом первородного греха человечества. Согласно представлениям духоборов, грех – это то злодеяние, которое совершается человеком в его земной жизни, но никак не передается из поколения в поколение («всяк сам по себе грешен и спасен»). Именно поэтому каждый человек обязан покаяться в своих грехах.

Духоборы не признают Библию. Письменного учения у них нет, существует лишь устное предание – «книга животная», противопоставленная «писаному, мертвому слову». Книга эта состоит из псалмов, стихов, а также вопросов и ответов, которые касаются ключевых положений вероучения. Псалмы духоборов представляют собой переработанные отрывки из псалмов Давида, отдельные изречения из Ветхого и Нового Заветов, молитвы и ирмосы православной Церкви. Несмотря на существенные заимствования, значительная часть «Животной книги» вполне оригинальна. Псалмы «Животной книги» хранятся в памяти общины. Родители обучают священной книге своих детей в возрасте от 6 до 15 лет, и этот процесс приравнивается к таинству крещения [1].

Истоки духоборчества относятся примерно к середине XVIII века, однако переломный момент в его истории приходится на XIX столетие. В 1837 году по указу императора Николая I было решено переселить духоборов в Грузию. Не случайно для этого была избрана Джавахетия – место с суровым климатом на высоте 2100 метров над уровнем моря. Более пяти тысяч человек переселились из России и Украины. Люди были брошены на произвол судьбы – многие не выжили из-за голода и губительных климатических условий. Но те, кто сумел выстоять, начали постепенно обживать Джавахетию.

Так, спустя несколько лет Джавахетской Духоборией было основано 10 деревень на территории современного Ниноцминдского района: Владимировка, Тамбовка и Родионовка – на северо-востоке (вокруг озера Паравани), остальные – на юге района: Богдановка (ныне Ниноцминда), Спасовка, Орловка, Гореловка, Ефремовка, Калмыково и Троицкое.

После смерти Петра Калмыкова его жена Лукерья стала духовным лидером духоборов. Лукерью воспринимали как святую, поскольку период ее наставничества отмечен расцветом духоборчества. После смерти Лукерьи община раскололась на Большую,

Среднюю и Малую партии. Под управлением Петра Веригина духоборы целенаправленно и активно добивались освобождения от воинской повинности. В итоге под воздействием репрессий со стороны правительства и благодаря вмешательству Л.Н. Толстого около семи с половиной тысяч духоборов в 1898–1899 годах эмигрировали в Канаду. Переселившись, они не отказывались от своих правил и обычаев.

Во времена Первой и Второй мировой войны духоборы последовательно выражали негативное отношение к воинской повинности. В итоге власти Канады приняли решение освободить их от прохождения военной службы. Уже после Второй мировой войны вплоть до распада СССР для духоборов наступило долгожданное спокойствие. В 1990-е годы большая их часть покинула Грузию в поисках безбедной жизни. И лишь некоторые из духоборов остались в Грузии. С того времени и по сей день они компактно проживают в Джавахетии, бережно сохраняя свои обычаи, передавая из уст в уста тяжелую и трагическую историю своих предков.

Обращаясь к топонимии духоборов, необходимо изучить происхождение названий сел, в которых они проживали, и выяснить: почему при переселении в Грузию эти названия остались русскими?

Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к событиям начала XIX века. По решению императора Александра I духоборы были переселены в Мелитопольский уезд, где протекает река Молочная. Со временем район селений духоборов стали называть «Молочными водами». Переселение заняло около шести лет, и к 1808 году на реке Молочной и на берегу Молочного лимана образовалось девять сел: Богдановка, Спасское, Терпенье, Троицкое, Тамбовка, Родионовка, Ефремовка, Горелое и Кирилловка. Иными словами, в результате очередной ссылки, на этот раз в Грузию, на новую территорию переместились не только сами духоборы, но и названия их поселений. Названия сел под Мелитополем прочно укрепились в обычаях и культуре духоборов, лишь наименование села Кирилловка было заменено на Орловку.

Генезис указанных кономимов целесообразно рассматривать с момента переселения духоборов на «Молочные воды». Название села Тамбовка произошло от духоборов-крестьян, проживавших ранее в Воронежской и Тамбовской губерниях. Центром Тамбовской губернии в то время соответственно считался Тамбов. По одной из версий название города Тамбов произошло от одной из мордовских деревень – деревни Тонбов, где изначально планировалось возвести город-крепость.

Название села Гореловки генетически связано с выходцами из Тамбовской губернии, именовавшими свое поселение изначально Горелым. Вот как о происхождении этого кономима писал местный поэт, участник Великой Отечественной войны М.И. Репин: «Древние поселенцы часто кочевали с одного места на другое в поисках пищи. Ютились кочевники в шалашах. По ночам жгли костры. И вот в одно злополучное время налетел ветер-ураган, разметал языки пламени по лесу и спалил доглы сосновый бор, что прилегал к реке Цне. Летопись сохранила сведения о том, что на той территории земли, где расположено сейчас село Горелое, река Цна в давние времена

имела два русла. Одно из них – приток реки находился там, где теперь полевой стан колхоза «Тополек», а второе, основное, русло реки осталось и поныне в прежних берегах. И вот когда-то между этими руслами Цны красовался никем не троганный вековечный сосновый бор, который спалили стихийно неизвестные поселенцы. Безымянное поле-пустырь новые поселенцы назвали «горелое местечко». Слово «местечко» с веками выпало из памяти народной, а коренное слово Горелое так и осталось жить до нашего времени» [11].

Благодаря духоборам – выходцам из Тамбовской губернии – возник и комоним Троицкое. Время возникновения этого названия остается неизвестным, однако можно предположить, что оно дано селу в честь христианской Божественной Троицы, почитаемой как православными, так и духоборами. Последние поминали Святую Троицу и во время чтения псалмов, и в дни великих праздников. Культ Троицы был связан у духоборов и с ритуалом тройных поклонов друг другу, поскольку «в душе человека пребывает сам Бог».

Село Богдановка было одним из первых селений духоборов, переместившихся из сел с таким же названием, расположенных в Павлоградском уезде Новороссийской губернии, а также в Изюмском, Харьковском и Змиевском уездах Слободско-Украинской губернии. В Павлоградском уезде Новороссийской губернии название этого села, одним из основателей которого был Кирилл Колесников, связано с названием Богдановской волости. Топоним Богдановка происходит от славянского мужского имени Богдан, которое означает «данный Богом», «дарованный Богом», «Божий дар».

Название села Родионовка зародилось еще в середине XVIII столетия в Екатеринославской губернии. В качестве основоположника селения исторические источники называют Родиона Прерадовича. Поскольку большинство духоборов-мигрантов происходило из этих земель, было решено оставить прежнее название как память о родных местах.

Почтение к религиозным ценностям не могло не наложить отпечаток на происхождение топонима Спасское, или Спасовка. Спас – сокращенная форма от слова Спаситель. Духоборы, подобно православным христианам, отмечали значимые религиозные праздники, среди которых были три августовских Спаса, посвященных Иисусу Христу: Медовый, который знаменовал собой начало Успенского поста, Яблочный и Третий Спас – Ореховый, Хлебный, – установленный в честь перенесения из Едессы в Константинополь Нерукотворного образа Господня.

Село Орловка получила свое название от духоборов, переселившихся из Орловской губернии. Город Орел в то время считался столицей Орловской губернии. По одной из версий, название произошло от рядом протекающей реки Оки, один из притоков которой в 1784 году был переименован из Орла в Орлик.

Согласно общедоступным историческим источникам, часть духоборов была переселена в Грузию из Украины. Одно из сел, где ранее проживали духоборы, называлось Ефремовкой в честь построенной там крепости. Исконное название этой крепо-

сти – Троицкая, но с 1738 года ее переименовали по названию размещенного в ней Ефремовского конного полка. Отсюда и возникло название поселка в Украине, перекочевавшее вместе с духоборами в Мелитопольский район, а затем в Джавахетию.

Особенно значимой личностью для духоборов в момент их переезда в Грузию была Лукерья Калмыкова. Духоборы почитали ее как святую за доброту, мудрость и образованность. Лукерья не только была хранительницей имущества, но и принимала важные и ответственные решения. Умерла Калмыкова при невыясненных обстоятельствах. Именно ее фамилия сподвигла духоборов дать одному из своих поселков название Калмыково.

Таким образом, интерпретация рассмотренного топонимического материала, с учетом метапредметного [5: 129-130] и культуроцентрического подходов к филологическому знанию [4], позволяет высоко оценить как сам статус русских духоборов, проживающих на территории Грузии, так и лингвокультурную и этноконфессиональную значимость связанных с ними духовно-исторических ценностей, закрепленных в топонимии. Являясь органической частью русской национальной языковой картины мира, этот лексический пласт закрепляет в речевом сознании ценности, важные во многих аспектах, в том числе и общечеловеческом. То или иное наименование обладает прежде всего духовной ценностью с точки зрения его происхождения, а также времени появления и функционирования в речи. Комонимы духоборов вобрали в себя и сохранили культурно-исторические и социально-бытовые условия их жизнедеятельности. Воплощая ментальные основы духоборчества, топонимическая лексика его адептов становится одним из элементов русской национальной идентичности.

Библиографический список

1. Абрамова Т.Н. «Животная книга духоборцев» и проблемы народного христианства // Христианство и христианская культура в степном Предкавказье и на Северном Кавказе: Сб. науч. ст. Ростов н/Д., 2000. С. 145-153.
2. Абрамова Т.Н. Религиозные верования и обряды духоборов (по материалам экспедиции РОМК в Целинский район Ростовской области, август 1990 г.). // Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов н/Д., 1997. Вып. 7. С. 19-25.
3. Бузов А.А. Речевая номинация и языковая картина мира (статья 1-я) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2007. № 1-2. С. 57-66.
4. Колмакова В.В., Кокина И.А. Культуроцентрический подход как методологическая основа современной педагогической теории и практики // Педагогическое мастерство и педагогические технологии: Материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. № 1 (7). С. 79-86.
5. Колмакова В.В., Шалков Д.Ю. Метапредметные технологии в структуре филологического образования // Труды 12-ой Международной научно-практической Интернет-конференции «Преподаватель высшей школы в XXI веке». Сборник 12. Ростов н/Д.: ФГБОУ ВПО РГУПС, 2015. С. 129-136.
6. Колмакова В.В. Определение уровня сформированности активной гражданской позиции современного студента // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10-3 (64). С. 182-186.
7. Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. М.: Мысль,

1974. 382 с. URL: http://ct4.ucoz.ru/publ/bibc4/8_g/g_066_0/9-1-0-277 (дата обращения: 17.10.2018).
8. Нерознак В.П. Топонимика // Лингвистический энциклопедический словарь. URL: <http://www.вокабула.рф/словари/лингвистический-энциклопедический-словарь/топонимика> (дата обращения: 17.10.2018).
  9. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. Изд. 2-е, испр. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 368 с.
  10. Суперанская А.В., Исаева З.Г., Исхакова Х.В. Топонимия Крыма. М., 1997. Т. 1. 403 с.
  11. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1295429> (дата обращения: 17.10.2018).

Works Cited

1. Abramova T.N. «Zhivotnaya kniga dukhobortsev» i problemy narodnogo khristianstva // Khristianstvo i khristianskaya kul'tura v stepnom Predkavka-z'ye i na Severnom Kavkaze: Sb. nauch. st. Rostov n/D., 2000. S. 145-153.
2. Abramova T.N. Religioznye verovaniya i obryady dukhoborov (po ma-terialam ekspeditsii ROMK v Tselinskiy rayon Rostovskoy oblasti, avgust 1990 g.). // Izvestiya Rostovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya. Rostov n/D., 1997. Vyp. 7. S. 19-25.
3. Burov A.A. Rechevaya nominatsiya i yazykovaya kartina mira (stat'ya 1-ya) // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2007. № 1-2. S. 57-66.
4. Kolmakova V.V., Kokina I.A. Kul'turotsentricheskiy podkhod kak metodologicheskaya osnova sovremennoy pedagogicheskoy teorii i praktiki // Pedagogicheskoye masterstvo i pedagogicheskiye tekhnologii: Materialy VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Cheboksary: TSNS «Interaktiv plus», 2016. № 1 (7). S. 79-86.
5. Kolmakova V.V., SHalkov D.Yu. Metapredmetnyye tekhnologii v strukture filologicheskogo obrazovaniya // Trudy 12-oy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy Internet-konferentsii «Prepodavatel' vysshey shkoly v XXI veke». Sbornik 12. Rostov n/D.: FGBOU VPO RGUPS, 2015. S. 129-136.
6. Kolmakova V.V. Opredeleniye urovnya sformirovannosti aktivnoy grazhdanskoy pozitsii sovremennogo studenta // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 10-3 (64). S. 182-186.
7. Murzayev E.M. Ocherki toponimiki. M.: Mysl', 1974. 382 s. URL: http://ct4.ucoz.ru/publ/bibc4/8_g/g_066_0/9-1-0-277 (дата обрashcheniya: 17.10.2018).
8. Neroznak V.P. Toponimika // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. URL: <http://www.vokabula.rf/slovari/lingvisticheskiy-entsiklopedicheskiy-slovar'/toponimika> (дата обрashcheniya: 17.10.2018).
9. Superanskaya A.V. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo. Izd. 2-e, ispr. M.: Izdatel'stvo LKI, 2007. 368 s.
10. Superanskaya A.V., Isayeva Z.G., Iskhakova Kh.V. Toponimiya Kryma. M., 1997. T. 1. 403 s.
11. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1295429> (дата обрashcheniya: 17.10.2018).

Использование инструментария личностно-профессиональной диагностики при формировании управленческого резерва

О формировании современного института резерва органов публичной власти в Российской Федерации речь идет с начала административной реформы, поскольку все ее цели, задачи и направления неразрывно связаны с рациональным использованием человеческих ресурсов при необходимом и достаточном сохранении их здоровья и работоспособности [3]. В России уже сложилась практика разделения резерва специалистов в органах публичной власти на управленческий и кадровый, предложена соответствующая терминология. «Общая концепция формирования и использования управленческих кадров в Российской Федерации» предлагает такое определение: управленческий резерв – это сформированные в установленном порядке группы граждан Российской Федерации, обладающие необходимыми профессиональными и личностными качествами для назначения на целевые управленческие должности в системе государственного управления и местного самоуправления, включая организации федерального, регионального и местного подчинения [6]. Под кадровым резервом понимается совокупность граждан РФ, действующих гражданских служащих, включенных в реестр для замещения вакантных должностей гражданской службы. Кадровому резерву на государственной гражданской службе посвящена статья 64 Федерального закона «О государственной гражданской службе РФ» [10: ст. 64].

Понятия управленческого резерва и кадрового резерва используются в правовой, доктринальной, научной и учебной литературе в России. В отечественном научном сообществе процессы формирования и развития управленческого резерва и кадрового резерва исследуют А.В. Елагин, В.А. Зимин, А.В. Сороко, В.Ю. Полунин, Ю.В. Синягин, Е.Г. Чирковская, И.Б. Шебураков. Примечательно, что в западной политической и управленческой литературе в значении резерва чаще встречаются такие термины, как «преемственность руководства», «планирование преемственности», «плановое перемещение». Так, М. Армстронг при «планировании преемственности» указывает на комплекс организационных, экономических и психологических факторов, влияющих на обеспечение устойчивости и преемственности организации [1]. А. Мамфорд и Д. Голд обращают внимание на сохранение «преемственности руководства системой управления» [4: 272]. Также зарубежные авторы (А. Байхэм) используют термин «группа ускоренного развития» [2: 45].

Таким образом, российские авторы отмечают фактическое актуальное понимание резерва, а зарубежные исследователи уделяют внимание участию резерва в стратегическом развитии той или иной организации – бизнеса или государства.

Многие инструменты формирования и работы с резервами – кадровым и управленческим – в российской практике заимствованы как из советского прошлого, так и из зарубежных источников.

Организационно работа с резервом ведется на всех уровнях управления, т.е. в масштабах страны, региона, муниципалитета и непосредственно в органах публичной власти. В 2008 году была создана Комиссия при Президенте Российской Федерации по формированию и подготовке резерва управленческих кадров, преобразованная в 2013 году в Комиссию при Президенте Российской Федерации по вопросам государственной службы и резерва управленческих кадров [9]. К 10 января 2019 года (последнее обновление) в состав резерва вошли 142 человека – представители федеральных и региональных государственных органов, органов местного самоуправления, иных организаций. Всего получили новые назначения 39 представителей резерва [7].

Субъекты РФ также создали комиссии с идентичными целями и задачами при главах регионов. В каждом государственном и муниципальном органе существует кадровый резерв. Активно проходит проект «Лидеры России», цель которого – формирование управленческого резерва для государства в целом, в регионах реализуются конкурсы по созданию пула талантливых управленцев.

Однако если для создания кадрового резерва органов публичной власти конкурсные процедуры отработаны и используются, то единого комплекса инструментов формирования управленческого резерва в России пока не существует. Причиной этого, вероятно, является высокая степень ответственности, которая возлагается на будущих лидеров-управленцев, а также сложность учета их индивидуальных способностей при последующем назначении на руководящие должности.

При формировании управленческих резервов в регионах и частично в рамках конкурса «Лидеры России» используется ресурсный подход, основанный на методологии оценки ресурсов управленческого потенциала человека. Ресурсный подход предполагает обеспечение самореализации человека в различных сферах профессиональной деятельности

в нескольких направлениях: выявление максимального количества ресурсов, реструктурирование ресурсов в конкретном направлении деятельности, повышение эффективности использования ресурсного потенциала в профессиональной деятельности. В основе методики ресурсного подхода лежит личностно-профессиональная диагностика – комплексная система выявления ключевых ресурсов человека, обеспечивающих эффективность профессиональной и управленческой деятельности [5].

Личностно-профессиональная диагностика:

– призвана выявить у человека его ключевые ресурсы, а не недостатки и слабости;

– построена на принципе «учета контекста ситуации». Любые ресурсы профессионала или руководителя в зависимости от условий жизнедеятельности могут как способствовать повышению эффективности деятельности, так и выступать возможной зоной риска;

– носит развивающий характер, подразумевает активное вовлечение объекта в процесс диагностики, способствует осознанию им своих особенностей и способностей, ранее ему невидимых.

Специфика психологических методик в рамках личностно-профессиональной диагностики заключается в том, что перед тестируемым кандидатом ставится осмысленная задача, зачастую предполагающая работу по рефлексии собственного профессионального и личностного опыта, поиска факторов повышения собственной эффективности. В качестве диагностического инструментария при оценке личностно-профессиональных ресурсов применяются следующие формы:

– опрос (тестирование), направленный на оценку ключевых личностно-профессиональных ресурсов кандидата, его личностно-профессиональных особенностей и стилевых черт управленческой деятельности. Предоставление вопросов и обработка их результатов происходит с помощью автоматизированных средств (компьютера);

– личностно-профессиональное глубинное интервью (собеседование). Интервью проводит эксперт-психолог очно. Общение происходит по определенному сценарию; обсуждаются, как правило, 2-3 темы, которые для кандидата являются наиболее существенными (профессиональная карьера, управленческий опыт или опыт работы в целом, направления развития организации (города, региона). По результатам проведенного интервью кандидат оценивается по определенным индикаторам. Каждая шкала имеет диапазон значений, а показатели – собственную систему подсчета баллов, образуя целостную схему;

– видеопрезентация. Кандидат предоставляет двух-трехминутный ролик с рассказом о себе: личных и профессиональных качествах, опыте работы, обосновании желания участвовать в конкурсе;

– творческие задания в виде решения кейсов или написания экспертных заключений. В качестве кейсов кандидатам предлагаются конкретные проблемные ситуации, которые происходили в стране, регионе, муниципальном образовании; ставится задача предложить собственный алгоритм их разрешения;

– групповые формы активности кандидатов в

резерв управленческих кадров в виде групповых сессий, проектной работы, деловых игр. Данная форма чаще применяется в регионах для создания управленческих команд и управленческих резервов на местах.

Итоговые показатели личностно-профессиональной диагностики выявляют составляющие «управленческой готовности». При этом методика позволяет классифицировать субъекта управления в зависимости от его ключевых сильных ресурсов на управленца-лидера, управленца-менеджера и управленца-эксперта. Ю.В. Синягин и Е.Г. Чирковская отмечают, что это «три взаимосвязанные, но самостоятельные составляющие, преобладание каждой из которых задает собственную индивидуальную картину управленческой готовности руководителя и позволяет определить, как наиболее эффективные управленческие позиции, на которых он может эффективно действовать в данный момент времени, так и пути их развития и, соответственно, повышения управленческого потенциала данного руководителя с учетом как имеющихся ресурсов, так и специфики его жизненной и карьерной стратегий» [8].

Личностно-профессиональная диагностика осуществляется как на этапе вхождения в резерв, так и в процессе нахождения в нем для фиксации карьерных изменений, позволяет сравнивать данные, полученные в разные периоды оценки, для выявления динамики управленческой готовности за время нахождения в резерве, а также проводится при рассмотрении вопроса назначения на руководящие должности.

В отличие от «дефицитарной модели», когда выявляются сильные и слабые стороны человека для встраивания его способностей в заданные нормативы работы организации, ресурсный подход предполагает определение сильных сторон и потенциала субъекта для его самореализации и стратегического развития организации (города, региона) – выбор «лучших из лучших». Таким образом, резерв из «скамейки запасных» трансформируется в «команду принятия решений для развития».

Личностно-профессиональная диагностика может быть адаптирована для формирования кадрового резерва органов исполнительной власти и местного самоуправления.

Библиографический список

1. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. 10-е издание. URL: https://www.e-reading.club/bookreader.php/1025785/Armstrong_-_Praktika_upravleniya_chelovecheskimi_resursami.html (дата обращения 23.02.2019).
2. Байхэм У.С. Воспитай своего лидера. Как находить, развивать и удерживать талантливых руководителей / У.С. Байхэм, О.Б. Смит, М.Д. Пизи. Пер. с англ. М.: ИД «Вильямс», 2002. 255 с.
3. Распоряжение Правительства РФ от 25.10.2005 № 1789-р (ред. от 10.03.2009) «О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006-2010 годах». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_56259/ (дата обращения: 28.02.2019).
4. Мамфрод А. Management Development. Как усовершенствовать работу менеджеров. Стратегии действий / А. Мамфрод, Д. Голд. Пер. с англ. М.: Hippo Publishing LTD, 2006. 360 с.
5. Методика личностно-профессиональной диагностики

- лиц, тестируемых для включения в управленческий и кадровый резервы, разработана на факультете оценки и развития управленческих кадров Высшей школы государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
- Общая концепция формирования и использования резервов управленческих кадров в Российской Федерации (Одобрена Комиссией при Президенте Российской Федерации по вопросам государственной службы и резерва управленческих кадров, протокол от 29 ноября 2017 г. № 5). URL: <https://gosszluzhba.gov.ru/News/Details/5d3fc428-a494-4155-87fc-fb07e840fb40> (дата обращения 03.03.2019).
  - Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/councils/59670> (дата обращения 03.03.2019).
  - Синягин Ю.В. Управленческая готовность как интегративный показатель развития личностно-профессиональных ресурсов руководителя / Ю.В. Синягин, Е.Г. Чирковская. URL: <http://foir.hspa.ranepa.ru/index.php/наука-практике/item/2123.html> (дата обращения 02.03.2019).
  - Указ Президента Российской Федерации от 9 февраля 2013 г. № 126 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам государственной службы и резерва управленческих кадров». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36784> (дата обращения 03.03.2019).
  - Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79 «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (в ред. от 11.12.2018 г.). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (дата обращения 03.03.2019).
  - Rasporyazheniye Pravitel'stva RF ot 25.10.2005 № 1789-r (red. ot 10.03.2009) «O Kontseptsii administrativnoy reformy v Rossiyskoy Federatsii v 2006-2010 godakh». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_56259/ (data obrashcheniya: 28.02.2019).
  - Mamfrod A. Management Development. Kak usovershenstvovat' rabotu menedzherov. Strategii deystviy / A. Mamfrod, D. Gold. Per. s angl. M.: Hippo Publishing LTD, 2006. 360 s.
  - Metodika lichnostno-professional'noy diagnostiki lits, testiruyemykh dlya vklucheniya v upravlencheskiy i kadrovyy rezervy, razrabotana na fakul'tete otsenki i razvitiya upravlencheskikh kadrov Vysshey shkoly gosudarstvennogo upravleniya Rossiyskoy akademii narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii.
  - Obshchaya kontsepsiya formirovaniya i ispol'zovaniya rezervov upravlencheskikh kadrov v Rossiyskoy Federatsii (Odobrena Komissiyey pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po voprosam gosudarstvennoy sluzhby i rezerva upravlencheskikh kadrov, protokol ot 29 noyabrya 2017 g. № 5). URL: <https://gosszluzhba.gov.ru/News/Details/5d3fc428-a494-4155-87fc-fb07e840fb40> (data obrashcheniya 03.03.2019).
  - Ofitsial'nyy sayt Prezidenta Rossiyskoy Federatsii. URL: <http://kremlin.ru/events/councils/59670> (data obrashcheniya 03.03.2019).
  - Sinyagin Yu.V. Upravlencheskaya gotovnost' kak integrativnyy pokazatel' razvitiya lichnostno-professional'nykh resursov rukovoditelya / YU.V. Sinyagin, E.G. Chirkovskaya. URL: <http://foir.hspa.ranepa.ru/index.php/nauka-praktike/item/2123.html> (data obrashcheniya 02.03.2019).
  - Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 9 fevralya 2013 g. № 126 «O Komissii pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po voprosam gosudarstvennoy sluzhby i rezerva upravlencheskikh kadrov». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36784> (data obrashcheniya 03.03.2019).
  - Federal'nyy zakon ot 27 iyulya 2004 g. № 79 «O gosudarstvennoy grazhdanskoj sluzhbe Rossiyskoy Federatsii» (v red. ot 11.12.2018 g.). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (data obrashcheniya 03.03.2019).

Works Cited

- Armstrong M. Praktika upravleniya chelovecheskimi resursami. 10-e izdaniye. URL: https://www.e-reading.club/bookreader.php/1025785/Armstrong_-_Praktika_upravleniya_chelovecheskimi_resursami.html (data obrashcheniya 23.02.2019).
- Baykh-em U.S. Vospitay svoyego lidera. Kak nakhodit', razvivat' i uderzhat' talantlivykh rukovoditeley / U.S. Baykh-em, O.B. Smit, M.D. Pizi. Per. s angl. M.: ID «Vil'yams», 2002. 255 s.

УДК 323.3

© М.А. Аствацатурова
ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
Пятигорск, Россия

Деятельностно-функциональные кейсы политико-управленческого элитогенеза в Северо-Кавказском федеральном округе*

* *Статья подготовлена в рамках проекта Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем Министерства науки и высшего образования РФ на 2019 г. «Мониторинг этноконфессиональной и миграционной ситуации на основе модели Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем накануне Всероссийской переписи населения в регионах Северо-Кавказского федерального округа (Ставропольский край, Республика Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарская Республика и Карачаево-Черкесская Республика)»*

Политико-управленческий элитогенез в постсоветской РФ происходит в контексте политического транзитного (переходного) периода от советской политической системы и советской системы политического управления и функционирования советских элит к новой политической системе демократической

РФ. Элитогенез политической и управленческой элиты, прежде всего, на примере смены президентов СССР – РФ отражает многие проблемы и противоречия формирования и функционирования РФ как нового демократического правового социального государства с новыми принципами отношений государства и

общества, власти и граждан [7]. В том числе это, как показывают исследования, проблемы профессионализма, гражданской ответственности государственных служащих и политиков, а также проблемы их общественного авторитета, духовно-нравственных качеств и доверия к ним со стороны граждан [8: 19-32].

За прошедшие 25 лет в системе политико-управленческого элитогенеза сложилось множество новаций, которые отражены в законодательстве РФ, в политических и управленческих доктринах, в управленческом и общественном дискурсе. Новые условия для подготовки, ротации и смены политико-управленческих элит созданы в рамках функционирования Совета Федерации, Государственной Думы Федерального Собрания РФ, Государственного Совета, системы полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах и др. Форматизация должности Президента РФ, президентов и далее – глав республик, губернаторов краев и областей вывела на первый план формирования и функционирования политико-управленческой элиты новые задачи, новые структурные и системные взаимосвязи и обязательства [3]. Собственные условия для ротации и рекрутизации политико-управленческих элит на местном уровне созданы в системе местного самоуправления (МСУ).

Не анализируя содержание и формы общих процессов политико-управленческого элитогенеза в российском масштабе, сосредоточимся на некоторых региональных проекциях элитообразования, ротации и функционирования элит в Северо-Кавказском регионе, в данном случае в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО).

Современный политико-управленческий элитогенез в субъектах РФ СКФО, как и в иных регионах или макрорегионах, отражает общие тенденции построения новых политико-управленческих структур РФ. Однако, не преувеличивая особенности северокавказского сущностно-структурного фрейма, все же укажем на некоторую самобытность формирования и функционирования элит в федеральном округе. В этом плане исследовательского внимания заслуживают деятельностно-функциональные кейсы политико-управленческой элиты СКФО.

Мониторинг данных кейсов, который ведется ряд лет северокавказскими экспертами в контексте общей ситуации в СКФО, позволяет, прежде всего, указать на некоторые позитивные тенденции, отражающие состояние и настроения северокавказских сообществ, а также программику и функционал политико-управленческих элит [4]. Среди них выделяются:

- отказ в массовых настроениях и стремлениях от сепаратистских целей, от суверенизации вне политико-правового поля России;
- упрочение российского патриотизма и российской гражданской идентичности;
- признание Президента РФ общенациональным лидером и поддержка его внешнеполитического курса;
- снижение остроты взаимных претензий и взаимной ксенофобии и конкуренции на базе этнической, этнотерриториальной идентичности;
- укрепление этнокультурной модели граждан-

ского общества в сети общественных национально-культурных организаций, форумов, конгрессов, домов и центров национальных культур;

- функционирование многочисленных сетевых институтов народной самоорганизации и самоуправления (женских, молодежных, ветеранских, экологических, миротворческих, добровольческих, правозащитных, миграционных и др.);

- создание повсеместно институциональной политико-управленческой и организационно-административной среды воздействия на содержание и формы общественно-политических отношений, отношений власти и граждан.

Важнейшим достижением деятельности политико-управленческих элит в субъектах РФ СКФО в сотрудничестве с силовыми структурами и многими соответствующими акторами стало уменьшение террористических угроз и снижение «градуса криминальной напряженности». Также удалась канализация острых социальных, в том числе этнических, конфликтов, то есть перевод их в инерционную управляемую стадию. Нужно подчеркнуть, что это достижение обеспечено политико-управленческой элитой в тесном взаимодействии с персоналиями гражданской элиты – формальными и неформальными общественными лидерами – этническими активистами, конфессиональными лидерами, лидерами общественного мнения и влияния [5]. В СКФО в целом обеспечена стабильность электорально-избирательного процесса, что подтвердили выборы Президента РФ 18 марта 2018 г., в которых по доле избирателей всей страны, проголосовавших за В.В. Путина, лидировала Кабардино-Балкарская Республика. В субъектах РФ СКФО идет продуктивное увеличение числа социально-ответственных народных организаций, оказывающих общественно полезные услуги. Развивается сфера предпринимательства, поддерживается малый и средний бизнес с учетом природно-климатических, историко-культурных, социально-экономических, а также курортно-туристических характеристик региона, а также состояния коммуникаций, логистики и др.

Кейсы политико-управленческого элитогенеза в СКФО напрямую связаны с общим состоянием и общими тенденциями общественно-политической ситуации. С момента образования в 2010 г. СКФО путем выделения из Южного федерального округа (ЮФО) сложились многие целевые структуры, в которых осуществляется ротация политико-управленческих элит. К таким структурам, прежде всего, отнесем аппарат полномочного представителя Президента РФ в СКФО (включая систему федеральных инспекторов в субъектах РФ СКФО), а также и федеральное Министерство по делам Северного Кавказа и ряд иных федеральных организаций и ведомств, которые нуждаются в профессиональных управленческих кадрах. В СКФО на уровне усилий глав субъектов в соответствии с общероссийскими тенденциями осуществляется ротация управленческих кадров (конкурсы молодых лидеров), происходит реструктуризация органов исполнительной власти, омоложение кадрового состава, ведется борьба с коррупцией и ползучая «национализация олигархата». За последние годы произошла смена глав субъектов – Республики Дагестан, Республики Северная Осетия-Ала-

ния, Ставропольского края – и соответственно, их управленческих команд, а также смена многих глав муниципальных образований. Кроме того, во всех субъектах РФ СКФО созданы общественные палаты, общественные советы, аппараты уполномоченных по правам человека и по правам ребенка и многие иные структуры государственно-гражданской природы, которые также являются площадками ротации политиков и управленцев, гражданских активистов.

Исследование деятельностно-функциональных кейсов политико-управленческого элитогенеза в СКФО позволяет выявить его некоторые характерологические свойства, прямо связанные с общественно-политической ситуацией. Прежде всего в субъектах федерального округа ротация, циркуляция и функционирование элит первого этажа власти (главы субъектов) происходит исключительно в соответствии с верхушечными решениями федерального центра. Таким образом, федеральная власть обеспечивает свое присутствие в регионах и упрочивает ее вертикаль, что началось в РФ с 1999 г. с приходом на должность Президента РФ В.В. Путина. Вертикализация власти продолжилась в ходе образования федеральных округов и назначения полпредов Президента РФ, в ходе образования Государственного Совета, а также и в ходе изменения формата определения глав субъектов РФ (после беспрецедентного террористического акта в Беслане в 2004 г.). Все это имплементируется в политико-управленческий элитогенез СКФО.

Деятельностно-функциональные кейсы политико-управленческого элитогенеза в СКФО, как, впрочем, и во всей стране в целом, подчинены федеральному «дирижистскому», ручному режиму федерального центра. Такой режим предусматривает снижение демократических начал в процедуре элитогенеза или осуществление этих начал в ограниченном режиме и отражает: а) некоторые основополагающие принципы «доктрины Путина» (патриотизм, традиционализм, ответственность) [10]; б) некоторые институциональные свойства современной политической системы РФ как «суверенной демократии», «номенклатурной демократии» [1: 157-165], «административной демократии» (рамочность, контекстуальность).

Современные деятельностно-функциональные кейсы политико-управленческого элитогенеза в СКФО имеют в своем содержании:

а) выведение на первую ступень приоритетных качеств персоналий политико-управленческой элиты личной преданности главе государства, верности (в том числе, публично провозглашаемой) Президенту РФ и его политическому курсу и готовности к защите публичных ценностей «долгого государства Путина» [9];

б) сохранение в течение долгого времени корпуса преданных Президенту РФ управленцев – глав субъектов и поощрения их поддержкой Кремля при нейтрализации противодействия со стороны части населения, гражданских активистов, правозащитников, оппозиционеров;

в) консервацию в некоторых субъектах РФ СКФО специфической этноклановой, этнократической системы политики и управления, в которой в отдельных случаях происходит «наследование власти»

от отца к сыну или к родственнику-однофамильцу (что проиллюстрировано ротацией глав субъектов в Чеченской Республике, в Кабардино-Балкарской Республике).

При этом содержание деятельностно-функциональных кейсов политико-управленческого элитогенеза в СКФО декорируется соответствующим дискурсом – информационным, общественным, а также и экспертным в силу заметной зависимости таковых от административной воли политико-управленческой элиты [11: 178-183]. Интерес вызывает и дискурс самих политико-управленческих элит, который отмечен особыми свойствами, имеющими как объективную, так и субъективную детерминацию. Среди них стоит выделить:

- широкое использование главами субъектов и иными управленцами фактора собственной этничности и конфессиональности, как и этничности и конфессиональности управляемого сообщества;

- акцентированное фиксирование консервативно-патриотических идей и идей историко-культурного первородства, этнотерриториальной укоренности, титульности;

- публичное внедрение в политико-управленческий процесс элементов народной культуры, фольклорной и культовой обрядности (публичные коллективные флеш-мобы), присущей как монотеистическим религиям, так и языческим верованиям.

Рассматривая разные индикаторы деятельностно-функциональных кейсов политико-управленческого элитогенеза СКФО, укажем на разнообразие технологий и показателей оценки эффективности элит [6]. Так, например, вызывает интерес рейтинг персоналий по уровню цитируемости в интернет-пространстве (по данным мониторинговой системы «Медиология»). Здесь занимают первое место – глава Чеченской Республики (ЧР) Р. Кадыров, второе место – глава Республики Дагестан (РД) В. Васильев, третье место – глава Республики Ингушетии (РИ) Ю.-Б. Евкуров, четвертое место – глава Кабардино-Балкарской Республики (КБР) К.В. Коков, пятое место – губернатор Ставропольского края (СК) В. Владимиров, шестое место – глава Карачаево-Черкесской Республики (КЧР) Р. Темрезов, седьмое место – глава Республики Северная Осетия-Алания (РСО-А) В. Битаров.

С учетом дотационности субъектов РФ СКФО и общей слабости их социально-экономической инфраструктуры такой индикатор деятельностно-функциональных кейсов политико-управленческого элитогенеза СКФО, как рейтинг влияния глав регионов, зависит, прежде всего, от трансфертов из центра, от отношений с Президентом РФ. В этом ракурсе позиции первых лиц власти в общероссийском реестре распределяются следующим образом: очень сильное влияние – глава ЧР Р. Кадыров – 2 место; глава РД В. Васильев – 8 место; среднее влияние: глава КБР К. Коков – 61 место; губернатор СК В. Владимиров – 62 место; глава РСО-А В. Битаров – 67 место; глава РИ Ю.-Б. Евкуров – 75 место (по данным мониторинговой системы «Медиология»).

В контексте нашего исследовательского интереса отметим, что в СКФО проявляются диалектические пары негативных/позитивных деятельностно-

функциональных кейсов политико-управленческого элитогенеза. Среди них выделим следующие:

• Первая пара: негативный кейс «слабость обществено-политического структурирования и провинциализм управленческой культуры политико-управленческой элиты» – позитивный кейс «отсутствие политической борьбы и острой политической конкуренции, деавуация оппозиции в любых проявлениях».

• Вторая пара: негативный кейс «некритичность и безоговорочная лояльность политико-управленческой элиты федеральному центру» – позитивный кейс «гомогенность, предсказуемость, управляемость регионального политического процесса и аутентичность его центральному политическому курсу».

• Третья пара: негативный кейс: «узость сферы и ограничительность форматов публичной политики и «верхушечный» характер действий гражданского общества» – позитивный кейс: «четкость и понятность провозглашаемых «сверху» публичных ценностей, выдержанных в патриотично-охранительной парадигме».

• Четвертая пара: негативный кейс «консервирование традиционалистских домодернизационных методов политического и управленческого процесса» – позитивный кейс «придание персоналиям элиты и всему политико-управленческому процессу гуманитарно-культурного человеческого образа».

• Пятая пара: негативный кейс «неприменение проактивных модернизационных социальных технологий и слабое профилактирование конфликтных ситуаций» – позитивный кейс «соответствие технологического темпа политики и управления элит общему социальному и витальному темпу региональных сообществ».

Некоторое резюме

Рассмотренные деятельностно-функциональные кейсы политико-управленческого элитогенеза в СКФО в целом объективно порождены историко-культурной, социально-экономической и общественно-политической ситуацией в регионе и в то же время являются ее аттракторами.

Фиксирование и осмысление на экспертном уровне деятельностно-функциональных кейсов политико-управленческого элитогенеза СКФО должно предусматривать критицизм и прогнозирование их развития и трансформации или их консервации, или стагнации.

Понимание смыслов и проекций данных кейсов важно в осмыслении элитогенеза в СКФО, а также и в РФ; при этом не стоит их недооценивать, как равно не стоит их идеализировать как неизбежные и неизменяемые.

Динамика российского политического процесса обязывает политико-управленческую элиту СКФО быть готовой к сущностно- и функционально-деятельностным инновациям, к преодолению искушений регионализма и местничества.

Эта готовность предусматривает ответственное управление с учетом не только возможной (а на наш взгляд, и желаемой) модернизации всех сторон жизни общества и деятельности государства на базе модернизации идейно-мировоззренческих публичных ценностей.

Библиографический список

1. Артюхин О.А. Суверенная демократия: бренд или тренд // Государственное и муниципальное управление: ученые записки СКАГС. 2012. № 1. С. 154-159; Рогов И.И. Имперологическая дискуссия в социальной мысли постсоветской России: итоги двадцатилетнего развития // Государственное и муниципальное управление: Ученые записки СКАГС. 2014. № 2. С. 157-165.
2. Леонтьева О.В. Критерии качества и эффективности политической элиты. URL: http://www.eurasialegal.info/index.php?option=com_content&view=article&id=4899:2015-12-03-05-54-15&catid=230:2013-03-28-11-33-12 (дата обращения: 08.02.2019).
3. Локота О.В., Шутов А.Ю., Еремеев С.Г., Понеделков А.В., Шабров О.Ф., Буров А.В., Старостин А.М., Воронцов С.А., Коваленко В.И. и др. Элитология и стратегии развития современной России. Информационно-аналитические материалы Второго Всероссийского элитологического конгресса (21-22 октября 2016 г., г. Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2016. 928 с.
4. Межэтнические отношения и миграционная ситуация в Северо-Кавказском федеральном округе. Экспертный доклад. Научное монографическое издание / Науч. конс. В.А. Тишков. Отв. ред. М.А. Аствацатурова. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2018. 190 с.
5. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Северо-Кавказском федеральном округе. Второе полугодие и итоги 2018 года. Экспертный доклад. Научное монографическое издание / Под общ. ред. В.А. Тишкова. Отв. ред. М.А. Аствацатурова. Пятигорск: ПГУ, 2018. 154 с.
6. Публичные ценности и государственное управление: Коллективная монография / Под ред. Волкова А.В., Сморгунова Л.В. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2014. 400 с.
7. Российская элитология: инновационные ответы на вызовы современного мира. Материалы Третьего Всероссийского элитологического конгресса с международным участием 15-16 февраля 2018 г. Т. 1. Ред.-изд. группа: Локота О.В., Шутов А.Ю., Понеделков А.В. и др. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2019. 480 с.
8. Российская элитология: инновационные ответы на вызовы современного мира. Информационно-аналитические материалы Третьего Всероссийского элитологического конгресса с международным участием. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2019. 288 с.
9. Сурков В. Долгое государство Путина // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (дата обращения: 05.03.2019).
10. Чадаев А. Путин. Наши ценности. М.: Эксмо, 2018. 216 с.
11. Чекменев Д.С. К вопросу о типологии форм рекрутирования общественных субъектов в пространстве современного российского общественно-политического дискурса // Университетские чтения. Материалы региональной межвузовской научно-практической конференции. Ч. 9. Симпозиумы 1-3. Пятигорск: ПГУ, 2017. С. 178-183.

Works Cited

1. Artyukhin O.A. Suverennaya demokratiya: brend ili trend // Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye: uchenyye zapiski SKAGS. 2012. № 1. S. 154-159; Rogov I.I. Imperiologicheskaya diskussiya v sotsial'noy mysli postsovetsoy Rossii: itogi dvadtsatiletnego razvitiya // Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye: Uchenyye zapiski SKAGS. 2014. № 2. S. 157-165.
2. Leont'yeva O.V. Kriterii kachestva i effektivnosti politicheskoy elity. URL: <http://www.eurasialegal.info/index>

- php?option=com_content&view=article&id=4899:2015-12-03-05-54-15&catid=230:2013-03-28-11-33-12 (data obrashcheniya: 08.02.2019).
3. Lokota O.V., Shutov A.Yu., Eremyev S.G., Ponedelkov A.V., Shabrov O.F., Burov A.V., Starostin A.M., Vorontsov S.A., Kovalenko V.I. i dr. Elitologiya i strategii razvitiya sovremennoy Rossii. Informatsionno-analiticheskiye materialy Vtorogo Vserossiyskogo elitologicheskogo kongressa (21-22 oktyabrya 2016 g., g. Rostov-na-Donu). Rostov-na-Donu: Izd-vo YURIU RANKHiGS, 2016. 928 s.
  4. Mezhetnicheskiye otnosheniya i migratsionnaya situatsiya v Severo-Kavkazskom federal'nom okruge. Ekspertnyy doklad. Nauchnoye monograficheskoye izdaniye / Nauch. kons. V.A. Tishkov. Otv. red. M.A. Astvatsurova. Stavropol': Izd-vo SKFU, 2018. 190 s.
  5. Mezhetnicheskiye otnosheniya i religioznaya situatsiya v Severo-Kavkazskom federal'nom okruge. Vtoroye polugodiye i itogi 2018 goda. Ekspertnyy doklad. Nauchnoye monograficheskoye izdaniye / Pod obshch. red. V.A. Tishkova. Otv. red. M.A. Astvatsurova. Pyatigorsk: PGU, 2018. 154 s.
  6. Publichnyye tsennosti i gosudarstvennoye upravleniye: Kollektivnaya monografiya / Pod red. Volkova A.V., Smor-gunova L.V. M.: Izd-vo «Aspekt Press», 2014. 400 s.
  7. Rossiyskaya elitologiya: innovatsionnyye otvety na vyzovy sovremennoy mira. Materialy Tret'yego Vserossiyskogo elitologicheskogo kongressa s mezhdunarodnym uchastiyem 15-16 fevralya 2018 g. T. 1. Red.-izd. gruppа: Lokota O.V., Shutov A.Yu., Ponedelkov A.V. i dr. Rostov-na-Donu: Izd-vo YURIU RANKHiGS, 2019. 480 s.
  8. Rossiyskaya elitologiya: innovatsionnyye otvety na vyzovy sovremennoy mira. Informatsionno-analiticheskiye materialy Tret'yego Vserossiyskogo elitologicheskogo kongressa s mezhdunarodnym uchastiyem. Rostov-na-Donu: Izd-vo YURIU RANKHiGS, 2019. 288 s.
  9. Surkov V. Dolgoye gosudarstvo Putina // Nezavisimaya gazeta. URL: http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (data obrashcheniya: 05.03.2019).
  10. Chadayev A. Putin. Nashi tsennosti. M.: Eksmo, 2018. 216 s.
  11. Chekmenev D.S. K voprosu o tipologii form rekrutirovaniya obshchestvennykh sub'yektov v prostranstve sovremennoy rossiysskogo obshchestvenno-politicheskogo diskursa // Universitetskiye chteniya. Materialy regional'noy mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ch. 9. Simpoziumy 1-3. Pyatigorsk: PGU, 2017. S. 178-183.

УДК 327

© А.К. Боташева

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
Пятигорск, Россия

© С.В. Ануфриенко

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
Пятигорск, Россия

Медиаполитический процесс как фактор влияния на событийную сторону политической жизни (на примере событий на Украине 2014-2015 гг.)

Политический процесс как событийная сторона политической жизни включает в себя не только функционирование политической системы, но и другие различные политические события и их последовательность, раскрывая всю противоречивость политической жизни в ее многообразии и сложности. Весьма важно выявить, как в реальных событиях возникают коллизии, когда субъекты политики пытаются реализовать свои потребности и цели посредством обращения к средствам массовой информации и коммуникации, ведь именно в ходе политического процесса происходит синтез внутреннего субъективного мира отдельного индивида и объективного мира политики, созданного многими акторами.

При этом исследователи перечисляют ряд особенностей современного политического процесса, указывая среди них его зависимость от разных факторов, в частности, фактора времени и фактора реальности [16: 87]. На наш взгляд, можно говорить о существовании еще одного очевидного фактора, обуславливающего протекание политического процесса в настоящее время – фактора медиатизации политики. Действительно, виртуализация политики, медиаконструирование политики, искусственно созданная политическая «повестка дня», возможность посредством новых медиа влиять на сознание и подсозна-

ние человека, вызывая нужные политические мысли, нужное политическое поведение, – все это позволяет констатировать детерминированность политических процессов от масс-медиа. Следовательно, мы можем оперировать термином «медиатизация политического процесса», говорить о «медиаполитическом процессе», смысл которого будет более точно отражать противоречивость и сложность политической жизни современного общества, которая находится в существенной зависимости от масс-медиа. Появление в политологическом тезаурусе данного понятия указывает на виртуальную модификацию политической реальности, на подчинение политики внутренним законам функционирования масс-медиа.

Ученые признают тот факт, что масс-медиа могут являться уникальным дезинформирующим оружием в руках государств для обеспечения информационного господства в условиях ведения войн и различных ситуаций геополитического противоборства, служить медиатизации политики в самом негативном смысле, когда под информационным прикрытием ведутся крупномасштабные военные диверсии. Современная ситуация такова, что такие войны ведутся всеми возможными способами масс-медиа: на просторах Интернета, печати, телевидения, радио и др.

В этом плане показательны механизмы, кото-

рые используются избранными группами, осуществляющими легитимное информационное насилие, что в итоге позволяет трансформировать и/или направлять политические процессы в нужное русло. Одним из ключевых способов реализации властных установок становятся так называемые «карманные» масс-медиа, т.е. СМИ, подконтрольные органам государственной власти. Как точно подмечает Ю.В. Газинская, политические явления через материалы СМИ виртуализируются, а политическая реальность – конструируется [5: 175].

Политический дискурс в масс-медиа зачастую раскрывается через систему многочисленных текстов обвинительного содержания посредством создания событийного повода. «Общество спектакля», о котором писал Ги Дебор, полностью проявило себя посредством создания мифологического пространства, где распространяемые мифы об украино-российских отношениях стали распространенным приемом журналистов.

Возьмем, к примеру, визит президента Украины Петра Порошенко в январе 2015 года на саммит в Давос с куском желтой обшивки от автобуса, который символизировал агрессию России в отношении Украины, являясь вещественным свидетельством нападения российских войск на мирное украинское население. Мы видим, что идея, высказанная М. Маклюэном еще в 1964 году, – «средство коммуникации есть сообщение» [9: 10], широко реализуется на практике. Действительно, коммуникация – это не только написанная или ретранслированная с помощью медиа информация, но также и всевозможные символические акты (к примеру, сожжение государственного флага, стук башмаком по трибуне, экономические санкции, отзыв посла и т.д.).

С другой стороны, сам политический дискурс должен рассматриваться в направлении, актуализирующем тематически соотнесенные в событийном аспекте тексты, составляющие содержание дискурса, который, в свою очередь, продиктован властью. Как следствие, западные СМИ подхватили символ П. Порошенко, поскольку он служил созданию проукраинского настроения участниками саммита. Символическая демонстрация П. Порошенко антироссийского настроения была растиражирована в масс-медиа и оказалась в русле с выступлением Ангелы Меркель, которая назвала присоединение Крыма к России аннексией и заявила, что санкции против России будут продлены до тех пор, пока не исчезнут предпосылки для них [11]. Более того, в направлении осуждения действий России были выстроены выступления всех участников саммита.

Широкомасштабная информационная борьба в связи с украинским кризисом, объявленная Россией со стороны США и Великобритании, была подхвачена всей Европой. Так, например, немецкая газета «Бильд» также демонстрировала лучшие образцы медиатизации политики, формируя в массовом сознании людей негативный образ России. В частности, в июне 2015 г. в интервью газете «Бильд» вновь избранный генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг обвинил Россию в подрыве «принципов европейской архитектуры безопасности». По его словам, президент России «в любом случае отвечает за

обострение конфликта на востоке Украины» [20].

Давление на Европейский союз со стороны США, в том числе оказанное и посредством масс-медиа, оказалось успешным. Тема усиления санкций, паническая информация об агрессии со стороны России, обвинение в слабости политических лидеров в Западной Европе – стали постоянными темами журналистского обсуждения. На наш взгляд, в эскалации украинского кризиса в полной мере просматриваются механизмы медиатизации политики. Налицо использование таких методов, как «создание важного события», «искажение событий» и даже «предложение псевдопроблем».

Действия европейских СМИ в связи с украинским кризисом 2014 года убедительно показывают, что, вопреки здравому смыслу, когда санкции против России, поддержанные европейскими государствами, мешают развитию экономики этих стран, наносят непоправимый ущерб финансовой системе самой Европы, влияние процесса медиатизации на политику оказывается решающим.

Интересно проследить позицию европейских газет и телевидения, связанную с санкциями, объявленными России. Известно, что санкционные мероприятия были навязаны европейскому сообществу извне, под давлением США. СМИ ряда стран Европы в полной мере отражают поведение европейских государств, которые не раз меняли свои решения, понимая невыгодность санкций для экономической ситуации в странах Европы. Так, весьма обтекаемая формулировка была введена в обиход Швейцарским федеральным советом, который заявил, что Швейцария примет все необходимые меры, чтобы ее не использовали для обхода санкций, введенных международным сообществом [18].

Министерство иностранных дел Польши заявило, что оно должно не просто «твердо требовать объяснений от Москвы», но и пойти дальше – продумать меры санкций со стороны Варшавы и дополнительно создать свой «черный список» российских граждан, «работающих на пропагандистском фронте» [21]. Премьер-министр Нидерландов Марк Рютте также выразил осуждение действиям России [23]. «Forbes» и вовсе предупреждает Россию о том, что она может накликать на себя новые санкции в случае, если предпримет зеркальные меры [22]. Дания поддержала дополнительные санкции против России, более того, премьер-министр Дании Хелле Торнинг-Шмитт заявила, что не исключает возможности введения дополнительных штрафных мер в отношении России в случае, если ситуация на Украине не стабилизируется [14].

Ситуация, когда под давлением медийного мирового пространства европейские государства согласны нести большие убытки, складывается под действием обстоятельств внешнеполитического характера. Речь идет о военных и политических провокациях со стороны Пентагона, информационном шпионаже против стран Европы, доминирующем влиянии глобальных мировых агентств, идеологический курс которых строится на традиционном переносе вины с виновников агрессии на другую сторону, нагнетании обстановки в информационном пространстве, создании панических настроений и распространении

мифических угроз и т.д. В итоге мы видим создание симулякров и игнорирование очевидных фактов.

Анализ материалов западных СМИ на предмет освещения украинского кризиса показал широкое применение на практике метода «искажения событий» как со стороны политиков, так и со стороны журналистов, которые активно подхватили антиросийскую риторику, поскольку она служила интересам курса, избранного правительствами западных государств. Сам метод искажения событий подразумевает умалчивание некоторой невыгодной или неинтересной потребителю информации, что приводит к созданию ложного представления у аудитории о произошедшем событии. Действие этого метода очень точно выразила президент Литвы, обвиняя именно Россию в его применении. «Мы на самом деле видим огромную демонстрацию лжи, когда говорят одно, а делают совершенно противоположное, когда обвиняется одна сторона, а оказывается, что обязательства не выполняет обвиняющая (сторона)» [13].

Метод «искажения действительности» демонстрирует свою эффективность при ведении информационной войны, так как любые доказательства и протесты другой стороны отбрасываются, замалчиваются или комментируются соответствующим образом, формируя устойчивую псевдореальность в сознании аудитории. Именно усилиями медиатизированной политики, склонной манипулировать сознанием обывателя, мировая общественность вводится в заблуждение.

Под манипулированием обычно понимают форму скрытого воздействия со стороны субъекта, который стремится к анонимному господству. Подобное понимание сужает рамки понимания манипулирования, так как не дает ответа на вопрос – какова его цель? На наш взгляд, манипулирование преследует цель осуществить «ненасильственную» скрытую власть, а когда речь идет о манипулировании в сфере политики – исходят из крайней необходимости использовать любые (даже вредоносные для психики человека) рычаги манипуляции сознанием людей ради достижения интересов органов власти. И именно современные средства массовой информации дают представителям политической элиты мощное оружие для подобного влияния. В этой связи рассмотрим основные способы воздействия на сознание, которые использует власть в современной Украине в стремлении убедить общество в своей правоте.

Начнем с самого распространенного метода – «искажение событий», который весьма востребован властными структурами современной Украины. Этот метод чаще всего приводится в действие украинскими СМИ и реализуется через приемы сокрытия существенной информации, создания псевдособытия, интерпретацию какого-либо факта в нужном ключе, переписание истории. Например, П. Порошенко, выступая на мероприятии по поводу Дня крещения Руси, заявил, что произошла интеграция князя Владимира с Европой после крещения Киевской Руси, хотя история свидетельствует, что события развивались иначе: Киевская Русь, приняв православие, взяла курс на интеграцию с другими православными народами, но никак не на сближение с католической Европой [17].

Подобные попытки фальсифицировать исторические факты со стороны руководства Украины являются не первыми за весь период существования страны после распада СССР и могут быть объяснены тем, что антиросийская риторика активно поддерживается и стимулируется другими государствами, в первую очередь США, для которой отторжение Украины от России и превращение первой в своего сателлита является одной из важных геостратегических задач. Как заявляет З. Бжезинский, Россия без Украины не сможет претендовать на евразийское лидерство [3: 138], а значит, США следует всячески поощрять рост русофобии в Украине. Следует признать, что появление враждебности и ее эскалация между двумя братскими славянскими народами стали возможными прежде всего за счет длительной идеологической антиросийской пропаганды в средствах массовой информации.

Сегодня исследователи выражают обеспокоенность тем, что общество как субъект политического процесса, обладающий сознанием и собственным мнением, исчезает с политической арены. Согласимся с Е. Воиновой, что политическая сфера становится все более закрытой для граждан, которые имеют возможность получать информацию о функционировании общества только через медиаканалы. В итоге аудитория довольствуется зрелищностью и доступностью той политики, которую она видит. Так или иначе, но данная модель искореняет публичный политический дискурс в пользу примитивного информационного потребления [4: 47].

Когда возникает необходимость заявить о тех или иных субъектах политического процесса через призму их важности, активности и возможности, то профессионалы масс-медиа заменяют объективное политическое действие и двустороннюю коммуникацию их имитацией в пространстве масс-медиа – медийным односторонним конструктом. В этом плане именно медиа призваны придать фактам их смысл в публичном пространстве и установить коммуникационную связь. На практике это зачастую конструируется следующим образом: если сценарий не развивается или развивается не в том русле, то в публичном пространстве начинает действовать сценарий политического представления, далекий в содержательном плане от реальной политики. И как раз в этой интерпретации понятие «медиатизации политики» представляется одним из важнейших для понимания особенностей современного политического процесса, который зависит от масс-медиа.

В качестве подтверждения того, что медиатизация политики является не только теоретическим конструктом, а вполне реальным, эффективно действующим инструментом политического давления, ценным стратегическим ресурсом, можно привести усиленное внимание органов власти США к этой области. Так, на государственном уровне был принят целый ряд документов, где прописана неизбежность осознания информационной природы современных политических процессов. В частности, это «Международная стратегия для киберпространства» (принятая в мае 2011 года при Бараке Обаме) и «Объединенная доктрина информационных операций» (принятая в декабре 1998 года). Согласно данным документам,

работа масс-медиа – это комплекс мероприятий по манипулированию информацией для достижения и удержания всеобъемлющего превосходства над противником через воздействие на информационные процессы, происходящие в системах управления [7].

В документах прямо отмечается, что «деструктивное воздействие на системы управления других стран может быть достигнуто путем проведения психологических операций, направленных против персонала и лиц, принимающих решения и оказывающих влияние на их моральную устойчивость, эмоции и мотивы принятия решений; выполнения мероприятий по оперативной безопасности, дезинформации и физическому разрушению объектов инфраструктуры» [7]. Говоря другими словами, речь идет о манипуляциях сознанием, построении политической реальности (медиареальности), что указывает на стремление субъектов медиатизированной политики влиять на политические процессы в ряде стран посредством ведения информационной войны.

Медиатизированная мировая политика служит геополитическому переделу мира, который осуществляется средствами максимального влияния на национальные политические процессы, в частности, путем организации государственного переворота, в котором решающую роль играют масс-медиа, так как именно они позволяют подготовить революционный дух масс, влиять на политическое сознание граждан, манипулировать сознанием граждан и конструировать протестные группировки.

Научный интерес представляет рассмотрение осуществления второй «Оранжевой революции» на Украине, или «Майданной революции», где большую роль сыграли масс-медиа и профессиональные политтехнологи, которые владеют приемами организации слухов, вбрасывания нужной информации и вербовки сторонников в социальных сетях, блогах, использования политической пропаганды и т.д. Исполнение сценария «цветных революций» невозможно без применения эверсионных технологий, так как именно они позволяют воздействовать на чувства и эмоции граждан, распространять протестные настроения и проводить организационные мероприятия, что в итоге может обеспечить проведение революционной акции в сжатые сроки.

Как предполагают специалисты, около восьмисот специалистов по эверсионным технологиям решили судьбу Украины [2: 109-110]. Разработанные технологами цветных революций манипуляции при помощи СМИ, а также продуманные схемы действий, возымели эффект: страна была поделена на два жестко противостоящих лагеря, где западная часть Украины отдавала предпочтение во взглядах западному вектору развития страны, а восточная часть Украины выступала за сотрудничество с Россией. «Оранжевая» и «Майданная» революции на Украине стали ярким примером того, как можно раздробить страну, вызвать в ней хаос и гражданскую войну посредством конструирования медиатизированной политической реальности.

При этом украинские СМИ, декларирующие стремление формировать демократическое общественное мнение, которое включает в себя, как минимум, два аспекта: доступ к объективной информации

и способность ее анализировать и иметь собственное мнение, проявили преданность своему политическому режиму. Понимание подобного стереотипного поведения объясняется М.М. Лебедевой, во-первых, чувством враждебности по отношению к противоположной стороне, во-вторых, когнитивным аспектом и крайней избирательностью восприятия [8: 172].

В условиях конфликтов особо проявляются не только нескрываемый со стороны СМИ процесс конструирования общественного мнения и воздействия на политическое поведение, неафишируемое стремление управлять политическим сознанием, формировать политическую культуру, но и стремление контролировать поведение больших масс населения. Оно должно быть предсказуемо, должно быть направлено в удобную для власти сторону. Но настоящее информационное сражение демонстрировали просторы Интернета, где большой интерес вызывают действия и технологии эверсоров, которые посредством масс-медиа активно распространяли, в первую очередь, слухи. Например, активно распространялись слухи о чеченцах, воюющих на Украине на стороне ополченцев [15].

Слухи, или непроверенная информация, являются структурным элементом неформальных социальных коммуникаций в современном обществе. Чаще всего слухи появляются и функционируют в условиях недоверия масс к официальным СМИ. Получается, что недостаток в обществе формальных коммуникаций рождает слухи и непроверенную информацию. Слухи в подобных обстоятельствах помогают понять и осмыслить изменяющуюся реальность. В условиях неопределенности слухи играют роль официального источника новостей, вытесняя из политического пространства последние за отсутствием к ним доверия.

В этой связи рассмотрим роль сетевых дневников, которая вызывает большой научный интерес, так как сценарии произошедших и «ползучих» цветных революций показывают, что сетевые дневники в ходе современных «бескровных» революций имели ключевое значение.

В свое время Д. Гиллмор отозвался о блогах как о «народной журналистике, создаваемой людьми для людей». В интересах нашего исследования необходимо рассмотреть, каким образом сетевые дневники вписываются в политическую ткань общества и каким образом политика использует их популярность. Сетевые дневники, которые еще называются блогами, многие обозначают по-своему. Например, западные ученые дают следующее определение феномену блогов (сетевых дневников): это веб-сайт, содержащий в себе регулярно добавляемые записи, содержащие текст, мульти-медиа или изображения, для блогов характерны недлинные записи временной значимости [19: 62]. Заметим, что обычно записи ведутся так, что последняя запись оказывается сверху.

Сами блоггеры, занимающиеся разработкой, продвижением и наполнением блогосферы, дают следующее определение сетевым дневникам, делая акцент на главной характеристике, к которой они относят «общение»: от статичной ленты новостей или обычного сайта они отличаются тем, что дают возможность любому посетителю комментировать каж-

дую запись и при желании высказать одобрение или несогласие с автором дневника (блога) [12: 73].

А.Э. Гапич приводит следующие характеристики сетевым дневникам: новые записи оказываются сверху персональной страницы, позволяя отслеживать изменения в дневнике автора. В подавляющем большинстве случаев на личной странице автора интернет-дневника можно оставлять комментарии к записям, которые доступны для просмотра другим пользователям [6: 75].

Немаловажным фактором является традиционно высокий уровень доверия населения к интернет-дневникам, когда существует иллюзия объективности независимых высказываний. Особенно восприимчива молодежная аудитория, которая специфически склонна доверять высказываниям ровесников, общение которых изобилует специфической лексикой, сопровождается молодежным стилем диалога и ведется в определенной манере.

Итак, совершенно естественно, что блог-платформы, позволяющие вести дневники, дающие возможность практически анонимно высказывать идеи и мысли, являются популярной манипуляционной площадкой среди политтехнологов различного направления. Мы видим, что роль масс-медиа в трансформации политического процесса имеет ключевое значение. Поэтому нас интересует анализ приемов, проводимых посредством сетевых дневников для оказания медиавоздействия на население стран, где произошли или готовятся цветные революции. Проведем этот анализ на примере украинских форумов.

Так, «Политический форум Украины» за исследуемый период 2014-2015 годов был представлен такими темами блогов, как, например, «Проблема беспардонной российской лжи», «Живые информационные вбросы российских троллей», «Мифы, созданные путлеровской пропагандой», «Историческое шулерство Путина, как он подтасовывает факты», «Война России против Украины и мира» [1] и т.п. Авторы блогов проявляют открытую агрессивность по отношению к России, создают нелицеприятный облик Президента РФ В.В. Путина, призывают к насильственным действиям против российского населения, используя традиционные методы: «искажения событий», обвинительную риторику, апелляцию к авторитетному мнению, фальсификацию цифр и статистических данных и др.

Анализ украинских форумов и блогов, антироссийские мнения которых отражают курс официального Киева, показывает, что на просторах Интернета ведется целенаправленная информационная война, суть которой заключается в том, что форумы и блоги практически заменили собой газеты и журналы, в какой-то мере и телевидение. Можно сказать, что таким образом эверсоры используют мобилизационные функции масс-медиа через новейшие информационные технологии, т.е. сеть Интернет.

В условиях политического кризиса на Украине заметна тенденция усиления влияния блогеров на представление политической ситуации, а значит, можно говорить об активном участии социальных сетей в конструировании виртуальной реальности. Мишенью для манипуляций блогеров остается политическое сознание граждан, которым навязываются

определенные установки, правильность того или иного выбора, согласие или несогласие с непопулярными мерами. Это то же самое проявление скрытого управления политическим сознанием и поведением людей с целью принуждения их действовать (или бездействовать) вопреки собственным интересам. И тут главным препятствием для манипулирования остается только собственный опыт людей и знакомство с ситуацией непосредственно или через объективные источники информации, в качестве которых могут выступать люди, которым доверяют (знакомые, друзья, родственники, коллеги и т.д.).

Часто используемые понятия (лексемы) и номинации отражают политическую картину мира, выраженную в словесной маскировке, более того, даже национальное специфическое отношение к политической ситуации. Например, в российских СМИ и социальных блогах возникают и актуализируются такие номинации, как «оранжойды», «Тимошенница», «Потрошенко», «газовая война» и т.п.

Проведенный анализ событий в Украине 2014-2015 годов позволил нам сделать следующие выводы. Медиатизация политики проявляется не только в дискурсе СМИ и журналистской интерпретации (публицистических текстах). Также политическая реальность осуществляется и конструируется посредством интернет-пространства: сетевых дневников, живых журналов, социальных блогов и т.д. Обозначив исходной точкой концепт медиатизации политики, мы раскрыли сущность манипуляции сознанием общества с использованием ресурсов масс-медиа как механизма, производящего символический материал, как субстанцию политической системы, детерминирующей политические процессы. Мы можем констатировать тот факт, что на ход украинского кризиса оказывала и продолжает оказывать большое влияние медиатизированная политика, которая проявляется, прежде всего, в зависимости современных политических процессов от конструирования политической реальности со стороны масс-медиа, а именно, во вмешательстве в суверенные дела Украины западных СМИ, вмешательстве политтехнологов-эверсоров в медийное пространство с целью разыграть сценарий «цветной революции».

Таким образом, на примере Украины мы показали, что масс-медиа, являясь символом демократии, одновременно представляет собой мощный политический инструмент для воздействия на политический процесс. Становится очевидным, что политические процессы современных стран зависят от информационного сопровождения их политики в мировых средствах массовой информации, которое может формироваться извне под воздействием медиатизированной политики, при помощи медиатехнологий, что еще раз подтверждает тезис о том, что политика теперь зависит от масс-медиа, а последние стали механизмом воздействия на сознание общества.

Тренды, связанные с медиатизацией политики, оказывают большое влияние на политику государства и механизмы политико-социального функционирования, а для стабильной работы политической системы необходимо учитывать новые тенденции, возникающие в информационном обществе. Если ранее мировому политическому процессу была присуща гонка

«тяжелого» вооружения, то теперь добавилось геоинформационное соперничество в плоскости наращивания мощи в информационно-разведывательной сфере, в развитии цифровых технологий.

Масс-медиа имеют возможность конструировать реальность в разных областях. Поэтому, учитывая вторжение медиа в контроль чувств и сознания человека, его пристрастий, вкусов, предпочтений, в том числе и политических, СМИ можно назвать инструментом универсального влияния. Медиа все чаще стали служить реализации частных, внутри- и внешнеполитических задач, что мы и рассмотрели на примере событий 2014-2015 годов на Украине.

В средствах массовой информации, освещающих украинские события за исследуемый период, как правило, выстраивается следующая схема формирования политической реальности: конструирование смысла на уровне текста – продолжение обсуждения темы через призму множества смыслов (детальные объяснения причинно-следственных связей, оценка реалий, комментирование со стороны авторитетных лиц и т.д.) – «доставление» проблемы/события (запуск процесса виртуализации и трансформации политических событий и процессов) – «подталкивание» аудитории к определенному мнению. Именно по этой схеме опытные журналисты, политики, пропагандисты манипулируют сознанием реципиентов, создавая виртуальную политическую реальность в интересах органов государственной власти и экономической элиты.

Библиографический список

1. Антипропаганда. Проколы гебельсов // Политический форум Украины. URL: <http://ukrpolitforum.com/forum35.html> (дата обращения: 01.01.2019).
2. Беспалов С.В. «Цветные» революции и задачи российской политики на постсоветском пространстве // Россия и современный мир: проблемы политического развития. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2014. С. 109-110.
3. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2010. С. 138.
4. Воинова Е. Медиатизированная политическая коммуникация: Способ медийного искажения политики или способ организации дискурса? // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2006. № 6. С. 47.
5. Газинская Ю.В. Тема как базовый элемент конструирования политической реальности Украины в дискурсе СМИ России и Украины // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2013. № 2 (49). С. 175.
6. Гапич А.Э., Лушников Д.А. Технологии цветных революций. М.: Риор, 2013. С. 75.
7. Гриняев С. Концепция ведения информационной войны в некоторых странах мира // Зарубежное военное обозрение. 2002. № 2. URL: http://www.soldiering.ru/psychology/conception_psywar.php (дата обращения: 01.01.2019).
8. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов. Подходы, решения, технологии. М.: Аспект-Пресс, 1999. С. 172.
9. Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2011. С. 10.
10. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов. Подходы, решения, технологии. М.: Аспект-Пресс, 1999. С. 172.
11. Меркель не видит причин отменять санкции против России // Reuters. Россия и страны СНГ. 2015. 22 янв. URL: <http://ru.reuters.com/article/topNews/idRUKBN0KV1N920150122> (дата обращения: 01.01.2019).
12. Попов А. Блоги. Новая сфера влияния. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. С. 73.
13. Президент Литвы: Россия осуществляет «территориальную агрессию» // Ru.Delfi.lt. 2015. 22 янв. URL: <http://ru.delfi.lt/news/politics/prezident-litvy-rossiya-osuschestvlyaet-territorialnuyu-agressiyu.d?id=66969840#ixzz3PYUeEzEI> (дата обращения: 01.01.2019).
14. Степовик М. Дания поддержит дополнительные санкции против России // Deutsche Welle. 2014. 19 июня. URL: http://www.dw.com/ru/дания-поддержит-дополнительные-санкции-против-россии/a-17721154?maca=rus-rss_rus_NewsGe_Europe-12291-xml (дата обращения: 01.01.2019).
15. США выразили беспокойство по поводу слухов о воюющих на Украине чеченцах // Общая газета. 2015. 30 мая. URL: <http://og.ru/news/2014/05/30/7385> (дата обращения: 01.01.2019).
16. Теория политики. В 3-х частях. Ч. 3. / Авт.-сост. Н.А. Баранов, Г.А. Пикалов. СПб.: Изд-во БГТУ, 2003. С. 87.
17. Хомяков А. Порошенко искажил историю, заявив о Крещении Руси как «европейском выборе» // Planet Today. 2015. 29 июля. URL: <http://planet-today.ru/svodki-s-fronta/item/14623-poroshenko-iskazil-istoriyu-zayaviv-o-kreshchenii-rusi-kak-evropeyskom-vybore-zaharchenko> (дата обращения: 01.01.2019).
18. Швейцария поддержала санкции против россиян из черного списка ЕС // Газета.RU. 2014. 2 апр. URL: http://www.gazeta.ru/business/news/2014/04/02/n_6056665.shtml (дата обращения: 01.01.2019).
19. Dalton R.J. Democratic challenges, democratic choices: the erosion of political support in advanced industrial democracies. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 62.
20. Drejer C. NATO Intensifies Threats against Russia over Ukraine // Global Research. 2014. 16 Nov. URL: <http://www.globalresearch.ca/nato-intensifies-threats-against-russia-over-ukraine/5414399> (дата обращения: 01.01.2019).
21. EU Sanctions against Russia // Gov.uk. 2014. 5 Dec. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/383843/14-1284-sanctions-russia.pdf (дата обращения: 01.01.2019).
22. Gregori P. Western Sanctions And Rising Debts Are Already Strangling The Russian Economy // Forbes. 2014. 28 Aug. URL: <http://www.forbes.com/sites/paulroderickgregory/2014/08/28/western-sanctions-and-rising-debts-are-already-strangling-the-russian-economy/> (дата обращения: 01.01.2019).
23. What goes around comes around!! Dutch PM very butthurt over Russia payback sanctions // Live link. 2015. 29 May. URL: http://www.liveleak.com/view?i=526_1432922005 (дата обращения: 01.01.2019).

Works Cited

1. Antipropaganda. Prokoly gebel'sov // Politicheskij forum Ukrainy. URL: <http://ukrpolitforum.com/forum35.html> (дата обращения: 01.01.2019).
2. Bepalov C.B. «Tsvetnyye» revolyutsii i zadachi rossiyskoy politiki na postsovetskom prostranstve // Rossiya i sovremennyy mir: problemy politicheskogo razvitiya. M.: Izd-vo Mosk. гуманит. un-ta, 2014. S. 109-110.
3. Bzhezinskiy Z. Velikaya shakhmatnaya doska. M.: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2010. S. 138.
4. Voinova E. Mediatizirovannaya politicheskaya kommunikatsiya: Sposob mediynogo iskazheniya politiki ili sposob organizatsii diskursa? // Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 10. Zhurnalistika. 2006. № 6. S. 47.
5. Gazinskaya Yu.V. Tema kak bazovyy element

- konstruirovaniya politicheskoy real'nosti Ukrainy v diskurse SMI Rossii i Ukrainy // Uchenyye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya, istoriya, vostokovedeniye. 2013. № 2 (49). S. 175.
6. Gapich A.E., Lushnikov D.A. Tekhnologii tsvetnykh revolyutsiy. M.: Rior, 2013. S. 75.
  7. Grinyayev S. Kontseptsiya vedeniya informatsionnoy voyny v nekotorykh stranakh mira // Zarubezhnoye voyennoye obozreniye. 2002. № 2. URL: http://www.soldiering.ru/psychology/conception_psywar.php (data obrashcheniya: 01.01.2019).
  8. Lebedeva M.M. Politicheskoye uregulirovaniye konfliktov. Podkhody, resheniya, tekhnologii. M.: Aspekt-Press, 1999. S. 172.
  9. Maklyuen M. Ponimaniye media: Vneshniye rasshireniya cheloveka. M.: Kuchkovo pole, 2011. S. 10.
  10. Lebedeva M.M. Politicheskoye uregulirovaniye konfliktov. Podkhody, resheniya, tekhnologii. M.: Aspekt-Press, 1999. S. 172.
  11. Merkel' ne vidit prichin otmenyat' sanktsii protiv Rossii // Reuters. Rossiya i strany SNG. 2015. 22 yanv. URL: <http://ru.reuters.com/article/topNews/idRUKBN0KV1N920150122> (data obrashcheniya: 01.01.2019).
  12. Popov A. Blogi. Novaya sfera vliyaniya. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2014. S. 73.
  13. Prezident Litvy: Rossiya osushchestvlyayet «territorial'nyu agressiyu» // Ru.Delfi.it. 2015. 22 yanv. URL: <http://ru.delfi.lt/news/politics/prezident-litvy-rossiya-osushchestvlyayet-territorialnyu-agressiyu.d?id=66969840#ixzz3PYYeE3eI> (data obrashcheniya: 01.01.2019).
  14. Stepovik M. Daniya podderzhit dopolnitel'nyye sanktsii protiv Rossii // Deutsche Welle. 2014. 19 iyunya. URL: http://www.dw.com/ru/daniya-podderzhit-dopolnitel'nyye-sanktsii-protiv-rossii/a-17721154?maca=rus-rss_rus_NewsGe_Europe-12291-xml (data obrashcheniya: 01.01.2019).
  15. SSHA vyrazili bespokoystvo po povodu slukhov o voyuyushchikh na Ukraine chechentsakh // Obshchaya gazeta. 2015. 30 maya. URL: <http://og.ru/news/2014/05/30/7385> (data obrashcheniya: 01.01.2019).
  16. Teoriya politiki. V 3-kh chastyakh. Ch. 3. / Avt.-sost. N.A. Baranov, G.A. Pikalov. SPb.: Izd-vo BGTU, 2003. S. 87.
  17. Khomyakov A. Poroshenko iskazil istoriyu, zayaviv o Kreshchenii Rusi kak «evropeyskom vybore» // Planet Today. 2015. 29 iyulya. URL: <http://planet-today.ru/svodki-s-fronta/item/14623-poroshenko-iskazil-istoriyu-zayaviv-o-kreshchenii-rusi-kak-evropeyskom-vybore-zaharchenko> (data obrashcheniya: 01.01.2019).
  18. Shveytsariya podderzhala sanktsii protiv rossiyan iz chernogo spiska ES // Gazeta.RU. 2014. 2 apr. URL: http://www.gazeta.ru/business/news/2014/04/02/n_60566665.shtml (data obrashcheniya: 01.01.2019).

УДК 323

© С.А. Воронцов

*Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Ростов-на-Дону, Россия*

© А.В. Понеделков

*Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Ростов-на-Дону, Россия*

Трансформация региональных политико-административных элит в условиях современных угроз и вызовов: по материалам социологических (полевых) исследований

15-16 февраля 2019 г. в Ростове-на-Дону прошел III элитологический конгресс «Российская элитология: инновационные ответы на вызовы современного мира» (далее – Конгресс). 18 февраля Конгресс продолжил работу в Таганроге – в Институте им. А.П. Чехова (филиале) ФГБОУ ВО РГЭУ (РИНХ), где состоялся круглый стол по заявленной теме, и завершил свою программу 21 февраля в Пятигорском государственном университете обсуждением темы «Элитогенез, циркуляция и ротация элит: региональный аспект».

Конгресс продолжил традицию ростовской научной элитологической школы, заложенную I Всероссийским элитологическим конгрессом «Элитология России: современное состояние и перспективы развития» (2013) [3: 184] и II Всероссийским эли-

тологическим конгрессом «Элитология и стратегии развития современной России» (2016 г.) [2: 928] по изучению социального статуса, роли и базовых характеристик современной российской правящей элиты, тенденций и проблем ее развития и функционирования.

В рамках подготовки к III Всероссийскому конгрессу Лабораторией проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ в июле-ноябре 2018 г. проведено социологическое исследование, посвященное реакции российской элитологии на вызовы современного мира.

Цель исследования: проанализировать состо-

яние элит и элитологии с разных точек зрения, выявить лидеров общественного мнения, их влияние на происходящие в обществе процессы. Методика проведения исследования аналогична методике исследования, проведенного в связи с подготовкой предыдущих Конгрессов (2013 г., 2016 г.).

Несмотря на, казалось бы, небольшой временной интервал, в рамках которого состоялись указанные научные форумы, тем не менее проводились они в принципиально различных социально-политических условиях. Так, исследование, проведенное в 2013 г., отражает временной период как время стабильности, мало чем предвещающее затяжной кризис, который охватил практически все сферы и все аспекты жизни российского общества.

Исследование, проведенное в 2018 г., представляет собой социологический анализ в кардинально изменившихся условиях даже по сравнению с 2016 г. В условиях мирового экономического кризиса и санкционного давления российской элите предстоит решать не просто текущие проблемы жизнедеятельности общества, а, фактически, вопрос сохранения государства вообще. Как отметил Дж. А. Тойнби, чтобы доказать свою состоятельность и вообще право не просто считаться, а быть элитой страны, нужно принимать вызов и, стратегически осмыслив положение страны, найти на него эффективный ответ, пережив стадию надлома и не допустив перехода к стадии дезинтеграции и распада [4: 736]. При этом чрезвычайно важен учет элитой и всем правящим классом реалий и тенденций конкретного времени и конкретного пространства, учет конкретных потребностей граждан в реализации стратегий и тактик управления, в том числе и на уровне регионов [1: 374-381].

Опираясь на выводы экспертов, можно выделить следующие особенности региональных элит.

«Региональные элиты сформированы федеральной властью из числа нужных ей людей», – такого мнения придерживается 44 % экспертов в Ростовской области, 50 % экспертов в Краснодарском Крае, до 60 % экспертов в Московской области. Аналогичны данные и по другим субъектам.

«Современная элита представлена в основном бывшей номенклатурой, быстро сменившей прежнюю идеологическую принадлежность и новым поколением, состоящим из их родственников», – так думают около 51 % экспертов в Московской области, 40 % экспертов в Ростовской области. В 2013 г. так считало примерно 37 % экспертов. При этом следует отметить, что понятие «бывшая номенклатура» уже лишено того смысла, который вкладывался в это понятие в 90-е гг. XX в.

«Процесс формирования региональных элит по-прежнему является результатом внутриэлитных договоренностей и «работы» клановых политико-управленческих отношений», – так считают около 51 % экспертов в Московской области, 42 % экспертов в Ставропольском крае, 34 % экспертов в Ростовской области. Лишь 18 % экспертов в Ростовской области считают, что формирование региональной элиты происходит посредством демократических процедур. Примерно такие данные отмечаются в других субъектах.

Существенно снизилось число экспертов, счи-

тающих, что в регионах у власти находятся творческие и активные люди, у которых много замыслов, искреннее желание изменить ход событий в лучшую сторону, но усилия таких руководителей блокируются высшей государственной властью и коррумпированными структурами. Так думают 8 % экспертов в Ростовской области, 4,2 % экспертов в Московской области, 3,3 % экспертов в Республике Карелия.

Для системного понимания процессов, связанных с элитой как со средой, где осуществляется процесс разработки и принятия ключевых решений, сравним результаты 2018 г. с результатами исследования 2016 г. При этом будем опираться на оценки, данные экспертами Ростовской области, которые сопоставимы с оценками экспертов в других субъектах.

Так, в ответах экспертов на вопрос «Какие меры Вы бы предложили для улучшения качественных характеристик современной правящей российской элиты?» эксперты отмечают снижение значимости фактора антикоррупционного очищения – с 49 % до 46 %. По-видимому, общественное мнение отмечает определенную результативность принимаемых государством и обществом антикоррупционных мер, а также факт широкого освещения в СМИ процессов, связанных с пресечением коррупционных преступлений должностных лиц.

На первую ранговую позицию (58 %) эксперты поставили показатели персональной ответственности должностных лиц, ужесточения спроса за некачественное исполнение служебных обязанностей. Это отражает необходимость ухода от фактической анонимности власти к ее персонализации в плане профессионализма и ответственности за результат управленческой работы. При этом следует учитывать, что в благоприятной социально-экономической ситуации демонстрация могущества правящей политико-административной элиты, безусловно, повышает рейтинги и делает долю тех, кто может оспорить статусные позиции, не более чем статистической погрешностью. В кризисные периоды у правящей элиты не получится уйти от ответственности и тем самым защитить себя от критики, ибо в массовом сознании власть «назначается» ответственной за все происходящее.

Расхождение результатов проведенных социологических замеров отмечено в ответах на вопрос о деbüroкратизации государственного аппарата. В 2016 г. на необходимости деbüroкратизации управления настаивало 37 % экспертов, в 2018 г. этот показатель упал до 16 %. Такой результат можно объяснить тем, что органами власти предприняты определенные действия по деbüroкратизации, и населению об этом хорошо известно. Это, например, оптимизация штатного расписания государственной гражданской службы, сокращение числа государственных служащих, внедрение современных информационных технологий и др. Но следует учесть, что деbüroкратизация в условиях кризиса порождает реальные угрозы государству и обществу. С одной стороны, на рынок труда поступает большое количество безработных из числа бывших государственных и муниципальных служащих, что порождает проблемы по трудоустройству и провоцирует рост социальной напряженности. С другой стороны, деbüroкратизация приводит к ос-

лаблению государственного аппарата и его управляемости, что весьма нежелательно в условиях кризиса.

Анализируя динамику изменения ответов на вопрос «Какие достоинства и негативные характеристики проявляются в деятельности современных российских политико-административных и региональных элит?» можно обратить внимание на ряд расхождений. Например, в 2016 г. почти 45 % экспертов выбрали вариант ответа «Снижение значимости умения разрешать конфликты», а в 2018 г. этот вариант ответа выбрали 38 % экспертов. Известно, что любой кризис формирует большее количество различных проблемных ситуаций, которые требуют навыков быстрого управленческого реагирования и их эффективного разрешения. Логично ожидать рост значения данного качества представителей элиты, а не его снижение. Возникает вопрос: почему экспертный опрос показал обратный результат? Вероятно, это связано не с переоценкой функций элиты, а с изменением понимания сути кризисных проявлений и принципиальной способности повлиять на них со стороны региональных элит. Конфликты и локальные кризисные проявления на региональном уровне продуцируются политическими и экономическими явлениями глобального порядка, на которые региональная элита не в состоянии реально повлиять. Этим и обусловлено снижение качественных оценок региональной элиты со стороны экспертов. При этом в массовом сознании представление об ответственности региональной политико-административной и бизнес-элиты за все, что происходит в данном регионе, остается неизменным, и оно критично.

Изменилась позиция экспертов в ответах на вопрос о значении чуткости представителей элиты к социальным проблемам. В 2016 г. значение этого аспекта отмечало 14 % экспертов, в 2018 – 6 % экспертов. При этом в ответах экспертов возрастает доля факторов, связанных с необходимостью жестких и непопулярных решений для того, чтобы минимизировать последствия неопределенностей и рисков в будущем. Чуткость, в смысле «войти в положение» социально незащищенных групп населения, принятие подобных решений существенно затрудняет. Этот фактор может сам по себе вызвать дополнительное напряжение в отношениях элиты и граждан. Разрешить данную коммуникативно-политическую проблему может демонстрация элитой реального принятия на себя всех издержек кризиса вместе с населением. Здесь не должно быть попыток создания для себя, используя возможности и статус принадлежности к элите, каких-либо более комфортных условий.

Следует также отметить расхождение «экспертного» и «народного» понимания данного вопроса. Исследование выявило массовый социальный запрос на чуткость со стороны власти к проблемам граждан. Однако эксперты считают, что чуткость порождает некоторую слабость власти, при которой будет невозможно принимать радикальные решения. Отмечается формирование мобилизационного типа сознания, в рамках которого санкционные действия США и ЕС в отношении РФ воспринимаются обществом как «холодная война», которая требует мобилизационной перестройки своего сознания и отношения.

Состояние кризиса повышает актуальность

обеспечения единства элиты и народа, способность граждан с пониманием относиться к непопулярным решениям и принимать неизбежные издержки. В 2013 г. опасность отрыва власти от народа отмечали около 28 % экспертов, в 2018 г. этот негативный для стабильности общества фактор отмечают уже 32 % экспертов. Огромный разрыв в доходах, социальное расслоение, непродуманные законодательные и управленческие инициативы усиливают отчуждение элиты от граждан, создают благоприятную среду для политических манипуляций, порождают опасные для политического строя и государства риски.

Важной функцией правящей элиты является стратегическое предвидение, умение создавать и реализовывать инновации в различных сферах жизни. Исследование показало определенное недоверие экспертов к качеству реализации представителями элиты данной функции. Это видно из ответов на вопрос «Как бы Вы оценили вклад политико-административных элит в инновационное развитие современной России?».

Подавляющее большинство экспертов не видят у элиты необходимых качеств в отношении успешной инновационной деятельности. В связи с этим возникает вопрос: кто тогда сможет реализовать инновационную стратегию развития России?

В ходе исследования эксперты указали на приоритетные с их точки зрения возможности для улучшения отбора и подготовки представителей региональной политико-административной элиты. В частности, отмечено, что необходимо качественно обновить и повысить эффективность политико-административной элиты видится в привлечении молодых специалистов из числа муниципальных и региональных лидеров и активистов, проявивших свою активную жизненную позицию.

Эксперты считают необходимым проводить отбор в элиту путем оценки по итогам мониторинга результатов эффективности работы руководителя, использовать проектную работу как способ отбора и подготовки политических лидеров, кейсы наставничества, стажировки и т.д. Эксперты отмечают, что необходимо исключить сращивание политиков и местных правоохранительных и надзорных органов в территориях и устранить практику «круговой поруки» и «кумовства»; улучшить систему профессиональной переподготовки и повышения квалификации; производить отбор в управленческую элиту исключительно из числа претендентов, уже проявивших себя на практике и заслуживших авторитет у населения.

Проведенное исследование было ориентировано не только на выяснение различных социально-политических параметров и характеристик российской региональной политико-административной элиты, но и на выявление перспективных, по мнению экспертов, направлений развития элитологии как отрасли научного знания. По мнению экспертов, необходимо продолжить изучение системы взаимоотношений элиты и широких слоев населения, тем более в условиях, когда кризисные явления создают угрозу методам такого взаимодействия, которые в иных, стабильных условиях считались эффективными. Повышенное внимание следует уделить межэтническому взаимодействию.

Эксперты считают важным изучать социально-политические вопросы, связанные с безопасностью, образованием, аспекты функционирования элиты, связанные с патриотическими ценностями и вопросами юридической незащищенности граждан вне круга элиты.

В качестве перспективного направления исследований необходимо выделить рассмотрение особой роли власти в формировании становления российской элиты, а также проблему «корней» элиты, нацеленной на служение своему Отечеству, воспитание чувства национального самосознания. Необходимо постоянный анализ специфики внутренней идентификации современных российских элит и дифференциации элитного слоя по экономическим и политическим направлениям, механизма самовоспроизводства элиты и его влияния на качественный состав элитного слоя общества.

Большой интерес представляет разработка национальной концепции элиты, которая включала бы в себя когнитивные механизмы изучения передового опыта лидеров региональной российской элиты, диагностирование современного состояния российской элиты, перспектив ее развития и роли элиты в современном обществе, специфики влияния региональной политико-административной элиты на развитие страны.

Эксперты, участвовавшие в данном социологическом исследовании, отметили острую потребность развития институциональной и ресурсной базы российской элитологии. Развитие исследовательских возможностей элитологии как отрасли научного знания в целом позволит решать комплекс прикладных задач и разрабатывать актуальные практические рекомендации для повышения эффективности государственного и муниципального управления.

Библиографический список

1. Аствацатурова М.А., Давыдова Е.В. Содержательные и формальные тенденции формирования и функционирования политико-властных элит Северо-Кавказского федерального округа // Российская элитология: иннова-

ционные ответы на вызовы современного мира. Материалы Третьего Всероссийского элитологического конгресса с международным участием 15-16 февраля 2019 г. Т.2. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2019. С. 374-381.

2. Локота О.В., Шутов А.Ю., Еремеев С.Г., Понеделков А.В., Шабров О.Ф., Буров А.В., Старостин А.М., Воронцов С.А., Коваленко В.И. и др. Элитология и стратегии развития современной России. Информационно-аналитические материалы Второго всероссийского элитологического конгресса (21-22 октября 2016 г., г. Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2016. 928 с.
3. Рудой В.В., Шутов А.Ю., Понеделков А.В., Старостин А.М., Воронцов С.А., Черкасова Т.П., Змиак С.С., Кузина С.И., Ляхов В.П. Современные региональные элиты (социологический анализ). Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2013. 184 с.
4. Тойнби А.Дж. Постигание истории (пер. с англ.). М.: Прогресс, 1991. 736 с.

Works Cited

1. Astvatsaturova M.A., Davydova E.V. Soderzhatel'nyye i formal'nyye tendentsii formirovaniya i funktsionirovaniya politiko-vlastnykh elit Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga // Rossiyskaya elitologiya: innovatsionnyye otvety na vyzovy sovremennogo mira. Materialy Tret'yego Vserossiyskogo elitologicheskogo kongressa s mezhdunarodnym uchastiyem 15-16 fevralya 2019 g. T.2. Rostov-na-Donu: Izd-vo YURIU RANKHiGS. 2019. S. 374-381.
2. Lokota O.V., Shutov A.Yu., Eremeyev S.G., Ponedelkov A.V., Shabrov O.F., Burov A.V., Starostin A.M., Vorontsov S.A., Kovalenko V.I. i dr. Elitologiya i strategii razvitiya sovremennoy Rossii. Informatsionno-analiticheskiye materialy Vtorogo vserossiyskogo elitologicheskogo kongressa (21-22 oktyabrya 2016 g., g. Rostov-na-Donu). Rostov-na-Donu, Izd-vo YURIU RANKHiGS, 2016. 928 s.
3. Rudoy V.V., Shutov A.Yu., Ponedelkov A.V., Starostin A.M., Vorontsov S.A., Cherkasova T.P., Zmiyak S.S., Kuzina S.I., Lyakhov V.P. Sovremennyye regional'nyye elity (sotsiologicheskiiy analiz). Rostov n/D.: Izd-vo YURIU RANKHiGS, 2013. 184 s.
4. Toynbi A.Dzh. Postizheniye istorii (per. s angl.). M.: Progress, 1991. 736 s.

УДК 351

© А.П. Горбунов

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Пятигорск, Россия

Социально-экономические и социокультурные основания современного правящего и управляющего гиперслоя и предпосылки его смены смылосодержательным преобразовательным-управляющим слоем

Мы развиваем новейшую – преобразовательную сверхсоинтегрирующую – методологию, которая позволяет понять, на какой ступени общественного саморазвития мы сейчас находимся и в каком магистральном направлении оно пойдет дальше.

С позиций этой методологии можно дать адекватную оценку сущности современных так называемых «элит». Их сущность, присущие им черты и качества определяются тем социально-экономическим

и социокультурным содержанием, которое присуще всем общественным отношениям на нынешней их ступени, то есть фактически тем типом способа общественного воспроизводства и, соответственно, типом способа организации собственности (капитала) и способа управления, который сейчас используется.

Было бы наивным полагать, что характеристики нынешней так называемой «элиты», а более точно, нынешнего «политического класса» или нынешнего

«правлящего и управляющего слоя», живут своей собственной жизнью и оторваны от названных глубинных связей, отношений и соотношений. Напротив, именно ими они как раз и определяются.

Суть нынешнего способа общественного воспроизводства с позиций применяемой нами методологии можно определить как постоянное воспроизводство и накопление количественно возрастающего финансового (финансово-олигархического) капитала и обслуживающего его формализованного интеллектуального капитала.

Главными, определяющими видами собственности (капитала) в этой системе воспроизводства выступают: 1) финансовый капитал, имеющий иерархическое построение, венчаемое финансово-управленческой верхушкой; 2) формализованный интеллектуальный капитал, обеспечивающий расширенное воспроизводство и все большую концентрацию, соответственно, обслуживающий интересы финансового капитала, который тоже имеет свою иерархию, венчаемую формализованной интеллектуально-управленческой верхушкой.

Сегодня мы имеем дело не столько с национальной системой воспроизводства, а именно с глобальной, транснациональной (наднациональной) *гиперсистемой*. Поэтому функционирующие в ней финансовый капитал и интеллектуальный капитал представляют собой *гипервиды капиталов*. В глобальной гиперсистеме и сама обслуживающая ее «элита» выстроена тоже не только в национальной, а еще и в глобальной иерархии, то есть у нее есть глобальная правящая и управляющая *гиперверхушка*.

Глобальный же центр этой гиперсистемы, из которого проистекают основные правящие и управляющие воздействия и, соответственно, основные интеллектуальные установки и послы для всего нынешнего мира, находится вовсе не в Российской Федерации. Все это нужно иметь в виду, когда мы обсуждаем проблему российской «элиты» или, скорее, локальных, региональных и федеральных российских «элит».

У нынешнего правящего и управляющего слоя наличествуют вполне определенные, обусловленные настоящей ступенью общественного саморазвития и потому конкретно-логические и конкретно-исторические по своей сути, содержание и структура. Они в современной глобальной гиперкапитальной и гиперуправляющей (гиперуправленческой) иерархической системе не могут не иметь *гиперсодержания* и не иметь *гиперструктуры*.

Скажем о самом содержании, то есть именно о гиперсодержании нынешней «элиты» как правящего и управляющего глобального (а не просто лишь национального) гиперслоя. Предназначение этого гиперслоя – обеспечивать осуществляемое нынешней воспроизводящей себя социально-экономической и социокультурной гиперсистемой умножение финансового и формализованного интеллектуального гиперкапитала и потому еще и обеспечивать воспроизводство самой этой гиперсистемы. Отсюда формируется стиль мышления этого гиперслоя, его образ жизни и моральные установки. Он сам и есть основной носитель и транслятор формализованного (формальностного) интеллектуального гиперкапитала, и

потому его духовность, его мораль такова, каков его образ жизни, его интересы и ценностные установки.

Почему мы используем термины «*формализованный*» или «*формальностный*»? В интеллектуальном капитале по определению должна присутствовать «*интеллектуальность*», то есть какая-то смысловая содержательность. Если же задача интеллектуального капитала сжимается лишь до обслуживания интересов количественного возрастания, самоумножения финансового капитала, львиная доля которого присваивается небольшими группами частных лиц для их обогащения, то и сам смысл крайне формализован, фактически сведен к количественной составляющей, за которой очень мало общественной пользы для граждан.

Ведь задача здесь – постоянно увеличивать количество (число, цифру) частных финансовых объемов для олигархических групп и выстраивать все процессы и отношения именно для такого увеличения. Поэтому для такого типа мышления заведомо характерна формализация, фактическое отсутствие истинной духовности, а в конечном счете, и полная бессмысленность. Постоянное увеличение, умножение и затем гиперувеличение, гиперумножение числа, цифры для частного обогащения есть по своей сути пустая, «дурная» бесконечность, есть движение по типу «бега белки в колесе» или «крысиных бегов» по кругу и не более того.

Вот почему мышление, выстроенное по такому прокручиваемому в самом себе типу, бесперспективно. Однако именно оно и характерно для сегодняшнего правящего и управляющего гиперслоя, который нацелен не на созидательный смысл деятельности, не на созидательный, преобразовательный вклад, а на «прибыль», «наживу». Она является результатом действующего общественно-экономического механизма, которому подчинены все без исключения.

В этом и состоит огромный несозидательный и неэффективный минус присущего правящему и управляющему гиперслою гипергосподствующего типа мышления. Любое решение, любой шаг опосредованы главной для него, системообразующей, заслоняющей все остальное гиперцелью – извлечением частной прибыли. Это отражает «бизнес-мышление», «прибыль-мышление» гиперслоя, заслоняющее созидательную сущность человека.

При этом извлечение прибыли в нынешней системе вовсе не обусловлено каким-либо реальным созидательным вкладом, в связи с чем правильнее говорить именно о наживе. Сам по себе финансовый капитал не обладает качественно-моральной содержательной характеристикой – это просто цифры, количество нулей, из которых не следует, каким образом он извлечен. Это лишь стоимость, из которой неизвестно, стоит ли за ней созидательная ценность. И нынешний тип общества вполне довольствуется таким положением.

Отсюда вполне ясны господствующий в нынешнем типе общества образ жизни и соответствующие ему моральные (вернее, аморальные) установки, ценностные (более верно: лишенные истинной ценностной основы) ориентации. Здесь главное: нужно брать, присваивать насколько возможно больше и не-

важно, каким способом.

В России же все это мы наблюдаем в усиленном варианте – потому, что наш российский нынешний правящий слой крупных частных собственников финансового капитала, как и обслуживающий его управляющий слой, сформировались в результате присвоения за бесценок собственности, до этого принадлежавшей всему обществу. Этот слой сформировался во многом из представителей, прежде всего, непроизводительных, торгово-распределительных структур, но также и из полукриминальных и даже собственно криминальных структур. Поэтому в нынешнем российском правящем и управляющем слое столь сильна не просто присвоенческая, нацеленная лишь на персональное обогащение, а еще и чисто криминальная, не сдерживаемая никакой духовностью идеология и психология поведения. Это идеология и психология, нацеленные на то, чтобы отнять, отобрать, подмять, «распилить», прихватить.

Отсюда очевидно, что понятие «элиты» здесь явно не подходит, так как «элитное» – это все же достойное, лучшее.

Во всем этом кроются именно фундаментальные (а не просто какие-то незначимые) основы коррупционности мышления и поведения правящего и управляющего слоя, который вынужден вроде как бороться с самим своим существом. Почему и очевидно, что никакая борьба с коррупцией в рамках ныне господствующей социально-экономической и социокультурной системы, нацеленной, прежде всего, на извлечение частной «прибыли», «наживы», не приведет к реальному, действительному результату. Он возможен только в том случае, если эта система сама будет преодолена, преобразована в иную, смыслодержательную и духовно-ценностную систему, имеющую в основе иной способ деятельности и иную мораль.

Выделим еще одну проблему качественной характеристики нынешнего правящего и управляющего гиперслоя, вытекающую из его глобального гипериерархического, гиперструктурного построения. Может ли вообще этот слой, в силу именно такого построения, быть сегодня национально ориентированным (патриотически ориентированным) и, если да, то в какой мере? Ответ на этот вопрос становится ясным, если понять, что при типе (гипертипе) гиперкапитальностной глобализации, который сложился сегодня, потоки финансового и интеллектуального капитала и их концентрация подчинены вполне определенным мировым центрам. В связи с этим ни одно национальное государство не обладает полным суверенитетом, и все в мире подчинены воздействию этих гиперцентров и вынуждены подстраиваться под их гиперинтересы.

Поэтому такие современные ходовые экономические и политические концепции, как «социальное государство», «правовое государство», «гражданское общество» направлены не только на то, чтобы поддерживать определенный внутренний компромисс на уровне национальных государств между их внутренними общественными слоями с отдачей львиной доли приоритета господствующему внутри каждого такого государства его собственному финансово-олигархическому слою. Они также направлены на то, чтобы поддерживать и внешний компро-

мисс для обслуживания гиперинтересов глобальной гипергосподствующей финансово-олигархической верхушки, которая, постоянно извлекая все больше и больше гиперприбыли, все меньше и меньше готова считаться с кровными интересами и суверенностью национальных государств и их народов и ведет себя именно как гипергегемон.

Понятно, что в этих условиях значительные группы правящего и управляющего слоя национальных государств – и Россия не является здесь исключением – напрямую строят свою линию поведения и свою мораль на продвижении интересов верхушки глобального гипергосподствующего, гипергегемонистского слоя, стремясь стать ее составной частью. И им кажется, что это достижимо. На самом же деле глобальная гипергегемонистская верхушка использует их в своих целях как инструмент своего господства, но в свой состав не допускает.

Другие же группы правящего и управляющего слоя национальных государств, хотя они и национально-ориентированы, вместе с тем либо не замечают, либо не понимают всех этих глобальных раскладов. Они обманывают себя и подстраиваются под навязанную общественно-экономическую и социокультурную конструкцию, так как в интеллектуальном, в идеологическом плане принимают для себя транслируемые модели общественного и государственного устройства как верные и незыблемые. Они неспособны предложить реальную альтернативу и не стремятся к этому.

Здесь проблема состоит: в первом случае – в полной интеллектуальной, духовной несамостоятельности, во втором случае – в неполной интеллектуальной, духовной самостоятельности. И эта характеристика относится и к российскому правящему и управляющему слою, в связи с чем вряд ли правомерно называть его «элитой», так как элите по определению должна быть присуща самостоятельность.

Альтернативность, которую демонстрирует современная Россия по отношению к навязываемым глобальными гипергегемонистскими силами позициям и которой сегодня в стране очень многие удовлетворены, вовсе не столь сильна и самостоятельна, так как это альтернативность внутри самого же нынешнего типа (гипертипа) социально-экономического и социокультурного устройства, а вовсе не альтернатива его коренного преобразования.

На коренное социальное преобразование у нынешнего российского правящего и управляющего слоя в его существующем типе нет ни сил, ни способностей, так как он интеллектуально, идеологически полностью подчинен господствующим стереотипным схемам и моделям. Его экономические интересы, соответственно, подчинены господствующей модели воспроизводства и поэтому в приоритете имеют частное обогащение. Дальнейшее существование и развитие России рассматривается его представителями преимущественно через эту призму и никак иначе.

И здесь недопонимается, игнорируется главное: то, что нынешний тип, фактически гипертип общественно-экономического устройства и происходящий из него тип организации глобального экономического и политического миропорядка выстроен вовсе не под лидерство России и не под ее интересы,

не под чаяния ее многонационального народа, а как раз наоборот. Поэтому даже современная частичная альтернативность позиции России глобальной политической и экономической архитектуре вызывает неприятие у глобальных гипергегемонистских сил.

Куда все это может привести Россию и ее правящий и управляющий слой и что нужно со всем этим делать?

С нашей точки зрения, возможных вариантов три.

Первый вариант заключается в том, что при постоянном возрастании агрессивности глобальных гипергегемонистских сил (что мы сейчас как раз и наблюдаем) нынешний российский правящий и управляющий слой не сможет удержать и сохранить единство Российской Федерации в таких неустойчивых условиях, когда он сам расколот и нестабилен, несамостоятелен и не имеет истинной перспективы. Это, конечно, полностью бесперспективный для России вариант.

Второй вариант состоит в том, что все-таки патриотически-ориентированной части российского правящего и управляющего слоя будет удаваться в течение длительного времени сохранять единство России и поддерживать ее развитие в условиях постоянного давления как внешних гиперсил, так и связанных с ними внутренних сил. Но это тоже очень неустойчивый и малоперспективный, по своей сути временный, переходный вариант.

На самом деле России необходим *третий вариант*, который предусматривает, что ее правящий и управляющий слой приобретет истинную самостоятельность и сумеет достичь высокого уровня общественного единства Российской Федерации, сконцентрировав все ее действительно созидательные силы и придав ей качества мирового интеллектуального, духовного лидера. Но для этого данный слой должен быть перетрансформирован и стать способным перестроить существующую социально-экономическую и социокультурную систему. Правящий слой должен совершить переход к наиболее передовому способу общественного воспроизводства, базирующемуся уже не просто на количественном накоплении, умножении объемов финансового и формальностно-интеллектуального гиперкапитала с его частным присвоением в интересах гиперверхушки, а на качественном воспроизводстве, умножении и освоении всеми именно смыслодержательного преобразовательного сверхкапитала, истинного капитала капиталов – то есть преобразовательного, инновационно-содержательного знания, мышления, реализующегося в преобразовательно-ориентированной всеосмысленной созидательной деятельности.

Истинная основа любой созидательности – это *преобразовательно-ориентированное мышление (сознание) и действие*. Только оно действительно

перспективно, так как исходит не из какой-то лишь частной, частичной, а из всеобщей общественной пользы, из самого сверхсмысла созидания. Потому оно выступает истинно общенародным и наиболее самостоятельным, по-настоящему лидерским, не ограниченным, не связанным никакой финансовой и формальностно-интеллектуальной зависимостью.

У носителей такого преобразовательно-ориентированного мышления (сознания) и действия, и образ жизни иной, и мораль иная. В связи с тем, что они духовно истинно самостоятельны, то не довольствуются ничьими ни финансовыми, ни интеллектуальными подачками, и потому и их патриотизм наиболее содержателен.

Таким образом, действительно перспективный выход у России (да и у всего мира) один. Он состоит в замене нынешнего тупикового по своим качествам, бесперспективного и малоперспективного, не нацеленного в будущее правящего и управляющего слоя на качественно новый состав – состав (слой, класс) **преобразовательно-ориентированных лидеров, создателей, инноваторов**, деятельность которых базируется не на необоснованном частном извлечении прибыли (наживы), а **на достоверно общественно-признанном созидательном вкладе**.

То, что этот путь закономерен, очевидно, так как только он обеспечивает истинную перспективу и тем самым возможность лидерства для России, если она первой встанет на этот путь. Однако он невозможен без усилий самих наших людей, самого общества. Пока эти усилия все еще очень слабы, лишь сиюминутны и лишь прагматичны. Таковы, например, где-то с год назад появившиеся в России заявления о необходимости и намерениях «национализации российской элиты». Таковы организуемые по стране курсы «молодых лидеров».

Президент Российской Федерации В.В. Путин в майском Указе 2018 г. № 204 ставит задачу воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций.

В этой связи Пятигорский государственный университет четко обозначает в качестве своей миссии *подготовку лидеров-преобразователей*, способных результативно управлять инновационными проектами, процессами и социальными трансформациями и позитивно преобразовывать мир. Кроме того, полагаем, что личность должна быть не просто социально-ответственной лишь в рамках сложившегося социального порядка, но и *социально-преобразовательной, преобразующей*, то есть способной – если существующие условия, существующий социальный порядок устарели, неэффективны и несправедливы и потому ее не устраивают – изменять их к лучшему, ради всеобщего блага.

Socio-Economic and Socio-Cultural Foundations of Modern Governing and Ruling Hyperstratum and Prerequisites of Its Change by Meaningful Transformative-Ruling Stratum

We are developing a newest – transformative over-co-integrating – methodology that allows us to understand at what stage of social self-development we are now and in what main direction it will go further.

From the standpoint of this methodology it is possible to give an adequate assessment of the essence of the so-called modern «elites». Their essence, characteristic features and qualities are determined by the socio-economic and socio-cultural content that is inherent in all social relations at their current stage of development, that is, in fact, the type of method of social reproduction and, accordingly, the type of method of property (capital) organization and the method of management, which is used now.

It would be naïve to believe that the characteristics of the present so-called «elite», or more precisely, the present «political class» or the present «ruling and governing stratum», live their own lives and are detached from these deep connections, relationships and correlations. On the contrary, they are defined by these relations.

The essence of the current method of social reproduction from the standpoint of the methodology used by us can be defined as a constant reproduction and accumulation of quantitatively increasing financial (financial-oligarchical) capital and formalized intellectual capital serving it.

The main determining types of property (capital) in this system of reproduction are: 1) financial capital, having a hierarchical structure, crowned by the financial and managerial upper class; 2) formalized intellectual capital, providing an expanded reproduction and increasing concentration, respectively, serving the interests of financial capital, which also has its own hierarchy, crowned by a formalized intellectual and managerial upper class.

Today we are dealing not so much with a national system of reproduction, but with a global, transnational (supranational) *hypersystem*. Therefore, the financial capital and intellectual capital functioning in it are *hypertypes of capital*. In the global hypersystem, the «elite» serving it is also built not only in the national, but also in the global hierarchy, that is, it has a global ruling and governing *hyper-upper class*.

The global center of this hypersystem, from which the main ruling and governing influences are made and, accordingly, the main intellectual attitudes and messages for the whole today's world originate, is not in the Russian Federation at all. All this should be kept in mind while we discuss the problem of the Russian «elite» or, rather, local, regional and federal Russian «elites».

The current ruling and governing stratum has quite certain content and structure, conditioned by the present stage of social self-development and

therefore specifically-logical and specifically-historical in their essence. In today's global hypercapitalist and hypermanagerial (hypermanagement) hierarchical system they cannot but have *hypercontent* and *hyperstructure*.

Let us talk about the content itself, that is, about the hypercontent of the present «elite» as a ruling and governing global (and not just national) hyperstratum. The purpose of this hyperstratum is to provide the multiplication of financial and formalized intellectual hypercapital carried out by the current reproducing itself socio-economic and socio-cultural hypersystem and therefore also to ensure the reproduction of this hypersystem itself. Hence, the style of thinking of this hyperstratum, its way of life and moral attitudes are being formed. It is a primary carrier and translator of the formalized (formalistical) intellectual hypercapital, and its spirituality, its morality is conditioned by its lifestyle, its interests and values.

Why do we use the terms «formalized» or «formalistical»? Intellectual capital, by definition, must contain «intellectuality», that is, some meaningful content. If the task of intellectual capital is reduced only to serving the interests of quantitative growth, self-multiplication of financial capital, the lion's share of which is assigned to small groups of individuals for their enrichment, then the meaning itself is extremely formalized, in fact reduced to a quantitative component, behind which there is very little public benefit for citizens.

After all, the task here is to constantly increase the quantity (number, figures) of private financial volumes for oligarchic groups and build all processes and relations for such an increase. Therefore, this type of thinking is obviously characterized by formalization, the actual absence of true spirituality, and ultimately, complete meaninglessness. The constant increase, multiplication and then hyper-increase, hyper-multiplication of the quantity, the number for private enrichment are inherently empty, «bad» infinity, are the movement of the type of «running like a hamster in a wheel» or «rat races» in a circle and nothing more.

That is why thinking is built on this rolling in and for itself type, is futile. However, it is typical for today's ruling and governing hyperstratum, which is aimed not at the creative meaning of activity, not at the creative, transformative contribution, but at «profit», «gain». It is the result of the present socio-economic mechanism to which all people without exception are subject to.

This is a huge non-creative and inefficient disadvantage inherent in the ruling and governing hyperstratum of hyperdominating type of thinking. Any decision, any step is mediated by the hypergoal which is main for it, system-forming, overshadowing everything else – the extraction of private profit. This reflects the «business thinking», «profit-thinking» of hyperstratum,

obscuring the creative essence of man.

At the same time, the extraction of profit in the current system is not due to any real creative contribution, and therefore it is more correct to talk about profit. By itself, financial capital does not have a qualitative and moral meaningful characteristic – these are just numbers, the number of zeros, from which it is impossible to determine the way it is extracted.

This is only a cost, that doesn't shed light on whether there is a creative value behind it. And the present type of society is quite content with this situation.

Hence, the prevailing way of life in the present type of society and the corresponding moral (or rather, immoral) attitudes, value (more correctly: devoid of the true value basis) orientations are quite clear. Here is the main thing: you need to take, assign as much as possible and no matter what way.

In Russia, we see all this in a strengthened version – because our present Russian ruling stratum of large private owners of financial capital, as well as the managing stratum serving it, have been formed as a result of the appropriation for nothing of property that previously belonged to the whole society. This stratum has been formed mainly from representatives, primarily unproductive, trade and distribution structures, but also from semi-criminal and even criminal structures. Therefore, the present Russian ruling and governing stratum is mainly characterized by such ideology and psychology of behaviour that is not just aimed at appropriation and personal enrichment, but it is also purely criminal, not restrained by any spirituality. The purpose of such ideology and psychology is to take, deprive, crush, «saw up», grab.

Hence, it is obvious that the notion of «elite» is clearly not suitable here, since «elite» is something worthy, the best.

Therein lies the fundamental (and not just some minor) basis of corruption thinking and behaviour of the ruling and governing stratum, which is forced to a sort of fight with its very being. That is why it is obvious that no fight against corruption in the framework of the now dominant socio-economic and socio-cultural system, aimed primarily at the extraction of private «profit», «gain», will not lead to a real, effective result. It is possible only if this system itself will be overcome, transformed into a different, meaningful and spiritual-value system, which is based on a different way of activity and different morality.

Let us highlight another problem of qualitative characteristics of the present ruling and governing hyperstratum, arising from its global hyperhierarchical, hyperstructural construction. Can this stratum, by virtue of such a construction, be today nationally oriented (patriotically oriented) and, if so, to what extent? The answer to this question becomes clear if we understand that the present type (hypertype) hypercapitalistic globalization that exists today, flows of financial and intellectual capital, and their concentration is subject to very specific global centers. In this regard, no one national state has full sovereignty, and all things in the world are subject to the influence of these hypercenters and are forced to adapt to their hyper-interests.

Therefore, such modern popular economic and political conceptions, as «social state», «legal state»,

«civil society» are aimed not only at maintaining a certain internal compromise at the level of national states between their internal social strata with the return of the lion's share of priority to the dominant within each such state its own financial and oligarchic stratum. They are also aimed at maintaining an external compromise to serve the hyper-interests of the global hyper-dominating financial and oligarchic upper class, which, constantly extracting more and more hyper-profits, is less and less ready to reckon with the vital interests and sovereignty of national states and their peoples and behaves exactly as a hyper-hegemon.

It is clear that under these conditions significant groups of ruling and governing stratum of the national states – and Russia is no exception here – directly build their way of behaviour and their morality on the promotion of interests of the upper class of a global hyperdominating, hyperhegemonic stratum seeking to become part of it. And they think it is achievable. In fact, the global hyperhegemonic upper class uses them for their own purposes as an instrument of their domination, but does not allow them to be part of it.

Other groups of the ruling and governing stratum of national states, even if they are nationally oriented, at the same time either do not notice or do not understand all these global layouts. They deceive themselves and adapt to the imposed socio-economic and socio-cultural structure, as intellectually, ideologically take for themselves the transmitted models of social and state structure as true and unshakable. They are unable to offer a real alternative and do not seek it.

The problem is: in the first case – in the full intellectual, spiritual dependence, in the second case – in the partial intellectual, spiritual independence. And this characteristic applies to the Russian ruling and governing stratum, in connection with which it is hardly legitimate to call it «elite», as an elite by definition must be characterized by independence.

The alternativeness that modern Russia demonstrates in relation to the positions imposed by global hyperhegemonic forces and with which many people in the country are satisfied today is not so strong and independent, since it is an alternative within the very same present type (hypertype) of the socio-economic and socio-cultural structure, and not at all an alternative to its radical transformation.

The present Russian ruling and governing stratum in its existing type has neither the strength nor the abilities for radical social transformation, as it is intellectually, ideologically completely subordinated to the prevailing stereotypical schemes and models. Its economic interests, respectively, are subordinated to the dominant model of reproduction and therefore have a priority of private enrichment. A further existence and development of Russia is considered by its representatives mainly through this prism and in no other way.

And here the main thing is misunderstood and ignored: the fact that the present type, in fact the hypertype of the socio-economic system and the resulting type of organization of the global economic and political world order is not built under the leadership of Russia and not in pursuit of its interests, not under the aspirations of its multinational people, but quite the opposite. Therefore, even a modern partial alternative of Russia's position

to the global political and economic architecture causes rejection from a part of global hyperhegemonic forces.

Where can all this bring Russia and its ruling and governing stratum and what should be done with all this?

From our point of view, there are three possible options.

The first option is that with a constant increase in the aggressiveness of global hyperhegemonic forces (which we are now witnessing), the present Russian ruling and governing stratum will not be able to keep and maintain the unity of the Russian Federation in such shifting conditions, while it itself is split and unstable, dependent and has no true prospect. This, of course, is a completely unpromising option for Russia.

The second option is that still patriotically-oriented part of the Russian ruling and governing stratum will manage to preserve the unity of Russia for a long time and to support its development in the conditions of constant pressure by both external hyperforces and associated internal forces. But this is also a very unstable and unpromising, in its essence temporary, transitional option.

In fact, Russia needs a third option, which provides that its ruling and governing stratum will acquire true independence and will be able to achieve a high level of social unity of the Russian Federation, concentrating all its truly creative forces and giving it the quality of a world intellectual, spiritual leader. But in order to do this, this stratum must be able to retransform and rebuild the existing socio-economic and socio-cultural system. The ruling stratum must make the transition to the most advanced method of social reproduction, based not just on the quantitative accumulation, multiplication of the volume of financial and formalistical intellectual hypercapital with its private assignment in the interests of the hyper-upper class, but on the qualitative reproduction, multiplication and development by all people of meaningful transformative overcapital, the true capital of capitals – that is, transformative, innovative and meaningful knowledge, thinking, implemented in a transformative-oriented all-meaningful creative activity.

The true basis of any creative activity is *transformative-oriented thinking (consciousness) and action*. Only this thinking and action are really promising, because it comes not only from some private, partial, but from the general public benefit, from the very oversense of creation. Therefore, it acts as a truly national and the

most independent, truly leadership, not limited, not bound by any financial and formal-intellectual dependence.

The carriers of the transformative-oriented thinking (consciousness) are characterized by different actions, the way of their life and morality are different. Due to the fact that they are spiritually truly independent, they are not content with anyone's financial or intellectual pittance, and therefore their patriotism is most meaningful.

Thus, Russia (and the whole world) has only one really promising way out. It consists in replacing the present ruling and governing stratum, which is deadlock in its qualities, prospectless and unpromising, not aimed at the future, by a qualitatively new composition – the composition (stratum, class) of ***transformative-oriented leaders, creators, innovators***, whose activities are based not on unjustified private profit (gain), but ***on a reliably socially recognized creative contribution***.

The fact is obvious that this path (option) is natural, as only it provides a true perspective and thus the possibility of leadership for Russia, if it is the first state to stand on this path. However, it is impossible without the efforts of our people and society itself. Until now these efforts are still very weak, only momentary and pragmatic. These are, for example, some statements about the need and intentions of «nationalization of the Russian elite» appeared in Russia about a year ago. These are the competitions between «young leaders» organized in the country.

President of the Russian Federation Vladimir Putin in his Decree № 204 in May, 2018, sets the task of education of a harmoniously developed and socially responsible person on the basis of spiritual and moral values of the peoples of the Russian Federation, their historical and national-cultural traditions.

In this regard, Pyatigorsk State University clearly designates as its mission *the training of transformative leaders* who are able to effectively manage innovative projects, processes and social transformations and transform the world for the better. In addition, we believe that the person should not only be socially responsible only within the framework of the established social order, but also *socially transformative, transforming*, that is, capable – if the existing conditions, the existing social order are outdated, inefficient and unfair and therefore the person is not satisfied with them – of changing them for the better, for the sake of the common good.

Перспективные способности и качества российской управленческой элиты XXI века

В первом приближении понятие управленческой элиты выступает более общим (родовым) по отношению практически ко всем видам элит современного научного дискурса. Ведь согласно воззрениям ученых элита – это группа лиц, одним из главных атрибутов которой выступает обладание властью, влиянием [2], а везде, где есть власть и влияние, присутствует управление. И, наоборот, отношения управления всегда принимают форму властных отношений, при этом их основы, основания, источники и средства могут различаться [4: 515-516]. Ведь власть может быть формальной и неформальной, экономической, политической, идеологической и так далее. Да и само управление весьма многообразно и имеет несколько уровней. Так, при рассмотрении управления как структуры (аппарата) управления принято выделять, как минимум, три уровня:

- высший (институциональный), субъекты которого отвечают за принятие решений;
- средний (управленческий, в узком смысле этого слова), субъекты которого отвечают за подготовку проектов решений и исполнение принятых институциональным уровнем решений;
- низший (технический) уровень, субъекты которого отвечают за информационное обеспечение процесса подготовки проектов решений.

Соответственно, если ведущим критерием для выделения элит является альтиметрический (структурно-функциональный подход), в соответствии с которым предполагается, что тот, кто находится на высшей ступени социальной иерархии, сосредотачивает в своих руках значительную власть и ресурсы, то к управленческой элите следует отнести представителей первых двух уровней – высшего и среднего.

Если же принять во внимание, что представители низшего уровня структуры (аппарата) управления по определению превосходят управленцев высшего и среднего уровня по информированности, а также учитывая то обстоятельство, что они сами формируют и контролируют информационные потоки, предназначенные для вышестоящих управленцев, то и их следует отнести к управленческой элите. При этом целесообразно указать, что так проявляется разделение труда в сфере управления и согласиться с теми учеными, которые, изучая управленческую элиту на макроуровне (уровне государства), в рамках структурно-функционального подхода выделяют:

- политическую элиту – тех, кто, собственно, принимает управленческие решения (Президент РФ, Федеральное Собрание, Совет Федерации, Государственный Совет);
- административную элиту – тех, кто отвечает за подготовку проектов решений и исполнение принятых институциональным уровнем решений (представители органов исполнительной власти).

В составе административной (исполнительской) элиты фиксируется наличие двух подгрупп:

- 1) «политических чиновников», которые меняются с приходом нового политического руководства;
- 2) специалистов, которые сохраняют свои должности вне зависимости от политической расстановки сил в правительстве.

Если же в качестве главенствующего критерия при выделении элиты избирается меритократический критерий (ценностный подход), то есть критерий достоинств и заслуг, то не все представители перечисленных выше групп попадут в категорию управленческой элиты, так как управленческой элитой должно и можно признать только самых лучших, эффективных, выдающихся управленцев.

К сожалению, ряд исследователей призывают отказаться от нормативного подхода к изучению элит уже потому, что сегодня «структурно-функциональный подход стал по сути общепринятым («мейн-стрим») в политической науке и «переувеличивать» политологов иначе понимать элиту представляется делом малоперспективным. Сложившаяся конвенция достаточно прочна и однозначно работает против нормативных подходов» [5]. Кроме того, указывается, что «неизмеримо сложнее оценить (даже на уровне спекулятивных рассуждений) «прогрессивность», «позитивность» и «нравственную позицию». Исследователь неизбежно окажется в полной зависимости от его собственной системы ценностей, которая и будет определять выводы о принадлежности к элите тех или иных лиц» [5].

Хочется заметить, что неизмеримая сложность не есть прямая невозможность провести оценку политической и управленческой элиты. Например, О.В. Леонтьева выделяет следующие критерии эффективности политической элиты [6]:

- 1) собственно политические (свобода рекрутирования, наличие консолидирующей идеи, соблюдение базовых политических свобод, суверенитет элит, т.е. отстаивание ими интересов своего государства; независимость СМИ);
- 2) «математические», т.е. составленные на основе различных индексов/рейтингов (доверие населения; соотношение благосостояния населения и высших должностных лиц; оценки рейтинга коррупции и т.д.);
- 3) организационно-правовые (зависимость зарплаты представителей государственного аппарата от установленных в законодательстве критериев эффективности; открытость сведений об имуществе высших должностных лиц; независимость судебной власти, возможность контроля гражданского общества);
- 4) иные (уровень культуры и образования политической элиты и пр.).

С точки зрения экономико-управленческой науки такими критериями могут выступать показатели относительно доходов населения, качества его питания, комфорта жилища, качества здравоохранения,

качества образования и так далее. Следовательно, объективно оценить качество управленческого воздействия элиты можно и нужно, главное определиться, что мы оцениваем и как. Чрезвычайно актуальными является вопросы «Что означает для управленца быть лучшим или выдающимся? Какого управленца можно признать лучшим и выдающимся?». Эти вопросы составляют важную сферу исследования политико-управленческих элит в плане и их дискурса [1: 284-287].

В этой связи Ж.Т. Тошенко, отвечая на этот вопрос применительно к управленческой элите макроуровня, подчеркивает, что профессиональный управленец обязан [7]:

1) служить высшим интересам общества, защищать национальные интересы в самом высоком значении этого слова, как в геополитическом смысле, так и при решении внутренних проблем;

2) демонстрировать преданное, подлинно патриотическое служение обществу во всем, т.е. постоянно проявлять гражданственность, верность государству и обществу;

3) соблюдать требования нравственности без назидания и морализаторства, постоянно проявлять ответственность во всех без исключения жизненных ситуациях, демонстрировать человеческое достоинство;

4) обладать высоким интеллектуальным уровнем, который позволяет возвышаться над сиюминутными и обыденными реалиями и процессами, способствовать умелому, эффективному и рациональному решению жизненных проблем.

Мы, в свою очередь, полагаем, что элитный управленец – это тот, который осуществляет свою деятельность с опорой на познанные законы и закономерности развития общества. Современный элитный управленец должен понимать, что в XXI веке формируется абсолютно новый тип экономики – экономика знаний. В ее рамках ключевым ресурсом и фактором производства выступают знания, причем не знания вообще, а только такие, в которых содержится новизна, обладающая преобразовательной ценностью. По сути, это – результаты интеллектуальной деятельности, которые обладают инновационным содержанием, находящим гарантированное технологическое и экономическое применение и приносящие добавленную стоимость. Именно те страны, которые перейдут на системной основе к генерированию (воспроизводству) нового знания, имеющего преобразовательную ценность, его производственному освоению и масштабному распространению с обеспечением технологического и экономического применения в виде инноваций, или что то же самое, к воспроизводству полного интеллектуально-инновационного цикла, те и будут странами-лидерами развития. Осознавая это, элитный управленец XXI века должен вести управляемую им социальную систему в данном направлении, создавать и поддерживать для этого необходимые условия.

Российский управленец сегодня должен с сожалением констатировать, что отечественная экономика построена преимущественно на получении и распределении импортной промышленной (а также во многом и аграрной, и сервисной продукции), а

востребованный временем тип экономических отношений, связанный с воспроизводством полного интеллектуально-инновационного цикла, частично сохранил сегодня только в оборонных отраслях.

Стремление же к лидерству в мировом развитии предполагает создание подобного цикла во многих отраслях и сферах национальной экономики с нуля. Однако для этого нужно для начала поверить в собственные силы, потому что «человек или общество, мышление которых профессионально и лично ограничено представлением, что они не способны ничего создавать на уровне мировых стандартов и тем более выше этого уровня, а способны только копировать и использовать созданное другими, создать никакой инновационный продукт в принципе не может» [3: 231].

Соответственно, первое, чем должна обладать российская управленческая элита XXI века, – это мировоззрение нового типа, преобразовательное мировоззрение. В теории управления четко указывается, что управленческая деятельность может носить адаптивный (реактивный) характер, проактивный характер и, наконец, преобразовательный характер. Если управление носит адаптивный характер, то это означает, что управленцы успевают только реагировать на изменение окружающих условий, это – «движение по течению». Под проактивностью понимается не приспособленческое, а инициативное, опережающее поведение, опирающееся на предвосхищение запланированных результатов. Его суть – не ожидать когда что-то произойдет во внешней среде и принимать решения «пост-фактум», а активно, инициативно добиваться достижения поставленных целей, влияя на внешнюю среду, формируя ее под себя, действуя с опережением. Преобразовательный характер управления приобретает тогда, когда управленец, исходя из объективных закономерностей развития системы, проектирует желаемый образ ее будущего состояния и двигается к этому идеалу, позитивно преобразуя окружающую его действительность.

Такое мировоззрение само по себе у управленцев ниоткуда взяться не может. Его необходимо целенаправленно и на системной основе формировать, прежде всего, в рамках системы высшего образования. Однако приобретение преобразовательного мировоззрения еще не означает, что управленец XXI века готов корректно **действовать**. Он должен к этому быть готов в технологическом плане. Для этого он должен быть профессионалом, лидером и новатором. Быть профессиональным управленцем в XXI веке означает обладать особым управленческим знанием об управлении интеллектуально-инновационным циклом, о котором говорилось ранее. По сути, это знание об управлении процессом извлечения и применения новизны знаний, начинающимся с управления генерированием новой идеи и завершающимся управлением маркетингом и коммерциализацией интеллектуально-инновационного продукта. Он должен быть технологом, т.е. **знать как** управлять интеллектуально-инновационным циклом и **уметь** это делать.

Элитный управленец должен быть лидером, т.е. не просто руководителем по должности. И здесь дело не только в искусстве применять управленческие

технологии, располагать к себе людей, использовать различные, а не только чисто должностные, источники управленческой власти, а в способности ответить на вопрос «**что надо делать и куда надо идти**». Как гласит известный афоризм, «менеджмент – это совершение действий правильно; лидерство – это совершение правильных действий». Отсюда следует, что лидерство связано со стратегией управления, с тем, **что** нужно сделать.

Наконец, элитный управленец должен быть инноватором. В новой экономике, которая сейчас находится в стадии активного становления и является инновационной по сути, нельзя управлять по-старому, традиционно. Управление также должно приобрести качества креативно-инновационного процесса. Это достигается тогда, когда в обществе запускаются процессы создания уже не только инженерно-технических, а именно социально-гуманитарных инноваций в виде реальных технологий, способных при их внедрении приводить к закономерным изменениям в социальных и духовных практиках и институтах, т.е. к преобразованию самих общественных отношений, образующих социальную ткань всего процесса общественного воспроизводства.

При этом управление должно трансформироваться не только как способ организации труда, но и как способ организации взаимодействия, сотрудничества, общения. Следовательно, управленческая элита XXI века должна владеть способностью осуществления креативно-инновационной коммуникации, позволяющей так выстроить взаимодействие, сотрудничество, общение, чтобы достигать искомого результата требуемого качества.

И, наконец, любая деятельность, и управленческая не составляет исключения, должна опираться на определенную нравственную основу. Элитный управленец XXI века должен обладать такими качествами, как гражданственность, патриотизм, честность, порядочность, неподкупность и социальная ответственность.

Таким образом, управленческая элита – это управленцы, способные преобразовательно мыслить, управлять сложным процессом интеллектуально-инновационного воспроизводства, координировать и кооперировать участников интеллектуально-инновационного воспроизводства, осуществлять результативную коммуникацию.

Управленческой элите XXI века должны быть присущи, во-первых, профессионально значимые качества (профессионализм, лидерство и инноваторство), во-вторых, социально-значимые качества (гражданственность, патриотизм, честность, порядочность, неподкупность и социальная ответственность).

Библиографический список

1. Аствацатурова М.А., Чекменев Д.С. Целеполагание политико-властной элиты РФ как фактор институирования общественно-политического дискурса в услови-

ях упрочения гражданского единства // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. № 1. С. 284-287.

2. Ашин Г.К. Элита: история термина // Элитариум: Центр дистанционного образования. URL: http://www.elitari-um.ru/2004/08/05/print:page,1,jelita_istorija_ter-mina.html (дата обращения: 08.02.2019).
3. Горбунов А.П. Об импортозамещении, технологических укладах, новом креативно-инновационном способе воспроизводства, экономике новизны знаний и всеобщих универсальных преобразовательных компетенций (или как Россия способна «обогнать, не догоняя») // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2014. № 3. С. 230-256.
4. Горбунов А.П. Основы социального менеджмента; под ред. д-ра экон. наук, проф. Б.Я. Гершковича. Пятигорск: Изд-во «Кавказская здравница», 1999. С. 515-516.
5. Ледяев В. Кого относить к элите? // Общество и экономика. 2008. № 3. С. 123.
6. Леонтьева О.В. Критерии качества и эффективности политической элиты. URL: http://www.eurasialegal.info/index.php?option=com_content&view=article&id=4899:2015-12-03-05-54-15&catid=230:2013-03-28-11-33-12 (дата обращения: 08.02.2019).
7. Тощенко Ж.Т. Элита? Клань? Касты? Клики? Как называть тех, кто правит нами? // Социологические исследования. 1999. № 11. С. 132.

Works Cited

1. Astvatsaturova M.A., Chekmenev D.S. Tselepolaganiye politiko-vlastnoy elity RF kak faktor instituirovaniya obshchestvenno-politicheskogo diskursa v usloviyakh uprocheniya grazhdanskogo edinstva // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 1. S. 284-287.
2. Ashin G.K. Elita: istoriya termina // Elitarium: TSentr distantsionnogo obrazovaniya. URL: http://www.elitari-um.ru/2004/08/05/print:page,1,jelita_istorija_ter-mina.html (data obrashcheniya: 08.02.2019).
3. Gorbunov A.P. Ob importozameshchenii, tekhnologicheskikh ukkladakh, novom kreativno-innovatsionnom sposobe vosproizvodstva, ekonomike novizny znaniy i vseobshchikh universal'nykh preobrazovatel'nykh kompetentsiy (ili kak Rossiya sposobna «obognat', ne dogonyaya») // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2014. № 3. S. 230-256.
4. Gorbunov A.P. Osnovy sotsial'nogo menedzhmenta; pod red. d-ra ekon. nauk, prof. B.Ya. Gershkovicha. Pyatigorsk: Izd-vo «Kavkazskaya zdravnitza», 1999. S. 515-516.
5. Ledyayev V. Kogo otnosit' k elite? // Obshchestvo i ekonomika. 2008. № 3. S. 123.
6. Leont'yeva O.V. Kriterii kachestva i effektivnosti politicheskoy elity. URL: http://www.eurasialegal.info/index.php?option=com_content&view=article&id=4899:2015-12-03-05-54-15&catid=230:2013-03-28-11-33-12 (дата обращения: 08.02.2019).
7. Toshchenko Zh.T. Elita? Klany? Kasty? Kliki? Kak nazvat' tekh, kto pravit nami? // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 1999. № 11. S. 132.

УДК 352/354-1

© *Е.Ю. Золочевская*

*Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Ростов-на-Дону, Россия*

© *Т.П. Черкасова*

*Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Ростов-на-Дону, Россия*

Роль креативной элиты в формировании нового поколения

Эволюция общественного развития совместно с глобализационными процессами накладывает отпечаток на формирование нового поколения на всех этапах. Современными особенностями развития, отразившимися и сильно изменившимися характеристиками нового поколения, стали цифровизация всех сфер жизни, ускоренное внедрение информационно-коммуникационных технологий, доступность любой информации в сети Интернет, быстрая передача информации и обмен ею в электронном виде. Эти особенности привели к тому, что новое поколение стало иначе воспринимать информацию, изменилась информационная культура и культура взаимодействия и коммуникаций.

Современное новое поколение принято называть «поколением Z». Его временным интервалом является 1995 г. в Европе и США, и, начиная с 2000 г., – в России. Дети, рожденные в этот период, являются детьми нового поколения, главным отличием которого является постоянное и повсеместное использование цифровых технологий. Именно поэтому в ряде источников данное поколение именуют «цифровым поколением», отличительные черты которого порождают необходимость пересмотра педагогических технологий и инструментария по его формированию на разных этапах становления.

Теория поколений была разработана в 1991 г. американскими учеными Вильямом Штраусом и Нилом Хаузом. Ее суть состоит в том, что каждые 20-25 лет появляется новое поколение, характеризующееся новыми чертами, привычками и ценностями, которые отличают их от всех предыдущих и становятся традиционными для будущих поколений [6: 23].

Отличительными чертами поколения Z общепризнано считать:

- умение быстро адаптироваться в большом потоке информации и работать с ней;
- быстрое информационное развитие детей;
- способность одновременного ведения нескольких дел (например, слушать музыку, писать сообщения, делать уроки);
- «клиповое» мышление;
- трудности с выучиванием материала, связанные с возможностью оперативно любую информацию получить в Интернете;
- инфантилизм.

Психологи отмечают у детей нового поколения как позитивные эволюционные изменения (одаренность и быстрое включение в интересующую их информацию; нацеленность на быстрый результат), так и проблемные: дефицит внимания – неусидчивость и нетерпеливость; интровертированность, склонность

к аутизации; повышенная возбудимость [2].

Вышеперечисленные особенности требуют изменений в педагогических подходах и технологиях высшей школы, которые позволят сформировать необходимую компетентностную модель выпускника, соответствующую современным профстандартам. Модернизация педагогических подходов и технологий в свою очередь требует пересмотра предъявляемых профессионально-компетентностных требований к самому субъекту образовательного процесса (преподавателю).

Безусловным моментом является то, что профессорско-преподавательский состав вузов является основой национальной образовательной элиты. Однако в условиях современной общественной эволюции подходы к элитогенезу существенно изменились, в том числе и в сфере высшего образования.

В частности, элиту в сфере образования принято относить к творческой элите. Творческая элита выступает главным источником прогрессивного развития и генерации инноваций. «Представители творческой элиты берут на себя функции соединения интересов различных социальных групп, выработки духовных ориентиров и определения целей национального развития. Не обладая политической властью, представители творческой элиты обладают значительной символической властью – властью конструировать образные представления о совокупности объектов и явлений в целом, являясь, таким образом, создателями и хранителями национальной культуры» [4: 128].

Рассматривая формирование поколения Z и эволюции профессионально-компетентностных характеристик творческой элиты, способной его воспитать, на мой взгляд, следует говорить о креативной элите и ее роли в этом процессе. Сегодня уже используется, но еще слабо распространен термин «креативная элита».

Одним из первых к анализу креативного класса обратился американский социолог Ричард Флорид, выделивший креативную элиту в отдельную социальную группу из творческой элиты, которая ориентирована на обеспечение процветания национальной державы. К креативному классу он относил специалистов, производящих экономические ценности в процессе творческой деятельности (работники интеллектуального труда, символические аналитики, лица свободной профессии и технические специальности) [3: 23]. В работе «Креативный класс: люди, которые меняют будущее» он одним из первых выявил зависимость между численностью креативного класса и развитостью города в сфере высоких технологий,

культурным уровнем, темпами экономического роста. По его мнению, креативный класс включал в себя два подкласса: суперкреативное ядро (профессии в области естественных и социальных наук, образования, воспитания и библиотечного дела, программирования и математики и некоторых др.) и креативных профессионалов (управленческие профессии; профессии в области бизнеса, права и некоторые другие).

Таким образом, под креативной элитой целесообразно понимать научные и педагогические кадры высшей школы, которые сами достигли существенных результатов в служении и работе на благо общественного развития страны. От этих кадров зависит формирование идеологии и ценностных ориентиров будущего поколения, а также его профессиональная специализация и компетентность, что является залогом успешного общественного развития в долгосрочной перспективе.

Если говорить о роли креативной элиты в формировании поколения Z, то на первый план выходит необходимость учета в образовательном процессе высшей школы использования цифровых технологий. Это позволяет иначе выстраивать образовательный процесс с точки зрения традиционных типов занятий (лекций, семинаров, практических занятий) и форм промежуточного контроля успеваемости (экзаменов, зачетов).

Вопрос о том, каким должно быть образование для поколения Z, обсуждался в январе 2019 г. в рамках **Гайдаровского форума в РАНХиГС при Президенте РФ**. Модератором площадки выступил Алексей Свищев, заместитель декана Института бизнеса и делового администрирования (ИБДА) РАНХиГС при Президенте РФ. Он отметил необходимость адаптации учебных курсов для поколения Z в соответствии с его потребностями. Кроме того, в качестве отличительных сторон поколения Z им по результатам проведенного исследования были выделены два критерия: скорость получения знаний (сегодня никто не желает долго и методично вырабатывать какие-либо навыки и знания); цифровизация всего учебного материала и процессов [1].

Мишель Мотт, директор Международного управления бизнес-школы NEOMA, поддерживая дискуссию, обратил внимание на усиление тенденции индивидуализации высшего образования. Большую роль в этом процессе играют дистанционные технологии и модульный принцип обучения.

Что касается современных образовательных технологий, то действительно возрастает роль дистанционного участия в отдельных элементах образовательного процесса, которые позволяют ускорить и разнообразить информационный поток. Это – онлайн-доступ к электронным изданиям, который позволяет подготовиться студентам к лекции. И тогда на лекции нет необходимости записывать определения отдельных категорий. Лекция становится проблемноориентированной и может проходить в форме лекции-дискуссии, позволяя студенту конкретизировать полученную информацию из электронных источников и правильно понимать ее. Если говорить о семинарских занятиях, то цифровые технологии позволяют проводить деловые игры, готовить проекты, опираясь на информацию сегодняшнего дня, получая ее оперативно из интернет-источников. В рамках от-

дельных форм контроля цифровые технологии позволяют проводить онлайн-тестирования, фиксируя необходимый уровень знаний. Кроме того, обращаясь к анализу данных по онлайн-тестированию, можно оценить освоенность тех или иных дидактических единиц группой, скорость выполнения конкретных заданий, а также при необходимости скорректировать образовательный процесс [5: 65].

Важно при разработке новых образовательных программ высшего образования помнить и другие особенности современного образования, связанного с тем, что знания быстро устаревают. Это обстоятельство приводит к возникновению институциональной ловушки, обусловленной тем, что пока мы разрабатываем современную образовательную программу высшего образования, осуществляем набор и выпуск, например, бакалавров, через четыре года их компетентностная модель уже устареет. В результате на новой компетентностной базе воспроизводится дисбаланс между рынком труда (теми компетенциями, которые нужны работодателю) и рынком высшего образования (теми компетенциями, которые формируются у выпускников вузов).

Единственным выходом из возникшей институциональной ловушки может быть прогнозное проектирование компетентностного портрета выпускника на период 5-7 лет путем совместных форсайт-сессий представителей вузов и работодателей, с ежегодной актуализацией, исходя из реалий. Проектирование компетентностного портрета выпускника поколения Z, проведенное Южно-Российским институтом управления РАНХиГС при Президенте РФ, позволило выделить следующий основной перечень компетенций:

- умеет убеждать и воздействовать на собеседника;
- применяет навыки по психологии для обеспечения своего влияния и противостояния чужому влиянию;
- способен проявлять инициативу;
- умеет креативно мыслить, формировать и высказывать независимое мнение; развивать критическое мышление;
- способен к обобщению, анализу, критическому осмыслению информации, постановке целей и выбору путей их достижения;
- умеет принимать решения в стандартных и нестандартных профессиональных ситуациях, принимать на себя ответственность за эти решения;
- способен к инновациям, осознает необходимость изменений, способен преодолевать локальное сопротивление изменениям;
- способен оценить результаты внедрения инноваций, скорректировать стратегию инноваций и др.

Конечно, подобное прогнозное проектирование требует особых компетенций от самих участников форсайта. Они должны быть действительно креативной элитой, способной к прогнозу в своей профессиональной сфере. Представители работодателей должны заглянуть в будущее развитие своей профессиональной среды и четко определить те soft и hard skills, которыми должен обладать выпускник, который будет ими востребован. В свою очередь, преподавательский состав вуза должен уловить прогнозируемую компетентностную потребность и подобрать учебно-мето-

дический инструментарий для их формирования. Для этого, прежде всего, необходима быстрая обновляемость и актуализация дисциплин учебного плана, а также повышение квалификации и стажировки профессорско-преподавательского состава, в том числе за рубежом и на производственной базе потенциальных работодателей. Кроме того, важно определить оптимальное соотношение лекционных, практических и семинарских занятий, а также выбрать эффективные формы их проведения. Форма проведения занятий должна быть ориентирована не на получение новой информации, которая быстро устаревает, а на формирование умения и навыка ее оперативно получать, прогнозировать и диагностировать потенциальный компетентностный провал и реализовывать его восполнение.

Таким образом, поколение Z требует новых подходов и новых профессиональных компетенций от креативной элиты.

Библиографический список

1. Образование для поколения Z: каким оно должно быть. URL: <https://www.ranepa.ru/sobytiya/novosti/obrazovanie-dlya-pokoleniya-z-kakim-ono-dolzno-byt> (дата обращения: 02.02.2019).
2. Поколение Z – что это такое и какие их характерные черты? / Саморазвитие. Самосовершенствование. Личностный рост. URL: <http://kak-bog.ru/pokolenie-z-cto-eto-takoe-i-kakie-ih-harakternye-cherty> (дата обращения: 02.02.2019).

3. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2007. 421 с.
4. Хомякова Е.П. Творческая элита и ее роль в общественном развитии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. № 6. С. 127-134.
5. Cherkasova T.P., Bandurina I.A. Russian competence-oriented model of education of public and municipal employees in the conditions of globalization // Kant. 2016. № 1 (18). С. 64-69.
6. Strauss W., Howe N. Generations: The History of America's Future 1584 to 2069. New York: William Morrow, 1991. 540 p.

Works Cited

1. Obrazovaniye dlya pokoleniya Z: kakim ono dolzhno byt' // URL.: <https://www.ranepa.ru/sobytiya/novosti/obrazovanie-dlya-pokoleniya-z-kakim-ono-dolzno-byt> (data obrashcheniya: 02.02.2019).
2. Pokoleniye Z – chto eto takoye i kakiye ikh kharakternyye cherty? / Samorazvitiye. Camosovershenstvovaniye. Lichnostnyy rost// URL: <http://kak-bog.ru/pokolenie-z-cto-eto-takoe-i-kakie-ih-harakternye-cherty> (data obrashcheniya: 02.02.2019).
3. Florida R. Kreativnyy klass: lyudi, kotoryye menyayut budushcheye. M., Izdatel'skiy dom «Klassika-XXI», 2007. 421 s.
4. Khomyakova E.P. Tvorcheskaya elita i eye rol' v obshchestvennom razvitii // Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke. 2017. № 6. S. 127-134.

УДК 323.3

© Р.А. Кандыба
ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
Пятигорск, Россия

Проблема ротации высшей политической элиты России и преемственность политического курса

Характерной чертой высшей политической элиты России 1990-х гг. была ориентация на отрицание советских политических практик. Правящая элита в масштабах страны была слабо структурирована, региональные элиты нередко злоупотребляли полномочиями, претендуя на предмет ведения, отнесенный Конституцией РФ к федеральным органам власти. Лишь левая контрэлита продолжала использовать модернизированные приемы политико-организационной работы советского периода, опираясь на наиболее влиятельную в стране партию – КПРФ. Создание самой крупной фракции в Государственной Думе Федерального Собрания РФ и формирование так называемого «красного пояса» – зоны регионов с губернаторами-коммунистами, были наиболее существенными завоеваниями левых.

С начала 2000-х гг. с приходом к власти В. Путина ситуация в эшелоне правящей элиты начала меняться. В масштабах страны выстроилась четкая вертикаль власти, чему не в последнюю очередь способствовал генезис «Единой России» и превращение ее в партию власти. Государственная Дума Федерального Собрания РФ (ФС РФ) утратила роль оппозиционной

силы, на федеральном уровне появилась преемственность в политическом курсе и кадровой политике. Однако усиление главенствующей роли исполнительной власти является тенденцией, сохраняющей свою актуальность с начала 1990-х гг. [2: 210].

Внутриполитическая стабильность выступает одной из базовых ценностей высшей политической элиты России, что во многом совпадает с ценностными установками населения и способствует общественному согласию [1: 127]. Полагаем, что одним из наиболее важных факторов политической стабильности в восприятии правящей элиты является преемственность политического курса после выборов Президента РФ. На всех президентских выборах, состоявшихся после обретения Российской Федерацией суверенитета, побеждал либо действующий Президент РФ, либо кандидат, выдвинутый правящей элитой, причем мнение Президента РФ в этом вопросе играло решающую роль. Президентские выборы не приводили к смене политической элиты, в её постепенной ротации наблюдалась преемственность.

Полагаем, что вероятность возникновения до 2024 г. внутриполитических или внешнеполитиче-

ских факторов, могущих критически снизить рейтинг действующего президента и правящей элиты, в целом мала. В связи с этим для перехода президентской власти может быть избран сценарий, примерно соответствующий периоду 2007-2008 гг. На выборах в Государственную Думу ФС РФ 2021 г. «Единая Россия» с высокой долей вероятности получит более половины депутатских мест, что обеспечит сохранение лояльности Государственной Думе ФС РФ в отношении Президента РФ и Правительства РФ.

Утрата «Единой Россией» парламентского большинства, на наш взгляд, маловероятна. В конце 2023 г. правящей элитой, скорее всего, будет выдвинут единственный кандидат в президенты РФ, что, вероятно, будет сделано от лица «Единой России». Во время президентской кампании в руках кандидата от правящей элиты будут все необходимые ресурсы для обеспечения победы в первом туре, в том числе, поддержка действующего Президента РФ В. Путина.

Предпосылкой для реализации подобного сценария является слабость и кадровая обескровленность оппозиции, представленной такими ее сегментами, как парламентские партии, непарламентские партии и несистемная оппозиция. Парламентские партии участвуют в выполнении текущей работы в Государственной Думе ФС РФ. Однако их фракции слишком малочисленны для того, чтобы влиять на принятие политических решений, а сами партии не обладают потенциалом для борьбы за верховную власть, по крайней мере, на парламентских выборах 2021 г. и президентских 2024 г.

Одной из причин, объясняющих подобную ситуацию, на наш взгляд, являются карьерные стратегии потенциальных элитных групп, селектората по определению В. Милановски, то есть активистов, совершающих первые шаги в политике, потенциально готовых к выполнению профессиональных функций в политической сфере. Наиболее способные из них считают оппозиционные парламентские партии и иные оппозиционные структуры бесперспективными. Они не создают возможности для карьерной траектории, позволяющей со временем войти в состав высшей политической элиты. Молодые политические активисты предпочитают использовать социальные лифты, связанные с «Единой Россией», Общероссийским народным фронтом, различными государственными управленческими структурами. Подобный политический активизм «снизу» поддерживает кадровый дисбаланс между правящей и оппозиционной элитой.

В связи с высокой вероятностью перехода высшей власти в России в 2021-2024 гг. на основе преемственности возникает вопрос: возможно ли в подобных условиях действие конкурентных механизмов ротации высшей политической элиты? Или же кадровые решения будут приниматься исключительно на закрытых обсуждениях, в которых будут участвовать Президент РФ, представители Администрации Президента РФ и председатель Правительства РФ.

Ротация политической элиты в Государственной Думе ФС РФ с 1993 г. проходила более интенсивно, чем в высшей исполнительной власти, однако, по нашему мнению, носила производный характер от перехода президентских полномочий. Так, успех на

выборах в Государственную Думу ФС РФ в 1999 г. Межрегионального движения «Единство», преобразование в партию «Единая Россия» и всё более убедительные ее электоральные результаты были во многом следствием высокой популярности В. Путина, которого партия власти всемерно поддерживала.

В думской кампании 2016 г. «Единая Россия» сделала ставку, если использовать термин М. Дюверже, на местных нотаблей, то есть кандидатов-одномандатников, обладающих большим весом в общественно-политической жизни регионов. При этом количество одномандатников от «Единой России» было почти в полтора раза выше, чем кандидатов партии, получивших депутатские мандаты по пропорциональной части избирательной системы. Для составления партийных списков и выдвижения одномандатников «Единая Россия» активно использовала механизм праймериз. Однако следует обратить внимание на то, что конкуренция в ходе праймериз, несмотря на дебаты по актуальным вопросам, носит персональный характер и основана на профессионализме и лидерских качествах. Она предполагает следование единой политической линии без предложения различающихся концептуальных подходов к разработке политического курса. Идея разделения партии на правое и левое крыло была отвергнута в середине 2000-х гг.

Полагаем, что одним из способов стимуляции политической конкуренции могло бы стать условное выделение в правящей элите двух или более сегментов на основе политических установок, например, умеренно-либерального и социально-консервативного. Подобные элитные подгруппы могли бы конкурировать внутри «Единой России» в рамках праймериз, выдвигая собственных потенциальных кандидатов в депутаты. Такой сценарий мог бы использоваться и накануне президентских выборов, когда из правящей элиты выдвинулось бы 2-3 потенциальных кандидата, один из которых одержал бы победу на праймериз и получил в свое распоряжение все ресурсы непосредственно в президентской избирательной кампании.

Одним из факторов, удерживающих высшую политическую элиту от стратегии внутренней идеологической дифференциации, может быть опасение по поводу того, что при выделении в ней различных сегментов в публичном политическом пространстве возможна слишком интенсивная конкуренция между ними, могущая привести к дестабилизации и неопределенности общественных настроений. Риск подобного развития ситуации мог бы быть нивелирован развитием цивилизованных практик публичной дискуссии и выработкой четких установок политической этики.

Итак, несмотря на отсутствие сходства в идеологических установках советской и нынешних политической элит, существует некоторая общность в подходах к организационной работе. Это: единство и четкая структурированность правящей элиты в масштабах государства с помощью политической партии, единая линия политического курса, ориентация на преемственность в переходе высшей власти в стране. Слабость оппозиции и довольно высокий рейтинг правящей элиты, особенно Президента РФ В. Путина, делает ожидаемым сценарий перехода высшей власти в стране в 2021-2024 гг. на основе преемственности.

Маловероятность смены правящей элиты по итогам ближайших парламентских и президентских выборов повышает актуальность вопроса о механизмах ротации элиты. В настоящее время идеологическое сегментирование правящей элиты слабо выражено в публичном политическом поле, конкуренция носит персональный характер и основана на профессионализме и лидерских качествах (конкурс «Лидеры России», праймериз «Единой России»), но не на различии в концептуальных подходах к политическому курсу.

Одним из действенных механизмов политической конкуренции, на наш взгляд, могло бы стать выделение в правящей элите отдельных сегментов на основе разности идеологических установок при сохранении консенсуса по базовым политическим ценностям. Целесообразной представляется организация цивилизованной конкуренции между ними на этапе праймериз и дальнейшей консолидации вокруг победивших на праймериз кандидатов во время парламентской и президентской избирательных кампаний.

Библиографический список

1. Аствацатурова М.А., Чекменев Д.С. Субъекты и акторы общественно-политического дискурса в пространстве публичной политики // Вестник экспертного совета. 2018. № 1-2. С. 126-131.
2. Усова Ю.В. Особенности формирования элиты в современном политическом пространстве // Теория и практика общественного развития. 2013. № 4. С. 209-212.

Works Cited

1. Astvatsaturova M.A., Chekmenev D.S. Sub'yekty i aktory obshchestvenno-politicheskogo diskursa v prostranstve publichnoy politiki // Vestnik ekspertnogo soveta. 2018. № 1-2. S. 126-131.
2. Usova Yu.V. Osobennosti formirovaniya elity v sovremennom politicheskom prostranstve // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2013. № 4. S. 209-212.

УДК 323

© Г.В. Косов

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
Пятигорск, Россия

Гражданское общество как ресурс элитогенеза, циркуляции и ротации элит на Северном Кавказе

В современном российском политическом дискурсе все реже и реже встречается такое понятие, как «гражданское общество». Причин этому много. Мы не ставим задачу их выявления и анализа. Более того, это понятие постепенно уходит и из тем научных исследований по политическим наукам. А вот причину этого мы можем назвать: нельзя изучать то, чего нет в действительности. Нужно понимать, что в современной России нет гражданского общества в западном его понимании, но при этом можно говорить о гражданском обществе в его российском исполнении.

Гражданское общество в западном варианте сформировалось в ходе коммунальных войн. Горожане-ремесленники, одержав победу в войне с феодалом, на земле которого вырос город, встали перед проблемой организации управления своей жизни. Они, с одной стороны, организовали цеха как институт посредничества между отдельным ремесленником и городом, властью, с другой – выбирая магистрат, отдавали отчет, что им – носителям частной собственности – есть что терять в случае избрания некомпетентной власти.

Сформулированные окончательно в трудах Г. Гроция, Т. Гоббса, Дж. Локка естественные права человека вошли в духовное ядро европейской цивилизации и определили соответствующие политические практики. Коррелирующие культурно-правовому основанию политические практики явились тем фоном, на котором возникло специфическое европейское гражданское общество.

Так, зачатки гражданского общества по западному типу в России начали формироваться во второй половине XIX столетия в результате реформ Александра II. Но «гражданские структуры», возникающие в ситуации доминирования государства-Левиафана, которое возникло не одну сотню лет тому назад, не могли организовать реализацию своих специфических интересов вне сферы его деятельности. Более того, специфика реализации alexandrovskikh проектов, затем волна контрреформ и народовольческого насилия не способствовали появлению суверенной личности.

Появление такой личности и как следствие появление аналогичного европейскому гражданскому общества было возможно в ситуации перехода русского Проторенессанса в русский Ренессанс. По мнению Д.С. Лихачева, к XVII веку происходит постепенное освобождение человеческой личности, разрушение старых средневековых представлений о человеке только как о составной части церкви, государства или сословия. После интервенции народные массы осознали себя вершителями своей собственной исторической судьбы и заявили о себе бунтами [1]. Если обобщить черты нового психо-ментального типа человека, порожденного событиями рубежа XVI-XVII вв., то увидим следующий их набор: человек энергичный, деятельный, открытый новым идеям и делам, включенный в общественное движение своего времени, заинтересованный в «посюсторонней жизни», в преуспевании, в овладении новыми знаниями.

ями и умениями, ощущающий движение времени и понимающий необходимость перемен, в том числе и в укладе жизни, деятельности, профессии.

Новый тип человека возник на Руси в ситуации ослабления диктата государства, когда оно перестало на какое-то время выполнять патерналистскую функцию. Новая общественная модель поведения, став вектором и доминантой эволюции общества, могла быть основой гражданского общества западного типа. Но ... «И старину уже приходится восстанавливать; и обычай приходится соблюдать уже с большей находчивостью и рассуждением», – писал о действиях церкви и государства в пост-бунтарном времени протоирей Г. Флоровский [3]. Итогом этого восстановления явился русский образец гражданского общества, суть которого сводилась к посреднической функции. Гражданское общество в России было посредником между человеком и Природой, Помещиком, Царем, Государством. Таким посредником могла выступать семья и община. Таким образом, российский вариант гражданского общества определяется его эгалитарным содержанием, наличием специфических, отличных, по сути, от европейских институтов (семья, община, артель), выполняющих функцию посредника между человеком как частью этого института и вышестоящей управленческой, властной структурой.

Сильные социальные потрясения, потрясшие Российскую Империю в начале XX века, были связаны с тем, что традиционный политический идеал вступил в противоречие с реальностью. Именно начало 1900-х годов явилось той точкой бифуркации, которая вновь ввергла Россию в ситуацию «открытости судьбы» (в терминологии М. Баткина), где одним из вариантов целого пучка непредсказуемых возможностей неожиданных ситуаций явилось зарождение гражданского общества по европейскому типу. По мнению Н. Селунской и Р. Тоштендаля, именно ситуация начала XX века в России была новой для страны, но она сходна с теми событиями, которые происходили ранее в Западной Европе [2: 297].

Так, для того чтобы сформировать соответствующие черты гражданского сознания важно, чтобы публичное обсуждение общественных запросов и средств их удовлетворения не ограничивалось участием небольшого круга людей. Именно с 1905 года подобные дебаты стали приобретать широкие масштабы, и в них вовлекались широкие слои населения. Политики были вынуждены обращаться не только к единомышленникам из своего круга, но и также к представителям различных социальных групп. Однако последняя тенденция сдерживалась, во-первых, заинтересованностью новых политических лидеров как в сохранении самодержавной традиции, так и в поддержке со стороны народа; во-вторых, отсутствием доверия со стороны людей политическим институтам; в-третьих, слабым развитием системы коммуникации. Именно «слабое развитие системы коммуникации делало практически невозможной единую и одновременную реакцию населения страны на те или иные проблемы или осуществлять такое же моментальное оповещение о текущих событиях» [2: 310].

Разгон I Государственной Думы в 1907 году вновь актуализировал российский вариант генезиса гражданского общества с его эгалитарным содержа-

нием. Именно 1907 год явился точкой спада предыдущего усиления общественного влияния и развития вовлеченности широких слоев населения в общественный и политический процессы.

Советский период характерен отсутствием как западного, так и российского вариантов гражданского общества. Несомненно, посреднические функции выполнялись рядом институтов и организаций, но они все функционировали в рамках жесткой партийно-государственной иерархии.

В современной России мы наблюдаем волновой характер становления гражданского общества. В период поздней постперестройки – в начале 90-х годов XX века – происходит взлет, затем падение в процессе создания структур и институтов гражданского общества по западному типу.

С начала 2000-х годов Президент России неоднократно заявлял, что без гражданского общества невозможно функционирование современной политической системы России. Задача им была поставлена, и началась ее реализация, в том числе и через создание общественных палат. Предполагалось, что именно они, в том числе, могут выступить ресурсом элитогенеза и ротации элит. Отметим, что функции подготовки политических элит – одна из базовых функций политических партий, которые не все и не всегда могут выступать институтами и структурными элементами гражданского общества. Представляется, что если общественные палаты или иные структуры гражданского общества будут ресурсом для элитогенеза (элиты как элемента политической, властной, управленческой машины), то они автоматически перестают быть элементами гражданского общества.

Для Северного Кавказа характерно свое понимание гражданского общества. Так, ряд исследователей заявляют, что клан, тейп и т.д. также являются элементами гражданского общества. Например, Э. Эмиров доказывает, что джамаат – группа мусульман, объединенная вокруг мечети, также является частью гражданского общества [4]. Именно в этом исследователи видят специфику северокавказского гражданского общества.

Библиографический список

1. Лихачев Д.С. Культура русского народа. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 141 с.
2. Селунская Н., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века. М.: РОСПЭН, 2005. 316 с.
3. Флоровский Г. Пути русского богословия. Paris: YMCA-PRESS, 1985. 422 с.
4. Эмиров Э.Д. Особенности формирования гражданского общества в республике Дагестан: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Махачкала, 2006. 256 с.

Works Cited

1. Likhachev D.S. Kul'tura russkogo naroda. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1961. 141 s.
2. Selunskaya N., Toshtendal' R. Zarozhdeniye demokraticheskoy kul'tury: Rossiya v nachale XX veka. M.: Rosp-EN, 2005. 316 s.
3. Florovskiy G. Puti russkogo bogosloviya. Paris: YMCA-PRESS, 1985. 422 s.
4. Emirov E.D. Osobennosti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v respublikе Dagestan: Dis. ... kand. polit. nauk: 23.00.02. Makhachkala, 2006. 256 s.

Политика европейского союза в урегулировании конфликта в Нагорном Карабахе: стратегия и политическая реальность

В 90-е гг. XX в. Южный Кавказ находился на периферии политики Европейского союза. В то же время разразившиеся на его территории межнациональные и межгосударственные конфликты вызвали озабоченность в европейских столицах. 7 апреля 1993 г. ЕС принимает специальное заявление по поводу армяно-азербайджанского конфликта и ситуации вокруг Нагорного Карабаха. ЕС призвал стороны к сдержанности и недопущению дальнейшей эскалации конфликта. Вооруженные действия между Арменией и Азербайджаном заставили многие государства ЕС через международные организации предпринять усилия по недопущению их разрастания. ЕС изначально подчеркивает необходимость мирного разрешения конфликта на основе международного права. Конфликт в Нагорном Карабахе в Брюсселе не относился к разряду противостояний с «российским империализмом», в отличие от конфликта в Приднестровье, Южной Осетии и Абхазии. Данное обстоятельство открывало путь для взаимодействия ЕС с Россией при решении конфликта в Нагорном Карабахе [11: 134].

Политика ЕС на Южном Кавказе в начале XXI в. начинает приобретать новые очертания. ЕС становится основным внешнеэкономическим партнером Азербайджана, в том числе потребителем его нефти. На Евросоюз приходится 46,8 % внешнеторгового оборота Азербайджана, 22 % Армении, ЕС выходит на первое место в экспорте товаров из страны [5: 64]. Союз финансирует проекты по развитию правовой системы, борьбе с коррупцией, укреплению демократических институтов в обоих государствах. С 2015 по 2017 гг. 1300 преподавателей и студентов армянских и 900 азербайджанских университетов принимали участие в программе академических обменов «Эразмус+».

Южный Кавказ приобретает большое значение для государств ЕС с точки зрения снабжения Европы энергоресурсами и ослабления ее зависимости от России. В июне 2018 г. запускается Трансанатолийский газопровод, который значительно увеличивает шансы ЕС на диверсификацию поставок газа. Тем более в настоящее время на стадии реализации находится еще несколько крупных проектов, в том числе строительство Транскаспийского газопровода. Не меньшее внимание уделяется поставкам нефти из Каспийского региона, особенно после введения в эксплуатацию в 2006 г. нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан [10: 38]. Все энергетические маршруты в настоящее время идут из Азербайджана в Грузию, минуя территорию Армении, что удлиняет маршрут и увеличивает расходы на их строительство. Но самое главное – они проходят в непосредственной близости от зоны эскалации конфликта, представляющей угрозу для нефте- и газопроводов в регионе [15: 86]. У ЕС существует ряд других амбициозных планов по

развитию транспортных коридоров Север-Юг, Запад-Восток.

Нагорно-карабахский конфликт в начале XXI в. относится к числу наиболее опасных на Южном Кавказе. Азербайджан и Армения постоянно наращивают военные ресурсы. Официальные СМИ заполнены военной риторикой, периодически на линии разграничения происходят боевые действия. Возможность начала крупного вооруженного конфликта у непосредственных границ ЕС с включением в него и других государств вызывает большие опасения у европейских политиков. Более того, становится очевидным, что замороженные конфликты не способствуют укреплению безопасности Европы. ЕС заинтересован в стабильности на Южном Кавказе и в содействии диалогу между конфликтующими сторонами. С помощью разрешения конфликта в Нагорном Карабахе ЕС стремится содействовать развитию международной безопасности на Южном Кавказе. Данная задача выходит в число приоритетов внешнеполитической стратегии ЕС.

В урегулировании нагорно-карабахского конфликта пальма первенства принадлежит Минской группе ОБСЕ. Изначально у ЕС отсутствовали сильные рычаги давления на Азербайджан и Армению. ЕС долгое время находился в стороне от переговорного процесса, оказывая посильную помощь Минской группе. Для этого у Союза имеются определенные инструменты. Франция вошла в число сопредседателей Минской группы, а в ее состав включаются Германия, Италия, Швеция и Финляндия [1: 238].

Правда, в начале 2000-х гг. в ЕС все активнее раздаются голоса в пользу более решительного участия Союза в урегулировании региональных конфликтов, включая нагорно-карабахский конфликт и изменения для этого формата Минской группы. В марте 2012 г. комиссия по внешним делам Европарламента призвала заменить мандат Франции в Минской группе на мандат ЕС. Данную инициативу большинство депутатов Европарламента не поддержали.

ЕС ни в коей мере не планирует подменить работу Минской группы или выстроить параллельную посредническую площадку. Тем более, категорически против изменения формата работы Минской группы ОБСЕ и передачи решения конфликта в Нагорном Карабахе в ООН выступает Франция [2: 65]. Наоборот, цель ЕС – это укрепление доверия между конфликтующими сторонами, создание благоприятной политической, экономической и правовой среды, способной в конечном итоге сформировать основу для успешной деятельности Минской группы ОБСЕ.

1 марта 2016 г. Ф. Могерини заявила о полной поддержке ЕС «Мадридских принципов» решения нагорно-карабахского конфликта, предложенных Минской группой в 2007 г. и одобренных «Большой восьмеркой» в 2009 г. [6]. В феврале 2018 г. Ф. Могерини заявила о поддержке ЕС «Мадридских принципов» решения нагорно-карабахского конфликта, предложенных Минской группой в 2007 г. и одобренных «Большой восьмеркой» в 2009 г. [6]. В феврале 2018 г. Ф. Могерини заявила о поддержке ЕС «Мадридских принципов» решения нагорно-карабахского конфликта, предложенных Минской группой в 2007 г. и одобренных «Большой восьмеркой» в 2009 г. [6].

рини во время заседания Совета ЕС – Азербайджан заявила: «Европейский союз продолжает полностью поддерживать посреднические усилия и предложения сопредседателей Минской группы ОБСЕ» [12]. В июне 2012 г. Спецпредставитель ЕС по вопросам Южного Кавказа и кризиса в Грузии Ф.Лефор на встрече со студентами и преподавателями Центра европейских исследований Ереванского государственного университета подчеркнул, что ЕС не имеет права принимать решения вместо Минской группы [8].

С 2003 г. ЕС расширяет политическое присутствие на Южном Кавказе. Члены ЕС согласились на назначение Специального представителя по Южному Кавказу, осуществляющего свою деятельность в границах Европейской политики безопасности и обороны (Общей политики безопасности и обороны). Одновременно государства Южного Кавказа включаются в число участников Европейской Политики Соседства, утвержденной в 2004 г., так как создание «Кольца дружеских государств» на юге и востоке от ЕС невозможно без стабилизации ситуации на Южном Кавказе [17: 112]. Армения и Азербайджан входят в проект «Восточное партнерство».

ЕС начинает определять инструментарий для проведения собственной миротворческой политики в регионе. Сюда относится укрепление демократических институтов в Армении, Азербайджане, Грузии. Особое внимание ЕС уделяет соблюдению в регионе прав человека и особенно национальных меньшинств. Достижение поставленных целей невозможно без экономического развития данных государств и сотрудничества с ними в области безопасности [13].

Среди важнейших механизмов миротворческой деятельности ЕС большинства экспертов выделяют формирование в Армении и Азербайджане благоприятного политического климата, избавленного от военной риторики и национализма, с помощью работы с различными общественными институтами. Через выделение грантов ЕС должны более активно поддерживаться неправительственные организации и независимые СМИ для стимулирования конструктивной дискуссии в Азербайджане, Армении и Нагорном Карабахе на тему нагорно-карабахского конфликта. Особое внимание на данном направлении необходимо уделять работе с молодежью, в том числе, обучающейся в высших учебных заведениях. Это с полным основанием относится к интеллектуальной элите в целом. Проведение конференций, создание других дискуссионных площадок, возможно и на территории третьих стран. По мнению ряда экспертов, усилия, предпринимаемые в том числе ЕС по привлечению гражданского общества к разрешению конфликта в Нагорном Карабахе, ограничены и безуспешны [16: 78].

С мая 2010 г. стартовал первый этап реализации программы Европейского партнерства за мирное урегулирование конфликта вокруг Нагорного Карабаха (EPNK), созданной в рамках Инструмента стабильности [19]. EPNK состоит из консорциума пяти европейских неправительственных организаций, в том числе трех из Великобритании, по одной из Швеции и Финляндии. «Conciliation Resources» при реализации программы стремится объединить людей за линией разграничения для обсуждения истоков

конфликта, его состояния и путей решения. «Crisis Management Initiative (CMI)» в рамках проекта выстраивает сетевое взаимодействие между начинающими (молодыми) специалистами Армении и Азербайджана, в том числе налаживая их контакты с представителями государственного аппарата и представителями ЕС. «LINKS» реализует научно-исследовательские проекты, направленные на изучение факторов, способствующих сохранению конфликта между Арменией, Нагорным Карабахом и Азербайджаном [9]. «International Alert» способствует сотрудничеству между журналистами и редакторами СМИ Армении, Азербайджана и Нагорного Карабаха, предлагая совместные медиа-инициативы. «Kvinnatill Kvinna» ориентируется на организацию диалога женских организаций с «гражданским обществом».

Участники программы постоянно заявляют о необходимости выработки новых идей при решении конфликта, нестандартных подходов, способных снизить напряженность между конфликтующими сторонами. Деятельность всех организаций, входящих в консорциум, направлена на укрепление мер доверия среди институтов гражданского общества с целью создания благоприятных условий для проведения официального переговорного процесса [20].

Программа рассчитана на объединение усилий официальных структур, СМИ и институтов гражданского общества Армении, Нагорного Карабаха и Азербайджана для урегулирования конфликта. Особое внимание при ее реализации отводится вовлечению в диалог лиц непосредственно пострадавших от конфликта в Нагорном Карабахе, включая молодежь, женщин, беженцев, внутренних перемещенных лиц. Программа ориентирована на реализацию различных миротворческих проектов, способствующих снижению напряженности в регионе.

С 2012 г. стартовал второй этап реализации программы, рассчитанный на расширение численности ее участников. Основными темами действия программы в 2012-2015 гг. становятся беженцы, государственная политика и СМИ. Особое внимание в 2012-2015 гг. уделяется маргинализированному слою населения – жертвам конфликта. В апреле 2016 г. стартовал третий этап программы, рассчитанный до мая 2019 г. На его реализацию ЕС выделил более 4,7 млн евро [19]. Всего с 2007 по 2016 гг. ЕС выделил на реализацию различных программ в Азербайджане, в том числе на помощь беженцам, более 200 млн евро. К середине 2018 г. Армения получила от ЕС почти 250 млн евро.

В последние годы представители ЕС проводят постоянные консультации с Арменией, Азербайджаном и властями Нагорного Карабаха об условиях мирного решения конфликта. При этом позиция ЕС по принципиальным вопросам не претерпела кардинальных изменений. В июне 2013 г. Председатель Европарламента М. Шульц заявил о важности демилитаризации Нагорного Карабаха и недопущения эскалации военного конфликта. В июне 2015 г. Президент ЕС Д. Туск подчеркнул приверженность принципу территориальной целостности Азербайджана, но при нахождении компромисса между Азербайджаном, Арменией и Нагорным Карабахом [7]. Заявления европейских политиков о территориальной целост-

ности Азербайджана и демилитаризации региона в большей степени находят понимание в Баку. Все рассуждения о праве наций на самоопределение вызывают позитивные оценки в Ереване и Степанакерте. Нередко конфликтующие стороны вырывают из контекста заявления европейских политиков, комментируя их в необходимом им русле.

В июне 2012 г. Ф. Лефор сделал важное заявление: «Никогда не следует связывать чрезмерно большие надежды с международным сообществом и вообще с внешними силами, полагая, что они вместо вас урегулируют региональный конфликт» [8]. Ф. Лефор призвал отказаться от иллюзий, что только воля внешних сил сможет решить нагорно-карабахский конфликт. Международное сообщество будет беспомощно, если непосредственные участники конфликта не придут к компромиссу. Вариант, навязанный извне, скорее всего не приобретет легитимный характер у участников конфликта. Внешние силы могут только создать благоприятные условия для ведения переговоров и предложить возможные варианты решения проблемы на правах третейского суда. К тому же внешние стороны при урегулировании конфликта вольно или невольно стремятся решать собственные геополитические задачи. Причем установки одних внешних игроков не совпадают с целями других [8]. Тем самым Ф. Лефор ответил критикам политики ЕС в нагорно-карабахском конфликте как внутри самого Союза, так и на Южном Кавказе.

Спецпредставитель ЕС по вопросам Южного Кавказа и кризиса в Грузии Т. Клаар, занявший этот пост в ноябре 2017 г. после отставки Г. Зальберга, сразу посетил Баку и Ереван для налаживания диалога с руководством двух стран. Он неоднократно заявлял о заинтересованности ЕС в создании на Южном Кавказе зоны экономического процветания и политической стабильности, от чего выиграют народы региона, ЕС и соседние государства. Однако достижение данной цели невозможно без решения нагорно-карабахского конфликта. Т. Клаар, озвучивая позицию ЕС, постоянно подчеркивает нестабильность сложившегося в Нагорном Карабахе статус-кво, призывая стороны найти компромисс в ближайшей перспективе.

Т. Клаар в феврале 2018 г. выделил два основных инструмента миротворческой деятельности ЕС в разрешении конфликта в Нагорном Карабахе. Первый – развитие экономического сотрудничества между государствами Южного Кавказа. Второй – расширение взаимодействия с общественностью Азербайджана, Армении и Нагорного Карабаха [14]. В сложившейся ситуации экономические контакты между Азербайджаном и Арменией невозможно выстроить в нормальном формате. Поэтому ЕС стремится содействовать экономическому сотрудничеству Грузии с Арменией и Азербайджаном.

В ноябре 2017 г. на саммите «Восточное партнерство» в Брюсселе нагорно-карабахский конфликт стал одной из тем обсуждения. Повестка саммита вызвала противоречивые оценки и комментарии в Баку и Ереване. Азербайджан требовал внесения в итоговый документ раздела о Нагорном Карабахе в своей редакции. Армения жестко критиковала позицию Азербайджана. В заявлении саммита вновь фиксируется неизменность позиции ЕС по конфликту в

Нагорном Карабахе. Евросоюз подтвердил приверженность принципам территориальной целостности, суверенитета и независимости всех партнеров. Правда, впервые в нем не упоминается Минская группа ОБСЕ. Саммит ознаменовался подписанием соглашения ЕС и Армении о сотрудничестве [5: 22].

В феврале 2018 г. Ф. Могерини определила промежуточные задачи миротворческой деятельности ЕС. Они заключаются в возобновлении переговоров между Арменией и Азербайджаном на высшем уровне и ослаблении напряженности на линии соприкосновения конфликтующих сторон. Ф. Могерини и Т. Клаар допустили возможность заключения соглашения о расширении Офиса личного представителя действующего председателя ОБСЕ, что самым позитивным образом скажется на переговорном процессе и снижении напряженности в зоне конфликта.

Следует подчеркнуть, что позиция ЕС по нагорно-карабахскому конфликту вызывает неоднозначную реакцию в Азербайджане и Армении. В Азербайджане представители СМИ, общественно-политических организаций, государственного аппарата постоянно критикуют ЕС за непоследовательность политики и отсутствие решительных действий по прекращению конфликта в Нагорном Карабахе. Во-первых, в вину ЕС в Баку ставится неучастие в переговорном процессе и полная поддержка решений Минской группы ОБСЕ. По мнению азербайджанской стороны, ЕС вполне мог повысить свой статус на переговорах Армении и Азербайджана или вообще взять инициативу в свои руки. Во-вторых, ЕС вредит мирному решению конфликта вокруг Нагорного Карабаха, поскольку Евросоюз всячески стремится нормализовать армяно-турецкие отношения, создавая условия для диалога неправительственных организаций двух стран и выдвигая требование нормализации отношений Анкары с Ереваном как одно из условий вступления Турции в ЕС. В Баку полагают, что ослабление экономической и политической блокады Турцией Армении только мешает урегулированию конфликта в Нагорном Карабахе, и наоборот, ужесточение санкций заставит Ереван пойти на существенные уступки [7]. В-третьих, серьезное раздражение в Баку вызывает отсутствие в официальных документах ЕС определения «Армении в качестве агрессора и инициатора конфликта». Поэтому в Баку полагают, что все разговоры о компромиссах и праве наций на самоопределение могут открыть путь к полной аннексии Нагорного Карабаха Арменией. В-четвертых, в Азербайджане обвиняют ряд политиков стран ЕС в проармянских симпатиях и подверженности влиянию со стороны армянской общины Европы. Когда в июне 2015 г. президент Ф.Оланд посетил Баку и при этом ни разу не обмолвился о принципе территориальной целостности Азербайджана, местные СМИ и некоторые политики связали это с действиями армянской общины во Франции [7]. СМИ Азербайджана регулярно с возмущением пишут о посещении ЕС руководством Нагорного Карабаха по шенгенской визе, используя свои связи в Европе. В-пятых, по мнению Баку, государства ЕС не могут прийти к единой позиции по нагорно-карабахскому конфликту, что негативно отражается на политике Союза в целом на Южном Кавказе.

В Армении действия ЕС также подвергаются критике со стороны многих представителей политической элиты страны и СМИ. По их мнению, позиция ЕС по нагорно-карабахскому конфликту противоречива. Заявляя о территориальной целостности Азербайджана, ЕС тем самым игнорирует принцип прав наций на самоопределение. Одновременно значительная часть армянских экспертов также призывает ЕС выйти из тени Минской группы ОБСЕ и принять самое активное участие в урегулировании конфликта в Нагорном Карабахе [9: 4]. По данным СМИ Армении, в 2015 г. внутри ЕС наблюдались определенные подвижки в данном вопросе. Германия, не полагаясь на Францию, являющуюся Сопредседателем Минской группы ОБСЕ, стремится сыграть более значительную роль в переговорном процессе по нагорно-карабахскому вопросу. Одновременно в Ереване болезненно восприняли резолюцию комиссии по внешним отношениям Европарламента 2012 г., полагая, что лишение мандата Франции в Минской группе объективно выгодно Азербайджану. В Армении Франция относится к числу ее естественных союзников, способных отстаивать ее интересы на переговорах в рамках ОБСЕ [2: 65].

В мае 2010 г. Европарламент принимает резолюцию «Требование к стратегии ЕС на Южном Кавказе», призывающую Армению освободить занятые ее войсками районы Азербайджана и признавать участниками конфликта «промежуточный статус» Нагорного Карабаха для создания условий для мирного сосуществования армян и азербайджанцев. Отдельно в резолюции оговаривалось недопущение эскалации конфликта [18]. В Азербайджане в целом положительно восприняли данный документ.

В Армении принятие резолюции вызвало оживленную дискуссию, в наибольшей степени характеризующую отношение политической элиты Армении к решению конфликта вокруг Нагорного Карабаха. Министр иностранных дел Э. Налбандян заявил о ее противоречивости и незнании авторами резолюции истории Нагорного Карабаха и причин конфликта в регионе. Лидер фракции партии Дашнакцутюн в парламенте страны А. Минасян осудил резолюцию, так как она, по его мнению, ведет к новой войне в регионе. Лидер оппозиционной фракции «Наследие» С. Сафарян обвинил ЕС в предвзятости. По его мнению, позиция ЕС по нагорно-карабахскому конфликту во многом продиктована его желанием беспрепятственно получать энергоносители из Каспийского региона [4].

Секретарь фракции Республиканской партии в парламенте Э. Шармазанов также критически высказался о принятой резолюции. Главным аргументом против ее поддержки является очень распространенное в Армении мнение о том, что в Нагорном Карабахе создано демократическое общество и в случае передачи региона Азербайджану с демократией в нем будет покончено, так как правящий в Азербайджане режим, на взгляд армянских экспертов и СМИ, носит ярко выраженный авторитарный характер. После передачи Нагорного Карабаха Азербайджану авторитаризм и насилие против армянского населения станут неотъемлемой частью политического процесса в области [4].

Следует отметить, что в Армении ситуация в Нагорном Карабахе для значительной части населения выступает в качестве некоего эталона в сравнении с ситуацией на территории самой Армянской республики. Бюрократизм, коррупция, нарушение демократических норм в Армении противопоставляются демократии, эффективной деятельности политической элиты Нагорного Карабаха, в сравнительно короткий срок восстановившей регион. Автору материала не раз приходилось при посещении Армении слышать утверждение, что в Нагорном Карабахе строят дороги и здания лучше, эффективно используя бюджетные средства и т.д.

А. Амагуни, довольно известный армянский журналист, отражая настроения части политической элиты, оппозиционной правящей Республиканской партии, пишет о кризисе политики ЕС в Армении и Азербайджане. Он подвергает критике один из инструментов миротворческой политики ЕС на Южном Кавказе – развитие демократических институтов. По его мнению, демократические реформы в Азербайджане полностью провалились, а в Армении проходят очень неэффективно. Все это ставит под сомнение возможность реализации демократического проекта в качестве инструмента примирения сторон по нагорно-карабахскому вопросу [3].

Таким образом, политика Европейского союза в отношении нагорно-карабахского конфликта претерпела определенную эволюцию в конце XX – начале XXI вв. Первоначально ЕС полностью ориентировался на деятельность Минской группы ОБСЕ, не имея инструментов для оказания эффективного влияния на развитие ситуации на Южном Кавказе. С 2003-2004 гг., с разработкой и началом реализации Европейской Программы Соседства и ряда других программ, открывается путь для включения ЕС в создание благоприятной среды для разрешения сложных конфликтов.

ЕС активизирует политику и на Южном Кавказе, стремясь внести собственный вклад в стабилизацию ситуации в регионе. Стратегия действий ЕС в нагорно-карабахском конфликте заключается в развитии гражданского общества в Армении и Азербайджане, содействии реформированию правовой системы и экономическим реформам, оказании гуманитарной помощи лицам, пострадавшим от конфликта. Однако данная политика направлена не на выстраивание альтернативной МГ ОБСЕ переговорной площадки, а на создание благоприятной основы для ее деятельности.

В Армении и Азербайджане политика ЕС подвергается жесткой критике за недостаточные усилия по разрешению конфликта вокруг Нагорного Карабаха, ее половинчатость и непоследовательность. Официальные лица ЕС четко заявили о невозможности разрешения конфликта без компромиссов со стороны конфликтующих сторон и неспособности внешних сил сделать это самостоятельно.

Внутри ЕС понимают всю сложность ситуации вокруг Нагорного Карабаха, где принцип прав наций на самоопределение вошел в противоречие с незыблемостью суверенитета и территориальной целостности Азербайджана. ЕС в целом поддерживает «Мадридский протокол» МГ ОБСЕ, понимая, что его

реализация на практике пока находится под большим вопросом, поскольку стратегическая установка Баку ориентирована на сохранение Нагорного Карабаха в составе Азербайджана, а Еревана – на предоставление Нагорному Карабаху полной независимости.

В ближайшей перспективе не стоит ждать прорывов в политике ЕС по поводу нагорно-карабахского конфликта, его «замороженность» в сложившейся ситуации в принципе устраивает Брюссель. Одновременно ЕС продолжит усилия по налаживанию диалога между Арменией, Азербайджаном и Нагорным Карабахом, в том числе используя механизмы публичной дипломатии и развивая гражданское общество в Армении и Азербайджане.

Библиографический список

1. Аветиян Р.С. Создание Минской группы ОБСЕ и ее роль в урегулировании конфликта вокруг Нагорного Карабаха // ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7. № 1. С. 237-238.
2. Акопян Э.Г. Роль Франции в качестве сопредседателя Минской группы ОБСЕ и варианты решения Нагорно-карабахского конфликта // Вестник Костромского государственного университета. 2015. № 3. С. 61-66.
3. Амадуни А. Что решил Европейский Союз по вопросу Карабаха? URL: <https://inosmi.ru/sngbaltia/20150310/226755943.html> (дата обращения 14.11.2018).
4. Армения раскритиковала резолюцию Европарламента по Южному Кавказу. URL: <https://openarmenia.am/index.php?/topic/> (дата обращения 14.11.2018).
5. Борко Ю.А. Восточное партнерство: проект, реальность, будущее. М.: Институт Европы РАН, 2018. 70 с.
6. Гегелашвили Н. Кавказская миссия Могерини: перспективы политики ЕС в регионе. URL: <http://politcom.ru/20847.html> (дата обращения 14.11.2018).
7. Гусейнова С. Позиция Евросоюза и перспективы участия в справедливом урегулировании армяно-азербайджанского конфликта. URL: <http://www.stj.sam.az/post/> (дата обращения 14.11.2018).
8. ЕС: нагорно-карабахский конфликт нужно урегулировать в рамках МГ ОБСЕ. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/207566/> (дата обращения 19.11.2018).
9. Карабах: глубокое обсуждение. Взгляды армянских и азербайджанских политических партий на Нагорно-карабахский конфликт и процесс по урегулированию конфликта. Лондон: LINCС, 2012. 234 с.
10. Коломойцева А.Ю. К вопросу об эксплуатации основного экспортного трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2009. С. 102-109.
11. Маркедонов С.М. Тридцать лет Нагорно-Карабахского конфликта: основные этапы и перспективы урегулирования // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1. № 2. С. 129-138.
12. Нагорно-карабахский конфликт должен быть решен только мирным путем – верховный представитель ЕС. URL: <https://www.trend.az/azerbaijan/karabakh/2858736.html> (дата обращения 19.11.2018).
13. Пересмотр Европейской политики соседства: прочное партнерство для прочного соседства. 18 ноября 2018 5 г. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/documents/2015/151118_enp_ip-15-6121_ru.pdf (дата обращения 19.11.2018).
14. Сопредседатель ЕС о влиянии карабахского конфликта на регион Южного Кавказа – Интервью. URL: <https://news.day.az/politics/978834.html> (дата обращения 19.11.2018).
15. Шабельникова О.В. Участие Азербайджанской Республики в Европейской политике соседства // Вестник Российского университета дружбы народов. 2012. № 4. Серия: Международные отношения. С. 82-88.
16. Шариф Ф. Этнические мифы и предубеждения как препятствие на пути урегулирования противостоят: армяно-азербайджанский конфликт // Кавказ & Глобализация. 2007. Т. 1. С. 66-80.
17. Юн С.М. Европейская политика соседства и урегулирование постсоветских конфликтов // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375. С. 112-115.
18. Commission staff working document accompanying the communication from the commission to the European parliament and the council. Taking stock of the European Neighbourhood Policy (ENP) Implementation of the European Neighbourhood Policy in 200: Progress Report Azerbaijan / Brussels, 12/05/2010 SEC (2010) 519. 18 p.
19. The European Partnership for the Peaceful Settlement of the Conflict over Nagorno-Karabakh. URL: <http://www.epnk.org/> (дата обращения 24.11.2018).
20. The European Partnership for the Peaceful Settlement of the conflict over Nagorno-Karabakh. Progress and prospects. EPNK, 2011. 14 p.

Works Cited

1. Avetiyani R.S. Sozdaniye Minskoy gruppy OBSE i yeye rol' v uregulirovaniy konfliktka vokrug Nagornogo Karabakha // POLIT-EKS. 2011. T. 7. № 1. S. 237-238.
2. Akopyan E.G. Rol' Frantsii v kachestve sopredsedatelya Minskoy gruppy OBSE i varianty resheniya Nagorno-karabakhskogo konfliktka // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 3. S. 61-66.
3. Amatuni A. Chto reshil Evropeyskiy Soyuz po voprosu Karabakha? URL: <https://inosmi.ru/sngbaltia/20150310/226755943.html> (data obrashcheniya 14.11.2018).
4. Armeniya raskritikovala rezolyutsiyu Evroparlamenta po Yuzhnomu Kavkazu. URL: <https://openarmenia.am/index.php?/topic/> (data obrashcheniya 14.11.2018).
5. Borko Yu.A. Vostochnoye partnerstvo: proyekt, real'nost', budushcheye. M.: Institut Evropy RAN, 2018. 70 s.
6. Gegelashvili N. Kavkazskaya missiya Mogerini: perspektivy politiki ES v regione. URL: <http://polit-som.ru/20847.html> (data obrashcheniya 14.11.2018).
7. Guseynova S. Pozitsiya Evrosoyuza i perspektivy uchastiya v spravedlivom uregulirovaniy armlyano-azerbaydzhanskogo konfliktka. URL: <http://www.stj.sam.az/post/> (data obrashcheniya 14.11.2018).
8. ES: nagorno-karabakhskiy konflikt nuzhno uregulirovat' v ramkakh MG OBSE. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/207566/> (data obrashcheniya 19.11.2018).
9. Karabakh: glubokoye obsuzhdeniye. Vzglyady armyanskikh i azerbaydzhanskikh politicheskikh partiy na Nagorno-karabakhskiy konflikt i protsess po uregulirovaniye konfliktka. London: LINCС, 2012. 234 s.
10. Kolomoytseva A.Yu. K voprosu ob ekspluatatsii osnovnogo eksportnogo truboprovoda Baku-Tbilisi-Dzheykhan // Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya. Zarubezhnoye regionovedeniye. Vostokovedeniye. 2009. S. 102-109.
11. Markedonov S.M. Tridtsat' let Nagorno-Karabakhskogo konfliktka: osnovnyye etapy i perspektivy uregulirovaniya // Postsovetskiye issledovaniya. 2018. T. 1. № 2. S. 129-138.
12. Nagorno-karabakhskiy konflikt dolzhen byt' reshen tol'ko mirnym putem – verkhovnyy predstavitel' ES. URL: <https://www.trend.az/azerbaijan/karabakh/2858736.html> (data obrashcheniya 19.11.2018).

13. Peresmotr Evropeyskoy politiki sosedstva: prochnoye partnerstvo dlya prochnogo sosedstva. 18 noyabrya 2018 5 g. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/documents/2015/151118_enp_ip-15-6121_ru.pdf (data obrashcheniya 19.11.2018).
14. Sopredsedatel' ES o vliyaniy karabakhskogo konflikta na region YUzhnogo Kavkaza – Interv'yuu. URL: <https://news.day.az/politics/978834.html> (data obrashcheniya 19.11.2018).
15. Shabel'nikova O.V. Uchastiye Azerbaydzhanskoj Respubliki v Evropeyskoy politike sosedstva // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. 2012. № 4. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya. S. 82-88.
16. Sharif F. Etnicheskiye mify i predubezhdeniya kak prepyatstviye na puti uregulirovaniya protivostoyaniy: armyano-azerbaydzhanskiy konflikt // Kavkaz & Globalizatsiya. 2007. T. 1. S. 66-80.
17. Yun S.M. Evropeyskaya politika sosedstva i uregulirovaniye postsovetsskikh konfliktov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 375. S. 112-115.

УДК 32.019.51

© К.В. Кудряшов

АНО ВО «Северо-Кавказский социальный институт»
Ставрополь, Россия

© А.А. Санькова

ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт»
Ставрополь, Россия

Политические мифы: элитологический аспект

Разработкой проблематики, связанной с политическими мифами, в странах Запада начали заниматься еще с XVIII столетия. В России данные вопросы стали рассматриваться гораздо позднее, но, тем не менее, мы не отстаем в этом от наших зарубежных коллег. Многие отечественные ученые – К.Ф. Завершинский, Е.М. Метеленский, Д.Н. Михайлов, В.Л. Римский, В.С. Полосин, А.В. Понделков, А.Б. Чаблин, А.В. Чернышев, Ю.Ж. Шайгоробский, А.М. Цуладзе и другие – исследовали разные аспекты, связанные с политическими мифами.

Политический миф так же древен, как и сама политика, которую постоянно, неизбежно сопровождают мифы. История политики давно дала нам примеры того, что политические мифы могут наполняться как положительным, так и отрицательным содержанием [3].

Очевидно, что политические мифы не стоит сакрализировать, однако произвольное разрушение отдельных политических мифов несет хаос и разрушение иному обществу и государству. В частности, это касается оценок и отношения к реалиям и мифам советской эпохи, прежде всего, к реалиям и мифам о персоналиях правящей партии и власти. Например, по мнению В.Л. Римского, «пока не будет проведен объективный анализ этого режима и роли Сталина в истории нашей страны и пока в результате такого анализа не произойдет рационализация этих мифов, наше общество невозможно будет консолидировать для выполнения реальной стратегии успешного развития страны». В.Л. Римский настаивает на том, что «пока российские граждане и элита не разберутся в мифе о Сталине, не осмыслят, что на самом деле стоит за его образом, в нашей стране не появится реальная стратегия ее развития, обеспечивающая конкурентоспособность и экономики, и человеческого капитала России... невозможно будет консолидировать обще-

ство для выполнения такой стратегии, неосознанно будет выполняться стратегия снижения конкурентоспособности России в современном мире» [1].

На современном этапе, когда необычайно активны и антироссийская риторика, и русофобия, и желание «порвать нашу экономику в клочья», и открытое стремление Запада поменять существующий политический режим в России, проведение подобных «рационализаций политических мифов о И.В. Сталине» авторам представляется крайне нежелательным по целому ряду причин. Первая из них – необходимость постоянного ведения патриотической работы среди современной российской молодежи.

Общезвестен один из выводов, к которому приходит Сунь-Цзы в своем знаменитом трактате «Искусство войны»: «Хочешь победить своего врага, тогда воспитай его детей!». Внимание к молодежи помогало Китаю сохранять свою цивилизацию многие тысячелетия. В условиях, когда определенные силы на Западе стремятся повлиять на российскую молодежь, необходимо повысить качество всей социальной работы с молодым поколением. Цель работы с нашей молодежью, проводимой западными странами, авторам очевидна: они рассчитывают на то, что после этого молодой гражданин РФ станет презирать прошлое России, а главное – не сможет уважительно относиться к своему настоящему, а значит, в перспективе не сумеет самостоятельно построить и свое будущее [2].

Наиболее распространенными обвинениями Запада против России являются следующие: нарушение прав человека в нашем Отечестве; несоблюдение принципа разделения властей; нарушение избирательного права; отсутствие демократии; воспрепятствование процессам формирования сильной системной оппозиции; жесткий контроль за деятельностью НКО, особенно иностранных.

Наряду с указанными обвинениями страны Запада активно используют и тему исторических фальсификаций, делая собственные, не соответствующие действительности выводы по истории России. Например, активно используются проблема голода, коллективизации и сталинских репрессий. Очевидно, коллективизация сопровождалась насилием, но без него советское государство не смогло бы провести намеченные им перемены в деревне. В то же время авторы считают, что по-другому нельзя было бы заставить крестьянина, уже имеющего собственную землю, средства ее обработки и необходимые навыки к самостоятельной хозяйственной жизни отказаться от них и вместо этого изо дня в день выходить на теперь уже чужое поле для обеспечения там круглогодичных земледельческих циклов. Только карательные меры и в стране, и в деревне могли не допустить возврата крестьян к частному сельскому хозяйству. Взят курс на индустриализацию (только она позволяла советской стране подготовиться к грядущей новой войне необходимые собственные производства винтовок, пушек, пулеметов, самолетов, танков, кораблей и т.п.), советские руководители быстро поняли, что им нужна для нее успешная коллективизация. Коллективизация обеспечила первоначальное накопление, позволившее превратить «Россию лапотную, Россию с сохой, в Россию – вторую супердержаву мира, оснащенную атомным оружием». Выигранная Великая Отечественная война 1941-1945 гг. подтвердила необходимость непопулярных мер.

В настоящее время проблематично без вреда для российского общества и государства развенчать мифы о И.В. Сталине, в том числе и потому, что в обществе отсутствует примирение в оценках тех лет. «Белые» и «красные» в сознании российских граждан до сих пор «воюют» между собой. Общество расколото, и принятие позиции одной из сторон сомнительно. Это может окончательно разрушить наше гражданское общество и хрупкое единство, привести к новому насилию. Поэтому дискредитация И.В. Сталина и советской власти со стороны либеральной элиты могут закончиться плачевно и окончательно разделить граждан нашей страны. Как показывают опросы, россияне воспринимают И. Сталина все более позитивно. Так, согласно недавнему опросу «Левада-Центра», 40 % жителей России считают, что время его правления принесло стране «больше хорошего, чем плохого». В 2012 г. такого мнения придерживались лишь 27 % респондентов. Кроме того, в ежегодном опросе «Левада-Центра», опубликованном еще в январе 2015 г., большинство россиян (52 %) заявили, что И. Сталин сыграл положительную роль в жизни страны [4].

Еще одна причина, которая требует отложить рассмотрение политических мифов о И.В. Сталине, – это реставрация капитализма в нашем Отечестве. Большая часть населения России не из учебников знает, что такое всеобщая грамотность, бесплатное образование и медицина, отсутствие безработицы, социальные лифты, которые давали шанс карьерного роста городским или сельским труженикам. Советское государство дало многие примеры социального устройства, и западным странам пришлось многое перенимать у советского государства, например, пра-

во на труд, отдых и т.п., чтобы предотвратить революции у себя.

Историческая память россиян хранит информацию о советском строе, осмысление очевидных успехов которого полезно, прежде всего, в отношении принципов социальной справедливости. В этой связи отечественный капитал должен учитывать достижения социальной политики СССР, осознавать свою ответственность перед обществом и государством и сам способствовать становлению гражданского общества в нашей стране.

Необходимо также учитывать и те корреляции, которые произошли со сменой политической системы. Теперь нет обязательной государственной идеологии либо государственных установок, требующих признания И.В. Сталина «отцом», «учителем», «гением всех времен и народов», «величайшим полководцем человечества». Уже советская элита после его смерти в марте 1953 г. стала отказываться от культуры личности. Представители либеральных кругов современной РФ относятся к И.В. Сталину крайне негативно. По сути, настроенные либерально исследователи сейчас заменяют одни политические мифы о нем на другие. В них И.В. Сталин выступает уже как «обычный уголовник, грабивший банки», или «психически больной, кровожадный деспот», либо «никудышной полководец» или «сексуально неудовлетворенный человек» и т.п. Отрицательными политическими мифами создается также не соответствующий реальности образ советского вождя [1].

Представляется, что для российского государства и его граждан было бы полезнее рассматривать политические мифы о И.В. Сталине лет через пятьдесят. За это время кипящие страсти уступят место холодному, взвешенному анализу.

Библиографический список

1. Римский В.Л. Мифы о Сталине и культе личности в сознании российских граждан и элиты // *Общественные науки и современность*. 2011. № 1. С. 97-105.
2. Кудряшов К.В., Санькова А.А. Нарушения прав человека в России: мифы и реальность // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2018. №1 (январь). С. 50-57. URL: <http://e-koncept.ru/2018/183002.htm> (дата посещения: 28.09.2018).
3. Чаблин А.Б. Политические мифы в политическом процессе современной России / Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. полит. наук. Ставрополь: СГУ, 2011. С. 3-4.
4. Luhn A. Stalin, russia's new hero // <https://www.nytimes.com/2016/03/13/opinion/sunday/stalinist-nostalgia-in-vladimir-putins-russia.html> (дата посещения: 28.09.2018).

Works Cited

1. Rimskiy V.L. Mify o Staline i kul'te lichnosti v soznanii rossiyskikh grazhdan i elity // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. 2011. № 1. S. 97-105.
2. Kudryashov K.V., San'kova A.A. Narusheniya prav cheloveka v Rossii: mify i real'nost' // *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Konsept»*. 2018. №1 (yanvar'). S. 50-57. URL: <http://e-koncept.ru/2018/183002.htm> (data poseshcheniya: 28.09.2018).
3. Chablin A.B. Politicheskiye mify v politicheskom protsesse sovremennoy Rossii / Avtoreferat diss. na soiskaniye uchenoy stepeni kand. polit. nauk. Stavropol': SGU, 2011. S. 3-4.

УДК 329.1

© А.С. Кшов

ФГОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
Пятигорск, Россия

© Д.В. Мышьякова

ФГОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
Москва, Россия

Проекция российской партийной элиты в условиях антиэлитных настроений гражданского общества

Функционирование элит, в данном случае партийной элиты, как и отношение к ним граждан, являются важными индикаторами зрелости, эффективности политического процесса. Это обусловлено расширением роли гражданского общества в той его научной трактовке российскими политологами, которая предполагает, что гражданское общество – это система народных общественных организаций для самостоятельного решения проблем населения [6].

Если рассматривать в качестве важного индикатора современного политического процесса отношение граждан и гражданского общества РФ к партийным элитам, то можно выявить сложносоставную тенденцию. Она включает усложнение политической культуры граждан, повышение их общеполитической грамотности, понимание ими геополитических интересов Российского государства, стремление к патриотическому сплочению на базе традиционных российских ценностей и патриотизма, что было продемонстрировано в ходе выборов Президента РФ 18 марта 2018 г.

Вместе с тем эта же тенденция отражает относительно новый аспект политической реальности, а именно формирование антиэлитных настроений гражданского общества [4]. Граждане все чаще, как свидетельствуют опросы, выражают недоверие и недовольство в отношении высших управленческих и партийно-политических элит (Правительство РФ, федеральные министры, главы регионов) [11]. В известном плане можно расценивать антиэлитные настроения гражданского общества как проявление гражданского сознания: критического и оценивающего. При этом специфической особенностью гражданского сознания россиян является, в целом, позитивное отношение к главе государства и негативное отношение к Правительству РФ.

Формирующиеся в РФ антиэлитные настроения гражданского общества отражают многие объективные предпосылки и факторы, прежде всего, мирового порядка. Так, во многих странах (Армения, Венесуэла, Италия, Испания, Сирия, США, Украина, Франция, ФРГ) наблюдаются кризисные черты в отношениях элит и населения. Это недовольство, протесты, манифестные выступления, конфликты, попытки государственных переворотов. Можно говорить о формировании мировой антиистеблишментной, антиэлитной волны, которая отмечается во многих странах мира, в том числе и на фоне кризиса внутри Евросоюза. Так, после неудачно запущенного процесса «Brexit» в Соединенном Королевстве ряд политологов высказали предположение о том, что «Brexit-эффект» затронет и другие страны, если по-

нимать «Brexit-эффект» как совокупность проблем коммуникационной стратегии элиты в отношении граждан, приводящей к политическим конфликтам [5: 329].

Во многом рост недовольства граждан и гражданского общества РФ политической элитой обусловлен последствиями поэтапного мирового экономического кризиса (с 2008 г., с 2014 г.), который по-разному проявляется в разных странах. Так, в РФ отмечаются ухудшение экономического и финансового состояния населения, сосредоточение мировых богатств и собственности в руках узкого элитно-олигархического слоя, падение уровня жизни основной массы работников, стремительное сокращение представителей среднего класса. Соответственно, в РФ так же, как и в других государствах, наблюдается общественный спрос не только на антиэлитную, но и на популистскую повестку. На фоне критического отношения к правящим элитам могут усиливаться позиции популистских, оппозиционных лидеров, если они способны предложить привлекательные и достоверные альтернативные политические лозунги и программы. Однако чаще всего оппозиционные активисты не предлагают конкретных путей, методов и инструментов их достижения, что типично для российской несистемной оппозиции.

Однако антиистеблишментские настроения вызваны также и субъективными обстоятельствами – слабостью партийно-политической элиты, оторванностью ее от интересов граждан, формальностью действий политических партий, непривлекательностью их дизайна, безынициативностью их лидеров, которые не имеют общественного авторитета и влияния. В большинстве случаев российские партии утратили свои вождистские качества, вернулись к картельной и клубной деятельности, дезавуируя себя во мнении гражданского общества. Их лидеры состарились (физически и партийно-функционально) и не производят впечатления активных и способных к эффективной партийно-политической деятельности.

Попыткой партийных элит вернуть себе популярность в начале XXI в. стал партийный популизм, который, как программный феномен, выходит за рамки формальной политической тактики и имеет определенные предпосылки к превращению в идеологию – к идеологической институализации. Даже представители классических политических идеологий вынуждены популяризировать свои программные документы, а также использовать популистские технологии выстраивания персонального имиджа, чтобы не проиграть борьбу новым политическим элитам, которые предлагают ряд популистских про-

грамм. Программный популизм партийных элит предусматривает перераспределение экономических благ, лоббирование интересов, национализацию олигархии, открытость и публичность власти, борьбу с коррупцией, антиглобализм, четкую градацию сторонников и противников и антиэлитизм [2: 42].

В РФ также происходят некоторые процессы популистской трансформации программ партийных элит, которые утратили «электоральную популярность». Так, партийные программы все больше смыкаются с программами общественных объединений и движений, то есть, с одной стороны, происходит политизация гражданского общества, а с другой стороны, происходит институализация движений общественно-политической природы, например, Общероссийского народного фронта (ОНФ).

Также идет дифференциация существующих партийных элит на ряд программных неформальных блоков, что отмечается, в частности, в программе элиты «Единой России», хотя и неявно. Сама партия парламентского большинства отрицает наличие внутри ее структуры «крыльев» и блоков [13]. Однако мы считаем возможным проследить некоторую программную дифференциацию элиты «Единой России».

Первый неформальный программный блок уместно называть *охранительно-государственным*. Значительная часть его сторонников либо являлись частью советской партийной номенклатуры, либо являются выходцами из специальных служб и армейских и силовых структур. Данный блок, пожалуй, является самым стабильным и долго существующим, однако его представители не склонны воспринимать текущие социально-экономические и общественно-политические перемены в стране и мире. К представителям этого блока принадлежат, например, С.К. Шойгу, Б.В. Грызлов, С.Е. Нарышкин. Ориентирами представителей этого партийного блока «Единой России» являются официальные политико-управленческие публичные ценности: государственничество, российскость, патриотизм, приоритет интересов государства над интересами личности, определенный геополитический изоляционизм и оборончество. Государственники-охранители в своем большинстве видят в популистской идеологии угрозу стабильности РФ, духовным скрепам российского общества. Соответственно, антиэлитную волну настроений гражданского общества они воспринимают как угрозу не только национальной безопасности страны, но и собственному существованию.

Партийная элита охранительно-государственного блока «Единой России» тесно взаимодействует со структурами исполнительной власти, например, с Администрацией Президента РФ, либо напрямую с Президентом РФ, формально в партии не состоящим, и позиционирует себя как опору политического курса главы государства.

Второй неформальный блок «единороссов» можно назвать *либерально-технократическим*. Представители этого блока выросли из либерально-реформистских рядов «Единой России». Данный блок, в основном, состоит из относительно молодых партийных функционеров, которые пытаются пополнить кадровый резерв «Единой России» благодаря рота-

ционным конкурсам (например, Всероссийский конкурс управленцев «Лидеры России»). К этому блоку принадлежат, например, Д.А. Медведев, А.А. Турчак, А.В. Дворкович. Представители этого блока также не стремятся стимулировать антиэлитную волну настроений гражданского общества, так как усматривают в ней опасность собственным позициям – экономическим, политическим, властно-влиятельным. Они предпринимают попытки сгладить антиэлитные настроения общества за счет омоложения партийной элиты («Лидеры России»), модернизации содержания, практики и имиджа партии власти [12]. Представители либерально-технократического блока желают постепенно адаптировать реальность России к новым экономическим и политическим угрозам и стремятся к инновационным преобразованиям, к модернизации экономики, социальной жизни. Они предлагают технократизировать образовательные, медицинские и иные социальные услуги, прагматизировать отношения власти и общества, виртуализировать многие традиционные российские общественные отношения по вертикали и по горизонтали. Ориентирами их политической программы являются права человека, автономия личности и ее независимость (частичная) от государства, публичная политика, гражданское общество, отказ от традиционного государственного патронажа граждан, приумножение среднего класса (либо его образование), социальный и политический прагматизм.

Примечательно, что представители второго блока, не вступая в конфронтацию и открытую борьбу с охранителями и государственниками, также выражают верность политическому курсу главы государства, что объективно противоречиво и затрудняет стабильную ротацию партийной элиты. Симптоматично, что либерал-технократы также тесно сотрудничают с Администрацией Президента РФ. Они считают магистральным визави первого заместителя руководителя Администрации Президента РФ С.В. Кириенко, который также не является членом политической партии «Единая Россия».

Следует особо выделить третий блок «Единой России» – *практико-деятельностный*. Его представители активны в практической деятельности: управленческой, организационной, хозяйственной, часто на региональном уровне, и могут быть соотнесены с элитой гражданского общества. Ряды этого блока пополняются за счет активной пропагандистской, информационно-разъяснительной, агитационной работы в массах, которую ведет «партия власти». «Единая Россия» активно вербует в свои ряды военных, деятелей экономики, культуры, науки, медицины, кинематографа, театра, искусства и спорта – референтных лиц, известных своими успехами и достижениями всей стране. Представители практико-деятельностного блока, если не являются членами партии власти, то позиционируют себя как сторонники партии, и многие из них становились доверенными лицами Президента РФ на выборах. Вхождение в партийную элиту успешных практиков – врачей, офицеров, полицейских, ученых, олимпийцев, предпринимателей, музыкантов, кинематографистов, поляриков, многодетных родителей – придает партийной элите большую легитимность и популярность. К третьему бло-

ку партийной элиты могут быть отнесены П.О. Толстой, А.А. Карелин, И.А. Винер-Усманова и др. При очевидных сильных сторонах представителей данного блока (симпатии граждан, популярность, узнаваемость, приближенность к интересам граждан) они также часто вызывают недовольство граждан из-за гипертрофированной эксплуатации их имиджа (врач Л.М. Рошаль, гимнастка А.М. Кабаева, исследователь Арктики А.Н. Чилингаров, режиссер Ф.С. Бондарчук, актер С.В. Безруков, боксер Н.С. Валуев) и постоянного мелькания их имен. Критическое отношение и антиэлитная волна настроений гражданского общества в отношении представителей практико-деятельностного блока партии «Единая Россия» иногда связаны с некомпетентностью их заявлений и действий, а также с акцентированной трансляцией преданности главе государства.

Подчеркнем, что представители третьего блока характеризуются определенной амбивалентностью политической программы (групповой и личной): с одной стороны, они не противоречат генеральной линии партии власти; с другой стороны, они часто продуцируют антиэстеблшментные и антиэлитные настроения гражданского общества.

Если рассматривать в общем плане партийную элиту прочих парламентских партий, которые вызывают еще меньший интерес граждан, чем «Единая Россия», то ее следует отнести к *околоэстеблшментному* блоку. Представители элиты этих партий (КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия») пользуются практически теми же привилегиями, что и их визави из «Единой России», однако значительно повлиять на политический процесс они не могут. В условиях антиэлитной волны настроений гражданского общества у политических партий КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России» практически нет шансов на успешный перехват политической повестки, как и на дальнейшее выживание в российской политике, если только элита данных партий не трансформируется существенно, структурно и программно.

Последние выборы в Государственную Думу ФС РФ 18 сентября 2016 г. отчетливо продемонстрировали, что представители указанных партий потеряли свои позиции настолько, что даже создание межпартийной коалиции не составило конкуренцию «единороссам», которые образовали парламентское большинство. Это убедительно подтверждает детерминированность и справедливость однозначной антиэлитной волны настроений гражданского общества в отношении элиты данных партий.

Здесь стоит указать на некоторую особенность содержания и партийной практики партий парламентского меньшинства. Так, представители партийной элиты оппозиционных парламентских партий, практики и деятели регионального уровня, смогли выиграть ряд губернаторских выборов в 2018 г. (например, С.И. Фургал, В.О. Коновалов, В.В. Сипягин). Однако очевидно, что выиграла они не оттого, что населению нравятся их политическая программа и идеологические постулаты, а оттого, что зачастую кандидаты околоэстеблшментного блока выступали в роли кандидатов «против всех». В условиях контроля региональных законодательных собраний этих субъектов со стороны партийной элиты «Единой Рос-

сии» усиления околоэстеблшментного блока партийной элиты ожидать не приходится. Напротив, в отношении партийной элиты партий парламентского меньшинства можно прогнозировать усиление антиэлитной волны настроений гражданского общества.

Особняком стоит внесистемная оппозиция, которую мы обозначим как *контрэлитный* блок. В 2019 г. контрэлиты представлена многочисленными непарламентскими партиями-спойлерами системной оппозиции; политическими движениями популистского толка, которым стабильно отказывают в регистрации в качестве политических партий [8]; ультралиберальными и даже маргинальными объединениями, которые даже не пытаются зарегистрировать свои политические партии. К контрэлитному блоку уместно отнести, прежде всего, такие движения и организации, как «Россия будущего», «Другая Россия», «Либертарианская партия России» (ЛПР).

Здесь необходимо отметить, что официальный партийно-политический, партийно-властный истеблшмент (в данном случае господствующая партийная элита «Единой России») неоднократно создавал условия для усиления несистемной оппозиции и провоцировал недовольство граждан и общественных организаций (правозащитных, ветеранских, женских и др.). Среди них назовем такие политико-управленческие решения и процессы, как монетизация льгот пенсионерам и ветеранам, снижение уровня жизни граждан и увеличение численности граждан, живущих за чертой бедности (в том числе «новых бедных» и «работающих бедняков»), постоянное неисполнение целевых федеральных социальных программ, проведение непопулярной пенсионной реформы. Текущая антипенсионная повестка – это явная возможность для внесистемной оппозиции официально зарегистрировать ее политические партии и сформировать новый полюс партийной контрэлиты. Существенными дивидендами партийной элиты «Единой России» для несистемной оппозиции являются многочисленные факты коррупции, клановых преступлений, уголовных деяний, превышения полномочий и использование служебного положения в корыстных целях со стороны власть предержащих активистов «Единой России» (губернаторов, мэров, сенаторов).

Исследуя антиэлитную волну настроений гражданского общества, отметим, что граждане доверяют, прежде всего, Президенту РФ, Вооруженным силам РФ, ФСБ, Администрации Президента РФ и лишь потом Правительству РФ [7]. На современном этапе гражданское общество не демонстрирует стремления к радикальным переменам, протестам, манифестам и митингам. Голосуя за В.В. Путина в марте 2018 г., среднестатистический избиратель голосовал за сохранение стабильного развития, за избежание гражданских конфликтов. Президент РФ улавливает эти настроения граждан, которые отражаются, в том числе, и на его рейтинге. Симптоматично, что Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ 20 февраля 2019 г. имело исключительно социально-направленный, социально-патронажный характер, однако и в нем указывалось на необходимость сплоченности общества и расширения пространства свободы [9].

Обобщение содержания выделенных про-

граммных блоков «Единой России», прочих парламентских партий и системной оппозиции в контексте антиэлитной волны настроений гражданского общества позволяет отметить следующее.

На современном этапе партийная элита Российской Федерации при некоторой дифференциации (скорее декларативной, чем фактической) детерминант, целей и содержательно-организационной практики находится в прямой зависимости от исполнительной власти, Администрации Президента РФ и самого Президента РФ.

С одной стороны, это отражает аутентичность партийных элит президентскому курсу и их преданность лично Президенту РФ. Также это отражает определенную лояльность Президента РФ к партийно-управленческим и внепартийно-управленческим элитам, несмотря на непопулярность многих персоналий в общественных оценках граждан (Г.О. Греф, В.Л. Мутко, Д.А. Медведев, Э.С. Набиуллина, А.Б. Чубайс, не говоря уже о руководителях естественных монополий и о российских олигархах).

С другой стороны, это свидетельствует о партийно-политической несамостоятельности партийных элит (прежде всего, «Единой России»), что создает ресурсы усиления антиэлитной волны настроений гражданского общества. Общественные настроения отражают политические прогнозы о том, что в РФ назрела партийная реформа (попытка которой уже проводилась в 2000-х гг. против «бронзовения» «Единой России»). Антиэлитная волна настроений гражданского общества отражает такие возможные перспективы партийного строительства, как, например, изменение идеологии «Справедливой России», «поглощение» ею непарламентских партий, дальнейшее объединение ее с «ЛДПР» [10] и др.

Возможные попытки программных и практических трансформаций (на языке партийной элиты «прокачки») свидетельствуют об осознании партийной элитой рисков антиэлитной волны настроений гражданского общества и о стремлении к двухпартийной системе как возможной компенсаторной проекции. При этом очевидно влияние на партийные элиты «Долгого государства Путина» и попытки придания «доктрине Путина» статуса новой идеологической концепции [3]. Одним из возможных алгоритмов оптимизации политической доктрины развития России (и путинизма в целом) может быть компромиссное идейное сближение и коэволюция консервативно-патриотической и либерально-демократической программатики [1].

Партийной элите РФ придется признать необходимость: а) программно-практического обновления; б) закономерной ротации и омоложения рядов; в) профессионального межпартийного консенсуса; г) конструктивной конкуренции; д) модернизации партийного дизайна и имиджа; е) адекватной оценки антиэлитной волны настроений гражданского общества.

Библиографический список

- Аствацатурова М.А. Идеино-концептуальные интенции современного российского политико-управленческого процесса: к возможности коэволюции // Вопросы политологии. 2019. № 1. С. 16-26.
- Бейлин М.В. Популизм как фрагментарная идеология и технология манипуляции // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. 2018. № 1-2. С. 42-45.
- Владислав Сурков: Долгое государство Путина // Независимая газета URL: http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (дата обращения: 05.03.2019).
- Доклад «Минченко консалтинг»: «Новая политическая реальность и риски антиэлитной волны в России» // «Минченко консалтинг» URL: http://www.minchenko.ru/netcat_files/userfiles/AntiEliteMC_27.10.pdf (дата обращения: 05.03.2019).
- Еремина Н.В., Борисовская Ю.А. Кризис европейской идентичности и Brexit // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. № 2 (19). С. 327-330.
- Красин Ю.А., Галкин А.А. Россия: Quo vadis? М.: Институт социологии РАН. 2003. 274 с.
- Роль институтов // Левада-Центр URL: <https://www.levada.ru/2019/03/04/rol-institutov-2/> (дата обращения: 14.03.2019).
- Министр окончательно отказал в регистрации партии «Россия будущего» Алексея Навального // Медиазона URL: <https://zona.media/news/2018/08/27/no-future> (дата обращения: 05.03.2019).
- Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию 20 февраля 2019 г. <http://kremlin.ru/events/president/news/59863>
- «Работаем над созданием мощного левого движения» // Известия URL: <https://iz.ru/786084/marina-iurshina/rabotaem-nad-sozdaniem-moshchnogo-levogo-dvizheniia> (дата обращения: 05.03.2019).
- Рейтинги доверия политикам, одобрения работы государственных институтов, рейтинги партий // ВЦИОМ URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9558> (дата обращения: 13.03.2019).
- Финалистов конкурса «Лидеры России» пригласят к участию в съезде ОНФ // Газета.ru URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2018/10/29/n_12223141.shtml (дата обращения: 05.03.2019).
- Явные и тайные крылья «Единой России» // Газета «Аргументы недели» URL: <http://argumenti.ru/politics/n138/37983> (дата обращения: 05.03.2019).

Works Cited

- Astvatsaturova M.A. Ideyno-kontseptual'nyye intentsii sovremennogo rossiyskogo politiko-upravlencheskogo protsessa: k vozmozhnosti koevolutsii // Voprosy politologii. 2019. № 1. S. 16-26.
- Beylin M.V. Populizm kak fragmentarnaya ideologiya i tekhnologiya manipulyatsii // Bol'shaya Evraziya: Razvitiye, bezopasnost', sotrudnichestvo. 2018. № 1-2. S. 42-45.
- Vladislav Surkov: Dolgoe gosudarstvo Putina // Nezavisimaya gazeta URL: http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (data obrashcheniya: 05.03.2019).
- Doklad «Minchenko konsalting»: «Novaya politicheskaya real'nost' i riski antielitnoy volny v Rossii» // «Minchenko konsalting» URL: http://www.minchenko.ru/net-sat_files/userfiles/AntiEliteMC_27.10.pdf (data obrashcheniya: 05.03.2019).
- Eremina N.V., Borisovskaya Yu.A. Krizis evropeyskoy identichnosti i Brexit // Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye. 2017. № 2 (19). S. 327-330.
- Krasin Yu.A., Galkin A.A. Rossiya: Quo vadis? M.: Institut sotsiologii RAN. 2003. 274 s.
- Rol' institutov // Levada-TSentr URL: <https://www.levada.ru/2019/03/04/rol-institutov-2/> (data obrashcheniya: 14.03.2019).
- Minyust okonchatel'no otkazal v registratsii partii «Ros-

- siya budushchego» Aleksey Naval'nogo // Mediazona URL: <https://zona.media/news/2018/08/27/no-future> (data obrashcheniya: 05.03.2019).
9. Poslaniye Prezidenta RF V.V. Putina Federal'nomu Sobraniyu 20 fevralya 2019 g. <http://kremlin.ru/events/president/news/59863>
  10. «Rabotayem nad sozdaniyem moshchnogo levogo dvizheniya» // Izvestiya URL: <https://iz.ru/786084/marina-iurshina/rabotaem-nad-sozdaniem-moshchnogo-levogo-dvizheniia> (data obrashcheniya: 05.03.2019).
  11. Reytingi doveriya politikam, odobreniya raboty gosudarstvennykh institutov, reytingi partiy // VTSIOM URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9558>
  12. Finalistov konkursa «Lidery Rossii» priglasyyat k uchastiyu v s'yезде ONF // Gazeta.ru URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2018/10/29/n_12223141.shtml (data obrashcheniya: 05.03.2019).
  13. Yavnyye i taynyye kryl'ya «Edinoy Rossii» // Gazeta «Argumenty nedeli» URL: <http://argumenty.ru/politics/n138/37983> (data obrashcheniya: 05.03.2019).

УДК 327

© Е.А. Соловьева

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Пятигорск, Россия

«Дипломатия Си»: роль политической элиты КНР в политике и дипломатии «крупного государства с китайской спецификой»

Китайская Народная Республика (КНР) вне зависимости от смены поколений руководителей, особенностей исторического момента, условий внутренней и международной обстановки строго следует своим приоритетам и принципам. Главным из них является преемственность, которая выражается в непрерывности политических традиций и приверженности руководства определенной линии развития государства. Главным приоритетом политического развития страны является сохранение социалистического строя, верховенства Коммунистической партии Китая (КПК) и существующей вертикали власти «коммунистическая партия – государство – общество». Такой подход закрепляет за Коммунистической партией КНР и ее председателем руководящую роль в реализации внешнеполитического курса [12: 245]. Это обуславливает крайне консолидированный характер китайской дипломатии, в рамках которой все административно-управленческие ресурсы взаимодействия страны с внешним миром сосредоточены в руках ее политической элиты, а именно: председателя ЦК партии, членов политбюро, военсовета. Помимо ЦК КПК, определенными полномочиями в сфере внешних сношений обладают также и другие госорганы и их руководители. Это, в частности, Всекитайское Собрание Народных Представителей (Постоянный комитет, Комитет национальной безопасности, Комитет по международным делам) и Государственный совет КНР (Министерство иностранных дел, Министерство национальной обороны, Министерство государственной безопасности, Министерство коммерции, Государственный комитет национального развития и реформ). Однако все они выполняют свои дипломатические функции в строгом соответствии с существующей в стране партийной иерархией [11: 208].

Под полным контролем КПК и госаппарата находятся институты публичной, культурной дипломатии и все ресурсы иновещания (центральные информагентства, внутрикитайские и зарубежные СМИ, ключевые интернет-порталы) [10: 262]. Сло-

жившаяся в КНР система полного контроля КПК и госаппарата над всеми сферами дипломатической деятельности исключает возможность участия в ней различных негосударственных субъектов – международных неправительственных организаций, фондов, общественных объединений и пр., являющихся незаменимым в условиях глобализации инструментом внешней политики. Восполнить отсутствие этих субъектов в дипломатии КНР также призвана политическая элита страны. Именно поэтому задачу реализации стратегии проактивной дипломатии («дипломатии крупного государства с китайской спецификой» [2: 46]) Пекин напрямую связывает с развитием дипломатии политической элиты. Ее конкретными формами выражения являются, в соответствии с принятой терминологией, «дипломатия лидера», «дипломатия высокого уровня», «дипломатия турне» и «челночная дипломатия».

1. *Дипломатия лидера.* Сегодня многие проблемы международной повестки дня обсуждаются и решаются при личном участии председателя КНР. Так, только в 2015 г. Си Цзиньпин посетил более десяти стран четырех континентов (США, Великобританию, Пакистан, Филиппины, Вьетнам, Сингапур, Кубу и др.); участвовал в праздновании 70-летия Дня Победы в РФ; был членом девяти международных конференций; провел историческую встречу с тайваньским лидером Ма Инцзю. Всего за год Си Цзиньпин с супругой Пэн Лиюань совершили 8 зарубежных поездок, которые заняли в общей сложности 42 дня. Отметим, что присутствие китайского лидера на мировой политической арене стабильно увеличивается. Так, к 2017 г. на «дипломатическом» счету Си Цзиньпина уже было 26 зарубежных визитов (более 160 дней) и около 230 приемов глав государств и правительств в самом Китае. Этот же год был отмечен проведением масштабных высокоуровневых мероприятий – саммита G20 («Большой двадцатки») в г. Ханчжоу и форума «Один пояс, один путь», приковавших к фигуре Си Цзиньпина внимание всего мирового сообщества [8]. Результатом дипломатической

активности китайского лидера стало проникновение в научный дискурс особых терминов – «сицзиньпинизм» и «дипломатия Си» [4].

2. *Дипломатия турне.* Отдавая приоритет прагматичности в отношениях с партнерами, председатель КНР активно сочетает необходимость личного участия в деятельности ключевых международных организаций с возможностью использовать

отведенное на них время на развитие двусторонних контактов и связей. Это объясняет популярность еще одного направления дипломатии современного Китая – «дипломатии турне» (посещение за время одного зарубежного визита нескольких стран региона). На основе данных СМИ приведем только несколько примеров дипломатических турне Си Цзиньпина последних лет (*Таблица 1*).

Таблица 1. Некоторые дипломатические турне председателя КНР Си Цзиньпина в 2014 - 2018 гг.

Название	Цель	Страны и организации посещения	Дата
Европейское турне	участие в ядерном саммите ЕС в Гааге	Нидерланды, Франция, Германия, Бельгия; штаб-квартира ЮНЕСКО в Париже и ЕС в Брюсселе	Март 2014
Евразийское турне	участие в праздновании Дня Победы в г. Москва	посещение Казахстана, РФ, Беларуси	Май 2015
Ближневосточное турне	по приглашению лидеров стран	Саудовская Аравия, Египет, Иран	Январь 2016
Рабочее турне	участие в саммите ШОС	Сербия, Польша, Узбекистан (июнь 2016);	Июнь 2016
Латиноамериканское турне	по приглашению лидеров стран	Эквадор, Перу, Чили (ноябрь 2016 г.)	Ноябрь 2016
Африканское турне	участие в саммите БРИКС	ОАЭ, Сенегал, Руанда, ЮАР, Маврикий	Июль 2018
Турне по странам АТЭС	участие в саммите АТЭС	Папуа-Новая Гвинея, Бруней, Филиппины, Вьетнам, Лаос	Ноябрь 2018
Турне по странам G20	участие в саммите G20	Испания, Португалия, Аргентина, Панама	Ноябрь-декабрь 2018

Многообразие широкоформатных дипломатических поездок лидера КНР по всем регионам мира, сочетание визитов руководителя с участием в саммитах и пр. – все это свидетельствует о том, что в китайской дипломатии происходят существенные изменения. Отметим, что данная практика изначально была распространена среди глав крупных западных стран, которые с помощью турне в отдаленные регионы мира хотели продемонстрировать глобальный характер интересов своих стран [1: 25]. Это же стремление отражено и в стратегии дипломатии «крупного государства», чем и объясняется его сегодняшняя популярность у китайского лидера.

3. *Дипломатия высокого уровня.* Активно развивается в КНР и дипломатия высокого уровня. За последние годы китайский премьер-министр Ли Кэцян с различными дипломатическими, экономическими и иными целями успел посетить Европу, Латинскую Америку, соседние страны, в том числе в мае 2018 г. Японию (за 7 лет это первый визит премьер-министра КНР в эту страну) [3]. Акцент на поддержание личных контактов и связей наблюдается и в работе зарубежных послов КНР. По оценкам экспертов, руководитель каждого подразделения проводит с зарубежными политиками, дипломатами, экономистами, журналистами более восьмидесяти встреч в год, при этом дипломатические контакты заграничных учреждений КНР с аналогичными ведомствами других стран постоянно расширяются [5: 40-41].

4. *Челночная дипломатия.* Что касается использования в китайской дипломатической практике «челночной дипломатии», то она, хоть и не так очевидно, но тоже становится частью дипломатической риторики китайской политической элиты. На сегодняшний день в контексте «челночной дипломатии», как правило, рассматривают взаимодействие КНР со своими основными историческими оппонента-

ми – Японией, Кореей, Индией и др. Имея с этими странами ряд системных противоречий, Китай, тем не менее, предпринимает определенные дипломатические шаги для согласования принципиальных вопросов, представляющих совместный интерес (торговля, инвестиции, безопасность, пограничные конфликты, нивелирование влияния в регионе других акторов). Подтверждением тому являются первый за 8 лет официальный визит председателя КНР в Индию в сентябре 2014 г., сотрудничество в БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай) и РИК (Россия, Индия, Китай), включение Индии в состав Шанхайской организации сотрудничества (ШОС); проведение трехстороннего саммита Японии, КНР и Южной Кореи. Отметим, что встречи на уровне премьер-министров трех восточноазиатских стран практиковались с 2008 г., однако в 2015 г. были приостановлены. Их возобновление стало для мирового сообщества сигналом к восстановлению челночной дипломатии трех стран [7].

Сказанное свидетельствует о весьма динамичном развитии дипломатии лидеров КНР и ее постепенном превращении в традиционный инструмент увеличения международного присутствия Китая в мире. Эта практика уже сегодня принесла Китаю ощутимые дивиденды. Так, по данным на 2017 г., 97 стран и международных организаций стали партнерами КНР; 40 стран и международных организаций подписали соглашения о сотрудничестве; 100 стран поддержали китайскую инициативу «Один пояс, один путь»; 70 стран стали членами созданного по инициативе Китая Азиатского банка инфраструктурных инвестиций [8]. Достигнутые результаты дают китайским аналитикам возможность утверждать, что Китай и дальше «будет открывать свои двери для внешнего мира и будет еще более интегрирован в мировое сообщество» [13].

В целом активное вовлечение ресурса личной дипломатии лидеров в современную дипломатическую практику КНР, разноформатное партнёрство со странами и международными организациями – все это служит очевидным подтверждением смены китайской дипломатической парадигмы – от традиционной выжидательной позиции к активной, лидерской, соответствующей, по мнению китайского руководства, экономическому и политическому положению страны в мире [9: 522].

Руководящая, системная роль КПК в политике и дипломатии обуславливает преимущественную направленность всей дипломатической риторики КНР на поддержку авторитета официальной власти. Основным инструментом реализации этой задачи является технически и инструментально оснащенный аппарат информационного сопровождения внешней политики, использование которого в КНР имеет свою специфику [10: 261]. Ориентируясь на укрепление имиджа государства, расширение сотрудничества и распространение влияния, официальная дипломатия КНР, вместе с тем, видит свое основное предназначение в укреплении авторитета власти не только в мире, но и внутри китайского сообщества. Каждый зарубежный визит китайского лидера сопровождается масштабная подготовка соответствующего информационного поля. Озвучиваются планы и намерения руководителя, которые всегда мотивированы интересами китайского народа. Подробно освещаются сами поездки, достигнутые с их помощью договоренности, уникальные предложения, способные преобразовать мир и помочь ему решить глобальные проблемы. Наиболее запоминающиеся выступления и отдельные высказывания председателя транслируют все китайские информагентства (для примера, поисковая система Google на запрос «цитаты Си Цзиньпина» выдает 6 200 000 результатов со ссылками на китайские ресурсы). По итогам дипломатических встреч китайские СМИ выпускают документальные фильмы, специальные репортажи и видеоролики, фиксирующие внимание общественности на том, какое влияние оказала на мировое сообщество деятельность Си Цзиньпина. Приведем конкретные примеры такой работы.

В мае 2017 г. ведущая в мире и самая влиятельная в Китае газета «Женьминь жибао» (официальное печатное издание ЦК КПК) представила широкой общественности видеоролик «Си Цзиньпин на мировой арене». В этом же году на XIX съезде КПК подводились итоги первого пятилетия Си Цзиньпина. К съезду, прошедшему под лозунгом «Пять лет решительной борьбы и роста», информационное агентство «Синьхуа» подготовило более десяти профессиональных тематических фильмов, в том числе документальный фильм в шести эпизодах «Дипломатия крупной державы». Оба проекта находятся во всеобщем доступе и посвящены дипломатическим успехам Китая под руководством нынешнего председателя. В наиболее общем смысле они транслируют следующий месседж: «Благодаря Си Цзиньпину во всем мире растет интерес к Китаю, упрочиваются его связи с миром, ширится круг друзей. Следовательно, современное развитие КНР – это заслуга китайского лидера, который уверенным шагом ведет Китай в

центр международной жизни. На мировой арене Си Цзиньпин выступает от имени всего китайского народа и несет за него ответственность, поэтому все его инициативы направлены на процветание и возрождение великой китайской нации, на создание глобального сообщества с единой (как у китайцев) судьбой» [8].

Усилить эффект воздействия на китайскую общественность призваны и многие другие широко-масштабные проекты. В частности, это проект «Мои пять лет» (2017 г.), над подготовкой которого работали все китайские СМИ. Он представляет собой собрание коротких очерков, в которых жители страны рассказывают о том, к каким личным достижениям привела их политика и дипломатия партийного руководства XVIII созыва и деятельность самого председателя [6]. Для поддержания имиджа власти используются и другие ресурсы дипломатии. Например, ставшие популярными сегодня «aid-» и «disaster diplomasy» в КНР также имеют свою специфику применения: Пекин уделяет особое внимание широкому освещению природных и техногенных катастроф (землетрясений, засух, наводнений, снежных бурь, происшествий на производственных объектах и др.). Подобный «открытый» подход призван продемонстрировать устойчивость власти и создать «правильный» информационный фон в отношении предпринимаемых ею действий [10: 263].

Таким образом, дипломатия политической элиты КНР и ее масштабное информационное сопровождение имеют целью укрепление в сознании китайского общества идеи о том, что официальная политическая власть – это главная доминанта и гарант поступательного внутреннего и внешнего развития страны и каждого ее гражданина. Главная их задача – формирование уверенности общества в том, что только в условиях сохранения руководящей роли партии и верности курсу на строительство социализма с китайской спецификой возможен дальнейший прогресс государства, китайской нации и всего мира.

Исходя из сказанного, можно с уверенностью прогнозировать, что, несмотря на новые тенденции и реалии, централизованная модель китайской дипломатии, а также общая направленность всей дипломатической риторики КНР на поддержку официального руководства останутся неизменными. Обеспечение внутривнутриполитической стабильности как важнейшее условие поступательного развития КНР останется доминантой и для нового китайского руководства. Амбициозные планы, сам стиль управления нового китайского лидера, широкое использование различных направлений персонифицированной дипломатии (личных встреч, дипломатических и рабочих турне) обуславливают дальнейшую консолидацию китайской модели дипломатии. Ее направленность состоит в поддержании авторитета власти, сохранении за ней центральной роли во внешней политике, а также дальнейшей интеграции в ее деятельность информационно-коммуникационных технологий, позволяющих усиливать эффект воздействия на общественное сознание населения как внутри КНР, так и в мире в целом.

Переход к стратегии проактивной дипломатии будет способствовать дальнейшей активизации дипломатических усилий политической элиты КНР как

на многосторонней, так и на двусторонней основах. При этом будет наблюдаться более дифференцированный подход к взаимодействию со стратегическими партнёрами КНР, выбор модели которого будет зависеть от их готовности действовать в соответствии с интересами Китая. Такая политика и ее стратегическое оснащение в сочетании с активным развитием мобилизационных ресурсов несилевой и экономической (торговой, инвестиционной, валютно-финансовой, статусной) дипломатии и в дальнейшем будут давать возможность Китаю действовать на мировой политической арене стратегически точно, гибко, выверенно, способствуя укреплению его статуса в качестве глобального лидера современного мира.

Библиографический список

1. Барышников Д.Н. Дипломатия в глобальную эпоху: теория и практика // Диалог: политика, право, экономика. 2017. № 4 (7). С. 20-26.
2. Букреева Т.Н., Немченкова А.Д. Перспективные направления развития «дипломатии державы с китайской спецификой» // Статистические и системно-параметрические исследования. Курск: УК, 2016. С. 46-48.
3. В Токио состоялся трехсторонний саммит лидеров Японии, Китая и Южной Кореи. URL: <https://dknews.kz/opinions> (дата обращения: 06.01.2019)
4. Денисова И.Е. Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство. URL: <https://politiq.ru/2018/01/25> (дата обращения: 05.01.2019)
5. Евтюшин К.А. Современная внешнеполитическая стратегия КНР: дисс. ... канд. полит. наук. Пятигорск, 2016. 225 с.
6. Китай: накануне новой «решительной борьбы». URL: <https://regnum.ru/news/2335277.html> (дата обращения: 18.01.2019).
7. Между Сеулом, Пекином и Токио возобновляется челночная дипломатия. URL: <http://gazeta.korean.net/policy/81577> (дата обращения: 20.01.2019).
8. Си Цзиньпин на мировой арене. URL: <http://ru.siluxgc.com/html/R1682/201705/6142216900271643308.shtml> (дата обращения: 05.01.2019).
9. Соловьева Е.А., Дадагов И.С. «Гранд стратегия» Си Цзиньпина и новые тренды китайской внешней политики // Современные научные исследования и разработки. 2018. Т. 2. № 5 (22). С. 521-526.
10. Соловьева Е.А., Ефимов Ю.Г., Станкевич Г.В. Современная система информационного обеспечения внешней политики Китайской Народной Республики // Вестник Пятигорского государственного университета. 2017. № 4. С. 261-266.
11. Чекменев Д.С. К вопросу о структуре общественно-политического дискурса // Вестник Пятигорского государственного университета. 2015. № 4. С. 208-213.
12. Чекменев Д.С. Политические партии как субъекты общественно-политического дискурса // Вестник Пятигорского государственного университета. 2013. № 2. С. 245-248.
13. 時殷弘 習近平對外政策大戰略初具規模 (Ши Иньхун. Внешнеполитическая «гранд стратегия» Си Цзиньпина обретает форму) URL: <http://cn.nytimes.com/china/2> (дата обращения: 05.01.2019).

Works Cited

1. Baryshnikov D.N. Diplomatiya v global'nyu epokhu: teoriya i praktika // Dialog: politika, pravo, ekonomika. 2017. № 4 (7). S. 20-26.
2. Bukreyeva T.N., Nemchenkova A.D. Perspektivnyye napravleniya razvitiya «diplomatii derzhavy s kitayskoy spetsifikoy» // Statisticheskiye i sistemno-parametricheskiye issledovaniya. Kursk: UK, 2016. S. 46-48.
3. V Tokio sostoyalsya trekhstoronniy sammit liderov Yaponii, Kitaya i YUzhnoy Korei. URL: <https://dknews.kz/opinions> (data obrashcheniya: 06.01.2019)
4. Denisova I.E. Vneshnyaya politika Kitaya pri Si TSzin'pine: preymstvennost' i novatorstvo. URL: <https://politiq.ru/2018/01/25> (data obrashcheniya: 05.01.2019)
5. Evtyushin K.A. Sovremennaya vneshnepoliticheskaya strategiya KNR: diss. ... kand. polit. nauk. Pyatigorsk, 2016. 225 s.
6. Kitay: nakanune novoy «reshitel'noy bor'by». URL: <https://regnum.ru/news/2335277.html> (data obrashcheniya: 18.01.2019).
7. Mezhdru Seulom, Pekinom i Tokio vozobnovlyayetsya chelnochnaya diplomatiya. URL: <http://gazeta.korean.net/policy/81577> (data obrashcheniya: 20.01.2019).
8. Si Tszin'pin na mirovoy arene. URL: <http://ru.siluxgc.com/html/R1682/201705/6142216900271643308.shtml> (data obrashcheniya: 05.01.2019).
9. Solov'yeva E.A., Dadagov I.S. «Grand strategiya» Si TSzin'pina i novyye trendy kitayskoy vneshney politiki // Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i razrabotki. 2018. T. 2. № 5 (22). S. 521-526.
10. Solov'yeva E.A., Efimov Yu.G., Stankevich G.V. Sovremennaya sistema informatsionnogo obespecheniya vneshney politiki Kitayskoy Narodnoy Respubliki // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 4. S. 261-266.
11. Chekmenev D.S. K voprosu o strukture obshchestvenno-politicheskogo diskursa // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 4. S. 208-213.
12. Chekmenev D.S. Politicheskoye partii kak sub'yekty obshchestvenno-politicheskogo diskursa // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 2. S. 245-248.
13. 時殷弘 習近平對外政策大戰略初具規模 (Shi In'khun. Vneshnepoliticheskaya «grand strategiya» Si TSzin'pina obretayet formu) URL: <http://cn.nytimes.com/china/2> (data obrashcheniya: 05.01.2019).

Климатическая повестка в американской массовой культуре при администрации Д. Трампа

Решение глобальных проблем рассматривается как основа будущего существования человеческой цивилизации [3]. Проблему глобального изменения климата относят к одной из наиболее насущных проблем природно-экономического развития мира [32; 26]. Термин «изменение климата», как правило, используют, говоря об антропогенном воздействии на климат (в более ранней литературе чаще говорили о глобальном потеплении). Последствия изменения климата с каждым годом становятся все более заметными, многие страны все больше подвержены экстремальным климатическим явлениям (резкие перепады температур, засухи, интенсивные осадки, ураганы, пожары и т.д.). Только за 2017 г. погодные и климатические катастрофы стали причиной тысяч смертей и потерь в размере 320 млрд долларов [53].

Благодаря усилиям научного сообщества проблемы экологии и изменения климата вошли в повестку многих международных форумов, что привело к положительным изменениям в области экологического законодательства как на международном, так и на местном уровне. В 1992 году прошла Конференция ООН по окружающей среде и развитию, где предложили долгосрочную стратегию устойчивого развития «Повестка дня на XXI век» [7]. В 1998 г. был принят Киотский протокол, который предусматривает сокращение выбросов парниковых газов [5]. В 2000 г. утверждена «Декларация тысячелетия», где была подтверждена приверженность принципам устойчивого развития. Многие страны адаптируют политику устойчивого развития или ее аналоги на внутригосударственном уровне. В 2015 г. было принято Парижское климатическое соглашение, долгосрочная цель которого – удержать рост средней глобальной температуры до менее 2°C и ограничить рост температуры до 1,5°C [6].

Соединенные Штаты Америки на сегодняшний день занимают лидирующее положение в мировой политике и экономике, играют важную роль в международных организациях. США находятся на втором месте по выбросу углекислого газа в атмосферу [13]. В связи с переизбранием президента США в 2016 г. официальная позиция США в отношении проблемы изменения климата претерпела значительные изменения. Д. Трамп выразил сомнения во взаимосвязи антропогенного воздействия и изменения климата. Сложившаяся ситуация может оказать значительное негативное влияние на усилия по борьбе с изменением климата и на состояние окружающей среды в стране и в мире.

Массовая культура способствует информационному обмену между разными социальными группами и цивилизациями, создает пространство для обмена смыслами, через которые происходит адаптация человека к новым социально-политическим условиям, формируется понимание человеческих

ценностей, что создает возможность диалога. Массовая культура, являясь знаковой системой, доступной всем членам общества вне зависимости от социального статуса или включенности в систему профессионального знания, становится важным механизмом формирования общественного мнения о проблеме глобального изменения климата [4]. В США индустрия массовой культуры очень хорошо развита и распространяет свое влияние не только внутри страны, но и на весь мир. В данной работе предлагается рассмотреть, как массовая культура может повлиять на место экологических проблем в политической повестке США и на реакцию гражданского общества.

Механизмы влияния массовой культуры

Понятие «массовая культура» впервые появляется в 1941 г. в работе «Искусство и массовая культура» М. Хоркхаймера [29]. Возникновение массовой культуры связывают с появлением массового производства и культуры потребления [36]. Массовая культура объединяет как системы распространения и создания продуктов культуры, так и сами продукты. Прежде всего к ним относят кинематограф, музыкальную и спортивную индустрии, книги, журналы, а также людей, вовлеченных в процесс их создания и распространения [8]. Рассматривая влияние массовой культуры, Д. Белл заметил, что она способствовала появлению в США единой системы образов, ценностей и развлечений [1]. Массовая культура способствует формированию понимания и восприятия общественно-политических процессов в современном мире, в том числе относительно глобальных проблем современности.

В данном исследовании автор фокусируется на двух основных механизмах влияния массовой культуры на сознание населения. К первому механизму относится влияние известных деятелей популярной культуры («селебритиз»). В работе ток-шоу рассматриваются как механизм «селебритиз», так как данные передачи строятся вокруг личности ведущего, имя которого зачастую выносится в название шоу, и его политических взглядов. Согласно теории Г. МакКракена, которая изначально применялась маркетологами, поддержка «селебритиз», к которым относятся «любые лица, пользующиеся общественным признанием и использующие свою известность для продвижения потребительских товаров через рекламные компании», приводит к тому, что потребитель не просто приобретает товар, но и интегрирует его в свой стиль жизни, что в итоге формирует его поведение [39]. С развитием СМИ и Интернет точки соприкосновения политики и шоу-бизнеса расширяются, знаменитости привлекаются для продвижения политических интересов [50]. Зачастую уровень доверия населения к знаменитостям выше, чем к политикам или ученым. Знаменитости помогают мобилизовать население и сделать непопулярные идеи более при-

емлемыми [33]. В связи с этим феномен «селебритизм» рассматривается в качестве одной из важнейших составляющих массовой культуры и одного из основных драйверов экологизации общественного мнения.

Другим важным элементом массовой культуры является киноискусство. Еще В.И. Ленин утверждал, что «...из всех искусств для нас важнейшим является кино» [2: 19], подразумевая под этим, что среди остальных проявлений культуры именно кино способно оказывать наиболее эффективное и глубокое влияние на массовое сознание населения. Кино является уникальной аудиовизуальной формой передачи информации, сочетающей в себе элементы разных форм культуры – изображения, музыки, драматургии и пр. Кино может сохранять и передавать большое количество информации [41]. В данной работе в категорию «киноискусство» включено не только полнометражное художественное кино, но также мультфильмы, документальное кино и телесериалы, поскольку в настоящее время они оказывают не меньшее, а, возможно, и большее влияние на общественное сознание.

Климатический аспект политической повестки дня в США при администрации Д. Трампа

Победа на президентских выборах Д. Трампа, который неоднократно выражал сомнения в наличии проблемы изменения климата, может негативно повлиять на экологическую и климатическую ситуацию в стране и мире. В своей предвыборной кампании он обещал выход из Парижского соглашения; отмену ограничений в угольной промышленности; сокращение финансирования исследований в области экологически чистой энергии и изменения климата; сокращение финансирования программы ООН в области исследований климатических изменений; снятие ограничений в энергетическом секторе.

В июне 2017 г. Д. Трамп объявил, что США выйдут из Парижского соглашения по климату и прекратят его реализацию, выплаты Зеленому климатическому фонду ООН будут прекращены [45]. Администрация отказалась от реализации Плана действий по борьбе с изменением климата (Climate Action Plan), разработанного и принятого предыдущей администрацией [46]. Под руководством Д. Трампа ожидается изменение 78 утвержденных экологических норм, регулирующих загрязнение воздуха и выбросы парниковых газов, бурение и добычу, инфраструктуру и планирование, животный мир, токсичные вещества и загрязнение водных ресурсов [19]. Действия администрации могут привести к значительному ослаблению нормативных и научных институтов, которые занимаются проблемами экологии и изменения климата. Так, во главе Агентства по охране окружающей среды США изначально был поставлен С. Прюитт, являющийся противником регуляций в области охраны окружающей среды. Он был вынужден уйти с поста в связи с многочисленными политическими скандалами. На его должность был поставлен Э.Р. Уилер, от которого ожидают продолжения политики ослабления экологических норм. В связи с сокращением финансирования в области исследования климатических изменений могут пострадать организации, занимающиеся данными вопросами (Национальное управление океанических

и атмосферных исследований, Национальное управление по авиации и исследованию космического пространства) [54; 62].

Согласно проведенным исследованиям, маловероятно, что федеральная политика США сильно повлияет на продолжающееся сокращение выбросов в электроэнергетическом секторе промышленности, в краткосрочной перспективе количество выбросов углерода останется практически на том же уровне, независимо от действий нынешней администрации. При этом, если следующая администрация вернется на траекторию сокращения выбросов до 80 %, суммарные выбросы США будут небольшими. Однако высока вероятность серьезных, длительных негативных последствий в секторе землепользования и на урбанизированную среду, развитие которых сильно зависит от долгосрочного инвестирования [25].

В США повышается обеспокоенность проблемой глобального потепления, на сегодняшний день 70% американцев верит в процессы глобального потепления. Тем не менее изменение климата не стало главной проблемой, которая волновала избирателей. Так, из 28 наиболее важных вопросов при голосовании проблема изменения климата была поставлена на 15 место. Большинство зарегистрированных избирателей считает, что проблема изменения климата должна быть высоким или очень высоким приоритетом для президента и Конгресса (78% демократов, 58% независимых избирателей, 25% республиканцев), 54% – учитывает позицию кандидата относительно проблемы глобального потепления при голосовании, однако только для 38% голосующих очень важна позиция кандидата в отношении глобального потепления при принятии решения за кого голосовать на выборах в Конгресс. За 2018 год лишь 13% зарегистрированных избирателей связывались с избранными должностными лицами с намерением повлиять на их деятельность по сокращению глобального потепления. Только 3% зарегистрированных голосующих участвует, 10% – точно приняли бы участие, 22% – возможно приняли бы участие в кампании по убеждению избранных должностных лиц для принятия действий по уменьшению глобального потепления. Около трети голосующих сказали, что если их попросит кто-то, кто им нравится или кого они уважают, то они сделали бы пожертвование в пользу организации, занятой вопросами глобального потепления (37%), связались бы с избранными должностными лицами по поводу проблемы глобального потепления (35%), стали бы волонтерами в организации по вопросам глобального потепления и/или встретились бы с избранными чиновниками или их представителями для обсуждения глобального потепления (32%) [35]. Таким образом, большая часть населения США верит в изменение климата и признает необходимость действий для решения данной проблемы, но лишь малая доля американцев готова к активным действиям или побуждению правительства к активным действиям для решения проблемы.

Механизмы массовой культуры, влияющие на формирование понятия «глобального изменения климата» в общественном сознании.

Механизм «селебритизм»

Знаменитости являются важным элементом

массовой культуры. В структуралистской теории «... подчеркивается полезность знаменитостей для политических и экономических режимов, особенно в капитализме» [17: 9]. Знаменитости используются для извлечения материальной выгоды, так, «... знаменитости концептуализируются в качестве средства, при помощи которого капитализм достигает цели подчинения и эксплуатации масс. Они отражают идеологию героического индивидуализма, вертикальной мобильности и возможности выбора в мире, где распространены стандартизация, монотонность и рутина» [47: 33]. В постструктурализме отвергается чисто экономический подход к пониманию феномена «селебритиз». Знаменитости рассматриваются через аудиторию. С. Холмс говорит о том, что знаменитости – это не только продукт медиа, а скорее динамический процесс, в котором особое внимание стоит уделить тому, чем звезды привлекают свою аудиторию [28]. Постструктурализм учитывает как влияние культурной политики, так и капитализма на феномен «селебритиз». Знаменитостей характеризуют в качестве «формы искусства XXI в.», «... фонда коллективного опыта, вокруг которого можно формировать национальное сообщество» [57: 50]. Людям свойственно перенимать ценности и подражать поведению знаменитостей, с которыми они устанавливают парасоциальные отношения [22]. Позиция знаменитостей влияет на отношение людей к уменьшению отрицательных последствий изменения климата [24; 44]. С ростом популярности социальных сетей появляется больше возможностей для мобилизации общественности и социальных движений [52].

Публичная поддержка знаменитостей способствует привлечению внимания средств массовой информации. Политики, осознавая, что вовлечение знаменитостей для продвижения политических интересов может значительно повысить внимание к проблеме, предпочитают содействие звезд, а не политических экспертов или лоббистов [42]. Глобальное изменение климата стало одной из проблем, к поиску решения которой активно призывают знаменитости [21]. Однако поддержка звездами движений в защиту климата иногда расценивается как «показательное спасение» для поддержания их популярности [15]. В то же время ученые рассматривают вовлечение знаменитостей как эффективный способ информирования общественности и развития диалога, что не всегда удается научному сообществу [20].

Многие знаменитости выступают в качестве защитников окружающей среды и используют свою известность для продвижения экологического образа жизни, становясь «лицами» разнообразных зеленых движений [27]. Экологическая политика, проводимая администрацией Д. Трампа, вызвала широкую критику среди представителей массовой культуры. Многие «селебритиз» привлекают внимание к проблеме изменения климата через инициирование или поддержку движений в социальных сетях [9]. Например, аккаунты Л. ДиКаприо в Твиттер (более 18 млн подписчиков) или Инстаграм (более 29 млн подписчиков) почти полностью посвящены разнообразной информации о защите окружающей среды [64; 65]. Ответные сообщения знаменитостей на посты Д. Трампа о глобальном потеплении также вызывают

интерес подписчиков и прессы. А. Гор создал интернет-проект с участием знаменитостей по привлечению внимания к проблеме изменения климата «24 часа реальности» [67]. В конце апреля 2017 года прошел очередной «Марш в защиту климата», что было приурочено к первым ста дням правления президента (Д. Трамп в это время назначил главу Агентства по охране окружающей среды – С. Прюитта). В марше приняли участие такие знаменитости, как А. Гор, Л. ДиКаприо, Л. Пейс, Дж. Фонда, К. Вашингтон, Б. Слоун, Дж. Лето и др.

Одним из наиболее обсуждаемых моментов 88-й церемонии награждения «Оскар» стала речь Л. ДиКаприо в защиту климата. Исследователи отмечают, что в периоды освещения проблемы изменения климата в массовой культуре возрастает количество запросов в поисковых сервисах и употребление в социальных сетях термина «изменение климата». Речь Л. ДиКаприо на кинопремии «Оскар» вызвала большую активность в новостных ресурсах и большее количество поисковых запросов и постов в социальных сетях, чем День Земли 2015 г. или Конференция сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата [34]. На фестивале независимого кино «Сандэнс», который, как правило, быстро реагирует на социально-политические изменения, в 2017-2018 гг. включили в программу отделение, посвященное изменению климата, где были показаны художественные и документальные фильмы, представлена виртуальная реальность, проведено панельное заседание заметных общественно-политических деятелей.

Вечерние ток-шоу значительную часть эфира посвящают политическим вопросам и рассказывают о научных исследованиях на разные проблемы [12]. Проблема изменения климата в сатирических шоу упоминается почти в два раза чаще, чем в традиционной прессе [22]. По мнению Э. Лайзеровица, несмотря на то, что на телевидении не так часто упоминают проблему глобального потепления, комедия может послужить хорошим способом вовлечения людей (особенно молодежи) в диалог по данному вопросу. Он отмечает, что через юмор происходит привлечение тех, кто предпочитает избегать или игнорировать сложные проблемы [23]. Юмор используется для повышения понимания, вовлечения в проблему и формирования механизмов приспособления к условиям современной жизни [14; 16].

Разнообразные ток-шоу, как правило, формируют свой эфир в соответствии с происходящими изменениями в стране и мире и дают комментарии на актуальные вопросы, зачастую в юмористической форме. В эфире подобных передач были освещены политические действия в отношении вопросов изменения климата. Так, в передаче «Субботним вечером в прямом эфире» рассмотрели последний доклад ООН по изменению климата и интервью Д. Трампа каналу CBS, где он выразил сомнение в наличии проблемы изменения климата. В программе в комедийной форме отметили, что для привлечения внимания к проблеме глобального изменения климата стоит больше внимания уделять последствиям, которые повлияют на повседневную жизнь человека, такие как возможное исчезновение пряжи или затопление штата Атланта. В передаче «Позднее шоу со Стивеном

Кольбером» также сделали акцент на влиянии климатических изменений на повседневную жизнь [66], процитировав исследование о том, что изменение климата может привести к повышению цен на пиво в два раза [55]. Подобный подход можно проследить в телепередаче «Ежедневное шоу» или в ток-шоу «В настоящее время с Биллом Маром». В передаче «Джимми Киммел в прямом эфире» для того, чтобы привлечь внимание президента к проблеме изменения климата, пытаются показать, как этот вопрос может повлиять на него лично. В ток-шоу «Во всех деталях с Самантой Би» в связи с происходящими в стране природными катаклизмами целый эпизод был посвящен проблеме изменения климата. В программе «Поздней ночью с Сетом Мейерсом» критикуется политика Э.Р. Уилера во главе Агентства по Охране Окружающей Среды. Помимо телеэфира для расширения аудитории некоторые сегменты передач дублируются на интернет-платформах. Так, наиболее просматриваемым роликом об изменении климата на YouTube (среди видео продолжительностью более 20 мин.) стал фрагмент передачи «События прошедшей недели с Джоном Оливером» о Парижском климатическом соглашении [66].

В связи с фокусом современных медиа на образе жизни знаменитостей механизм «селебритиз» является довольно эффективным способом привлечения общественного внимания к проблеме изменения климата и быстрой мобилизации населения для участия в разнообразных общественно-политических акциях. Однако при некоей «иллюзорности» и отдаленности проблемы изменения климата и наличии острых социальных проблем, которые влияют на общественную жизнь в данный момент и непосредственно, вопрос изменения климата может затеряться в большом потоке информации.

Механизм кино

Исследование эффектов медиа показало, что регулярное воздействие популярной культуры оказывает влияние на восприятие проблем аудиторией, независимо от скептицизма, медийной грамотности или культурного опыта смотрящих [11; 38]. Люди воспринимают информацию, поданную посредством вымышленных сюжетов, и используют ее в общих вопросах восприятия мира [10]. Важными инструментами драматического преподнесения информации об экологической ситуации являются популярные фильмы, они имеют широкий внутрисударственный и международный охват, что позволяет воздействовать на экологическое поведение людей во всем мире. Интенсивная драматизация, используемая в художественных фильмах, влияет на изменение общественного мнения о проблеме изменения климата [18].

Популярность фильмов и научно-популярной литературы об изменении климата привела к появлению нового подразделения научной фантастики – климатическая фантастика (от англ. climate fiction или cli-fi). Просмотр художественных фильмов об изменении климата приводит к большей осведомленности, обеспокоенности и к повышению мотивации изменения поведения. Фильмы о глобальном изменении климата создают возможности для коллективного участия и социального познания, используются в образовательных целях в качестве иллюстрации воз-

можных последствий изменения климата, вызывают эмоциональную реакцию и мотивируют к действиям [37]. Выход новой кинокартины создает информационный повод и сопровождается рекламной кампанией в СМИ и сети Интернет, для продвижения самих фильмов используют знаменитостей.

Однако художественные киноленты зачастую бывают неточными с научной точки зрения, не показывают борьбу с изменением климата, мотивирующую людей к принятию активных действий, а скорее отмечают наличие проблемы, не производя ее морализацию. Фильмы, затрагивающие данную проблему, как правило, не показывают человека в качестве ответственного субъекта [48] и иллюстрируют беспомощность человека перед природными катаклизмами. Позиционирование проблемы изменения климата зачастую происходит через «страх», что может привести к отчуждению и лишить мотивации в борьбе с изменением климата [49].

В 2016-2018 гг. в прокат вышло несколько кинолент, в разной степени затрагивающих проблему изменения климата. Фильм-катастрофа «Геошторм» (2017), в котором изменение климата стало основной проблемой, с которой вынужден бороться главный герой [56], не приобрел популярности у зрителей и кинокритиков и не собрал большие кассовые сборы. К проблеме изменения климата также обратились в картине «Короче» (2017), где для спасения планеты и повышения уровня жизни предлагается возможность уменьшения размера человека, что помогает сократить выбросы углекислого газа и уменьшить потребление [60], фильм не вызвал ажиотажа у зрителей, кассовые сборы не покрыли расходы студии на производство и рекламу. В киноленте «Мама!» (2017) изменение климата показано через аллегорию [61], фильм получил негативную реакцию зрителей, мнения критиков разошлись, кассовые сборы были невысоки. Мультфильм «Моана» (2016) иносказательно затрагивает проблему изменения климата и ее влияние на жителей островов, сюжет произведения выстроен вокруг борьбы героини с экологической катастрофой, угрожающей исчезновению ее дома. В отличие от вышеуказанных фильмов, картина получила положительные отзывы критиков и зрителей и была коммерчески успешна. Проблема изменения климата также упоминается в фильмах «Мир Юрского периода 2» (2018), «Обитель зла: Последняя глава» (2016), «Славные парни» (2016), «Остров собак» (2018), «Бегающий по лезвию 2049» (2017) и др., которые также не имели большого коммерческого успеха.

Работа над вышеперечисленными картинами началась до избрания Д. Трампа, когда проблемы экологии и изменения климата были частью политической программы Б. Обамы. Полнометражные фильмы требуют большого времени производства, имеют высокую себестоимость и, как правило, сопровождаются рекламной кампанией, что не требуется для новостного формата – все это приводит к замедленной реакции на политические изменения. Для Голливуда как индустрии доходность фильмов является одним из основных приоритетов, и плохие кассовые сборы разных по жанру и потенциальной аудитории фильмов, которые затрагивают вопрос изменения климата, могут привести к отказу спонсировать подобные

проекты, несмотря на то, что выделяются разные причины их непопулярности у публики.

Документальное кино и многосерийные научно-популярные фильмы имеют возможность более полного раскрытия проблемы глобального изменения климата, «в эпоху слияния массмедиа полнометражные документальные фильмы становятся местом для альтернативных расследований, дебатов и постановки под сомнение традиционных каналов передачи и оценки знаний» [40]. Документальные картины в сравнении с художественными имеют меньшую аудиторию и, как правило, привлекают людей, которые уже заинтересованы в рассматриваемом вопросе, при этом они воспринимаются как реалистичные и усиливают существующее экологическое поведение [48]. Люди, посмотревшие документальный фильм, демонстрируют большую поддержку деятельности по смягчению последствий изменения климата [31]. Документальное кино в большей степени обращается к зрителям как к общественным акторам и служит для их мобилизации [30].

За последние два года были сняты такие документальные картины, как «Спасти планету» (2016), «Как оставить мир в покое и полюбить все, что климат не может изменить» (2016), «Век последствий» (2016), «В поисках кораллов» (2017), «Взбираясь на гигантов» (2017), «Человеческий элемент» (2018), «Богатство почвы» (2018) и др. В 2017 г. была снята вторая часть коммерчески успешного документального фильма А. Гора «Неудобная правда» – «Неудобная планета», которая привлекла меньшую аудиторию и собрала 3 млн долларов в прокате [63]. В 2016 г. вышел второй сезон документального сериала «Годы опасной жизни», в который в 2014 г. для привлечения большей аудитории в качестве ведущих пригласили голливудских знаменитостей и журналистов.

Сериалы, выходящие в эфир, имеют заданный сюжет, поэтому построить линию вокруг проблемы изменения климата затруднительно, тем не менее, есть возможность введения элементов или посвящения одной из серий проблеме. Например, в сериале «Корпорация» (2016) изменение климата используется в качестве декораций для разворачивающихся событий, а в сериале «Первые» (2018) данный вопрос упоминается в контексте того, стоит ли тратить деньги на экспедицию на Марс, когда на Земле не решена проблема изменения климата. В телесериале «Государственный секретарь», выходящем с 2014 г., проблема изменения климата затрагивалась в серии «Sea Change», где главная героиня советует кандидату в президенты включить вопрос изменения климата в политическую повестку. В сериале «Марс», выходящем с 2016 г., проблема изменения климата рассматривается в серии «We Are Not Alone», а в сатирическом мультимедийном сериале «Южный Парк» в серии «Nobody Got Real?» говорят об отрицании изменения климата. Компания Apple выкупила права на создание нового сериала об изменении климата [58], основанного на статье Н. Рича «Потеря Земли: Десятилетие, когда мы почти остановили изменение климата» [59].

Вдобавок появилось такое явление, как приписывание проблемы изменения климата фильмам и сериалам, сюжет которых не затрагивает данный

вопрос. Это происходит при помощи механизмов мобилизации поп-культуры, т.е. через преднамеренное, инструментальное присвоение феноменов поп-культуры для мобилизации аудитории в политических целях. Например, появилась теория о том, что один из самых популярных сериалов последних лет «Игра престолов» является метафорой к изменению климата. Таким образом, не сам сериал несет в себе идею об изменении климата, а данный смысл передается через интерпретацию комментаторов. Они используют массовую культуру в качестве политического агента, при помощи которого проблема изменения климата становится доступной широкой аудитории, исходя из предположения о том, что если тебе что-то нравится, облегчается процесс восприятия, преодолеваются эмоционально-когнитивные барьеры и происходит вовлечение в проблему через идеи, истории и эмоции, которые связывают с просмотром сериала [43].

С развитием и ростом популярности стриминговых сервисов и размещением фильмов в сети Интернет появляется возможность просмотра фильмов, вышедших из проката [51], а через механизмы мобилизации поп-культуры аудитория вовлекается в проблему при помощи интерпретации уже созданных образов, что создает возможность для формирования общественного мнения в долговременной перспективе.

Подводя итог, можно отметить: механизм «селебритиз» быстро реагирует на происходящие события как со стороны самих знаменитостей, так и в реакции СМИ на их действия. Благодаря фокусу медиа на жизни знаменитостей и все большему распространению социальных сетей механизм «селебритиз» имеет широкий охват аудитории и эффективен для мобилизации населения в краткосрочный период. Механизм кино вследствие ряда причин (время производства, высокая себестоимость, отсутствие гарантий прибыли, непредсказуемость реакции аудитории) не может оперативно реагировать на быстро меняющуюся политическую обстановку в стране. Тем не менее произведения киноискусства дают яркую иллюстрацию и имеют возможность формирования общественного мнения в долговременной перспективе, а не только в период проката. В сложившейся политической обстановке в стране и при том, что большая часть населения США верит в реальность глобального изменения климата, но не готова к активной деятельности, большая адаптивность механизма «селебритиз» позволяет своевременно реагировать на политические инициативы администрации, в то время как механизм кино помогает иллюстрировать последствия игнорирования проблемы. Механизм кино и механизм «селебритиз» имеют разные способы влияния на аудиторию, при этом дополняя друг друга. При отсутствии в краткосрочной перспективе видимых негативных последствий экологической политики нынешней администрации и при том, что проблема изменения климата не являлась основным приоритетом избирателей как на президентских выборах, так и на выборах в Конгресс, механизмы массовой культуры могут стать важными каналами формирования общественного мнения и не позволят затеряться проблеме в повестке дня США.

Библиографический список

1. Белл Д. Массовая культура и современное общество // Америка. 1963. № 103.
2. Болтянский Г.М. Ленин и кино // М.; Л., 1925. С. 326.
3. Ковалев Е. Глобальная продовольственная проблема // Мировая экономика и международные отношения. № 10. 2004. С. 26-34.
4. Костина А.В. Массовая культура: аспекты понимания // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». 2006. № 1. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/2006_1/Kostina/4.pdf (date of access: 01.01.2019).
5. Организация Объединенных Наций, Киотский протокол к рамочной конвенции Организация Объединенных Наций об изменении климата, 1998, 11 декабря.
6. Организация Объединенных Наций, Парижское соглашение, 2015, 12 декабря.
7. Организация Объединенных Наций. Конференцией ООН по окружающей среде и развитию. «Повестка дня на XXI век». 1992.
8. Шапинская Е.Н. Массовая культура: теории и практики. М.: Согласие, 2017. С. 698.
9. Anderson A. Effects of Social Media Use on Climate Change Opinion, Knowledge, and Behavior // Oxford University Press, Oxford Research Encyclopedia of Climate Science. 2017, March. 21 p.
10. Appel M. Richter T. Persuasive effects of fictional narratives increase over time // Media Psychology. 2007. № 10(1). P. 113-134.
11. Balmford A., et. al. Hollywood, Climate Change, and the Public Science // Science. 2004. № 305(5691). P. 1713.
12. Baym G. Stephen Colbert's parody of the postmodern // Satire TV: Politics and comedy in the post-network era / ed.: J. Gray, J.P. Jones, E. Thompson. N.Y.: NYU Press, 2009. P. 123-146.
13. Boden T.A., et al. National CO2 Emissions from Fossil-Fuel Burning, Cement Manufacture, and Gas Flaring: 1751-2014 // Carbon Dioxide Information Analysis Center, Oak Ridge National Laboratory, U.S. Department of Energy, 2017.
14. Boykoff M. Osnes, B. A Laughing matter? Confronting climate change through humor // Political Geography. 2018. Vol. 68. P. 154-163.
15. Boykoff M.T. Goodman M.K. Conspicuous redemption? Reflections on the promises and perils of the "celebritization" of climate change // Geoforum. 2009. № 40(3). P. 404.
16. Brewer P.R., McKnight J. Climate as comedy the effects of satirical television news on climate change perceptions // Science Communication. 2015. № 37(5). P.635-657.
17. Brockington D. Celebrity and the Environment: Fame, Wealth and Power in Conservation. London, UK: Zed Books, 2009. 224 p.
18. Bulfin A. Popular culture and the "new human condition": Catastrophe narratives and climate change / Global and Planetary Change. 2017. №156. P. 140-146.
19. Climate Deregulation Tracker // Columbia Law School. Actions – Sabin Center for Climate Change Law 2019. URL: <http://columbiaclimatelaw.com/resources/climate-deregulation-tracker/all-updates/> (date of access: 10. 02. 2019).
20. DeWitt S.L. Creating Space for Science and Celebrity in the Public Discussion of Climate Change // Thesis. 2006. 250 p.
21. Doyle J., Farrell N., Goodman M. Celebrities and Climate Change // Oxford Research Encyclopedia of Climate Science, Edited by M. Nisbet. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 95-112.
22. Feldman L. Cloudy with a Chance of Heat Balls: The Portrayal of Global Warming on The Daily Show and The Colbert Report // International Journal of Communication. 2013. Vol. 7. P. 430-451.
23. Feldman L., Leiserowitz A., Maibach E.W. The Impact of the Daily Show and the Colbert Report on Public Attentiveness to Science and the Environment // SSRN Electronic Journal. 2011. P. 22-46.
24. Fraser B.P., Brown W.J. Media, Celebrities, and Social Influence: Identification With Elvis Presley // Mass Communication and Society. 2002. Vol. 5. № 2. P. 183-206.
25. Galik Ch.S., DeCarolus J.F., Fell H. Evaluating the US Mid-Century Strategy for Deep Decarbonization amidst Early Century Uncertainty // Climate Policy. 2017. Vol. 17. № 8. P. 1046-1056.
26. Global Shapers Annual Survey 2017 // Report. World Economic Forum. 2017.
27. Goodman M.K., et al. Spectacular Environmentalisms: Media, Knowledge and the Framing of Ecological Politics // Environmental Communication. 2016. Vol. 10. № 6. P. 677-688.
28. Holmes S. 'Starring... Dyer?': Re-Visiting Star Studies and Contemporary Celebrity Culture // Westminster Papers in Communication and Culture. 2005. Vol. 2. № 2. P. 6-21.
29. Horkheimer M. Art and Mass Culture // Critical Theory: Selected Essays. N.Y.: Continuum International Publishing Group, 1972. P. 273-290.
30. Howell R.A. Investigating the Long-Term Impacts of Climate Change Communications on Individuals' Attitudes and Behavior // Environment and Behavior. 2012. Vol. 46. № 1. P. 70-101.
31. Howell R.A. Lights, Camera ... Action? Altered Attitudes and Behaviour in Response to the Climate Change Film The Age of Stupid // Global Environmental Change. 2011. Vol. 21. Vol. 1. P. 177-187.
32. Hutt R. What Are the 10 Biggest Global Challenges? // World Economic Forum. January 21, 2016.. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2016/01/what-are-the-10-biggest-global-challenges/> (date of access: 02.04.2018).
33. Jackson D.J., Darrow Th.I.A. The Influence of Celebrity Endorsements on Young Adults' Political Opinions // Harvard International Journal of Press / Politics. 2005. Vol. 10. № 3. P. 80-98.
34. Leas E.C., et al. Big Data Sensors of Organic Advocacy: The Case of Leonardo DiCaprio and Climate Change // Plos One. 2016. Vol. 11. № 8.
35. Leiserowitz A., et. al. Politics & Global Warming, March 2018 // Yale University, George Mason University. New Haven, CT: Yale Program on Climate Change Communication, 2018. P. 67.
36. MacDonald D. A Theory of Mass Culture // Diogenes. 1953. No. 3. P. 1-17.
37. Manzo K. The Usefulness of Climate Change Films // Geoforum. 2017. Vol. 84. P. 88-94.
38. Marsh E. et. al. Learning Facts from Fiction // Journal of Memory and Language. 2003. Vol. 49. № 4. P. 519-536.
39. Mccracken G. Who Is the Celebrity Endorser? Cultural Foundations of the Endorsement Process // Journal of Consumer Research. 1989. Vol. 16. № 3. P. 310-321.
40. McLagan M., McKee Y. Sensible politics // N.Y.: Zone Books, 2012. P. 304-319.
41. McLuhan M. Understanding Media: the Extensions of Man // New American Library, 1964. P.288.
42. Meyer D.S., Gamson J. The Challenge of Cultural Elites: Celebrities and Social Movements // Sociological Inquiry. 1995. № 65 (2). P. 181-206.
43. Milkoreit M. Pop-cultural Mobilization: Deploying Game of Thrones to Shift US Climate Change Politics // International Journal of Politics, Culture, and Society. 2017. № 1 (32). P. 61-82.
44. Park S. Celebrities' Climate Change Advocacy on Twitter and Its Effects on Public Perception and Behavioral Change // Dissertation, Georgia State University, 2017.
45. President of the United States, Statement by President Trump on the Paris Climate Accord. 2017 URL: <https://>

www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/06/01/statement-president-trump-paris-climate-accord (date of access: 01.01.2019).

46. Presidential Executive Order on Promoting Energy Independence and Economic Growth, March 28, 2017 URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-order-promoting-energy-independence-economic-growth/> (date of access: 01.01.2019).
47. Rojek Ch. Celebrity. London, UK, Reaktion Books Ltd. 2001. P. 210.
48. Sakellari M. Cinematic climate change, a promising perspective on climate change communication // Public Understanding of Science. 2014. № 7 (24). P. 827-841.
49. Schneider-Mayerson M. Disaster Movies and the 'Peak Oil' Movement: Does Popular Culture Encourage Eco-Apocalyptic Beliefs in the United States? // Journal for the Study of Religion, Nature and Culture. 2013. № 3 (7). P. 289-314.
50. Schroeder A. Celebrity-In-Chief: How Show Business Took over the White House. Basic Books, 2004. P. 368.
51. Sharma R. The Netflix Effect: Impacts of the Streaming Model on Television Storytelling // Thesis, Middletown, Connecticut, Wesleyan University, 2016.
52. Thrall A.T. et al. Star Power: Celebrity Advocacy and the Evolution of the Public Sphere // The International Journal of Press/Politics. 2008. № 4 (13). P. 362-385.
53. Unlocking the Inclusive Growth Story of the 21st Century: Accelerating Climate Action In Urgent Times // Report. The New Climate Economy. The Global Commission in the Economy and Climate, 2018. URL: <https://newclimateeconomy.report/2018/> (date of access: 01.01.2019).
54. Wolfe A. FY19 Budget Request: 20% NOAA Cut Targets Research, Forecasters // American Institute of Physics. Science Policy News from AIP. № 19, February 21, 2018. URL: <https://www.aip.org/> (date of access: 01.01.2019).
55. Xie W. et al. Decreases in global beer supply due to extreme drought and heat // Nature Plants. 2018. № 11 (4). C. 964-973.

Периодические издания:

56. 'Geostorm' Director Dean Devlin on His First Feature Film // Rappler, 9 Oct. 2017. URL: www.rappler.com/entertainment/news/184605-director-dean-devlin-geostorm-interview (date of access: 01.01.2019).
57. Gabler N. The Greatest Show on Earth // Newsweek. Vol. 154. № 25. 21 Dec. 2009. P. 62.
58. Holloway D. Apple Lands 'Losing Earth' Rights // Variety, 21 Aug. 2018. URL: <https://variety.com/2018/tv/news/apple-losing-earth-1202911657/> (date of access: 01.01.2019).
59. Rich N. Losing Earth: The Decade We Almost Stopped

Climate Change // The New York Times, 1 Aug. 2018. URL: www.nytimes.com/interactive/2018/08/01/magazine/climate-change-losing-earth.html (date of access: 01.01.2019).

60. Romney J. Alexander Payne on Downsizing: 'The Film Isn't a Major Statement – It's a Metaphor' // The Guardian, 7 Jan. 2018. URL: www.theguardian.com/film/2018/jan/07/alexander-payne-downsizing-interview-matt-damon (date of access: 01.01.2019).
61. Ryzik, M. Making "Mother!," the Year's Most Divisive Film // The New York Times, 19 Sept. 2017. URL: www.nytimes.com/2017/09/19/movies/jennifer-lawrence-darren-aronofsky-mother-explained.html?_r=0 (date of access: 01.01.2019).
62. Siegel E. Winners And Losers In NASA's Budget For 2018 And Beyond // Forbes, 27 Mar. 2018. URL: <https://www.forbes.com/sites/startswithabang/2018/03/27/winners-and-losers-in-nasas-budget-for-2018-and-beyond/#44ef7db62ca1> (date of access: 01.01.2019).
63. Toto C. Hollywood Tries to Save the Earth, but Moviegoers Aren't Buying Eco-Messages Anymore // The Washington Times, 28 Dec. 2017. URL: m.washingtontimes.com/news/2017/dec/28/global-warming-films-flop-box-office-2017/ (date of access: 01.01.2019).

Интернет-ресурсы:

64. URL: <https://www.instagram.com/>.
65. URL: <https://twitter.com/>.
66. URL: <https://www.youtube.com/>.
67. URL: [https://www.climateactproject.org.](https://www.climateactproject.org/)

Works Cited

1. Bell D. Massovaya kul'tura i sovremennoye obshchestvo // Amerika. 1963. № 103.
2. Boltyanskiy G.M. Lenin i kino // M.; L., 1925. S. 326.
3. Kovalev E. Global'naya prodovol'stvennaya problema // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya. № 10. 2004. S. 26-34.
4. Kostina A.V. Massovaya kul'tura: aspekty ponimaniya // Elektronnyy zhurnal «Znaniye. Ponimaniye. Umeniye». 2006. № 1. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/2006_1/Kostina/4.pdf (date of access: 01.01.2019).
5. Organizatsiya Ob'yedinennykh Natsiy, Kiotskiy protokol k ramochnoy konventsii Organizatsiya Ob'yedinennykh Natsiy ob izmenenii klimata, 1998, 11 dekabrya.
6. Organizatsiya Ob'yedinennykh Natsiy, Parizhskoye soglasheniye, 2015, 12 dekabrya.
7. Organizatsiya Ob'yedinennykh Natsiy. Konferentsiyey OON po okruzhayushchey srede i razvitiyu. «Povestka dnya na XXI vek». 1992.
8. Shapinskaya E.N. Massovaya kul'tura: teorii i praktiki. M.: Soglasiye, 2017. S. 698.

Политическая элита как субъект и объект общественно-политического дискурса*

*Статья подготовлена в рамках проекта Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем Министерства науки и высшего образования РФ на 2019 г. «Мониторинг этноконфессиональной и миграционной ситуации на основе модели Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем накануне Всероссийской переписи населения в регионах Северо-Кавказского федерального округа (Ставропольский край, Республика Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарская Республика и Карачаево-Черкесская Республика)»

В рамках настоящей статьи под общественно-политическим дискурсом мы понимаем целенаправленно конструируемое пространство информационно-коммуникативного взаимодействия политических субъектов с общественными и политическими акторами. В результате такого взаимодействия вырабатываются и легитимируются обобщенные стратегии развития общественно-политической системы, обеспечивая ее публичную структурированную консолидацию. Необходимыми условиями достижения последней выступают публичный плюрализм и публичная многосубъектность разработки, принятия, реализации и контроля политико-управленческих решений.

В общественно-политическом дискурсе как в пространстве публичной политики политическая элита является одновременно и объектом, и субъектом общественно-политического дискурса как пространства публичной политики. В первом случае она обеспечивает его порождение и соответствующее конструирование. Во втором случае она сама выступает объектом институтированного структурирования.

Политическая элита как субъект общественно-политического дискурса обеспечивает политическое целеполагание [9], которое выступает одним из факторов институтирования общественно-политического дискурса [3: 231-233]. Политическое целеполагание, представляя собой программное и проектное закрепление направлений политической деятельности, прямо или косвенно способствует формированию и последующему развитию общественно-политического дискурса. Целеполагание политико-властной элиты РФ формализуется, в частности, в программах и проектах политических партий, политических лидеров и ведущих политиков [12: 52]. Оно характеризуется динамичностью и адаптивностью и имеет комплексный, многосоставной характер [1: 23-25] и должно соответствовать актуальным вызовам и проблемам общественно-политического развития страны [7: 263].

Проведенный нами анализ партийных программ ведущих российских партий позволил выделить ключевые составляющие целеполагания политической элиты. Выделим среди них: 1) организацию эффективного контроля со стороны гражданского общества над бюрократией; 2) развитие конкурентной политической системы; 3) создание механизмов участия граждан в противодействии коррупции, например, в сфере государственных закупок; 4) развитие системы защиты и реализации прав граждан.

Благодаря выделенным составляющим це-

леполагания демократическая политическая система современной РФ приобретает зрелые механизмы прямого действия, постоянного участия граждан в политике и управлении, эффективные каналы диалога, общественного контроля, коммуникаций и «обратной связи» [4: 249]. В то же время, выступая объектом общественно-политического дискурса, политическая элита сама испытывает его структурирующее воздействие. Данный процесс обеспечивается посредством институтированного рекрутирования субъектов общественно-политического дискурса, под которым мы понимаем целенаправленное конструирование субъектов общественно-политического дискурса и последующее их вовлечение в пространство публичной политики.

Анализ особенностей рекрутирования субъектов общественно-политического дискурса представляется целесообразным проводить с учетом конкретного его типа [10: 425]. Как правило, либо общественные субъекты инкорпорируются в конкретную институтированную форму для решения конкретной задачи [11: 160], либо уже существующие организации общественно-политического дискурса задействуются для генерирования конкретного дискурса.

Для конкретизации типов институтированного рекрутирования субъектов общественно-политического дискурса нами используются следующие критерии: 1) ограниченность/неограниченность вовлекаемых (рекрутируемых) субъектов, 2) широта спектра предполагаемых к решению задач. Комбинация данных критериев позволяет выделить следующие типы институтированного рекрутирования субъектов общественно-политического дискурса: фронтовой; целевой; субъектно-ориентированный; субъектно-целевой.

Фронтовой тип предполагает объединение широкого (неограниченного) круга субъектов для их включения в общественно-политический дискурс для решения определенных политических задач. Типичным примером данного типа рекрутирования стало создание весной 2011 г. по инициативе Президента РФ В.В. Путина Общероссийского народного фронта (ОНФ) [2].

Целевой тип предполагает объединение широкого круга общественных субъектов для решения конкретной задачи (ограниченного круга задач). Примером целевого рекрутирования выступает создание движения «Антимайдан» [5], в состав которого вошел широкий круг общественных субъектов – байкеры, казаки, политики, писатели, общественные активисты – для противостояния так называемой «пятой колонне».

Субъектно-ориентированный тип предполагает вовлечение, объединение ограниченного круга субъектов для решения широкого круга задач. Примером подобного типа рекрутирования выступает Международный дискуссионный клуб «Валдай» [6] как периодическое собрание известных экспертов, специализирующихся на изучении внешней и внутренней политики России [8: 263].

Субъектно-целевой тип рекрутирования предполагает вовлечение конкретных субъектов для решения определенных задач. Данный тип рекрутирования может быть проиллюстрирован созданием различных молодежных общественно-политических организаций, которые, во-первых, ориентированы на конкретный субъект – молодежь, и, во-вторых, создаются для системной политической социализации молодежи, в том числе, и для противостояния внесистемным молодежным движениям.

Исследование институирования общественно-политического дискурса как пространства публичной политики позволяет выделить функциональные политико-управленческие ресурсы, обеспечивающие, в том числе, и субъектирование и структурирование политической элиты в общественно-политическом дискурсе. К таким ресурсам мы относим:

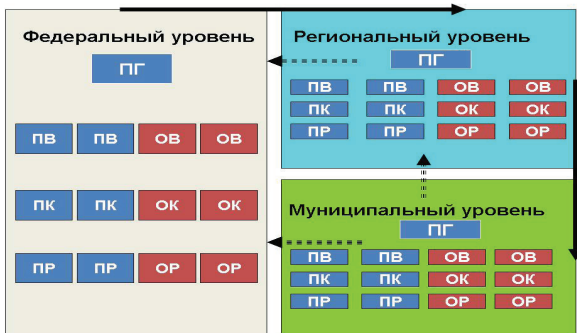
1) исполнение политико-управленческой и политико-административной элитой ведущей роли в организации и осуществлении власти федерального уровня;

2) обеспечение органами государственной власти федерального уровня (Президент РФ, Администрация Президента РФ, Государственная Дума ФС РФ, Правительство РФ) структурирования политической сферы;

3) сегментирование общественных субъектов в ходе их включения в политический процесс;

4) систематизацию институированного взаимодействия государства и общества на всех уровнях политического процесса.

Использование данных ресурсов ведущими субъектами общественно-политического дискурса привело к формированию системы его соподчиненных уровней, ведущим из которых является федеральный уровень (см. Рис. 1.).

Рис. 1. Функционирование центра общественно-политического дискурса по его уровням, где:
ПГ – политический генератор; ПВ – политический вариатор; ПК – политический коннектор; ПР – политический резонатор; ОВ – общественный вариатор; ОК – общественный коннектор; ОР – общественный резонатор

Из данного рисунка следует, что на каждом уровне публичного управления выстраивается соответствующий уровень общественно-политического дискурса с присущими ему политическими и общественными элитными группами. Важно отметить соподчинение данных уровней: содержание общественно-политического дискурса федерального уровня поддерживается соответствующим содержанием общественно-политических дискурсов регионального и муниципального уровней. При этом на каждом уровне воспроизведены все роли и функции политической и иной элиты.

Библиографический список

1. Аствацатурова М.А., Дзахова Л.Х. Партийность как фактор модернизации политической системы современной России: монография. М.А. Аствацатурова, Л.Х. Дзахова. 2011. 276 с.
2. Владимир Путин перешел линию фронта. Лидер «Единой России» вводит в бой народное ополчение // Газета Коммерсант. № 81 (4622). 07.05.2011. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1636862> (дата обращения: 28.02.2019).
3. Горбунов А.П. Основы социального менеджмента / Под редакцией доктора экономических наук, профессора Б.Я. Гершковича. Пятигорск, 1999. 788 с. 231-233.
4. Кобышева Е.И., Головченко И.Ф. Сравнительный анализ медиации и иных альтернативных способов урегулирования споров и защиты частных интересов субъектов экономической деятельности // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2013. № 2. С. 249-252.
5. Манифест движения «Антимайдан» // Официальный сайт движения «Антимайдан». URL: <https://antimaidan.ru/page/9> (дата обращения: 28.02.2019).
6. Международный дискуссионный клуб «Валдай» // Официальный сайт Международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: <http://ru.valdaiclub.com/about/valdai/> (дата обращения: 28.02.2019).
7. Соловьева Е.А. Интернет и онлайн-средства массовой информации: пути противодействия акциям информационно-психологической агрессии в контексте обеспечения информационной безопасности Российской Федерации // Общественно-политический и информационный дискурс: современные сюжеты, проблемы и тенденции Сборник научных трудов. Пятигорск, 2012. С. 131-141.
8. Соловьева Е.А. Информационное противоборство в сети интернет // Социально-гуманитарные знания. 2011. №8. С. 263-268.
9. Целеполагание в политике // Политология. Словарь. М: РГУ. В.Н. Коновалов. 2010. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/250/%D0%A6%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5> (дата обращения: 24.02.2019).
10. Чекменев Д.С. К вопросу о комиссиях по урегулированию споров как элемента организационно-правового механизма разрешения конфликтных ситуаций между студентами и другими участниками образовательных отношений // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2014. №4. С. 425-430.
11. Чекменев Д.С. Колебания общественных настроений в России на различных этапах осуществления «радикальных реформ» (90-е гг. XX в.) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2005. №3-4. С. 159-163.
12. Dacheux E. L'impossible défi. La politique de communication de l'Union européenne. - Paris: CNRS Editions, 2004. 373 p.

Works Cited

1. Astvatsurova M.A., Dzakhova L.KH. Partynost' kak faktor modernizatsii politicheskoy sistemy sovremennoy Rossii. Monografiya. M.A. Astvatsurova, L.KH. Dzakhova. 2011. 276 s.
2. Vladimir Putin pereshël liniyu fronta. Lider «Edinoy Rossii» vvodit v boy narodnoye opolcheniye // Gazeta Kommersant. № 81 (4622). 07.05.2011. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1636862> (data obrashcheniya: 28.02.2019).
3. Gorbunov A.P. Osnovy sotsial'nogo menedzhmenta / Pod redaktsiyey doktora ekonomicheskikh nauk, professora B.YA. Gershkovicha. Pyatigorsk, 1999. 788 s. 231-233.
4. Kobysheva E.I., Golovchenko I.F. Sravnitel'nyy analiz mediatsii i inykh al'ternativnykh sposobov uregulirovaniya sporov i zashchity chastnykh interesov sub'yektov ekonomicheskoy deyatel'nosti // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2013. № 2. S. 249-252.
5. Manifest dvizheniya «Antimaydan» // Ofitsial'nyy sayt dvizheniya «Antimaydan». URL: <https://antimaida.ru/page/9> (data obrashcheniya: 28.02.2019).
6. Mezhdunarodnyy diskussionnyy klub «Valday» // Ofitsial'nyy sayt Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valday». URL: <http://ru.valdaiclub.com/about/valdai/> (data obrashcheniya: 28.02.2019).
7. Solov'yeva E.A. Internet i onlaynovyye sredstva massovoy informatsii: puti protivodeystviya aktsiyam informatsionno-psikhologicheskoy agressii v kontekste obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii // Obshchestvenno-politicheskiy i informatsionnyy diskurs: sovremennyye syuzhety, problemy i tendentsii Sbornik nauchnykh trudov. Pyatigorsk, 2012. S. 131-141.
8. Solov'yeva E.A. Informatsionnoye protivoborstvo v seti internet // Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya. 2011. №8. S. 263-268.
9. Tselepolaganiye v politike // Politologiya. Slovar'. M: RGU. V.N. Konovalov. 2010. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/250/Tselepolaganiye> (data obrashcheniya: 24.02.2019).
10. Chekmenev D.S. K voprosu o komissiyakh po uregulirovaniyu sporov kak elementa organizatsionno-pravovogo mekhanizma razresheniya konfliktnykh situatsiy mezhdru studentami i drugimi uchastnikami obrazovatel'nykh otnosheniy // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2014. №4. S. 425-430.
11. Chekmenev D.S. Kolebaniya obshchestvennykh nastroyeniy v Rossii na razlichnykh etapakh osushchestvleniya «radikal'nykh reform» (90-e gg. XX v.) // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2005. №3-4. S. 159-163.

Анализ новых языковых разновидностей как комплексная цель современной англистики

(Бородина Д.С. *Транснациональный английский язык в англо-скандинавском билингвизме*.
Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. 324 с.)

Время наше уникально во многих отношениях; а для лингвиста, который интересуется не только языком, но и *языками*, их разнообразными, сложными, не всегда очевидными и часто игнорируемыми взаимоотношениями, это время еще и открывает ранее не известные, исключительные исследовательские направления.

Расцвет теории языковых контактов пришелся на вторую половину прошлого века и был связан с именами Эйнара Хаугена и Уриеля Вайнрайха (США), Андре Мартине (Франция) и Ал. Росетти (Румыния), но возникновение и становление этого учения следует искать раньше, в работах немца Хуго Шухардта и русских лингвистов Бодуэна де Куртене и Л.В. Щербы. Сохраняя ценность своих базовых постулатов относительно природы билингвизма, механизмов переключения кодов, интерференциальных отношений, языкового субстратирования и суперстратирования, эта теория к настоящему моменту претерпела и значительные изменения, устремившись в сторону существенного расширения собственного исследовательского поля. Парадоксальным, но и закономерным образом данная лингвистическая область фокусирует внимание на одном языке – правда, в его преломлении на обязательном фоне многих других. Речь идет о языке (для каждого «нового» исследования по теории контактов он, действительно, один), который возникает в результате длительного совместного функционирования и продуктивного контактирования двух и более национальных языков; о языке, вполне соотносимом со своим «ныне здравствующим» базовым идиомом, но отличающемся от него функциональной спецификой, отношением к норме (точнее, отклонением от нее) и, главное, массовым пользователем. Этот пользователь сегодня свободно передвигается по планете, он так же легко общается в реальном времени без физического присутствия собеседника (Интернет); он принципиальный билингв, и его билингвальные способности в значительной мере увеличивают и усиливают его коммуникативные ресурсы. Несложно догадаться, что первым языком в этой ситуации будет родной язык субъекта, а на роль второго, «транснационального», больше всего прав заявляет сейчас английский.

Во введении к своей книге крымчанка Дарья Сергеевна Бородина – со ссылкой на новейшие работы – указывает: сегодня явственно ощутима «необходимость изучения коммуникативных контекстов,

в которых активизируются процессы перехода АЯ (английского языка. – С.Н.) от статуса иностранного к статусу второго языка. <...> Англо-местный билингвизм формируется не только в ситуации межкультурного общения, но и в общении между другими билингвами внутри данного сообщества» (с. 5-6). Местом действия (современного английского) в монографии выступает скандинавский мир, а активным культурным, историческим и языковым фоном – датский, шведский и норвежский языковые контексты. Чтение книги лишней раз убеждает в жизненности и справедливости цитаты.

Глава 1 посвящена краткой характеристике языковой ситуации и языковой политики в трех скандинавских странах. Не нужно быть глубоким специалистом, чтобы видеть, что среди стран, где английский устойчиво употребляется как второй (а это более 60 государств – бывшие британские колонии, члены Британского Содружества наций, страны «расширяющегося круга» по Б. Кэчру [1: 18]), именно скандинавские проявляют к английскому предельную открытость и толерантность. Для этого существует немало объективных исторических, политических, экономических, культурных («АВВА» пели все же по-английски) предпосылок. Однако на деле всё оказывается сложнее: и в Скандинавии («и» потому, что тут возможна аналогия с соответствующими общественными явлениями стран романских языков и не только, – например, Германии), особенно в 1990-е годы, наблюдались пуристские настроения и призывы к ужесточению мер вплоть до принятия государственных законов. Наряду с факторами, с наибольшей очевидностью способствующими дальнейшему распространению английского, выступили еще три: непрекращающаяся иммиграция, членство в Евросоюзе, университетская образовательная рутинка.

Во 2-й главе обсуждается статус английского языка и его аттитюдные стереотипы в лингвокультурном пространстве Скандинавии; рассматривается проблема точной квалификации АЯ как иностранного и как второго языка, а также его «статусного перехода». Показательно, что уже в этом разделе монографии к выкладкам по Дании, Швеции и Норвегии подключены данные по Нидерландам и Финляндии, что вполне обосновано языковой ситуацией в этих странах.

Значительный интерес, на наш взгляд, представляет глава 3, в которой Д.С. Бородина переносит

внимание на английский как *lingua corporative*, язык корпоративного бизнеса, и *lingua academica*, язык образования и науки. Обратим внимание: выделение двух названных разновидностей на скандинавском полуострове не вступает в сущностный конфликт с известным и неплохо описанным английским как *lingua franca* (Дж. Дженкинс [2], Б. Зайдлхофер [3]), не создает ему конкуренции, но дополняет его, тем самым раздвигая функционально-коммуникативные пределы и демонстрируя внутренние резервы транснационального идиома.

Среди иных ключевых понятий социолингвистики возникают *домены*, введенные в оборот еще в 1970-е годы Дж. Фишманом; это основные кластеры ситуаций языкового взаимодействия в определенных мультилингвальных окружениях. В языковых сообществах возможна динамика доменов и утрата доменов, отказ от доменов, их реставрация и искусственное культивирование (с. 105-111).

Последняя, 4-я глава названа «Структурно-семантические особенности английского языка в скандинавских странах». По-видимому, этот раздел можно назвать самым «лингвистичным» в книге: начинается он с параграфа об англицизмах в современных скандинавских языках, продолжается обзором структурно-семантических особенностей английского в условиях трех вариантов билингвизма – датско-английского, шведско-английского и норвежско-английского. Анализируется проблематика взаимодействия английского и национальных языков, переключения кодов, параллельного (языкового) университетского образования.

В Заключении автор отмечает: «В контекстах скандинавского сообщества параллельное использование языков выступает как инструмент вторичной социализации всех его членов». То есть, эти люди «имеют возможность активизировать транснациональный английский язык» и в то же время использовать «национальный язык, способствующий их идентификации с исходным национальным сообществом» (с. 200).

Среди достоинств книги Д.С. Бородиной отметим ее высокую информативность: к аргументации подключен большой массив цифровых данных из оригинальных зарубежных исследований. Труднодоступная для нас статистика верифицирует основные положения труда, а табличное ее представление облегчает читателю восприятие непростых, подчас достаточно нетривиальных идей.

Приложение содержит тексты авторских интервью с информантами из трех скандинавских стран, а также материалы, найденные на интернет-сайтах. Особо упомянем Библиографию (531 наименование), более чем на 70% состоящую из трудов зарубежных ученых.

Нам все же думается, что ограничение ареала изучаемого языкового феномена скандинавскими странами носит несколько искусственный характер: пишущий эти строки с большим интересом наблюдал во многом аналогичную (в чем-то, разумеется, и отличную) картину в университетах других стран Европы, например, в Нидерландах.

К сожалению, в книге относительно слабо представлен собственный аналитико-исследовательский компонент; многие страницы читаются как добротный реферат или обзор изданных на Западе изысканий.

Заглавие, на наш взгляд, могло бы выглядеть более корректно: не «английский язык в <...> билингвизме», а «в условиях» или «в ситуации» билингвизма (кстати, такие формулировки видим в названиях параграфов). Повтор корня «англ» в заглавии из всего пяти полнозначных слов вызывает некоторый дискомфорт при восприятии и осмыслении. А сложный адъектив «англо-скандинавский» (о билингвизме) подразумевает языковую иерархию и приоритеты, о которых, кажется, с уверенностью говорить пока рано.

Наши критические комментарии не снижают положительного впечатления от труда Д.С. Бородиной – книги интересной, полезной, поучительной с позиций включенной в нее эмпирики, использованной методологии и логики рассуждений, заявленного круга современных теоретических проблем.

Библиографический список

1. Kachru Braj B. Standards and codification and sociolinguistic realism: The English language in the outer circle // R. Quirk, H.G. Widdowson (eds). English in the world: Teaching and learning the language and literatures. Cambridge, Cambridge University Press, 1985. P. 11-30.
2. Jenkins J. Global Englishes. A resource book for students. 3rd ed. London & New York. Routledge Publishing Company. 2015. 280 p.
3. Seidlhofer B. Closing a Conceptual Gap: the Case for a Description of English as a Lingua Franca // International Journal of Applied Linguistics. 2001. Vol. 11. No. 2. P. 133-158.

Креативная трансформация научных парадигм

Горбунов А.П.

Как управлять миром, позитивно преобразовывая его: креационно-эволюционная транспарадигматика и транспараметрика, трансконсоциотика и транссинергетика единосмыслового мироустройства

Статья посвящена вопросам позитивного преобразования мироустройства с точки зрения эволюционной транспараметрики, транссинергетики, транспарадигматики и трансконсоциотики. Автор рассматривает структуру социально-гуманитарного и организационно-управленческого знания посредством анализа условий и возможностей осуществления социальных изменений, объективно обусловленных самим ходом развития и интеграции различных областей знания. Эмпирическим путем преодолеваются границы социально-гуманитарного знания благодаря применению новых методологических подходов, которые носят общенаучный характер и позволяют преобразовывать саму картину мира. В статье приводится обобщение (сверх-сверхсообобщение и сверх-сверхсообобщение) всей (сверх-сверхвсей) сосмысловостной содинамики, содинамичности самосо(про)движения (самосоразвития и самосопреобразования). Обобщив, сверх-сверх(транс)сообобщив сотипы (соуровни, соспособы и т.д.) управленческой организации, автор получает практически-стратегический управленческий инструментарий (сверх-сверх(транс)соинструментарий), имеющий предсказательный характер (сверх-сверхопредсказательностный сверх-сверхсохарактер), что позволяет с полным знанием дела осуществлять скоординированные (сверх-сверх(транс)сооскоординированные) и полностью осмысленные (сверх-сверхсополностью сверх-сверх(транс)соосмысленные), сверх-сверх(транс)всемерсоосмысленностные преобразования, сверх(транс)сопреобразования и сверх-сверх(транс)сопреобразования.

Ключевые слова: *переинтерпретация, сверх(транс)уровень, сверх(транс)диалектика, методологический подход, мироустройство, самоорганизация, самосоразвитие, самосопреобразование, инновация, соуровень, соспособ, сотип, сверх(транс)всепреобразовательность, креационно-эволюционная транспарадигматика, транспараметрика, трансконсоциотика, транссинергетика, управленческий инструментарий.*

Русский язык: история, современность и перспективы развития

Тамбиева Ф.А., Черкасова Г.В., Швелидзе Н.Б.

Антонимические оппозиции в сфере глагольной фразеологии со значением поведения

Системные семантические связи, существующие в смысловой структуре фразеологизма и между значениями фразеологических единиц, отражают такие многоступенчатые и неоднолинейные отношения, как полисемия, синонимия, антонимия, вариантность. Фразеологизмы являются антонимичными, если у них присутствуют общие (тождественные) или противоположные (контрарные, контрадикторные) компоненты значений, а также если они употребляются в антонимичных контекстах и имеют одинаковую сферу лексической сочетаемости. Фразеологическая антонимия не распространена широко, во-первых, вследствие индивидуального характера фразеологического значения, расхождения этимологических образов. Фразеологизмы могут быть противоположными по значению, но не быть антонимичными, так как их антонимические образы не связаны друг с другом. Фразеологизмы вступают в антонимические отношения, если их противоположность распространяется на все элементы значения. В статье рассмотрены семантические типы фразеологических антонимов поля поведения, структурные типы, антонимичные значения многозначных фразеологических единиц.

Ключевые слова: *антонимия, фразеологические антонимы, фразеологический образ, этимологический образ, противоположность, значение, контрарность, антонимическая оппозиция, глагол, глагольная фразеология, поведение, полисемия, синонимия, вариантность, лексическая сочетаемость.*

Швелидзе Н.Б.

Семантические модификации в сфере нумеративных фразеологизмов с компонентом-числительным

Предметом исследования выступают фразеологические единицы, содержащие компонент-числительное «два», «три», «семь». Термин «фразеологизм» понимается в рамках семантической концепции во фразеологии. Обращено внимание на существующие научные работы в этой области и сделанные в них выводы. Подробно исследуются семантические модификации в сфере нумеративных фразеологизмов с компонентом-числительным. Автор приходит к выводу о том, что имя числительное в составе нумеративных фразеологизмов может сохранять количественное значение, может менять значение точного количества на абстрактное, обобщенное, близкое к семантическим полям «много» и «мало». Каждый случай колебания в семантике числительного в составе фразеологизма сопровождается повышенной экспрессией, дополнительными коннотативными оттенками значения, а также созданием яркого фразеологического образа.

Ключевые слова: *имя числительное, нумеративный фразеологизм, значение, семантическое поле, фразеологический образ, качественное значение, фразеологизм, фразеология, семантическая модификация, компонент, количественное значение, количество, семантика, коннотация.*

Структурные, функциональные и когнитивно-семантические аспекты изучения германских языков

Волошин Ю.К.

Репрезентация концепта TIME в английском языке

В статье рассматривается репрезентация концепта TIME в современном английском языке – в английской фразеологии, включая паремии, и в афоризмах английских, американских, французских и других писателей и общественных деятелей. Время – базовое понятие науки, философии, культуры. Фразеологические единицы – сложные семиотические знаки, часть информационно-коммуникативной системы, которая хранит и передает информацию следующим поколениям. Паремии с лексемой time аккумулируют и транслируют опыт предков, щедро делятся советами, часть из них наполнена философским смыслом, они отражают менталитет народа. Отмечается наличие вариантов у ряда паремий, особенно в американском ареале. Цель статьи – анализ репрезентации концепта TIME в современном английском языке. Были отобраны около 160 пословиц и поговорок, более 90 фразеологических единиц и ряд афоризмов с анализируемой лексемой из различных лексикографических справочников, пособий, сборников афоризмов. В процессе исследования применялись такие методы как контекстуальный, дефиниционный и компонентный анализ. Автор приходит к выводу о том, что лексема time является высокочастотной и встречается в различных текстах и дискурсах.

Ключевые слова: время, фразеологическая единица, паремия, афоризм, семиотика, вариант, репрезентация, концепт, концептосфера, когнитивная лингвистика, пословица, поговорка, менталитет, фразеологизм, лексема.

Дымова А.В.

Цветовое метафорическое моделирование протестности на иконическом уровне в британском и американском рок-дискурсе

Цель статьи состоит в том, чтобы проанализировать использование красного, синего и желтого цветов в моделировании протестности. Материалом для исследования послужил иконический уровень британского и американского рок-дискурса, т.е. обложка как графическая часть рок-текста. Ключевым методом данного исследования выступает метафорическое моделирование как средство установления и анализа устойчивых переносов, характерных в рамках конкретных культур. Автор представляет краткий обзор того, что было ранее изучено в сфере цветоанализа. Также в рамках статьи рассматриваются такие метафорические модели как RED – REVOLUTION / RADICALITY, BLUE – ROWDINESS, YELLOW – PROTEST в отношении британского и американского рок-дискурса. Автор приводит конкретные примеры для каждой из моделей, а также подробное описание лингвокультурной специфики образных категорий, формирующих данные модели, с целью сопоставительного анализа. Исключение составила метафорическая модель протестности, основанная на синем цвете, так как именно она была выявлена исключительно в отношении американского рок-дискурса.

Ключевые слова: цвет, метафорическая модель, протестность, рок-дискурс, британский рок-дискурс, американский рок-дискурс, красный цвет, синий цвет, желтый цвет, концепт, концептуальное наполнение, модель, иконический уровень, обложка, цветоанализ.

Мартынова Е.А., Романчук В.О.

Политические аллюзии и языковые средства отражения политических реалий в тексте англоязычных антиутопий

Многие исследователи обращались к проблеме изучения антиутопических произведений, благодаря чему были сформулированы подходы к их изучению в различных науках, в частности в литературоведении и философии. Лингвистические проблемы антиутопии до сих пор не получили полного научного освещения, чем и обосновывается актуальность исследования. Целью работы выступает выявление специфики использования политической интертекстуальности и языковых средств отражения политических реалий в англоязычных антиутопиях XX в. В статье предпринимается попытка рассмотреть возможные точки соприкосновения художественного текста антиутопий и политического дискурса. В результате авторы статьи делают вывод о том, что исследуемые антиутопии наполнены политическими аллюзиями и содержат интертекстуальные включения, которые дают понять, что эти произведения создавались как политические. Авторы антиутопий используют изобразительные и выразительные средства языка при отражении политических реалий в тексте с целью выделения эмоционально-экспрессивных аспектов политического языка. Являясь образцами художественного дискурса, англоязычные антиутопии содержат ведущие признаки политического дискурса, что доказывает наличие точек соприкосновения разных видов дискурса.

Ключевые слова: англоязычная антиутопия, политический дискурс, художественный дискурс, интертекстуальность, изобразительное средство, выразительное средство, политические реалии, политический язык, политическая аллюзия, тоталитарная система, реминисценция, ирония, идеология, политическая реальность.

Редкозубова К.Ю., Черкасова И.П.

Репрезентация концепта «LOVE» в рамках современного художественного дискурса (на материале романа С. Ахерн «P.S. I Love you»)

Основной художественного дискурса является система концептов. Концепт представляет собой совокупность смыслов, репрезентирующих важную в пространстве конкретного дискурса аксиологическую категорию. Концепты вербализуются в соответствии с характером и своеобразием материальной, духовной и социальной культуры, в тесной связи с лингвистическими и прагматическими составляющими. При появлении концепта в различных контекстах происходит частичное измене-

ние его структурно-семантического наполнения. Статья посвящена изучению семантического наполнения и репрезентации концепта «LOVE» в художественном дискурсе на материале романа С. Ахерн «P.S. I love you». Дискурс рассматривается как сложное структурно-семантическое образование, аксиологическая система, обладающая определенной функциональной перспективой. Представлено изменение структурно-смысловой организации концепта при переходе от контекста к контексту. На иллюстративных примерах доказано частичное сохранение смыслов, а также представлены вариативные смыслы. Материал может быть использован в процессе анализа лингвокультурных концептов в рамках религиозного, художественного и масс-медийного дискурсов. Результаты исследования могут найти применение в учебных курсах по теории языка, теории дискурса, стилистике, интерпретации текста, теории и практике перевода.

Ключевые слова: дискурс, концепт, понимание, интерпретация, любовь, художественная литература, аксиология, репрезентация, художественный дискурс, роман, С. Ахерн, концептосфера, когнитивная лингвистика, контекст.

Шабанов О.А., Шарифзода Х.М.

Теория ролевой семантики в трактовке категории залога в современном английском языке

В статье показано, что семантика залоговых отношений может выражаться не только грамматическими категориями. Дается анализ различных точек зрения на семантическую природу залоговых отношений. Приводятся различные классификации залогов. Так называемые возвратный, взаимный и средний залоговые предложения предлагается рассматривать в рамках ролевых отношений, т.е. на уровне семантической структуры предложения. Семантика залоговых отношений интерпретируется в тесной связи со структурой семантической роли субъекта при предикате. Активный залог предиката соотносится с семантической ролью Деятеля как наиболее активного актанта ситуации. Такие семантические роли, как Агентив, Источник, Инструмент, Экспериментер, Бенефактив способны выражать активные, агентивные, потенциально активные, фактивитивные, экспериментальные, бенефактивные отношения. Несмотря на формальную принадлежность к действительному, или активному залогу, семантика залоговых отношений может быть иная. Значительное влияние на характер и степень активности субъекта оказывает проявление активности в зависимости от стадии предиката. Поэтому рассматривается категория потенциальной контролируемости, проявляющая себя лишь на конечной стадии предиката.

Ключевые слова: залог, действительный залог, страдательный залог, залоговые отношения, семантическая роль, Деятель, Агентив, Экспериментер, Фактивитив, Инструментатив, Источник, Бенефактив, субъект, предикат.

Структурные, функциональные и когнитивно-семантические аспекты изучения романских языков

Петренко Т.Ф., Келейникова А.Г.

Цифровые технологии блогосферы в современном французском художественном тексте

Цель статьи состоит в анализе технологий блогосферы, перенесенных французскими авторами в художественный текст из компьютерной среды, и в выявлении стилистических особенностей данной модели письма. В качестве объекта исследования статьи избраны художественные тексты современных французских авторов – Эрика Шевийера, Алена Вайнштейна и Беатрис Рило, использующих ресурсы цифровых технологий и модели общения в интернет-среде. В статье изучаются различия обычного и сетевого дневника. Анализируется литературная форма «autofiction», в которой переплетены реальные факты и вымысел, а автор сам является действующим лицом вымышленного повествования. Рассматриваются составные части блога и пространство страницы, перенесенное в печатный текст. Выясняется роль современного эпистолярного жанра (СМС-сообщений), выступающего определенной стратегией построения художественного произведения. Выявляются особенности синтеза художественного и нехудожественного в гибридных текстах Э. Шевийера, А. Вайнштейна и «нанотекстах» Беатрис Рило. В статье делается вывод о том, что и сетевые блоги, и изучаемые романы характеризуются фрагментарностью, нелинейностью, авторефлексией, интертекстуальностью, смешением документального и художественного. В опубликованных романах сохранены характеристики, присущие идиостилю авторов, а визуальный облик блога, перенесенный в книги, меняет характер восприятия печатного текста.

Ключевые слова: цифровые технологии, блогосфера, фрагментарность, нелинейность, гибридность, сетевой блог, твит, смс, идиостиль, Э. Шевийер, А. Вайнштейн, «нанотекст», Б. Рило, художественный текст, интернет-среда.

Структурные, функциональные и когнитивно-семантические аспекты изучения дагестанских языков

Курбанов И.А.

Падежная система анклухского и амухского диалектов даргинского языка

Статья посвящена синхронному описанию падежной системы анклухского и амухского диалектов даргинского языка, которая до настоящего времени не подвергалась лингвистическому описанию. Грамматические падежи исследуемых диалектов представлены формами абсолютива, эргатива, генитива, датива, комитатива и адвербиалиса (фактива). Маркеры всех шести грамматических падежей анклухского и амухского диалектов абсолютно идентичны как в единственном, так и во множественном числах. В отличие от шаринского диалекта в исследуемых анклухском и амухском идиомах отсутствует особый

показатель для формы адвербиалиса, он по своей форме (но не по значению) совпадает с маркером эргатива. Кроме того, при сравнении маркеров грамматических падежей в шаринском диалекте следует отметить несопадение показателей комитатива с анклухским и амухским диалектами. В анклухском и амухском диалектах отсутствуют инструментальный и предметный падежи, функционирующие в большинстве даргинских диалектов; их замещают послеложные конструкции.

Ключевые слова: даргинский язык, анклухский диалект, амухский диалект, шаринский диалект, падежная система, грамматический падеж, локативная форма, падеж, число, абсолютив, эргатив, генитив, датив, комитатив, адвербиалис.

Структурные, функциональные и когнитивно-семантические аспекты изучения сино-тибетских языков

Банкова Л.Л.

Иероглифы комплектов Небесные стволы и Земные ветви в функции порядковых числительных в китайском языке

Рассмотрение китайских традиционных иероглифов комплектов Небесные стволы и Земные ветви чрезвычайно актуально с языковедческой позиции. В работе доказывается правомерность отнесения данных иероглифических символов к порядковым числительным. В этом качестве они могут выполнять функцию летоисчисления, поскольку в Китае наряду с обозначением дат традиционным способом существует параллельное обозначение с помощью Небесных стволов и Земных ветвей путем сочетания нечетных или четных символов обоих комплектов, что позволяет получить 60 пар. В ходе исследования изучаются обозначения вошедших в корпус китайского языка исторических событий, обозначаемых Небесными стволами и Земными ветвями. Подобных языковых единиц немного, однако, частотность их применения высока. Кроме того, перечислены и проиллюстрированы случаи употребления анализируемых знаков в функции порядковых числительных при ранжировании разрядов, классов, структур. Уникальность рассматриваемых циклических знаков состоит в том, что они существуют параллельно другим системам цифрового обозначения, и, аккумулируя культурную информацию, представляют собой богатый исследовательский материал.

Ключевые слова: китайский язык, Небесные стволы, Земные ветви, китайский язык, имя числительное, порядковое числительное, иероглиф, комплект, иероглифический символ, летоисчисление, циклический знак, разряд, класс, структура.

Журналистика и проблемы исследования медиатекста

Борлакова Л.А.

Телевизионное обозрение в системе аналитических программ

Телевидение в объектном пространстве науки о журналистике характеризуется крайне различными векторами динамики. Волнообразное развитие ТВ побуждает обращаться к ранним периодам его развития, в том числе в поисках преемственности, изменчивости, внутренней и внешней системности телевидения, сложного единства его почти уже вековой истории, включая предысторию. Автор подчеркивает возможную объяснительную ценность анализа различных жанров, включая телеобозрение. В статье раскрывается трансформация функций современного отечественного ТВ в период коммерциализации. В условиях конкуренции и зависимости от рейтинга как гаранта дальнейшего выхода программы в эфир, на первое место встала функция развлечения, а не просвещения. Подобная ситуация не могла не сказаться на качестве контента, коренным образом изменив отношение журналистов к профессии, содержание эфира, сместив акценты в сторону зрелищ и развлечений, инфотейнмента, который стал неотъемлемой частью даже выпусков новостей.

Ключевые слова: телевидение, обозрение, новостная программа, авторская программа, вещание, телепередача, массовая коммуникация, аналитическая программа, журналистика, коммерциализация, рейтинг, эфир, инфотейнмент, контент.

Гукис С.Н.

Информационные технологии в журналистике: вызовы XXI века (на примере работы глобальных агентств новостей)

Статья посвящена изучению теоретических и практических аспектов использования в журналистике современных инноваций на примере функционирования алгоритмов искусственного интеллекта в международных информационных агентствах. Автор подчеркивает революционное значение внедрения искусственного интеллекта в работу редакций масс-медиа, впервые в истории журналистики допустившего скорое возникновение виртуальных редакций без участия людей. В качестве ключевых названы проблема разделения ответственности между журналистами и программистами, настраивающими алгоритмы искусственного интеллекта, за публикацию ложных сведений, а также проблема соблюдения первичных авторских прав при создании посредством искусственного интеллекта вторичного контента. В статье выделены такие основные направления использования инноваций в журналистике, как оптимизация рабочих процессов, обработка больших объемов данных, сокращение времени на рутинную работу. С помощью метода case-study проанализирована практика применения технологий искусственного интеллекта в международных редакциях; подчеркнуто существование основных технологических и социально-политических вызовов для журналистики XXI в.

Ключевые слова: информационные технологии, журналистика, новости, инновация, алгоритм, искусственный интеллект, средства массовой информации, виртуальная редакция, авторское право, вторичный контент, международная редакция, рабочий процесс, оптимизация.

Горбуненко А.Ф.

Уолдо Фрэнк и литературно-политические издания США

Уолдо Фрэнк – не просто писатель и журналист, но и драматург, биограф, публицист, философ, поэт, историк, критик, писатель-путешественник, а также политический агитатор. В статье раскрываются его биография, творческий путь становления в качестве писателя, а также отношение к литературно-политическим изданиям США. В частности, упоминается тот факт, что Уолдо Фрэнк вошел в число основателей одного из главных литературных изданий эпохи модернизма – «The Seven Arts» (1916-1917), наряду с Джеймсом Оппенгеймом и американским литературоведом Ван Вик Бруксом. У. Фрэнк занимал пост со-редактора, а также активно публиковал свои работы в нескольких литературно-политических журналах. Утверждается, что при всем широком разнообразии интересов писателя и поднимаемых им тем его мнение по поводу технического прогресса, индустриализации и наступившей «Эпохи Машин» на протяжении всего творческого пути оставалось неизменно отрицательным.

Ключевые слова: У. Фрэнк, литературно-политическое издание, журнал, журналистика, писатель, журналист, драматург, биограф, публицист, философ, поэт, историк, критик, политический агитатор, со-редактор.

Жерновая О.Р., Лобанова Н.С.

Миграционная политика Великобритании. Образ мигранта в британских СМИ

В статье авторы затрагивают проблему формирования эффективной миграционной политики, что является особенно актуальным для стран с высоким уровнем жизни, таких как Великобритания, которые традиционно привлекательны для мигрантов. Цель работы – рассмотреть причины ужесточения миграционной политики Великобритании и влияние создаваемого средствами массовой информации образа мигранта на общественное сознание, а также на решения, принимаемые политической элитой. Предметом исследования служат цели и задачи миграционной политики Соединенного Королевства и способы формирования общественного мнения для обеспечения широкой поддержки проводимой политики. Основным методом, использованным в работе, выступает анализ документов и статей в периодических изданиях, опубликованных с 2005 г. по настоящий момент. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу, что ужесточение миграционной политики и негативный образ мигранта в средствах массовой информации явились реакцией британского общества на возросшую социально-экономическую нестабильность. Однако на данный момент, в свете Брексита, прослеживается заинтересованность правительства Великобритании в смягчении остроты данного вопроса и формировании позитивного отношения к мигрантам.

Ключевые слова: миграционная политика, образ, мигрант, средства массовой информации, общественное мнение, Великобритания, общественное сознание, политическая элита, общество, документ, статья, периодическое издание, британское общество, социально-экономическая нестабильность.

Никулин И.О.

Сатирические печатные издания в системе СМИ

История журналистики свидетельствует, что система СМИ подвержена видоизменениям в зависимости от развития государства, общества, социально-политических и экономических характеристик того или иного периода. Политический строй, государственная идеология предъявляют такие требования к СМИ, которые могли бы способствовать необходимому развитию как социума, так и страны в целом. Современное внимание к истории медиа может способствовать решению новых задач, в частности, эффективному продвижению издания в сегодняшних рыночных условиях. Утверждается, что сатирические издания были в значительной степени востребованы в советскую эпоху, так как представляли инструмент государственной политики, при помощи которой можно было управлять обществом, внедряя соответствующую идеологию. Автор отмечает, что типология СМИ, предложенная советскими исследователями, не учитывала факт присутствия сатирической журналистики на информационном поле. Современные типологии не отражают данные типы изданий из-за крайне слабого присутствия их на рынке. Сегодня на смену сатирическим изданиям пришли развлекательные, которые характеризуются в современных типологиях как журналы для досуга.

Ключевые слова: сатира, сатирическое издание, печатное издание, средства массовой информации, журналистика, система, советская эпоха, типология, информационное поле, сатирическая журналистика, развлекательное издание, журнал для досуга, пресса.

Патюкова Р.В.

Специфика PR-сопровождения при продвижении учреждений культурно-досуговой сферы: коммуникативный аспект

Музеи – одна из важнейших институций успешного маркетинга как отдельных городов, так и государств с точки зрения их уровня цивилизованности, прогрессивности, креативности и постмодернизма. Они являются мерой развития каждой данной культуры. Музеи как один из типов культурных институций активно способствуют развитию общества в целом и экономической составляющей в частности. Осуществление PR-сопровождения в музейной сфере возможно посредством следующего PR-инструментария: медиарилейшнз; специальные мероприятия (event-management); реклама; интернет-коммуникации (современные медиарилейшнз). Инструменты PR, традиционно используемые таким государственным учреждением

культуры, как музеев, должны отличаться интеграцией в единую систему организации взаимодействия с общественностью, т.е. должны формировать целостную структуру, способную решать задачи и достигать цели. Направление деятельности PR-специалиста в музее подлежит тщательному изучению. Важно задействовать каждое из них, правильно и грамотно их совмещать, тогда работа покажет положительные ожидаемые результаты.

Ключевые слова: PR-сопровождение, PR-инструмент, традиционные медиарилейнз, специальные события, реклама, современные медиарилейнз, продвижение, учреждение, музей, культурно-досуговая сфера, музейная сфера, коммуникативный аспект, культура, интернет-коммуникация.

Форостецкий С.А.

«Майданные неологизмы» как инструмент информационной войны в российских и украинских СМИ

Предметом исследования является феномен «майданных неологизмов» как одного из средств информационного противостояния российских и украинских СМИ, а также технология и причины использования данных языковых единиц в печатных изданиях СМИ, на телевидении и в Интернете. Цель работы заключается в исследовании неологизмов и окказионализмов, возникших на фоне украинских событий 2014-2017 гг. Исследование опирается на принцип диалектической взаимосвязи мышления, языка и действительности; феноменологический метод, направленный на установление корреляции и знаковых единиц с интенциональными структурами сознания в процессе смыслообразования. В качестве общенаучных методов в исследовании применялись структурно-семиотический подход, институционально-дискурсивный метод, коммуникационный и деятельностный подходы. Цели употребления анализируемых неологизмов и окказионализмов существенно отличаются в зависимости от того, в каких условиях они используются. Если в СМИ «майданные неологизмы» употребляются в большинстве случаев для разнообразия речи в работе, а также для достижения определенных целей по воздействию на общество, журналисты используют эти лексические единицы максимально аккуратно и выборочно, то интернет-пользователи применяют эти же лексемы повсеместно в основном для того, чтобы оскорбить или задеть оппонента в онлайн-диалоге.

Ключевые слова: «майданный неологизм», инструмент, информационная война, средства массовой информации, Россия, Украина, технология, печатное издание, телевидение, Интернет, неологизм, окказионализм, феноменологический метод, смыслообразование.

Вопросы сравнительно-сопоставительного, типологического языкознания и перевода

Басс И.И.

Сопоставительное исследование сочинительных союзов в русском и японском языках

Статья посвящена сопоставительному анализу русского союза и и его японских переводных эквивалентов – союзов га, си, соситэ. На материале романов М. Горького «Мать», Л. Толстого «Анна Каренина» и двух японских переводов каждого из этих произведений исследуются основные отличия союза и и союзов га, си, соситэ. С этой целью анализируются место локализации в предложении каждого из этих союзов и их значения, т.е. наличие или отсутствие в их смысловой структуре различных сем: «смысловая направленность», «противительность», «уступительность», «перечислительность» и т.д. На основе выделенных сем описываются значения японских союзов как комбинация этих сем и с учетом особенностей локализации выявляются основные отличия русского союза и и японских союзов га, си, соситэ. Утверждается, что помимо союзов га, си, соситэ, «и-отношения» в японском языке могут быть переданы разнообразными бессоюзными средствами (деепричастиями совершенного вида -тэ, одновременности -нагара и т.д.), а также несочинительными союзами (причинным союзом дакара, уступительно-противительным союзом нони и т.д.). Автор приходит к выводу о том, что при выборе переводного эквивалента союза и конкурентные отношения могут возникать не только между японскими союзами, но и между японским союзом и альтернативным способом выражения «и-отношений».

Ключевые слова: сочинительный союз, переводной эквивалент, сема, сопоставительный анализ, локализация, сопоставительное исследование, японский язык, русский язык, причинный союз, предложение, смысловая структура, «и-отношения», бессоюзные средства, несочинительный союз.

Хисамова В.Н., Абдуллина Л.И.

Синонимия в медицинской терминологии как одна из важных проблем терминоведения (на материале английского, русского и татарского языков)

В статье рассматриваются проблемы синонимии в медицинской терминологии на материале английского, русского и татарского языков. Изучение медицинской терминологии является актуальным, так как словарный состав языков, в том числе и национальных, пополняется за счет терминов. Синонимия в медицинской терминологии – одна из важных проблем терминоведения. Кроме того, синонимия в медицинской терминологии генетически неродственных, а именно, английского и татарского языков, русского и татарского языков в сопоставительном аспекте на сегодняшний день не изучена. Исследование явления синонимии в медицинской терминологии английского, русского и татарского языков определит сходства и различия синонимичных отношений в этих языках. Это поможет упорядочить термины в трех языках, что играет важную роль при составлении словарей и переводе медицинских текстов. Авторы подробно описывают источники и причины возникновения синонимов в терминологии для каждого из этих языков. В статье также приводятся мнения разных ученых относительно проблемы синонимии в терминологии: мнения расходятся – некоторые ученые считают синонимию в терминологии негативным явлением, некоторые положительно относятся к ней; выделяется отличительная черта явления синонимии в терминологии и общепотребительной лексике.

Ключевые слова: термин, синонимия, медицинская терминология, сравнение, сопоставление, типология, неродственные языки, английский язык, русский язык, татарский язык, терминология, терминоведение, семантика, общеупотребительная лексика.

Хунбо Юй, Кувычко А.А.

Ценность семьи в образном ряде аудиовизуальной китайской и русской рекламы

В статье изучается вопрос лингвистической репрезентации ценности материнства и детства как культурного феномена в китайских и русских коммерческих рекламных текстах, сопровождающих рекламные видеоролики. Рассматриваются социолингвистическая культура и особенности аудиовизуальных рекламных текстов. Рекламный текст состоит из знаков, воспринимаемых зрительно. Множество знаков образует визуальное пространство текста. Процесс чтения и интерпретации текста проходит через ряд «узловых точек» – морфологически постоянных, дизъюнктивных знаков-элементов – признаков, которые остаются хорошо определенными после сужения перцептивной зоны. «Узловые точки» определяют содержательно-смысловую структуру текста, мотивы и цели коммуникатора, т.е. интенцию. Анализ образного ряда аудиовизуальной рекламы помогает определить черты современной русской и китайской национальной культуры и картины мира человека в целом. В исследовании применяются сравнительно-сопоставительный метод, метод контент-анализа, психолингвистический подход.

Ключевые слова: рекламный текст, коммерческая реклама, картина мира, национальная культура, традиция, ценность, материнство, детство, эмоция, аудиовизуальная коммуникация, воздействие, образный ряд, семья.

Литературоведение и текстология

Аксенова А.В.

Лингвостилистические особенности текстов металибретто XVIII в.

Статья посвящена лингвостилистическим особенностям текстов металибретто в рамках жанра метамелодрамы. Основным объектом анализа стали тексты либретто следующих либреттистов: Дж. Касти, К. Гольдони, Р. Кальябиджи, Дж. Бертати. Предметом исследования является функционирование языковых единиц на различных уровнях лингвостилистического анализа (лексико-грамматическом и ритмико-синтаксическом). Данное исследование осуществляется на междисциплинарном уровне, на пересечении литературоведения, лингвистики, театроведения. Его теоретической и методологической базой послужили работы как зарубежных авторов, так и отечественных исследователей. В статье вводятся и определяются понятия «метамелодрамы» и «металибретто». Металибретто обладает относительно формализованной структурой, в которой один текст, описывающий постановку какого-либо музыкального произведения, обрамляется другим текстом, обеспечивающим внутритекстовые связи и линейное развертывание текста. В рамках проведенного анализа была выделена иностилевая специфическая лексика, контрастирующая с принимающим их контекстом. Следует отметить, что комический эффект создавался не только на лексико-грамматическом уровне организации языка, но и на ритмико-синтаксическом. Экспрессивный потенциал произведений усиливается за счет различных цитат, аллюзий и других включений, рассматриваемых в рамках интертекстуальной природы текстов либретто.

Ключевые слова: лингвостилистический анализ, металибретто, метамелодрама, пародия, опера-буфф, опера-серия, интертекстуальность, словообразование, аллюзия, разговорно-бытовой стиль, смещение вправо, анафора, текст, жанр.

Волкова К.Б.

Тайская драматургия конца XIX - первой четверти XX вв.: трансформация канона

Статья посвящена анализу произведений короля Рамы VI Вачиравуда. Проводится исследование развития тайского театра во время правления Вачиравуда (конец XIX-первая четверть XX вв.). В работе показано, что Вачиравуд в собственных произведениях реализовал художественные эксперименты, что помогло ему в будущем донести до тайского народа свои социально-политические взгляды. Особое внимание уделяется продвижению королем Рамой VI Вачиравудом театра кхон, представления которого сопровождалось пением хора стихотворных отрывков из поэмы «Рамакхиен». Результаты исследования данного произведения позволяют прийти к выводу о том, что композиция «Рамакхиен» короля Рамы VI Вачиравуда готова к сценическому исполнению. Он написал это произведение как современный драматург, придерживаясь необходимой традиции кхона. В процессе исследования было установлено, что театр конца XIX – начала XX вв. осваивает новую проблематику и художественные формы, а в круг интересов драматургов все чаще входят бытовые вопросы, создававшие широкую картину общественной жизни. Вачиравуд с энтузиазмом воспринял эти новые тенденции, переносил интригу своих пьес в обычные условия и строил пьесы вокруг семейных проблем.

Ключевые слова: драма, тайская драма, драматургия, Таиланд, Сиам, тайский театр, тайская драматургия, Рама VI Вачиравуд, произведение, стихотворный отрывок, хор, поэма, композиция, драматург.

Шкурская Е.А.

Способы выражения фантастического в новеллах Э.Т.А. Гофмана «Песочный человек» и А.С. Грина «Серый автомобиль»

В статье рассматриваются способы выражения фантастического в жанровой структуре новелл «Песочный человек» Э.Т.А. Гофмана и «Серый автомобиль» А.С. Грина. Методологической основой работы стали историко-литературный, исто-

рико-функциональный, понятийный, интерпретативный и сравнительно-сопоставительный методы. Обращение к творчеству Э.Т.А. Гофмана и А.С. Грина объясняется типологическим сходством творческого метода рассматриваемых авторов, общностью приемов, устойчивостью мотивов в выражении фантастического. Сравнительно-сопоставительный анализ произведений Э.Т.А. Гофмана и А.С. Грина позволяет проследить не только типологическую связь, но и индивидуально-авторские приемы выражения фантастического. В статье вычлняются фольклорные источники фантастического и индивидуально-авторские приемы создания фантастического мира. Анализируются мотивы двойничества, рока, страха, механизации общества, вычлняются индивидуально-авторские образы-символы механического мира: серый автомобиль, человек-автомат, кукла. Устанавливается основное функциональное назначение фантастического в творчестве А.С. Грина как охранной мотив, через который он предсказывает возможные последствия научно-технического прогресса. Романтическое мироощущение Э.Т.А. Гофмана иллюстрирует катастрофичность рока, влияющего на судьбу героев, осознание несовершенства мира и трагедию человека в нем.

Ключевые слова: фантастика, фольклор, образ, символ, функция, мотив, кукла, научно-технический прогресс, человек-автомат, новелла, Э.Т.А. Гофман, А.С. Грин, жанровая структура, фантастический мир.

Общетеоретические аспекты исследования языка и дискурса

Велиев З.Б.

Лингвоконфликтология: предмет, задачи и векторы развития

В последние годы, когда актуальной проблемой оказались так называемые «вербальные» преступления, стала реальностью новая пограничная область знания – лингвоконфликтология. Языковая коммуникация – одна из важнейших форм социального взаимодействия – неизбежно (и нередко) принимает конфликтный характер, что рождает потребность его юри-дизации. Любой текст, содержащий утверждение о людях или учреждениях, может быть оспорен в судебном порядке. Кон-фликт является категорией права, которая нуждается в нормативном урегулировании. Лингвоюридический конфликт – общее наименование, включающее в себя так называемые вербальные преступления (клевету, оскорбление), языковую агрессию и языковой экстремизм, некорректные стратегии и тактики убеждения (манипулятивные приемы), а также деструктивные при-емы интернет-коммуникации (троллинг и под.). Социальные коммуникации сегодня оказываются в фокусе внимания многих гуманитарных наук, в том числе новой области гуманитарного знания, получившей название «лингвоконфликтология». В лингвистических науках традиционно исследовалась только успешная коммуникация, между тем насущная социальная по-требность в окультуривании публичного пространства и гармонизации общения всех страт населения России диктует необ-ходимость исследования конфликтных аспектов дискурса и текста. Эмпирическая база для изучения конфликтов – самая широкая: интернет-коммуникация, материалы судебных дел и лингвоюридических экспертиз, контент-анализ СМИ.

Ключевые слова: вербальная коммуникация, лингвоюридический конфликт, лингвоконфликтология, юридическая линг-вистика, вербальное преступление, троллинг, языковая коммуникация, социальное взаимодействие, текст, нормативное уре-гулирование, языковая агрессия, языковой экстремизм, стратегия, тактика, интернет-коммуникация.

Гроховская И.А., Файзиева Г.В.

К проблеме интерпретации субстандартных лексических единиц медицинской направленности (на примере семантической группы «органы человека»)

В статье анализируются субстандартные лексические единицы, относящиеся к семантическому полю «Медицина». Целью исследования является выделение основных признаков номинации отобранных лексических единиц для последующе-го выявления ключевых характеристик семантической группы «Органы человека» на уровне субстандартного лексического слоя. В качестве рабочих выбраны лексемы, наиболее полно и точно описывающие характерные признаки соответствующих органов человека. В оставшихся лексических единицах присутствует тот же набор характерных признаков, как и в проанали-зированных авторами. В ходе исследования применялись методы лексикографического, лексикологического и семантического анализов, а также семантическая интерпретация, классификация, количественный подсчет и метод табличного отображения полученных в результате исследования данных. В качестве материала исследования были отобраны наиболее авторитетные лексикографические источники стандартной и субстандартной лексики английского языка. Семантический анализ дефиниций лексических единиц, обозначающих органы человека, позволил выделить как основные, так и дополнительные характерные признаки, приобретаемые данными лексемами на субстандартном языковом уровне.

Ключевые слова: интерпретация, субстандарт, лексическая единица, субстандартная единица, медицина, семан-тическое поле, номинация, органы человека, лексикографический анализ, лексикологический анализ, семантический анализ, субстандартная лексика, дефиниция, лексема.

Козловский Д.В.

Авторская эвиденциальность в пространстве современного художественного дискурса

В статье освещаются лексические средства выражения значений категории «эвиденциальность» в английском языке и их реализация в пространстве дискурса. Приведенный анализ различных классификаций эвиденциальности позволяет гово-рить о том, что в основе данной категории лежит как личный опыт говорящего и свидетельствование описываемого события, так и цитирование, пересказ услышанной, полученной от третьих лиц информации, при этом передаваемые сведения могут носить прямой либо косвенный характер. Необходимость учета роли субъекта коммуникации при описании и передаче ин-формации об источнике сведений приводит к изменению взглядов на эвиденциальность как исключительно грамматическую

категорию. С позиций лингвосинергетики эвиденциальность относится к числу модусных категорий, поскольку позволяет не только указывать на источник информации, но и интерпретировать и оценивать различные сведения. Обращение к лингвосинергетическому дискурсивному анализу позволяет выделить эвиденциальный дискурсивный контекст, репрезентирующий «ситуационный компонент», а также обозначить в структуре эвиденциальных высказываний «речевой компонент», актуализируемый посредством «эпифазы» и «профазы». При этом модусная рамка эвиденциального высказывания формируется за счет обращения говорящего к эвиденциальным операторам, к числу которых принадлежат глаголы, модальные вводные слова, наречия, существительные, прилагательные и устойчивые словосочетания. Изучение функционирования эвиденциальности в дискурсе оказывается невозможным без определения источника эвиденциального высказывания, что делает необходимым разграничение высказываний автора и персонажей. Специфика представленности эвиденциальных средств в дискурсе явилась основанием для того, чтобы сосредоточить внимание на авторском тексте, что, как следствие, позволило представить дефиницию, а также описать реализацию «авторской эвиденциальности» в дискурсивном пространстве.

Ключевые слова: эвиденциальность, модусная категория, лингвосинергетика, дискурс, эпифаза, профаза, художественный дискурс, классификация, цитирование, пересказ, субъект коммуникации, источник информации, дискурсивный контекст, модусная рамка.

Мавлеев Р.Р., Калинин О.И.

Метафора как средство анализа имплицитной информации в политическом дискурсе

В статье рассматривается метафоричность текстов политических выступлений в тематической соотнесенности. Авторами разрабатывается комплексная методика вычисления индекса силы тематической метафоры в рамках конкретного текста. Методика базируется на когнитивно-дискурсивном подходе к метафоре с учетом ее прагматической силы и развивает идею Кристин де Ландшер относительно возможности подсчета индекса силы метафоры. Практическое применение методики позволяет делать выводы о соотнесенности значимости эксплицитной и имплицитной информации в тексте. Методика апробировалась на текстах выступлений Президента РФ В.В. Путина и Председателя КНР Си Цзиньпина на открытии Международного форума «Один пояс – один путь». Результаты исследования показывают, что количественные значения эксплицитного и имплицитного планов в текстах неравнозначны, что позволяет делать выводы о скрытых авторских интенциях и проводить более качественный анализ политических процессов и достоверное прогнозирование.

Ключевые слова: концептуальная метафора, метафора, имплицитная информация, эксплицитная информация, речевое воздействие, дискурс, политический дискурс, метафоричность, моделирование, текст, политическое выступление, когнитивно-дискурсивный подход, индекс силы.

Сидоренко Е.А., Матвеева Г.Г.

Речевое поведение англоговорящих и русскоговорящих студентов (пилотажный эксперимент)

Целью статьи является анализ речевого поведения студенческой молодежи, относящейся к одной возрастной и статусной группе, находящейся в процессе обучения в вузе, но различающейся по национальному критерию. Задача состоит в том, чтобы ответить на вопрос, зависит ли речевое эмотивно ориентированное поведение групп студенческой молодежи от национальной принадлежности. Статья посвящена исследованию речевого материала по критерию речевой стратегии скрытого воздействия «участие/неучастие коммуникантов в речевом событии». В качестве коммуникантов рассматриваются англо- и русскоговорящие студенты. В статье описан пилотажный эксперимент по исследованию речевого поведения англоговорящих и русскоговорящих студентов методом скрытой прагмалингвистики. Поставленная задача исследования – обнаружить сходства и различия в их речевом поведении – выполнена: доказано, что в речевом поведении американской и русской студенческой молодежи существуют качественные сходства и количественные расхождения. Делается предположение, что речевое поведение – это работа подсознания, которое отражает речевой опыт общающихся и в котором зафиксирован национальный менталитет.

Ключевые слова: прагмалингвистика, речь, речевая стратегия, скрытое воздействие, речевое поведение, англоговорящий студент, русскоговорящий студент, пилотажный эксперимент, подсознание, грамматическая форма, глагол, малая синтаксическая группа, национальный критерий.

Филимонова Е.П.

Игра в спортивном дискурсе: концепт и прием

Спортивный дискурс характеризуется открытостью и принципиальной доступностью, что отличает его от других видов институционального и профессионального дискурса. Для спортивного дискурса характерна реализация нескольких доминантных концептов, к которым можно отнести концепт «ИГРА», на который в историческом процессе развития спортивной концептосферы надстраивается система подчиненных ему концептов, что позволяет считать игру гиперконцептом. Статья посвящена рассмотрению семиотических доминант концепта «ИГРА» в спортивном дискурсе и реализации приема языковой игры, которые тесно связаны с когнитивными структурами данного вида дискурса. Отмечается, что концепту «ИГРА» в спортивном дискурсе свойственна мифологизация, что отражено в его символической сфере. Делается вывод о том, что для языковой игры в спортивном дискурсе характерны частотное употребление метафор, антитез, риторических восклицаний, а также трансформация прецедентных высказываний и текстов.

Ключевые слова: спортивный дискурс, игра, институциональный дискурс, гиперконцепт, концепт, институциональный дискурс, профессиональный дискурс, доминантный концепт, когнитивная лингвистика, концептосфера, спортивная концептосфера, метафора, антитеза, риторическое восклицание.

Хазраткулов А.П.

Экономический дискурс в координатах институционального профессионального дискурса: основные признаки, функции и типы

Задача, решению которой посвящена статья, связана с исследованием признаков, функций и типов экономического дискурса в едином пространстве институционального профессионального дискурса. Последовательно рассмотрены особенности профессионального и институционального дискурса, на основании чего экономический дискурс трактуется как реализация речевых актов в экономической коммуникации, репрезентированных журналистами и специалистами (субъектами профессиональной деятельности) в области освещения экономической ситуации в виде устных и письменных текстов, а также их фрагментов, маркированных комплексом норм, стереотипов мировоззрения и межкультурного поведения. В статье говорится о том, что коммуникантами экономического дискурса могут быть как юридические, так и физические лица, начиная с государства, и заканчивая учеными и преподавателями. Выявляются основные функции экономического дискурса: информирование населения о современной экономической ситуации, формирование представлений о реалиях экономического мира, анализ векторов развития экономической системы, реализация мировых экономических теорий. Типы экономического дискурса определяются в соответствии с пониманием особенностей экономической деятельности.

Ключевые слова: институциональный дискурс, профессиональный дискурс, экономический дискурс, функция, признак, речевой акт, коммуникация, экономическая ситуация, текст, коммуникант, юридическое лицо, физическое лицо, экономическая теория, экономическая деятельность.

Шабанов О.А.

Соотношение семантики вида и семантических типов предиката

В статье вид рассматривается, прежде всего, как семантическая категория, имеющая многообразие рубрикации. Способ осмысления происходящего действия или процесса может выражаться как лексически, так и морфологически, и не может быть предметом сопоставления. Вид в каждом языке имеет свои морфологические характеристики. Однако и классификация семантических типов предикатов не может быть полной без учета видовой семантики. Рассмотрение типологии видовых характеристик в оппозиции перфективности/неперфективности позволяет уточнить классификацию семантических типов предикатов и показать характер протекания процессуального явления во времени. В статье раскрывается, как видовая семантика каждого предиката соотносена с определенным семантическим типом предиката, принадлежащим одной из ячеек классификационной сетки семантических типов по признаку ролевой семантики и/или соотношения денотата предиката с осью времени. Условия употребления предиката, характеризующие его с точки зрения принадлежности к одному из семантических типов, уточняются «разведением» глаголов на отдельные подклассы благодаря их видовым характеристикам. Такие предикаты как действие, процесс и состояние получают дополнительные характеристики, уточняющие классификацию предикатов по ролевой семантике.

Ключевые слова: семантика, вид, семантический тип, предикат, семантическая категория, действие, процесс, перфективность, неперфективность, типология, видовая семантика, ролевая семантика, денотат, глагол.

Хакиева З.У., Горбунова Н.Н.

Некоторые траектории транстерминологизации и ретерминологизации в терминосистемах английского языка

Потребности современного общества, скорость развития новых технологий в нем обуславливают формирование новых областей научного знания, что, несомненно, влечет за собой образование новых понятийно-терминологических систем. При этом в каждой отрасли наук складывается собственный понятийный аппарат, предполагающий наличие определенных средств его языковой репрезентации, совокупность которых формирует терминологию. Не секрет, что термины подвержены различным «миграционным процессам» – как обращению в общеупотребительные слова, так и обратному переходу, а также перемещению в терминосистемы иных областей знания, возвращению в исходные, т.е. терминологизации, транстерминологизации и ретерминологизации. Статья посвящена рассмотрению траекторий данных процессов в рамках терминосистемы менеджмента современных английского и русского языков. Утверждается, что подязык менеджмента относительно молод, весьма прогрессивен и характеризуется высокой степенью вовлечения терминов смежных наук. Авторы приходят к выводу о том, что миграция терминов менеджмента в терминосистемы смежных наук превращает их в трансдисциплинарные и свидетельствует о присутствии в изучаемой сфере траекторий транстерминологизации не только «в сферу менеджмента», но и «из данной сферы». В частности, в ходе исследования применение терминов сферы менеджмента обнаружено в экономике, педагогике и психологии, в политике, в области финансов, что наблюдалось как в русском, так и в английском языках.

Ключевые слова: траектория, терминологизация, термин, транстерминологизация, ретерминологизация, терминология, терминосистема, менеджмент, понятийный аппарат, языковая репрезентация, подязык, трансдисциплинарность, трансдисциплинарный термин.

Лингвокультурология, фольклористика, этнолингвистика

Шалков Д.Ю., Колмаков Я.В., Лазарева Е.Н.

Топонимия духоборов как элемент национального культурно-исторического кода

Национальный культурно-исторический код русского языка лежит в основе современной языковой картины мира как основа закрепляемых в ней знаний о ценностях, в том числе и духовных. Важное место здесь занимает топонимия – пласт наименований географических локусов, хронологически связанных с жизнью и деятельностью человека. В статье рассматривается топонимическая лексика (наименования населенных пунктов) как один из элементов культурно-исторического кода. Объектом исследования стали наименования сельских поселений (которые относятся к разряду так называемых комонимов), а именно – названия, происхождение и история сел духоборов, находившихся на территории Грузии в период с XIX в. по 90-е годы XX столетия. Анализ фактического материала осуществляется как на основе традиционных, так и современных методик лингвистического исследования. Среди них такие приемы, как наблюдение, описание, анализ, синтез, систематизация, а также элементы дистрибутивного, структурно-функционального и компонентного методов анализа. Авторы приходят к выводу о том, что комонимы духоборов вобрали в себя и сохранили исторические и социально-бытовые условия их жизнедеятельности. Воплощая ментальные основы духоборчества, топонимия его адептов становится важнейшим инструментом формирования русской национальной идентичности и служит цели сохранения языковых и культурных особенностей данной этноконфессиональной группы.

Ключевые слова: *топоним, топонимия, духобор, национальный код, культурно-исторический код, языковая картина мира, географический локус, топонимическая лексика, населенный пункт, комоним, духоборчество, национальная идентичность, культура, этноконфессиональная группа.*

Политика. Политические науки

Агеева Е.А.

Использование инструментария личностно-профессиональной диагностики при формировании управленческого резерва

Статья посвящена особенностям использования инструментария личностно-профессиональной диагностики при формировании резерва управленческих кадров. В работе описаны инструменты личностно-профессиональной диагностики, которая применяется в актуальный период в Российской Федерации при формировании управленческого резерва. Автор, опираясь на разработанную методику, своевременность которой подчеркивается «Общей концепцией формирования и использования резервов управленческих кадров в Российской Федерации», указывает на необходимость использования ресурсного потенциала управленцев для обеспечения преемственности управления. Личностно-профессиональная диагностика может быть адаптирована для формирования кадрового резерва органов исполнительной власти и местного самоуправления.

Ключевые слова: *управленческий резерв, ресурсный подход, личностно-профессиональная диагностика, управленческая готовность, преемственность, управление, менеджмент, инструментарий, инструмент, кадровый резерв, управленческие кадры, методика, управленец, ресурсный потенциал.*

Аствацатурова М.А.

Деятельностно-функциональные кейсы политико-управленческого элитогенеза в Северо-Кавказском федеральном округе

Статья содержит анализ условий политико-управленческого элитогенеза в СКФО, который, с одной стороны, соответствует общероссийским тенденциям, а, с другой стороны, отражает общественно-политическую, социокультурную и историко-культурную специфику региона. Вскрываются объективные и субъективные факторы формирования, ротации и функционирования верхнего этажа политико-управленческой элиты СКФО, которые определяют не только сущность, структуру, но и функционал элит субъектов РФ СКФО. Выделяются позитивные тенденции общественных отношений, политических, управленческих процессов, при этом позитив обосновывается как действиями управленческой элиты, так и усилиями общественных активистов. Вскрываются парные негативно/позитивные деятельностно-функциональные кейсы политико-управленческого элитогенеза, которые актуализируют возможные и необходимые проекции формирования, ротации и функционирования элит СКФО с учетом возможной и необходимой модернизации всех сторон жизни российского общества.

Ключевые слова: *деятельностно-функциональные кейсы, политико-управленческий элитогенез, СКФО, ротация элит, северокавказский регион, сущностно-структурный фрейм, фактор этничности, фактор конфессиональности, консервативно-патриотическая доктрина, этноклановая система, этнократия, политическая модернизация, управленческая элита.*

Боташева А.К., Ануфриенко С.В.

Медиаполитический процесс как фактор влияния на событийную сторону политической жизни (на примере событий на Украине 2014-2015 гг.)

В статье рассматривается специфика медиаполитического процесса в ракурсе влияния на событийную сторону политической жизни, так как остро встает проблема формирования в сфере публичной политики разнообразных ценностей,

идеологий, доктрин, символов, чувств, оппозиционных мнений и выступлений, становление официальных норм, которые осуществляются в сфере коммуникаций. Методологической основой определения внутренне связанной и сложной цепи политических явлений и событий, направленных на завоевание и удержание политической власти субъектами политики, с опорой на масс-медиа, выступила концепция П. Бурдьё, который в рамках междисциплинарного подхода ввел понятия «социальный агент» и «символическое насилие». Цель статьи – рассмотреть медиаполитический процесс и заданность вектора его развития в сторону усиления поляризации общества и обострения общественных противоречий. В данном контексте целесообразно подчеркнуть актуальность совместных усилий по становлению объективной реальной и виртуальной плоскости политического дискурса (информативного пласта), направленного на формирование определенного общественного мнения.

Ключевые слова: медиаполитический процесс, политические дебаты, общественное мнение, дискурс, российские СМИ, украинские СМИ, Украина, политика, политология, политическая жизнь, публичная политика, власть, поляризация, политический дискурс.

Воронцов С.А., Понеделков А.В.

Трансформация региональных политико-административных элит в условиях современных угроз и вызовов: по материалам социологических (полевых) исследований

Авторы статьи анализируют результаты социологического исследования состояния российских региональных политико-административных элит, проведенного в рамках подготовки к Третьему Всероссийскому конгрессу Лабораторией проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Предметом исследования является реакция российских региональных политико-административных элит на вызовы современного мира. Цель настоящего анализа – оценка современного состояния элит и элитологической науки с разных точек зрения, их влияния на происходящие в обществе процессы, а также сопоставление оценок экспертов, высказанных в 2018 г., с оценками, полученными в ходе социологических исследований, проведенных по аналогичной методике в связи с подготовкой Первого (2013 г.) и Второго (2016 г.) конгрессов. Организаторы экспертного опроса использовали панельный метод, позволяющий отслеживать эволюцию экспертно-элитарных образов, накладываемых на эволюцию социально-экономических и политических ситуаций. В конце статьи авторы, опираясь на результаты социологического исследования, сформулировали выводы о возможных направлениях развития элитологии как отрасли научного знания.

Ключевые слова: конгресс, элита, кризис, санкции, социологическое исследование, трансформация, элитология, политико-административная элита, социология, полевое исследование, эксперт, панельный метод, экспертно-элитарный образ.

Горбунов А.П.

Социально-экономические и социокультурные основания современного правящего и управляющего гиперслоя и предпосылки его смены смыслодержательным преобразовательным-управляющим слоем

Статья посвящена осмыслению сущностно-функциональных свойств современной элиты, правящего и управляющего слоя при выделении негативных, содержательно-неоправданных и функционально-необеспеченных сторон их деятельности. Автор вскрывает детерминанты отрешенности правящего и управляющего слоя от интересов общества в его глобальных формированиях, ротации и рекрутизации, увязывая их с материальными, экономическими интересами. Именно накопительство, капитализация, нажива являются, по мнению автора, основанием функционирования правящих элит. Вскрывается, что важнейший мотив деятельности многих элит можно определить как постоянное воспроизводство и накопление количественно возрастающего финансового (финансово-олигархического) капитала. При этом актуализируется проблема обслуживания финансового капитала формализованным интеллектуальным капиталом, связка которых создает крайне негативную основу негативного же функционирования правящих элит. В качестве оригинального вклада предлагается преобразовательная методология оценки глобальной и национальной элиты, которая позволяет выявить уровень суверенитета правящего класса, а также выделять такие индикаторы, как профессионализм, гражданственность, нравственность, моральность. В статье прогнозируются некоторые перспективы правящих элит, в частности, в РФ, и утверждается, что они должны приобрести преобразовательно-ориентированное мышление (сознание) и осуществлять инновационные действия. Именно такое сознание трактуется в статье как общенародно значимое, самостоятельное, лидерское.

Ключевые слова: элита, правящий слой, политика, политология, преобразовательная методология, гиперуправляющий слой, «бизнес-мышление», нажива, самоумножение, финансовый капитал, присвоенческая психология, интеллектуальный гиперкапитал, преобразовательное мышление, инновационно-содержательное мышление.

Ефимова Е.В.

Перспективные способности и качества российской управленческой элиты XXI в.

Статья посвящена анализу концепта управленческой элиты в современной науке и обоснованию необходимости целенаправленного формирования у нее целого комплекса способностей и качеств, перспективных с точки зрения тенденций развития современного общества вообще и экономики, в частности. Автор подробно останавливается на возможных критериях выделения управленческих элит, обосновывает собственное видение данного феномена, последовательно раскрывает содержание таких критически важных для управленцев XXI в. способностей как: преобразовательное мышление, управление сложным процессом интеллектуально-инновационного воспроизводства, координация и кооперация участников интеллектуально-инновационного воспроизводства, а также осуществление результативной коммуникации. В составе административной (исполнительской) элиты автор фиксирует наличие двух подгрупп: «политических чиновников», которые меняются с приходом нового политического руководства, и специалистов, которые сохраняют свои должности вне зависимости от политической расстановки сил в правительстве. В качестве профессионально значимых качеств управленческой элиты XXI в. обозначены и охарактеризованы профессионализм, лидерство и инноваторство. К социально-значимым качествам элитных управленцев

автором отнесены гражданственность, патриотизм, честность, порядочность, неподкупность и социальная ответственность.

Ключевые слова: управленческая элита, перспективные способности, элита, преобразовательное мышление, управление, интеллектуально-инновационный цикл, результативная коммуникация, профессионализм, лидерство, инноваторство, гражданственность, патриотизм, честность, порядочность, неподкупность, социальная ответственность, политический чиновник.

Золочевская Е.Ю., Черкасова Т.П.

Роль креативной элиты в формировании нового поколения

В статье рассмотрены условия и причины формирования нового поколения, называемого «поколением Z» или «цифровым поколением», определены его основные черты, а также позитивные эволюционные изменения и проблемы. Аргументированы роль и основные характеристики креативной элиты в процессе формирования нового поколения. Уточнение категориальной определенности креативной элиты и ее структуры, включающей суперкреативное ядро (профессии в области естественных и социальных наук, образования, воспитания, программирования и математики и некоторых других) и креативных профессионалов (управленческие профессии; профессии в области бизнеса, права и некоторые другие), позволило авторам обосновать компетенции, которые позволяют ей эффективно разрабатывать и реализовывать программы высшего образования для нового поколения. Кроме того, в статье отражена эволюция образовательных форм и методов, обеспечивающих формирование компетентностного портрета востребованного выпускника «поколения Z», способного креативно мыслить, быстро ориентироваться в потоке информации, анализировать и прогнозировать, оценивать последствия принимаемых организационно-управленческих решений.

Ключевые слова: креативная элита, новое поколение, поколение Z, цифровое поколение, эволюция, категориальная определенность, суперкреативное ядро, компетенция, высшее образование, компетентностный портрет, выпускник, организационно-управленческое решение, образовательная форма, образовательный метод.

Кандыба Р.А.

Проблема ротации высшей политической элиты России и преемственность политического курса

Статья посвящена анализу ротации высшей политической элиты России в контексте стратегии обеспечения преемственности политического курса и кадровой политики в преддверии выборов в Государственную Думу РФ 2021 г. и Президента РФ 2024 г. Маловероятность смены правящей элиты по итогам ближайших президентских и парламентских выборов актуализирует вопрос о механизмах ротации в высших эшелонах власти. Утверждается, что одним из наиболее важных факторов политической стабильности в восприятии правящей элиты является преемственность политического курса после выборов Президента РФ. Автор приходит к выводу, что политическая конкуренция в рамках существующих политических практик, таких, например, как конкурс «Лидеры России», носит персональный характер и основана на профессиональных и лидерских качествах, но не предполагает выработку различных концептуальных подходов к политическому курсу. Одним из действенных механизмов политической конкуренции могли бы стать выделение в правящей элите отдельных сегментов на основе разности идеологических установок и организация цивилизованной конкуренции между ними на этапе праймериз. В исследовании использованы структурно-функциональный анализ и сравнительно-исторический метод.

Ключевые слова: политическая элита, органы власти, вертикаль власти, «партия власти», внутривнутриполитическая стабильность, контрэлита, несистемная оппозиция, праймериз, межпартийная конкуренция, политический курс, ротация элит, политика, выборы, политический курс.

Косов Г.В.

Гражданское общество как ресурс элитогенеза, циркуляции и ротации элит на Северном Кавказе

В статье предпринята попытка определения сущности западного и российского типов гражданского общества. Утверждается, что в современной России нет гражданского общества в западном его понимании, но при этом можно говорить о гражданском обществе в его российском исполнении. Гражданское общество в западном варианте сформировалось в ходе коммунальных войн. Доказывается, что в России были несколько исторических альтернатив, которые могли бы привести к формированию в России западной модели гражданского общества. Автор высказывает идею о том, что в ситуации формирования в современной России гражданского общества как «кентавра» системы региональная специфика накладывает свой отпечаток на элитогенез, циркуляцию и ротацию элит. Так, на Северном Кавказе актором элитобразующих процессов становится клановая система.

Ключевые слова: элитогенез, циркуляция элит, ротация элит, клановая система, Северный Кавказ, политический процесс, гражданское общество, политика, политическая партия, гражданское общество, западный тип, российский тип, коммунальная война, актор, элитобразующий процесс.

Крючков И.В.

Политика Европейского Союза в урегулировании конфликта в Нагорном Карабахе: стратегия и политическая реальность

В статье рассматривается трансформация политики Европейского союза по урегулированию конфликта в Нагорном Карабахе. Европейский союз полностью поддержал усилия мирового сообщества по его прекращению. ЕС при формировании политики в нагорно-карабахском конфликте ориентируется на деятельность Минской группы ОБСЕ. В начале 2000-х гг. ЕС активизирует свою политику на Южном Кавказе. Данное обстоятельство объясняется необходимостью обеспечения безопас-

ности энергетического коридора «Восток-Запад» и желанием обезопасить восточные границы ЕС. В статье подчеркивается, что ЕС не стремится заменить деятельность Минской группы ОБСЕ. Его политика основывается на стремлении создать благоприятные условия для ведения переговорного процесса с помощью развития демократических институтов, правовой реформы, поддержки гражданского общества в Армении и Азербайджане. В материале отмечается рост критических высказываний в Армении и Азербайджане в адрес политики ЕС на Южном Кавказе. Обе стороны настаивают на расширении его усилий в урегулировании конфликта в Нагорном Карабахе. ЕС исходит из принципа о невозможности решения конфликта в регионе с помощью давления внешних сил, без согласия конфликтующих сторон.

Ключевые слова: *Нагорный Карабах, Армения, Азербайджан, Европейский союз, вооруженный конфликт, политика, стратегия, мировое сообщество, ОБСЕ, демократический институт, правовая реформа, Южный Кавказ, регион, конфликтующие стороны.*

Кудряшов К.В., Санькова А.А.

Политические мифы: элитологический аспект

Политический миф является таким же древним, как и сама политика, которую постоянно, неизбежно сопровождают мифы. История политики свидетельствует о том, что политические мифы могут наполняться как положительным, так и отрицательным содержанием. Политические мифы не стоит сакрализировать, однако произвольное разрушение отдельных политических мифов несет хаос и разрушение иному обществу и государству. В частности, это касается оценок и отношения к реалиям и мифам советской эпохи, прежде всего, к реалиям и мифам о персоналиях правящей партии и власти. Политический миф всегда формируется частью элиты страны, нации, региона. Оставаясь одной из форм общественного сознания, политические мифы способны воздействовать на мировоззрение широких слоев населения и, тем самым, вызывать их активность на пути созидания, преодоления кризиса или на пути стагнации, порождая хаос, распад и гибель конкретных государств. Статья посвящена анализу причин, которые делают нежелательными разрушение некоторых политических мифов.

Ключевые слова: *гибель государства, национальная элита, политический миф, региональная элита, российская элита, советская элита, политика, общество, государство, советская эпоха, власть, правящая партия, мировоззрение.*

Кшов А.С., Мышьякова Д.В.

Проекция российской партийной элиты в условиях антиэлитных настроений гражданского общества

Статья посвящена состоянию принципов программтики партийно-политических элит современной РФ. Рассматриваются проблемы состояния, ротации партийной элиты России. Обращается внимание на рейтинг ее популярности и на причины его низкого уровня. Выделяется такой аспект, как отношение к партиям и к партийной элите граждан и гражданского общества и фиксируются антиэлитные настроения. Прослеживается формирование антиэлитных настроений в мире и в Российской Федерации в частности. Их причины трактуются авторами с учетом объективных (социально-экономических и геополитических) обстоятельств, но также и с учетом субъективных обстоятельств – слабость партийной элиты, непривлекательность программ и дизайна, оторванность от интересов граждан. Авторы проводят типологию внутривнутрипартийных программных блоков «Единой России», которая актуализирует идейно-мировоззренческие основы дальнейшей деятельности «партии власти». Отмечается, что они должны быть обновлены, как равно и обновлена должна быть вся совокупная деятельность партии, если партия желает не потерять полностью свою популярность у граждан. Также намечаются некоторые возможные интеграции идейно-программных принципов в функционировании партий в соотношении с потребностями граждан и гражданского общества.

Ключевые слова: *партийная элита, гражданское общество, программтика, партийная деятельность, антиэлитные настроения, «Единая Россия», внутривнутрипартийный блок, авторитет, политическая элита, программно-партийный популизм, рейтинг элиты, типология, программный блок.*

Соловьева Е.А.

«Дипломатия СИ»: роль политической элиты КНР в политике и дипломатии «крупного государства с китайской спецификой»

С приходом к власти Си Цзиньпина в Китайской Народной Республике был объявлен переход к новой внешнеполитической стратегии – «гранд стратегии Си Цзиньпина». Новый курс ознаменовал собой начало нового этапа в истории китайской дипломатии – «дипломатии крупного государства с китайской спецификой», цель которой – увеличить масштабы политико-экономического влияния КНР в мире, опираясь на свои национальные традиции. В статье предпринята попытка определить, какие новые тренды привнесла в китайскую внешнею политику стратегия проактивной дипломатии нового китайского лидера КНР и какую роль в ее реализации играют политическая элита страны и сам председатель КНР. В статье констатируется, что, несмотря на новые тенденции и реалии, централизованная модель китайской дипломатии, а также общая направленность всей дипломатической риторики КНР на поддержку официального руководства останутся неизменными. Обеспечение внутривнутриполитической стабильности как важнейшее условие поступательного развития КНР останется доминантой и для нового китайского руководства.

Ключевые слова: *КНР, политика, политическая элита, государство, Китай, Си Цзиньпин, «дипломатия Си», стратегия, проактивная дипломатия, дипломатия лидера, дипломатия высокого уровня, дипломатия турне, челночная дипломатия, модель.*

Султанова А.К.

Климатическая повестка в американской массовой культуре при администрации Д. Трампа

Благодаря усилиям научного сообщества проблемы экологии и изменения климата вошли в повестку многих международных форумов, что привело к положительным изменениям в области экологического законодательства как на международном, так и на местном уровне. Статья рассматривает механизмы воздействия американской массовой культуры на общественное мнение относительно глобальной проблемы изменения климата в связи с изменениями в экологической политике правительства США. В работе рассмотрен климатический аспект в экологической политике Белого дома, проанализированы способы воздействия механизмов кино и «селебритиз» на гражданскую позицию, приведены примеры реакции представителей массовой культуры на позицию администрации Д. Трампа в отношении вопроса глобального потепления. Автор отмечает тот факт, что механизм «селебритиз» быстро реагирует на происходящие события в сфере экологии как со стороны самих знаменитостей, так и в реакции СМИ на их действия. Благодаря фокусу медиа на жизни знаменитостей и все большему распространению социальных сетей рассматриваемый механизм имеет широкий охват аудитории и эффективен для мобилизации населения в краткосрочный период.

Ключевые слова: *массовая культура, изменение климата, глобальное потепление, экологическая политика, США, кино, «селебритиз», администрация, Д. Трамп, средства массовой информации, социальная сеть, механизм, аудитория, мобилизация, экология.*

Чекменев Д.С.

Политическая элита как субъект и объект общественно-политического дискурса

Статья посвящена обобщению роли политической элиты, которую она выполняет в поле общественно-политического дискурса как пространстве публичной политики. В статье констатируется, что в поле общественно-политического дискурса как пространстве публичной политики политическая элита выступает одновременно и субъектом общественно-политического дискурса и его объектом. В первом случае она обеспечивает его порождение и соответствующее конструирование. Во втором случае политическая элита сама выступает объектом институтированного структурирования в поле общественно-политического дискурса как пространства публичной политики в статье выделяются такие ресурсы как: консолидация политико-управленческой и политико-административной элиты с ведущей ролью федерального уровня власти; определяющая роль органов государственной власти федерального уровня в структурировании политической сферы; сегментирование общественных субъектов в ходе их включения в политический процесс; систематизация институтированного взаимодействия государства и общества на всех уровнях политического процесса.

Ключевые слова: *политическая элита, общественно-политический дискурс, публичная политика, политическое целеполагание, институтирование, политика, государство, общество, политико-управленческие ресурсы, органы власти, политический процесс, власть, политология.*

Рецензии

Николаев С.Г.

Анализ новых языковых разновидностей как комплексная цель современной англистики

Рецензированию подвергается монография ученого-филолога из Крыма (Таврическая академия) Д.С. Бородиной «Транснациональный английский язык в англо-скандинавском билингвизме», изданная в Симферополе в 2018 г. Автор рецензии особо отмечает тот факт, что теория языковых контактов, расцвет которой пришелся на середину XX столетия, сегодня активно устремляется в сторону существенного расширения собственного исследовательского поля. При этом она парадоксальным образом фокусирует внимание на одном языке – правда, в его преломлении на обязательном фоне многих других. Такой «один» язык возникает в результате длительного совместного функционирования и продуктивного контактирования двух и более национальных языков; он вполне соотносим со своим «ныне здравствующим» базовым идиомом, но отличается от него функциональной спецификой, отношением к норме и, главное, массовым пользователем. Иными словами, речь идет о транснациональном языке, на роль которого в современном скандинавском мире претендует английский. Он и составляет комплексный объект исследования Д.С. Бородиной.

Ключевые слова: *языковая разновидность, англистика, рецензия, монография, Таврическая академия, Д.С. Бородина, билингвизм, языковой контакт, национальный язык, транснациональный язык, продуктивное контактирование, норма, массовый пользователь, скандинавский мир.*

Creative transformation of scientific paradigms

Gorbunov A.P.

How to govern the world while positively transforming it: creative-evolutionary transparadigmatics and transparametrics, transconsociotics and transsynergetics of the unified world structure

The article is devoted to exploring the possibilities of the positive transformation of the world order from the point of view of evolutionary transparametrics, transsynergetics, transparadigmatics and transconsociotics. The author considers the structure of social-humanities and organizational-managerial knowledge by analyzing the conditions and possibilities of social changes, as determined by the course of development and the integration of various fields of knowledge. Empirically, the boundaries of social and humanities knowledge are overcome through the use of new methodological approaches, which are of a general scientific nature and allow to transform the picture of the world itself. The article gives a generalization (over-over-co-generalization and over-over-co-co-generalization) of all (over-overall) co-meaningful co-dynamics, co-dynamism of self-co-(pro)motion (self-co-development and self-co-transformation). Generalizing the co-types (co-levels, co-methods, etc.) of managerial organization, the author obtains a practical-strategic managerial set of tools (over-over(trans)co-tools) of predictive nature (over-over(trans)co-predictive over-over-co-nature) that allows him to implement coordinated (over-over-co-coordinated) and fully intelligent (over-over-co-fully over-over(trans)co-intelligent), over-over(trans)all-inter-co-intelligent transformations, over(trans)co-transformations and over-over(trans)co-transformations.

Key words: *re-interpretation, over(trans)level, over(trans)dialectics, methodology, methodological approach, world structure, self-organization, self-co-development, self-co-transformation, innovation, co-level, co-method, co-type, over(trans)all-transformativeness, creative-evolutionary transparadigmatics, transparametrics, transconsociotics, transsynergetics, management.*

The Russian language: history, modern state and prospects of development

Tambiyeva F.A., Cherkassova G.V., Shvelidze N.B.

Antonymic oppositions in the sphere of verbal phraseology with the meaning of behaviour

The systemic semantic links that exist in the semantic structure of a phraseological unit and between the meanings of several phraseological units reflect the multistage and multilevel relationships of polysemy, synonymy, antonymy, and variance. Phraseological units are antonymic if they have common (identical) or opposite (counter, contradictory) components of meanings, and also if they are used in antonymic contexts and have the same sphere of lexical collocation. Phraseological antonymy is not readily observed, firstly, due to an individual nature of the phraseological meaning, the difference of etymological images. Phraseological units may be opposite in meaning, but not antonymic, since their antonymic images are not related to each other. Phraseological units enter into antonymic relations if their opposition applies to all elements of meaning. The article considers the semantic types of phraseological antonyms pertaining to the field of human behaviour, as well as the structural types and the possible antonymic meanings of polysemantic phraseological units.

Key words: *antonymy, phraseological antonyms, phraseological image, etymology, opposition, meaning, contrary nature, antonymic opposition, verb, verbal phraseology, behaviour, polysemy, synonymy, variance, lexical collocation.*

Shvelidze N.B.

Semantic modifications in the field of numerical phraseological units with a numeral component

The subject of the research is the corpus of phraseological units containing the numerals «two», «three», «seven». The term «phraseological unit» is approached within the framework of the semantic conception in phraseology. Attention is paid to the existing scientific works in this area and the conclusions drawn therein. Semantic modifications in the sphere of numerative phraseological units with a numeral component are studied in detail.

The author comes to the conclusion that the numeral in the corresponding phraseological units can retain a quantitative meaning, can change the meaning of the exact number to an abstract one, and gravitate to the semantic fields «a lot» and «a little». Each case of fluctuations in the semantics of the numeral as part of the phraseological unit is accompanied by an increase in expressiveness, additional connotative shades of meaning, as well as the creation of a vivid phraseological image.

Key words: *numeral, numerative phraseological unit, meaning, semantic field, phraseological image, qualitative meaning, phraseological unit, phraseology, semantic modification, component, quantitative meaning, quantity, semantics, connotation.*

Structural, functional and cognitive-semantic aspects of Germanic languages

Voloshin Yu.K.

The representation of the TIME concept in the English language

The article deals with the representation of the TIME concept in the modern English language – in English phraseology, including sayings and proverbs, as well as in aphorisms of English, American, French, etc. writers and public figures. Time is a basic notion of science, philosophy and culture. Phraseological units are complex semiotic signs, part of the information system, which stores and translates knowledge to the next generations. Sayings and proverbs with the lexeme time accumulate and convey our ancestors' experience and their bits of advice, some of them have philosophical implications and reflect people's mentality. The existing variants of some sayings and proverbs are taken into account, especially those in use in the United States of America. The aim of the article is the analysis of the TIME concept representation in the modern English language. About 160 sayings and proverbs, more than 90 phraseological units and a number of aphorisms have been taken from various lexicographic reference books, collections and dictionaries of quotations and aphorisms. Such methods as contextual, definition and componential analyses have been used during the research. The author comes to the conclusion that the lexeme time is frequently used in various texts and discourses.

Key words: *time, phraseological units, sayings and proverbs, aphorisms, semiotics, variant, representation, concept, conceptual sphere, cognitive linguistics, proverb, saying, mentality, phraseological unit, lexeme.*

Dymova A.V.

Colour metaphorical modelling of protest at the iconic level in British and American rock-discourse

The aim of the article is to analyze the use of the red, blue and yellow colours in modelling protest. The iconic level (album cover artwork) of British and American rock-discourse has served as the material for the research. The key method is metaphorical modelling as a means of analyzing meaning shifts which are typical of a certain culture. The author provides an overview of what has been previously achieved in the sphere of semiotic colour analysis. Such metaphorical models of British and American rock-discourse as RED – REVOLUTION / RADICALITY, BLUE – ROWDINESS, YELLOW – PROTEST are considered in the article. The author provides an in-depth comparative analysis of a range of examples to illustrate the linguacultural specifics of the models in question. The exception is the metaphorical model of protest based on the blue colour as it can be distinguished only in American rock-discourse.

Key words: *colour, metaphorical model, protest, rock-discourse, British rock-discourse, American rock-discourse, red colour, blue colour, yellow colour, concept, conceptual content, model, iconic level, album cover, colour analysis.*

Martynova E.A., Romanchuk V.O.

Political allusions and the language means of reflecting political realia in the texts of English-language dystopias

Many researchers have addressed the issue of studying non-utopian literary works, due to which some approaches to their study in various sciences, in particular, in literature and philosophy, have been outlined. The topicality of the study is conditioned by the fact that certain linguistic characteristics of dystopia have not yet received full scientific coverage. The aim of the research is to identify the specifics of using political intertextuality and some linguistic means of reflecting political realia in the English-language dystopias of the XXth century. The article attempts to consider some possible points of convergence between the literary text of dystopia and political discourse. As a result, the authors of the article conclude that the dystopias they have looked at are filled with political allusions and contain intertextual inclusions, which make it clear that these works have been created in a political key. The authors of dystopias use figurative and expressive means of the language in reflecting political realia in the text in order to distinguish certain emotionally expressive aspects of the political language. Being examples of literary discourse, English-language dystopias contain some key features of political discourse, which proves the convergence between different types of discourse.

Key words: *English-language dystopia, political discourse, literary discourse, intertextuality, figurative means, expressive means, political realia, political language, political allusion, totalitarian system, reminiscence, irony, ideology, political reality.*

Redkozubova K.Yu., Cherkassova I.P.

The representation of the «LOVE» concept in modern literary discourse (based on C. Ahern's novel «P.S. I love you »)

The system of concepts is a basis of literary discourse. A concept is a unity of meanings representing an important axiological category in the space of particular discourse. Concepts are verbalized in accordance with the character and singularity of corresponding material, spiritual and social culture, in tight correlation with linguistic and pragmatic factors. When a concept appears in different types of context there is a partial change in its structural-semantic content. The article is devoted to the study of representation of the «LOVE» concept in literary discourse drawing on the material of C. Ahern's novel «P.S. I love you». Discourse is considered as a complex structural-semantic formation, an axiological system having a certain functional perspective. The article shows a change in the structural-semantic organization of the concept in fiction, that allow the authors to retrace the formation of the literary concept «LOVE». Partial conservation of meanings is proved and variable meanings are presented as well. The given examples illustrate the statements under consideration. The data obtained can be used in the course of the analysis of linguistic and cultural concepts within religious, literary and mass media types of discourse. The practical value of the article consists in the application of the research results in the course of stylistics, text interpretation, theory of language, discourse theory, theory and practice of translation.

Key words: *discourse, concept, understanding, interpretation, love, fiction, axiology, representation, literary discourse, novel, C. Ahern, conceptual sphere, cognitive linguistics, context.*

Shabanov O.A., Sharifzoda Kh.M.

The theory of role semantics in the interpretation of the category of voice in the modern English language

The article shows that the semantics of voice relations can be expressed not only by grammatical categories. An analysis of various points of view on the semantic nature of the voice relations is carried out. Various classifications of voice are given. The so-called reflexive, reciprocal and middle types of voice are proposed to be considered in the framework of role relationships, i.e. at the level of the semantic structure of the sentence. The semantics of voice relations is interpreted in close connection with the structure of the semantic role of the subject in the predicate. The active voice of the predicate correlates with the semantic role of the Actor as the most active actant of the situation. Such semantic roles as Agentive, Source, Instrument, Experiencer, Benefactive are capable of expressing active, agentive, potentially active, factual, experiential, benefactive relations. Despite the formal affiliation to the active voice, the semantics of voice relationships may be different. The nature and degree of activity of the subject is significantly influenced by the manifestation of activity depending on the stage of the predicate. Therefore, the authors consider the category of potential controllability, which manifests itself only at the final stage of the predicate.

Key words: *voice, active voice, passive voice, voice relationships, semantic role, Actor, Agentive, Experiencer, Factitive, Instrumentative, Source, Benefactive, subject, predicate.*

Structural, functional and cognitive-semantic aspects of Romance languages

Petrenko T.F., Keleynikova A.G.

Digital technologies of blogosphere in the modern French literary text

The purpose of the article is to analyze the technologies of blogosphere, transferred by French authors from the computer environment to the literary text, and to identify the stylistic features of this model of writing. The object of the article is the study of literary texts of the modern French authors – Eric Chevillard, Alan Weinstein and Beatrice Rilot, who use the resources of digital technologies and communication models in the Internet environment. The article examines the differences between a usual diary and a network one. The literary form of «autofiction» is analyzed in which real facts and fiction are intertwined, and the author himself is an actor in a fictional narrative. The authors consider the components of the blog and page space, transferred to the printed text, clarify the role of the modern epistolary genre (SMS), which is a definite strategy for the construction of a literary work. The features of synthesis of the literary and non-literary in hybrid texts by E. Chevillard, A. Weinstein and «nanotexts» by Beatrice Rilot are revealed. The article concludes that both weblogs and studied novels are characterized by fragmentation, non-linearity, self-reflection, intertextuality, mixing of documentary and literary features. The characteristics of the authors' idiostyle are preserved in the published novels, and a visual appearance of the blog, transferred to the books, changes the perception of the printed text.

Key words: *digital technologies, blogosphere, fragmentation, nonlinearity, hybridity, network blog, tweet, SMS, idiostyle, E. Chevillard, A. Weinstein, «nanotext», B. Rilot, literary text, Internet environment.*

Structural, functional and cognitive-semantic aspects of Dagestani languages

Kurbanov I.A.

The case system of Anklukh and Amukh dialects of Dargwa

The article is devoted to the synchronic description of the case system of Anklukh and Amukh dialects of Dargwa, which has never been the subject of linguistic research before. Grammatical cases of the dialects in question include the forms of absolutive, ergative, genitive, dative, comitative and adverbialis (factive). The markers of all the six grammatical cases of Anklukh and Amukh dialects are absolutely identical both in singular and plural. In comparison with Shari dialect of Dargwa, Anklukh and Amukh dialects do not have a special marker for adverbialis or factive, it is similar to the case-ending of ergative (in its form but not in its grammatical meaning). Besides, the markers of the comitative case in Anklukh and Amukh dialects differ from those of Shari dialect. Anklukh and Amukh dialects do not possess instrumental and objective cases which function in most of Dargwa dialects, they are substituted by postpositional constructions.

Key words: *Dargwa, Anklukh dialect, Amukh dialect, Shari dialect, case system, grammatical case, locative (spatial) form, case, number, absolutive, ergative, genitive, dative, comitative, adverbialis.*

Structural, functional and cognitive-semantic aspects of Sino-Tibetan languages

Bankova L.L.

Hieroglyphs of the Heavenly Stems and Earthly Branches in the function of ordinal numbers in the Chinese language

The consideration of Chinese traditional hieroglyphs of the Heavenly Stems and Earthly Branches is extremely important from a linguistic point of view. The article proves the validity of assigning these hieroglyphic symbols to ordinal numbers. In this capacity,

they can perform the chronology function, since in China, along with the marking of dates in the traditional way, there is a parallel designation using the Heavenly Stems and Earthly Branches by combining the odd or even characters of both sets, which allows you to get 60 pairs. In the course of the study, the designations of the historical events included in the corpus of the Chinese language, denoted by the Heavenly Stems and Earthly Branches, are studied. There are few similar language units, however, the frequency of their use is high. In addition, the cases of use of the analyzed characters in the function of ordinal numbers in the ranking of grades, classes and structures are listed and illustrated. The uniqueness of the cyclic signs in question is that they exist in parallel with other digital signage systems, and, by accumulating cultural information, are rich research material.

Key words: *Chinese language, Heavenly Stems, Earthly Branches, Chinese language, numeral, ordinal number, hieroglyph, set, hieroglyphic symbol, chronology, cyclic sign, grade, class, structure.*

Mass media studies and media-text research

Borlakova L.A.

Television review in the system of analytical programs

Television in the object space of the science of journalism is characterized by extremely different vectors of dynamics. The wave-like development of TV prompts to turn to early periods of its development, including in the search for continuity, variability, internal and external systemacy of television, the complex unity of its almost centuries-old history, including prehistory. The author emphasizes a possible explanatory value of analyzing various genres, including television. The article reveals the transformation of functions of the modern domestic television in the period of commercialization. Under the conditions of competition and dependence on the rating as a guarantor of the further release of a program on the air, the function of entertainment, but not education, came first. Such a situation could not but affect the quality of the content, fundamentally changing the attitude of journalists to the profession, the content of the broadcast, shifting the emphasis towards shows and entertainment, infotainment, which has become even an integral part of the newscast.

Key words: *television, review, news program, author's program, broadcasting, telecast, mass communication, analytical program, journalism, commercialization, rating, broadcast, infotainment, content.*

Gikis S.N.

Information technologies in journalism: challenges of the XXIst century (drawing on the example of the work of global news agencies)

The article is devoted to the study of theoretical and practical aspects of the use of modern innovations in journalism drawing on the example of the functioning of artificial intelligence algorithms in international news agencies. The author emphasizes the revolutionary importance of introducing artificial intelligence into the work of editorial offices of the mass media, which for the first time in the history of journalism has allowed the forthcoming emergence of virtual editorial offices without people's participation. The key issues include the problem of sharing responsibility between journalists and programmers who set up artificial intelligence algorithms for publishing false information, as well as the problem of respecting primary copyrights when creating a secondary content through artificial intelligence. The article highlights the main areas for using innovations in journalism, such as optimizing workflows, handling large amounts of data, and reducing the time for routine work. With the help of the case-study method, the practice of applying artificial intelligence technologies in international editorial offices has been analyzed; the existence of certain main technological and socio-political challenges for the journalism of the XXIst century is stressed.

Key words: *information technologies, journalism, news, innovation, algorithm, artificial intelligence, mass media, virtual editorial office, copyright, secondary content, international edition, workflow, optimization.*

Gorbunenko A.F.

Waldo Frank and US literary and political editions

Waldo Frank is not just a writer and journalist, but also a playwright, biographer, journalist, philosopher, poet, historian, critic, travel writer and political agitator. The article reveals his biography, the creative way of becoming as a writer, as well as his attitude to US literary and political editions. In particular, mention is made of the fact that Waldo Frank was one of the founders of one of the main literary editions of the modernist era – the Seven Arts (1916-1917), along with James Oppenheim and American literary critic Van Wyck Brooks. W. Frank served as co-editor and actively published his works in several literary and political journals. It is argued that with all the wide variety of interests of the writer and the topics he raised, his opinion about technical progress, industrialization and the coming «Era of Machines» remained invariably negative throughout his creative journey.

Key words: *W. Frank, literary and political edition, journal, journalism, writer, journalist, playwright, biographer, publicist, philosopher, poet, historian, critic, political agitator, co-editor.*

Zhernovaya O.R., Lobanova N.S.

UK migration policy. The image of a migrant in the British mass media

In the article, the authors touch upon the problem of forming an effective migration policy, which is especially topical for the countries with a high standard of living, such as the United Kingdom, since such states are traditionally attractive to migrants. The purpose of the study is to consider the reasons for tightening the migration policy in Great Britain and the influence of the migrant's

image created by the mass media on the public consciousness, as well as on the decisions made by the political elite. The subject of the research is the goals and objectives of the migration policy of the United Kingdom and the ways of forming public opinion to ensure its broad support. The main method used in the work is the analysis of documents and articles in periodicals published from 2005 to the present day. As a result of the study, the authors conclude that the tightening of the migration policy and the negative image of the migrant in the mass media were a reaction of the British society to the increased socio-economic instability. However, at the moment, in the light of the Brexit, an interest of the UK government to alleviating the problem and forming a positive attitude towards migrants can be seen.

Key words: *migration policy, image, migrant, mass media, public opinion, Great Britain, public consciousness, political elite, society, document, article, periodical, British society, socio-economic instability.*

Nikulin I.O.

Satirical print editions in the mass media system

The history of journalism shows that the mass media system is subject to modification depending on the development of the state, society, socio-political and economic characteristics of a particular period. The political system, the state ideology imposes such requirements on the mass media that could contribute to the necessary development of both society and the country as a whole. The current attention to the history of mass media can contribute to solving new problems, in particular, an effective promotion of the edition in today's market conditions. It is argued that satirical editions were largely in demand during the Soviet era, as they represented an instrument of the state policy, with the help of which it was possible to manage society by cementing the necessary ideology. The author notes that the mass media typology proposed by Soviet researchers did not take into account the presence of satirical journalism in the information field. Modern typologies do not reflect these types of editions because of their extremely weak presence on the market. Today, satirical editions have been replaced by entertainment ones, which are characterized as magazines for leisure in modern typologies.

Key words: *satire, satirical edition, print edition, mass media, journalism, system, Soviet era, typology, information field, satirical journalism, entertainment edition, magazine for leisure, press.*

Patyukova R.V.

The specifics of PR-support in the promotion of cultural and leisure facilities: a communicative aspect

Museums are one of the most important institutions for successful marketing of both individual cities and states in terms of the level of their civilization, development, creativity and postmodernism. They are a measure of the development of each given culture. Museums as one of the types of cultural institutions actively contribute to the development of society in general and the economic component in particular. The implementation of PR-support in the museum sphere is possible through the following PR-tools: media relations; special events (event-management); advertising; Internet communications (modern media relations). PR instruments traditionally used by such a state cultural institution as a museum should be integrated into a single system of organizing interaction with the society, i.e. they must form a coherent structure capable of solving problems and achieving goals. The direction of a PR specialist's activity in a museum is to be thoroughly studied. It is important to use each of them, rightly and correctly combine them, then the work will show certain positive expected results.

Key words: *PR support, PR tool, traditional media relations, special events, advertising, modern media relations, promotion, institution, museum, cultural and leisure sphere, museum sphere, communicative aspect, culture, Internet communication.*

Frostetsky S.A.

«Maidan neologisms» as an instrument of the information warfare in the Russian and Ukrainian mass media

The subject of the research is the phenomenon of «Maidan neologisms» as one of the means of information confrontation between Russian and Ukrainian mass media, as well as the technology and reasons for using these language units in print media, on television and on the Internet. The aim of the work is to study neologisms and occasionalisms that have arisen against the background of the Ukrainian events of 2014-2017. The study is based on the principle of the dialectical relationship between thinking, language and reality; phenomenological method aimed at establishing correlation and iconic units with intentional structures of consciousness in the process of meaning formation. The structural-semiotic, communication and activity approaches, the institutional-discursive method have been used as general scientific methods in the study. The objectives of the use of the analyzed neologisms and occasionalisms differ significantly depending on the conditions in which they are used. If «Maidan neologisms» are used in the media in most cases to diversify the speech at work, as well as to achieve certain goals on the impact on the society, journalists use these lexical units as accurately and selectively as possible, then Internet users use the same lexemes everywhere mainly to insult or offend their opponent in an online dialogue.

Key words: *«Maidan neologism», tool, information warfare, mass media, Russia, Ukraine, technology, print edition, television, Internet, neologism, occasionalism, phenomenological method, sense formation.*

Issues of contrastive-comparative, typological linguistics and translation

Bass I.I.

A comparative research of coordinating conjunctions in the Russian and Japanese languages

The article deals with a comparative analysis of the Russian conjunction *u* (*and*) and its translation equivalents in the Japanese language – conjunctions *ga*, *shi*, *soshite*. The paper explores the main differences between conjunction *u* and conjunctions *ga*, *shi*, *soshite* drawing on the material of M. Gorky's novel «Mother», L. Tolstoy's novel «Anna Karenina» and two Japanese translations of these literary works. For this purpose, the place of localization in the sentence of each of these conjunctions and their meanings are analyzed, i.e. the presence or absence of various semes in their semantic structure. These semes include: «semantic orientation», «adversativeness», «concession», «enumeration», etc. The meanings of Japanese conjunctions are characterized as a combination of the identified semes and the main differences between the Russian conjunction *u* and the Japanese conjunctions *ga*, *shi*, *soshite* are revealed with due regard to the localization features. In addition to conjunctions *ga*, *shi*, *soshite* «*u*-relations» can be rendered in the Japanese language by various asyndetic means (perfective adverbial participles *-te*, participles of simultaneity *-nagara*, etc.) as well as non-coordinating conjunctions (conjunction of reason *dakara*, concessive-adversative conjunction *noni*, etc.). When choosing a translation equivalent for the conjunction *u* (*and*) there can be found competitive relations not only among Japanese conjunctions but also between a Japanese conjunction and an alternative way to express «*u*-relations».

Key words: *coordinating conjunction, translation equivalent, seme, comparative analysis, localization, comparative research, Japanese language, Russian language, conjunction of reason, sentence, logical structure, «u-relations», asyndetic means, non-coordinating conjunction.*

Khissamova V.N., Abdullina L.I.

Synonymy in medical terminology as one of the important issues of terminology studies (based on the English, Russian and Tatar languages)

The article discusses the issue of synonymy in medical terminology drawing on the material of the English, Russian and Tatar languages. The study of medical terminology is a highly topical issue, since the vocabulary of languages, including national ones, is being replenished with terms. Synonymy in medical terminology is one of the important issues of terminology studies. In addition, the synonymy in the medical terminology of genetically unrelated, namely, English and Tatar languages, Russian and Tatar languages in the comparative aspect, has not been studied yet. The study of the phenomenon of synonymy in the medical terminology of the English, Russian and Tatar languages will identify the similarities and differences of synonymous relations in these languages. This will help to organize the terms in three languages, which plays an important role in the compilation of dictionaries, in the translation of medical texts. The authors describe in detail the sources and causes of the appearance of synonyms in medical terminology for each of these languages. The article also cites the opinions of various scientists regarding the issue of synonymy in terminology: opinions vary – some scholars consider synonymy in terminology as a negative phenomenon, some have a positive attitude towards it; the distinctive feature of the phenomenon of synonymy in terminology and common language is emphasized.

Key words: *term, synonymy, medical terminology, comparison, collation, typology, unrelated languages, English language, Russian language, Tatar language, terminology, terminology studies, semantics, common lexis.*

Hongbo Yu, Kuvychko A.A.

The value of the family in the audiovisual imagery of the Chinese and Russian advertising

The article examines the issue of linguistic representation of the value of motherhood and childhood as a cultural phenomenon in Chinese and Russian commercial advertising texts accompanying promotional videos. The sociolinguistic culture and features of audiovisual advertising texts are considered. The advertising text consists of signs that are perceived visually. Many characters form the visual space of the text. The process of reading and interpreting the text goes through a series of «nodal points» – morphologically constant, disjunctive signs-elements – signs that remain well defined after narrowing the perceptive zone. «Nodal points» define the content-semantic structure of the text, the motives and goals of the communicator (i.e. the intention). The analysis of the imaginative series of audiovisual advertising helps the study to recognize the features of the modern Russian and Chinese national culture and the picture of the world of a person as a whole. The study uses the comparative method, the method of content analysis, the psycholinguistic approach.

Key words: *advertising text, commercial advertising, picture of the world, national culture, tradition, value, motherhood, childhood, emotion, audiovisual communication, impact, imagery, family.*

Literary and textual criticism

Aksyonova A.V.

Linguastylistic peculiarities of metalibretto texts of the XVIIIth century

The article is devoted to the linguastylistic features of metalibretto texts within the framework of the metamelodrama genre. The libretto texts of the librettists G. Casti, C. Goldoni, R. Calzabigi, G. Bertati have served as the main object of the analysis. The subject of the research is the functioning of linguistic units at various levels of linguastylistic analysis (lexical-grammatical and rhythmic-syntactic). The research is carried out at the interdisciplinary level, at the intersection of literary criticism, linguistics, and

theater science. The works by both foreign authors and Russian researchers have served as its theoretical and methodological basis. The article introduces and defines the notions of metamelodrama and metalibretto. Metalibretto has a relatively formalized structure, in which one text describing the production of a piece of music is framed with other text providing inline links and linear unfolding of the text. As part of the analysis, specific foreign vocabulary has been identified, which contrasts with the context that accepts them. It should be noted that the comic effect has been created not only at the lexical-grammatical level of the language organization, but also at the rhythmic-syntactic one. The expressive potential of the works is enhanced by various quotations, allusions and other inclusions considered within the intertextual nature of the libretto texts.

Key words: *linguastylistic analysis, metalibretto, metamelodrama, parody, opera-buff, opera-series, intertextuality, word formation, allusion, everyday speech, shift to the right, anaphora, text, genre.*

Volkova K.B.

Thai drama in the late XIXth-first quarter of the XXth century

The article is devoted to the analysis of works by King Rama VI Vajiravudh. The research of the Thai dramatic works in the period of reign of Vajiravudh (the end of the XIX century - the first quarter of the XX century) is carried out. The article shows that Vajiravudh realized certain literary experiments in his own works, which helped him in future to get his social and political views across the Thai people. Special attention is paid to the promotion of the Khon theatre by King Rama VI Vajiravudh, whose sympathy was the plays accompanied by the choir singing of patches of poetry from the Ramakien poem. The results of the research of this poem allow to conclude that the composition of the Ramakien made by King Rama VI Vajiravudh is ready to be performed on a stage. He wrote his work as a modern playwright, in keeping with the necessary tradition of the Khon. During the research, it has been established that the theater at the end of the XIXth - beginning of the XXth century develops new problematics and literary forms, and the focus of playwrights' interest is expanded by domestic matters, creating a widespread picture of social life. Enthusiasted with new trends, Vajiravudh took the intrigue of his plays into ordinary conditions and devoted the plot of the plays to family problems.

Key words: *drama, Thai drama, dramatic art, Thailand, Siam, Thai theatre, Thai drama, Rama VI Vajiravudh, work, patch of poetry, choir, poem, composition, playwright.*

Shkurskaya Ye.A.

The ways of expressing fiction in short stories «The Sandman» by E.T.A. Hoffmann and «The Grey Car» by A.S. Grin

The article discusses the ways of expressing fiction in the genre structure of the short stories «The Sandman» by E.T.A. Hoffmann and «The Grey Car» by A.S. Grin. The methodological basis of the work consist in the historical-literary, historical-functional, conceptual, interpretative and comparative methods of analysis. The interest to E.T.A. Hoffmann's and A.S. Grin's works is explained by the typological similarity of the authors' creative method, by the community of the methods, by the stability of the motives in the expression of fiction. A comparative analysis of the works by E.T.A. Hoffmann and A.S. Grin allows to trace not only the typological connection, but also the authors' individual methods of expressing fiction. The article identifies the folklore sources of the fantastic and author's individual methods for creating a fantastic world. The motives of duality, fate, fear, mechanization of the society are analyzed, the authors' individual images-symbols of the mechanical world are singled out, such as a grey car, a man-machine, a doll. The main functional purpose of the fantastic in A.S. Grin's works is determined, as it is a protective motive through which he predicts some possible consequences of the scientific and technical progress. E.T.A. Hoffmann's romantic world perception illustrates the catastrophic nature of fate that influences the fate of the heroes, the awareness of imperfection of the world and the tragedy of a man in it.

Key words: *fiction, folklore, image, symbol, function, motive, doll, scientific and technical progress, man-machine, short story, E.T.A. Hoffmann, A.S. Grin, genre structure, fantastic world.*

Theoretical issues of studying language and discourse phenomena

Veliyev Z.B.

Linguaconflict management: the subject, objectives and vectors of development

In recent years, when so-called «verbal» crimes have become an urgent problem, a new frontier area of knowledge – linguaconflict management – has become a reality. Language communication – as one of the most important forms of social interaction – inevitably (and often) takes a conflict character, which gives rise to the need for its legalization. Any text that contains the statement about people or institutions can be challenged in court. Conflict is a category of law that needs normative regulation. Linguallegal conflict is a common title that includes the so-called verbal crimes (slander, insult), language aggression and language extremism, incorrect strategies and tactics of persuasion (manipulative techniques), as well as destructive methods of Internet communication (trolling, etc.). Today's social communication is in focus of attention of many Humanities, including new areas of cultural knowledge, called «linguaconflict management». In linguistics, only successful communication has traditionally been studied, while an urgent social need for the cultivation of public space and the harmonization of communication of all strata of the Russian society dictates the need to study the conflictogenic aspects of discourse and text. The empirical base for the study of conflicts is the widest: Internet communication, materials of court cases and linguallegal expertise, content analysis of the mass media.

Key words: *verbal communication, linguallegal conflict, linguaconflict management, legal linguistics, verbal offense, trolling, language communication, social interaction, text, normative regulation, language aggression, language extremism, strategy, tactics, Internet communication.*

Grokhovskaya I.A., Fayzieva G.V.

**The issue of interpretation of substandard medical lexical units
(drawing on the example of the semantic group «human organs»)**

The article analyzes the substandard lexical units belonging to the semantic field «Medicine». The aim of the research is to identify the main features of nomination of the selected lexical units for the subsequent identification of key characteristics of the semantic group «Human organs» at the level of the substandard lexical layer. The lexemes that most fully and accurately describe the characteristic features of the corresponding human organs are chosen as working ones. In the remaining lexical units, there is the same set of characteristic features as in the lexemes analyzed by the authors. The methods of lexicographic, lexicological and semantic analyses, as well as semantic interpretation, classification, quantitative calculation and the method of tabular display of the data obtained as a result of the study have used during the study. The most authoritative lexicographical sources of standard and sub-standard English lexis have been selected as the research material. Semantic analysis of the definitions of lexical units denoting human organs allowed the authors to identify both some main and additional characteristic features acquired by these lexemes at the substandard language level.

Key words: *interpretation, substandard, lexical unit, substandard unit, medicine, semantic field, nomination, human organs, lexicographic analysis, lexicological analysis, semantic analysis, substandard lexis, definition, lexeme.*

Kozlovsky D.V.

The author's evidentiality in the space of modern literary discourse

The article deals with the lexical means of expressing evidential meanings in English literary discourse. The given analysis of different evidential classifications makes it possible to name the fundamental principles of this category. It is formed by means of personal experience of the speaker, attesting, citing and retelling of different pieces of information. However, the rendered knowledge might have direct and indirect nature. The necessity of marking the role of the subject of communication leads to changes in evidentiality examination approach, changing its grammatical scope. In terms of linguasynesetics, evidentiality belongs to modus categories as it allows perceiving, interpreting and transferring information after its mental estimation. The linguasynesetic analysis makes it possible to identify evidential discursive context, representing «situational component», as well as «speech component», realized by means of «epiphase» and «prophase». The modus frame of an evidential utterance is formed by means of the speaker's reference to evidential operators: verbs, parenthetical modal words, adverbs, nouns, adjectives and collocations. The study of evidential functions in literary discourse is impossible without identifying the source of evidential statement. It leads to differentiation between the author's speech and the characters' speech. The specifics of evidentiality markers representation is the reason to focus on the author's speech and allows to give definition and describe the performance of «authorial evidentiality» in the discursive space.

Key words: *evidentiality, modus category, linguasynesetics, discourse, epiphase, prophase, literary discourse, classification, citing, retelling, subject of communication, source of information, discursive context, modus frame.*

Mavleyev R.R. Kalinin O.I.

Metaphor as a means of implicit information analysis in political discourse

The article discusses the metaphoricity of political speeches in their thematic correlation. The authors are developing a comprehensive methodology for calculating the index of force of the thematic metaphor within a specific text. The methodology is based on a cognitive-discursive approach to metaphor, taking into account its pragmatic force, and develops the idea of C. De Landtsheer regarding the possibility of calculating the metaphor force index. Practical application of the methodology allows to draw conclusions about the correlation of the importance of explicit and implicit information in the text. The methodology has been tested drawing on the example of texts of speeches of the President of the Russian Federation V.V. Putin and President of the People's Republic of China Xi Jinping at the opening of the International Forum «One Belt and One Road». The results of the study show that the quantitative values of the explicit and implicit information in the texts are not equivalent, which allows to draw conclusions about the hidden author's intentions and conduct a more detailed analysis of political processes and qualitative forecasting.

Key words: *conceptual metaphor, metaphor, implicit information, explicit information, speech impact, discourse, political discourse, metaphoricity, modelling, text, political speech, cognitive-discursive approach, force index.*

Sidorenko Ye.A., Matveyeva G.G.

Speech behaviour of Russian- and English-speaking students (pilot experiment)

The article is aimed at the analysis of the speech behaviour of student youth belonging to one age and status group studying at the university, but differing in their nationality. The task of the study is to answer the question if the speech emotionally-oriented behaviour of student youth groups depends on their nationality. The article is devoted to the analysis of speech material on the criterion of the hidden strategy of speech influence «participation / non-participation of communicants in a speech event». The English- and Russian-speaking students are considered as communicants. The article describes a pilot experiment to study the speech behaviour of the English- and Russian-speaking students by the method of hidden pragmalinguistics. The aim of the research – to detect similarities and differences in their speech behaviour – has been completed: it has been proven that there are qualitative similarities and quantitative differences in the speech behaviour of the American and Russian students. It is assumed that speech behaviour is the work of subconsciousness, which reflects the speech experience of the communicators and in which the national mentality is fixed.

Key words: *pragmalinguistics, speech, speech strategy, hidden effect, speech behaviour, English-speaking student, Russian-speaking student, pilot experiment, subconsciousness, grammatical form, verb, small syntactic group, national criterion.*

Filimonova Ye.P.

Game in sports discourse: concept and method

Sports discourse is characterized by openness and fundamental accessibility, which distinguishes it from other types of institutional and professional types of discourse. Sports discourse is described by the implementation of several dominant concepts, to which the «GAME» concept can be attributed, to which a system of subordinate concepts is built on in the historical development of the sports conceptual sphere, which makes it possible to consider the game as a hyperconcept. The article is devoted to the consideration of the semiotic dominants of the «GAME» concept in sports discourse and the implementation of the language game method, which are closely related to the cognitive structures of this type of discourse. It is noted that the «GAME» concept in sports discourse is characterized by mythologization, which is reflected in its symbolic sphere. It is concluded that the language game in sports discourse is characterized by a frequent use of metaphors, antitheses, rhetorical exclamations, as well as a transformation of precedent statements and texts.

Key words: *sports discourse, game, institutional discourse, hyperconcept, concept, institutional discourse, professional discourse, dominant concept, cognitive linguistics, conceptual sphere, sports conceptual sphere, metaphor, antithesis, rhetorical exclamation.*

Khazratkulov A.P.

Economic discourse in the coordinates of institutional professional discourse: main features, functions and types

The article is devoted to the task of the study of features, functions and types of economic discourse in a single space of institutional professional discourse. The features of professional and institutional types of discourse are consistently considered, on the basis of which economic discourse is interpreted as a realization of speech acts in the economic communication, represented by journalists and specialists (subjects of professional activity) in the field of covering the economic situation in the form of oral and written texts, as well as their fragments marked by a complex of norms, stereotypes of worldview and intercultural behaviour. The article states that the communicants of economic discourse can be both legal and physical persons, starting with the state, and ending with scientists and instructors. The main functions of economic discourse are revealed: informing the population about the current economic situation, forming ideas about the realia of the economic world, analyzing the vectors of the economic system, implementing world economic theories. Types of economic discourse are determined in accordance with the understanding of characteristics of the economic activity.

Key words: *institutional discourse, professional discourse, economic discourse, function, feature, speech act, communication, economic situation, text, communicant, legal person, physical person, economic theory, economic activity.*

Shabanov O.A.

A correlation between aspectual semantics and semantic types of the predicate

In the article, the aspect is considered, first of all, as a semantic category having a variety of rubrications. The way of thinking about the action or process taking place can be expressed both lexically and morphologically, and cannot be the subject of comparison. The aspect in each language has its own morphological characteristics. However, a classification of the semantic types of predicates cannot be complete without taking into account the aspectual semantics. The consideration of a typology of aspectual characteristics in the opposition of perfectness/imperfectness allows the author to specify the classification of semantic types of predicates and to show the nature of the procedural phenomenon in time. The article reveals the way the aspectual semantics of each predicate is related to a specific semantic type of the predicate belonging to one of the cells of classification grid of semantic types based on the role semantics and/or the relationship of the predicate denotation to the time axis. The conditions of use of the predicate, characterizing it in terms of belonging to one of the semantic types, are specified by «classifying» the verbs into separate subclasses according to their aspectual characteristics. Such predicates as action, process and state receive additional characteristics that clarify the classification of predicates by the role semantics.

Key words: *semantics, aspect, semantic type, predicate, semantic category, action, process, perfectness, imperfectness, typology, aspectual semantics, role semantics, denotation, verb.*

Khakiyeva Z.U., Gorbunova N.N.

Some trajectories of transterminologization and reterminologization in English terminology systems

The needs of modern society, the speed of development of new technologies in it determine the formation of new fields of scientific knowledge, which undoubtedly entails the formation of new conceptual and terminological systems. At the same time, each branch of science develops its own conceptual apparatus, which implies the presence of certain means of its language representation, the totality of which forms the terminology. It is not a secret that terms are subject to various «migration processes» – both turning into common words and reverse transition, as well as transferring into the terminology systems of other fields of knowledge, returning to the original ones, i.e. terminologization, transterminologization and reterminologization. The article is devoted to the consideration of the trajectories of these processes within the framework of the modern English and Russian management terminology systems. It is argued that the sublanguage of management is relatively young, very progressive and is characterized by a high degree of involvement of the terms of related sciences. The authors come to the conclusion that the migration of management terms into the terminology systems of related sciences makes them transdisciplinary and indicates the presence of transterminologization trajectories in the studied field of knowledge, not only «into the sphere of management», but also «from this sphere». In particular, in the course of the study, the use of management terms has been found in economics, pedagogy and psychology, in politics, in finances, which is observed in both Russian and English languages.

Key words: *trajectory, terminologization, term, transterminologization, reterminologization, terminology, terminological system, management, conceptual apparatus, language representation, sublanguage, transdisciplinarity, transdisciplinary term.*

Linguaculture studies, folklore studies, ethnolinguistics

Shalkov D.Yu., Kolmakov Ya.V., Lazareva Ye.N.

Dukhobor toponymy as an element of the national cultural-historical code

The national cultural-historical code of the Russian language underlies the modern linguistic picture of the world as the basis of knowledge about values, including spiritual ones, enshrined in it. An important place here is occupied by toponymy – a layer of names of geographical loci, chronologically related to life and human activity. The article considers the toponymic lexis (names of settlements) as one of the elements of the cultural-historical code. The object of the study is the names of rural settlements (which belong to the category of so-called comonyms), namely, the names, origin and history of Dukhobor villages that were located on the territory of Georgia from the XIXth century - to the 90s of the XXth century. The analysis of the empirical material is carried out both on the basis of traditional and modern methods of linguistic research. The research methods include observation, description, analysis, synthesis, systematization, as well as elements of distributional, structural-functional and component methods of analysis. The authors come to the conclusion that the comonyms of the Dukhobors absorbed and preserved the historical and social conditions of their life. Embodying the mental foundations of Dukhoborism, the toponymy of its followers becomes an essential tool for the formation of the Russian national identity and serves the purpose of preserving the linguistic and cultural characteristics of this ethno-confessional group.

Key words: *toponym, toponymy, Dukhobor, national code, cultural and historical code, linguistic picture of the world, geographical locus, toponymic lexis, settlement, comonym, Dukhoborism, national identity, culture, ethno-confessional group.*

Politics. Political Sciences

Ageyeva E.A.

Using the tools of personal and professional diagnostics in the formation of a management reserve

The article is devoted to the peculiarities of using the tools of personal and professional diagnostics in the formation of a reserve of the managerial personnel. The article describes the tools of personal-professional diagnostics, which are used in the current period in the Russian Federation in the formation of the management reserve. On the basis of the developed methodology, the timeliness of which is emphasized by the «General conception of formation and use of reserves of managerial personnel in the Russian Federation», the author points to the need to use the resource potential of managers to ensure the continuity of management. Personal-professional diagnostics can be adapted for the formation of a personnel reserve of executive bodies and local government.

Key words: *management reserve, resource approach, personal and professional diagnostics, management readiness, continuity, administration, management, tools, tool, personnel reserve, managerial personnel, methodology, manager, resource potential.*

Astvatsaturova M.A.

Activity-functional cases of political and managerial elitogenesis in the North Caucasian Federal District

The article contains an analysis of the conditions of political and managerial elitogenesis in the North Caucasian Federal District, which, on the one hand, corresponds to the all-Russian tendencies, and, on the other hand, reflects the socio-political, socio-cultural, and historical-cultural specificity of the region. The author reveals some objective and subjective factors of formation, rotation and functioning of the upper layer of the political and managerial elite of the North Caucasian Federal District, which determine not only the essence, structure, but also the functionality of elites of the subjects of the Russian Federation of the North Caucasian Federal District. Positive tendencies of social relations, political and managerial processes are singled out, while the positive is justified both by the actions of the managerial elite and the efforts of social activists. The article highlights some pair negative/positive activity-functional cases of political and managerial elitogenesis, which actualize some possible and necessary projections of the formation, rotation and functioning of elites of the North Caucasian Federal District taking into account the possible and necessary modernization of all aspects of life of the Russian society.

Key words: *activity-functional cases, political and managerial elitogenesis, North Caucasian Federal District, rotation of elites, North Caucasus region, essential structural frame, ethnicity factor, confessional factor, conservative-patriotic doctrine, ethnoclan system, ethnocracy, political modernization, managerial elite.*

Botasheva A.K., Anufrienko S.V.

Media political process as a factor of influence on the event side of political life (drawing on the example of the events in Ukraine in 2014-2015)

The article deals with the specificity of the media political process in terms of influence on the event side of political life, as the problem of formation of various values, ideologies, doctrines, symbols, feelings, opposition opinions and speeches in the sphere of public policy, the formation of official norms that are carried out in the sphere of communication. The conception of P. Bourdieu, who introduced the notions of «social agent» and «symbolic violence» in an interdisciplinary approach, has served as the methodological basis for the definition of an internally linked and complex chain of political phenomena and events aimed at the conquest and retention of political power by political actors, on the basis of the mass media. The purpose of the article is to consider the media-political process and the set course of its development vector in the direction of increasing polarization of the society and aggravation of social contradictions. In this context, it is advisable to emphasize the relevance of joint efforts to establish an objective real and virtual plane

of political discourse (informative layer) aimed at the formation of a certain public opinion.

Key words: *media-political process, political debates, public opinion, discourse, Russian mass media, Ukrainian mass media, Ukraine, politics, political science, public policy, power, polarization, political discourse.*

Vorontsov S.A., Ponedelkov A.V.

The transformation of regional political and administrative elites in the conditions of modern threats and challenges: based on the materials of sociological (field) research

The authors of the article analyze the results of a sociological study of the state of Russian regional political and administrative elites, conducted in preparation for the Third All-Russian Congress by the Laboratory of problems of increasing the efficiency of state and municipal administration of the South Russian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. The subject of the research is the reaction of the Russian regional political and administrative elites to the challenges of the modern world. The purpose of the analysis is to assess the current state of elites and elitological science from different points of view, their influence on the processes occurring in the society, as well as a comparison of expert opinions expressed in 2018 with those obtained in the sociological research conducted with the similar methodology in preparation for the First (2013) and Second (2016) congresses. The organizers of the expert survey used a panel method to track the evolution of expert-elite images superimposed on the evolution of socio-economic and political situations. At the end of the article, the authors, on the basis of the results of the sociological research, formulated conclusions about some possible directions of development of elitology as a branch of scientific knowledge.

Key words: *congress, elite, crisis, sanctions, sociological study, transformation, elitology, political-administrative elite, sociology, field research, expert, panel method, expert-elite image.*

Gorbunov A.P.

Socio-economic and socio-cultural foundations of the modern ruling and governing hyper-layer and the prerequisites for its change by the meaningful transformative-governing layer

The article is devoted to the comprehension of the essential functional properties of the modern elite, the ruling and managerial layer in identifying negative, meaningful unjustified and functionally unsecured sides of their activity. The author reveals the determinants of detachment of the ruling and governing stratum from the interests of society in its global formation, rotation and recruiting, linking them with material, economic interests. According to the author, these are hoarding, capitalization and profit that are the basis for functioning of the ruling elites. It has been revealed that the most important motive of the activities of many elites can be defined as a constant reproduction and accumulation of quantitatively increasing financial (financial and oligarchic) capital. At the same time, the problem of servicing financial capital with a formalized intellectual capital, whose combination creates an extremely negative basis for the negative functioning of the ruling elites, is being actualized. A transformative methodology for assessing the global and national elites is proposed as an original contribution, which allows revealing the level of sovereignty of the ruling class, as well as highlighting such indicators as professionalism, citizenship, morals, morality. The article predicts some perspectives of the ruling elites, in particular, in the Russian Federation, and argues that they must acquire transformative-oriented thinking (consciousness) and carry out innovative actions. It is this consciousness that is treated in the article as nationwide meaningful, independent, leadership one.

Key words: *elite, ruling stratum, politics, political science, transformative methodology, hyper-management layer, «business thinking», profit, self-reproduction, financial capital, attributional psychology, intellectual hypercapital, transformative thinking, innovative-meaningful thinking.*

Yefimova Ye.V.

Perspective abilities and qualities of the Russian managerial elite of the XXIst century

The article is devoted to the analysis of the concept of managerial elite in modern science and substantiation of the necessity to form a whole complex of abilities and qualities of it, which are perspective from the point of view of the trends of development of the modern society and economy. The author dwells on some possible criteria for the allocation of managerial elites, substantiates her own vision of this phenomenon, consistently reveals the content of such critical for managers of the XXIst century abilities as: transformative thinking, management of a complex process of intellectual and innovative reproduction, coordination and cooperation of participants of the intellectual and innovative reproduction cycle, as well as the implementation of effective communication. As part of the administrative (executive) elite, the author points out the presence of two subgroups: «political officials», which are replaced with the arrival of a new political leadership, and professionals who retain their positions regardless of the political balance of power in the government. Professionalism, leadership and innovation are designated and characterized as professionally significant qualities of the managerial elite of the XXIst century. According to the author, the socially important qualities of elite managers include citizenship, patriotism, honesty, decency, incorruptibility and social responsibility.

Key words: *managerial elite, perspective abilities, elite, transformative thinking, management, intellectual and innovative cycle, effective communication, professionalism, leadership, innovation, citizenship, patriotism, honesty, decency, incorruptibility, social responsibility, political official.*

Zolochevskaya Ye.Yu., Cherkassova T.P.

The role of the creative elite in the formation of a new generation

The article discusses the conditions and reasons for the formation of a new generation, called «generation Z» or «digital generation», identifies its main features, as well as positive evolutionary changes and problems. The role and main characteristics of

the creative elite in the process of forming a new generation are argued. The clarification of the categorial determination of the creative elite and its structure, including the super-creative core (professions in the field of natural and social sciences, education, training, programming and mathematics, and some others) and creative professionals (management professions; professions in the field of business, law and some others), allowed the authors to justify the competencies that allow it to effectively develop and implement higher education programs for the new generation. In addition, the article reflects the evolution of educational forms and methods that ensure the formation of a competence-based portrait of a graduate of the «generation Z» in demand who is able to think creatively, orient quickly in the flow of information, analyze and foresee, evaluate the consequences of organizational and management decisions.

Key words: *creative elite, new generation, generation Z, digital generation, evolution, categorial determination, super-creative core, competence, higher education, competence portrait, graduate, organizational and management decision, educational form, educational method.*

Kandyba R.A.

The problem of rotation of Russia's highest political elite and continuity of the political course

The article analyzes the rotation of the highest political elite of Russia in the context of the strategy of ensuring the continuity of the political course and personnel policy in the run-up to the elections to the State Duma of the Russian Federation in 2021 and the President of the Russian Federation in 2024. The unlikelihood of change of the ruling elite as a result of the nearest presidential and parliamentary elections actualizes the issue of rotation mechanisms in the higher echelons of power. It is argued that one of the most important factors of political stability in the perception of the ruling elite is the continuity of the political course after the election of the President of the Russian Federation. The author comes to the conclusion that political competition within the framework of the existing political practices, such as the «Leaders of Russia» competition, is personal in nature and is based on professional and leadership qualities, but does not imply the development of various conceptual approaches to the political course. One of the effective mechanisms of political competition could be the allocation of separate segments in the ruling elite based on the difference of ideological attitudes and the organization of civilized competition between them at the stage of primaries. The structural-functional analysis and comparative historical method have been used in the study.

Key words: *political elite, authorities, vertical power structure, «party of power», internal political stability, counter-elite, non-systemic opposition, primaries, interparty competition, political course, rotation of elites, politics, elections, political course.*

Kossov G.V.

Civil society as a resource for elitogenesis, circulation and rotation of elites in the North Caucasus

The article attempts to define the essence of Western and Russian types of civil society. It is argued that in modern Russia there is no civil society in its Western sense, but at the same time one can speak of the civil society in its Russian implementation. Civil society in the Western version was formed during the communal wars. It is proved that in Russia there were several historical alternatives that could lead to the formation of the Western model of civil society in Russia. The author expresses the idea that in the situation of the formation of civil society in modern Russia as a «centaur» of the system, the regional specificity leaves its mark on elitogenesis, circulation and rotation of elites. Thus, it is the clan system that becomes an actor in elite-forming processes in the North Caucasus.

Key words: *elitogenesis, elite circulation, rotation of elites, clan system, the North Caucasus, political process, civil society, politics, political party, civil society, western type, Russian type, communal war, actor, elite-forming process.*

Kryuchkov I.V.

The European Union policy in regulating the conflict in Nagorno-Karabakh: a strategy and political reality

The article considers the transformation of the EU policy in regulating the conflict in Nagorno-Karabakh. The EU fully supported efforts of the world community to its total cessation. The EU orientates on the activity of the OSCE Minsk Group in forming the policy in Nagorno-Karabakh. At the beginning of 2000-ies the EU activates its policy in the South Caucasus. This circumstance is explained by a necessity of providing safety of the «East-West» energy corridor and a desire to secure eastern borders of the EU. It is underlined in the article that the EU does not aspire to substitute for the activity of the OSCE Minsk Group. Its policy is based on an aspiration to create good conditions for maintaining negotiations with the help of development of democratic institutes, right reform and support of a civic community in Armenia and Azerbaijan. The growth of critical speeches in Armenia and Azerbaijan against the EU policy in the South Caucasus is marked in the article. Both sides insist on expanding its efforts to regulate the conflict in Nagorno-Karabakh. The EU adheres to the principle of the impossibility of solving the conflict in the region using only pressure of external forces, without the agreement between conflicting sides.

Key words: *Nagorno-Karabakh, Armenia, Azerbaijan, European Union, armed conflict, policy, strategy, world community, OSCE, democratic institution, legal reform, the South Caucasus, region, conflicting sides.*

Kudryashov K.V., San'kova A.A.

Political myths: an elitological aspect

The political myth is as old as politics itself that is constantly, inevitably, accompanied by myths. The history of politics suggests that political myths can be filled with both positive and negative content. Political myths should not be sacralized, but the arbitrary destruction of certain political myths brings chaos and destruction to another society and state. In particular, this applies to assessments and attitudes towards the realia and myths of the Soviet era, first of all, to the realia and myths about the personalities of the ruling party and government. The political myth is always formed by a part of the elite of a country, nation or region. Being one

of the forms of public consciousness, political myths are able to influence the worldview of the broadest segments of the population and, thus, cause their activity on the way of creation, overcoming the crisis or on the way of stagnation, causing chaos, disintegration and destruction of specific states. The article is devoted to the analysis of the reasons that make the destruction of some political myths undesirable.

Key words: *destruction of state, national elite, political myth, regional elite, Russian elite, Soviet elite, politics, society, state, Soviet era, power, ruling party, worldview.*

Kshov A.S., Mysh'yakova D.V.

Some projections of the Russian party elite in the conditions of anti-elite attitudes of the civil society

The article is devoted to the state of principles of the programmatics of the party-political elites of the modern Russian Federation. The problems of state, rotation of the party elite of Russia are considered. Attention is paid to the rating of its popularity and the reasons for its low level. Such an aspect as the attitude to the parties and to the party elite of citizens and civil society is highlighted and anti-elite attitudes are fixed. The formation of anti-establishment attitudes in the world and, in particular, in the Russian Federation is traced. Their reasons are interpreted by the authors taking into account both the objective (socio-economic and geopolitical) and subjective circumstances – the weakness of the party elite, the unattractiveness of programs and design, isolation from the citizens' interests. The authors carry out a typology of the inner-party program blocks of the United Russia, which updates the ideological-worldview foundations of the future activities of the «party of power». It is noted that they should be updated, as well as all the combined activities of the party should be updated if the party wants not to lose all its popularity among the citizens. Some possible integration of ideological and program principles in the functioning of parties in relation to the needs of citizens and civil society are also outlined.

Key words: *party elite, civil society, programmatics, party activity, anti-elite attitude, United Russia, inner-party bloc, authority, political elite, program-party populism, elite rating, typology, program block.*

Solov'yova Ye.A.

«Diplomacy XI»: the role of the political elite of the PRC in policy and diplomacy of «a large state with Chinese characteristics»

With the coming to power of Xi Jinping in the People's Republic of China, the transition to a new foreign policy strategy was announced – «the grand strategy of Xi Jinping». The new course marked the beginning of a new stage in the history of Chinese diplomacy – the «diplomacy of a large state with Chinese characteristics», the purpose of which is to increase the scale of China's political and economic influence in the world on the basis of its national traditions. The article attempts to determine what new trends were introduced into Chinese foreign policy by the strategy of proactive diplomacy of the new Chinese leader of the PRC and what role the country's political elite and the chairman of the PRC play in its implementation. The article states that, despite some new trends and realia, the centralized model of Chinese diplomacy, as well as the general orientation of all diplomatic rhetoric of the PRC to support the official leadership, will remain unchanged. Ensuring domestic political stability as the most important condition for the progressive development of the PRC will remain dominant for the new Chinese leadership.

Key words: *People's Republic of China, politics, political elite, state, China, Xi Jinping, «Diplomacy Xi», strategy, proactive diplomacy, leader diplomacy, high-level diplomacy, tour diplomacy, shuttle diplomacy, model.*

Sultanova A.K.

Climate agenda in American popular culture under the administration of D. Trump

Thanks to the efforts of the scientific community, the problems of ecology and climate change are on the agenda of many international forums, that has led to positive changes in the field of environmental legislation at both the international and local levels. The article considers the mechanisms of the influence of American mass culture on public opinion regarding the global problem of climate change in connection with the changes in the environmental policy of the US government. It covers climate-related aspects of environmental policy of the White House, gives an analysis of effects of cinema and «celebrities» on public views, overviews the reaction of representatives of popular culture to the position of Donald Trump's administration towards global warming. The author notes the fact that the celebrities mechanism quickly responds to current events in the field of ecology, both from the celebrities themselves and in the media reaction to their actions. Due to the focus of mass media on celebrities' lives and an increasing spreading of social networks, this mechanism has a wide audience outreach and is effective for mobilizing people in the short term.

Key words: *mass culture, climate change, global warming, environmental policy, USA, cinema, celebrities, administration, D. Trump, mass media, social network, mechanism, audience, mobilization, ecology.*

Chekmenyov D.S.

Political elite as the subject and object of social and political discourse

The article is devoted to the generalization of the role of political elite, which it performs in the field of social and political discourse as a public policy space. The article states that in the field of socio-political discourse as a space of public policy, the political elite is at the same time the subject of socio-political discourse and its object. In the first case, it provides its generation and the corresponding construction. In the second case, the political elite itself acts as an object of institutional structuring in the field of social and political discourse. As functional political and managerial resources for the institutionalization of sociopolitical discourse as a public policy space, the article highlights such resources as: consolidation of the political-managerial, and political-administrative elite with the leading role of the federal level of government; the decisive role of the federal government in structuring the political sphere;

segmentation of public actors during their inclusion in the political process; systematization of the institutional interaction of the state and society at all levels of the political process.

Key words: *political elite, socio-political discourse, public policy, political goal-setting, institutionalization, politics, state, society, political and managerial resources, authorities, political process, power, political science.*

Reviews

Nikolayev S.G.

An analysis of new language varieties as a complex goal of modern English Philology

The monograph «Transnational English Language in Anglo-Scandinavian Bilingualism», published in Simferopol in 2018, by D.S. Borodina, a scholar of language from Crimea (Taurida Academy) is under review. The author of the review emphasizes the fact that the theory of linguistic contacts, which flourished in the middle of the XXth century, is now actively moving towards a significant expansion of its own research field. At the same time, it paradoxically focuses attention on one language – however, in its interpretation, against the obligatory background of many others. Such a «one» language results from a long-term joint functioning and productive contacting of two or more national languages; it is fully correlated with its «now living» basic idiom, but differs from it in its functional specificity, relation to the norm and, most importantly, the mass user. In other words, this is a transnational language, which English pretends to be in the modern Scandinavian world. This language is a complex object of the study of D.S. Borodina.

Key words: *language variety, English philology, review, monograph, Taurida Academy, D.S. Borodina, bilingualism, language contact, national language, transnational language, productive contacting, norm, mass user, Scandinavian world.*

Сведения об авторах Information about the authors

Абдуллина Лилия Ильдаровна – преподаватель кафедры иностранных языков для естественно-научного направления Института международных отношений ФГАОУ ВО «Казанский федеральный университет»
420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18
E-mail: lilia-2591@mail.ru

Abdullina Liliya I'darovna – instructor of the Foreign Languages for Natural Science Majors Chair of the Institute of International Relations of Kazan' Federal University
18 Kremlyovskaya Street, Kazan', Tatarstan Republic, Russia, 420008
E-mail: lilia-2591@mail.ru

Агеева Екатерина Александровна – кандидат политических наук, доцент, заведующий научно-исследовательской лабораторией Северо-Кавказского института – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
357500, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, ул. Дунаевского, д. 5
E-mail: yea_ageyeva@gmail.com

Ageyeva Yekaterina Alexandrovna – PhD in Political Science, associate professor, head of the research laboratory of the North-Caucasus Institute – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
5 Dunayevsky Street, Pyatigorsk, Stavropol' territory, Russia, 357500
E-mail: yea_ageyeva@gmail.com

Аксенова Анна Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель исторического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1
E-mail: akse novamsu@gmail.com

Aksyonova Anna Vladimirovna – PhD in Philology, senior instructor of the History Department of M.V. Lomonosov Moscow State University
1 Leninskiye Gory, Moscow, Russia, 119991
E-mail: akse novamsu@gmail.com

Ануфриенко Светлана Викторовна – кандидат политических наук, доцент кафедры конфликтологии, связей с общественностью и журналистики ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
357532, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9
E-mail: ssidorova@list.ru

Anufriyenko Svetlana Viktorovna – PhD in Political Science, associate professor of the Conflict Management, Public Relations and Journalism Chair of Pyatigorsk State University
9 Kalinin Ave, Pyatigorsk, Stavropol' territory, Russia, 357532
E-mail: ssidorova@list.ru

Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права, директор Научно-образовательного центра политических и этнополитических исследований ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
357532, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9
E-mail: maya.astv@gmail.com

Astvatsaturova Maya Artashesovna – doctor of Political Science, professor of the Creative and Innovative Management and Law Chair, director of the Scientific-Educational Center of Political and Ethnopolitical Research of Pyatigorsk State University
9 Kalinin Ave, Pyatigorsk, Stavropol' territory, Russia, 357532
E-mail: maya.astv@gmail.com

Банкова Людмила Львовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных и европейских языков ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова»
603155, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а
E-mail: lwittsa@yandex.ru

Bankova Lyudmila L'vovna – PhD in Philology, associate professor of the Oriental and European Languages Chair of N.A. Dobrolyubov Nizhny Novgorod State Linguistic University
31a Minin Street, Nizhny Novgorod, Nizhegorodskaya oblast', Russia, 603155
E-mail: lwittsa@yandex.ru

Басс Ирина Исаевна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков и лингвистики ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 2

E-mail: bass-i@mail.ru

Bass Irina Issayevna – doctor of Philology, associate professor, head of the Foreign Languages and Linguistics Chair of Saint-Petersburg State Institute of Culture

2 Dvortsovaya Emb., Saint-Petersburg, Russia, 191186

E-mail: bass-i@mail.ru

Борлакова Лейла Адеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева»

369202, Россия, Карачаево-Черкесская Республика, г. Карачаевск, ул. Ленина, д. 29

E-mail: lborlakova@inbox.ru

Borlakova Leyla Adeyevna – PhD in Philology, associate professor of the Literature and Journalism Chair of U.D. Aliyev Karachay-Cherkess State University

29 Lenin Street, Karachayevsk, Karachay-Cherkess Republic, Russia, 369202

E-mail: lborlakova@inbox.ru

Боташева Асият Казиевна – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры конфликтологии, связей с общественностью и журналистики ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

357532, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9

E-mail: ab-ww@mail.ru

Botasheva Asiyat Kaziyeвна – doctor of Political Science, associate professor, professor of the Conflict Management, Public Relations and Journalism Chair of Pyatigorsk State University

9 Kalinin Ave, Pyatigorsk, Stavropol' territory, Russia, 357532

E-mail: ab-ww@mail.ru

Велиев Захид Бахшиалы – соискатель ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет»

344002, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69

E-mail: saleks1966@mail.ru

Veliyev Zakhid Bakhshaly – applicant student of Rostov State University of Economics

69 Bol'shaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, Rostovskaya oblast', Russia, 344002

E-mail: saleks1966@mail.ru

Волкова Ксения Борисовна – соискатель, старший преподаватель Института стран Азии и Африки ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 11

E-mail: egorovaksenya@mail.ru

Volkova Kseniya Borissovna – applicant student, senior instructor of the Institute for Asian and African Studies of M.V. Lomonosov Moscow State University

11 Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009

E-mail: egorovaksenya@mail.ru

Волошин Юрий Константинович – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149

E-mail: yuri_voloshin@mail.ru

Voloshin Yuri Konstantinovich – doctor of Philology, professor of the English Philology Chair of Kuban' State University

149 Stavropol'skaya Street, Krasnodar, Krasnodar territory, Russia, 350040

E-mail: yuri_voloshin@mail.ru

Воронцов Сергей Алексеевич – доктор юридических наук, профессор кафедры процессуального права Южно-Российского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»

344002, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 70/54

E-mail: raven_serg@mail.ru

Vorontsov Sergey Alekseyevich – doctor of Law, professor of the Procedural Law Chair of the South-Russian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

70/54 Pushkinskaya Street, Rostov-on-Don, Rostovskaya oblast', Russia, 344002

E-mail: raven_serg@mail.ru

Гикис Светлана Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры конфликтологии, связей с общественностью и журналистики ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

357532, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9

E-mail: gikissvetlana@mail.ru

Gikis Svetlana Nikolayevna – PhD in Pedagogy, associate professor of the Conflict Management, Public Relations and Journalism Chair of Pyatigorsk State University

9 Kalinin Ave, Pyatigorsk, Stavropol' territory, Russia, 357532

E-mail: gikissvetlana@mail.ru

Горбуненко Анастасия Филипповна – преподаватель кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149

E-mail: af03@mail.ru

Gorbunenka Anastasiya Philippovna – instructor of the History and Legal Regulation of Mass Communications Chair of Kuban' State University

149 Stavropol'skaya Street, Krasnodar, Krasnodar territory, Russia, 350040

E-mail: af03@mail.ru

Горбунов Александр Павлович – кандидат исторических наук, доктор экономических наук, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права, ректор ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

357532, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9

E-mail: gorbunov@pgu.ru

Gorbunov Alexander Pavlovich – PhD in History, doctor of Economics, professor of the Creative and Innovative Management and Law Chair, rector of Pyatigorsk State University

9 Kalinin Ave, Pyatigorsk, Stavropol' territory, Russia, 357532

E-mail: gorbunov@pgu.ru

Горбунова Наталья Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры профессионально-ориентированного английского языка ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

357532, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9

E-mail: gorbunova@pgu.ru

Gorbunova Natal'ya Nikolayevna – PhD in Philology, associate professor of the English for Special Purposes Chair of Pyatigorsk State University

9 Kalinin Ave, Pyatigorsk, Stavropol' territory, Russia, 357532

E-mail: gorbunova@pgu.ru

Гроховская Ирина Аркадьевна – ассистент кафедры английского языка и технического перевода, аспирант кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

414056, Россия, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20а

E-mail: irinagroh83@gmail.com

Grokhovskaya Irina Arkad'yevna – assistant instructor of the English Language and Technical Translation Chair, post-graduate student of the English Philology Chair of Astrakhan' State University

20a Tatishcheva Street, Astrakhan', Astrakhanskaya oblast', Russia, 414056

E-mail: irinagroh83@gmail.com

Дымова Алена Вячеславовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков и перевода ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

620002, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19

E-mail: dym.alyona@yandex.ru

Dymova Alyona Vyacheslavovna – senior instructor of the Foreign Languages and Translation Chair of B.N. Yeltsin Ural Federal University

19 Mira Street, Yekaterinburg, Sverdlovskaya oblast', Russia, 620002

E-mail: dym.alyona@yandex.ru

Ефимова Екатерина Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры креативно-инновационного управления и права ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

357532, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9

E-mail: efimova@pgu.ru

Efimova Yekaterina Vladimirovna – PhD in Economics, associate professor of the Creative and Innovative Management and Law Chair of Pyatigorsk State University

9 Kalinin Ave, Pyatigorsk, Stavropol' territory, Russia, 357532

E-mail: efimova@pgu.ru

Жерновая Оксана Романовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского»

603005, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2

E-mail: oxana.zh@mail.ru

Zhernovaya Oksana Romanovna – PhD in Philology, associate professor, head of the Foreign Languages and Linguaculture Studies Chair of the Institute of International Relations and World History of N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
2 Ul'yanov Street, Nizhny Novgorod, Nizhegorodskaya oblast', Russia, 603005
E-mail: oxana.zh@mail.ru

Золочевская Елена Юрьевна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры налогообложения и бухгалтерского учета, заместитель директора Южно-Российского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
344002, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 70/54
E-mail: zolochevskaya@uriu.ranepa.ru

Zolochevskaya Yelena Yur'yevna – doctor of Economics, associate professor, professor of the Taxation and Accounting Chair, deputy director of the South-Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
70/54 Pushkinskaya Street, Rostov-on-Don, Rostovskaya oblast', Russia, 344002
E-mail: zolochevskaya@uriu.ranepa.ru

Калинин Олег Игоревич – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры дальневосточных языков ФГКВУ ВО «Военный университет» Министерства обороны РФ
125047, Россия, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14
E-mail: kallini4@yandex.ru

Kalinin Oleg Igorevich – PhD in Philology, instructor of the Far-East Languages Chair of the Military University of the Russian Federation Ministry of Defense
14 Bolshaya Sadovaya, Moscow, Russia, 125047
E-mail: kallini4@yandex.ru

Кандыба Родион Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, политологии и мировой экономики ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
357532, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9
E-mail: kafedra0607@mail.ru

Kandyba Rodion Alexandrovich – PhD in Political Science, associate professor of the International Relations, Political Science and World Economy Chair of Pyatigorsk State University
9 Kalinin Ave, Pyatigorsk, Stavropol' territory, Russia, 357532
E-mail: kafedra0607@mail.ru

Келейникова Алла Георгиевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
357532, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9
E-mail: alina4561@mail.ru

Keleynikova Alla Georgiyevna – PhD in Philology, professor of the French Philology and Intercultural Communication Chair of Pyatigorsk State University
9 Kalinin Ave, Pyatigorsk, Stavropol' territory, Russia, 357532
E-mail: alina4561@mail.ru

Козловский Дмитрий Валентинович – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Саратовского социально-экономического института – филиала ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»
410003, Россия, Саратовская область, г. Саратов, ул. Радищева, д. 89
E-mail: kimo3006@mail.ru

Kozlovsky Dmitry Valentinovich – PhD in Philology, associate professor of the Foreign Languages Chair of Saratov Socio-Economic Institute – branch of G.V. Plekhanov Russian University of Economics
89 Radishchev Street, Saratov, Saratovskaya oblast', Russia, 410002
E-mail: kimo3006@mail.ru

Колмаков Ярослав Владимирович – студент гимназии ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»
344000, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1
E-mail: shalkovdenis@yandex.ru

Kolmakov Yaroslav Vladimirovich – student of the Grammar School of Don State Technical University
1 Gagarin Square, Rostov-on-Don, Rostovskaya oblast', Russia, 344000
E-mail: shalkovdenis@yandex.ru

Косов Геннадий Владимирович – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений, политологии и мировой экономики ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
357532, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9
E-mail: Kossov1@yandex.ru

Kossov Gennady Vladimirovich – doctor of Political Science, professor of the International Relations, Political Science and World Economy Chair of Pyatigorsk State University
9 Kalinin Ave, Pyatigorsk, Stavropol' territory, Russia, 357532
E-mail: Kossov1@yandex.ru

Крючков Игорь Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, Россия, Ставропольский край, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1
E-mail: igory5@yandex.ru

Kryuchkov Igor' Vladimirovich – doctor of History, professor, head of the World History, Political Science and International Relations Chair of the North-Caucasus Federal University
1 Pushkin Street, Stavropol', Stavropol' territory, Russia, 355009
E-mail: igory5@yandex.ru

Кувычко Анна Александровна – соискатель кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»
117485, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6
E-mail: anna_kuvychko@bk.ru

Kuvychko Anna Alexandrovna – applicant student of the Russian Literature and Intercultural Communication Chair of A.S. Pushkin State Russian Language Institute
6 Academician Volgin Street, Moscow, Russia, 117485
E-mail: anna_kuvychko@bk.ru

Кудряшов Константин Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории государства и права АНО ВО «Северо-Кавказский социальный институт»
355012, Россия, Ставропольский край, г. Ставрополь, ул. Голенева, 59А
E-mail: kv-26@yandex.ru

Kudryashov Konstantin Viktorovich – PhD in History, associate professor of the History and Theory of State and Law Chair of the North-Caucasus Social Institute
59F Golenev Street, Stavropol', Stavropol' territory, Russia, 355012
E-mail: kv-26@yandex.ru

Курбанов Ибрагим Алиевич – кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и переводоведения БУ ВО «Сургутский государственный университет»
628412, Россия, Тюменская область, г. Сургут, пр. Ленина, д. 1
E-mail: ibragimkurbanov@mail.ru

Kurbanov Ibragim Alievich – PhD in Philology, professor, head of the Linguistics and Translation Studies Chair of Surgut State University
1 Lenin Ave, Surgut, Tumenskaya oblast', Russia. 628412
E-mail: ibragimkurbanov@mail.ru

Кшов Арсений Сергеевич – магистрант Института международных отношений ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
357532, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9
E-mail: ars-kshov@yandex.ru

Kshov Arseny Sergeevich – Master's degree student of the Institute of International Relations of Pyatigorsk State University
9 Kalinin Ave, Pyatigorsk, Stavropol' territory, Russia, 357532
E-mail: ars-kshov@yandex.ru

Лазарева Екатерина Николаевна – студент ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»
344000, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1
E-mail: shalkovdenis@yandex.ru

Lazaryeva Yekaterina Nikolayevna – student of Don State Technical University
1 Gagarin Square, Rostov-on-Don, Rostovskaya oblast', Russia, 344000
E-mail: shalkovdenis@yandex.ru

Лобанова Наталья Сергеевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского»
603005, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2
E-mail: n.lobanova77@yandex.ru

Lobanova Natal'ya Sergeevna – senior instructor of the Foreign Languages and Linguaculture Studies Chair of the Institute of International Relations and World History of N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
2 Ul'yanov Street, Nizhny Novgorod, Nizhegorodskaya oblast', Russia, 603005
E-mail: n.lobanova77@yandex.ru

Мавлеев Руслан Рафаэльевич – адъюнкт ФГКВБОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны РФ
125047, Россия, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14
E-mail: rmavleev@gmail.com,

Mavleyev Ruslan Rafael'yevich – adjunct of Military University of the Russian Federation Ministry of Defense
14 Bolshaya Sadovaya, Moscow, Russia, 125047
E-mail: rmavleev@gmail.com

Мартынова Евгения Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Военного учебно-научного центра военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»

394064, Россия, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Старых Большевиков, д. 54А
E-mail: martynova_ea@mail.ru

Martynova Eugeniya Alexandrovna – PhD in Philology, senior instructor of the Foreign Languages Chair of the Military Air Force Educational-Scientific Center of Professor N.Ye. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin Air-Force Academy

54A Starykh Bol'shevikov Street, Voronezh, Voronezhskaya oblast', Russia, 394064
E-mail: martynova_ea@mail.ru

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»

344000, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1
E-mail: gegemat2337633@rambler.ru

Matveyeva Galina Grigor'yevna – doctor of Philology, professor of Don State Technical University
1 Gagarin Square, Rostov-on-Don, Rostovskaya oblast', Russia, 344000

E-mail: gegemat2337633@rambler.ru

Мышьякова Дарина Вадимовна – аспирант ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»

119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1
E-mail: darinarsenico@gmail.com

Mysh'yakova Darina Vadimovna – post-graduate student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

82 Vernadsky Ave, bldg. 1, Moscow, Russia, 119571
E-mail: darinarsenico@gmail.com

Николаев Сергей Георгиевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

344006, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, пер. Университетский, д. 93
E-mail: nikolaev_s@bk.ru

Nikolayev Sergey Georgiyevich – doctor of Philology, professor, head of the English Philology Chair of the Southern Federal University
E-mail: nikolaev_s@bk.ru

Никитин Игорь Олегович – кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149
E-mail: 7002nikolyafro7002@mail.ru

Nikulin Igor' Olegovich – PhD in Philology, associate professor of the Advertising and Public Relations Chair of Kuban' State University

149 Stavropol'skaya Street, Krasnodar, Krasnodar territory, Russia, 350040
E-mail: 7002nikolyafro7002@mail.ru

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149
E-mail: patukovaregina@mail.ru

Patyukova Regina Valer'yevna – doctor of Philology, associate professor, professor of the Advertising and Public Relations Chair of Kuban' State University

149 Stavropol'skaya Street, Krasnodar, Krasnodar territory, Russia, 350040
E-mail: patukovaregina@mail.ru

Петренко Татьяна Филипповна – кандидат филологических наук, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

357532, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9
E-mail: tp310@yandex.ru

Petrenko Tat'yana Philipovna – PhD in Philology, professor of the French Philology and Intercultural Communication Chair of Pyatigorsk State University
9 Kalinin Ave, Pyatigorsk, Stavropol' territory, Russia, 357532
E-mail: tp310@yandex.ru

Понеделков Александр Васильевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и этнополитики Южно-Российского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
344002, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 70/54
E-mail: ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Ponedelkov Alexander Vassil'yevich – doctor of Political Science, professor, head of the Political Science and Ethnopolitics Chair of the South-Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
70/54 Pushkinskaya Street, Rostov-on-Don, Rostovskaya oblast', Russia, 344002
E-mail: ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Редкозубова Ксения Юрьевна – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», учитель иностранных языков МБОУ СОШ №2 г. Лермонтова
352901, Россия, Краснодарский край, г. Армавир, ул. Розы Люксембург, д. 159
E-mail: rabbit604@rambler.ru

Redkozubova Kseniya Yur'yevna – post-graduate student of Armavir State Teacher-Training University, foreign-language teacher of comprehensive school №2 of Lermontov City
159 Rozy Luxemburg Street, Armavir, Krasnodar territory, Russia, 352901
E-mail: rabbit604@rambler.ru

Романчук Вероника Олеговна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Военного учебно-научного центра военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
394064, Россия, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Старых Большевиков, д. 54А
E-mail: veronika.romanchuk@gmail.com

Romanchuyuk Veronika Olegovna – PhD in Pedagogy, senior instructor of the Foreign Languages Chair of the Military Air Force Educational-Scientific Center of Professor N.Ye. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin Air-Force Academy
54A Starykh Bol'shevikov Street, Voronezh, Voronezhskaya oblast', Russia, 394064
E-mail: martynova_ea@mail.ru

Санькова Алена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики ее преподавания ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт»
355003, Россия, Ставропольский край, г. Ставрополь, ул. Ленина, д. 417А
E-mail: snarks@yandex.ru

San'kova Alyona Alexandrovna – PhD in Philology, associate professor of the Literature and Methodology of its Teaching Chair of Stavropol' State Teacher-Training Institute
417A Lenin Street, Stavropol', Stavropol' territory, Russia, 355003
E-mail: snarks@yandex.ru

Сидоренко Елизавета Алексеевна – старший преподаватель ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»
344000, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1
E-mail: club_king@mail.ru

Sidorenko Yelizaveta Alekseyevna – senior instructor of Don State Technical University
1 Gagarin Square, Rostov-on-Don, Rostovskaya oblast', Russia, 344000
E-mail: club_king@mail.ru

Соловьева Елена Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, политологии и мировой экономики ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
357532, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9
E-mail: solovevakmv@mail.ru

Solov'yova Yelena Alexandrovna – PhD in Political Science, associate professor of the International Relations, Political Science and World Economy Chair of Pyatigorsk State University
9 Kalinin Ave, Pyatigorsk, Stavropol' territory, Russia, 357532
E-mail: solovevakmv@mail.ru

Султанова Алина Камилевна – аспирант факультета международных отношений ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9
E-mail: st028154@student.spbu.ru

Sultanova Alina Kamillevna – post-graduate student of the International Relations Department of Saint Petersburg State University
7-9 Universitetskaya Emb., Saint-Petersburg, Russia, 199034
E-mail: st028154@student.spbu.ru

Тамбиева Фатима Аубекировна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранных языков Пятигорского медицинского фармацевтического института – филиала ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет»

357532, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 11
E-mail: forlandep@list.ru

Tambiyeva Fatima Aubekirovna – PhD in Philology, instructor of the Foreign Languages Chair of Pyatigorsk Medical Pharmaceutical Institute – branch of Volgograd State Medical University

11 Kalinin Ave, Pyatigorsk, Stavropol' territory, Russia, 357532
E-mail: forlandep@list.ru

Файзиева Галина Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка и технического перевода ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

414056, Россия, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20а
E-mail: fayzievagv@yandex.ru

Fayziyeva Galina Vladimirovna – doctor of Philology, professor of the English Language and Technical Translation Chair of Astrakhan' State University

20a Tatishcheva Street, Astrakhan', Astrakhanskaya oblast', Russia, 414056
E-mail: fayzievagv@yandex.ru

Филимонова Елена Петровна – аспирант кафедры общего языкознания ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»

385000, Россия, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 208
E-mail: teor.cafedra_agu@bk.ru

Filimonova Yelena Petrovna – post-graduate student of the General Linguistics Chair of Adygea State University

208 Pervomayaskaya Street, Maykop, Adyghe Republic, Russia, 385000
E-mail: teor.cafedra_agu@bk.ru

Форостецкий Сергей Александрович – аспирант кафедры рекламы и связей с общественностью ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

355017, Россия, Ставропольский край, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1
E-mail: forest10000@mail.ru

Forostetsky Sergey Alexandrovich – post-graduate student of the Advertising and Public Relations Chair of the North-Caucasus Federal University

1 Pushkin Street, Stavropol', Stavropol' territory, Russia, 355017
E-mail: forest10000@mail.ru

Хазраткулов Атаджан Поландурдыевич – аспирант кафедры общего языкознания ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»

389000, Россия, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 208
E-mail: teor.cafedra_agu@bk.ru

Khazratkulov Atadzhan Polandurdyevich – post-graduate student of the General Linguistics Chair of Adygea State University

208 Pervomayaskaya Street, Maykop, Adyghe Republic, Russia, 385000
E-mail: teor.cafedra_agu@bk.ru

Хакиева Залиха Усмановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

366007, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный, пр. Бульвар Дудаева, д. 17
E-mail: zalikha_khakieva@mail.ru

Khakiyeva Zalikha Usmanovna – PhD in Philology, associate professor of the English Language Chair of Chechen State University

17 Bul'var Dudayeva Ave, Grozny, Chechen Republic, Russia, 366007
E-mail: zalikha_khakieva@mail.ru

Хисамова Венера Нафиковна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков для естественно-научного направления Института международных отношений ФГАОУ ВО «Казанский федеральный университет»

420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18
E-mail: hisamovaven@yandex.ru

Khissamova Venera Nafikovna – doctor of Philology, professor, head of the Foreign Languages for Natural Sciences Majors Chair of the Institute of International Relations of Kazan' Federal University

18 Kremlyovskaya Street, Kazan', Tatarstan Republic, Russia, 420008
E-mail: hisamovaven@yandex.ru

Хунбо Юй – аспирант кафедры общего и русского языкознания ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

117485, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6

E-mail: amy5616@yandex.ru

Hongbo Yu – post-graduate student of the General and Russian Linguistics Chair of A.S. Pushkin State Russian Language Institute
6 Academician Volgin Street, Moscow, Russia, 117485

E-mail: amy5616@yandex.ru

Чекменев Дмитрий Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры креативно-инновационного управления и права ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

357532, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина д. 9

E-mail: Tchekmenev@gmail.com

Chekmenyov Dmitry Sergeevich – PhD in History, associate professor of the Creative and Innovative Management and Law Chair of Pyatigorsk State University

9 Kalinin Ave, Pyatigorsk, Stavropol' territory, Russia, 357532

E-mail: Tchekmenev@gmail.com

Черкасова Галина Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Пятигорского медицинского фармацевтического института – филиала ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет»

357532, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 11

E-mail: forlandep@list.ru

Cherkassova Galina Vladimirovna – PhD in Philology, senior instructor of the Foreign Languages Chair of Pyatigorsk Medical Pharmaceutical Institute – branch of Volgograd State Medical University

11 Kalinin Ave, Pyatigorsk, Stavropol' territory, Russia, 357532

E-mail: forlandep@list.ru

Черкасова Инна Петровна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

352901, Россия, Краснодарский край, г. Армавир, ул. Розы Люксембург, д. 159

E-mail: angl_kaf_agpu@mail.ru

Cherkassova Inna Petrovna – doctor of Philology, professor, head of the Foreign Languages and Their Teaching Methods Chair of Armavir State Teacher-Training University

159 Rozy Luxemburg Street, Armavir, Krasnodar territory, Russia, 352901

E-mail: angl_kaf_agpu@mail.ru

Черкасова Татьяна Павловна – доктор экономических наук, доцент, декан факультета политологии, профессор кафедры экономической теории и предпринимательства Южно-Российского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»

344002, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 70/54

E-mail: tpch@mail.ru

Cherkassova Tat'yana Pavlovna – doctor of Economics, associate professor, dean of the Political Science Department, professor of the Economic Theory and Entrepreneurship Chair of the South-Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

70/54 Pushkinskaya Street, Rostov-on-Don, Rostovskaya oblast', Russia, 344002

E-mail: tpch@mail.ru

Шабанов Олег Александрович – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации и перевода ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы»

450008, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Октябрьской Революции, д. 3а

E-mail: golfufa@gmail.com

Shabanov Oleg Alexandrovich – PhD in Pedagogy, associate professor, head of the Intercultural Communication and Translation Chair of M. Akmulla Bashkir State Teacher-Training University

3a Oktyabr'skoy Revolyutsii, Ufa, Bashkortostan Republic, Russia, 450008

E-mail: golfufa@gmail.com

Шалков Денис Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Документоведение и языковая коммуникация» ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»

344000, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1

E-mail: shalkovdenis@yandex.ru

Shalkov Denis Yur'yevich – PhD in Philology, associate professor of Records Management and Linguistic Communication Chair of Don State Technical University

1 Gagarin Square, Rostov-on-Don, Rostovskaya oblast', Russia, 344000

E-mail: shalkovdenis@yandex.ru

Шарифзода Худоёри Махмадиуриш – аспирант кафедры межкультурной коммуникации и перевода ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы»

450008, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Октябрьской Революции, д. 3а

E-mail: golfufa@gmail.com

Sharifzoda Khudoyory Makhmadshurish – post-graduate student of the Intercultural Communication and Translation Chair of M. Akmulla Bashkir State Teacher-Training University

3a Oktyabr'skoy Revolyutsii Street, Ufa, Bashkortostan Republic, Russia, 450008

E-mail: golfufa@gmail.com

Швелидзе Нина Бидзиновна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания, русской филологии, литературного и журналистского мастерства ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

357532, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9

E-mail: sh-nina@yandex.ru

Shvelidze Nina Bidzinovna – doctor of Philology, associate professor, professor of the Linguistics, Russian Philology, Literary and Journalistic Skills Chair of Pyatigorsk State University

9 Kalinin Ave, Pyatigorsk, Stavropol' territory, Russia, 357532

E-mail: sh-nina@yandex.ru

Шкурская Екатерина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова»

358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11

E-mail: kateshkurskaya@yandex.ru

Shkurskaya Yekaterina Alekseyevna – PhD in Philology, associate professor of the Russian Language and General Linguistics, Russian and Foreign Literature Chair of B.B. Gorodovikov Kalmyk State University

11 Pushkin Street, Elista, Kalmyk Republic, Russia, 358000

E-mail: kateshkurskaya@yandex.ru

Условия публикации материалов в научном журнале «ВЕСТНИК ПГУ»

Научный рецензируемый журнал «Вестник Пятигорского государственного университета» (ISSN 2542-0747) (прежнее название «Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета», ISSN 2071-6001) издается ежеквартально с 1996 года. С апреля 2008 года журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (№ 298).

С апреля 2009 года журнал включен в Российский индекс научного цитирования; полнотекстовые версии журнала размещены на платформе РИНЦ, а также представлены в международных системах INDEX COPERNICUS, EBSCO и Ulrich's Periodicals Directory. К рассмотрению принимаются статьи, отражающие новые научные взгляды, значимые результаты и достижения фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области гуманитарных наук и междисциплинарных предметных областей по следующим основным разделам:

- вопросы теоретической и прикладной лингвистики, литературоведения и журналистики;
- теория педагогики и история педагогической мысли;
- теория и методика обучения межкультурной коммуникации;
- политология, геополитика и проблемы международной безопасности,

а также рецензии (4-5 стр.) и сообщения из научной жизни (хроника совещаний, симпозиумов, конференций, семинаров и др. – до 6 стр.).

По предварительному согласованию с редакцией журнала к публикации также принимаются анонсы всероссийских и международных конференций, симпозиумов и семинаров.

При приеме и рецензировании представляемых материалов редакционная коллегия и редакционный совет **предоставляют безусловный приоритет статьям, выполненным по лингвистике (филологии), литературоведению, теории и истории педагогики, методике обучения межкультурной коммуникации и политологии**, так как данные сферы научных исследований являются профильными для журнала.

Все представляемые материалы подлежат обязательной проверке на наличие некорректных заимствований. **Не допускается направление в редакцию работ, которые опубликованы и/или приняты к печати в других изданиях.**

Публикационная этика

Редакционный совет и редакционная коллегия журнала «Вестник Пятигорского государственного университета» в своей деятельности строго руководствуется сводом этических норм, изложенных в:

- рекомендациях Комитета по этике публикаций – Committee on Publication Ethics (COPE) и Кодексе этики научных публикаций;
- положениях, принятых на II Всемирной конференции по вопросам соблюдения добросовестности научных исследований (Сингапур, 22-24 июля 2010 г.);
- рекомендациях Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ);
- части IV Гражданского кодекса Российской Федерации.

Редакция журнала призывает авторов **придерживаться следующих этических принципов при подготовке и подаче материалов для публикации:**

- предоставление оригинальных, достоверных, обоснованных и верифицируемых результатов собственных научных исследований;
- оформление заимствованных фрагментов ранее опубликованных научных работ (включая собственные работы автора(ов)) с обязательным указанием автора и первоисточника;
- цитирование публикаций, оказавших существенное влияние на формирование авторского взгляда на решаемую проблему;
- минимизация цитирования публикаций, не имеющих прямого отношения к содержанию представляемой статьи;
- недопустимость указания в качестве соавторов лиц, не принимавших участия в получении научных результатов, о которых идет речь в представляемых материалах;
- обеспечение отсутствия конфликта интересов, могущего оказать влияние на объективность и/или достоверность излагаемых в статье научных результатов.

Редакция журнала «Вестник Пятигорского государственного университета» оставляет за собой право **ретракции** уже опубликованных статей в том случае, если будет установлено, что в результате публикации были нарушены чьи-либо права или общепринятые нормы научной этики.

Оплата публикации материалов

Стоимость публикации материалов исчисляется из расчета **750 руб.** за полную/неполную страницу текста с учетом НДС.

Стоимость рецензирования представляемых материалов составляет от **1700 до 2200 руб.**, в зависимости от объема статьи.

Расходы по публикации статьи включают стоимость авторского экземпляра журнала, а также все расходы по его пересылке в любой регион Российской Федерации и СНГ. В стоимость статьи входит также рассылка экземпляров журнала в ведущие библиотеки России, СНГ и мира: *Библиотеку Российской академии наук, Государственную публичную научно-техническую библиотеку Сибирского отделения РАН, Дальневосточную государственную научную библиотеку, Парламентскую библиотеку аппарата Государственной Думы и Федерального собрания, Центральную научную библиотеку Уральского отделения РАН, Cambridge University Library, Oxford University Bodleian Library, The Library of Congress и др.*

Оплата осуществляется **только после** положительного заключения рецензента и внесения в текст статьи всех рекомендованных правок.

Требования к оформлению статей и порядок их представления в редакцию

- Статьи **обязательно** должны быть предпосланы индекс УДК.
- Текст материалов должен быть набран в редакторе Microsoft Word версий 97 и позднее.
- **Объем статьи составляет 12-18 страниц машинописного текста**, напечатанного на странице формата А4 через 1,5 интервала, поля слева – 3 см, сверху – 3 см, справа – 1 см, внизу – 3 см, абзацный отступ – 1 см, шрифт Times New Roman – 14.
- В правом верхнем углу необходимо указать инициалы, затем фамилию автора с выделением жирным шрифтом и курси

- вом, ниже курсивом – место работы, город и страну. **В одном номере журнала автор имеет право публиковаться один раз, второй раз в соавторстве. Рекомендуемое количество авторов одной статьи – не более трех.**
- Ссылки на литературу делаются в тексте статьи в квадратных скобках, с указанием порядкового номера источника в алфавитном списке литературы, помещенном в конце статьи, и номера страницы, например: [2: 192]. Список литературы строго затекстовый, т.е. помещается **после** статьи под заголовком «**Библиографический список**» и оформляется в соответствии с правилами библиографического описания согласно действующему ГОСТ 2008 г. (русскоязычный вариант вместе с зарубежными источниками), **строго по алфавиту**; вначале источники на русском языке, затем иноязычная литература, например:
  1. Зайцев И.В. Дискурсивные практики обыденного политического сознания. URL: <http://www.volsu.ru/> (дата обращения: 20.08.2011).
  2. Мартынова Л.Н. Поэты разных стран. М.: Прогресс, 1964. 357 с.
  3. Петров П.П. Эволюция форм применения ВМФ // Военная мысль. 2006. № 4. С. 64-67.
  4. Сидоров И.П. Лексико-стилистическая вариативность языка: социальный и гендерный аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Саратов, 2006. 198 с.
  5. Фет А.А. Ответ на статью «Русского вестника» об «Одах Горация» // Русские писатели о переводе. Л.: Сов. писатель, 1960. С. 44-57.
  6. Minsky M. A framework for representing knowledge // Frame conceptions and text understanding / Ed. by D. Metzger. N.Y.: Gruyter, 1980. P. 1-25.
- Правила описания одинаковы для всех источников, отечественных и иностранных.
- При рассмотрении материалов редакция отдает предпочтение статьям, в которых имеются ссылки на зарубежные источники (не менее 30% библиографического списка).
- Указание страниц печатных изданий является **обязательным!** У книг, монографий, диссертаций, авторефератов указывается ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО страниц (например, 118 с.; 118 p.), у статей, разделов коллективных монографий указывается НАЧАЛЬНАЯ И КОНЕЧНАЯ СТРАНИЦА (например, С. 35-57.; P. 35-57.)
- Список научных трудов на русском языке должен быть транслитерирован на латинице под названием **Works Cited** после библиографического списка. При транслитерации фамилий и названий источников рекомендуем использовать сайт www.translit.net, параметр BGN.
- **Убедительно просим с особой тщательностью оформлять библиографический список!**
- Постраничные сноски **не допускаются!** В том случае, если статья подготовлена в рамках гранта и/или государственного контракта, просим размещать данную информацию сразу же после заголовка статьи, по центру, размером шрифта 12 пт.
- Печатный вариант статьи сдается или пересылается в твердой упаковке, без сгибов.
- Статьи проходят обязательное рецензирование в редакционной коллегии журнала в соответствии с утвержденным Положением о рецензировании рукописей (<http://vestnik.pglu.ru>). **Публикация и оплата статьи осуществляется только после положительного заключения рецензента-эксперта.** В случае отклонения статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.
- При поступлении в редакцию значительного количества статей их прием в очередной номер (см. График выпуска журнала и представления статей на сайте журнала) может закончиться досрочно.
- Дополнительно к напечатанному варианту должна прилагаться копия статьи на CD-ROM в формате doc, docx, или rtf Microsoft Word, а также (ОБЯЗАТЕЛЬНО отдельными файлами!) сведения об авторе с указанием фамилии, имени, отчества полностью, места работы, должности, ученой степени, ученого звания и полного почтового адреса для пересылки авторского экземпляра журнала, а также аннотация статьи на русском языке объемом не менее 120 и не более 150 слов. Аннотация к статье должна быть информативной, содержательной, оригинальной и четко структурированной в соответствии с логикой повествования. Аннотация включает в себя цель и предмет работы, методы, а также основные выводы и результаты представляемого исследования. Обращаем внимание авторов на то, что аннотация является не менее важным элементом публикации, чем сама статья! Названия файлов на электронном носителе должны быть, соответственно, «Статья.doc», «Аннотация.doc», «Сведения об авторе.doc».
- Подготовка **схем, рисунков, графиков** средствами Microsoft Word **не допускается!** Вставка всех графических объектов в статью должна выполняться из файлов формата .jpg, jpeg.
- **Статьи, не отвечающие перечисленным требованиям, к рассмотрению и рецензированию приниматься не будут!**
- Авторские гонорары за публикацию **не выплачиваются.**
- Рукописи, принятые к рассмотрению, **не возвращаются.**
- Статьи можно также присылать в редакцию по электронной почте! В случае представления статьи по электронной почте пересылка наземной почтой не требуется.
- **Контактная информация для пересылки материалов и оплаты:** 357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9, Пятигорский государственный университет, управление научной работы, редакция журнала «Вестник ПГУ», каб. 604 (администр. корпус). Контактный телефон: (8793) 400-175; (8793) 400-275; e-mail: vestnik@pgu.ru

Все материалы, принятые к публикации в журнале, издаются на основании **Лицензионного договора** с автором (авторами). Кроме того, каждый автор собственноручно заполняет и подписывает Согласие на обработку персональных данных. Договор и форму согласия можно скачать на сайте журнала <http://vestnik.pglu.ru>.

По получении уведомления о принятии статьи к публикации автору необходимо распечатать бланк Лицензионного договора в 2 (двух) экземплярах и Согласия на обработку персональных данных в 1 (одном) экземпляре, заполнить и выслать данные документы наземной почтой в адрес редакции. Окончательное решение о публикации статьи будет принято только после получения оплаты и надлежащим образом оформленных и подписанных Согласия на обработку персональных данных и Лицензионного договора.

По вопросам электронной подписки на журнал и доступа к полнотекстовым версиям статей следует обращаться на сайт ООО «Научная электронная библиотека» www.elibrary.ru.

*Будем рады сотрудничеству с Вами!
С уважением,
редакция журнала «Вестник ПГУ»*

Authors Notice

Terms and conditions of publication

The scientific peer-reviewed journal «Pyatigorsk State University Bulletin» (the former title of the journal – «Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin») has been published quarterly since 1996. Since April, 2008, the journal is included on the list of the leading peer-reviewed scientific periodicals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation Ministry of Education and Science for the publication of main results of PhD and doctoral theses (№298).

Since April, 2009, the journal has been included in the Russian Science Citation Index (RSCI); full-text versions of the journal are available on the RSCI platform, as well as are presented in the international systems of INDEX COPERNICUS, EBSCO and Ulrich's Periodicals Directory. Submitted articles are accepted for consideration if they reflect new scientific viewpoints, significant results and achievements of fundamental and applied studies in the field of humanities and interdisciplinary subject domains in the following main sections:

- Issues of theoretical and applied linguistics and literary criticism;
- theory and history of pedagogy;
- theory and methodology of intercultural communication;
- political science, geopolitics, the issues of international relations;

also accepted are reviews (4-5 pp.) and reports from the scientific life (chronicles of meetings, symposia, conferences, seminars, etc. – up to 6 pp.).

By prior agreement with the journal's editorial board announcements of all-Russian and international conferences, symposia and seminars can also be accepted for publication.

The editorial board and editorial council give priority to the submitted and reviewed articles in the spheres of linguistics (philology), literary criticism, theory and history of pedagogics, intercultural communication teaching methods and political science, as these spheres of research are profile for the journal.

All submitted materials are subject to checking for incorrect borrowings. Any articles that have been published and/or accepted for publication in other editions are not allowed to be submitted to the journal.

Publication ethics and the editorial policy of «Pyatigorsk State University Bulletin»

The Editorial Council and the Editorial Board of the journal «Pyatigorsk State University Bulletin» strictly abides by a set of ethical norms set out in:

- the recommendations of the Committee on Publications Ethics (COPE) and the Code of Ethics for Scientific Publications;
- the provisions developed at the 2nd World Conference on Research Integrity (Singapore, 22-24 July, 2010);
- the recommendations of the Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP);
- Part IV of the Civil Code of the Russian Federation.

The editorial board of the journal strongly encourages all authors to adhere to the following ethical principles while preparing and submitting materials for publication:

- the provision of original, authentic, reliable and verified results of the author's own scientific research;
- the use of borrowed fragments of previously published scientific works (including the authors' own works) with a mandatory reference to the author and the original source;
- the citation of scientific works that have had significant influence on the author's view on the issue under discussion;
- the minimization of the citation of scientific works that do not directly relate to the content of the article;
- the inadmissibility of indicating as co-authors those individuals who did not take part in the process of obtaining scientific results presented in the submitted materials;
- the prevention of the conflict of interest that could affect the objectivity and / or reliability of the scientific results presented in the article.

The Editorial Board of the «Pyatigorsk State University Bulletin» reserves the right **to retract** certain already published articles in the event that the results of publication lead to the violation of third party rights or generally accepted norms of scientific ethics.

Payment for publication

The cost of publishing is 750 rubles per text page (VAT included).

The cost of reviewing of the submitted materials varies from 1700 to 2200 rubles depending on the volume of the article.

Publication costs include the cost of the author's hard copy of the journal, as well as all the costs of its delivery to any region of the Russian Federation and the CIS. The cost also includes the delivery of the copies of the journal to the leading libraries of Russia, the CIS and the world: the Library of the Russian Academy of Sciences, the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, the Far Eastern State Research Library, the Parliamentary Library of the Russian State Duma and Federal Assembly, the Central Scientific Library of the Urals Branch of the Russian Academy of Sciences, Cambridge University Library, Oxford University Bodleian Library, The Library of Congress, etc.

Payment should be carried out only after a positive verdict of the reviewer has been received and all recommended revisions have been made in the text.

Requirements for the articles and guidelines for their submission to the editorial board

The text of the article must be preceded by the UDC index.

The text of materials should be typed in the Microsoft Word 97 word processor or later versions.

The recommended volume of the article is 12-18 A4 pages of typewritten text, with 1,5 line spacing, margins as follows: left – 3 cm, top – 3 cm, right – 1 cm, bottom – 3 cm, paragraph indent – 1 cm, Times New Roman font – 14 pt.

The top right hand corner must contain the initials and surname of the author(s) in bold type and italics, and below the place of work,

city and country in italics. The author has the right to be published once in one issue of the journal and to co-author one more article in the same issue. The recommended number of authors in the article is no more than three.

References to the list of literature must be made in square brackets in the text of the article, indicating the number of the source in the alphabetical list of literature placed at the end of the article, and page number, for example: [2: 192]. List of the works cited is strictly endnotes, i.e., it should be placed after the text of the article under the title «Bibliographical list» and be made in accordance with the rules of bibliographic description according to the functioning State Standard of 2008 (the Russian-language variant with the foreign sources), strictly in the alphabetical order; firstly, the sources in the Russian language, then the literature in the foreign language, for example:

1. Zaitsev I.V Discursive practices of ordinary political consciousness. URL: <http://www.volsu.ru> (the date of access: 20.08.2011).
2. Martynova L.N Poets from different countries. M.: Progress, 1964. 357 p.
3. Petrov P.P. The evolution of the forms of the Navy use // Military Thought. 2006. № 4. P. 64-67.
4. Sidorov I.P. Lexical and stylistic variability of the language: social and gender aspects: PhD Thesis in Philology: 10.02.19. Saratov, 2006. 198 p.
5. Fet A.A. The response to the article «The Russian Messenger» of the «Odes of Horace» // Russian writers about the translation. L.: Sov. writer, 1960. P. 44-57.
6. Minsky M.A. The framework for representing knowledge // Frame conceptions and text understanding / Ed. by D. Metzger. N.Y.: Gruyter, 1980. P. 1-25.

Description rules are the same for all sources, both Russian and foreign ones.

While considering materials, the Editorial Board prefers articles with references foreign sources (not less than 30% of the bibliography).

The indication of the correct number of pages of printed sources is obligatory! In books, monographs, theses and author's abstracts you should indicate the TOTAL NUMBER of pages (for example, 118 p.), in articles, chapters of collective monographs you should point out the numbers of the INITIAL AND FINAL PAGES (for example, P. 35-57).

The list of scientific publications in the Russian language should be transliterated in the Latin alphabet under the «Works Cited» title after the bibliography. We recommend to use the web-site www.translit.net with the BGN parameter during transliteration of the names and titles of the sources.

We kindly ask you to make the bibliography with utmost care!

Footnotes are not allowed! In case if the article represents the results of a grant and/ or of a government contract, we ask you to post this information right after the title of the article, in the center, with the 12 pt font size.

The printed version of the article should be send to the Editorial Office in a hard package without folds.

All articles are subject to mandatory peer review in the Editorial Board in accordance with the approved Regulations on reviewing manuscripts (see the web-site of the journal <http://vestnik.pglu.ru>). The publication of the article and payment are carried out only after the positive verdict of the expert reviewer. In case of rejection of the article, the Editorial Board gives the author a motivated refusal for publication.

The acceptance of articles into a current issue may be completed earlier in the event of the receipt of a considerable number of articles by the Editorial Office (see «Schedule of the journal issue and submittal of articles» available on the web-site of the journal).

The printed version of the article should be send with its electronic variant on a CD-ROM disc in .doc, docx or .rtf Microsoft Word formats, as well as the information about the author including their full surname, name, patronymic name, workplace, position, academic degree, academic rank and full mailing address, required to send the author's copy of the journal, as well as the summary of the article in the Russian language (all these files MUST be recorded on disk and sent separately!). The volume of the summary should be from 120 to 150 words.

The summary of the article should be informative, meaningful, original and clearly structured in accordance with the logic of the narrative. The summary includes the purpose and subject of the article, methods, as well as the main conclusions and results of the represented research. We would like to draw the authors' attention to the fact that the summary is no less an important element of the publication than the article itself! The file names on the electronic medium should be as follows: «Article.doc», «Summary.doc», «Information about the author.doc».

The preparation of schemes, drawings and graphs in Microsoft Word is not allowed! Insert all the graphic objects in the article from a file in the .jpg (.jpeg) format.

The articles that do not meet these requirements will not be considered or reviewed!

The author's fees are not paid for the publication.

Manuscripts that have been accepted for the reviewing process are not returned.

The articles can also be sent to the Editorial Office by e-mail! In case of using e-mail you do not need to send the article by regular post.

Contact information for sending materials and payment: 9 Kalinin Ave, Pyatigorsk, Stavropol territory, Russia, 357532, Pyatigorsk State University, Scientific Research and Development Department, the Editorial Office of Pyatigorsk State University Bulletin. Contact telephone numbers: (8793) 400-175; (8793) 400-275; e-mail: vestnik@pgu.ru.

All the materials accepted for publication in the journal are published on the basis of the License agreement with the author (authors). Besides, each author fills in and signs with their own hands the Agreement to the personal data processing form. The forms of the agreements are available on the web-site of the journal <http://vestnik.pglu.ru>.

Upon receipt of the notification of acceptance of the article for publication the author should print out 2 (two) copies of the License agreement form and 1 (one) copy of the Agreement to the personal data processing form, fill them in and send these documents by post to the Editorial Office. The final decision about the publication of the article will be made only after the receipt of payment, the License agreement and the Agreement to the personal data processing properly completed and signed. If you have any questions about the electronic subscription to the journal and access to the full-text versions of articles, please, refer to the web-site of the Scientific Electronic Library www.elibrary.ru.

We are looking forward to cooperating with you!

Sincerely yours,

the Editorial Board of Pyatigorsk State University Bulletin

Главный редактор **З.А. Заврумов**

Технический редактор **В.В. Айрапетова**

Корректор **Е.С. Данилова**

Компьютерная верстка **М.В. Поповой**

Аннотации **А.В. Раздуева**

Журнал «Вестник Пятигорского государственного университета»

Учредитель:

Пятигорский государственный университет

Свидетельство о регистрации СМИ

ПИ № ФС77-67349 от 05.10.2016 г.

выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2542-0747

Индекс в каталоге «Роспечать» – **47192**

*(прежнее название – «Вестник Пятигорского
государственного лингвистического университета»)*

Дата выхода в свет 29.03.2019. Формат 60х90/8. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 39. Уч.-изд. л. 36,26. Тираж 500 экз. Свободная цена. Заказ № 49.

Адрес редакции, издателя, типографии: 357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9.
Телефон: (8793) 400-555, (8793) 400-175. E-mail: vestnik@pgu.ru.